

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 5

Москва 2013–2014

ББК 63.3 (2)
Т 86

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *Ю.И. Игрицкий* – канд. ист. наук, *В.Н. Листовская* – отв. секр., *Е.И. Пивовар* – чл.-корр. РАН, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д. Свак* – проф. (Венгрия).

Ответственный за выпуск – *В.Н. Листовская*

Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
Т 86 Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – Вып. 5. – М., 2014. –
514 с.
ISBN 978-5-248-00778-3

Центральное место в очередном выпуске «Трудов по россиеведению» занимают политико-юридические и исторические сюжеты. Особое внимание уделяется конституционно-правовой проблематике (в связи с двадцатилетием Основного закона РФ), а также осмыслению Первой мировой войны – её хода, роли и последствий для мировой и российской истории. Издание продолжает разработку теоретических аспектов россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3 (2)

Содержание

О содержании «Трудов...» и некоторых очередных задачах россиеведения. (От редактора)	6
À la recherche du temps perdu: Исторические юбилеи 2013–2014 гг.	21
Россия в зеркале русской поэзии	35

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. Пивоваров

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»?	47
---	----

О статье Леонида Люкса (Ю.С. Пивоваров)	101
--	-----

Л. Люкс

Евразийство и консервативная революция: Соблазн антизападничества в России и Германии	103
--	-----

И.Г. Шаблинский

О политическом режиме, новом консерватизме и партийности в России 2000–2010-х	122
--	-----

В.Н. Чернега

Россия и ЕС: Проблема исторического выбора	140
--	-----

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

И.И. Глебова

О Великой войне, национальной мифологии и современном российском обществе	157
--	-----

А.В. Оболонский

Из истории российско-советской бюрократии: Упущенные возможности, невыученные уроки	171
--	-----

В.В. Рулинский

«Проблема вины» в контексте преодоления тоталитаризма: О пользе не- мецкого опыта	186
--	-----

Дискуссии об истории в России 2014 г.	209
Венгерские историки об исторических дебатах в России	210
Послесловие к венгерскому обсуждению русских вопросов (В форме диалога: Ю.С. Пивоваров – И.И. Глебова)	226
«Смесь»: Установки и мнения	232

И.И. Глебова

Об учебнике истории и о мобилизационной идеологии	244
---	-----

Ю.И. Игрицкий

Кому нужны коллизии между научностью и патриотизмом: Об одной исторической работе и одной исторической дискуссии	250
--	-----

А.Б. Каменский

Еще раз о преподавании истории в школе: Предварительные ответы на неизбежные вопросы	256
--	-----

ЮБИЛЕЙ: 20 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РФ

М.А. Краснов

На пути к деперсонализации российской власти: Изменение статуса главы государства	269
---	-----

И.Г. Шаблинский

Судебная власть и политический режим в России: Некоторые аспекты взаимодействия	294
---	-----

Е.А. Лукьянова

О верховенстве права и о российской внешней политике	303
--	-----

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.И. Глебова

Еще один камень в фундамент российской идентичности: Вспоминая «забытую» войну	329
--	-----

В.П. Булдаков

Модернизация по-русски: Опыт Первой мировой войны	348
---	-----

О.В. Большакова

На Восточном фронте без перемен: Зарубежная русистика о гендерной истории Первой мировой войны в России	383
---	-----

Образ врага в сознании русских и немцев в годы Первой мировой войны (Сводный реферат)	397
--	-----

СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА РОССИЕВЕДЕНИЯ

К двадцатилетию российской Конституции	409
Россия в эпоху безвременья	446

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Г. Шульпяков

Памяти девяностых: Когда каждый получал только то, что заслуживал	475
---	-----

А. Ципко

И снова жажда лжи	477
Украинский разрез российского будущего	483
Ментальная яма	490

Л. Петрановская

Расплата за гражданскую незрелость	495
Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина	500

В. Астафьев

«Мы не на земле живем – на мешке с костями»	505
Сведения о авторах	512

**О СОДЕРЖАНИИ «ТРУДОВ...» И НЕКОТОРЫХ ОЧЕРЕДНЫХ
ЗАДАЧАХ РОССИЕВЕДЕНИЯ**
(От редактора)

Поначалу намерение объединить два выпуска «Трудов по руссиеведению» – 2013 и 2014 гг. (впервые в нашей практике: в 2009–2012 гг. издание выходило каждый год) – было связано с техническими причинами. Однако события этих двух лет неожиданно дали такому решению иное обоснование. Не сомневаюсь, что 2013–2014 гг. есть не только веха послевоенной эпохи, но и шире: российской истории. Эти годы поставили перед русским человеком, обществом и властью центральные вопросы: о свободе и порядке, войне и мире, национальных интересах, задачах, перспективах. И ответы на них получены; они уже определили наше ближайшее будущее.

Нам еще предстоит серьезное объективное исследование того, что произошло с Россией в короткий срок – с осени 2013 до конца 2014 г. Но общий смысл случившегося (а значит, и возможные последствия) понятен. Для разъяснений обратимся к известной книге одного из выдающихся западных исследователей России Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики»¹. Размышляя о том, как в середине XIX в. в России возник новый консерватизм, имевший националистические, а в более крайних случаях – шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты, и проповедовавший антизападничество, Пайпс указывал на влияние польского восстания 1863 г. «Как и предшествовавшее ему восстание 1830–1831 годов, оно задело русское национальное чувство, поскольку было истолковано не как законная попытка народа с многовековой историей вернуть себе независимость, а как европейская атака на Россию, – пишет Пайпс. – ...Это в огромной степени способствовало появлению крайнего национа-

¹ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с. – (Библиотека «Либеральная миссия»).

лизма и усилению ощущения, что только самодержавие сможет сохранить целостность страны»¹.

Украинское восстание 2013–2014 гг. оказало приблизительно такое же влияние на Россию (скорее, психологическое и политическое, чем интеллектуальное). Попытка Украины окончательно утвердить свою европейскую идентичность (в противоположность советско-российской), свою отдельность от России, завершив тем самым процесс строительства независимой государственности и равноправной нации, задела русское национальное чувство. Потрясение от украинского выбора, воспринятое как предательство (всего: общей истории, общей повседневности, общей победы в Великой войне, общих дел «элит», общих проблем и бед народов и т.д.), способствовало окончательному оформлению в России крайнего национализма, построенного на антизападничестве и имеющего ярко выраженные шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты². Он носит оборонительный характер и оттого особенно агрессивен.

Киевский майдан, остановивший историческое дело «воссоединения Украины с Россией» (символично: в 2014 г. ему как раз минуло 360 лет), сплотив подавляющее большинство российского населения, охваченного националистическим порывом, вокруг «президентского самодержавия». Единение вокруг трона – наш аналог американского сплочения вокруг флага – было вызвано нараставшим (поддержанным и многократно усиленным СМИ) ощущением того, что украинский выбор (на Запад – значит против России) угрожает самому существованию страны. Победоносная операция под кодовым названием «Крым – наш» и затяжное противостояние на востоке Украины отчасти сняли и эти страхи, и опустошающее осознание собственного одиночества.

Уязвленная национальная гордость, украинское предательство и западная (американо-европейская) угроза превратили «великоросса» в националиста, заставили забыть о том, что еще вчера он был советским человеком, т.е. убежденным интернационалистом. Лидером же националистического движения стало «самодержавие», своей украинской политической нейтрализовавшее всех общественных конкурентов – творцов и глашатаев постсоветского русского национализма³. Благодаря этому

¹ Пайпс Р. Указ. соч. – С. 154, 159.

² Последнее – вовсе не оговорка, хотя риторика противостояния «жидобандеровцам» вроде бы этому противоречит. Антисемитизм в России и СССР (да и не только здесь) всегда был спусковым крючком для крайнего, т.е. погромного, национализма. Его основной тезис: спасай Россию! Как – всем у нас известно.

³ Ответом на падение коммунизма могли быть у нас либо либерализм, либо национализм. Либеральный (или либерально-социал-демократический) выбор стал бы для России и выбором в пользу Европы. Посткоммунистический национализм в принципе мог быть окрашен в разные тона. Но из 90-х, с их странным сочетанием лучших намерений, опыта свободы, вседозволенности, экономического произвола и торжества социальной

социальная база национализма невероятно расширилась. Теперь почти вся страна – самодержавный «народный фронт», а все националисты-общественники – не более чем идеологическая обслуга (или попросту «медиакричалки» – возбудители ненависти) народного самодержавия/самодержавного народа.

Наконец, украинское восстание привело к окончательному размежеванию российского общества – на сторонников и активистов нового «народного фронта» и его противников: явных (публично заявивших о своей позиции, т.е. обнаруживших себя) и потенциальных (затаившихся, несоморазоблачившихся, воздержавшихся). Собственно, так и должно было быть.

Украинский вопрос (чем быть Украине, какую ориентацию выбрать?) является в то же время вопросом русским: кто мы, чем будет Россия? Ведь остаться без Украины, по существу, означает окончательную ликвидацию сферы послеэзэсовского геополитического влияния, замыкание в собственных границах и, что хуже всего, полное одиночество (без друзей и союзников¹). Ответ большинства россиян «озвучила» (одно из главных слов новорусского лексикона, странное и неадекватное для обычного русского уха) власть: раз Украина – не Россия, то Россия – не Европа. Более того, Россия – анти-Европа: есть наш, русский, мир, и он против вашего². Это именно общий ответ (его, в случае чего, не списать на безответственность власти), о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Антизападнические настроения россиян к концу 2014 г. побили все прежние рекорды: около 80% отрицательно относятся к США, видя в них угрозу, и около 70% – к ЕС.

Воинствующее антизападничество стало основой нового исторического консенсуса российского общества и российской власти, сменившего «пакт о стабильности» рубежа 1990–2000-х. Очевидно: его следствием будет не какой-то вариант «восточничества» (и придание образу России со-

несправедливости, должен был выйти национализм защитно-компенсаторного толка, т.е. реакционный и антизападнический (это вещи неразрывные – у нас реакция всегда имеет антизападнический характер). Тенденции к национализации либерализма и либерализации национализма потерпели в современной России окончательное поражение.

¹ Дружба всех народов СССР и стран соцлагеря, одной из основ которой было противостояние «капиталистическому Западу», закончилась с СССР. Ее сменила риторика «общих интересов и традиционных связей», но не сами эти связи и интересы. На идеи союзничества с Западом, «осенявшей» перестроечные и 1990-е годы, поставила крест Украина. Правда, украинский кризис – итог «большого пути», пройденного в последние 20 лет и нами, и Западом. И мы, и они все эти годы упорно шли в разные стороны, девальвируя капитал разрядки/сотрудничества, накопленный в советские и постсоветские времена.

² Речь идет об окончательном – на данный исторический момент – размежевании. Теперь имеются бессознательные «мы» – и «они», т.е. союз наиболее передовых (в экономическом, технологическом отношениях, в смысле качества жизни и проч.) стран. Наш единственный ресурс в этом противостоянии – армия и флот. Так, во всяком случае, утверждают осведомленные люди (при этом ссылаются на Александра III – если образование позволяет).

ответствующих – по официальному определению, евразийских – черт), а новый приступ изоляционизма.

Из этого властенародного консенсуса выпадает немалая часть общества – его наиболее вестернизированные слои (не составляя социального единства, они прославляют всю социальную ткань, т.е. являются не слоем, а «прослойкой» – как советская интеллигенция). Новые националисты считают их чуждыми «традиционным российским ценностям». Отчасти это верно – они действительно чужды традиции изоляционизма. Но, как известно, «традиционно русское» этой склонностью не исчерпывается.

В российской истории европеизм занимает столь же сильные позиции, как и антизападничество. Да, России свойственна антиевропейская тяга, какая-то даже необходимость время от времени почувствовать себя не-Европой, побыть вне и без цивилизованного мира – в одиночестве. Исторически это проявлялось по-разному. В советские – точнее, в сталинские – времена выкристаллизовалось стойкое антизападничество, что в значительной мере объяснялось антимодернизмом сталинского «проекта» (сталинский СССР – это выпадение из *modernity*, т.е. из современности, в основе своей культурно-ментальное). Но чем больше СССР становился *послесталинским*, тем сильнее было ощущение, что если не пространственно и властно, то уж культурно мы все-таки Европа. Европейские (читай: антиизоляционистские и в этом смысле антисоветские: советский «проект» был изоляционистским – отсюда его постоянная потребность во врагах, милитарный пафос противостояния/чуждости всему миру) ориентации возобладали на «1/6 части земного шара» в перестроечные и в 1990-е годы.

Россия 2000–2010-х унаследовала от поздне- и послесоветских времен массу людей, вестернизированных не в потребительском лишь отношении (вот тут уж мы точно – европейский продукт, наши современные вид и быт – следствие импорта европейских образцов), но и в культурно-ментальном. Для этих россиян проповедь антизападничества чужда и непонятна, потому что они не только считают себя европейцами, но и в значительной степени являются таковыми. В их мировоззрении национальное чувство соседствует с космополитизмом (т.е. с тем, что противоположно воинствующему изоляционизму), ощущением своей принадлежности к европейской культуре. Их патриотизм окрашен в культурные и гражданские тона. Они предпочитают мирное сосуществование (во всех смыслах и видах) фронтам, агрессии, милитаризму. Поэтому инстинктивно сторонятся нового националистического консенсуса, видя в нем угрозу себе, своему образу жизни, а также общему (российскому) будущему.

По существу, антизападничество/изоляционизм/национализм (как форма русского имперства) – ответ России 2000–2010-х, т.е. страны, оправившейся от исторического потрясения, определившейся, со сформировавшейся «массовой волей» (в смысле: волей масс), позднему СССР, а также перестроечному, горбачевско-ельцинскому прошлому. Эта Россия отказывается от главного в позднесоветско-перестроечном наследии – от настоятельной потребности открыться, войти в мир, быть его частью, во взаимодействии с ним искать новые источники для развития. Заодно прощается со всей мировоззренческо-ценностной атрибутикой, которая должна была обеспечивать – и некоторое время делала это – движение в мир и соответствующие этому изменения внутри страны.

Демонтаж оттепельно-перестроечного наследия (традиционно радикальный: по принципу «отречемся от старого мира») шел в последние почти два десятилетия по двум линиям. Прежде всего, по частной, «субъективной». Из публичного поля пропали почти все перестроечные «выдвиженцы» (из разных сфер – политики, экономики, науки, культуры), обществом отторгаются те типы личности («модальные личности») и образцы социального поведения, которые возобладали в перестройку и 90-е. Можно сказать, что новой Россией, возникшей на месте СССР (а это именно *путинская* Россия), отрицается тип свободного человека, все формы его самовыражения. Кроме того, первая половина 2010-х стала пиком отрицания демократического «проекта» на мировоззренческом уровне (т.е. его отрицания по существу). А значит, это неизбежно должно было приобрести – и приобрело – политические, экономические, культурные и прочие формы. Из России 2010-х изгнаны темы свободы, гражданской ответственности, самостоятельной солидарности. Современная русская жизнь строится на прямо противоположных основаниях.

Строится, надо сказать, органически – снизу вверх. Но в оформлении этой привычно-органической коллективной тяги – к жизни в несвободе (изоляционизм, безусловно, рамка, способ оформления такой жизни) – большая заслуга нынешней власти. В последние двадцать лет «верхи», немало потрудившись, вернули все, что потеряли в 90-е: контроль над политикой, экономикой, культурой, сознанием и поведением «народных масс». Они вновь – руководящая и направляющая сила нашего общества. При этом «новые управленцы» обошлись без всяких КПСС (а также комсомолов, профсоюзов и других массовых организаций). Однако активно эксплуатировали советское наследие – во всех отношениях: разведанные запасы углеводородов и прочие «богатства недр», советские здания и учреждения, советское кино, врожденную способность миллионов людей мыслить по-советски и т.п. То есть употребили себе на пользу и «базис», и «надстройку».

Для новорусских элит 1990-е действительно оказались провальными, а 2000–2010-е – победными. Они восстановились как «господствующи-

щий класс», т.е. вернулись к традиционному типу самореализации, традиционной модели взаимодействия с народом (в режиме «правлящие-подвластные»). В то же время «верхи» сняли с себя многие прежние (исторические) ограничения и приобрели тем самым новые преимущества. Не случайно в качестве основы легитимности они выбрали главную историческую русскую победу – 1945 год: победители могут быть наследниками только победителей. Здесь же – их ценностная, идеологическая смычка с народом, из которого они вышли и от которого теперь страшно далеко (в потребительском, экономическом отношении).

Типологически строительство новой русской социальности напоминает переход от послереволюционных 1920-х к сталинскому СССР. «Сталинское» – органика, основа, суть советской системы, здесь ее народные начала. А двадцатые – время переходное, органичное для разного рода «меньшинств», допускавшее некоторый выбор и разнообразие. И как раз в этом смысле – антинародное. Несмотря на то что именно в такие, переходные, неорганичные для традиционной русской социальности, эпохи формируется гораздо больше возможностей для самореализации человека, чем в периоды разного рода «хождений строем», закрепощений. Вне тотальных ограничений/запретов/принуждений, собственно, и рождаются, и самоутверждаются традиция/традиционное. К примеру, в 1920-е русская деревня, отказавшись от тех форм, что предлагала ей царско-виттевско-стольпинская, образованная и европейская Россия, ответил на предложения революции, вновь обустроилась на общинных основаниях. Ничего более традиционного и органичного и придумать нельзя. Но в 1930-е народная власть выбила крестьянство с выбранного им пути. И окончательно утвердилась в отношении к народу как к биологически бесконечному («массе», простому множеству), сделав это основой своей политики.

Тем не менее 1930-е и 2000–2010-е – в равной степени плод и народной воли. Нынешняя публичная риторика о праве большинства (на все) и бесправии тех, кто в эпоху «окончательного народного самоопределения» оказался в меньшинстве, в этом смысле не случайна. Эпоха 1990-х с ее тягой к либерализации, перестройке советской социальности на основе культурной, гуманизирующей традиции (эта тяга не раз проявляла себя в русской истории, а потому столь же традиционна, как и тяготение к самодержавно-крепостническим порядкам) – действительно проходная на народном пути.

Но вот что интересно. Для исторической легитимации отрицания времен перестройки/реформ нам не хватило обращения к «брежневскому СССР» или легенде «андроповского поворота». (Хотя это оправдано и с исторической, и с символической точек зрения: «застой» и «революция сверху» суть альтернативы «революции снизу» – против системы и за свободу, безусловно, имевшей место на рубеже 1980–1990-х.) Чтобы убить 90-е

в себе, современной России потребовался «Сталин»: и соответствующий опыт («нормализация»)/оправдание террора – всегда разрешение на насилие), и мифология торжествующего тоталитаризма (это нелюбимое у нас слово употребляется здесь именно в мифологическом значении – как название для системы, где тотальная народная воля слилась с тотальностью народной власти). То есть отказ от перестроечно-демократического наследия, ориентирующего на всемирность/европейскость России, потребовал предельной (по своим внеморальности и антиэстетизму) легитимации. И дело здесь не только в яркости, интенсивности, привлекательности, энергетике того, в полном смысле слова перестроечного, времени. В том лучшем, что в нем было, оно соответствовало современности – стремлению к устройению мира на тех началах, которые были бы более щадящими по отношению к человеку, нормализовывали его жизнь, гасили в нем худшее.

Никто тогда не знал, как это сделать, но такое намерение, массовая воля к такой перестройке были. И это естественное стремление, по-человечески понятный выбор. Теперь народная воля торит у нас дорогу в каком-то другом направлении. Уже сейчас ясно: на этом пути нация может забыть одно из главных, выстраданных исторических ощущений – переходившее из поколения в поколение переживание войны как катастрофы, трагедии, ужаса. В советском человеке «сидел» страх войны – как внутренней, так и внешней. Источниками этого страха были Гражданская и особенно Отечественная с их многомиллионными жертвами. И на властвующих, и на подвластных страх войны оказывал сдерживающее воздействие: в послевоенном (и, конечно, постсталинском) СССР, несмотря на всю его милитарность, никто не хотел воевать. Уже навоевались.

Постсоветский человек подзабыл «старые» страхи, хоть это и стыдно, и невозможно – после таких-то жертв. Победный милитаризм стал для него лекарством от новых. Наш человек и до Украины был не прочь повоевать – чтобы уважали, чтобы боялись, чтобы понимали: все, что вышло из СССР (ну, почти всё), – наше; свое нынешнее постимперкопостсверхдержавное положение мы оцениваем как унижительное. Украинская «гражданская» принесла войну в Россию.

В 2014 г. война из идеи, образа, возможности превратилась в реальность; с помощью СМИ вошла в каждый дом, сопровождает повседневную жизнь миллионов людей. Иначе говоря, война из внешней стала внутренней; политика власти и общественные отношения все больше определяются формулой: кто не с нами – тот против нас. Ничего нового здесь нет – так в нашей истории уже было. За несколько месяцев 2014 г. мы прошли путь, очень напоминающий дрейф постимператорской России от февраля к октябрю 1917 г. В стране создана атмосфера, в которой возможно все.

Пока неясно, какие конкретные формы примет эта гражданская, кто попадет под «санкции» (внутренние – от «фронтового» сообщества). Но в самом общем смысле перспективы очевидны. В конце 1980-х годов в СССР был демократический подъем – и произошла демократическая революция. В России середины 2010-х налицо реакционный подъем – а значит, вероятен реакционный переворот.

Вот тот контекст нашей жизни, от которого никуда не уйти и который подлежит постоянному обсуждению. Мы убеждены, что вне определенной точки зрения на происходящее сейчас в России и в мире¹ невозможно толкование ни нашей современности, ни нашего прошлого. Без этого бессмысленно (лишено социального значения) любое интеллектуальное высказывание. Поэтому нам было важно представить читателю нашу позицию, наше видение этого контекста.

События 2014 г. заставляют нас скорректировать то понимание задач россиеведения, которое было сформулировано в первом выпуске «Трудов ...». В 2009 г. и представить себе было невозможно такой вот поворот русской истории. В общем, и тогда было ясно, что прощание с коммунистическим прошлым оказалось крайне сложным, длительным, болезненным. Но мы, конечно, не понимали и по объективным причинам не могли понять, что выход из коммунизма станет входом в новый полицейский авторитаризм, что русский транзит превратится во что-то вроде пересылки из одного лагеря в другой. Точнее, из лагеря – в поселок расконвоированных: режим помягче, но места пребывания все те же – заключение.

Социальная наука и россиеведение, как одно из ее направлений, при всем разнообразии позиций и подходов исходили из презумпции, что после тоталитаризма на разных скоростях и с разной мерой успеха общества двинутся в сторону демократии. Это состояние трудно определить в строго научном смысле. Слово «демократия» весьма расплывчато. В нем налицо и туманность, и метафоричность. Но все же очевидно: демократия – антипод тоталитаризму с его террором и отсутствием свободы.

События 2014 г. сломали эту парадигму, этот своеобразный общественный договор, эту надежду. Оказывается, после тоталитаризма можно выйти на станции под названием «полицейский авторитаризм» и даже, если граждане возжелают, пересест на поезд, идущий на станцию «новый тоталитаризм». Соответственно, россиеведение, как попытка понимания России, должно работать над этой темой. Если работа окажется успешной,

¹ В «украинской истории» мир, кстати говоря, вторичен, выступает в роли «ответчика» – вызов формирует Россия. Кажется, мы вновь ньюсмейкеры. Это, безусловно, тешит национальную гордость.

то она станет каким-никаким противостоянием и противодействием движению в этом направлении.

В рамках объединенного выпуска мы хотели посвятить 2013 год 400-летию династии Романовых, а 2014-й – началу Первой мировой войны. Юбилейный «романовский» раздел в сборнике не получился. Это и понятно: безусловно, важнейшая дата отечественной истории – 400-летие Дома Романовых – сегодня по-настоящему никого не волнует. Конечно же, ведь «Романовы» – это не династия, это история новой России. «Новой» я называю ту Россию, которая из древности, из предыстории, из своего беспамятства постепенно переходила в современное состояние: становилось страной с современным устройством государства, экономики, политики и проч., с современным обществом, с современной, мирового уровня культурой. Рассказ об этом В.О. Ключевский считал нашей автобиографией. Жаль, но сейчас России не до истории этого перехода, этого превращения.

1914 год получил отражение в данном выпуске «Трудов», но не в том смысле, который мы предполагали. Одна из причин: столетие Первой мировой не стало тем, чем должно было стать для нашей страны. А ведь это событие – рубежное, в каком-то смысле даже решающее. Именно 2014-й создаст рамку общественного восприятия 1914–1918 гг. в России – и, видимо, надолго. История той («забытой») войны закрепится в нашей памяти так, как мы «прочитаем» ее сейчас.

Юбилей мог (более того, должен был) послужить тому, чтобы русские вспомнили: сто лет назад их предки были вынуждены участвовать в войне, которая и по сей день определяет существование человечества. Мы ведь еще до конца не поняли, что именно из Первой, а не из Второй мировой войны вырос наш мир. Сегодня модно рассуждать на тему: можно ли было избежать Первой мировой? Что нужно было для этого сделать? С одной стороны, эти вопросы кажутся чуть ли не бессмысленными. Наверное, да, но ведь не избежали. Убедительно ответить на вопрос «почему?» не могут ни профессионалы-историки, ни политики. Невозможно перенести опыт той эпохи в нашу. С другой стороны, только этот вопрос в действительности и является актуальным: зная, *что* произошло сто лет назад, понимаешь, *как* не допустить повторения.

Однако наше видение Первой мировой по-прежнему определяет не сущностное, а текущее, «заказное». Юбилей ушел на решение большой государственной задачи – превращения войны, которую мы полагали империалистической (захватнической, преступной), в Отечественную: оборонительную, справедливую, народную, героическую. Первая мировая как мостик между 1812 и 1941–1945 гг. – вот по существу формула нынешнего отношения к той войне. В ней мало от истории – она служит идеологии.

И в этом смысле юбилейный год ставит перед нами еще один вопрос: в какой связи находятся у нас история и память? Представляется, что для россиянина это важный теоретический вопрос. В самом общем виде ответ на него понятен – и он не особенно радует. «Обращая» историю в память (вполне естественная социальная операция), мы, русские, каждый раз демонстрируем, что не стремимся сохранить наследие, понять прошлое, обратить это понимание на обустройство настоящего. Нам свойственно попадать в плен актуальных представлений о «пройденном», обуловленных не исторически, а политически.

Характерно, что современная Россия, самоопределяясь во времени, перекидывает мостик не в будущее, а в прошлое. В этом ее принципиальное отличие от «советского проекта» и от *постсоветских* 90-х. При этом, оглядываясь назад, мы применяем неточную, «сбитую» оптику: более чем когда-либо, готовы перекрыть всю свою историю воспоминаниями, составляющими русскую гордость, представить прошлое сплошной летописью побед и свершений. Особенно показательным в этом смысле отношение к XX в.: ставя перед нами болезненные, страшные, неразрешимые даже вопросы, эта история сопротивляется «оптимизации», улучшению, героизации. Но столетие Первой мировой еще раз продемонстрировало: «переделка» прошлого – в воображении, памяти – будет продолжаться.

Мы не готовы извлекать смыслы/уроки из истории; эта работа в настоящее время лишена социального значения. Память для нас – как волшебное зеркало: работает по принципу позитивного искривления, показывает только лучшее. Неадекватность отражения мало кого смущает; главная задача момента – нравиться себе. Это желание кажется вполне естественным, но в социальном отношении оно порочно. Опьяняюще-расслабляющий, дурманящий эффект «кривого зеркала» краткосрочен: рано или поздно придется возвращаться в реальность. Привычка же видеть себя только с лучшей стороны, утрата навыка к критическому самопознанию затрудняют возвращение.

Нынешние отношения с прошлым демонстрируют, как мало в нас исторического чутья, насколько ограничено ощущение своей вписанности в историю. Современная Россия, кажется, более всего озабочена защитой памяти о Великой Отечественной войне. Но здесь как раз все уже состоялось. О советских солдатах, как бы там ни поворачивалась политическая конъюнктура, и через столетие скажут: воины-освободители, «Родину спасшие». Они это заслужили – великой исторической жертвой и великим историческим подвигом. Проблема не в них, а в нас – с чем мы войдем в историю.

К привычному «жить трудно, но можно терпеть» (так определяют свое жизненное кредо большинство наших граждан с тех пор, как социологическим службам было позволено интересоваться их мнением, т.е. с

конца 1980-х), в последние годы прибавилось: отстоим традиционные ценности, «развалинами рейхстага удовлетворен» (об этом заявляет чуть ли не каждый автолюбитель), «день победы – каждый день», «оптимизация», «коррупция – историческая русская болезнь», в западных идеях – губительная сила, «кризис – прорвемся», антикиллер-антимайдан. И т.д. Как ничтожно мало для того, чтобы не быть, но хоть выглядеть продолжателями исторических русских дел! Мы как будто не понимаем, что настоящее – это наш вклад в исторический опыт нации, ее будущие воспоминания. Как будто предлагаем и тем, кто будет после нас, смотреться в кривое зеркало.

Еще одной важной, а может, и важнейшей темой этих «Трудов по россиеведению» является 20-летие Конституции РФ. Мы – не юридическое издание. Как это было декларировано в предисловии к первому выпуску «Трудов...» (2009), мы пытаемся следовать по тому пути, который М. Раев, один из крупнейших русских историков в эмиграции, назвал: *understanding Russia*. И Конституция интересует нас именно в этом смысле: какую роль она играет сегодня, где ее корни, может ли она стать, как во многих западных странах, основой национальной идентичности, гражданского («конституционного») патриотизма.

Конечно, в последние годы эти вопросы все больше обретают качество риторических. Сейчас, скорее, припоминается, что на Руси (и в петербургские времена) право понималось как крепостное, как обычное, а в СССР торжествовала карательная и чрезвычайная юстиция. Традиция правового либерализма, кажется, совсем забылась, а слово «патриотизм» употребляется лишь в одном значении: милитарно-изоляционистском. Но все-таки: на дворе XXI век – и человечество отдает предпочтение не диким и варварским, а цивилизованным формам общегития. Да и большинство наших граждан тоже не против этих форм – как более для них безопасных. В принципе – не против.

В материалах этого выпуска обсуждаются и другие актуальные вопросы: о российских внешнеполитических ориентирах и общественных ориентациях, о национализме и консерватизме, о бюрократии и бюрократизме, о государственной политике в отношении прошлого. И вот что поразительно. Темы из прошедшего и настоящего не просто перекликаются, но продолжают друг друга, «сцепливаясь» в некое единство. С такой многомерной временной площадки особенно очевидна, зрима несовременность нашей современности. Сюжеты и персонажи дня сегодняшнего как бы всплывают из прошлого; нынешние события, решения, реакции кажутся ответом на вчерашнее и позавчерашнее, следствием того опыта.

Навязчивое ощущение дежавю вполне объяснимо. Уже не первый раз в своей истории мы пытаемся ответить на вопрос: как построить наш

мир на современных началах, т.е. на основе свободы и взаимной ответственности – для свободного человека. И даем ответы, которые, разнясь по форме (в соответствии со временем), совпадают содержательно – в главном. Мы не можем и не хотим организовываться на таких началах. Русский мир их отторгает – причем именно тогда, когда они начинают в него вживляться, в нем утверждаться.

Так случилось, что очередной окончательный отказ от свободы, т.е. от современных способов социальной организации, пришлось на наше время. То, что он приобрел крайние, малопримечательные, подчас неадекватные формы, не случайно. Это непосредственная реакция на демократию – не только на результаты ее строительства, которые (как и «реальный социализм») ничего общего не имеют с исходной идеей и западной практикой, но и на демократию как принцип социального устройства, как социальный идеал.

Отведая этих плодов, наш человек осознал, насколько они ему не по вкусу – интонационно, поведенчески, институционально, всячески. Раздражают несоответствием каким-то глубинным, «корневым» началам обычно-привычной жизни. Пожалуй, только этим можно объяснить повышенную эмоциональность, странную взвинченность, даже легкую истеричность общественных настроений «против перестройки», «против Горбачева», «против демократов», «против 90-х». Ну, невозможно было все это выносить! Как только «наверху» задвигались, заговорили, закомандовали привычным образом – все как-то сразу успокоились: наконец-то – вот теперь все устроится.

И действительно устроилось – так, как и можно было ожидать, памятуя прежний опыт: в «вертикаль» – экономическую, политическую, культурную, мировоззренческую¹. Теперь, как прежде, наша жизнь выстраивается оттуда; все задачи и интересы, кроме «вертикальных», – мелочи, которыми можно пренебречь. Оказалось, наш человек способен отступить даже от традиционного: «Я их не трогаю, никуда не лезу, а они пусть не мешают мне жить» (социологический факт: так описывают «низ» свои отношения с «верхами»). Он готов пожертвовать свободой частной сферы и своим правом потреблять, т.е. «народным наследием» 90-х.

¹ И это тогда, когда весь мир (цивилизованный, т.е. такой, в котором есть место для человека) идет в прямо противоположном направлении: организуется через «горизонталь». Основной принцип современной жизни, современного социального устройства – не властный, а общественный. Нынешний субъект развития – не персонификатор Власти (а значит, и не привластные силы, не бюрократический аппарат), но человек, им порожденные сетевые структуры. Современный человек – это «человек горизонтали». Наш же доминирующий социальный тип нацелен на «вертикаль». Она у него в голове, он переносит ее в жизнь, на этой основе строит все общественные отношения и институты. То есть постоянно воспроизводит прошлое – старый, не оправдывающий себя даже у нас способ социальной организации.

Понятно: одни дали – другие взяли, коль смогли – так попржиали, не бунтовать же, в самом деле. Свои люди – сочтемся. Вот здесь в глубинной потребности в «вертикали» – источник нового, «послекрымского» властенародия.

Всё это реакции общества, по преимуществу несвободного, на распространение в нем свободы. Наша социальность столетиями формировалась как несвободная; основа московского самодержавия и петербургского имперства – крепостнический порядок. Русское массовое общество создавалось – в рамках советского «проекта» – как totally несвободное (и потому закрытое, отчужденное от всех других). Если исходить из теоретической посылки, что разные общества – это соединение различных типов модальных личностей, то специфика общества российского состоит в том, что в нем модальной была и остается личность несвободная. Причем за XX столетие она осознала и приняла свою несвободу как основу существования. Цель этой личности – адаптироваться к условиям несвободы, встроиться в систему, которая этим условиям соответствует (здесь неважно, как она называется: самодержавно-крепостнической, командно-административной, авторитарной, полицейской).

Обменять свободу на блага, которые дает система, – вот жизненная установка личности такого типа. Равнодушие (к любому другому), неучастие (во всем общественном), единомыслие (в смысле: молчание как согласие) – необходимые условия обмена. Практикующий все это человеческий тип – основа несвободного общества. Стоит ему отказаться от принятых в нем условностей, от доминирующего мировоззрения (от взгляда на мир с точки зрения несвободного человека: я (как и все) – несвободен, мы – правы, в этой правоте – наша сила), и это общество рухнет. Для того чтобы оно существовало, нужна и соответствующая система власти: та, что есть, – гарант и охранитель несвободы, этой главной общественной скрепы.

Если бы «русская система» была замкнута только на себя, никак не зависела от окружающего мира, она могла бы жить и жить по своим понятиям. Но временами остро ощущает эту зависимость и свою неустойчивость (из такого рода переживаний рождались в России оттепели и перестройки). Система этого типа внутренне нуждается в «достройках»/«подпорках» – в технологиях общения с современным миром. Они восполняют ее дефициты, позволяют адекватно реагировать на внешние вызовы, т.е. не отставать, держаться в «строю», соответствовать цементующей «нацию» идее: «большая страна – большая историческая судьба».

Впервые жестко и последовательно за этими технологиями пошел Петр I – в прямом смысле: на Запад – современность уже тогда имела европейское лицо. Попутно создал страту людей, умеющих («наученных») – на Западе, Европой) обращаться с этими технологиями. Так, из внутрен-

ней потребности традиционного порядка соотносить себя с миром, встроиться в современность (быть современным) в России появилась европеизированная субкультура (меньшинство). Созданная для нужд системы, она постепенно наращивала субъектность и стала своего рода «внутренним Западом». Чем успешнее эта социальная страта справлялась с задачей обслуживания системы, тем быстрее шел процесс ее самоопределения. Субкультура русских европейцев «строилась» вокруг тех тем, которые противоречили логике системы. Поэтому, действуя в ее рамках, она являлась в то же время оппозиционным, антисистемным элементом. Со временем и сам традиционный порядок, закрепивший несвободу как принцип социального существования, приобретал новые измерения, новые качества. Разлагались «основы»; Россия (вся: власть, «верхи», «низы») менялась – сложно, мучительно, с трудом сохраняя равновесие. С отмены крепостного права процесс изменений стал необратимым. Обустроившаяся на новых началах, страна добилась невиданных успехов. Но когда к грузу старых и новых проблем добавилась мировая война, не выдержала – рухнула.

Типологически сходным образом преобразался послесталинский СССР. В нем тоже сложился «внутренний Запад» – из вызовов НТР, глобализации, разрядки, послевоенной гуманизации и социализации (в смысле: «больше социализма») Европы. Он, конечно, был другим, чем в дореволюционной России: не «верхним» общественным слоем (подобно дворянству), а вестернизированной «прослойкой», осваивавшей западные потребительские стандарты и транслировавшей их (как желанную модель/образ жизни) «в массы». Общество-то уже было массовым. Но тема свободы – в иных, конечно, формах – была ведущей и для представителей этих страт. Хотя «советский Запад» мыслил «освобождение» как торжество потребительской свободы и был гораздо менее просвещенным и неизмеримо более конформным, чем исторический предшественник, его представители «работали» на открытие страны, ее синхронизацию с мировыми ритмами. То есть выполняли свою традиционную социальную роль – искушали «системное большинство» призраком свободы и дарами «мира потребления» (материальными, интеллектуальными, культурными). Большинство, надо сказать, искушения не выдержало и легко сдало систему. Пользуясь «дарами», всячески поносит «искусителей», перекладывая на них груз ответственности за крах «старого порядка».

Итак, тип свободного человека не случаен и для нашего, по преимуществу несвободного общества. Он создан (как и многое у нас, «сверху» – властью) для контактов с внешним (а именно: западным) миром – чтобы осовременивать свой, русский. Поэтому его западничество (и вольнодумство или, по-русски, инакомыслие, и антисистемность) – не случайность, а результат истории, своеобразия русского развития. Притом что он несовместим с этим типом общества, которое упорно сохраняет и стерега-

ет себя как несвободное, свободный русский человек постоянно ищет в нем свое место. И в этом его историческое право. Но на каждом очередном переломе от свободы – к несвободе этот поиск становится небезопасным и даже трагическим.

В начале 2010-х поиск обрел форму, для нас неожиданную и странную: Болотной. Это тоже реакция на перестроечное время, но реакция положительная. Болотная – бунт человека, осознавшего себя свободным, а общество, в котором он живет, – несвободным. Это выступление по сути своей не антивластное (хотя оно обрело форму политического протеста), а антисистемное: за свободу и западничество как русскую традицию. Не случайно националистический консенсус «верхов» и масс образца 2014 г. является в основе своей антимайданным и антиболотным. Его характер – охранительный, запретительный. Он направлен против свободы выбора (в любой сфере, внутри и вне страны), за восстановление права на несвободу для всех и для каждого: как всеобщего и обязательного.

Внутренний выбор в пользу несвободы получил и внешнее оформление. Россия закрывается. Слова по звучанию высокие – напоминают горчаковское: Россия сосредоточивается. Но смыслы – самые низкие. Мы (как сообщество) отказываемся от решения тех проблем, с которыми был связан очередной выход в мир. Изоляция – не возвращение на единственно верный (потому что традиционный) путь, а капитуляция: признание своей несовместимости с современностью. Поэтому мы сейчас так заняты кем и чем угодно, зациклены на других (соседях, плохих и хороших, бывших друзьях, исторических врагах) и совершенно забыли о себе, о своем настоящем. Потому и внешний мир воспринимаем как чужой и враждебный: это лучшая точка зрения на себя, лучший мотив для изоляции. Способ, который Россия выбрала для ухода от (из) мира, вполне традиционен. Милитаризация/мобилизация (в тех или иных формах) – необходимое условие для реанимации «порядка несвободы». Он наиболее эффективен именно в ситуации чрезвычайщины.

Сейчас, как никогда, понятно: курс России на несвободу/изоляцию – это ошибка. Во всех отношениях. Движение по этому пути грозит тем, что страна может оказаться на каких-то уж совсем последних рубежах. Там речь пойдет не о вечной и высокой цели: как нам обустроить Россию, а о том, как вернуться к нормальной жизни. Отрезвляющий инстинкт выживания рано или поздно вернет нас из миражей прошлого в настоящее, из изоляции – в мир, в современность. Но здесь возникает главный русский (третий – после «что делать?» и «кто виноват?») вопрос – о цене: какой ценой будет оплачен такой поворот?

И.И. Глебова

À LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU¹:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЮБИЛЕИ 2013–2014 гг.

Настоящее имеет одну важную особенность: целиком захватывая человека, погружая его в водоворот каждодневных дел, оно как бы парализует у него чувство времени. Кажется, что мир существует только здесь и сейчас; образы прошлого и будущего, иногда всплывающие в потоке повседневности, кажутся призрачными, иллюзорными, не имеющими связи с сегодняшним днем. В действительности все, конечно, не так.

Наше прошлое, как и наши представления о грядущем, и есть мы. Поэтому постоянный разговор о минувшем (в смысле: бывшем, а не миновавшем), его переосмысление с позиций настоящего необходимы для самоопределения и самопонимания. Это возвращает нас во время, задает темпоральное измерение нашей жизни (обеспечивает ей необходимые для развития «долготу и широту»).

Руководствуясь этими соображениями, мы и решили предложить нашему читателю этот текст. Он – об исторических юбилеях прошедших двух лет. Не претендуя на исчерпывающую полноту, сосредоточившись на главном, мы хотели бы напомнить, следствием какой истории является сегодняшний день.

Год 2013-й

В 2013 г. мы не знали, каким окажется следующий. И потому наши обращения к прошлому были пропитаны атмосферой еще относительно «мирного» времени. В сегодняшнем контексте многое, наверное, виделось бы иначе. Однако не будем переделывать того, что написано в 2013 г.

Исполнилось пятнадцать лет со дня дефолта. Это, конечно, рубежное событие, и его нельзя редуцировать к финансово-экономическому краху ельцинской России. В отличие от подавляющего большинства исследователей, мы не считаем квалификацию 1990-х как «лихих» исчерпывающей. Более того, не «лихость» была в 90-е главным. Дефолт обнажил два, казалось бы, прямо противоположных результата трансформации России в конце XX в.

¹ В поисках утраченного времени (франц.).

Гайдари-чубайсовский «рынок» оказался нежизнеспособным. И рухнул, чуть не похоронив под своими обломками страну. Но, как ни парадоксально, буквально через несколько месяцев началось ее выздоровление (пусть и относительное). Обычно заслуга в этом приписывается мудрому Е.М. Примакову, опытному Ю.Д. Маслюкову, хитроумному В.В. Герашенко. Безусловно, эти люди сыграли свою положительную роль. Однако только их ума и умения не хватило бы. Вдруг открылось, что при всех громадных провалах, глупостях, неадекватности все-таки были созданы базовые институты рыночной экономики и современной политической системы. Да, далекие от совершенства. Да, еще коряво и неэффективно функционирующие. Да, еще непрочные. Но они имелись. И именно это, с нашей точки зрения, существенным образом помогло команде Примакова–Маслюкова–Герашенко отвести Россию от пропасти. Вот уж действительно диалектика социального процесса.

За пять лет до дефолта, в конце сентября – начале октября 1993 г., в Москве прошла гражданская война. Вообще, тот 93-й был для нас не менее грозным и, как говорили во времена перестройки, судьбоносным, чем известный 93-й – французский. Мы уже давно забыли об этом, но напомним: и войска вводились в столицу, были и кровавые демонстрации, и общероссийский референдум 25 апреля о доверии к власти.

Финалом же этого страшного времени стали 3–4 октября, когда в непримиримой схватке столкнулись силы красно-коричневого реванша и те, кто не хотел обратно в СССР. Конечно, мы огрубляем, спрямляем, на что-то закрываем глаза, но в целом это так. Расстрелом Белого дома было доделано то, что начал в середине 80-х Горбачев, а затем подхватил Ельцин: уничтожение советско-коммунистической системы, расчистка социального пространства для строительства новой России.

Исключительно важным оказался первый шаг, который сделала «партия Ельцина» после своей победы. Это принятие новой Конституции. В ней была юридически закреплена победа тех, кто был устремлен в будущее и очерчены рамки, в которых в дальнейшем должен был развиваться социальный процесс (общество). Это одна из самых больших побед молодой русской демократии. И сам факт принятия Основного закона, и его фундаментально образующая и упорядочивающая социально-политическая роль подвели черту и под антисоветско-антикоммунистической революцией, и под гражданской войной.

Несмотря на более поздние и весьма существенные изменения в ее тексте, эта Конституция, в большей или в меньшей степени, доказала свои «качественность» и адекватность. Правда, с годами все более и более понятным стало следующее. Главная оригинальная черта нашей Конституции хоть и облекает в юридическую форму определяющую особенность русской политической традиции, т.е. вполне соответствует ей, но одно-

временно является и основным политико-правовым тормозом успешного развития страны. Известно, что в ходе своего исторического развития Россия выработала особый тип власти: это не ограниченная практически ничем тотальная власть над обществом, олицетворяемая одним человеком. В современных условиях это зафиксировано в уникальной, нигде больше не встречающейся конституционной модели: президент не вписан в систему разделения властей, но стоит над ними. Все три ветви власти являются по отношению к нему функциональными. Он лишь один – субстанция. Безусловно, такую систему можно назвать президентским самодержавием. Кстати, так же было и в первой русской Конституции (апрель 1906 г.). Дальнейшее развитие страны показало, что подобная диспозиция ведет к установлению жесткого авторитарного режима, дает возможность отказаться от смены людей во власти. К тому же она чревата переходом к новым формам вождизма.

1983 год сегодня уже кажется чем-то давно бывшим. Но содержание он актуален по-прежнему. Это год Ю. Андропова. Он столь же странен, таинственен, неопределен, как сам Юрий Владимирович. С 30-летней дистанции хорошо видно, что в 83-м соединены, казалось бы, взаимоисключающие события и тенденции.

С одной стороны, физически ощущался запрос общества на перемены и даже готовность к ним. И новый генсек давал все основания предполагать, что это возможно. Начиная с его совершенно революционной откровенности: мы не знаем общества, в котором живем. И это прозвучало из уст верховного хранителя абсолютной истины в последней инстанции! Через несколько лет мы будем поражаться тому, что в официальных СМИ появятся осторожные сомнения в абсолютной интеллектуальной непогрешимости сначала Маркса, а потом и Ленина. Но на старт будущих прорывов перестройки, безусловно, вывел этим своим признанием Андропов.

С другой стороны, он начал перетряску людей в высших партийно-государственных органах, борьбу за усиление дисциплины. И это уже могло рассматриваться двояко: как попытка оздоровить общество или как пролог нового террора. Кстати, возможно и соединение того и другого: «оздоровление» общества через террор (здесь важнейшее: кавычки). Атмосфера того года – смесь надежд и тревог со все большим нарастанием последних. Ясно: это была попытка вырваться из болотной трясины позднего брежневизма. Требовался свежий воздух. Но мы никогда не узнаем, что нас ожидало, если бы Юрий Владимирович вскорости не скончался: морозный воздух лагерного утра или прочищение легких глотками приближающейся свободы.

1968 год. Пражская весна. Последняя попытка построить социализм с человеческим лицом. Наши танки прокатились по этому лицу. Очевидно: первая в мире страна реального социализма растоптала социалистическую

идею навсегда. В том смысле, что после 1968 г. социализм возможен лишь как частичный вариант общественного развития. То есть наряду с другими «измами». В том году советская верхушка, защищая собственные интересы, а также интересы «своей» страны и всего социалгегера, принесла в жертву идею демократического открытого социализма. Это такая месть того, что мы называем Realpolitik, тому, что мы называем социальной утопией. Заметим: утопией весьма благородной. У замечательных советских, русских историков М. Геллера и А. Некрича есть знаменитая книга «Утопия у власти»¹ – одно из лучших исследований по истории СССР. Но после оккупации Чехословакии мы бы назвали советскую историю «Realpolitik у власти». И хотя идеологически-утопическая составляющая оставалась на поверхности огромного советского моря, это уже, скорее, напоминало мусор на водной глади после шторма.

Реагируя на нашу интервенцию, А. Галич написал: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле»². Конечно, это моральный приговор. Но с исторической точки зрения, пожалуй, важнее другое. На чужой земле наши танки вбили в землю советскую оттепель. Вскороги уничтожат «Новый мир» Твардовского, начнется массовое избиение инакомыслящих, а в 1974-м Александра Исаевича вышвырнут из страны. Но Прага-68 – главное событие в сложном процессе уничтожения советских демократических надежд. Совершенно случайно вспоминается: первые постсталинские годы остряки называли эпохой реабилитанса. По звучанию похоже на ренессанс, с которого начинается история европейской свободы. Но мы из реабилитанса попали в несвободу.

И последнее об этом событии. А.Л. Галич наивно полагал, что наши танки на *чужой* земле. А вот Л.И. Брежнев, Политбюро, коммунистическая номенклатура и абсолютное большинство советских людей считали эту землю *своей*. Отвоєванной у германцев, обильно политой нашей кровью, облагодетельствованной самым совершенным в истории человечества социальным строем. В Realpolitik это вылилось в то, что на Западе назвали «доктриной Брежнева». Вашингтон признал: страны социалистического блока – исключительная сфера влияния СССР. Тем самым, кстати, констатировалось, что у США есть своя сфера исключительного влияния. Спорничать в открытую можно было лишь в неких третьих сферах. При всей монструозности (одно из любимых словечек И. Бродского) такого раздела мира это придавало некую устойчивость и определенность. В общем, договорились.

Сегодня мы пожинаем поздние плоды этой интервенции. В середине 80-х в Кремль придет, видимо, последний в истории социалист с челове-

¹ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М.: МИК, 2000. – 856 с.

² См.: Вась Александр Галич (1918–2003): К 85-летию со дня рождения. – М.: Моз рекордс, 2003.

ческим лицом. И позволит странам Центрально-Восточной Европы, более того, даже странам империи СССР то, что обещал, но никогда бы не выполнил человек, к светлому имени которого постоянно апеллировал Михаил Сергеевич: самоопределение вплоть до отделения. Что и произошло. Но в сознании советско-постсоветских людей так навсегда и осталось: это наша земля – мы ее своей кровью сделали нашей. Здесь мощные корни и возможности для актуальных русских реваншизма и империализма.

Следующую дату можно просто назвать датой дат. 5 марта 1953 г. советскому народу сообщили, что умер Сталин. Правда, как мы видим сегодня, он совсем и не умер. И в каком-то смысле дело Сталина по-прежнему живет и побеждает. И все-таки, как с исчерпывающей точностью сказано в «Раковом корпусе»: «Людоед сдох»¹. Открылась возможность для новой эпохи в русской и мировой истории. И она началась. А.И. Солженицын в своей публицистике неоднократно писал, что главная русская задача – сбережение народа. Это вообще-то менделеевская мысль, но с блеском развитая последним великим русским писателем. Так вот, в 53-м до этого было бесконечно далеко. Но закончилось время беспощадно тотального уничтожения народа. И еще одно. В самые последние сталинские годы мы неотвратимо шли к еще большему подъему массовых репрессий и, не исключено, к Третьей мировой войне (такие планы у «чудесного грузина» имелись). Вот она, роль личности в истории. В русской истории. Мы бы даже усилили: роль здоровья и возраста в русской истории. И еще более того: вовремя ли у постели больного появится врач. Здесь нет никакой иронии. Физиологически-врачебное совсем не менее важно, чем социально-экономическое и проч.

Событие, которое произошло за десять лет до смерти тирана, тоже связано с его именем: наша победа в Сталинградской битве. Не хочется в миллионный раз повторять: это был переломный момент в истории Второй мировой войны, Отечественной войны. Действительно, был. Второй раз в этой войне мы оказались на абсолютно последних рубежах: в конце 1941-го – под Москвой и тогда – на Волге. Оба раза выстояли.

В 1938 г. родились Владимир Высоцкий и Алексей Герман. Два русских гения, которые с полным правом могли сказать о себе пушкинское: «И неподкупный голос мой был эхом русского народа». Расцвет их творчества пришелся на годы правления людей, выдвинувшихся в эпоху Большого террора. Сами они были детьми этой эпохи, а их творчество – ответом на нее. В том смысле, что Пушкин – это ответ Петру Великому (по Герцену). Мы не будем обсуждать великого эстетического качества их искусства. Скажем о другом. Поэзия одного и кино другого реконструировали, восстановили, вернули нам время, которое, казалось бы, должно бы-

¹ Солженицын А.И. Раковый корпус. – М.: Азбука-Аттикус, 2012. – 480 с.

ло исчезнуть, раствориться в нескончаемом насилии над обществом. Другими словами, своим творчеством они оживили уже было погибшую Россию 1930-х – начала 1950-х годов. Их вклад в самоэмансипацию русского народа в конце века бесценен.

Восемьдесят лет назад закончилась коллективизация. Видимо, это была черта под русской революцией. Начавшись за примерно семьдесят лет до этого освобождением большей части народа, она завершилась его новым закрепощением. С этого момента стало ясно: никакого возвращения к прошлому больше не будет, никаких надежд на более или менее сносное будущее нет. Нам представляется, что это была главная победа сталинской диктатуры над русским народом. Убийственно другое: откуда же взялась эта диктатура? Если террор гражданской и 20-х можно списать на инородцев (читай: жидомасонов), то в начале 30-х уже произошла русификация большевизма. При этом речь идет не только об этническом происхождении, но больше о социальной повседневности, которая вдруг стала вполне узнаваемой: Киров, Ворошилов, Молотов и др. – это нормальные среднестатистические русские люди. И они же учинили над своим народом такое...

Это означает, что в известном смысле сам русский народ покончил свою жизнь самоубийством. Думать так, писать так – уже почти невозможно. Тем более принять это, согласиться с этой мыслью. Но ведь мы должны найти хоть какое-то объяснение. То, что предлагается, как нам кажется, – констатация. К объяснению мы еще должны прийти. Но нельзя перекладывать ответственность за наше самоубийство на какого-то другого.

Утром 6 января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Это и есть подлинный день большевистской революции (до этого они все-таки были временные). Почти сто лет шло к этому событию русское освободительное движение. И дойдя, рухнуло в одночасье. Этот день завершил два цикла: русской революции, начавшейся 9 января 1905 г., и революционный 1917 г. Помимо прочего, однодневная история Учредительного собрания показала: русская демократия не умеет и не может сопротивляться злу. Дело свободы было отложено на конец XX столетия.

1913 год, если можно так сказать, самый символический из всей русской истории до 1917 г. При этом год был действительно хорошим – хотя бы потому, что последним предвоенным. Но «особый статус» обрел в советской пропаганде и в сознании советских людей, поскольку советские меряли себя именно с этим – последним предвоенным. Для большинства граждан СССР фраза «по сравнению с 1913 г.» стала столь же привычной, что и «пасмурно» или «солнечно», «плюс 13» или «минус 6», или «в VIII пятилетке предполагается увеличение ввода нового жилья на 12 млн м² больше, чем в VII». То есть «по сравнению с 1913 г.» присутствовало в

сознании самого нерафинированного гражданина Советского Союза, уступая, пожалуй, лишь «говорит Москва».

Но если совсем всерьез, то наряду с 1912 или 1911 гг. 1913-й был лучшим годом русской истории вообще. В своей ранней прозе Б. Пастернак напишет о лете следующего, 1914, года, но мы совершенно свободно адресуем это лету 13-го: «Это последнее лето, когда любить что бы то ни было на свете было легче и свойственнее, чем ненавидеть»¹.

1903 год. Сто лет назад в Брюсселе и Лондоне на II съезде РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Старшее поколение наизусть должно было знать причины этого раскола. А они просты. Те, кого назовут большевиками, были готовы на революционные изменения любой ценой. Будущие меньшевики не отказывались от большой платы, но на любую все-таки не соглашались. То есть это был не политический, но антропный раскол. И он стал нормативным для XX столетия. Причем не только русского, но и всяческого. Действительно, трудно делать политику в белых перчатках. Зато удобно душить жертвы в перчатках. Собственно, в этом и есть все различие в политической практике. Для одних реальная проблема – политика в перчатках. Для других норма – перчаток не снимать. Следы останутся.

Вождь большевиков Ленин, как всегда точно, зафиксировал: большевизм как идейное и политическое течение существует с 1903 г. Просим заметить: именно с этого, 1903-го, большевики вышли за рамки политики, перейдя в поле криминально возможного. Это не означает, что они всегда были таковыми. Однако они разрешили себе быть таковыми. Потому всякий разговор о феномене большевизма имеет не только исследовательское измерение, но и дознавательное. В самом прямом смысле этого слова: требуется Пуаро.

Ну, а сто двадцать лет назад произошло совсем незаметное событие. Императору Александру III внушили, что практически ежегодный передел земли в общине негативно влияет на эффективность сельхозпроизводства. Это было так. Передельная община предполагала эгалитарный принцип владения землей. Каждая семья по количеству едоков получала равную долю на общинную землю. Именно на этом и строилась передельная община со времен Екатерины II. И вот в царствование реакционного Александра III в России произошла одна из самых сокрушительных революций в ее истории. В целях подъема сельхозпроизводства решили производить передел земли один раз в двенадцать лет. В результате раз в двенадцать лет, совпадая с годом передела, в нашей стране стали происходить события, меняющие привычные русло ее развития и ее ритм: 1905, 1917, 1929.

¹ Пастернак Б.Л. Повесть. – М.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. – 188 с.

В 2014 г. случилось огромное количество юбилейных дат и «полудат», которые тесно связаны с нашими днями. Связаны содержательно, а не только «круглыми» цифрами.

Двадцать лет назад в Россию вернулся А.И. Солженицын. Тогда шутили, что Александр Исаевич, подобно солнцу, двинулся к Москве с востока. А одна из журналисток написала: слава Богу, что во времена Толстого не было телевидения. Но это все так, интеллигентские издержки. А ведь событие было действительно грандиозным. На родину вернулся главный могильщик (наряду с «Солидарностью») коммунизма. Перефразируя Герцена, скажем: Солженицын был ответом исторической России на явление Ленина. И что же? Разочарование с обеих сторон. Солженицын не принял Россию девяностых, а тогдашняя Россия не приняла Солженицына. Причем, если Александр Исаевич с горечью, болью и неразделенной любовью, то родина просто не заметила его, несмотря на внешнее почитание, официальные благодарности и т.п. А ведь если говорить всерьез, это трагедия. По крайней мере, не меньшая, чем уход Толстого. Теперь ясно: подобно Льву Николаевичу, Александр Исаевич разминуслся с современной ему Россией. Как это символично! Литература, создавшая во многом новую Россию, почти никогда не совпадает с ее наличным состоянием.

Двадцать пять лет назад, весной 1989 г., прошли выборы в новый институт власти – Съезд народных депутатов. Вообще-то *новый* следовало бы поставить в кавычки. Это «либеральным сотрудникам» ЦК так казалось. А ведь способ комплектования съезда напоминал практику формирования Земских соборов. Там в основу были положены сословный и региональный принципы, т.е. на соборе должны были быть представлены все социальные группы (за исключением крепостных крестьян) и все регионы. Однако важнее другое. После 70 лет безальтернативного рабства мы пережили тогда относительно свободные выборы. Кроме того, работа съезда транслировалась по ТВ. Это событие мирового исторического значения, вполне сопоставимое, ну, скажем, с Реформацией. Более мощную антитоталитарную прививку трудно себе и представить. Если Сталин возбуждал неограниченную любовь и неограниченный страх, а его наследники были идеальным материалом для анекдотов, то в 1989 г. почти трехсот-миллионный советский народ стал участником политического процесса, демократом, поскольку демократия – это участие в политике. В этом смысле за прошедшие двадцать пять лет мы сделали огромный шаг назад. Тогда жили настоящим, тем, что действительно происходило, от чего действительно зависела наша судьба. Кто-то из нас был счастлив теми изменениями, которые вошли в нашу жизнь, кто-то наоборот. Но всех нас связывали чувства боли, тревоги, надежды и сопричастности.

Сегодня больше всего беспокоит история. А также две бессмыслицы: ТВ и Интернет. Все что угодно, только не сегодняшний день. Мы вновь «забыли», что прошлого и будущего нет (надеемся, понятно, что это метафора, но...) – есть только настоящее. И отказ от настоящего – самоубийство и человека, и народа. В 1970–1980-е годы советские люди в своем большинстве поняли или хотя бы почувствовали, что славное коммунистическое будущее – фикция, обман и фуфлю. Сегодня нашему народу впихивают славное российское прошлое – лживую сказку о нашей истории. Не менее пустую и опасную, чем коммунистический футуризм. Оказывается, что с человеком, не привыкшим к свободе, воздух свободы может сыграть злую шутку. Вспомните судьбу профессора Плейшнера.

В ноябре 1989 г. рухнула Берлинская стена. Вообще-то, конечно, не рухнула, а просто был открыт выход из Восточного Берлина в Западный. Кажется, лучше всех об этом сказал Адам Михник (один из главных исторических разрушителей этой стены): в извечной тяжбе человека и колючей проволоки (ее, кстати, изобрели ровно 100 лет назад, в 1864 г., – не в России, но здесь ее научились хорошо использовать) на этот раз победу одержал человек¹. С этого момента стало ясно: коммунистический рейх издыхает. Но вот прошло двадцать пять лет – и, кажется: стена не разрушена, а лишь на пару тысяч километров отнесена на восток. Невольно вспоминаешь то, что сказал замечательный русский мыслитель Г.В. Федотов о событиях 1480 г. (официальная дата прекращения золотоордынского ига): ханская ставка была перенесена в Кремль. То есть иго не закончилось. Напротив, было интериоризировано. Так и сегодня: в центре Европы, в центре Германии стена уже невозможна. Но где-нибудь по западным границам РФ еще, может быть, и постоит. Ну, перенесли просто стенку. Какова же мораль? Та стена была сметена героями, которые положили свои жизни за то, чтобы ее не было. Вот и нам ныне представляется уникальная возможность поспособствовать окончательному разрушению этой стены.

В декабре 1989 г. умер А.Д. Сахаров. Умер, готовясь к очередному заседанию Съезда народных депутатов. Умер, набросав проект новой советской Конституции. Умер на пике своего влияния на русское общество. Как говорил Л. Толстой, бывают неожиданные сближения. Смерть Сахарова чем-то неуловимо по своему высшему значению напоминает гибель человека, ну, ничем не схожего с Андреем Дмитриевичем – Александра II. Обе эти смерти – по сути внезапно отмененные – бомбой или остановкой сердца – прорывы к русской свободе. Это такие наши либеральные легенды: если бы Александра II не убили, если бы Андрей Дмитриевич не ушел...

В мировой истории есть люди, которые играют великие роли: политические, экономические, культурные, эстетические. И совсем немного –

¹ А. Михник – польский общественный деятель, в 1970–1980-е годы один из лидеров антикоммунистической оппозиции, главный редактор «Газеты Выборчей».

тех, кто играет роли религиозные. На похоронах Сахарова академик Д.С. Лихачев сказал: он был пророком в самом глубоком смысле этого слова. То есть последовательный атеист Сахаров сыграл в жизни нашего народа, а может быть, и всего человечества, роль религиозного пророка. Это, безусловно, так. После коммунизма и нацизма этот человек выступил с новой социально-либеральной утопией, которая, конечно, никогда не может быть реализована. Но она подвигла и подвигает ныне людей к преодолению зла, совершенствованию, умиротворению. Казалось бы, Сахаров всегда был тих, ровен, спокоен, лишен всяческого пафоса (что мало характерно для нервической русской культуры). Но каждое его слово, каждый его жест с более чем стопроцентной доказательностью свидетельствовали: вот вождь нашего народа, вот вождь человечества. Андрей Дмитриевич сделал еще одно важное дело – отдал истории должок русского либерализма, который в конце 1916 и в течение 1917 г. как-будто спяну проиграл в картишки все наработанное (и его тогдашними лидерами, и их предками). Сахаров – это реабилитация, реванш и новое восхождение исторического русского либерализма. Сахаров – русский ответ вселенской неудаче Милюкова и Маклакова.

В самом конце 1979 г., видимо, в качестве новогоднего подарка советскому народу тройка наследников Брежнева – Андропов, Громыко и Устинов – ввела войска в Афганистан. Как всегда, мотивация была безупречная: если сегодня не мы, то завтра – американцы (см.: Прага-68, Крым-14). И столь же безупречны были выводы, которые сделала История: Прага-68 – окончательный крах коммунистической утопии. После нее даже такие международные джигиты, как Энрико Берлингуэр, стали склоняться к какому-то там ревизионизму. В переводе на русский – к пересмотру базовых принципов и ценностей. А Афганистан-79 – безупречная точка отсчета последних лет советского коммунизма. Чекист, мидовец и оборонщик не поняли, что им не простят этой авантюры. А ведь это были самые способные и – что по тем временам особенно важно – самые дееспособные члены ПБ. Оказалось, что они – не более чем члены ПБ. Не государственные деятели, не патриоты своей страны.

Кстати, именно этим троим мы во многом обязаны девальвацией русского оружия (того значения, которое ему придала Великая Отечественная война) – его толкнули на неправо дело. Ведь о генерале Варенникове или о генерале Громове (ничего личного) никогда не может быть написано стихотворения, подобного «На смерть Жукова» Бродского, притом что и Варенников, и Громов – храбрые, способные воины. В скрытом смысле (т.е. публично этого не было) афганская кампания сыграла в нашей истории роль, сходную с вьетнамской в американской истории. Она потребовала коренного пересмотра политики. Смертный час коммунизма пробил.

За десять лет до начала афганской катастрофы еще чуть-чуть – и началась бы война между братскими народами СССР и Китая. Март 1969 – Амур, остров Даманский, ограниченный вооруженный конфликт между двумя социалистическими супердержавами. Ни один даже самый гениальный теоретик научного социализма не мог представить себе, что между двумя великими странами, построившими у себя единственно справедливый социальный порядок, могла начаться замятия не на живот, а на смерть. А вот же тебе, началась. Кстати, тогда, в марте 1969-го, да, кстати, и в апреле, у советских людей тоже сложилось впечатление: мы обложены со всех сторон. Прямо как сегодня (ведь современный российско-украинский конфликт типологически схож с тем; в смысле того, что народы братские, вчера этого и представить было невозможно). В стране шутили: с востока нам угрожает Даманский, а с запада – Недоманский. Вацлав Недоманский – замечательный чехословацкий хоккеист, сыгравший решающую роль в чемпионате мира по хоккею 1969 г., в котором команда ЧССР победила нашу «красную машину». Это был их ответ нам за август 68-го. Реакция советского общества была сродни реакции нынешнего российского: за победой чехословацкого хоккея стоят Белый дом, Госдеп, Пентагон, ЦРУ, НАТО и другие реваншистские западногерманские силы.

В 1959 г. состоялся исторический визит Н.С. Хрущева в США. Еще за пять лет до этого представить себе такое было невозможно. Этот вояж первого секретаря – не меньше, чем падение Берлинской стены. Не меньше, чем полет Гагарина. По итогам поездки была выпущена книга с весьма символическим названием: «Жизнь в мире и дружбе»¹. Сегодняшнему человеку и не понять, с кем предлагалось дружить – с выродками, американскими империалистами. Эта книга была издана огромным тиражом. Там есть замечательный эпизод: Хрущев уверял американцев, что мы, советские коммунисты, их закопаем. Аудитория, услышавшая эту угрозу, пришла в восторг. Но всем было ясно: это слова, фигура речи. Никто никого и не думал закапывать. Наверное, тогда у твердокаменных из советского руководства окончательно созрела мысль: Никиту надо убирать. Что и было сделано. Заметим: ровно пятьдесят лет назад.

В этом году исполняется полвека со дня свержения Хрущева. Однако казалось, что падение «мужицкого царя Никиты» не означало завершения его исторической миссии. Дело Хрущева жило и побеждало. Ставропольский тракторист, студент юрфака МГУ, комсомольский и партийный функционер Михаил Горбачев довел его до конца. До конца коммунистической тирании.

Семьдесят лет назад доблестная Красная армия освободила СССР от немецко-фашистских захватчиков. Иными словами, вышла на границы

¹ Жизнь в мире и дружбе. – М.: Госполитиздат, 1959. – 480 с.

государства, которые утратили в первый день войны. Никогда в новой и новейшей истории России иностранный захватчик не оставался в наших пределах так долго. Потребовалось три с половиной года, чтобы вернуть утраченное. Это говорит о глубине того падения, где мы оказались, – почти бездны. То, что выбрались, – чудо. Но мы расплатились за это сполна. И никогда не должны забывать два обстоятельства. На грань уничтожения нас поставил сталинский режим. А также то, что мы сломали хребет самой сильной в истории человечества военной машине. В романе «Доктор Живаго», который, безусловно, – законнорожденное дитя Великой Отечественной войны (но и русской культуры, и гения самого Бориса Леонидовича), есть такие стихотворные строчки: «Но чудо есть чудо, / И чудо есть Бог». В общем, Бог спас.

За пять лет до этого началась Вторая мировая. Наше участие в ней – одна из позорнейших страниц истории Отечества. С 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. мы волей-неволей были на стороне супостата. Эта война – абсолютная новация в мировой истории. А значит, и в нашей, русской. Раньше, в том числе и в Первой мировой, сражались коалиции, соперники. А на этот раз война была не следствием межимпериалистических противоречий, скажем, между Британией и Германией. Так случилось, что сумрачный германский гений на время (слава Богу, на время) взял на себя роль Зла. Остальным, в целом незаслуженно, была отведена роль Добра. Поначалу сталинский СССР на правах полухолуя-полувыгодника солидаризировался со Злом. Но когда железные щупальца Манштейна и Гудериана разрезали русское пространство, у нас не осталось выбора. Правда, у условного Добра – тоже. Без этого пространства и без этого народа история человечества закончилась бы. Все заплатили сполна. Мы – разрухой и демографической катастрофой. Германия, Британия и Франция – потерей статуса мировых держав. Казалось бы, выиграли только США. Да, наверное, это так. Есть еще один победитель в этой войне – евреи. Они вернулись в мейнстрим мировой истории. Цена была запредельной. Но с этого началось возрождение великого еврейского народа. К счастью, русские поспособствовали этому.

А вот прологом или, точнее, спусковым крючком Второй мировой стал пакт Молотова–Риббентропа. Как, к примеру, выстрел Гаврилы Принципа: все было готово, но это не значит, что должно было начаться, надо было выстрелить. Принцип – в эрцгерцога Франца-Фердинанда, пробка от шампанского после заключения неожиданного договора – в потолок кремлевского кабинета Сталина. Сегодня в нашей стране хотят реабилитировать это позорное действо. В.А. Никонов, казалось бы, не без основания говорит нам: ну, не было бы этого соглашения – и вермахт оказался бы в предместьях Москвы не 15 октября, а, предположим, 15 сентября. До прихода близких и спасительных Генерала Зимы, Полковника

Бездорожья и Комиссара Грязи. И Парад Победы на Красной площади прошел бы не в июне 45-го, а в октябре 41-го. Но принимал бы его не чудесный грузин, а уроженец г. Браунау-ам-Инн А. Гитлер.

Если говорить честно, в словах Никонова есть что-то точное, адекватное. Чем дальше забор от входа в дом, тем больше бежать насильнику. Вдруг и винтовку успеешь перезарядить. А вот по существу. В такой позиции заложено утверждение, что мы обязательно должны были бежать. Это изначально пораженческая линия. Работающая на то, чтобы задним числом оправдать импотенцию сталинского режима. Кацо и его окружение передушили в нашей стране всё и всех, что могло и могли действовать не так, как они, а эффективнее и сохраннее для людей. И вот поэтому, из-за своих неспособностей и трусости, они пошли на сговор со Злом.

Было еще одно обстоятельство, толкнувшее их на этот шаг. Они сами были Злом. Пакт Молотова–Риббентропа – это не история международных отношений, не геополитика, не Совет по внешней оборонной политике. Это то, о чем «Фауст» Гёте. История Великой Отечественной войны не имеет к этому никакого отношения. Вторую мировую мы проиграла вместе с Гитлером, а Вторую Отечественную выиграли вместе с демократиями Запада. Бог был на нашей стороне – наш вклад оказался решающим.

А за десять лет до этого началась другая война: сталинского режима – против крестьянства. Мы уже говорили об этой внутренней (социальной) войне, но здесь хотели бы добавить следующее. Вспоминая коллективизацию, В.М. Молотов утверждал, что успешное (разумеется, с точки зрения палачей) ее осуществление важнее и значительнее, чем победа в Отечественной войне. Это признание дорогого стоит. Знать, война с собственным народом была не на жизнь, а на смерть. И судьба режима была на кону. Уничтожив крестьянство и традиционную для него форму социального бытования – общину, сталинцы в общем и целом закончили покорение страны. Наблюдая эту трагедию из Парижа, Г.В. Федотов писал, что от того, как закончится эта «революция сверху», зависит судьба России на много десятилетий вперед. Результат известен: Сталин выиграл – Россия проиграла. Пожалуй, это одна из крупнейших социальных катастроф в отечественной истории. И страшнее всего даже не установление новых крепостнических порядков, а ликвидация органических форм существования большинства населения страны.

Девяносто лет назад умер Ленин. Нет, Владимир Ильич Ульянов. Ленин все еще жив. Более того, живет всех живых. Фанатический противник частной собственности после своей смерти обрел самую за вот уже девять десятилетий прочную собственность – домик в центре Москвы. И разлегался там. Вся жизнь страны, и власть, и обыватели, и туристы крутятся и вертятся вокруг этого домика, перед ним. Бесчисленные памятники, улицы его имени лишь подтверждают все это. Но парадоксальным об-

разом Ленин никому не нужен. Все, что связано с ним, неинтересно современному человеку. И в этом, конечно, громадное поражение Ильича. Сыграть такую роль, а ныне, по сути дела, спуститься до эпизодической. Подозреваем, что к столетнему юбилею Октября власть попытается еще больше опустить Ленина. Что-нибудь типа немецкого шпиона, не патриота, русофоба. Вот две полярные стороны жизни после смерти. О Ленине можно сказать, что в противоположность христианскому: «смертию смерть поправ», он своею жизнью – и реально земной, и посмертной – жизнь поправ. Ясно: без символического отказа, очищения от Ленина живая жизнь не вернется в страну.

Сто пятьдесят лет назад в России были созданы земства, суды присяжных, свободный самоуправляющийся университет. Мы так часто говорим об этом, что значение содеянного утопает в море слов и огромном количестве публикаций. А ведь земство, суд присяжных и университет должны звучать как великая и торжественная музыка. Создав эти институты, Россия вступила на путь, ведущий от патерналистского управления к самоуправлению гражданского общества. И хотя даже сегодня мы далеки от цели, сам факт нашего присутствия на этой дистанции свидетельствует, что мы не выпали окончательно из основного потока эволюции земной цивилизации.

За всеми нынешними событиями у нас в стране мало кто вспомнил, каким важным оказался 1814 год. Апогей русской военной и внешнеполитической славы. Париж капитулировал перед нашей армией. Ни до, ни после мы не заходили так далеко. И что самое важное, мы пришли во Францию не оккупантами, но освободителями. Это был финальный аккорд «1812 года», одного из главных мифов, на которых построена наша культура (слово «миф» здесь употребляется в строго научном и высоком смысле).

В том же 14-м начался Венский конгресс, в ходе которого произошли три важнейших события. Почти на столетие был установлен новый европейский порядок, новая система международных отношений, пришедшая на смену вестфальской. Впервые оформился общеевропейский антирусский блок. За спиной Александра I и его дипломатов все основные европейские державы, включая побежденную Францию, договорились об активном противодействии России. Возникла парадоксальная ситуация: с одной стороны, Россия была интегральной частью европейского концерта, а с другой – объектом, против которого этот концерт был направлен. Ну, и последнее важнейшее событие. На многочисленных балах, которые сопровождали этот конгресс, танцевальным гвоздем стал вальс. Именно из венских дворцов он и начал свое победоносное шествие по всему миру. Притом что ни венской системы, ни европейского концерта в старом смысле уже нет, вальс продолжает свое легкомысленное кружение.

*И.И. Глебова,
Ю.С. Пивоваров*

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Мы, да и не только мы, неоднократно писали, что русская поэзия гораздо больше, чем просто стихосложение. Когда-то известный философ князь Евгений Трубецкой сказал, что в Древней Руси икона была всем – любознательным, искусством, самопознанием. То есть в ней в полной мере нашла свое самоосуществление цивилизация наших предков. С XIX в. и особенно в XX столетии место иконы заняла поэзия. Правда, наряду с ней был роман, проза. Но все-таки в XX в. поэзия по своей суггестивности заняла беспорное первое место. Именно поэтому мы и учредили в «Трудах...» рубрику «Россия в зеркале русской поэзии».

Однако события 2014 г. несколько поменяли наше понимание того, зачем и для чего мы печатаем стихи. Этот год неожиданно для нас создал иную рамку для прочтения русской поэзии. Другими словами, события, начавшиеся со взятия Крыма, открыли нам новые смыслы в, казалось бы, хорошо известных строчках. Мы и читателю предлагаем стихи, отобранные нами для этого выпуска «Трудов...», поставить в нынешний грозный контекст.

И, конечно, особняком в настоящей подборке стоят стихи, посвященные Украине и Крыму. Они принадлежат перу одного гения и двух в высшей степени талантливых поэтов. И если согласиться с нашей точкой зрения: русская поэзия есть зеркало русской жизни, то мы перестанем удивляться тому, что более 90% нашего населения поддерживают крымскую операцию и более 80% – наше вмешательство в ситуацию на Украине.

¹ Печатается по изд.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011; Галич А. Облака. – СПб.: Азбука, 2008; Корнилов В. Надежда: Книга стихов. – М.: Сов. писатель, 1988; Кублановский Ю. Посвящается Крыму: Стихи // Континент. – Париж; Москва, 1997. – № 3, июль–сентябрь; Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. – Л.: Сов. писатель, 1988; Набоков В. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1991; Окуджава Б. Стихотворения. – СПб.: Академический проект, 2001.

На независимость Украины

Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
Слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
Время покажет «кузькину мать», руины,
Кость посмертной радости с привкусом Украины.
Но не зеленек – виден, траченный изотопом,
Жовто-блакытний реет над Конотопом,
Скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.
Горькой вошни карбованец, семечки в полной жмене.
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
С залитыми глазами жили как каторжане.
Скажем им, звонкой матерью паузы метя строго:
Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.
Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, суп выбирая в чаше,
А курицу из борща грызть в одиночку слаще.
Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспять покатит.
Брезгуя гордо нами, как оскомой битком набиты,
Отторгнутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом, вашего хлеба, неба
Нам, подавись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях покопом.
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзобом,
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает, вам, калунам, покоя.

Ой, ты левада, степь, краля, баштан, вареник,
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза
Нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухаи,
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
Будете вы хрипеть, царапая край матраса,
Строчки из Александра, а не брехню Тараса.

И. Бродский

Посвящается Крыму

Добровольческий спелый
обреченный снежок.
Знать, у косточки белой
перед нами должок.

Потускнели медали,
и потеряя погон,
но уносится ялик
прямоком на Афон.

Там на пастбищах юга
круглый год сенокос
и светлее округа
от молитвенных слез.

Там прощаются долги.
Средь сокровищ иных
в темной ризнице – полки
с черепами святых.

...Нам чужого не надо,
мы пойдем прямоком
по следам продотряда
прямо в Иродов дом.

Покартавь с ходоками,
Ирод, как на духу.
Мы своими руками
из тебя требуху

.....
В разоренные ясли
Вифлеемской ночи
только иней на прясле
опускает лучи.

Надо пасть на колени,
чтоб к намоленной меди креста
где-нибудь на Мезени
примерзали уста.

31 мая 1997

Снова в мозгу крещендо: глупость или измена?
В залах еще играют на последях Шопена
честно чистюли в черном, фрачном с лампасами.
А уж окрест гуляет голь с прибамбасами.
Мы остаемся в мире что-то совсем одни,
будто в пустой квартире кто-нибудь из родни
с крымского побережья, отданного взаглот
братьям из незалежной.
Ящерица не ждет
возле шурфов с боспорским
мраморным крошевом,
с запахом роз приморских,
тьмой приумноженным...

Предали мы Тавриду-мать, на прощание,
будто белогвардейцы, дав обещание,
слушать ночами ровный
шелест волны вдали
в гальке единокровной
с слезной солью земли.

Где чайки, идя с виража
в пике, прожорливы,
за радужной пленкой лежат
– мечта государей – проливы.

Но возле полуденных стран
нас, словно куницу в капкане,
с опорой на флот англичан
смогли запереть басурмане.

Эгейская пресная соль
под небом закатным.
Еще, дорогая, дозвожь
побаловать небо мускатным.

На линии береговой
напротив владений султана,
быть может, мы тоже с тобой
частицы имперского плана.

Но, Господи, где тот генштаб,
его не свернувший донныне,
чтоб мысленно мог я хотя б
прижаться губами к святыне!

Дай жаждущей рыбиной быть,
чье брюхо жемчужине радо,
и тысячелетие плыть
и плыть до ворот Цареграда.

Ю. Кублановский

Крым

«Где волны кроткие Тавриду омывают».
К. Батюшков

Конечно, русский Крым с прибором под скалою,
С простором голубым и маленькой горою,
Лежащей, как медведь, под берегом крутым.
Конечно, русский Крым, со строчкой стиховою,
И парус на волне, и пароходный дым.

Конечно, русский Крым. Михайлов и Просухин,
Кого из них убьют в смертельной заварухе?
Но прежде, чем упасть, – вся жизнь пройдет пред ним.
Любовь его и долг невыплаченный, – глухи
И немые, кто убит. Конечно, русский Крым.

И в ялтинском саду скужающая дама
С собачкой. Подойти? Нехорошо так прямо.
Собачку поманить, а дальше поглядим...
Случайная скамья, морская панорама,
Истошный крик цикад. Конечно, русский Крым.

Конечно, Мандельштам, польнь и асфодели.
И мы с тобой не раз бывали в Коктебеле,
И помним Карадаг, как нами он любим
На зное золотом. Неужто охладели
Мы, выбились из сил? Конечно, русский Крым.

А. Кушнер

...

Мне русские милы из давней прозы
и в пушкинских стихах.
Мне по сердцу их лень, и смех, и слезы,
и горечь на устах.

Когда они сидят на кухне старой
во власти странных дум,
их горький век, подзвученный гитарой,
насмешлив и утрюм.

Когда толпа внизу кричит и стонет,
что – гордый ум и честь?
Их мало так, что ничего не стоит
по пальцам перечесть.

Мне по сердцу их вера и терпенье,
неверие и раж...
Кто знал, что будет страшным пробужденье
и за окном – пейзаж?

Что ж, век иной. Развеяны все мифы.
Повержены умы.
Куда ни посмотреть – всё скифы, скифы.
Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

И с грустью озираю землю эту,
где злоба и пальба.
И кажется, что русских вовсе нету,
а вместо них толпа.

Я знаю этот мир не понаслышке:
я из него пророс,
но за его утраты и излишки
с меня сегодня спрос.

Б. Окуджава

Воспоминания

Н.В. была смешливою моей
подругой гимназической (в двадцатом
она, эс-эр, погибла), вместе с ней
мы, помню, шли весенним Петроградом

в семнадцатом и встретили К.М.,
бегущего на частные уроки,
он нравился нам взрослостью и тем,
что беден был (повешен в Таганроге),

а Надя Ц. ждала нас у ворот
на Ковенском, откуда было близко
до цирка Чинизелли, где в тот год
шли митинги (погибла как троцкистка),

тогда она дружила с Колей У.,
который не политику, а пенье
любил (он в горло ранен был в Крыму,
попал в Париж, погиб в Сопrotивленье),

нас Коля вместо митинга звал
к себе домой, высокое на диво
окно смотрело прямо на канал,
сестра его (умершая от тифа)

Ахматову читала наизусть,
а Боря К. смешил нас до упаду,
в глазах своих такую пряча грусть,
как будто он предвидел смерть в блокаду,

и до сих пор я помню тот закат,
жемчужный блеск уснувшего квартала,
потом за мной зашел мой старший брат
(расстрелянный в тридцать седьмом), светало...

А. Кушнер

Большие батальоны

Бог на стороне больших батальонов.

Вольтер

Они во всем едины,
Они не разделены,
Они непобедимы,
Большие батальоны.

Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше,
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Хоть сила немудрена,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву,

И обретая имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
А против них быть плохо.

Но всю любовь и веру
Все ж отдал я не богу,
А только офицеру,
Который шел не в ногу.

В. Корнилов

Пейзаж (Философский этюд)
(из цикла «Серебряный бор»)

...Это такое странное сооружение, которое стоит перед въездом на дачу Большого театра в Серебряном бору и выглядит как такой землемерный столб, врытый в землю, на котором кисточкой написаны деления от одного до семи. И гирия на этих делениях покачивается ржавая на ржавой же проволоке, перекинутой через колесико с другой стороны этого странного столба, и уходит в землю.

Я спросил у дворничихи: «Что это такое?» Она мне говорит:

«Как что такое? – это говномер!»

Я говорю: «Как говномер?!»

Она:

«Ну говномер! Это подведено к ассенизационной яме: уровень повышается – гирия понижается. Как доходит, до деления, там, “шесть” – значит, надо уже вызывать золотариков...»

Всё было пасмурно и серо,
И лес стоял как неживой,
И только гирия говномера
Слегка качала головой.

Не всё напрасно в этом мире
(Хотя и грош ему цена!),
Не всё напрасно в этом мире:
Покуда существуют гири,
И виден уровень говна!

А. Галич

Каким бы полотном

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь

со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немного рабства – нет, о, нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт.

В. Набоков

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«КАКОЕ, МИЛЫЕ, У НАС ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ НА ДВОРЕ?»

Предлагаемый текст является своеобразным способом быстрого реагирования на происходящее в нашей стране. Настоящее осмысление придет, конечно, позже, когда нынешние события оформятся в новые непреложные факты. Но и сегодняшние эмоции и реакции имеют познавательный смысл, поскольку, как говорил Б. Пастернак, «сквозь них история орет».

Содержательному измерению текста соответствует и его стилистика. Это – совокупность фрагментов, в которых обсуждается та или иная тема(ы), в определенный момент показавшаяся автору особенно актуальной. Отсюда, разумеется, и «публицистичность» языка.

Историческое испытание и искушение

Четырнадцатый год... Заканчивается суицидальный для христианского человечества столетний период. Таковым он случился потому, что наши прадеды не выдержали того объема свободы, сложности, противоречий, неожиданно открывшихся возможностей и пр., который обрушился на них в конце XIX – начале XX в. (конечно, можно назвать и другие, не менее важные причины мирового самоубийства в августе 14-го)...

А что скажут о нас, о нашей весне-лете-осени четырнадцатого? Как будут оценены патриотический подъем большинства россиян, молчание меньшинства, протесты единиц? Какой исторический приговор будет вынесен русской власти, неожиданно вновь взявшей за привычные дела – скажем мягко – собирать земли и пасти народы?

Кстати, о нашем народе. В грозные крымские и донецко-луганские дни на доске объявлений профкома нашего Института появились очередные белые листики, видимо, предназначенные членам этой организации, которой как будто бы и нет, но и все же немного есть. Обычно перед этой доской никого – что сегодня можно ожидать от **профкома** (теперь это слово звучит старомодно, как «милостивый государь»). Однако на этот раз люди там были. Что-то читали, комментировали, отходили довольными, приятно взволнованными. Будто получили какую-то моральную поддержку.

На этой доске было три текста. Сентиментальный стишок о русском Севастополе Александра Городницкого¹, фрагмент статьи А.И. Солженицына², направленный против эгоистического украинского национализма, довольно добродушный и, как это почти всегда у него в публицистике, поучающий, и стихотворение Иосифа Бродского³, необъяснимо-грубое, какое-то совершенно немислимое для этого человека, оскорбительное для украинцев. Я не случайно именно в такой очередности поставил русских сочинителей. По возрастанию антиукраинства (у Городницкого его и вовсе нет, но в контексте наших дней прочитывается).

К чему я клоню? — Просвещенная научная публика, как всегда, колеблется. С одной стороны..., с другой... И хочется, и колется, и кто-то не велит... И Крым всегда был русский, это Никита-дурак разбазаривал наши земли, и Новороссия, и Донбасс, и князь Потемкин, и большевики с их насквозь фальшивой национальной (а по сути, антирусской) политикой. Но и нарушение международного права, и санкции, и Запад, и последствия... В общем черт ногу сломит. — А здесь ясно, недвусмысленно **показано**, куда ж нам плыть. И «наше все», наши безупречные Бродский и Солженицын говорят, **куда**. И как толковать происходящее.

Так что ж? Чего смущаться: разве прежние великие — Пушкин, Тютчев, Достоевский — учили нас иному?

Выходит, великая русская культура XIX–XX столетий, защитница униженных и оскорбленных, дает нам моральную санкцию поддержать и действия властей, и восторг соотечественников. Вновь мы «до Тавриды». И уже не фантастическим кажется, что «матерь городов русских...», и с замиранием шепчется тютчевское: Над русской Вильной «стародавней родные высаятся кресты...»⁴. Но тише, тише...

Кстати, почему «тише»? Не кружилась ли сладко голова весной **того** 14-го — «Босфор, Дарданеллы, Царьград с Софией»? И «все как будто под рукою, и все как будто на века». Ну, ну. Посмотрим, во что выльется наша ситуация. А вот та, столетней давности, босфоро-дарданелльская завершилась величайшей катастрофой в русской истории. Сегодня даже и не понять, чего хотели эти господа (царь, бюрократия, генералы, общественники), почему благое будущее их Отечества связывалось с доминированием русских в этих районах Восточного Средиземноморья? Кстати,

¹ Текст песни А. Городницкого «Севастополь останется русским», написанной им в 2007 г.

² Солженицын А.И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 2006.

³ Бродский И. На независимость Украины // Бродский И. Стихотворения и поэмы. — СПб.: Пушкинский дом, 2011.

⁴ Тютчев Ф.И. Над русской Вильной стародавней // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1987.

спросите об этом у миллионов россиян, которые уже два десятилетия проводят свои отпуска на курортах Турции.

Найдутся люди, которые скажут, что проливы и Царьград – одно, а **русский** Крым – другое. И если бы мы его сейчас не вернули, то в самом скором времени Севастополь из базы Черноморского флота РФ превратился бы в порт приписки какого-нибудь Шестого флота США. – Ответу: вполне возможно. Американцы действительно, во всяком случае в последнее время, полагают значительную часть мира чем-то вроде вотчины. Правда, эта ожидаемая опасность **нашему** Крыму очень похожа на угрозу со стороны империализма США и НАТО для СССР в 1968 г. Тогда уверяли, что если бы Советский Союз не оккупировал Чехословакию, то через некоторое время над пражским Градом развевались бы враждебные «нам» флаги...

Да, за два столетия Крым сросся, сроднился с Россией, стал ее частью. К Малороссии он имел косвенное отношение (и наоборот). Даже 1954 год ситуацию принципиально не изменил. Однако распад СССР зафиксировал Крым в составе суверенной республики Украина¹. Российская Федерация, наряду с другими государствами признала границы нового субъекта международного права и его территориальную целостность. Более того, подписав под Будапештским меморандумом (1994) сделала Россию, так сказать, привилегированным, эксклюзивным гарантом неприкосновенности территории Украины².

Потеря Россией Крыма, если говорить выпендренно, это плата за поражение наших предков в начале XX в. Под поражением я подразумеваю позорный Октябрь Семнадцатого и неудачу в героической попытке восстановить страну в ходе Гражданской. Иными словами, Крым перестал быть русским совсем не в результате решения Н.С. Хрущева. Он потерял русское имя после поражения русских на Перекопе. Впрочем, это касается всей страны. Все части Российской империи, включая Крым, превратились в части *бывшей* Российской империи. Кто и что из красных победителей подбирал, по сути, не столь важно. Они совершенно искусственно перекроили Россию на вымышленные республики, края, области, округа. Сегодня трудно разобраться, кто и на что имел право в стране, где семь десятилетий никто не имел прав ни на что. Можно, конечно, сказать, что

¹ Да, о Н.С. Хрущеве. С правовой точки зрения Крымская область принадлежала Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) по ее Конституции 1978 г., как Калининградская область – РСФСР, и Севастополь был городом республиканского подчинения (т.е. УССР).

² Добавим: Будапештский меморандум не предполагался к ратификации странами, его подписавшими (РФ, США, Великобритания). Там сказано: вступает в силу с момента его подписания. Если бы этот меморандум не случился, то Украина была бы третьей ядерной державой в мире. После США и России, но впереди Франции и Китая. Мы «киннули» наших братьев-украинцев.

схожим образом действовали европейские колонизаторы в Африке. Наверное, это так. Но большевики резали по живому в своей стране. Это, разумеется, не снимает ответственности с западных империалистов, но объясняет, почему Крым – иное.

И еще одно соображение. При всех эксцессах, безобразиях, несуразностях, при всей жестокости, крови, в условиях фактического раскола страны на две(?) части, в Киеве произошла народная революция. События конца 2013 – начала 2014 г. на Украине сопоставимы лишь с тем, что было в Центрально-Восточной Европе в 1989 г. Черда антикоммунистических и антисоветских революций: от «бархатной» революции в Чехии до кровавого свержения режима Чаушеску в Румынии. Их интенсивность и жестокость зависели от национальных традиций, от того, что в науке называется политической культурой. Именно это случилось на Украине. «Правый сектор», «бандеровцы», «фашиствующие группировки», вне всякого сомнения, в наличии, но не они определяют главное в украинской драме (революция всегда драма).

...Знаменательно, что майданный Киев, Крым, Донецко-Луганское восстание против победителей Януковича в своей совокупности существенно привели к резкому похолоданию политического климата в России, дальнейшему усилению репрессивно-авторитарного порядка, фактической адаптации верхов ко многим идеям «Изборского клуба». То есть тенденции, набравшие все последние годы вес и влияние, постепенно превращаются в мейнстрим русской политики. Мы вновь попадаем под обаяние и искушение музыки «гром победы раздавайся...», «от тайги до британских морей...», «мы за ценой не постоим...». Разумеется, в таких обстоятельствах любое **иное** мнение, позиция, поступок квалифицируются как «каждый шаг в сторону – побег».

Россия вступила в историческую полосу глубоких испытаний.

О партийцах, чекистах и, как всегда, о русской власти

В 2012–2013 гг. я писал книгу о «русском настоящем и советском прошлом», и мне думалось, что ответ на «соотношение» этих двух миров чуть ли не найден. Что советское должно быть и будет преодолено. Пусть этот процесс и окажется долговременным. Ведь предупреждал же А.И. Солженицын: «Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150–200 лет выздоровления, мирной национальной России»¹. Добавим только: удар по себе мы нанесли сами. И еще одно соображение Александра Исаевича

¹ Солженицын А.И. Публицистика: Статьи и речи. – Париж: УМСА-press, 1981. – С. 323.

представлялось мне принципиальным, неотменимым (представляется и сегодня, но...): «Соотношение между ними («русским» и «советским». – Ю.П.) такое, как между человеком и его болезнью»¹. Я видел в этом послание тем – а их голоса все громче, все «массовее», – кто в той или иной форме и с разными целями стремится «оправдать» советское (так сказать, все действительно разумно).

...И вдруг в самом конце июня тринадцатого года, через месяц после выборов нового руководства Академии наук, за пару дней до начала летних вокаций «вероломно, без объявления войны» власть напала на РАН. Сразу же началось общественное, в том числе и академическое, сопротивление. В который раз за последние, с Болотной, годы показалось: **у нас есть гражданское общество**. Последовали переговоры, первое лицо государства – насколько это известно – согласилось отменить наиболее одиозные и разрушительные для отечественной науки предложения анонимных авторов законопроекта. В какой-то момент возмнилось: пусть и с потерями, пробоинами, но корабль Академии продолжит свой ход (ведь не за морями уже ее трехсотлетие; старейший российский светский институт!). – А затем между 11 и 17 сентября власть молниеносно разыгрывает комбинацию по «окончательному решению» академического вопроса. Все было сделано столь виртуозно, что к возмущению, обиде, непониманию добавились удивление и невозможность поверить во все это. Онемели уста, перехватило дыхание, глотку забило унижением.

И вновь, как в молодости, грохнул Галич: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл! / Начал делать – так уж делай, чтоб не встал!» «А я ему по-русски, ржему: / «Как ни целься – выше, ниже ли, / Ты ударишь – я, б.., выживу, / Я ударю – ты, б.., выживи!». «Ты, б.., думаешь, напал на дикаря? А я сделаю культурно, втихаря, / Я, б.., врежу, как в парадной кирпичом! – / Этот, с дудкой, не заметит ничем!»².

Не надо морщиться от неприличного слова, от уголовной лексики. Александр Галич был великий поэт и аутентично представлял мир, людей, их язык. Эта эстетика, этот экспрессионизм в полной мере выражают ментальность тех, кто осуществил очередной, бандитский наезд на русское гражданское общество, причем в особо циничных, издевательских формах. (Честно говоря, с молодых ногтей не испытывал такого бессильного унижения. Помню, как нас, мальцов-первоклашек, старшие переворачивали головою вниз и, держа за ноги, вытряхивали копейки, которые родители

¹ Солженицын А.И. Публицистика: Статьи и речи. – Париж: УМСА-press, 1981. – С. 306.

² Галич А. Отрывок из репортажа о международной товарищеской встрече по футболу между сборными командами Великобритании и Советского Союза // Весь Александр Галич (1918–2003): К 85-летию со дня рождения. – М.: Мороз рекордс, 2003.

ли давали на чай и пирожки. Обидно было до слез, да и сдачи этим верзилам не дашь...)

И вновь русская поэзия дает **формулу** того, что произошло: «Люди сметки и люди хватки / Победили людей ума – / Положили их на лопатки, / Наложили сверху дерьма. / Люди сметки, люди смекалки / Точно знают, где что дано, / Фигли-мигли и елки-палки / За хорошее продают. / Люди хватки, люди сноровки / Знают, где что плохо лежит. / Ежедневно дают уроки, / Что нам делать и как нам жить...» (Б. Слуцкий)¹.

Так выходит, что «болезнь» (по А.И. Солженицыну) нас не оставила, что «советское» совсем не «прошлое»? Более того, может, перефразируя Е.И. Замятина, «советское прошлое» – наше будущее? Возможно. Но это вполне ожидаемый вывод. И стоит ли ради него огород городить? Думается, на самом деле ситуация сложнее. Ну, конечно, мы еще «больны», и у советского сохранился немалый потенциал. Важнее другое: да, наша самоэмансипация – громадное достижение русской истории. Однако ее, так сказать, вялоэволюционный характер наряду с плюсами имел (имеет) существенные минусы. Может быть, наиболее неприятный из них в том, что «болезнь» стала привычной, в известном смысле даже необходимой. То есть она уже и не болезнь вовсе, не девиантность, но – норма, нормативность для «русского настоящего». Полагать день сегодняшний преодолением (пусть и не окончательным) советизма нельзя. А это означает, что в начале XXI в. «русское» и «советское» почти равны друг другу (конечно, полной идентичности нет). И потому название моей книги («Русское настоящее и советское прошлое»²) следовало бы изменить на «Советско-русское настоящее-прошлое»...

Впрочем, это более или менее понятно. А вот стиль, тип поведения власти в ходе ее победоносного блицкрига против Академии наук (эх, не нашлось у нас своего Жукова, да и мы не уперлись, как наши отцы и деды под Москвой...) все-таки малообъясним. Зачем **так**? Просто Черчилль какой-то: «a riddle wrapped in a mystery inside an enigma»³... В общем мы вновь возвращаемся к теме «власть».

Но сначала скажем о значении для русского настоящего двух событий. Одно произошло в середине 80-х, второе незадолго до окончания 13-го года.

...16 декабря 1986 г. Михаил Горбачев позвонил сосланному в Горький академику Андрею Сахарову, который был главным символом проти-

¹ Слуцкий Б. Люди сметки и люди хватки // Слуцкий Б. Я историю излагаю... – М.: Правда, 1990.

² Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – 336 с.

³ Черчилль У.: Россия – это загадка, завернутая в тайну, помещенная внутрь головоломки // Черчилль У. Радиовыступление по Би-би-си 1 октября 1939 г.

востояния коммунистическому режиму. Именно тогда стало ясно, что заявления верхов о начале новой эры – не очередной приступ демагогии, но действительные намерения. При этом Сахаров выдвинул условие своего возвращения в Москву и включения в процесс преобразований: освобождение политических заключенных. Михаил Сергеевич согласился и сдержал свое слово. А за несколько дней до этого в одном из пермских лагерей умер Анатолий Тихонович Марченко. Он объявил голодовку, требуя, чтобы мировое сообщество заставило советские власти прекратить уничтожение инакомыслящих (уничтожение – не перебор; популярный ныне Андропов за несколько лет до этих событий перешел к физической расправе над активистами диссидентского движения)...

В 1993 г. Россия провозгласила себя демократическим, конституционным, правовым, социальным государством. Ее строй базируется на принципах разделения властей, верховенства закона, примата международного права над национальным. Статьи Основного закона 1993 г., посвященные правам человека, могут быть признаны образцовыми для мирового сообщества. Свобода слова достигла небывалого для истории Отечества уровня.

Прошло двадцать семь лет.

19 декабря 2013 г. президент РФ В.В. Путин, закончив традиционную ежегодную пресс-конференцию, неожиданно заявил, что бывший олигарх М.Б. Ходорковский попросил у него помилования и получил его. Действительно, 20 декабря 2013 г., через десять лет и два месяца после ареста, в День работников госбезопасности (96 лет со дня учреждения ВЧК) Михаил Ходорковский был освобожден.

Два этих события, конечно случайно, пришлись на декабрь¹. Действующие лица этих историй не похожи друг на друга. Объединяет случившиеся два события только одно: слава Богу, страдальцы были освобождены. Все остальное настолько несхоже, что даешься диву. На что потратили более четверти века?

Нет, время ныне другое. 20 декабря 2013 г. полковник запаса КГБ СССР Путин отпустил на свободу бывшего комсомольского функционера. Но теперь он служит в должности президента России, а комсомолец, в 90-е став одним из наиболее успешных олигархов («скорохватов», по терминологии А.И. Солженицына), в «нулевые» превратился в самого знаменитого

¹ А может быть, и не случайно. Напомним об одном эпизоде. 19 декабря 1999 г. «Единство» победило на выборах партию «Отечество – Вся Россия». На следующий день, 20 декабря, по инициативе В.В. Путина на Лубянке была восстановлена памятная доска Ю.В. Андропову. Вечером 20 декабря, в День работника органов госбезопасности, выступая в том же здании, Путин сказал: «Группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется» (Литературная газета. – М., 1999. – № 51/52).

эзка России, для многих в символ сопротивления авторитарному режиму и надежду либеральной общественности.

Такова ретроспективно-сравнительная диспозиция двух громких событий русской истории новейшего времени.

А теперь – о другом.

Как разуметь решение Путина выпустить Ходорковского? Думаю, это была еще одна победа президента. До нее – Сирия, Иран, Украина¹, формирование большой коалиции в Германии (эти победы, как вскорости выяснилось, оказались пирровыми, но именно к ним тогда стремился Владимир Владимирович). Освобождение Ходорковского – такой бравурный финал большой музыкальной композиции.

Чего же хотел достичь этим освобождением наш президент? Кажется, правы все комментаторы этого события. Здесь – стремление улучшить имидж России перед Олимпийскими играми, желание послать человеколюбивый мессидж и Западу (уж больно расстроились там после договоренности с Януковичем), и русскому обществу (власть заботится обо всех, даже заблудшую овцу хотя сначала жестко и справедливо накажут, но потом великодушно помилуют), и правящей верхушке (могу всё, вашего мнения не спрашиваю, до конца никого не уничтожаю, но более всего ценю преданность).

Наверное, люди, придумавшие и продумавшие эту спецоперацию, полагали одним выстрелом убить всех зайцев. И им это удалось (см.: Сирия, Иран, Украина, большая коалиция). Но значение этого события, конечно, в другом.

Когда-то, довольно давно Игорь Клямкин и Андраник Мигранян испугали прогрессивную перестроечную общественность перспективой установления у нас диктатуры. Ну, пусть не диктатуры, а лишь твердой власти, авторитаризма по-научному. Они объясняли это тем, что демократия сразу после коммунизма невозможна. Мы к ней когда-нибудь придем, но пока, в переходный период, для проведения всяческих (экономических в первую очередь) реформ необходима сильная рука сверху. – В те эйфорически-эмансипационные времена слышать это было странно. Ведь до царства свободы (и изобилия) оставалось-то самое большое «пятьсот дней».

Но если бы наша общественность была пограмотней, она, конечно, вспомнила бы, что русская мысль в эмиграции, да и в СССР обо всем этом уже сказала. К примеру, Иван Ильин (столь любимый ныне, но не тогда) или многое интеллектуально взявший у него Александр Солженицын, мечтавшие о просвещенно-правовом, духовно-благородном авторитаризме. Идея посткоммунистического авторитарного транзита, о которой по-

¹ Мы еще не знали, что нас ждет Крым, Донецк–Луганск, а тогда, в конце 13-го, напомню, удалось отговорить Януковича от подписания соглашений с ЕС.

чему-то забыли на рубеже революционных 80–90-х, довольно интенсивно обсуждалась в 70-е. Скажем, мой учитель, покойный профессор Николай Никанорович Разумович (фронтовик, сын расстрелянного священника, историк мысли, правовед, человек, повлиявший на формирование многих тогдашних молодых ученых) неоднократно утверждал: скоро коммунизм падет, СССР развалится, Украина, Белоруссия, балтийские страны уйдут на Запад, настанут экономически очень тяжелые времена. И в этих условиях, держа своей целью либерально-демократический порядок и правовой строй, Россия неизбежно выберет себе форму «полицейского государства». Для того чтобы сдержать общество от гражданской войны, чтобы вообще удержаться и не повторить Февраля. Правда, Н.Н. Разумович, говоря «полицейское государство», подразумевал «Polizeistaat» Нового времени, а не какое-нибудь новое издание казарменной полицейщины. То же самое надо сказать и о линии Ильина–Солженицына.

Но Россия вновь всех обманула и обманулась сама. Она, конечно, возвела здание авторитаризма. Субъектом строительства и эксплуатации, как нам известно, стали «славные ребята из железных ворот ГПУ» (это Осип Мандельштам – на нынешнем языке – о спецслужбистах). Об этом сейчас пишут все, кому не лень. Мне же важнейшим здесь кажется следующее. Во времена «оттепели» (и моего детства) утверждалось, что при Сталине «органы» вышли из-под контроля партии, и это-то наряду со злой волей отца народов объявлялось причиной террора. Соответственно, задачей дня становилось возвращение контроля партии за деятельностью чекистов. Надо признать: партийцам это в целом удалось. Несмотря на всю свою мощь, КГБ подчинился ЦК. Им убедительно и показательно напомнили, что они не сами по себе, а органы при партии; на официальном языке – при государстве. Это и было зафиксировано в названии: КГБ при Совмине СССР. И вот в начале XXI в. в новых исторических условиях «органы» берут реванш. Они главенствуют и господствуют, наверное, во всех сферах русской жизни. Иными словами, «партия» опять под спецслужбами. Реванш взят!

Таким образом, мы получили чекистский авторитаризм. Кстати, символически это зафиксировано в триумфе Сталина и ничтожестве Хрущева в народном сознании.

Различие между партийцами и чекистами кардинальное (все-таки не получилось того, о чем мечтал Григорий Зиновьев: каждый коммунист – чекист, каждый чекист – коммунист). Партийцы, хотели они этого или нет, но всегда были ограничены некоей долей публичности, официальщины, идеологической формальности. В общем вслух они были обязаны «исповедовать» определенные «принципы». Разумеется, эти принципы были для них не догмой, а руководством к действию. И, решая те или иные вопро-

сы, они вели себя, так сказать, практически, т.е. цинично. Тем не менее рамки существовали.

Что касается чекистов, то история их повседневности была такова: им просто приходилось каждый день преодолевать любые принципы и рамки. Это к ним «относится» название самой романтической книги самого романтического поэта России XX столетия: поверх барьеров.

Надо сказать, что партийцы не заметили, как ЧК начала брать реванш. ЦК направил в КГБ одного из самых эффективных своих менеджеров – Ю.В. Андропова. И этот человек (удивительно, что по-гречески его фамилия: «человеков») постепенно вернул КГБ надлежащее положение в системе. Надлежащее – значит решающее.

Это говорит о том, что Ленин (в отличие от Сталина), Хрущев и Брежнев в принципе в корне не понимали, какой порядок они создали и осуществляют. Ну, двум Ильичам это простительно: один начал, другой кончил. А вот Никита Сергеевич мог бы догадаться, что гзбъ надо рубить под корень. Ведь в шестьдесят четвертом именно «железный Шурик» и его друзья из органов были зачинщиками заговора против «мужичкого царя Никиты».

Ю.В. Андропов возродил и возвел на новые высоты чекистское племя. При нем вновь стало почетно и престижно работать или сотрудничать с КГБ. С этой службы удалили палаческий «нимб». Ее новый статус был закреплён в общественном сознании в кинохитах «Щит и меч», «Аджю-тант его превосходительства», «Семнадцать мгновений весны», «Вариант «Омега»», «ТАСС уполномочен заявить». Все это – эстетическо-информационные продукты высшего качества (не иронизирую). И вполне понимаю чувства В.В. Путина, увидевшего подростком сериал «Щит и меч» («С чего начинается Родина...» – с чего, чего? – со службы в ГБ).

Но Андропову удалось и другое. При нем КГБ, особенно те его направления, которые работали за пределами страны, на самом деле комплектовались способными, энергичными, честолюбивыми, квалифицированными людьми. Им давалась счастливая возможность учить иностранные языки, работать за границей, в целом вести образ жизни, гораздо более качественный, чем обще-серо-уныло-эсэсэровский. Более того, определенная выведенность из брежневской системы позволила сохранить в их рядах и определенную «чистоту». То есть по большей части в силу объективных обстоятельств они оказались за пределами разлагающе-освобождающей коррупционности брежневизма.

М.С. Горбачев рассказывал (25 мая 2005 г.; семинар, посвященный двадцатилетию начала перестройки, на котором я присутствовал), что когда он стал членом Политбюро (1979), то был ознакомлен с данными КГБ СССР, согласно которым советская экономика примерно на 25% является теневой. Но это была лишь часть «коррупционной составляющей» систе-

мы. Коррупция – это ведь не только взятки и незаконные производства, но и вообще неправовые передел и договоренности по поводу вещественной и невещественной субстанций (например, пристроить сына в университет, получить орден или разрешение на покупку иномарки – речь ведь идет о советском периоде). Андропов понимал, что это гниение, разложение советской системы. От себя добавлю: в такой извращенной форме происходило и освобождение от нее.

Юрий Владимирович хоть и прославился своим парадоксалистским высказыванием: де, мы не знаем страны, в которой живем, – очень даже хорошо ее знал. И бросил свои чекистские силы на спасение системы. Это не означает, что он был чекистом до мозга костей, чекистом по преимуществу. Нет, скорее, он был даже похож на партийца. В его жизненном устроении была какая-то интрига, может быть, связанная с его неясным происхождением, а может, и с чем-то другим. В настоящих чекистах интриги нет, поскольку их профессия плести интриги. А плести могут только безынтрижные. Но как бы там ни было, этот странный Андропов сыграл в истории спецслужб решающую роль. Сейчас гадают, кем бы занять место «железного Феликса» на Лубянке. Предлагаю: Юрием Владимировичем. Кстати, со мной согласен и такой авторитетный человек, как А. Кончаловский. – Он снял об Андропове комплиментарный фильм.

Поначалу, как мы знаем, эксперимент был поставлен в Азербайджане, одной из наиболее коррумпированных республик юга СССР. Шеф таможенного КГБ Г.А. Алиев возглавил ЦК республики, абсолютно повсюду расставил своих (чекистских) людей и взял под контроль всю республику. Заметьте, Азербайджан и сейчас – под контролем клана Алиевых. Бакинский вариант оказался модельным и для будущей России.

И здесь, у нас, после небольшого демократического эксперимента у власти оказались дети Андропова. Они пришли на смену детям Арбата. Сегодняшний управляющий слой – это настолько-то процентов... (точно знает О. Крыштановская¹) выходцы из КГБ, причем не только советско-андроповского призыва, но уже и постсоветского, современного.

Политическая наука утверждает: политика есть поле деятельности, конкуренции и сотрудничества элит. Допустим, что это так. Какие элиты правили Россией в XX столетии? При этом не будем говорить о царских. Все-таки XX век начался у нас в 1917 г. Тогда ответ прост: номенклатура. Ее в 1920 г. принялся создавать И. Сталин. Идея была проста: иметь универсалов-управленцев, могущих руководить всеми сферами жизни общества, от идеологии до химии, и лишенных (впервые в новой истории) частной собственности. Этот проект провалился. Оказалось, что человек хочет **иметь** (в этом смысле абсолютно ложной является дилемма попу-

¹ О.В. Крыштановская – социолог, специализируется на изучении элит.

лярного неомарксиста Эриха Фромма: иметь или быть; русская жизнь подправила этого мечтателя: быть – это значит иметь).

В рамках советской системы возникло два новых проекта. Правда, проектами их можно назвать только сегодня. Тогда, естественно, мы их так не понимали. – Слишком рано было. Проект первый: партийная номенклатура становится частными собственниками, или, по модному ныне выражению, хозяйствующими субъектами. Проект второй: ими становятся чекисты, которые уже были призваны к этому делу Андроповым.

Исторически возобладал второй проект. И понятно почему. Партийная аристократия во главе с Л.И. Брежневым была глубоко интегрирована в коррупционно-передельный порядок 1960–1980-х годов. И вместе с этим порядком – совершенно неожиданно для себя, как «Титаник», – налетела на «айсберг». Что касается чекистов, то на «Титанике» находилась только их часть. Остальные (оставшиеся) и пришли на смену.

В этом – принципиальное отличие антикоммунистической революции от антисамодержавной. В той сгнули все без исключения элиты старого режима. В этой победила одна из двух главенствующих элит предшествующего порядка (правда, и некоторая часть партийцев сумела пристроиться к новому русскому порядку, но многие оказались в офсайде)¹.

Такой вывод, подчеркнем, предполагает дополнительное изучение советской системы. Это тема соотношения двух главных ее элит. Она подразумевает вопрос: почему режим советского типа порождает две типологически близкие, но разные элиты. И не являются ли борьба, сотрудничество, компромисс двух этих элит «переносом» в XX столетие ситуации, описанной более века тому назад В.О. Ключевским: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений (тогда главными акторами были МВД и Минфин). В социумах подобного типа конкуренция социальных сил, видимо, заменяется конкуренцией привластных группировок. Это не значит, что последнее есть девиантность, но – особый и малоэффективный тип саморегуляции общества...

¹ Кстати, конфликт «Путин – Ходорковский» помимо противостояния Власти и Собственности, в ходе которого последняя выдвигала претензии, подобно Власти, на статус Субстанции, что означало бы конец исторического доминирования в России феномена «властесобственность», можно трактовать и иначе. В известном смысле, это было противостояние в новых условиях «чекистов» и «партийцев». Ведь Михаил Борисович, не случись горбачевской перестройки, вполне возможно сделал бы хозпарткарьеру. Многообещающий комсомольский работник, всегда узнаваемый тип позднесоветского молодого общественного – Комитет ВЛКСМ вуза, Фрунзенский райком комсомола, скорее, что было непросто, членство в КПСС. По собственному признанию, всегда (в 90-е) тяготел и брал за образец талантливых дельцов-партийцев: Герашенко, Вольского, Маслокова и др. Конечно, это лишь осторожное предположение, которое возникло при чтении книги: Ходорковский М., Геворкян Н. Тюрьма и воля. – М.: Говард Рорк, 2012. – 400 с.

О Первой мировой войне и очередных задачах нынешней власти

В самое последнее время обнаружилась тенденция трактовать финал Первой мировой войны для России следующим образом (причем, именно обнаружилась – она еще не возобладали; но сам факт ее появления весьма значителен). – Утверждается: Россия проиграла эту войну, хотя русские, как всегда, проявили свои великие качества: мужество, стойкость, самоотверженность и т.д. То есть со стороны нашего народа это был очередной исторический подвиг, но бездарные царь и верхушка тогдашнего русского общества, а также злонамеренные и безответственные действия «темных сил» сорвали уже близкую победу. Позорный Февраль и какой-то пока еще не очень ясный Октябрь (не очень ясный для нынешних верхов – до конца не определились) стали вехами на пути поражения Великой России. Однако правительство большевиков, заключив договор с Германией и Австро-Венгрией, вывело Россию из мировой бойни.

Брестский мир – одно из важнейших событий в русской истории XX столетия – по сей день не получил какого-то очень важного, решающего определения: что это было? Ведь как ни крути, как ни поноси большевиков, но разве окончание кровавой драки есть предательство национальных интересов? Понимаем этот термин в самом практическом смысле слова: сбережения народа. Действительно, ну, отдали территории (около 1 млн кв. км) с людьми (миллионов **эдак пятьдесят**). Но ведь сотни тысяч были спасены от предстоящей им смерти – людей молодых, здоровых, за которыми будущее. Да и немецкая армия пришла в Белоруссию, на Украину, на Дон и т.д. не как вермахт с гестапо и СС через четверть века. Тогда еще немцы (впрочем, и мы) были нормальными. Никакого особого ужаса войска Второго рейха на землях Российской империи не творили. Более того, свидетельствуют очевидцы тех событий, они пытались установить хоть какой-то порядок на территориях, впавших в хаос русской революции.

Так, может, правы те, кто сегодня пытается (и, наверное, у них официально это получится) выдать позорный Брестский мир за русский финальный аккорд в Первой мировой войне? Кстати, хочется напомнить: Брестский мир в качестве позорного квалифицировал В.И. Ленин. Этот циничный человек никогда никого не обманывал. И если он что-то обещал или как-то называл, то это всегда было прямо и по существу. Так что же получается? Современная демократическая Россия признает позорный и вынужденный Брестский мир событием, за которое отвечает историческая Россия (мы ее не идеализируем; действительно, это была «страна рабов, страна господ»; но другой России у нас нет – именно та была исторической; и она никогда в своей новой истории, т.е. со времен Петра Великого, не могла, не хотела и не прибегала к действиям типа Брестского мира;

максимум, на что была готова историческая Россия, — это Парижский мирный договор 1856 г., смысл которого только в том, что Россия — и ее верхушка это отчетливо понимала — на время отказывалась от сегодня малопонятной, но навязчивой в предшествующие времена мечты овладеть Босфором и Дарданеллами, т.е., повторим, на время отказалась от мечты о морской экспансии; правда, вскорости, и мы уже касались этой темы, вернулась к ней¹).

Получается (скажем, неожиданное): современная Россия полагает, пусть и в неявной форме, Брестский мир основой своей легитимности. А ведь что, собственно, связывает Российскую Федерацию с империей? По сей день ни юридически, ни всерьез исторически нынешняя власть не определила себя преемницей тысячелетней России. Есть ряд заявлений всех трех президентов РФ, которые можно было бы толковать так. Есть концепция нового школьного учебника, которая тоже, вроде бы, говорит об этом. Но это все-таки признаки и знаки, а не общественные и государственные установления, особенно на фоне активной любви к Сталину и ко всему советскому.

Так вот, Брестский мир здесь как раз и подходит. Через него большевики, неожиданно для них самих, связываются с царизмом. И нынешний режим также, поскольку Россия объявила себя правопреемницей СССР. При этом, поскольку Первая мировая война признается теперь началом XX в., ее заключительная фаза становится важнейшим событием, а Февраль и Октябрь 1917-го теряют свои позиции в исторической памяти.

Короче говоря, начало русского XX в. выглядит так. Позорный царизм в лице неудачливого Николая II, несмотря на предупреждения проницательных русских революционеров, реакционеров и консерваторов (заметим, всякие там либералы и марксисты-ревизионисты поддержали эту авантюру), вступил в самоубийственную для русского народа войну. Но, как теперь стало известно (и мы уже говорили об этом), русский народ в своем большинстве проявил всегда присущий ему героизм. И если бы не

¹ А вот ныне мы, легко минуя Босфор и Дарданеллы, без участия военно-морского флота и танковых армий, а также славной авиации, входим в Европу. И не с помощью и посредством четырех Украинских и двух Белорусских фронтов, но через Норд-стрим и Зюйд-стрим. Перефразируя известную русскую поговорку, скажем: чем богаты, тем и можем. Как и предполагал великий русский мыслитель В.В. Розанов, пошлое, т.е. нормальное, обычное, возобладает над героическим, т.е. высоким и жертвенным. Победителями оказались не русские цари и Милоков, а газ и нефть. И в этом смысле знаменитые слова Александра III, что единственными союзниками России являются армия и флот, предлагаем перефразировать: газ и нефть. — Это было написано до Крыма, Луганска, Донецка. Оказывается, что все-таки «армия и флот» неокончательно сданы в архив. И как-то само собой вспоминаются слова Мирабо: «Пруссия — это не государство с армией, а армия с государством». — Как же я был наивен и недаловиден, когда писал это! Вот и Зюйд-стрим накрылся. И цены на газ—нефть полетели вниз. И вновь актуальны армия и флот.

эти ретроградные генералы и министры (см. об этом «Август 14-го» А.И. Солженицына), конечно же, разгромил бы германцев и австрийков. Большевики, которые были олицетворением нечистой силы, – ну, не все, конечно, а Ленин и его компания (об этом с гоголевской гениальностью писал в своем «Ленин в Цюрихе» все тот же А.И. Солженицын; однако были еще Сталин и его будущая компания – а это уже приемлемые люди¹) заключили позорнейший Брестский мир. Но и в истории случается чудо. Это, казалось бы, очевидное национальное предательство помогло Ленину и Троцкому отсидеться в Кремле. Затем, умыв Россию кровью, установить диктатуру. Дальнейшее расписание движения нашего исторического поезда в XX в. хорошо известно.

Вот и получается: в начале января 1918 г. разогнав Учредительное собрание и в начале марта 1918 г. подписав Брестский мир, эти люди начали новую русскую эпоху. Отменой Учредительного собрания они закрыли (глагол «закрыли» употребляем как синоним уголовного «закрыть на зоне») вековую мечту русских свободных людей. Подписанием позорного мира покончили с традиционными русскими государственностью, территориальностью, амбициями. Впоследствии чудесным образом большевики сумели все это превратить (конвертировать) в новую империю, новый империализм, новую социальность. Сегодняшняя Россия, безусловно, и следствие, и последствие уничтожения Учредилки и похабного мира (это вновь выражение В.И. Ленина). И по сути дела это единственное, что связывает современную российскую традицию с Российской империей.

Еще раз: это как апофатическое богословие – бытие Божие утверждается через отрицание этого бытия. Так и здесь: преемственность РФ с исторической Россией осуществляется через ряд деяний, в свое время направленных на разрушение последней. Негативная диалектика, негативное преемство.

Нет, есть еще одно. Об этом рассказал известный литературный критик Бенедикт Сарнов. В 1947 г. он ехал в поезде с вернувшимся на родину из Франции русским эмигрантом. Юноша Сарнов спросил этого пожилого мужчину, что осталось в СССР от той России, в которой когда-то жил этот будущий репатриант. Они стояли в коридоре вагона у окна. Дело было зимой. И тот ответил: только снег. Значит, современная Россия связана с дореволюционной разгоном Учредилки, Брестским миром и снегом.

¹ Если верить свидетельству Вяч. Малышева, наркома танковой промышленности, в марте 1945 г. на приеме в Кремле Сталин назвал себя «славянофилом-ленинцем». Так-то вот! А я еще удивлялся, чего это Г.А. Зюганов все о соборности и соборности. Помню работы советских времен типа «Социалисты-утописты Герцен и Чернышевский – предшественники научного социализма». Пора писать монографию: «Славянофилы-утописты Хомяков и Самарин – предшественники научно-материалистического славянофильства».

Правда, современная ситуация доведена до абсурда. Учредительное собрание так и не созвано. Брестский мир реализовался: в 1991 г. Россия потеряла все те земли, которые ушли от нее и в 1918-м. К тому же (а в это вообще трудно поверить) на новый 2014 г. в России не было снега.

Сочи: земля и свобода

После весны-лета-осени четырнадцатого трудно себе представить, что еще год назад все разговоры были о Сочи. Казалось: русская жизнь сведена к Сочи. Эта была замечательная придумка для того, чтобы и людей отвлечь, и потешить, и вызвать гордость и сожаление.

Любой результат Олимпийских игр был на руку власти. Выиграем – президент герой, проиграем – замечательный способ «перебрать людешек». Поддержали бы все – от Немцова до Проханова. Кстати, то, что на юге России создается – со всеми оговорками – регион с современной инфраструктурой, неплохо. И психологически точно. Советский человек всегда полагал раем свой юг – Сочи и Крым. Но Крым только-только вернулся. Под «незалежными» впал в ничтожество, потерял всякое райско-курортное значение и, несмотря на старания и обещания, он еще не скоро наберет былую форму. Поэтому сегодня – лишь Сочи. В советском фольклоре этот город «отметился» поговоркой: «в Сочи на три ночи» (это метафора аборта, поэтически переработанная Бродским – «подмахну и сразу в Сочи»).

Итак, Сочи назначены быть парадизом. Ну, как Петр свое убежище на чухонских болотах назвал парадизом. И все получилось!

А у Путина сложится? Сложилось. – Михаил Ходорковский в интервью «Новой газете» (Дмитрию Быкову)¹ сказал, что для него Канада есть образец для русских. Действительно, родина хоккея самая северная из всех успешных стран. Михаил Борисович объяснил, почему она столь удачлива. Подавляющее большинство канадцев, вся канадская экономика, культура, цивилизация сосредоточены на юге. На их северях, сказал бывший олигарх, живет что-то около 400 тыс. человек. Но богатство Канады черпается именно с северов, где, как и у нас, залегают чуть ли не вся таблица Менделеева. И в этом смысле не Португалия, как когда-то говорил нам президент Путин, является нашим целеполаганием.

Таким образом, перестройка Краснодарского края предстает перед нами как попытка создания новой Канады. В начале XX в. многие русские мечтатели (например, поэт А. Блок) полагали Россию новой Америкой. Через сто лет потомки Александра Александровича несколько снизили планку: новая Канада. И только теперь становится ясен замысел устроите-

¹ Дошел до Берлина: Интервью Дмитрия Быкова с Михаилом Ходорковским // Новая газета. – М., 2013. – 27 дек.

лей Олимпиады. В ходе ее подготовки и в результате проведения Россия сосредоточивается в Краснодарском крае. Вся остальная территория превращается в канадские северá, где бóльшая часть населения находит способы и истоки своего существования. То есть Краснодарский край, и прежде всего Сочи, превращаются в юг Канады. Вся остальная Россия, как мы уже говорили, – в новые северá.

Надо сказать, что М.Б. Ходорковский, безусловно, человек стратегически мыслящий. Правда, как было подмечено еще в «Недоросле», география – наука недворянская. Он не заметил, что Канада «вытянута» к Северу. И там действительно главная проблема, скажем мягко, меридиальная. А у нас – параллельная, широтная. Мы – с запада на восток. И уже хотя бы поэтому Канада не может быть для нас образцом. Русская история не угрожает нам потерей солнечного Магадана и не менее солнечного Ханты-Мансийска. А вот что касается Дальнего Востока и Сибири... Или уже не наших Украины, Белоруссии...

Вообще, мне нравится новый тандем, которого пока еще никто не заметил: Путин–Ходорковский. Удивительно, что они, «судия» и жертва, мыслят по сути одинаково. Все их предложения носят этакий сочинско-олимпийский характер (подмахну – и сразу в Сочи). Главное отличие Канады от России – не в том, куда и как они вытянуты. А в том, что различие между человеком-канадцем и человеком-русским на сегодняшний день принципиальное. Канадское счастье основано на творчестве и самоотдаче свободной личности, а не на территориальной конфигурации и минеральных ресурсах. Русское счастье сродни еврейскому: оно основано на несчастье – много минеральных ресурсов, тяжелый климат и несвободный человек. Мы не случайно говорим «человек». Личность есть синоним свободы.

Однако отбросим привычные для нас псевдоэкзистенциальные мотивы и поговорим о материях, для нас совсем чуждых. Назовем их так: пространство, история, власть. Принято считать – и на этом основана вся русская мысль и культура, а также во многом западное россиеведение, – что Россия отличается от Европы (Запада) огромностью своей девственно-нордической территории и «азиатским» варварством. Вообще, русское пространство становится каким-то заклинанием в попытках понять своеобразие нашего исторического процесса. Причем здесь неважно, с какой коннотацией: положительной или отрицательной.

Чаадаев: если бы мы не простирались от Вислы до Камчатки, нас бы никто не заметил. Бердяев: русская география съела русскую историю. Евразийцы с их «месторазвитием». Далее – «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». Или Павел Коган (советский Гумилев): но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще падем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла родина моя. Кстати, скромнее всех оказывается Пушкин. У него –

другой масштаб. Правда, тоже немалый: от Перми – до Тавриды¹. А теперь все это бросим в корзину. Всё это стишки-с. Пространственно-властно-историческое развертывание России ничем, за исключением одного обстоятельства, о котором мы скажем позже, не отличается от соответствующих процессов в Европе.

Действительно, английские религиозные диссиденты, покинувшие родину в 1620 г. на паруснике «Майский цветок», в течение XVII столетия вполне освоили восточное побережье Нового Света. Мы начали раньше, в начале 80-х годов XVI. В 1639 г. Семен Дежнев вышел к Тихому океану. В XVIII в. Англия и Франция начали строить свои колониальные империи. Их основное направление было южным. То же самое делала Россия.

На протяжении XVIII–XIX столетий обе эти европейские метрополии и мы синхронно распространялись к югу. К концу XIX в. все три великие державы достигли максимума того, что они могли переварить. Конечно, у каждой из них были и свой максимум, и своя способность переваривать. Но общего между ними было больше, чем различий. Это общее: завоеванные территории включались в состав империи; в среде абorigенов выискивалась и выращивалась имперская элита; насаждался имперский язык; создавались территории протогосударств, которые впоследствии станут настоящими states. Различия, повторим, носили второстепенный характер.

Скажем, маркиз Доменик де Прадо, государственный деятель Португалии, в ставшей впоследствии образцовой для европейских колонизаторов книге «Колонии» призывал пересаживать европейские модели на неевропейскую почву. Кстати, этот политический бестселлер начала XIX столетия по-своему уникален. Португалия была оплотом католической, антиреволюционной, антипросвещенческой реакции. Но менеджериальные инструкции Прадо были реализацией духа Просвещения – универсалистского, унифицирующего и тотального. Так вот, «наш Прадо» – генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский – счел наказ лиссабонского маркиза для русско-сибирских условий нерелевантным. Он решил – и это решение для России стало нормативным, – что к присоединенным территориям необходим дифференцированный подход. Или, как говорили в со-

¹ Всех, конечно, превзошел Ф.И. Тютчев (впрочем, не случайно, он же «миловещ»):
«Москва, и град Петров, и Константинов град – / Вот царства русского заветные столицы... /
Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим
временам судьбы их облачат... / Семь внутренних морей и семь великих рек... / От Нила
до Невы, От Эльбы до Китая, / От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная... Вот царство русское
... и не пройдет век, / Как то провидел Дух и Даниил предрек». – Федор Иванович
имел в виду пророка Даниила с его идеей сменяющих друг друга царств (Тютчев Ф.И. Русская
география // Тютчев Ф.И. Стихотворения. – М.: Правда, 1980).

ветские времена, социалистический по содержанию, но национальный по форме. Проще говоря, надо учитывать национальную (местную) специфику.

На самом деле это мелочи, не с точки зрения национальной истории, но мировой. Главное, что никакого «Sonderweg» – в смысле: «история, власть, пространство» – у нас не было и нет. Мы, как всегда, с Западом (а мы и есть часть его) идем параллельными путями. Соединиться нам мешают два обстоятельства. И это проблема, которую надо решить немедленно – времени не остается. Хотя как – не знаю. Убежден только в одном: если отказаться от попыток решения, плохо будет и успешному Западу, и «неуспешному» (нам).

Обстоятельство первое. Франция ушла из Алжира и чуть не погибла. Спасли Средиземное море и генерал де Голль¹. Россия в принципе тоже ушла с Кавказа и из Средней Азии. Но между нами нет морского барьера. Как быть? – Не ведаю. И, по-видимому, ответа нет ни у кого. Это не означает, что проблема не решаема или следует отказаться от ее решения.

Второе обстоятельство: в России должен возобладать свободный человек, т.е. личность. Проблема еще более сложная, чем отсутствие Средиземного моря. Но это не означает, что надо ее игнорировать, поскольку последствия отказа будут катастрофическими.

В чем основная проблема русской жизни?

На Западе противостояние различных политических сил – это относительный (в смысле релятивный) и легитимный процесс. Витальные основы социума, как правило, политикой не затрагиваются. Жизнь держится на вековых традициях, сложившихся укладах, правовых нормах. А в России политический раскол (борьба) – всегда раскол сущностный. Потому что этого живого фундамента нет, господствует принцип «кто кого». Победа одних означает уничтожение других и полное изменение человеческого существования.

Почему у России всегда неопределенное будущее? Всерьез ведь нельзя даже на небольшие сроки предположить, что будет. Потому что те, кто находится у власти в данный момент, всегда делают типологически одно и то же: закладывают взрывчатку в устоявшиеся представления о прошлом и взрывают их. Одновременно выдвигают новую версию истории. И также всегда она прямо противоположна взорванной. В соответ-

¹ Правда, во Франции была и другая точка зрения. Министр внутренних дел Франсуа Миттеран (в будущем президент республики, 1981–1994), выступая 5 ноября 1954 г. в Национальном собрании, заявил: «Алжирский мятеж может закончиться только войной. ...Алжир – это Франция... Средиземное море разделяет Францию не более чем Сена разделяет Париж» (Миттеран Ф. Речь в Национальном собрании 5 ноября 1954 г. // Душенко К. Всемирная история в изречениях и цитатах. – М.: Эксмо: ИНИОН РАН, 2008. – С. 24).

вии с новым прошлым строят новое настоящее. То есть меняют правила игры, принципы экзистенции общества.

Иными словами, Россия всегда имеет разное историческое прошлое и настоящее, которое тоже каждый раз строится заново. В результате у нас нет ни прошлого, ни настоящего, т.е. того самого живого фундамента, на котором строится жизнь на Западе, да, наверное, и на Востоке. Оттого нет и будущего. Из чего же ему произрасти? Традиция здесь – это бесконечная война с прошлым и героические попытки каждый раз сочинить настоящее из ничего. Разумеется, в такой борьбе шансов больше у тех, кто в этих попытках беспощаднее и тотальнее. Как любил говорить И. Бродский, главное – это величие замысла. В этом деле с Иваном Грозным, Петром Великим и большевиками не поспоришь.

Даже свободомыслящие русские любят порассуждать на тему о мнимом и поверхностном либерализме Александра I, о незавершенности реформ Александра II, о просчетах и недочетах Витте–Столыпина; об ограниченности разоблачений сталинской диктатуры КПСС на XX съезде и т.д. Действительно, по русским меркам все это было как-то недоделано, не завершено, недоразоблачено, недостоечно. Так оно и есть. Это ведь на Западе политика, как мы уже сказали, носит относительный, релятивный характер. Она в принципе отрицает завершенность, тотальность, поскольку история там – процесс открытый. И в этом смысле никакие заключительные аккорды не предполагаются. Русские же либералы всегда проигрывают русским нелибералам, так как и взорвать-то по-настоящему прошлое не могут. Так же как загнать настоящее в новое величие замысла. Ко всему прочему они и не хотят этого.

Так и живем.

О русской власти и ничтоизации личности

Почему власть все время запускает одну и ту же операцию, смысл которой в расстройстве общества (бывший террорист, а впоследствии реакционер Лев Тихомиров говорил: есть люди-устройства, а есть люди-расстройства). В первую очередь потому, что власть – это единственное, что у нас сложилось. Общество слабое, а власть – ого-го! Имеется, правда, и церковь. Но как только власть сложилась, тот же час начала борьбу с церковью. Это не исключало ее использование, опору на нее. И не противоречило личной вере представителей и персонификаторов власти.

Власть потому и расстраивала общество, что не хотела, чтобы оно сложилось. Если бы это произошло, она в данном виде уже была бы невозможна. Подобные ее действия – не случайность, не прихоть, не ошибка, но проявление самого сильного из всех инстинктов – самосохранения. В каждую историческую эпоху перед нашей страной стоит вопрос – что

мы выбираем: сохранение власти или сотворение общества. И надо сказать, что почти всегда наш народ выбирает власть. Но это не странно. Ведь человеку тоже – не только власти – свойствен инстинкт самосохранения.

И даже если порою под гнетом власти он теряет свою личность (это христианское начало в нашей культуре), ему, как правило, сохраняют его физическое естество. Лишь однажды всерьез и по-крупному власть стала отбирать у человека и его биологическую самость. – Понятно, что речь идет о сталинском периоде. И совершенно ясно почему. Слишком далеко к 1917 г. зашел в России процесс формирования общества, усложнения социальной и прочих сфер жизни. В этих условиях власть почувствовала для себя смертельную угрозу и начала карать русского человека до основания. «Припугнув» его таким образом, она снова перешла к более цивилизованным формам ничтоизации личности и фактически к поощрению перманентного передела.

Представляется, что это один из возможных способов понимания «русского» в его исторической ретроспективе. То есть это не описание болезни. Это социологический диагноз. Если бы Россия была не частью мира, а, скажем, отдельной планетой во Вселенной, то все это можно было исследовать подобно тому, как сегодня люди пытаются изучать Венеру или Марс – как некую данность, неизменяемую реальность. Поскольку же мы всего лишь часть мира, то всячески – хотелось бы нам этого или нет – вписаны в него, зависимы от него, уязвимы перед ним и для него. И в этом контексте подобная властно-социальная диспозиция, во всяком случае в сегодняшнем мире, представляет для самой России очевидную угрозу. Все зависит от понимания и соответствующих действий людей (и власти, и общества). Не маленькие уже. На кону сбережение того, что мы называем Россией.

Wohin treibt Rußland?¹

Действительно, куда? И движется ли она вообще? К тому же двигаться можно и вперед, и назад, и вбок.

Сегодня у нас есть удивительная площадка, с которой мы можем оценить недавнее прошлое нашей страны и одновременно сделать осторожное предположение, куда она может пойти. Как мы хорошо знаем, в социально-исторической жизни народов нет таких предопределенностей или законов, как в природе, где царствует закон необходимости. В истории этого быть не может. Решающую роль играет свободная воля человека. Собственно говоря, это и есть величайший дар, который получили мы, скажем метафорически, от Бога.

¹ Куда идет Россия? (нем.)

Главное наше отличие от других живых существ – даже не интеллект, но возможность различения добра и зла. И тем не менее существует то, что в науке называется коридором возможностей. Выбор, который делает общество, ограничен определенными рамками. И это не только рамки добра и зла, а экономические, правовые, ментальные и другие ограничения. Вот и посмотрим на возможный выбор России – куда она может двигаться – с этих позиций.

Но есть еще одна позиция, кстати говоря, очень удобная. В советские времена достижения СССР традиционно сравнивались с 1913 г. Поэтому интересно посмотреть, что за сто лет произошло с нашей страной. В новой же концепции единого учебника истории для средней школы 1914 год назван фактическим, а не хронологическим началом XX в. Это тоже площадка для обзора уже случившегося и анализа настоящего.

Скажем сразу, наша страна имеет обыкновение обманывать предположения самых проницательных аналитиков. Всем известен прогноз Д.И. Менделеева о том, что к 2000 г. в России должно жить до 400 млн человек. Но этого не случилось. Или в книге русского социолога и правоведа Николая Сергеевича Тимашева «Великое отступление»¹ утверждалось, что если бы Россия не остановилась в своем развитии в 1917 г., то к 1940 г. вошла бы в «клуб» наиболее развитых стран. И было еще много обещаний, но они не исполнились.

Кстати говоря, имели место не только приятные предсказания, но и совершенно пессимистические. О чем это говорит? Во всяком случае не о том, что «умом Россию не понять», а о том, что мы должны быть крайне осторожны в своих предвидениях и заранее знать об их относительности. Это опять же связано со свободной волей человека, с тем, что она порождает новые возможности и новые конфликты. Вот почему науке остается говорить лишь о коридоре возможностей. В этом состоят назначение и ограниченность социально-гуманитарного знания.

Сначала о хронологии. Нам сказали, что XX век начинается войной 1914 г.² Вообще-то это довольно распространенная точка зрения в европейской и американской историографии. Именно у англичан и французоз Великая война – это Первая мировая, а не Вторая, как у нас. Мы почти готовы согласиться с этим. Действительно, без войны, видимо, не было бы ни Февраля, ни Октября. Не рухнули бы Германская и Австро-Венгерская империи. Именно она окончательно подорвала Францию как великую мировую державу и в результате, и вследствие ее США стали, выражаясь современным языком, сверхдержавой.

¹ Timashev N. The great retreat. – N. Y.: E. P. Dutton & co., 1946.

² Мы об этом уже говорили, но здесь – другой контекст.

Но по мне «почти» – важнее, чем «согласен». Для русских, если принять эту точку зрения, 1917 год и все, что за ним, прочитываются как разрушительное воздействие мировых процессов на русско-национальное. И здесь внутренние причины трагедии русских революций уступают место внешним. Причем это влияние внешних обстоятельств варьируется в диапазоне от объективных социально-экономических и прочих условий до конспирологических теорий – теорий заговора. В нашем контексте не важно, какие они, – главное, что внешние. Нас же интересует внутреннее. Поскольку мы согласны с тезисом, что прежде всего обсуждаются не условия, в которых живет человек, а то, как он себя ведет в данных ему условиях.

В этом смысле – а наша цель, напомним, хотя бы отчасти понять, куда движется Россия, – назначить началом столетия Первую мировую войну означает перевести 1917 г. в разряд следствий, а не причин. На самом деле права была советская историография, когда говорила, что именно 1917 г. открыл новую эру в истории человечества. Только в отличие от советчиков, для которых это была апологетика, для меня – центральный пункт моего понимания и акт морального выбора. И я утверждаю, что XX век в России, а потом и в мире (поскольку Россия является одним из мировых центров) начался снежным Февралем 17-го года.

В том, что мы называем Февральской революцией, с невероятной отчетливостью выявилась (проявилась, отразилась) эссенция истории. Февраль – это, на первый взгляд, триумф, а на поверку поражение мировой культуры, цивилизации, прогресса. Что это означает? Что за странные слова? В Феврале 17-го русская история, вроде бы, достигла своей кульминации. Казалось, мы приехали на ту станцию, к которой стремились всегда. Февраль осуществили лучшие русские люди. Можно ли представить себе более завидную, более человеколюбивую биографию, чем у первого министра – председателя Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова? Или столь же искусного и искусственного политика, чем Павел Николаевич Миллюков? Более пылкого, чистого человека и великого оратора, чем Александр Федорович Керенский? Более благородного homo politicus, чем Владимир Дмитриевич Набоков? И именно этим людям мы обязаны самым страшным саморазгромом России за всю ее историю.

Скажем и другое. В отличие от большинства исследователей (подчеркнем: исследователей, а не идеологов), я утверждаю: последний русский император Николай Александрович Романов, даже в сравнении с Александром I и Александром II, – лучший русский царь по одной простой причине: при нем, – а он не мешал тому и даже по мере понимания способствовал – произошел самый большой за все тысячелетие расцвет Отечества. Этот человек – не мое наблюдение, но я им воспользуюсь –

был лучшим в породе властителей, как Юрий Андреевич Живаго в породе интеллигенции. Хочется напомнить: роман «Доктор Живаго» потому и стал событием мирового значения, что не только реабилитировал то великое, что создала Россия в ходе своего тысячелетнего развития, а именно: интеллигенцию, но и обеспечил ей навсегда статус мирового уровня. Это понятие стоит в одном ряду с такими, как греческие философы, римские юристы, средневековые схоласты, мастера эпохи Возрождения и т.д.

Так вот, Николай II – это квинтэссенция русской власти в ее лучшем и мировом смысле. Он был внуком двух выдающихся государей-реформаторов: датского Христиана IX и нашего Александра II. И своей судьбой соединил два этих либеральных тока – русский и европейский. Величие этого человека заключается в том, что всей своей органикой – и человеческой, и самодержавно-царской – он не хотел и даже боялся этих реформ. Но позволил им быть. Что-то высшее, чем «органика», вело его. Он всегда принимал *единственно* правильное решение. Это касается лишь самого существенного, по мелочам он ошибался постоянно. Главный итог его царствования – не в том, что он все проиграл (а вместе с ним – мы). Главный итог в том, что он показал, как можно.

Но и к этому человеку должно предъявить претензии. Он был обязан в решающий момент спасти страну. Не имел права отрекаться (права не юридического, но нравственного). Болезнь наследника, обида на ближайшее окружение и, наверное, что-то другое не оправдывают его срыва. И он, и те, кто его свел с престола, навсегда несут ответственность перед нами. И не потому, что ошиблись. И не потому, что проиграли. На то, чтобы Россия имела таких властителей и таких оппозиционеров, мы потратили тысячу лет. Они безответственно распорядились этим тысячелетием. Последовавшее столетие стало расплатой за их несостоятельность.

Казалось бы, после такого поражения Россия была обречена. И не до недавнего времени так казалось. Тем более что главный человек русского XX столетия – А.И. Солженицын – сказал, что мы напрочь проиграли этот век. И вот – конец этого столетия. В обстоятельствах, в которых оказался русский народ, он впервые в своей истории стал субъектом исторического развития. Не попы, помещики и капиталисты, как говорил мой отец, но, повторим, народ оказался субъектом русского процесса.

Народ выжил в условиях коллективизации и индустриализации – в переводе на обычный русский, в обстоятельствах его планомерного уничтожения. Он восстановил себя, пожертвовав тридцатью миллионами в самой страшной за всю историю человечества войне. Скажу внешне кощунственные слова, но готов за них отвечать. Все эти гитлеры, гестапо и сс заставили русский народ подняться с колен. В этом смысле совершенно точны памятники в Трептов-парке и в Пловдиве: русский солдат – во весь рост. Мы встали на колени, не решив внутренних проблем, а поднялись с

них, когда ощутили себя ответчиками за весь мир. В этом величие событий первой половины 1940-х годов. В этом фундамент для нашего будущего. В этом, если угодно, индальгенция за позор революции и Гражданской войны.

Но к этому никакого отношения не имеют большевистский режим и Иосиф Сталин. Они – это те самые условия, которые не обсуждаются. Обсуждаемся мы с вами.

Сразу откроем все карты. Наши «верхи», как властные, так и оппозиционные, мы сами (то, что называется русским народом) позволили разрушиться тысячелетнему русскому дому, но мы же сами начали процесс его восстановления. И в этом главный смысл XX столетия. Всегда любил цитировать Пастернака: но поражение от победы ты сам не должен отличать. А почему, собственно, не должен? Просто обязан. Я много раз бездумно повторял эти прекрасные слова. Может быть, они и верны по отношению к каждому конкретному человеку – в каком-то воспитательном, педагогическом смысле, но не «работают» в социальной жизни. Еще как надо отличать!

XX век был для России не только поражением, но и победой. Повторим: именно в этом столетии русский народ стал субъектом своей (и мировой) истории. Звучит, конечно, странновато. Когда же над ним ставились такие эксперименты? (Идти в колхозы, в коммунизм.) Да, никогда. Но и никогда он не решал сам свою судьбу. Уже не было просвещенных русских политиков, просвещенных русских властителей. Были Сталин и ЧК. И вдруг этот самый народ взял и сказал: не хочу сдаваться германцу, не хочу Сталина, не хочу ЧК – и последовал маленковско-хрущевско-брежневско-косыгинский период. Впервые в русской истории не цари, не графы Толстые (Львы и проч.), не графы Уваровы и проч., а «просто русские» могли сказать себе и о себе: вот я и делаю ракеты, перекрываю Енисей, и даже в области балета я впереди планеты всей. В этом был великой ответ русского народа на то, что ему было предложено русской историей в XX столетии.

О конституционной легитимности (опыт Германии)

XX – начало XXI в. показали, что развитие государства и общества, конечно, не предопределено, но во многом зависит от того, на каких основаниях происходит утверждение нового порядка. Дело в том, что последние сто лет, начиная с Балканских войн и Первой мировой, происходила очень активная перекройка политической карты Европы. Иными словами, речь идет о различных видах легитимности. Причем если ранее мы знали три основных типа легитимности: сакральную, правовую и историческую, то теперь к ним добавились некоторые иные.

Мне уже приходилось касаться темы «легитимность». Но трансформация политической ситуации в стране, появление ряда законов, имеющих в целом запретительно-ограничивающий характер, все более громкие призывы к изменению Конституции (скажем, отмене ст. 13 – «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»; или предложение депутата Е. Мизулиной внести в Преамбулу Основного закона запись о роли православной религии в истории России («фундамент»)) заставляют нас вновь обратиться к этому вопросу. И каким бы далеким от нужд повседневной жизни, каким бы «теоретическим» он ни казался, убежден, от того, как он решен, во многом зависит устойчивость всякой социополитической системы.

Классический пример – Германия. Она четырежды в этом столетии переучреждалась: в 1919, 1933, 1949 и 1990 гг. Веймарская Конституция 1919 г. зафиксировала весьма странное состояние этой страны. На развалинах Второго рейха была создана республика. Однако первая статья Конституции гласила: «Германский рейх есть республика» (рейх в переводе на русский империя). То есть рейх стал республикой. Во главе этого рейха стоял не кайзер, а президент, который избирался на семь лет. Практически не было никаких ограничений типа «на один срок», «на два срока». То есть в принципе был возможен пожизненный президент. И еще одно изменение: парламент получал большие права, чем имел в эпоху Вильгельма II. Но в принципе в политико-правовом отношении Веймарская республика была исторически закономерной модернизацией вильгельмовского режима.

В скобках скажем: в отечественной науке мало обращают внимания на схожесть властных конфигураций Германии согласно Веймарской конституции и Франции согласно Конституции Пятой Республики. И понятно почему: слишком исторически далеки друг от друга 1919 и 1958 гг., слишком далеки друг от друга исторические традиции Франции и Германии. Здесь интересно другое: как в различные исторические эпохи и в различных политических культурах работают схожие юридические модели. Во Франции получилось в высшей степени успешно, а в Германии она привела к катастрофе.

Однако вернемся к теме легитимности. Правовая в веймарскую эпоху была двойкой: а) сама республиканская конституция; б) связь с немецким рейхом. Подчеркнем: эта связь носила не только исторический характер, что вполне понятно, но и закреплялась юридически (рейх есть республика). Важнейшей легитимностью Веймарской республики был также Версальский договор, который, по известному выражению, «поставил Германию на колени». То есть веймарский порядок вырос из поражения в войне, национального позора и унижения. Естественно, что для большинства немцев Веймар стал по преимуществу результатом распада не только могучей, прогрессирующей, энергичной мировой державы, но

и некоей привычной нормы, нормальности. Это и привело к ситуации, которую зафиксировал Т. Манн: «республика без республиканцев, демократия без демократов».

Кстати, и в самом тексте Конституции 1919 г. слово «республика» употреблено лишь один раз (в первой статье). Когда говорится о стране, всегда используется «рейх». И по всему этому Основному закону сплошные: рейхспрезидент, рейхсканцлер, рейхстаг, рейхсрегирунг, рейхсминистр, рейхсвер и т.д. Да и вторая главная часть Конституции называется «Основные права и обязанности немцев». Не граждан, но – немцев!

Сегодня ретроспективно совершенно ясно, что у такой Германии было два пути: усиление демократического потенциала, заложенного в Конституции, и демократического потенциала самого общества или диктаторский реваншизм. В целом Германия пошла по второму пути, «обогатив» его взрывом звериного национализма и мобилизационно-тотальных технологий. Здесь, конечно, громадную роль сыграл великий экономический кризис, «отменивший» возможность социальной демократии и подтолкнувший страну к тотальному дирижизму (элементы мобилизационного дирижизма были характерны тогда для всех стран – США, СССР, Аргентины, Японии и т.д.).

Понятно, что режим, построенный на таких легитимностях, был непрочным.

Национал-социалистический порядок тоже имел букет легитимностей. Включая, кстати говоря, и отрицательную, т.е. легитимность преодоления поражения, унижения и отказа от веймарской демократии. Эта негативная легитимность порождала легитимность позитивную: мы встанем с колен! Мы это можем! Мы это сделаем! И как обязательное следствие: мы им отомстим! – внутри национал-предателям и «пятой колонне», вовне западным плутократам, мировому еврейству и жидобольшевизму.

С точки зрения правовой легитимности гитлеровский порядок был, так сказать, двойным. Это, кстати, зафиксировано в классической книге Эрнста Фрэнкеля «Двойное государство». Согласно Фрэнкелю, в 1930-е годы элементы веймарской системы сохранялись. Хотя по мере приближения к войне и в ходе войны заметно уступали свое место нацистской чрезвычайщине. То есть национальный социализм в ходе своей эволюции вытеснял остатки Веймара. Попутно заметим, что диктатор внес изменения и в саму Конституцию 1919 г. «Законом о главе Германского рейха» от 1 августа 1934 г. он объявлялся и рейхспрезидентом, и канцлером одновременно. 2 августа, т.е. на следующий день, умер Гинденбург, и Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

С этого момента (1934) Германия обрела еще одну легитимность: фюрерскую. Ее можно квалифицировать как квазирелигиозную, но это не вполне исчерпывает ее содержание. Я думаю, что должно быть найдено

какое-то иное определение. Дело в том, что, с одной стороны, фюрерская легитимность была зафиксирована в лозунге: «Адольф Гитлер – это Германия, Германия – это Адольф Гитлер». С другой – известно также, что движение так называемых немецких христиан (протестанты), в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждало, что Гитлер есть явление арийского Христа. И в этом смысле фюрерская легитимность являлась одной из важнейших, фундаментальных для всего порядка.

Еще одна легитимность – идеократическая. Причем, как и в случае с большевизмом, идеократия выходила за рамки социально-политического и претендовала на универсалистский статус. Она выступила и со своей антропологией, и со своей физикой, и со своей этнологией и т.д.

Ключевой легитимностью также следует назвать антисемитизм. Здесь речь шла не только о «священной» ненависти к евреям. Антисемитизм выступил – и это самое главное – в качестве универсальной формулы нацистского мировоззрения. Он был доведенной до абсолютного предела теорией и практикой абсолютного зла. Смысл этих теории и практики в том, что дихотомия «свой–чужой»/«друг–враг» объявлялась базовой для человечества, и «чужой–враг» были обречены на уничтожение. По отношению к врагам и чужим действовал принцип: в плен не брать; раскаянию не верить; гадину раздавить до конца.

Немаловажной формой легитимности было коллективное соучастие во зле, негласный стовор верхушки и немецкого народа жить «по умолчанию», закрывать глаза на творящиеся вокруг преступления и беззакония. Это к вопросу о коллективной вине и коллективной ответственности. Немецкий народ, как это ни горько сознавать, в своем большинстве дал санкцию на то, что происходило в Германии в 1930–1940-е годы. Разумеется, эта санкция имела как активную, так и пассивную формы.

Интересно отметить, что режимам типа нацистского не просто не хватает традиционных видов легитимности. Эти последние играют крайне незначительную роль. На первые же позиции выходят кровь, почва, судьба, рок, история, музыка, антропометрика, физическое устройство мира и т.д. Именно в этом настоящая тоталитарность таких режимов, где политическая диктатура является лишь средством, но не целью. Цель – это тотальный (используем новояз) войнопорядок. Такие режимы функционируют лишь на основе тотальной войны «своих» с «чужими», «друзей» с «врагами».

В 1949 г. произошло учреждение нового германского государства и социального порядка, основанного на классических западных ценностях. Впервые Германия (ее западная часть) встала на рельсы единого западного развития. На этот раз поражение в мировой войне и крах режима имели совершенно иные последствия для немцев, чем это было в 1920-е годы. Важнейшей легитимностью ФРГ стало признание вины Германии и не-

мецкого народа за преступления Третьего рейха. История показала, что это единственный и единственно эффективный тип легитимности для посттоталитарных сообществ. Дело не только в необходимости и плодотворности признания вины, покаяния и т.п., но и, что не менее важно, в возвращении из состояния тотального войнопорядка и тотальной идеократии в «посюсторонний», «расколдованный», секулярный, релятивистский социальный и правовой порядок, в котором абсолютное принадлежит лишь совести человека и в миру действует релятивистско-плюральный способ. Иными словами, «или/или» меняется на «и–и».

Прошло сорок лет и в 1990 г. Германия учредилась в четвертый раз. На бывшую ГДР были распространены все те легитимности, которые существовали в ФРГ. К ним добавилась еще одна: преодоление режима СЕПГ – Штази. Разумеется, для жителей Саара это играло одну роль, а для жителей Саксонии – другую. И это тоже очень важно. Включение ГДР в ФРГ привело к тому, что тема вины за преступления Третьего рейха в значительной степени утратила свое легитимизирующее значение. И, напротив, преодоление коммунистического эксперимента на востоке Германии для западных немцев стало естественным и доступным средством излечения от боли былых преступлений.

Время внутренней вины, говоря языком Бердяева, было объективировано и перенесено на жителей бывшей ГДР. – Теперь пусть они каются. Мы свой путь покаяния уже прошли. Это великое событие – объединение Германии – могло бы сыграть с немцами злую шутку, но, убежден, этого не произойдет. Современная Германия в 1990-е и «нулевые» годы обрела еще одну легитимность, которая уравнивает возможные негативные последствия объединения страны. Это общеевропейская легитимность. Смысл ее только в том, что Германия есть составная часть какого-то большего целого и что преимущественной идентичностью современного немца является то, что он – европеец. Может быть, на сегодняшний день это самая мощная и эффективная легитимность для всех европейских государств и всех европейцев. И, напротив, чем больше в тот или иной момент становится зазор между, например, понятиями «грек-европеец», «португалец-европеец», тем менее устойчива греческая или португальская системы. В этом, скажем попутно, величие замысла и претворения европейской интеграции. Это необходимо подчеркнуть, поскольку сегодня Европейский союз переживает не самые лучшие времена, а недоброжелатели не устают соревноваться в прогнозах его скорого развала.

Мне кажется, что в контексте нашей новейшей истории этот краткий экскурс в прошлое и настоящее легитимности власти в Германии весьма небесполезен и поучающ. Во всяком случае, немцы показывают нам и позитивные, и негативные варианты решения этого вопроса. Разумеется, у

нас своя специфика. Но это не отменяет методологического и типологического значения германского примера.

О тоталитаризме и его последствиях.

Или: зачем русским изучать тоталитаризм

Если на Западе исследования тоталитаризма, включая компаративный анализ фашизма, национал-социализма и советского коммунизма, стали уже давно привычным делом, то современная Россия (начала XXI в.) все еще находится в «начале пути». При этом следует заметить, что сама классическая модель «тоталитаризма» является скорее научной метафорой, хотя и «прижившейся», и очень социально-этически важной, и многое адекватно интерпретирующей. Но в контексте русской общественно-политической ситуации отказ от нее (или даже некоторое пренебрежение) был бы стратегически ошибочным и контрпродуктивным. Напротив, использование «тоталитаризма» позволяет поместить изучение большевизма в мировые и непривычные для излечения от него рамки. В них возможно целительное для современного русского мира сравнительное исследование гитлеризма и ленинизма-сталинизма.

Хотя, как мы видим, ситуация развивается в прямо противоположном направлении. Принимаются нормативные акты, по существу запрещающие сопоставительный анализ национал-социализма и сталинизма. Что фактически означает реабилитацию последнего. Или, может быть, это точнее: советская система 30–40-х годов не сводится к сталинизму, она-де имела репрессивно-террористические черты, но ими далеко не исчерпывается. Поэтому и применение к ней «тоталитаризма» признается нерелевантным.

Вместе с тем необходимо помнить, что немецкий тоталитарный опыт был прерван извне – победой союзников над Германией. Сегодня бессмысленно гадать, как мог бы эволюционировать национал-социализм. Что же касается советского коммунизма, то он, видимо, успел «прожить» весь свой цикл, отведенный ему историей. К тому же был низвергнут изнутри. – В нем очевидны два больших периода, которым соответствуют два во многом различных режима: Коммунистический-1 (КР-1) и Коммунистический-2 (КР-2). Первый – характеризовался стремлением к тотальной (невиданной в истории человечества) перестройке человека и общества (зародился в годы Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны, сошел на нет в годы Второй мировой и послевоенного восьмилетия (1945–1953)). Второй – номенклатурократия с отказом от тотального террора и тотальной перестройки, предполагал некоторую автономию личности, относительные свободы и т.д.

Сегодня Россия находится в советско-посткоммунистической стадии своего развития. Коммунизм как идеология и властная система отброшен. «Советскость» же сохранилась. Следовательно, существуют и определенные элементы тоталитаризма. Это: а) отказ от фундаментальной христианской ценности – «первородного греха»; с этим связано отсутствие в сознании индивида идеи личной вины, личной ответственности; перекладывание «зла» на другого; б) понимание власти только как насилия, а не конвенции между государством и обществом; в) упрощение «социального материала» как главная политическая технология.

Преодоление, изживание остатков тоталитарного сознания и практик возможны только через механизм их «обнажения» и постановки в мировой контекст. Но на этом пути мы столкнемся со сложностями объективного характера. Классики концепции тоталитаризма практически не занимались темой выхода из него. Просто не было предмета исследования. Россия оказалась первой и пока единственной страной, которая начала изживать его сама, без внешней «помощи». С одной стороны, это, конечно, подвиг, но с другой – тоталитаризм окончательно не ушел, он растворился в людях и новых институтах. Мы получили, если так можно сказать, soft-тоталитаризм.

Разрушение города

Будапешт. Сентябрь тринадцатого года (еще мирного, благословенного...). Где-то около половины шестого вечера. «Уже написан Вертер». Soggy, уже съеден гуляш. Собственно говоря, как из «Вертера» вышел весь XIX в. (ну, у нас-то точно), так из будапештского гуляша – перестройка. Или, как говорят здесь, в Венгрии, смена режима. А в Германии – Wende. Когда сидишь на Hojas utca, в кафе «Шагал» (это на задах будапештской Orega), с ослепительной ясностью понимаешь, что следует после тоталитаризма. Даже после такого мягкого, как здесь.

А что следует? Давно было сформулировано великим австро-венгерским поэтом Р.М. Рильке (цитирую в переводе Т. Сильман): «Осенью фонтанов умиранье / в серых и коричневых тонах. / Невозможность жизни и страданье / настигает нас на всех вещах»¹. Как смешны теоретики прогресса. Кстати, ряд выдающихся из них вышли отсюда, из еврейско-пештской среды. При всех своих различиях они полагали, что каждый следующий *временной* эон будет совершеннее, счастливее, роскошнее, чем предыдущий. Ничего подобного. Если вы когда-нибудь выбираете зло или зло побеждает вас (так было в Восточной Европе с конца 30-х по конец 60-х), следует «умирание в серых и коричневых тонах».

¹ Рильке Р. М. Новые стихотворения. – М.: Наука, 1977.

Замечали ли вы, что восточноевропейские города нельзя восстановить, сколько бы усилий ни прилагали? Будапешт, Варшава, Берлин (в том варианте, где он восточноевропейский), Петербург (единственный европейский город в Евразии), наверное, другие. Причина не в отсутствии денег. Их, как известно, всегда мало. Дело в том, что то, что мы называем тоталитаризмом, разрушает не только человека, но и города. Это не случайно. Город — это не архитектура, не городские удобства, не красивые здания. Макс Вебер: «Воздух города делает человека свободным». Именно поэтому ленины-сталины и гитлеры наносят удары по городу, а значит, и по человеку. Они убивают или разрушают человека. Они уничтожают города с их свободным воздухом и строят то, в чем человек существовать не может.

Не знаю как, но им удалось нанести удар в солнечное сплетение Петербурга или Будапешта. И когда вы там ходите, сидите, наблюдаете, на вас накатывает разрушительное чувство депрессии¹. Это и есть результат суицидального XX в.

Где-то в 60-х в Европе возникло движение экологов, «зеленых». Эти молодые в основном люди вовремя спохватились. Индустриальный подъем, при всех его достижениях, уничтожал естественную для человека среду обитания. Их героическая (действительно) деятельность спасла Европу и Северную Америку. Увы, на Западе не возникло подобного движения в защиту городов. (О России не говорю: у нас ведь только один город.) И в этом случае речь шла не о защите «памятников архитектуры», а того, что продуцирует «свободный воздух». Для Центрально-Восточной Европы это имело совершенно пагубные последствия. Сегодня мы пожинаем их. Единственная надежда — на свободную волю человека.

Ростово-Суздальская, Владимирская советская Русь

Суздаль. Середина лета. Идем по улице Ленина, говорим о Сталине. — Собственно, здесь уже можно ставить точку. Сказано все. Центральная, главная улица древнейшего русского города, города-музея, города изумительной русской красоты не может через почти четверть века после падения коммунизма называться «Ленина». Но называется. Есть и площадь с памятником Старику (правда, монумент безликий, серыйный, так сказать, районного разлива; разве сравнишь его с областным, владимирским Ильичом — тот как будто из бутика от-кутюр только что выпорхнул и вскочил на подставку; тоненький, в зауженных пиджачке, брючках, весь конфетный, гламурный; что-то хлестаковское; вообще-то анализ памятников

¹ Конечно, не одно оно. Великая красота архитектуры, вписанной в неповторимые ландшафты, сохраняется. Но жизни и воздуха не хватает. Особенно в Восточном Берлине и Питере.

Бланку-Ульянову (видел эту «квалификацию» в одном громком патриотическом издании) мог бы весьма помочь нам в деле самопознания). – Она, однако, больше смахивает на пустырь – обширный, нелепый. Одна из перпендикулярных «Ленина» улиц носит название – «Крупской».

Говорим, однако, о Сталине. Что он и есть русская идея. Все в нем – и «Третий Рим», и «православие самодержавие народность» (теперь выяснилось, что именно он возродил церковь из мертвых, а гнали ее кагановичи и губельманы), и вековая коммунистическая мечта русского народа. В общем, признаем правоту избороцев. – И вот что получается. Пока власть и интеллектуалы пытались сформулировать национальную идею, народ нашел ее сердцем. Разумеется, какого-то официального одобрения верхов ожидать не приходится. Да и не надо. Ведь Сталин – это наша сокровенная любовь, а не показуха или нечто навязанное. Когда-то Ленин сказал, что Россия выстрадала марксизм. Оказалось: он ошибся. Мы выстрадали Сталина.

В последнее время у нас любят цитировать: «Сталин не остался в прошлом, он растворился в будущем». Нет, Сталин и в прошлом, и на стоящем, и, очевидно, в обозримом будущем. И особого удивления это не вызывает. Так, в середине 50-х более половины западных немцев все еще одобряли Гитлера (данные опросов). И это после апокалипсиса 45-го, после почти десяти лет плотной денацификации, проводимой западными державами. Что же говорить о нас! Когда все советское не только осталось, но воспроизводится, развивается, верховодит.

Причем советское довлеет не одной лишь политике или политике-экономике, но всей повседневной, будничной, ежечасной жизни. Тому самому базису (не в марксистском смысле), из которого вырастают высокие материи. Пример: из Суздаля едем во Владимир. Вокзал, чудо отечественной архитектуры 70–80-х. Бетон, стекло, духота, полный провал в логистике. Чтобы сдать чемоданы в камеру хранения, надо по весьма крутой лестнице (лифтов, разумеется, нет) спускаться на подземный этаж. Там высокое окошко, за которым очень пожилая, хрупкая женщина. Вы подаете ей свой чемодан (слава Богу, пока еще высоко поднять двадцать кг могу, но через пять–десять лет...). И она, надрываясь, тащит его метров двадцать. Место хранения – 150 рублей (в Суздале кого ни спросишь: сколько зарабатываете? – один ответ: восемь тысяч; как выживают?) Туалет. Туда просто так не попадешь. Очередь (общая, мужжиноженская, дети). При входе в стеклянной будке контролер. Плюс еще две бабы сдерживают уже едва сдерживающих (при этом вокзал пуст, будто произвели зачистку; это последнее слово не случайно). Оказывается здесь свой порядок проникновения. Если у тебя есть билет, проходи свободно. Без билета – 18 р. Тут же можешь отмотать туалетную бумагу (бесплатно, видимо, режим «всю включено»). Но этот порядок начинает неожиданно сбивать.

Средних лет, хорошо одетая, вполне ухоженная дама пытается зайти с билетом мужа, которого куда-то провожает. Начинается шумный спор: имеет она право или нет. В качестве последнего аргумента в стеклянную будку предоставляется паспорт с брачной записью. Командир контрольного отряда в растерянности. Пускать или не пускать. Жаркая дискуссия охватывает очередь. Детский плач: «Мама, я больше не могу терпеть». — И все-таки счастливый миг настает. Однако через мгновение вы смущены. Кабинки не закрываются, да и устройство для облегчения прямо из середины прошлого века.

Но это все второстепенный жизнебыт (хотя, по мне, первостепенный, и поэтому обидно, в том числе и за «державу», что позволяет такое). — А теперь о «зачистке». С трудом везя свои чемоданы по привокзальному пустырю (уложенные на нем плитки выломаны через одну), входяшь в огромный зал и от удивления немеешь. Пассажиров и провожающих кот наплакал. Зато немыслимое число охранников в черном и полицейских. Досмотр и в аэропорту. Но дело даже не в том. Какая-то напряженно-гнетущая атмосфера. Наконец, понимаешь — «в чем дело». Пространство зала разгорожено турникетами так, что вы все время находитесь в узких коридорах. Процентом девяносто площади пусты, «гуляют». На перекрестках коридоров, на входах и выходах тьма (преувеличиваю, не «тьма», но очень много) людей в униформах, не очень доброжелательно смотрящих на передвижения немногочисленного контингента желающих ехать. Это устройство зала и эти охранно-полицейские действуют удручающе. Такая soft — лагерная обстановка. Правда, через несколько минут вы в городе, который фрагментами чудо как хорош, а в остальном такой же, как практически все облцентры на одной седьмой суши.

К стыду своему впервые во Владимире (повторю: из Суздаля, но с заездом в Боголюбово и осмотром храма на Нерли; аристократическая и совершенно гармоничная его красота убивается линией электропередач, протянутой по этому всемирному полю, не уступающему по природно-культурному значению тосканским холмам; нет все-таки не убивается, их ведь и снять можно...). Идем по длинной центральной Большой Московской, на которой, к счастью, нет московской многолопности. Ищем, где поесть. Находим, садимся на улице, в тени, под тентами. Молоденькие официантки мгновенно все приносят. Не очень вкусно и не очень дорого. В туалете (вот моя тема, почему раньше об этом никогда ни слова?) замок закрывается так, что выйти не могу. Хорошо хоть мобильный со мной. Звоню, коллеги бросаются выручать. Официанты в растерянности, через несколько минут за дверью «взрослый» голос какой-то ресторанной начальницы. Объясняет, что придется подождать. То, чем можно открыть у (скажем) Ивана Семеновича, но его сейчас здесь нет. Так сказать, единство времени, места и действия в негативном варианте. Классика наоборот.

Или советская классика. Согласитесь, что при всей редкости и отчасти даже смеховой пикантности ситуации, её esprit совершенно **типично-советский**... Через двадцать минут дверь взломали.

Проходят полчаса, и на вас обрушивается русско-европейско-византийское чудо Успенского и Дмитровского соборов, Золотых ворот, каких-то родных и милых кусочков сохранившейся губернской жизни конца XVIII – начала XX в. И чудный вид с бывших крепостных валов на Клязьму. Не Киев с Днепром, однако, по-своему прекрасно. – И вдруг: опоздали, Успенский закрыт, какая неудача. Но пытаемся проникнуть. Пожилая «охранница»: всё-всё милые, мне сегодня к врачу, поэтому пораньше и работу заканчиваем. Уговорили, правда, было выдвинуто условие – денег на ремонт храма пожертвуете, тогда заходите. Мы согласны, да и сами собирались...

Все это сценки советской жизни. Не русской (в смысле дореволюционной), не вестернизированной и не той, на которую надеялись двадцать-двадцать пять лет назад. Но причем здесь Сталин как русская национальная идея (мечта, утопия, упование...)? Я уже неоднократно излагал свою исследовательскую гипотезу о двух коммунистических режимах – КР-1 и КР-2. Первый – это ленинско-сталинский, режим тотальной переделки всего и вся (включая природу, человека, общества). Второй – хрущевско-брежневский, режим более традиционного для России передела (это гораздо сильнее, чем всякие там коррупции). Нынешний режим (я называю его советским посткоммунистическим) и вырастает из КР-2, и продолжает, и развивает его. Хотя, парадоксальным образом, родился из антикоммунистической и антисоветской революции. Однако верхи КР-2 («элиты») в целом сохранились и сохранили преемственность с его духом и плотью.

Только вот стержень сломался. Коммунистическая, марксистско-ленинская идентичность приказала долго жить. Общество же без стержня (идентичности) рассыпается. На роль новой идентичности в принципе могли претендовать три типа сознания: православный, гражданский и европейский. Все они, как мы знаем, не прошли – слишком мало оказалось по-настоящему православных, граждан и европейцев. Здесь-то Сталин и выдвинулся.

«Русский мир» как Новый Коминтерн

Но все-таки даже и Сталина не хватило для новой идентичности. В подмогу ему явилась идея «Русского мира». Кто ее автор, сказать затрудняюсь. Известно, что уже несколько лет существует фонд «Русский мир» во главе с В.А. Никоновым. Сам Вячеслав Алексеевич нередко рассказывает о судьбе этого «мира», недавно выпустил многостраничную кни-

гу «Российская матрица» (эта «матрица» во многом синоним «мира»). О «русском мире», его православно-духовном измерении говорит патриарх Кирилл: однажды я слышал весьма развернутое толкование данной идеи Н.А. Нарочницкой. Конечно, можно вспомнить и другие имена.

Смысл идеи в том, что «русский мир» гораздо шире и больше, чем государство Российская Федерация. Он включает в себя людей русской культуры и языка, живущих в разных странах. Но, понятно, прежде всего в славянских республиках бывшего СССР, вообще на постсоветском пространстве.

О «русском мире» говорят уже несколько лет. Должен признаться, что поначалу не понял, как и к чему возможности заключены в этой идее. Более того, пару раз в каких-то интервью необдуманно и неосторожно поддержал ее. Лишь события первого полугодия четырнадцатого года прояснили мне смысл и назначение «русского мира». — Конечно, «мир» определенным образом связан (наследует) с исторической концепцией Н.Я. Данилевского и воззрениями евразийцев. Иначе говоря, это цивилизационный (а не формационный, как марксизм) подход к истории. Он сохраняет яркий антизападнический этос своих предшественников и утверждает особый путь («Sonderweg») России, и вечные ценности, ей всегда имманентные. Но и идет дальше, преодолевая «узость» Данилевского и евразийцев. Между идеей «русского мира» и данилевско-евразийской идеологией такая же разница, как между современной квантовой физикой и классической физикой XIX столетия. Причем в прямом смысле: «русский мир», подобно кванту, может проникать повсюду, а не замыкаться в «славянском культурно-историческом типе» Николая Яковлевича или евразийской цивилизации Трубецкого — Савицкого — Вернадского — Алексеева.

Вместе с тем «русский мир» — не падайте в обморок, Вячеслав Алексеевич и Наталья Алексеевна, — по-своему наследует теорию и практику Коминтерна. Этой всемирной и всюду проникающей организации на службе у Москвы и имперских притязаний Совдепии. Таким образом, «мир» подобен Сталину, поскольку так же успешно и удачно совмещает прошлое разных эпох, но — русских.

Русское = советское?

Нет, видно, никуда нам не уйти от темы «русское — советское», от их соотношения. Более того, она становится для современного самознания наряду со «Сталиным» и «русским миром» центральной. И вот какое ее решение постепенно занимает господствующие позиции. «... Большинство русских людей сегодня — “советские”. Это неотъемлемый факт, и поэтому правы те, кто говорит, что сегодня антисоветизм — это русофобия», —

пишет В.И. Карпец¹. Здесь не надо смущаться, что данное мнение принадлежит публицисту этой газеты. В ней, как правило, идеи, разделяемые большей частью истеблишмента, выражаются открыто и в экспрессивной форме. По сути, то же самое пытается доказать профессор В.Э. Багдасарян. Причем журнал «Стратегия России», фактически теоретический орган «Единой России», печатает его работу «История и государственная политика» аж в пяти номерах² (!). Не помню, чтобы кто-нибудь еще удостоивался такой чести. – Для него всякое «нападение» на советское – русофобия. Последнюю он различает с русофобией, «как проявлением ненависти к русскому народу»³. Русофобия – это все, что связано с декommунизацией и десоветизацией.

В.Э. Багдасарян настроен серьезно и призывает карать «руссофобов». «Если механизмы законодательного пресечения разжигания ненависти на национальной и расовой почве существуют, то на почве вражды к стране, ее традициям, цивилизационно-ценностным накоплениям и жизненным укладам до настоящего времени отсутствуют. В рамках закона «О противодействии экстремистской деятельности» соответствующие вызовы, связанные с дезавуированием российской истории, естественно, не могут получить ответа»⁴. Поэтому доктор исторических наук требует «установления норм, вводящих ответственность за проявление руссофобии»⁵.

Итак, советское есть русское, соответственно, советское есть русские традиции и «цивилизационно-ценностные накопления»... Как странно! Ведь еще совсем недавно очень многие были солидарны с А.И. Солженицыным, что соотношение между русским и советским такое же, как между человеком и его болезнью (мы уже приводили это его мнение). Спорили лишь о том, заразная ли это болезнь (от Запада, разумеется), своя собственная, «органичная» или смесь того и другого. Однако сегодня, повторим, не эти дискуссии на повестке дня.

Правда, сама по себе эта повестка весьма однообразна и скучна. Но способы ее утверждения заслуживают какого-никакого рассмотрения. – В.Э. Багдасарян пишет: «Хронологически демонтаж СССР начался, как известно (интересно кому и откуда? – Ю.П.), с историографической кампании. Ее начало было приурочено (интересно кем? – Ю.П.) к семидесятилетней годовщине Октябрьской революции. За ревизией истории следовали соответствующие политические выводы. Ревизия прошлого шла в направлении от осуждения сталинизма к дезавуированию всего историче-

¹ Карпец В. Битва за историю // Завтра. – М., 2014. – № 29 (1078).

² Багдасарян В.Э. История и государственная политика // Стратегия России. – М., 2014. – № 3–7.

³ Стратегия России. – М., 2014. – № 3. – С. 13.

⁴ Там же. – С. 14.

⁵ Там же. – С. 13.

ского опыта России. На первом этапе острие критики было направлено против сталинского и отчасти брежневского режима, на втором – советского периода в целом, на третьем – всей российской национальной истории. В итоге выносился исторический приговор об аномальности на мировом фоне цивилизационного опыта России»¹.

Заметим, что «патриот» Багдасарян не просто воспроизводит логику «россиефобов», он идет вслед за ней. Ведь это же «враги России» «выводят сталинизм из ее аномального цивилизационного опыта». Багдасарян же просто конвертирует аномальность в «цивилизационно-ценностные накопления», в русскую нормативность. Кто критикует советское, тот критикует русское. На этом «россиефобы» и «патриоты» сходятся. Кстати, интересное свидетельство оставил нам в своих «Дневниках» о. Александр Шмеман. Он передает слова А.И. Солженицына: «Евреи были огромным фактором в революции. Теперь же, что режим ударил по ним, они отождествляют советское с исконно и природно русским»². Этот разговор состоялся 30 мая 1974 г. Так что сторонники Багдасаряна повторяют зады старого диссидентства.

Король умер. Да здравствует король!

Почему сегодня не в моде формационный подход? – Потому, что он предполагает развиге, переход от одного социального состояния (уклада) в другой. А наше общество, кажется, твердо отказалось от развития. Кроме того, формационные теории утверждают о б щ е для всех стран и народов. Это «общее» неприемлемо для режима – так ведь и до прав и свобод человека можно договориться. Да, признают глобализацию, от нее ведь не уйти. Но она все больше и больше трактуется как «американизация», как заговор американско-еврейско-масонско-космополитических финансовых элит против России и других «самобытных» цивилизаций.

Поэтому и пришла пора цивилизационного понимания истории. Замкнутые в себе и на себе «культурно-исторические типы» (очень многое по Н.Я. Данилевскому), с их «вечными», неизменяемыми сверхценностями, с о п р е д е л е н н ы м и государственными устройствами, экономиками, искусствами, философиями, историософиями и т.п. Развития нет, «общего» нет. Любое проявление чего-то, не укладывающегося в раз и навсегда данные рамки, нарушающего фундаментально-имманентные законы, квалифицируется как предательство, святотатство и покушение на основы.

¹ Стратегия России. – М., 2014. – № 3. – С. 7.

² Шмеман А. Дневники: 1973–1983. – М.: Русский путь, 2007. – С. 100.

Борьба с историческим разномыслием совершенно не случайна. Это восстановление советской ситуации, когда сомнение или, паче чаяния, отвержение «правды» марксистско-ленинской идеологии подпадали под статьи уголовных кодексов. Ныне могут – потенциально – «вклеить двושечку» за не ортодоксальную позицию по, скажем, историческому значению св. блгв. князя Александра Невского или взаимоотношениям Орды и Руси.

Но имеются и отличия от советской классики. Тогда карали за сомнение в правильности законов развития, теперь угрожают наказанием за неприятие законов не-развития (вечных, неизменных, все определяющих «ценностных накоплений» (по терминологии Багдасаряна); кстати, как вам слово «накопления», что-то знакомое, кажется, из карикатурно-нэпманского жаргона). Высоконравственные сторонники русской цивилизации укажут мне на то, что во всех странах имеется нормативная «священная история», и граждане воспитаны в духе ее внеорефлекторного почитания. Возможно. Но вот во Франции, где существует культ Жанны, за критическое к ней отношение с работы не выгонят и в Бастилию не заключат. То же самое касается и культов Революции, Республики, Генриха IV, Людовика XIV, Наполеона, де Голля. Ни при каком несоблюдении глубочайшего почитания этих персон или мифов по их поводу «двושечку не вклеят».

Свободные, развивающиеся общества отличаются от несвободных, неразвивающихся тем, что за мнение «не содют» (Багдасарян должен здесь мне сказать: а как же неотвратимое наказание за отрицание Холокоста или восславление нацизма? – Это не за «мнение», это за – по сути дела – соучастие в убийствах и оправдании абсолютного зла. Добавлю: любой сегодняшний сталинопоклонник есть актуальный (в смысле: реализовавшийся) подельник палача и клеветник на Россию; ведь по-вашему мнению, товарищи, сталинизм есть высшее проявление русского; это и является клеветой, поскольку палачество никогда не было «вечной ценностью» моего народа).

Кстати, привлечение правового инструментария и государственной власти к исторической дискуссии свидетельствует о коренной слабости и неуверенности в себе певцов цивилизационного подхода. Конкуренции бояться. Это сродни «зачистке» политического пространства и уничтожению соревновательной публичной политики, установлению государственно-монополистических порядков в экономике, изгнанию из СМИ альтернативно мыслящих людей и т.д.

Когда-то, много лет назад я прочел у Томаса Манна: «Пораженец рода человеческого». Великий писатель и мыслитель имел в виду своего современника и соотечественника Освальда Шпенглера. Меня больно резанули эти слова. Ведь «Закат Европы» одна из самых интригующих, ин-

спирирующих, захватывающих книг¹ (я и сегодня, освободившись от юношеских искушений, с наслаждением и восхищением глотаю некоторые куски этого текста). Но надо признать: Манн прав. При всей своей гениальности Шпенглер (наиболее яркий идеолог цивилизационизма) лишает человека и общество свободы, выбора, развития. Следовательно, и ответственности, самовыражения, единства со всеми жившими и живущими. Он загоняет нас в тюрьму строгого режима, где нам мгновенно объяснят, как себя вести. Непонимающих, вольнодумствующих тоже заставят — опустят и заставят.

И никакого перехлеста в том, что я говорю, нет. Как многие из нас, уже побывав в тюрьме — формационного подхода. И там, и здесь цель оправдывает средства. Там — построение коммунизма, здесь — верность «ценностным накоплениям».

Украина, война, партизаны

Что является главной темой современной российской внутренней политики? Ответ очевиден: Украина. Это вполне логично. Логично в том смысле, что в последние годы главным вопросом внутренней российской политики была история, точнее русская история. Наша власть и ее идеологические помощники с громадной энергией занимались переписыванием истории. Нет, наверное, это было даже не переписывание. Это очень напоминало действия того или иного государства по перекройке политической карты мира: череда сражений, поглощений или потерь тех или иных территорий. В результате рождается новая система мироустройства. Вот так примерно и было с нашей историей.

Все-таки как это связано с Украиной? Скажу еще раз — напрямую. Из высочайших уст мы услышали, что русские — самая большая разьединенная нация в мире. Мы узнали о существовании особого «русского мира» (своеобычного культурно-исторического типа), о том, что 1991 год был самой большой геополитической катастрофой XX в., что Крым никогда не имел никакого отношения к Украине, а ее юго-восток всегда был русским. То есть новое историческое видение стало единственным обоснованием того, что ныне происходит как на самой Украине, так и у нас. Ведь те, кто в России не разделяет этих исторических воззрений, квалифицируются как «пятая колонна» и т.п. И даже как пособники «нацистов-бандеровцев», победивших в Киеве. А поскольку эти самые «бандеровцы» находятся под управлением «мировой закулисы», то, соответственно, и наша «пятая колонна» — тоже.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Авт. пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Свасьян К.А. — М.: Эксмо, 2006. — 800 с. — (Антология мысли).

В *этом* смысле Украина и есть первый внутрироссийский вопрос. И трудно даже сказать, что важнее нашей власти – закрепление за РФ Крыма и юго-востока Украины или расправа над весьма немногочисленными и сегодня совершенно невлиятельными вольнодумцами. Причем эти последние в чем-то схожи с украинской армией – слабой, неподготовленной, нередко деморализованной и тем не менее все еще сражающейся. Кремль ведет войну на два фронта. Такие войны, как правило, опасны для тех, кто на них решается (даже тов. Сталин на время Отечественной сильно свернул войну со своим народом).

Смею предположить: мы уже живем в состоянии войны. Россия вновь ввязалась в войну. Пока она носит несколько необычный характер. На украинском фронте – назовем его условно западным (а, впрочем, почему условно? Он действительно западный) – война имеет два измерения: горячее и холодное. На втором фронте – внутреннем – пока только холодное. Ведь по-настоящему репрессии еще не начались. И поскольку идет война, власть приступила к мобилизации, тоже весьма своеобразной: мобилизации широкого круга интеллектуалов (и не в последнюю очередь историков) на эти два фронта. В отличие от традиционного военного призыва здесь нет возрастных ограничений. В сущности нет и никакой качественной разницы между теми «добровольцами» из России, что сражаются под знаменами Луганской и Донецкой республик, и теми мобилизованными добровольцами, что геройствуют в электронных и бумажных СМИ, на радиостанциях и кафедрах внутреннего фронта. И на этом фронте есть свои стрелковы и бородаи.

Что же нам делать? Ну, прежде всего, определить: кто мы? Что за люди, которых я обозначаю этим местоимением? Это те, кто в разных формах, но с одним идейным мотивом косит от всеобщей мобилизации на внутренний фронт. Когда-то Бродский говорил о себе, что всю жизнь чувствовал себя партизаном, т.е. тем, кто в одиночку или в небольших отрядах противостоит, казалось бы, уже победителю. Наша «партизанская борьба» должна быть направлена на сокрушение стратегического потенциала, повторю, казалось бы, уже победителя. А этот потенциал есть история.

Но не просто история как некий событийный ряд, не просто историософия, хотя и со всем этим придется иметь дело. Но история, которая стала фундаментом для возведения новой русской, по сути, обязательной для всех идеологии. И хотя о ней мы уже отчасти говорили, определим ее еще раз. Красно-белое черносотенство, революционный консерватизм, «консерватизм без традиций». Все это взято из политического лексикона Петра Струве. Слова примерно столетней давности.

Раз уж мы упомянули имя этого великого человека, вспомним, что сказал о нем о. С. Булгаков в своем надгробном слове (ровно семьдесят лет назад, в Париже, в Александро-Невском соборе): «Количественным

успехом не увенчалось наше дело, до времени мы оказались сметены насильем воинствующего безбожия, однако духовная битва была дана и остается незабываема...»¹. Зачем я вспомнил эту речь Булгакова на отпевании его друга? «Партизаны» должны знать: «наше дело» совсем не обязательно увенчается успехом. Современные «воинствующие безбожники» (включая тех, кого ТВ в своих эфирах много лет подряд высвечивает в церквях на Пасху и Рождество) и сегодня количественно значительно сильнее. Главное – в другом. Должна быть дана духовная битва. Даже если мы догадываемся, что может повториться ситуация, типологически схожая с той, в которой оказались Струве, Булгаков и тысячи других «крестоносцев свободы» (это тогда же о. Сергей – о своем усопшем друге).

Конечно, красиво, величественно звучит: «крестоносец свободы». И, в общем-то, сегодня в стане «партизан» практически некому примерить на себя это определение. Как-то нескромно. Но вот в чем исторический вызов – или, как говорил Галич, «и все так же, не проще, / век наш пробует нас...»? Помните, что дальше? «Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь / ...В тот назначенный час?». Если мы сможем и посмеем, то при всех наших малости и скромности вернем в Россию определение «крестоносец свободы».

Однако хватит красивых слов и исторических реминисценций. Смысл предстоящей или уже идущей битвы двояк. Во-первых, показать несостоятельность и опасность их прочтения истории, их новой идеологии. Во-вторых, сформулировать новое русское либеральное мировоззрение и конкретную политическую программу. В общем, это должна быть философия русского сопротивления злу – потенциально: русскому фашизму.

Такая философия станет действенной лишь при следующих условиях. Подобно тому как исторические партизаны пускали под откос вражеские поезда, нам необходимо пустить под откос псевдо- и антинаучные основания их идеологии (все эти цивилизационные подходы, евразийские проекты, отождествление русского и советского, теории заговоров, сталинский миф и др.). Далее. Разоблачая зло, нам следует сказать, в чем главная задача этого сегодняшнего русского зла. Она состоит в реставрации всего того худшего, что уже проявило себя в различные исторические эпохи. Сегодня из этого худшего хотят слепить новую Россию. А также в уничтожении либерально мыслящих русских людей, которые не желают «петь под звон тюремных ключей». Два этих аспекта современного зла стягиваются воедино реваншистским черносотенным сталинизмом и тем, что Макс Шелер назвал «ressentiment» (термин, взятый им у Ницше). Это чувство экзистенциальной ненависти и злобы, причина которого заключа-

¹ Булгаков О.С. Надробное слово на погребении П. Струве // Русская мысль. – Париж, 1944. – 29 февр.

ется в подавленности каким-то «внешним объектом» (скажем, Западом, жидомасонами, либерастами и т.п.).

Как у всякого движения сопротивления, у всякого партизанского отряда, у нас на знаменах должны быть начертаны главные слова. Предлагаю: «Граждане, Отечество в опасности!» и «Чтобы Россия стала Россией» (парафраз лозунга польской «Солидарности» 80-х годов). Это целеполагание напрямую связано с проблематикой «общества не-развития», о которой я писал выше. Если теоретики и практики социального не-развития обращаются к соответствующим векторам нашей истории, то, естественно, наша задача – актуализировать исторический потенциал русского развития. Иными словами, показать и доказать, что мейнстрим нашего пути не есть смена различных властно-диктаторских порядков. Кроме того, всем известные периоды и тенденции либерально-эмансипационного характера не являются девиантностью, а, напротив, имеют глубокие основания и весьма успешно проявлялись в нашем прошлом.

Таким образом, нам предстоит сражение смыслов, прежде всего в историческом пространстве. Его-то мы обязаны выиграть, поскольку политически уже проиграли новую гражданскую войну. Она прошла, слава Богу, преимущественно в холодных формах. И в известном отношении мы можем себя утешить: соотношение сил было явно не в нашу пользу.

О необходимости аудита

Сегодня многие думающие люди задаются вопросом: как такое могло произойти со страной? Да, конечно, все последние годы жизнь становилась все несвободнее и грознее. Однако ныне – и это также констатируется – мы оказались в качественно более опасной ситуации. Естественно, ищутся причины именно такого хода событий.

Предлагаю поговорить об одной, наверное, не самой важной, но тем не менее принципиальной. В мировом общественном мнении и в науке нормативным выходом из тоталитарной системы признан германский. И, наверное, 99% этого «транзита» сводят к политике денацификации, покаяния, признания вины. Это верно. Но, как правило, без внимания остается одно очень важное обстоятельство.

Наиболее пронизательные немецкие мыслители, писатели, ученые – прежде все те, которые оказались в эмиграции, – начали, говоря сегодняшним языком, аудит великой немецкой культуры. Наехали на нее с ревизией. После 1945 г. это продолжилось уже в самой стране. Эти люди хотели выяснить, в каком соотношении находятся великая немецкая культура и национал-социализм, не было ли в ней чего-то такого, что способствовало вызреванию этого чудовища. Разумеется, речь шла не о заведении уголовных дел против тех, кто когда-то составил Германии мировую

славу. Но очень внимательно и жестко были обследованы идеи и другие продукты творчества германских культур-производителей. Причем как давно умерших, так и влиятельных современников.

Результатом этого изучения стало признание того факта, что творчеством многих лучших умов были созданы некоторые основания и предпосылки для возможного появления чего-то вроде нацизма. При этом все, конечно, понимали, что было бы абсолютной глупостью свести гитлеризм к некоторым болезненным явлениям в немецкой культуре.

Важнейшим результатом этого аудита, этой ревизии стало не развенчание и осуждение определенной однозности Фихте, романтиков, Вагнера, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера, К. Шмитта и т.п., но понимание того, что даже у тех первых и вторых имен немецкой культуры, которые в этой однозности замечены не были, имелся определенный потенциал для формирования той среды и того человека, которые в экстремальных обстоятельствах (а Германия после поражения в Первой мировой войне оказалась в них) могли одобрить или хотя бы примириться со злом национал-социалистического типа. Об этом убедительно и, думаю, адекватно в 1930–1940-е годы писал Т. Манн. Обращаюсь к этому имени не только потому, что это один из наиболее блистательных и, если так можно выразиться, положительных гениев Германии XX столетия. Дело в том, что практически вся его проза и публицистика давным-давно переведены на русский язык и, следовательно, доступны для многих поколений соотечественников.

Результатом самоанализа немецкой культуры стало то, что были обнаружены и, следовательно, заблокированы те самые ее негативные смыслы и потенциалы. Теперь сфера их влияния – маргиналы, аутсайдеры. Подавляющее большинство немцев уже не могут быть инфицированы этим ядом. Никакие новые социальные проекты – во всяком случае, в обозримом будущем – не будут построены на таком фундаменте.

У нас этого не произошло. Подобная работа не была проделана. Более того, все сложилось ровно наоборот. Еще в советские времена большая часть мыслящих людей с равнодушием и безгливостью отвергала «марксистско-ленинскую чушь» и искала иные источники для формирования собственного понимания мира. В целом таких источников было два. Первый: западная мысль и культура в целом. Второй: дореволюционная и эмигрантская русская мысль, наука и культура в целом. Когда советская империя рухнула, марксизм – как в его классическом, так и в ленинско-сталинско-суловском изводе – был с позором изгнан с 1/6 части суши. Более того, именно марксизм был назначен главным ответчиком за русскую трагедию. Очень далекие друг от друга Солженицын и Бродский (хотя в Америке жили в двух часах езды на автомобиле) солидарно заявляли, что этот гадкий марксизм есть порождение западной культуры и, следова-

тельно, этот коварный Запад несет огромную ответственность за наши несчастья. При этом, конечно, принимались во внимание и русские причины.

Надо сказать, что с конца 1980-х и в 1990-е запустились два параллельных процесса: имплементация западных идей и ценностей, возрождение и освоение дореволюционно-эмигрантской русской традиции. В силу определенных (очевидных и не очень) обстоятельств западный «Drang nach Osten» окончился неудачей. И тогда на первый план вышло доморощенное. Сегодня различного рода теоретики и идеологи нелиберальных ориентаций пытаются найти себе опору в русских культуре и мысли XIX–XX вв. Возобладавший идеологический дискурс апеллирует к Карамзину, славянофилам, Данилевскому, Леонтьеву, Каткову, Ивану Ильину и т.д. В группу поддержки новой русской идеологии призываются Пушкин, Тютчев, Достоевский и др.

В самом деле, этим новым русским псевдоконсерваторам есть чем поживиться у великой русской культуры. Будучи действительно великой, мировой, она не менее, чем немецкая, несла в себе элементы и стихии болезненности, склонности ко злу и насилию. Не менее немецкой подвергалась искушениям мифотворчества и утопизма. Вот как раз эти стороны русской культуры с успехом эксплуатируют современные идеологические опричники. Следовательно, наша задача – провести, по примеру немцев, свой аудит, свою ревизию. Параллельно дать бой этим людям на поле русской культуры и выбить их за ее пределы. Мы, а не они, являемся ее наследниками по прямой и продолжателями.

Вновь о русской власти. А также о евразийстве

Что такое русская власть? – Это управление немногочисленным народом, помещенном в огромное пространство.

Народ по происхождению скорее европейский, чем азиатский. А пространство в своих размерах в основном азиатское. Отсюда, казалось бы, двойственная природа власти, о которой сказано, что она – и Папа, и Лютер в одном лице. Она и революционер, и реакционер. Но это не ее двойственность, а ее сложная природа.

С точки зрения человека, власть у нас евразийская, а с позиций пространства – азиатская. История последних веков – это борьба за выбор не между Европой и Азией, а между Евразией и Азиопой.

Такой выбор обусловлен тем, что громадные азиатские пространства никогда не станут европейскими. Ни в каком смысле. А небольшие по количеству поселяне, имеющие более или менее европейскую родословную, никогда не превратятся в азиатов. Подчеркнем: слово «евразиец» мы используем не в смысле Трубецкого и Савицкого. А в смысле: европеец, помещенный историей в Азию и приспособившийся к ее требованиям (это последнее – уже по Савицкому).

Если для классических евразийцев основные фигуранты нашего исторического прошлого были Степь и Лес, то, по моему разумению, — это европейский человек и азиатское пространство. Евразийцы полагали, что лучшим исходом соперничества Степи и Леса станет их симбиоз. Я же думаю: покoreние европейским человеком азиатского пространства.

Последнее означает не, скажем, тотальное заселение этого пространства, или умелое использование его недр, или что-то подобное. Речь идет о еще невиданном в истории человеческой цивилизации создании гражданского общества на азиатском, а следовательно, негражданском пространстве. Все гражданские общества возникали на локальных европейских пространствах. Несколько раз делались более или менее успешные попытки объединения этих локальных пространств. В конечном счете появился современный европеец, т.е. человек-гражданин, человек свободный. Основными его качествами стали собственность и право.

История бросила нам вызов: или мы выработаем свои собственность и право и тогда преодолеем «азиатчину», или она поглотит нас. Политологически это будет звучать так. Россия — Евразия в случае, если общество — субстанция, а власть — его функция. Россия — Азиоп, если власть — субстанция, а общество — ее функция.

На уровне языка и научных понятий зафиксировано, что наша власть происходит от «волость», т.е. господство над пространством. Я — власть, потому что владею территорией. Также наша власть обозначается как государство, как то, что принадлежит государю. То есть власть принадлежит одному. Евразийская же власть — это порядок, который общество устанавливает для себя. Власть не просто принадлежит народу — она исходит от него. Это самоорганизация общества. И, соответственно, это уже не азиопская власть, не азиопское государство.

Каким будет новый русский термин для обозначения власти и государства, судить не берусь, но в победе евразийского выбора России убежден. Результатом этой победы будет возвращение русского племени и русских пространств в европейскую цивилизацию. Убежден в этом не потому, что очень хочется верить в такой исход, а потому, что история — это повествование о человеке, а не о пространстве. Последним занимается география. Даже археологи ищут в земле человеческое, а не пространственное.

Попытка понимания

Попробуем понять, почему у нас так, как есть.

И сразу же, как всегда, оговорим: не претендуем на полноту понимания. Она придет позже, когда нас уже не будет. Зато будут известны результаты. Такая временная ограниченность, частичность хорошо видна на примере вековой годовщины начала Первой мировой войны. То, что то-

гда и чуть позже полагалось основными причинами, сегодня представляется второстепенным, на первый план выходит скрытое от современников.

То же самое и сегодня. Но это, как и сто лет назад, не освобождает нас от обязанности искать ответ(ы).

Для меня главный вопрос следующий: почему российский обыватель, российский предприниматель, российский интеллигент даже не пытаются противостоять разрушительному для них и для страны в целом экономическому и политическому курсу? Почему не возникают организованные группы сопротивления? Почему нет новой Болотной? Почему общество с равнодушием встретило разрушение Академии наук, закрытие школ, больниц, девальвацию рубля и т.п.?

Есть несколько причин. Но главная – в особой природе как постсоветской власти, так и постсоветского общества. Я специально называю эту власть и это общество постсоветскими, поскольку хочу еще раз подчеркнуть их происхождение. Хотя парадоксальным образом, выйдя из них, они принципиально изменились – вплоть до того, что их можно квалифицировать как совершенно иные.

Вспомним, что происходило в конце 1980-х годов. Неожиданно и для власти, и для общества все – и некоторые представители власти, и часть общества – выступили против одряхлевшей диктатуры и смели ее. То есть сложилась ситуация, прямо противоположная сегодняшней. Массовый подъем неравнодушного меньшинства общества и несколько реформаторов во власти изменили ход исторического развития.

(Прошу не удивляться: массовое меньшинство – не «contradiction in adjecto». К более-менее длительной социальной активности готовы относительно немногочисленные группы общества. Так всегда и везде. В революционные, переломные моменты их количество умножается, но все-таки они не перестают быть меньшинством.)

А кому были нужны эти перемены? Всем. По-своему все тогда пели: «Мы хотим перемен». А какой социальной группе, или классу, или «сословию» были выгодны эти перемены? Никому. В известном смысле слова проиграли все: номенклатура, офицеры, врачи, учителя, ученые, рабочие и т.д. А кто же выиграл? Небольшая часть индивидов, сумевших приспособиться и даже овладеть новой ситуацией, но в своем сугубо индивидуальном качестве, а не как представители или выразители интересов той или иной социальной группы.

То есть произошло еще не описанное удовлетворительным образом революционно-эволюционное событие, принципиально отличающееся от классических революций XVIII–XIX столетий и интернационал- и национал-социалистических революций XX в. Русская революция конца 1980-х – начала 1990-х имеет некоторые общие черты с европейскими революциями 1989 г., но и в значительной степени отличается от них.

Теперь становится ясным, *что* же сделали большевики с российским обществом или во что они превратили его. Используя его незрелость, неустойчивость (в смысле невыработанности иммунитета против асоциально-деструктивной эпидемии), верхушечность (большая часть населения империи была вне «civic society», а пребывала еще, так сказать, в патриархально-фольклорном состоянии), уничтожили. А с людьми поступили следующим образом: кого убили, кого выгнали, кого запугали, кого поощрили, кого (их было немного) не заметили. Но всех, живых и мертвых, провернули через советскую мясорубку. «Проваренный в чистках преда-тель» — не поэтический оборот речи, но точное социологическое определение.

В результате возникло такое вот «общество». Масса схожих индивидов, для которых главным качеством в социальном отношении была не принадлежность к какому-то классу, группе, сословию, как это было во всех прежних обществах, но принадлежность, говоря общо, власти.

Обратим внимание: большевики уничтожили абсолютно все социальные институты дореволюционной России, включая крестьянскую общину. Подчеркнем: совсем не Столыпин — у него не было таких намерений. Он лишь хотел предоставить возможность выйти из нее тем, кто мог и хотел. Укажем и на то, что в оценке общины принципиально ошибались либералы, марксисты и модерная часть русской бюрократии. Ошибались примерно так, как Маркс и Ленин в понимании капитализма. Эти приняли болезнь роста за несостоятельность (Маркс) и за болезненное умирание (Ленин). Что касается общины, то либералы-марксисты-модернисты не оценили ее адекватности русским условиям и возможности эволюции. Ближе всего к ее пониманию подошли эсеры, Чаянов, Кондратьев.

Далее. Зададимся вопросом: на чем была построена императорская Россия? На самодержавии и крепостном праве. Подавляющее большинство населения дореволюционной России находилось в крепостной зависимости либо у государства, либо у помещика. Но господство власти и дворян было принципиально ограничено. И это ограничение они установили сами.

В течение XVIII столетия, последовательно создавая передельную общину с целью эффективной эксплуатации общинников и поддержании «социального мира» в империи, эти самые власть и помещики не вмешивались, как правило, во внутреннюю жизнь общины. Многие десятилетия этого невмешательства привели к формированию собственных институтов, процедур и обычаев у общинников. Изредка вторгаясь в дела общины, власть помогала правильному оформлению того, что уже возникало. Скажем, киселевские реформы. Когда же власть и помещики отпустили общину (отпустили не крестьян, а общину), она уже сама по себе, адаптируясь к новым условиям, устремилась к собственной модернизации,

совершив переход от полубиологической общности (К. Поппер)¹ к кооперации. «Второе крепостное право большевиков» вменялось во внутреннюю жизнь общины, тем самым погубив ее.

Самое большое преступление большевиков против общины – уничтожение социального плюрализма, социальной дифференциации, институтов и процедур самоорганизации, формирование человека вне социальных рамок той или иной группы, безразличного к тому, что происходит с другими. Людей объединяли страх, ненависть, гордость (иногда фальшивая, а иногда обоснованная), но они в принципе не знали, что их собственная безопасность может быть обеспечена лишь соучастием и солидарностью в отстаивании интересов других. Это и понятно. Социально других групп не было. И никто не принадлежал ни к какой социальной группе.

Могут возразить: колхозники находились в одном состоянии, рабочие – в другом, интеллигенция и бюрократия – в третьем. Или в четвертом. И власть расправлялась с ними или же их благодетельствовала, казалось бы, во многом в соответствии с этим делением. Но конечная их судьба зависела не от принадлежности к новым советским стратам, а от воли власти.

Поэтому и перестройка стала революцией массовизированных индивидов против тотального помещика – власти. Она не была, как это видно теперь, временем кристаллизации отдельных социальных групп или отдельных социальных интересов, наличие которых дает хоть какую-то основу для противостояния власти. Более того, только существование таких групп и их четко артикулированных интересов превращает негативное противостояние в позитивный диалог. Иначе власть скажет (и говорит): а с кем диалог-то вести? С болотной толпой национал-предателей?

Так я вижу причину, по которой отсутствуют социальные протесты в моей стране. Мы – вышедшее из советского постсоветское общество массовизированных индивидов. При этом произошли громадные изменения. Власть отказалась от идеи и практики тотального контроля и тотальной эксплуатации всего общества и всех сфер деятельности человека, что не менее важно. Об этом уже много написано. И мы говорим об этом лишь для того, чтобы показать, к каким последствиям это привело в нашем контексте.

Итак, власть отпустила на волю некоторые виды деятельности и, соответственно, людей, занимающихся ими. При всех «но» и ограничениях такие виды и такие люди существуют. И, соответственно, их социальный кругозор, так сказать, ограничен собственными возможностями. Создалась удивительная ситуация. Когда, по сути дела, начался разгром системы

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

здравоохранения, это вызвало слабые, беспомощные протесты самих медиков. А ведь на демонстрацию в первую очередь должны были выйти мы, пациенты. Речь ведь идет о нашем здоровье. Но у одних, кто практически при любых переменах найдет возможности квалифицированно лечиться, и у других, которые ни при каких условиях их не найдут, интереса к проблемам медиков нет. Для тех и других разгром российской медицины – это не проблема их здоровья. Это проблема профессионального устройства врачей и медсестер. То же самое касается школы, Академии наук и т.д.

Мы получили общество, которое по-прежнему состоит из массовизированных индивидов, но оказавшихся в разных условиях социального выживания. То есть это и есть основная структура, стратификация постсоветского общества. Поскольку появились социальные сферы и виды деятельности, к которым власть потеряла свой интерес, но возникли и те, которые находятся под ее неусыпным вниманием, то и невозможен социальный протест типа перестроечного. Невозможен и протест со стороны опущенных властью. В условиях протеста они потеряют то, чем обладают. Невозможен протест подконтрольных – они кормятся с руки власти. Но как бы Путин ни укреплял свою властную вертикаль, как бы ни наступал на общество, по своей природе власть, которую он олицетворяет, не нуждается в тотальном контроле над обществом.

Поэтому нынешняя путинская власть не хочет быть сталинской – даже в мягком варианте. А потому и общенациональный протест маловероятен. Но и раздробленное по своим возможностям общество, состоящее, напомним, из наследственно социально безразличных индивидов, не способно к протесту современного типа. То есть, повторим, социально организованных групп.

Какой же выход? Здесь, парадоксальным образом, обратимся к идеям главного убийцы русского общества – В.И. Ленина. В работе «Что делать?» он писал о необходимости внесения в сознание пролетарских масс идеи революционного преобразования. Само это сознание, полагал Ильич, не может выработать революционная идеология. Задачи сегодняшних российских интеллектуалов, ориентированных на идеи права, свободы, социальной справедливости т.д., состоят в следующем:

- 1) всеми возможными средствами заниматься просвещением и распространением этих идей;
- 2) всеми возможными средствами соучаствовать в самоорганизации тех отдельных уже складывающихся социальных групп, которые в наибольшей степени страдают в сложившейся ситуации.

Это сегодня единственная возможность для восстановления русского гражданского общества, единственная возможность оппонирования власти.

Парадоксальным образом власть может ускорить этот процесс. Если вдруг еще более усилит наступление на население.

Что делать?

Заканчивается Четырнадцатый. Близкие мне люди, я сам задаемся вопросами. **Как же нам быть? Как быть людям, когда-то полагавшим, что преодоление коммунизма, его конец будут означать переход в нормальное (свободное, справедливое, безопасное etc.) состояние?**

Где найти нравственную (тема добра и зла) и одновременно историческую (бытийственную, явленную в качестве деяния) точку опоры для утверждения иной, не чекистско-полицейской, не грабительски-передельной, не фальшиво-патриотической России. Но – России нормальной (и «великой под знаком понесенных утрат»). Один раз я видел такой мою Родину (с 19 по 22 августа 1991 г.). И никогда не забуду той полноты счастья – «ты русский», восторженной гордости, спокойствия и совершенно, казалось, оправданных надежд...

Так что ж теперь? Ведь все это не исполнилось. – Может быть, с некоторым преувеличением нынешнее мое (да и многих-многих других) состояние определяется словом «отчаяние». Ну, социальное отчаяние (хотя в России личное практически всегда завязано на социальное; у нас *privacy* так и не стало монадой человеческой экзистенции), вплоть до «оставь свой край глухой и грешный, / оставь Россию навсегда». Конечно, это не надо понимать прямо. Более того, прошу запомнить: мы не побежим («мы» – это многие; «нас» следует квалифицировать как тех, кого ненавидит газета «Завтра»). А «оставь» – в том смысле, что опять не получилось. Отчаяние... И вдруг на ум снова приходит ахматовское: не будем терять отчаяние. Раньше я не понимал этой мысли. Как это нельзя терять отчаяние? В чем его благо? В чем спасительность (напомню: христианство относится к религиям спасения)?

«...Отзвуки на смерть Сталина, на арест Берии, на кампанию в печати в защиту законности прокатились по всей стране и достигли миллионов заключенных, томившихся в концентрационных лагерях. И они начали бастовать и восставать повсюду: в лагерях Коми АССР, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Наиболее важным было восстание в Кенгире весной-летом 1954 г. В восстании приняли участие 9 тыс. заключенных мужчин и 4 тыс. женщин.

Попытка администрации лагеря спровоцировать уголовников на расправу с политическими заключенными обернулась неожиданно всеобщей стачкой и восстанием заключенных. Восстание продолжалось 42 дня. В ходе его заключенные выставили требования политического и социального характера. Среди них: пересмотр приговоров и амнистия, введение

8-часового рабочего дня, превращение лагерей особого режима в обыкновенные, удаление с одежды заключенных номеров, улучшение условий заключения. Восставшие потребовали также приезда из Москвы представителя ЦК КПСС. Восстание проходило под лозунгом: “Да здравствует Советская Конституция!”. Через несколько лет под тем же лозунгом уважения к Конституции сформируется правозащитное движение в СССР...

По приказу из Москвы против заключенных Кенгира были пушены танки и 3 тыс. солдат. Неравный бой, начавшийся на рассвете 26 июня 1954 г., продолжался 4 часа. Восставшие оказывали отчаянное сопротивление, забрасывая танки бутылками с горючей смесью... Однако сила взяла верх.

Уцелевшие были арестованы, судимы и отправлены на Колыму.

В ходе восстания стачка солидарности с взбунтовавшимся Кенгиром была объявлена 10 июня в лагере Джезказган. После 26 июня каратели появились с танками у Джезказгана. 20 тыс. заключенных здесь не были подготовлены к сражению и капитулировали.

Однако 42 дня восстания в Кенгире не пропали даром. Произошли изменения в жизни заключенных: теперь они начинали работу не в 6 утра, а в 8 и работали до 5. Решетки с окон бараков, снятые во время восстания, не были восстановлены. Номера были удалены с одежды. Инвалиды и малолетние заключенные были частью освобождены, другим был уменьшен срок наказания.

Начальство решило ввести в лагерях “культуру”. Начали приезжать театральные труппы и оркестры...

За два года до революции в Венгрии советские заключенные восстали в лагерях. Их подвиг остался тогда незамеченным, но они совершили историческое дело, частично сломив терроризм и эксплуатацию заключенных и их бесправие, процветавшие в лагерях десятилетиями. Знаменитый XX съезд КПСС стал возможным также и благодаря движению Сопротивления заключенных советских концентрационных лагерей¹.

В **этом** вся моя надежда, мое упование, мои «столп и утверждение истины». Тоталитарное советское прошлое не должно возродиться. Не теряя отчаяния, как отцы и деды, мы должны продолжить «движение Сопротивления». Если новые советчики пытаются восстановить свой порядок, переписать историю, да нас же еще – «поленом по лицу» – фальсификацией, в ответ им: 1946 – Колыма; 1947 – Усть-Вим (Коми АССР), Джезказган (Караганда); 1948 – Салехард; 1950 – Салехард, Тайшет; 1951 – Джезказган, Сахалин; 1952 – Вожель (Коми АССР), Молотов (Пермь), Красноярский край; 1953 – Воркута, Норильск, Караганда, Колыма; 1954 – Ревда

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1989. – С. 577–578.

(Екатеринбург), Карабаш (Урал), Тайшет, Ренготы, Джезказган, Кенгир, Шерубай, Нура, Балхаш, Сахалин; 1955 – Воркута, Соликамск, Потьма.

Вот – главная хронология для нового учебника русской истории – хотя и неполная – у нас еще много страниц бессмертной славы в XX в. И мы не имеем права в этот раз сдать страну наследникам Дзержинского. «В последние годы жизни Сталина Особые лагеря, учрежденные в 1948 г., превращались в очаги политического сопротивления. Здесь были собраны осужденные по 58 ст. УК, т.е. за «антисоветскую» или «контрреволюционную» деятельность. Засилью уголовников скоро пришел конец. Постепенно рождалась мысль о необходимости объединения ради сопротивления и завоевания поправленных прав. В скором времени заключенные договорились об уничтожении осведомителей, затем начали вставать на защиту товарищей..., дальше – больше»¹. А.И. Солженицын пишет: «И мы, освобожденные от скверны, избавленные от присмотра и прослушивания, обернулись и увидели во все глаза, что тысячи нас! Что мы – **политические!** Что мы уже можем **сопротивляться!**»²

Я повторяю вслед за этим удивительным человеком: мы уже можем сопротивляться. Мы обязаны сопротивляться. Иначе все эти бесчисленные жертвы, это ни с чем не сравнимое мужество отчаяния окажутся лишь памятью, но не животворящим источником настоящего и будущего. Тем более что мы – я обращаюсь к своему поколению, родившемуся в поздние сталинские годы и сразу же после его смерти – должны помнить о своем историческом долге, еще не оплаченном:

«Когда у роковой черты / Я обживал углы подвалов, / И зону вечной мерзлоты, / И малярийный зной каналов, / Когда, угрюмый нежилец, / Я только верую и выжил / И в мир вернулся наконец, – / Я словом погребенных вышел. / Я – прах, и если говорю, / То говорю по праву мертвых, / На мясо списанных зверью, / В цементный порошок истертых. / Я – пыль заводов и полей, / Просеянная сквозь решёта / Статей, этапов, лагерей, / Бараков и могил без счета – / Я – персть земли, и если персть / Глаза не плакавшие колет, / Не говорите: это месть, / Скажите: мертвые глаголят! / И не страшайте! Что конвой, / Кому сама земля охрана! / Я – вдох один, но выдох мой – / От Соловков до Магадана!» (Олег Чухонцев)³.

Вот наш Манифест, вот наше право («по праву мертвых») – говорить и действовать. Вот мой историческим оптимизм.

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1989. – С. 549.

² Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. 1918–1956: Опыт художественного исследования. – Т. 3: – М.: Центр «Новый мир», 1990. – С. 54.

³ Чухонцев О. Когда у роковой черты // Мемориал: Стихи. – Режим доступа: vles.ieie.nsc.ru/~parinov/svecha/stichi.htm

* * *

...Казалось бы, наконец поставлена точка. И то, что хотелось сказать, сказано (в меру умения...). Но еще о **нашем** Четырнадцатом. Он все смешал и одновременно расставил по местам. Стало ясно: завершился какой-то период истории. Какой? – Хронологически, видимо, четвертьвековой. От весны 1989-го (I съезд народных депутатов СССР, когда мы впервые ощутимо вдохнули воздух свободы, и до весны 2014-го, вернувшей Крым Российской Федерации и закрывшей для русских (надеюсь, все же на время; вопрос в том: на месяцы, годы или..?) тему «свобода». Когда-то по Брестскому миру Ленин отдал часть территории России, чтобы сохранить себе власть. Он разменял пространство на время-для-себя. Сегодня руководство страны прирастило земли, с тем (в том числе) чтобы укрепить свою власть. То есть прямо противоположная конфигурация. Увеличение времени-для-себя на основе расширения пространства.

Но нынешняя операция тоже требует определенных жертв. Это – сокращение нашей свободы, нашего времени (кстати, типологически схоже с большевистским вариантом). Иными словами, при всем внешне разительном различии операций двух Владимиров сущностно они близки. И в первом и во втором случаях за все должно платить общество («кто не с нами, тот против нас», «классовый враг», «социально чуждый элемент», «пятая колонна», «национал-предатели», «иностранные резиденты»).

Еще один Владимир, Набоков (писатель), говорил, что у России две истории – (тайной) свободы и (тайной) полиции. Скобки ставлю уже я. Сегодня и свобода у нас не тайная, худо-бедно в Конституции закрепленная и поведением-сознанием людей подтвержденная, да и полиция совершенно ясная. Думаю, мартовские события стали переходом к новому историческому периоду (необязательно по длительности сопоставимому с ушедшим), по набоковской классификации, – полицейскому.

О СТАТЬЕ ЛЕОНИДА ЛЮКСА

Этот текст был написан известным немецким историком около 20 лет назад и опубликован в широко известном научном журнале «Вопросы философии». Тем не менее по прошествии двух десятилетий мы решили вновь напечатать его. Время показало, что эта статья сохраняет свое высокое качество и политическую актуальность.

Тогда, в середине 1990-х, в эпоху, когда к нам возвращались отечественные и зарубежные мыслители, когда началось более или менее массовое (для интеллигенции, разумеется) знакомство с западной мыслью XX столетия, работа Люкса прочитывалась в определенном контексте. Сегодня – в ином. Правда, уже в те годы мы находились в ситуации, которая в наши дни, если можно так выразиться, стала еще более очевидной.

Леонид Люкс, рассказывая нам о евразийцах и германских революционных консерваторах 1920-х годов, подчеркивал, что их мысль развивалась в эпоху Веймарской Германии. Это время существования первой немецкой республики между 1919 и 1933 гг., время, основным содержанием которого, как выяснится впоследствии, было вызревание национал-социалистической диктатуры. Разгромленный, униженный и оскорбленный немецкий народ не сумел удержаться от соблазнов мести и реванша, не смог принять на себя ответственность за случившееся с ним. Этим ловко воспользовались демагоги и негодяи.

Люкс убедительно показывает, как плеяда блестящих германских умов прокладывала дорогу к власти, может быть, самому чудовищному в новейшей истории террористическому режиму. Трагизм ситуации заключается в том, что это были действительно выдающиеся мыслители, несомненно, желавшие своему народу добра, но по разным причинам впавшие в самые безответственные утопии, мифы, соблазны. Главная из этих причин – отказ от нормальных и нормативных для существования человеческого общества этических ценностей. Расизм, признание за насилием онтологического качества, отход от устоев христианской цивилизации, апелляция к худшему в природе человека – таковы общие для этой группы мыслителей приметы.

В работе также прослеживается внутреннее родство русских евразийцев и немецких революционных консерваторов. Действительно, на самом глубинном уровне они схожи. А главное, что их объединяют: будущее своих стран они видели на путях отрицания основ современной европейской истории, настаивая на необходимости для них «Sonderweg», что автоматически предполагало изоляционизм по отношению к Западу. И вот в середине 10-х годов XXI в. Россия по-прежнему, как мы уже говорили, но еще в большей мере, оправдывает квалификацию, данную ей когда-то Александром Яновым: Веймарская Россия. Очень шаткая социальная ситуация, усиливающиеся авторитарно-полицейские тенденции, подъем националистически-реваншистских настроений, ухудшающееся экономическое положение.

Но есть и серьезные отличия от середины 1990-х. Евразийская идеология, пусть и в усеченно-упрощенном виде (читайте, например, работы А. Дугина), стала популярной не только среди радикально настроенных интеллектуалов, но и в правящих группах. Их идеологическую потребность в антивестернизме, антилиберализме, изоляционизме не в последнюю очередь обеспечивают евразийские источники. События на Украине и их сегодняшние следствия усиливают данную тенденцию.

Именно это и подвигло нас к тому, чтобы вновь опубликовать замечательный текст Леонида Люкса, который содержит не только глубокий анализ того, что было, но и предостережение против того, что может случиться.

Ю.С. Пивоваров

Л. ЛЮКС

***ЕВРАЗИЙСТВО И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
СОБЛАЗН АНТИЗАПАДНИЧЕСТВА В РОССИИ
И ГЕРМАНИИ¹***

I

Первая мировая война завершилась крахом авторитарно управляемых империй и убедительной победой западных демократий. Следствием этой победы было, однако, восстание против Запада, протест против приущих Западу ценностных ориентаций, заявленный с небывалым для подобных движений радикализмом.

Примечательно, что во главе этого движения оказались выдающиеся умы. Уже в 1927 г. Жюльен Бенда заговорил о «предательстве интеллектуалов». Антизападный дискурс с особым упорством вели представители немецкой и русской духовной элиты, продолжая тем самым глубоко укорененную в обеих странах традицию противостояния западному пути развития. Свои упреки они адресовали не только Западу, но и собственным правительствам, ослепленным, как им казалось, чужими приманками. Веймарская парламентская система представлялась противникам Запада в Германии чем-то вроде западного оккупационного режима, навязанного стране державами-победительницами. Впрочем, и в России воинствующие антизападники считали большевизм импортированным из-за границы феноменом; по их мнению, это было новое издание петровского плана европеизации России.

Действительно, большевики вовсе не были склонны отвергать Запад как таковой. Тезис о предстоящем «закате Европы» их не убеждал. Европейская буржуазия – вот кто был обречен, а отнюдь не весь Запад. Предчувствие близящегося конца у правящих классов, утверждали большевики, лишь подтверждает коммунистический прогноз – крушение капитализма, которое стоит уже на пороге. Модная на Западе пессимистическая философия Освальда Шпенглера – верное классовое предчувствие

¹ Первые опубл.: Вопросы философии. – М., 1996. – № 3. – Печатается с разрешения автора.

буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить, писал Троцкий в 1922 г.^{1*}

Ленин еще в начале века считал нелепостью пророчества о гибели Запада. Они стимулировались победой Японии над царской Россией в 1903 г. Триумф Японии развеял миф о непобедимости Европы. Ленин приветствовал победу японцев. Для этого у него было две причины: во-первых, поражение царского режима ускорило революционный процесс в стране; во-вторых, как думал Ленин, поражение России было свидетельством непрочности всего мирового порядка. Россия принадлежала к кругу европейских великих держав, поделивших мир между собой. Теперь пробуждающаяся Азия нанесла удар по мировому владычеству европейской буржуазии. Такое потрясение геополитических основ было Ленину, разумеется, на руку. Но это вовсе не означало, что он верил в некий особый азиатский путь, отличный от пути Европы. Вот что писал Ленин накануне Первой мировой войны о борьбе Азии за освобождение, усилившейся после русско-японской войны: «Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что *новые сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик-пролетариат»².

Все это свидетельствует о том, что большевиков лишь с большими оговорками можно считать противниками Запада. В традиционном русском споре западников и славянофилов большевики занимали скорее западническую, радикальную позицию. Веру в особый путь России они не разделяли. Если у России и было своеобразие, то оно сводилось, по мнению большевиков, к ее отсталости. Подобно другим русским западникам от Петра I до Сергея Витте, они только и мечтали о том, чтобы догнать высокоразвитые страны Запада.

После Октябрьской революции большевики устранили всех своих идеологических противников; непогрешимость партии исключала всякую критику провозглашенных ею догм. Продолжение дискуссии между приверженцами особого русского пути и теми, кто его отрицал, отныне стало возможным лишь в эмиграции. Здесь безусловную инициативу захватили радикальные критики Запада.

Хотя во многом они опирались на традиционное славянофильство, их критика содержала и ряд существенно новых положений. Революционный катаклизм 1917–1920 гг. взорвал старые идеологические схемы. Качественно новая точка зрения нашла свое выражение уже в появившейся в 1920 г. работе лингвиста Николая Трубецкого «Европа и человечество».

* См. примечания.

Доводы Трубецкого принципиально отличались от аргументации его предшественников – славянофилов и панславистов. Коренное противоречие эпохи, по Трубецкому, – не в противостоянии славян и западноевропейцев, а в конфликте между Европой и остальным человечеством. Европа считала себя венцом создания и даже не давала себе труда задуматься над собственным беспримерным эгоцентризмом, утверждает Трубецкой. Все европейское автоматически считалось универсальным, обязательным для всех. Самодовольство европейцев, не знающее границ, деморализует другие народы, продолжает Трубецкой. Они начинают стыдиться своих идеалов, ибо идеалы эти не совпадают с европейскими. Автор «Европы и человечества» не рассматривает Россию как европейскую державу, для него она – часть остального мира, духовно и материально поработанного Европой. России предстоит присоединиться к всемирному восстанию неевропейцев против засилья старого континента. Но бунт против Европы должен быть нацелен не только на Европу – в первую очередь он должен происходить внутри: неевропейцы обязаны преодолеть внушенное Западом предубеждение против мнимой неполноценности их собственной культуры, они должны разоблачить эгоизм, который скрывается за хвалебным универсализмом европейцев.

Довольно скоро у Трубецкого нашлись единомышленники, исходившие, как и он, из непримиримого противоречия между Востоком и Западом. В 1921 г. вышла книга группы авторов с программным названием «Исход к Востоку». Так возникло движение, получившее название евразийства.

Чаяния славянофилов, их надежды на особую роль славянства не оправдались³, писали издатели книги. Вот почему евразийцы обратили свой взор на Восток, к народам, населяющим Российскую империю. Ни одно европейское государство не может сравниться с Россией, говорится далее в книге «Исход к Востоку», ибо Россия – не нация в обычном смысле слова, но целый континент – Евразия: «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры... мы не стыдимся признать себя – евразийцам»⁴.

По убеждению евразийцев, европейские формы жизни неприменимы к России. Они для нас слишком узки. Как писал Н. Трубецкой, русский панславизм представлял собой не более чем карикатуру на пангерманизм и был нежизнеспособен⁵.

На евразийском континенте сложился симбиоз культур, по сути дела не имеющих себе равных. Особо подчеркивают евразийцы легкость, с которой русские усвоили многие элементы восточных культур. Ничего подобного не произошло во взаимоотношениях России с Западом. Западные ценности не удалось соединить с русскими, они не вошли в плоть и кровь

народа. Лучшее доказательство этому – неудача Петровской реформы. Никакой завоеватель не сумел разрушить *русскую национальную культуру* так, как это сделал Петр, пишет Трубецкой. И революция 1917 г. – таково убеждение евразийцев – была не чем иным, как возмущением народа против дела Петра Великого, она была следствием раскола нации, в котором повинен царь-преобразователь⁶.

В разработке концепции евразийства приняли участие этнологи, географы, языковеды, историки, правоведы и пр. Это разительно отличает евразийство от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами. Тут за дело взялись не дилетанты и политические доктринеры, а люди, прошедшие научную школу, владевшие искусством изощренного анализа. Вот почему воздвигнутое евразийцами построение не так просто было повалить, хотя большинство русских эмигрантов было изрядно шокировано их откровениями. Так, совершенно по-новому оценивалась евразийцами эпоха господства татар на Руси. До сих пор татаро-монгольское иго считалось самой трагической страницей русской истории. Евразийцы, напротив, его прославляли. Не Киевская Русь, доказывали они, была прямой предшественницей русского царства, а держава Чингисхана. Киевская Русь занимала всего лишь одну двадцатую часть нынешней российской территории. Империя монголов территориально почти совпадала с современной Россией. Чингисхан стоит у истоков грандиозной идеи единства Евразии; в XVI столетии Москва перенимает от татар эту идею.

Катаклизмы XX в. привели к тому, что в Евразии возникла альтернатива доселе господствовавшей в мире европейской цивилизации. Евразиец Петр Савицкий патетически вопрошал: «Не уходит ли к Востоку богиня культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада..? Не уходит ли к голодным, холодным и страдающим..?»⁷⁻⁸.

На первый взгляд этот вопрос повторяет слова Достоевского, призывавшего русских отвернуться от неблагодарного Запада и обратиться к Азии. На самом деле речь идет о другом. Достоевский не подвергал сомнению европейский характер русской культуры. Наоборот, русские с их способностью вчувствования в тончайшие нюансы европеизма для Достоевского – больше европейцы, чем сами жители Европы. Но так как надменные европейцы не желают признать за русскими это преимущество, нам следует устремить наш цивилизаторский порыв в сторону Азии: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явемся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии мы европейцы».

С рассуждениями евразийцев эта мысль мало согласуется. Если уж искать духовных предков евразийства, то скорее придется признать сходство с Константином Леонтьевым, которому тоже хотелось отгородить

Россию от Запада глухой стеной. Леонтьев указывал на туранский компонент национального характера русских: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – Туранской, нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое»⁹. Вместе с тем между взглядами Леонтьева и евразийством существуют принципиальные различия. Леонтьев – в противоположность евразийцам – не отвергал западную культуру как таковую. Его критика была в первую очередь направлена на буржуазный и демократический дух, который восторжествовал, как казалось Леонтьеву, в этой культуре в результате Французской революции. Все симпатии Константина Леонтьева принадлежали старой, феодально-аристократической Европе.

Таким образом, отыскать прямых предшественников евразийства среди русских мыслителей прошлого нелегко. Радикально порывая со всеми феноменами западноевропейской культуры, выдвигая в истории русской государственности на передний план татаро-монгольское наследие и призывая чуть ли не весь мир подняться против господства Европы (тут у евразийцев были очевидные точки соприкосновения с большевиками), идеологи евразийства по существу встали на новый путь. Взвинченная риторика, странноватый комплекс идей евразийства отвечали революционному характеру эпохи, породившей их концепцию.

II

Но с такими же крикливыми декларациями, с не менее причудливыми идеями выступали в те годы и некоторые властители дум в Германии. И они тоже грезили о преодолении гегемонии Запада, а заодно – о разрушении традиционных принципов цивилизации.

Не «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), а бунт интеллектуальных элит – вот что нанесло гуманизму самый ошутимый удар, писал об этом в 1939 г. русский историк и публицист Георгий Федотов¹⁰. Наглядным подтверждением этих слов может служить так называемая консервативная революция в Веймарской республике. Подобно евразийству, консервативная революция насчитывала в своих рядах немало рафинированных умов и блестящих стилистов. В отличие от нацистских демагогов они подкапывались не только под политический, но и под духовный фундамент первой немецкой демократии. Хотя у «консервативных революционеров» были кое-какие предтечи (непрямые предшественники были и у евразийцев), как особое явление консервативная революция приобрела отчетливые черты лишь в связи с событиями 1918–1919 гг. Без «переживания войны», без Версаля и без Веймара подобный идеологический феномен едва ли был возможен.

Само по себе обозначение «консервативная революция», оксюморон, составленный из несовместимых понятий, говорит о необычности, парадоксальности того, что под ним подразумевалось. «Национальная спесь, не желающая... смириться с военным поражением, — пишет в этой связи политолог Ганс Бухгейм, — пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения»¹¹.

В то же время — и это резко отличало их от большевиков — сторонники консервативной революции отрицали настоящее не во имя «светлого будущего», а ради торжества старой, восходящей к Средневековью имперской идеи. И здесь параллели с евразийством особенно бросаются в глаза. Радикальная новизна, говорил Н. Трубецкой, есть не что иное, как обновленная далекая старина; всякое радикальное обновление апеллирует к древнему, а не к недавнему прошлому. Трубецкой имел в виду отталкивание евразийцев от послепетровской России во имя Святой Руси. В свою очередь немецкие «консервативные революционеры» отвергали эпоху Вильгельма II и прославляли средневековый рейх.

Для них тяжелые условия Версальского договора (впрочем, не более тяжелые, чем условия, продиктованные Германией большевистскому правительству в Брест-Литовске) были достаточным основанием для того, чтобы развести в щепы существующий европейский порядок. Уязвленное национальное самолюбие — вот что стало господствующим мотивом их умонастроения и основой их тактики; утолить эту боль не могли никакие ссылки на общее европейское и христианское наследие.

«Мы — народ в узах, — писал в 1923 г. Артур Мёллер ван ден Брук, один из зачинателей консервативной революции. — Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, — и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?»¹².

Отвращение к Западу и либерализму у немецких антизападников приняло, пожалуй, еще более решительные формы, чем у евразийцев. Несомненно, это было вызвано тем, что в Германии радикальные идеологи обратили свою критику прежде всего против внутриполитического противника, то есть против политического строя, установившегося после 1918–1919 гг. Евразийцы же рассматривали своего политического контрагента внутри страны — большевизм — при всех оговорках все-таки как альтернативу западной демократии¹³.

Многое из того, что присуще было советскому режиму — террор и в особенности культурную политику советской власти, — евразийцы не принимали. Пропагандируемая большевиками так называемая пролетарская культура, говорили они, на самом деле — лишь примитивное подражание

все той же западной культуре. Вместе с тем евразийцы считали особой заслугой большевиков то, что те сумели в значительной мере восстановить распавшуюся в 1917 г. Российскую империю. С сочувствием отнеслись евразийцы и к солидаризации советского государства с колониальными народами в их борьбе против европейских метрополий¹⁴.

Что касается «консервативных революционеров», то их отношение к собственному государству было непримиримым. Заимствованный у Запада либерализм был объявлен смертельным врагом немцев – да и всего человечества. Для Мёллера ван ден Брука либерализм – «моральный недуг народов»: он являет собой свободу от убеждений и выдает ее за убеждение¹⁵. Здесь отчетливо слышится характерная для певцов консервативной революции наставительная, морализаторская нота. Гуманизм для авторов, находящихся под впечатлением несправедливого Версальского договора и потому готовых разрушить весь мир, – это «слиюни», предмет насмешек, что не мешает им, не моргнув глазом, обвинить либералов и либерализм в нравственном индифферентизме.

Неудивительно, что этот морализирующий аморализм, который дает незамедлительное отпущение грехов собственным неправедным деяниям, а противника клеймит как несправимого злодея, – так притягательно действовал на многих.

Вовлечение Германии в круг либерально-демократических государств – результат интриг коварного Запада. Сам-то Запад, считает Мёллер ван ден Брук, к либеральному яду нечувствителен, на самом деле никто там не верит всерьез в принципы либерализма. А вот в Германии их принимают за чистую монету. Не видят, что либерализм несет с собой разложение и гибель. Западные державы не сумели одолеть немцев в честном бою – и теперь пытаются погубить Германию с помощью революционной и либерально-пацифистской пропаганды. И глупые немцы покорно глотают эту отраву¹⁶.

То, что немецкое Верховное командование в 1917 г. обеспечило Ленину беспрепятственный проезд в Россию, то, что оно рассматривало экспорт революции как законное средство борьбы с противником, попросту сбрасывалось со счетов. Нужно было любой ценой отвлечь внимание от собственной вины и собственной несостоятельности. Тем громче и назойливей были инвективы против мнимого врага. Герман Раушнинг, в прошлом сторонник консервативной революции, находил позднее, что мифы и легенды, которыми было окутано поражение Германии в Мировой войне, довели страну до состояния, близкого к массовому помешательству. По его словам, самые благородные планы и начинания не в силах удержать нацию, находящуюся в подобном состоянии, от движения к пропасти¹⁷.

Таким же безграничным, как их мания величия, было упоение «консервативных революционеров» национальными бедами. Теперь оказыва-

лось, что единственное средство утолить страдания немцев – это мировое господство. «Владычество над землей – таково средство сохранить жизнь, предоставленное... народу перенаселенной страны, – считает Мёллер ван ден Брук. – Вопреки всем противоречиям, устремления людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство»¹⁸.

О геополитическом переустройстве мира толковали и евразийцы. Однако их программа не имела ничего общего с мечтаниями веймарских интеллектуалов. Евразийцев интересовала не власть над миром, а географическое пространство, рама для единой многонациональной российской державы. Они понимали, что пролетарский интернационализм, на основе которого большевики сплотили заново развалившееся было государство, долго не продержится. Цементировать государство он не может. Сегодня мы видим, что их сомнения были оправданы. Национальные чувства у рабочих, как правило, выражены сильнее, чем классовая солидарность, утверждал в 1927 г. Трубецкой. Чтобы оставаться единым государством, Россия должна найти другую основу для своей консолидации, и такой основой может быть только евразийство, апеллирующее к тому общему, что есть у всех российских народов¹⁹.

Перед глазами евразийцев вставало видение краха большевиков в результате торжества евразийской идеи. Они гордились тем, что их движение нашло отклик не только в эмигрантской среде, но и в самой России. Евразиец Чхеидзе даже выражал надежду (1919), что постепенно удастся преобразовать большевистскую партию в партию евразийства. И в этом отношении он был в рядах движения не одинок²⁰.

III

Евразийцы были выраженными изоляционистами. Они не собирались спасать Европу, но хотели, как некогда Леонтьев, оградить Россию от губельного, как им казалось, западного влияния. В Германии же – если вернуться к консервативной революции – критики Запада мечтали о новом вооруженном походе против западных держав. Война была, по их убеждению, той стихией, где немец чувствует себя вольготно. Эрнст Юнгер писал, что немец, обряженный в гражданское, буржуазное одеяние, выглядит смехотворно. Почему? Да потому, что он по своей природе бесконечно далек от идеи индивидуальной свободы и, следовательно, от буржуазного общества²¹.

Существует только одна масса, которая не вызывает смеха: это армия, добавляет Юнгер²². Освальд Шпенглер вещает: «История государства есть история войн. Идеи, требующие решений..., отстаивают не словами, а силой оружия»²³. Британский историк Льюис Немиер даже называет войну

одной из форм немецкой революции²⁴. Похоже, что спасение, которое чаяли обрести последователи консервативной революции в «переживании войны», оправдывает этот тезис.

Американский историк Генри Тёрнер полагал, что Первая мировая война поставила под вопрос старинный европейский идеал храбрости. Анонимное, методическое истребление людей дезавуирует традиционные воинские добродетели. Для миллионов людей вера в личный героизм стала абсурдом. Как бы вторя Тёрнеру, другой, немецко-американский историк Вольфганг Зауэр говорит о мощном пацифистском брожении в послевоенной Европе; это брожение грозило, по его мнению, развенчать самый образ солдата²⁵.

Успех воинственной и прославляющей войну правозкстремистской идеологии в период между двумя войнами, прежде всего в Германии и Италии, начисто опровергает этот тезис. Гипноз войны, всеокрушающей военной техники был куда сильнее, чем всякие сомнения относительно смысла войны. Этот примечательный феномен еще в 1928 г. привлек внимание немецкого публициста Морица Юлиуса Бонна. Идеализация войны, писал он, – анахронизм, война в наше время – это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, современная война – это машина, это предприятие по массовому уничтожению людей. И все-таки такую войну прославляют!²⁶

Немецким противникам парламентской демократии она представлялась «нерыцарственной». Ноябрьская революция 1918 г. оказалась неспособной защитить страну, писал Эрнст Юнгер. Она обернулась против солдат на фронте. Мужество, честь, мужская стойкость – эти понятия были ей чужды²⁷. Освальд Шпенглер с презрением пишет о «неописуемо безобразных» ноябрьских событиях: «Никакого величия, ничего вдохновляющего. Ни одной по-настоящему крупной фигуры. Ни единого слова, выдерживающего испытания временем. И даже ни одного отважного преступления»²⁸.

Поборники консервативной революции повторяют избитый тезис консерватизма: либерализм враждебен живой жизни. Либерализм разрушает народную общность, поощряет низменные эгоистические устремления индивидуума. В атомизированном либеральном социуме на переднем плане оказывается не служение общему делу, а эгоизм, себялюбие, собственные корыстные интересы²⁹.

Эти заявления почти буквально совпадают с критикой Запада у евразийцев. Н. Алексеев считает, что борьба за права индивидуума – центральный мотив всей европейской культуры. Сперва боролись за свои права сословия, со времен Ренессанса начинается борьба личности за свои собственные права. Что же касается обязанностей по отношению к обще-

ству, то различные заинтересованные группы смирились с ними лишь после упорного сопротивления³⁰.

Внутренне расколотому Западу евразийцы пытались противопоставить русский идеал общественной гармонии, выпестованный православием. В православном мире, по их мнению, царит не эгоистическая грязная индивидуумов, не конфликт, а мир — человеческая солидарность. Этот гармонический идеал будто бы придавал древнерусскому обществу беспрецедентную однородность³¹.

Альтернативу либеральной общественной модели выдвигали и «консервативные революционеры». Но для них это было общество, облагороженное военным энтузиазмом 1914 г. Летом Четырнадцатого года немцы, охваченные единым порывом, казалось, преодолели все свои политические, социальные и межрегиональные раздоры. Нация, доселе разрываемая противоречиями, «больше не знала никаких партий». Идеалы 1914 г. преданы Веймарской демократией. Поэтому она представляла собой в глазах «консервативных революционеров» нечто временное, промежуточное и эфемерное. На смену ей придет «Третья империя» и, как в Четырнадцатом, борьба правых и левых, столкновения католиков с протестантами, противостояние Юга и Севера отпадут сами собой.

Для Карла Шмитта веймарская либеральная интермедия по сути вообще не была государством. Отдельные сегменты общества (партии, союзы, связанные общими интересами, и т.п.) захватили власть в стране и злоупотребляют ею ради собственной выгоды. Государство как воплощение общего дела практически упразднено; Шмитт темпераментно доказывал необходимость президентского правления, то есть режима во главе со «стражем конституции» — рейхспрезидентом. Новое, чиновничье государство должно оградить себя от разлагающего влияния общества, с тем чтобы заново вести политику в традиционном смысле слова³².

В 1930 г. грезы Шмитта осуществились. В Германии установился якобы надпартийный президентский режим. Он все больше ускользал от общественного контроля и в конце концов выдал государство его смертельным врагам.

IV

И русские евразийцы, и немецкие «консервативные революционеры» усматривали неисцелимый недуг либерального, иначе законодательного, государства в его мнимой неспособности принимать решения, справляться с «критическими ситуациями». В законодательном государстве, сетует Карл Шмитт, распоряжаются не люди и не начальство, а законы. Исконное и нерушимое понятие власти подменено абстрактными нормами³³.

Ученик Шмитта Эрнст Форстхоф добавляет: честь и достоинство – личностные категории; правовое государство устраняет все личное; поэтому оно не знает понятий чести и достоинства³⁴.

Так в стане консервативной революции распространилась мечта о настоящем хозяине – тоска по Цезарю. Харизматический вождь, явление которого еще в XIX и начале XX в. преддрекали, одни с тревогой, другие – связывая с ним великие надежды, некоторые видные европейские умы³⁵, должен был заменить господство внеличных институтов владычеством воли.

Цезаристская идея имеет в Западной Европе давнюю традицию. Еще Макиавелли был одержим мечтой о владыке, чьи деяния и свершения вызволят Италию из-под гнета старых установлений, о вожде, который объединит страну. Образцами для Макиавелли служили кондотьеры эпохи Возрождения. Эти люди поднялись из низов, всем были обязаны самим себе и благодаря своим выдающимся талантам стяжали славу и власть. Кондотьеры сметали древние династии и отжившие институции, смело вводили новый порядок в своих государствах. Таким же новым Цезарем, но в несравненно большем масштабе, был и Наполеон.

Кризис парламентной системы, с особой остротой поразивший после 1918 г. Италию и Германию, подогрел в обеих странах тоску по харизматической личности. В лице этого сверхчеловека должен был возродиться исконно-личный характер политики. Отныне пусть снова властвуют герои, а не доктрины, классы или анемичные учреждения.

Эрнст Никит, приверженец консервативной революции, впоследствии отошедший от нее, писал в 1936 г.: «(Немецкая буржуазия) насытилась безликой законностью, презирала свободу, охраняемую законом; эти массы хотели служить конкретному человеку, преклониться перед личным авторитетом, перед диктатором... Неожиданные зигзаги, прихоть и произвол «вождей» они готовы были предпочесть строгой предсказуемости раз и навсегда гарантированного законного порядка»³⁶.

В своих поисках альтернативы либерализму евразийцы значительно отличались от «консервативных революционеров».

Прежде всего им была совершенно чужда мечта о «Цезаре». Новая власть, новый порядок должны были в первую очередь ориентироваться не на личности, а на идеи. Европа, подчеркивали идеологи евразийства, вступила ныне в идеократическую эру. Справиться с нынешним кризисом может только великая, пронизывающая все сферы жизни идея. Идеи такого масштаба должны стать основанием для нового типа государственного правления, который евразийцы окрестили идеократией³⁷.

Здесь они опирались на традицию, глубоко укорененную в России. В конце концов и царское самодержавие, и диктатура большевиков были идеократическими системами. Вместе с тем русской традиции были чуж-

ды цезаристские грезы. И до, и после революции в России имела место лишь в ограниченной степени автономия внеличных социальных и политических институтов, равно как и автономия внеличных правовых норм. Вот почему уповать на «Цезаря», который придет и отменит либеральное государство, лишенное «субстанции» и «величия», для русских условий было бы неестественно. В русской истории практически не фигурировало ни одного «цезаристского» деятеля. В России были цари, осуществлявшие порой не менее радикальные нововведения, чем западные «цезари»; но речь при этом шла об этактистских реформах сверху, и проводились они легитимными властителями страны. То же можно сказать о почитании царя низшими слоями народа: оно имело мало общего с западным поклонением «Цезарю». Царя почитали не столько благодаря его личным качествам и поступкам, сколько ради выполняемой им функции. В нем видели защитника православной веры, он был естественным завершением освященного религией политического порядка.

V

Не будучи вполне беспочвенным в русской традиции, евразийство как духовное образование имело весьма мало общего со своими советскими современниками. Мечты о Святой Руси, об утраченных корнях были абсолютно чужды тогдашней советской интеллигенции. В Советской России 20-х годов царил исторический оптимизм и культ будущего. Атеистическая и материалистическая пропаганда, которая шла рука об руку с преследованиями церкви, добилась значительного успеха среди широких масс. Популяризация чудес науки и техники была призвана вытеснить и заменить веру в религиозные чудеса. Науковерие в большевистской России в самом деле приняло почти религиозный характер. Россия переживает эпоху наивного Просвещения, писал в 1930 г. Георгий Федотов. Материализм обретает статус нового вероучения³⁸.

Что же касается идеологии евразийцев, то ее культурно-пессимистический компонент по сути отражал процессы, которые шли в Западной Европе, а не в России. Да и в своей критике парламентаризма и эгоизма партий и разного рода заинтересованных групп евразийцы опирались в первую очередь не на русский, а на западноевропейский опыт. В России не было кризиса парламентской системы со всеми сопровождающими его явлениями — просто потому, что парламентаризм западного покрова здесь не успел развиться.

Евразийцы предпринимали отчаянные усилия к тому, чтобы «шагать в ногу» с послереволюционной Россией, пытались отождествить себя с нею. Тем не менее весь их духовный настрой куда больше роднил их с Западной Европой, чем с соотечественниками в СССР. В конечном счете они

сами принадлежали, нравилось им это или нет, к европеизированному верхнему слою, гибель которого в революции они почти безоговорочно приветствовали. И тут снова приходится констатировать их отличие от «консервативных революционеров» в Германии. Эти были выразителями настроений значительной части своего народа. Их мечты о «Третьем рейхе», их радикальный антимодернизм, отказ от просветительско-либеральной традиции – все это было вполне в духе времени. Консервативная революция была симптомом кризиса модернизации, который уже на переломе столетия охватил западный мир и с особой остротой проявился в «запоздавших» странах, таких как Германия или Италия.

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес еще один удар по либеральному мировоззрению. Рухнула вера в то, что либеральная система способна к саморегуляции. Свободная игра экономических сил, принцип конкуренции оказались не в состоянии предотвратить небывалый хозяйственный крах.

Впрочем, зашаталась не только либеральная модель. Кризис испытало и марксистское мировоззрение, – кризис, похожий на то, что произошло спустя много лет, в 1989 г. Вспомним еще раз Федотова: еще в 1931 г. он писал, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных явно потеряла привлекательность; вместо этого в Европе повсеместно растет самый безудержный национальный эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам³⁹.

Оказалось, что либерализм и марксизм переживают общую судьбу, что ров между ними не так уж глубок, как казалось вначале.

Что же связывало неуступчивый и нетерпимый, притязающий на владение абсолютной истиной марксизм с релятивистским и плюралистичным либерализмом? В первую очередь это была и осталась вера в разум, в человеческую способность овладеть как природными, так и социально-экономическими процессами. Оба мировоззрения торжествуют в эпохи, когда господствует вера в науку и прогресс. Когда уже увядает эта вера, бьет час идеологов культурного пессимизма, певцов иррационализма, – бьет час консервативной революции. В 1927 г. Гуго фон Гофман-сталь определил консервативную революцию как восстание против невыносимо-неромантического девятнадцатого века, как поиск связей и уз, несовместимых со свободой. Эти искатели – не масса, а одиночки; своего рода нация одиночек⁴⁰.

Элитарная поза «консервативных революционеров» – прекрасная иллюстрация к этим словам. На так называемые народные массы, равно как и на массовые партии, «консервативные революционеры» взирали сверху вниз. С их точки зрения эти партии были неотъемлемой частью веймарской системы, внушавшей им отвращение. Многие представители консервативной революции посмеивались над планами Гитлера совершить

в Германии «легальную революцию» с помощью избирательных бюллетеней. Эрнст Юнгер считал, что, пересев на парламентского коня, Гитлер лишь демонстрирует свою ослиную глупость. Эрнст Никиш добавлял (в 1932 г.): кто избегает открытого столкновения, – как Гитлер – тот уже побежден⁴¹.

Некоторые круги консервативной революции – и прежде всего группа, объединившаяся вокруг журнала «Ди Тат» («Деяние») и его издателя Ганса Церера, – искали сближения с нацистской партией, пытаются подчинить ее своему влиянию. В июле 1932 г. немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин опубликовал статью о группе «Деяние». Замечания Шифрина во многом превосходят выводы современной исторической науки. Кружок «Деяние», писал автор, намерен использовать национал-социалистическое движение с целью осуществить «немецкий социализм». Однако и национал-социалисты сумели употребить этих союзников с пользой для себя, ибо получили духовную поддержку и дополнительные возможности инфицировать общественное мнение своей идеологией. Наивность таких людей, как Церер, не может служить для них, по мнению Шифрина, оправданием, эти люди «хотят быть обманутыми», хотят «соединить реакцию с социализмом»⁴². Строго говоря, А. Шифрин в этом пункте все же заблуждался. «Консервативные революционеры» действительно были поразительно наивны. Они считали себя хладнокровными политиками, их расчет был – позволить нацистам провести предварительную подготовку к последующей «подлинной» национальной революции. Решающим моментом подготовительной работы было свержение Веймарской республики. А там уж «консервативные революционеры» возьмут руководство в свои руки. Что же произошло? После 30 января 1933 г. они уже никому не были нужны. Вместо того чтобы пожать плоды чужой «работы», они сами расчистили путь нацистам.

Так существование консервативной революции оказалось неразрывно связанным с существованием столь нелюбимой «консервативными революционерами» Веймарской республики. Крушение Веймара – самый большой «успех» консервативной революции – разрушило и фундамент, на который опирались эти революционеры. В отличие от веймарских правительств большевики в России не терпели никаких идеологических конкурентов. Большевики рассматривали себя как победителей истории и в самом деле казались непобедимыми. Эта уверенность в себе не могла не произвести впечатления и на многих евразийцев. Отношение евразийцев к большевикам становилось все менее критичным.

В 1929 г. движение раскололось. В Париже образовалось просоветское евразийское крыло во главе с Сергеем Эфроном (мужем Марины Цветаевой) и князем Дмитрием Святополк-Мирским. Группа сплотилась вокруг газеты «Евразия». Позднее выяснилось, что Эфрон был агентом

советской разведки. В тридцатых годах Эфрон и Святополк-Мирский вернулись в Советский Союз, где пали жертвой сталинского террора⁴³.

VI

Параллелизм в мышлении евразийцев и «консервативных революционеров» бросается в глаза. Встает вопрос, существовали ли между ними прямые контакты, влияли ли друг на друга оба течения? Если это и было, то крайне редко. Петр Савицкий жалуется (в 1931 г.) на неожиданно вялый отклик немецкой общественности на публикации евразийцев. В таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия, дело обстояло иначе⁴⁴.

Может быть, слабое эхо евразийства в Германии объяснялось языковым барьером? Вряд ли. Антизападный манифест одного из отцов евразийства Н. Трубецкого «Европа и человечество», обнародованный в 1920 г., был переведен на немецкий язык уже в 1922 г. Весьма подробно писал о русских евразийцах в 1927 г. Ганс Римша в монографии «Зарубежная Россия»⁴⁵. Так что связывать неуспех евразийцев в Германии с языковыми препятствиями нет оснований. Скорее этот неуспех был связан с тем, что «заграничная Россия» интересовала публицистов консервативной революции куда меньше, чем советское государство. Они были загипнотизированы (как, впрочем, и сами евразийцы) большевистским экспериментом и хотели «учиться у Советского Союза, чтобы научиться побеждать Запад».

А как обстояло дело с реакцией евразийцев на идеи консервативной революции? Реакция тоже была сравнительно слабой. Правда, евразийцы внимательно изучали писания Освальда Шпенглера и других интеллектуалов Веймарской республики. Однако феномен консервативной революции как таковой занимал их очень мало. Среди немногих исключений нужно назвать статью А. Антипова «Новые пути Германии» в евразийском сборнике «Новая эпоха»⁴⁶. Автор анализирует программы разных группировок консервативной революции – от кружка «Деяние» до группы «Спротивление» во главе с Эрнстом Никишем. Антипов не мог не заметить сходства с евразийством. Например, он пишет о том, что эти «младонемецкие» группировки, как и евразийцы, – враги либеральной экономики, что они точно так же выступают за сильное, интервенционистское государство и хозяйственную автаркию, верят в могущество идей и отстаивают идеократический режим. Вместе с тем автор статьи «Новые пути Германии» не может скрыть своей тревоги по поводу геополитических планов консервативной революции, фанатической веры в предназначение Германии установить новый порядок в Центральной и Восточной Европе. Такой порядок, по мнению Антипова, неминуемо приведет «молодую» Германию к столкновению с Россией.

Лишь очень немногие участники тогдашних событий видели, подобно А. Антипову, разительное сходство консервативной революции с идеологией евразийства, несмотря на то что оба течения развивались совершенно независимо друг от друга. Общим было у них прежде всего отталкивание от Запада и поиск альтернативы западной эволюционной модели. Этого общего знаменателя оказалось достаточно, чтобы сблизить всё мировоззрение.

VII

Раскол 1929 г. нанес евразийскому движению удар, от которого оно уже не могло оправиться. Вторая половина 30-х годов была временем его разложения. Таким образом, евразийство сошло со сцены приблизительно тогда же, когда угасла консервативная революция. Но в отличие от «консервативных революционеров» евразийцы, по-видимому, не оставили никаких идеологических следов. Третий рейх, провозглашенный в 1933 г. во главе с харизматическим «фюрером», все же являл собой, хоть и в карикатурной форме, осуществление некоторых надежд «консервативных революционеров». Евразийская же империя так и не возникла. Отныне доктрина евразийства представлялась всего лишь курьезом – закрытой страницей идейной истории русского Зарубежья.

Тем не менее в мире идей царят свои законы, чреватые всякими неожиданностями. Евразийским идеям, казалось бы, похороненным навсегда, суждено было спустя 50 лет пережить совершенно непредвиденное возрождение.

Крушение большевизма, этого идеологического контрагента евразийцев, способствовало в конце 80 – начале 90-х годов обновлению их популярности. После того как потерпел фиаско «пролетарский интернационализм», в России ищут новое знамя, под которым могли бы сплотиться все народы и конфессии евразийского континента. С новой силой разгорелся спор о путях развития России. Для новых западников совершенно так же, как и для их предшественников в прошлом веке, Россия – европейская окраина и только. Своеобразие этой страны, с их точки зрения, состоит прежде всего в ее «отсталости». Западная эволюция – это норма, и к ней рано или поздно должна будет приноровиться Россия.

Национально настроенные группировки считают такой взгляд далеким от действительности. Россия, по их убеждению, никогда не превратится в «нормальное» европейское государство. Российские институты, российские традиции настолько своеобразны, что механическое перенесение западных моделей на русскую почву неизбежно провалится.

Активным критиком неозападников – или, как их теперь иногда называют, «атлантиков» – является бывший советник президента Ельцина

Сергей Станкевич. Он напоминает, что Россия более чем наполовину расположена в Азии и отделена от Запада поясом вновь возникших независимых государств. Россия сдвинулась на Восток, и правительство в Москве должно сделать из этого соответствующие выводы. Стремясь войти в клуб западных индустриальных наций, Россия ни в коем случае не вправе пренебрегать своим азиатским компонентом⁴⁷.

Позиция С. Станкевича расценивается многими как возрождение идеологии евразийства. В значительно более агрессивной форме эта идеология представлена людьми, группирующимися вокруг газеты «Завтра». Эти люди хотели бы на базе евразийской идеи восстановить советскую империю. Евразийские мотивы подхвачены и другими журналами и газетами.

Слабость нового евразийства – в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь идет лишь об отдельных элитарных кружках – совершенно так же, как это было в 20-х и 30-х годах. Для русских националистов евразийская идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего СССР. При всей своей оригинальности программа евразийства, судя по всему, вновь обречена на провал.

Перевод *Б. Хазанова*

Примечания

- ¹ Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М., 1924. С. 549.
- ² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 21. С. 402.
- ³ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. VII.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме. В кн.: Исход к Востоку... С. 84.
- ⁶ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 35–39; Флоровский Георгий. О патриотизме праведном и греховном. В кн.: На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая, М. – Берлин, 1922. С. 230–293; Alexejew N. Das russische Westlertum. Der russische Gedanke 1 (1929/1930). S. 149–162.
- ⁷ Савицкий Петр. Поворот к востоку. В кн.: Исход к Востоку... С. 3.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. СПб., 1885-1886. Т. 1. С. 285.
- ¹⁰ Федотов Г. К смерти или к славе. В кн.: Новый Град 14 (1939). С. 102.
- ¹¹ Buchheim Hans. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. S. 54.
- ¹² См. Moeller van den Bruck Arthur. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931; Moeller van den Bruck A. Der politische Mensch. Breslau 1933. S. 32–43, 69–71, 110–111, 121–122.
- ¹³ См. Luks Leonid. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang. В.: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34 (1986). S. 374–395.

- ¹⁴ См. Трубцкой Н. Мы и другие. В: Евразийский временник. Книга четвертая. Берлин, 1925. С. 77.
- ¹⁵ Moeller van den Bruck Arthur. Das Dritte Reich.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Rauschning Hermann. The Conservative Revolution. New York, 1941.
- ¹⁸ Moeller van den Bruck Arthur. Das Dritte Reich. S. 63, 71–72.
- ¹⁹ Трубцкой Н. Общеввропейский национализм. В: Евразийская хроника 9 (1927). С. 24–30.
- ²⁰ См. Luks L. Die Ideologie der Eurasier.
- ²¹ Jünger Ernst. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hamburg, 1932.
- ²² Jünger Ernst. Der Kampf als inneres Erlebnis. 5 Aufl. Berlin, 1933.
- ²³ Spengler Oswald. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. S. 52–53.
- ²⁴ Namier Lewis. The Course of German History. В: Facing East. London, 1947. P. 25–40.
- ²⁵ Turner Henry A. Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972. S. 168–169; Sauer Wolfgang. National Socialism: Totalitarianism or Fascism? В: The American Historical Review, 1967. P. 411.
- ²⁶ См. Landauer/Honegger. Internationaler Faschismus. Karlsruhe. 1928. S. 131–132.
- ²⁷ См. Bastian Klaus-Friedrich. Das Politische bei Ernst Jünger. Heidelberg, 1963. S. 66.
- ²⁸ Spengler Oswald. Preußentum und Sozialismus. S. 11.
- ²⁹ См. Moeller van den Bruck Arthur. Das Dritte Reich; Schmitt Carl. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931; Schmitt Carl. Legalität und Legitimität. München-Leipzig, 1932; Schmitt Carl. Der Begriff des Politischen. 4. erw. Aufl., Berlin, 1963.
- ³⁰ Алексеев Н. Н. Обязанность и право. В: Евразийская хроника 10 (1928). С. 19–26.
- ³¹ Шахматов Мстислав. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов в России). В: Евразийский временник 3 (1923). С. 55–80; Шахматов М. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России). В: Евразийский временник 4 (1925). С. 268–304; Сувчинский Петр. Страсти и опасности. В: Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 27–29.
- ³² Schmitt Carl. Der Hüter der Verfassung.
- ³³ Schmitt Carl. Legalität und Legitimität.
- ³⁴ Forsthoff Ernst. Der totale Staat. Hamburg, 1933. S. 13, 20.
- ³⁵ См. Nietzsche Fr. Gesammelte Werke. München, 1926. Bd. 19. S. 273; Weber Max. Gesammelte politische Schriften. 2. Aufl. Tübingen, 1958. S. 21.
- ³⁶ Niekisch Ernst. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. S. 87.
- ³⁷ Трубцкой Н. О государственном строе и форме правления. В: Евразийская хроника 8 (1927). С. 3–9. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 52–55.
- ³⁸ Федотов Георгий. Новая Россия. В: Современные записки. 1930. С. 297.
- ³⁹ Федотов Георгий. Социальный вопрос и свобода. В: Современные записки 47 (1931). С. 421–438; Федотов Г. Сумерки отечества. В: Новый Град 1 (1931).
- ⁴⁰ Hugo von Hofmannstahl. Schrifttum als geistiger Raum der Nation. В: H.v. Hofmannstahl. Gesammelte Werke. Prosa. Bd. 4. Frankfurt/Main, 1955. S. 390–413.
- ⁴¹ Niekisch Ernst. Hitler – ein deutscher Verhängnis. Berlin, 1932.
- ⁴² Schiffrin Alexander. Adelfaschismus und Edelfaschismus. В: Die Gesellschaft 7 (1932). S. 97–108.
- ⁴³ См. Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 73–77; Струве Г. Кн. Д.П. Святополк-Мирский о П.Б. Струве. В: Вестник Русского Христианского Движения 130 (1979). С. 232–236.
- ⁴⁴ Савицкий Петр. В борьбе за евразийство, 1931.
- ⁴⁵ Rimscha Hans v. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927. S. 182–193.

- ⁴⁶ Антонов А. Новые пути Германии. В: Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Ред. В. Пейль. Нарва, 1933. С. 35–43.
- ⁴⁷ Станкевич Сергей. Держава в поисках себя. Заметки о российской внешней политике // Независимая газета. 28.03.1992; Станкевич С. Россия, 1992-й. Предел допустимого // Комсомольская правда. 26.05.1992.

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ

***О ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ, НОВОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ
И ПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ 2000–2010-х ГОДОВ***

**Режим 2000–2010-х и идеология:
Смена вех как повторение пройденного**

Второй президентский срок В.Путина ознаменовался появлением из недр президентской Администрации новых идеологом, по существу означавших разрыв с целями конституционной реформы начала 1990-х годов. Тогда политтехнологи и другие специалисты из ближайшего окружения главы государства пришли к выводу о том, что изменения политического режима, уже свершившиеся и только еще планируемые, нуждаются в специальном пропагандистском обосновании.

Термин «контрреформа» хорошо известен российским историкам. Так чаще всего именовался политический курс, осуществлявшийся в течение примерно двух десятилетий после либеральных (Великих) реформ Александра II. В данном случае характеризуется ряд мер, направленных на цели, противоположные целям конституционной реформы начала 1990-х годов. Причем речь идет о фактическом изменении положения, созданного этой реформой. Формально смена целей (ценностей, курса) никак и нигде обозначена не была. Напротив, президент В. Путин в 2000–2004 гг. нередко подчеркивал свою приверженность демократии и настаивал на незыблемости Конституции. Но все же в России начала XXI в. произошел отказ от прежнего вектора развития: от политической конкуренции – в пользу монополии на власть одной группы, от разделения властей – в пользу сосредоточения всей власти в одном органе (точнее, в одних руках), от независимости судов – в пользу их подчинения исполнительной власти, от свободы информации – в пользу жесткого контроля государства за крупнейшими СМИ. В самые первые годы нового столетия (и нового президентства) эти смыслы еще не были вполне ясны. Но вскоре они стали очевидными.

С 2001 по 2008 г. президенту удалось, действуя с помощью законодательства, изменить ряд важных институтов. Был введен новый порядок формирования Совета Федерации, фактически поставивший его под кон-

троль президентской Администрации, установлен новый порядок назначения аудиторов Счетной палаты, позволявший наполнять ее людьми, полностью лояльными главе государства, отменены прямые выборы губернаторов, изменены правовые основы избирательной и партийной систем, что обеспечило доминирование определенного политического бренда и т.п. Кроме того, правящей группе удалось, не прибегая к законодательству, установить контроль над крупнейшими телекомпаниями.

Таким образом, курс на отмену реальной политической конкуренции и установление монополии на власть вполне обозначился и уже требовал постановки очередных задач. Как сегодня можно определить эти задачи – или даже шире – сверхзадачу президентства Владимира Путина? Увы, приходится сделать вывод, удручающий своей банальностью: речь шла о наращивании в одних руках максимального объема власти как о самоцели. Все основные политические институты «перестраивались» под эту цель; все прочие задачи (в том числе и связанные с получением экономических выгод членами правящей группы) оказывались производными от нее. И эта цель потребовала идеологического обеспечения.

Поначалу для характеристики нового состояния политического режима вполне годился термин «суверенная демократия». Под эту разновидность «демократии» «подбирались» соответствующие институты и средства, которые отвечали интересам правящей группы. Последние приравнивались к национальным интересам. Давая новое название режиму, его создатели как бы подчеркивали: демократия 2000-х – их самостоятельный выбор, а не копирование иностранных (чужих) образцов. При этом подразумевалось (или даже прямо говорилось), что демократия эпохи первого российского президента строилась на уступках западным рекомендациям. Вообще, «суверенная демократия» противопоставлялась порядкам эпохи Ельцина. Поначалу это противопоставление было лишено конкретики, являлось, скорее, частью пропагандистской установки. Но постепенно в нем обнаруживалось все больше оснований. При Ельцине все выборы в Государственную Думу заканчивались победой оппозиционных (тогда) сил: ЛДПР и КПРФ. Государство в ту пору не контролировало все крупные телеканалы. И т.д. Со временем различие двух политических режимов становилось все яснее, все определеннее.

С теоретической точки зрения, эта конструкция – «суверенная демократия» – выглядела ущербно: соединяла понятия из разных сфер, разных смысловых рядов. Однако она вполне годилась для того, чтобы играть пропагандистскую роль. Отрицание эпохи Ельцина было политически выгодно новому режиму. А то, что точный смысл слов (самоназвания) был не всегда ясен и его приверженцам, оказалось даже полезно: их чрезвычайно широко интерпретировали.

Вот как, к примеру, в 2005 г. толковал «философию Путина» (в некоторой степени выдавая желаемое за действительное) бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков: «Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано еще при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется... Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости...»¹.

Эти рассуждения довольно забавно выглядели уже лет через пять. Правда, Третьяков внес тогда в свою интерпретацию некоторые поправки: «Механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны – опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы»². По существу, здесь указано на опасность следования «внешне демократическим процедурам» (т.е. на опасность для России демократии): они, якобы, «хаотизируют недостаточно сбалансированную общественную жизнь». Такого рода толкования фактически оправдывали меры президентской Администрации: к тому времени в законодательство о выборах были внесены изменения, выгодные партии власти, отменили губернаторские выборы, устанавливался контроль за политическим контентом крупнейших телеканалов. В результате этих действий была свернута политическая конкуренция, а первое лицо оказалось вне контроля и критики. Устранили то, что, по мнению приверженцев нового режима, «хаотизировало» политическое поле – реальную конкуренцию.

Еще через несколько лет для иллюзии сохранения в России «демократической традиции» почти не осталось места. Аргументация защитников политического режима свелась к тому, что он создает благоприятные условия для развития экономики, обеспечивая общественную стабиль-

¹ Третьяков В. О политической философии Владимира Путина // Российская газета. – М., 2005. – 28 апр. Тогда Третьяков был главным редактором журнала «Политический класс».

² Там же.

ность. Благоприятный климат «нулевых» годов по-прежнему противопоставлялся хаосу «девяностых». Провозглашалось, что борьбой с злоупотреблениями власти, коррупцией, произволом эффективнее любых оппозиций занимается президент. Получалось, что именно авторитарное государство (адепты предпочитали именовать его «консолидированным») пригодно для экономической модернизации. «Есть... концепция... которая считает консолидированное государство инструментом переходного периода, инструментом модернизации. Некоторые называют это авторитарной модернизацией... Президент больше любой оппозиции делает для борьбы с коррупцией, отсталостью, для развития политической системы... Систему надо адаптировать к меняющемуся, усложняющемуся обществу. Но это не значит, что мы должны от системы отказываться. Ее надо сохранять. И не впускать то, что может ее разрушить... Девяностые годы показали: само по себе расщепление общества не рождает позитивную энергию. Да, некоторую энергию высвобождает, но на что она расходуется и куда это приводит?»¹. Вероятно, под опасным «расщеплением общества» подразумевался трагический опыт 1993 г. Он действительно показал, что российские политики плохо умеют договариваться друг с другом, не способны на компромисс. Но из этого, на наш взгляд, следовало только то, что необходимо развивать культуру политического диалога. Опыт 1990-х вовсе не требовал установления новой монополии на власть.

Отмечая явные признаки возвращения в 2000-е годы к советской практике (монополия на власть, соответствующая пропагандистская линия, контроль над СМИ и т.д.), следует все же учитывать качественную новизну ситуации. В том числе в том, что касается идеологического оформления режима. Советский опыт был, так или иначе, связан с политическим наследием сталинизма, с традицией неуклонного подавления и искоренения инакомыслия. Традиция эта в полной мере сформировалась к середине XX в. Но специалисты по рекламе и политехнологии, ставшие идеологами российского политического режима в начале XXI в., явно не хотели быть обвиненными в приверженности сталинизму. Более того, они и не были сталинистами – скорее карьеристами, не слишкомотягощенными принципами. Они хорошо понимали (точнее, угадывали) суть политической задачи, поставленной первым лицом: нейтрализовать оппонентов, не прибегая к репрессиям и не давая повода для упреков в искоренении инакомыслия. Тут, кстати, можно вспомнить и об участии первых лиц государства (воспользуемся здесь множественным числом) в мероприятиях, посвященных увековечению памяти жертв репрессий 1930–1950-х годов –

¹ Сурков В. Владислав Сурков построит в Подмоскowie прообраз города будущего // Ведомости. – М., 2010. – 15 февр. – № 2544. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/15/225543>

например, на Бутовском полигоне в Подмосковье и в Катюни под Смоленском.

Да, создатели нового режима вроде бы не были сторонниками методов 1930–1950-х годов. Они просто защищали порядок, при котором им было комфортно. Но их постоянные усилия по наращивании власти главы государства вызывали энтузиазм у многих приверженцев этих методов. Усиление власти постепенно подводило режим к тому пределу, за которым он уже менял свою сущность, полностью утрачивая демократический характер. По мере того как авторитарные черты режима проступали все более явственно, его защитники оказывались перед необходимостью как-то обосновать сам принцип авторитарности.

Приведем аргументы одного из наиболее высокопоставленных сторонников «нового авторитаризма», председателя Конституционного Суда Валерия Зорькина. Он настаивал: режим опасает страну от опасных радикальных движений, в частности от левых радикалов и отечественного нацизма. «... Я с изумлением обнаружил, что даже у профессиональных юристов слово “авторитаризм” вызывает жуткую неприязнь, – писал Зорькин в 2010 г. – Конечно, если в чистом виде авторитаризм, автократия в традиционном понимании, так недалеко и до Пота. Но “авторитарное” (autoritaire) – есть ли это элемент государства и права? На мой взгляд, безусловно, потому что элементы социального общежития – это власть, свобода, закон и общая цель. Юридической общей целью является установление принципа юридического равенства, а наполняется оно через общие блага. Если бы Шарль де Голль не поступал авторитарно в пределах, конечно, Конституции и права, то на смену ему пришла бы диктатура фашистских полковников, переворот бы был. Я понимаю, что историю переделывать нельзя, сослагательное наклонение, говорят, к истории неприменимо, но не могу отделаться от мысли о том, что, если бы Гинденбург в своих генеральских погонах не просто на приемах красовался, то есть если бы содержание соответствовало форме, если бы он и его окружение воспользовались авторитарными методами, как сделал это де Голль, Гитлер не пришел бы к власти. Конечно, что бы говорили поклонники чисто либеральной идеи свободы в ее рафинированности и абстракции?»¹.

Напомним, что это мнение председателя Конституционного Суда. Нужно ли было понимать его так, что режим, установленный вторым российским президентом, спасал страну от новых гитлеров? Это звучало не слишком убедительно. Да, в начале XXI в. националистические и революционаристские группировки действовали в России (как, впрочем, и во всех европейских странах). Но их влияние было невелико, а успешное эконо-

¹ Зорькин В. Философия права: Прошлое, настоящее и будущее // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2010. – № 2 (75). – С. 48–49.

мическое развитие не позволяло им расширять социальную базу. Напротив, экономическая стагнация, самоизоляция, активная пропаганда тезиса о том, что Россия остается в кольце врагов, создают для радикалов благоприятный социально-психологический климат.

Когда адепты политического режима, ставшего фактически режимом личной власти, ссылаются на опасность разного рода радикализмов, возникает вопрос: что тут перевешивает – угроза захвата власти радикалами или заинтересованность узкой группы лиц в неограниченной власти и связанных с ней скромных благах? Этим борцам с революционерами хочется напомнить суждение Бориса Чичерина (из статьи «Россия накануне двадцатого столетия»): «Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что она вдается в крайние направления. Одна крайность всегда вызывает другую. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению...»¹.

Идеи авторитарности (авторитарной модернизации) стала всерьез обсуждаться, оправдываться и обосновываться в период второго президентства В. Путина и во время президентства Д. Медведева. В 2012–2014 гг. режим преодолел некий предел и стал вполне реакционным. Это потребовало дополнительного идеологического обоснования, обновления идейной базы. Правящую группу и ее лидера уже перестала удовлетворять конструкция «суверенной демократии». Более того, режим стала стеснять Конституция 1993 г.

Показательно, что особое раздражение вызывала ст. 13 Конституции, запрещающая установление какой-либо идеологии в качестве государственной или общеобязательной. Сторонники новой идеологизации неожиданно обнаружили, что отсутствие идеологии – одна из причин геополитических поражений России в 1990-е годы. Для некоторых представителей гуманитарной интеллигенции, ассоциировавших себя с официальной «консервативной» позицией, разговоры о выработке новой идеологии, «поиске идентичности» стали чем-то вроде интеллектуальной моды.

Об этом вели речь депутаты от партии власти. Придворные издания типа ВВП настаивали: «Предложенные ранее модели уже не могут удовлетворить россиян, а вопрос идентичности, национальной идеи остается открытым»². «Литературная газета», ставшая выразителем «консервативных» (т.е. в сущности верноподданныхческих) настроений, писала: «Когда говорят о деидеологизации, речь идет о том, чтобы расчистить поле для своей, для выгодной себе идеологии. Собственно, именно так и происходило в России в процессе и после перестройки. Нашим геополитическим

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (первая половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 509.

² Валовый внутренний продукт (ВВП). – М., 2013. – № 5 (83). – С. 5.

противникам (как и любому противнику) выгодно ослабление нашего народа... Освобожденное от собственной идеологии поле немедленно занимает противник. Сегодня нам необходимо овладеть своей собственной территорией¹. Звучит как газетная передовица 70-х годов прошлого века. И опять – о враждебном внешнем окружении, которому наше государство должно противостоять. Парадоксальным образом это и стало главным тезисом новой идеологической платформы, заложенной под политический режим в России.

Конечно, параллели с советской идеологией напрашиваются. Но все же разница есть – и существенная. В 1970-е годы противником для нас был «мир капитализма» или «мировая капиталистическая система» (конечно, во главе с определенными государствами). Идеями и геополитическими противниками российской власти в XXI в. объявлен «Запад» – «западный мир», олицетворяемый, правда, теми же странами, что и сорок лет назад. Если в условиях господства марксистской идеологии все определял штамп об «идеологической борьбе» «двух социально-экономических систем» – социализма и капитализма, то теперь борьба неожиданно возобновилась в отсутствие внятной альтернативы капитализму.

Напомним пропагандистское клише советских лет: «мировая капиталистическая система» и империалистические государства (прежде всего США, Великобритания, Франция и т.д.) угрожают «миру социализма» и «социалистическим государствам», поскольку тамошняя крупная буржуазия опасается влияния социализма и социальной революции. Сейчас речь идет об угрозе не социализму, а «геополитическим интересам» России. Понимание существа «угрозы» (как и содержание слова «Запад») варьируется в весьма широком диапазоне. Оказалось, к примеру, что именно «Запад» «попытался в 2011–2012 годах разрушить внезапно для него возникшую консервативную парадигму общества, лидером которого стал Владимир Путин»².

Мне-то кажется, что общественную атмосферу тех лет определяло появление массового *внутреннего* протеста против сложившейся в России ситуации. Да и о «консервативной парадигме» говорить, по-моему, не было оснований. В любом случае все процессы были внутрисоветскими, инициировались российским политическим миром. Привлекать их к какому-то внешним силам – не только дурной пропагандистский прием, но и форма самообмана. К тому же следует помнить: в российской истории вслед за пропагандой обычно шла репрессия. Симптоматично, что защит-

¹ Свободное поле идеологии. Колумнисты ЛГ / Очевидец / События и мнения / Воеводина Татьяна // Литературная газета. – М., 2014. – 7–13 мая. – № 18 (6461). – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-18-6461-07-05-2014/svobodnoe-pole-ideologii/>

² Мухин А. «Зимняя сказка» на фоне прохладной войны // Независимая газета. – М., 2014. – 25 февр.

ники status quo, т.е. фактического состояния власти, стали ассоциировать своих идейных оппонентов с внешними противниками государства – совершенно в духе 30–70-х годов прошлого века. Этот подловатый пропагандистский прием в какой-то момент буквально стал приемом полемическим.

Приведем в связи с этим обширную цитату, взятую не из боевого партийного листка, а из главной правительственной газеты и принадлежащую опять же председателю Конституционного Суда: «Меня не интересует не только полемика с юродствующими юристами, находящимися в очевидном услужении у известного международного вора. Меня не интересует и сам этот вор. Потому что беседовать с ворами и их прислужниками – не следует... Показная забота о наполнении нашей государственности идеей справедливости сочетается с холодным циничным умалчиванием по поводу того, что эта идея была растоптана врагами современной России. Что эту идею – как и идею человечности вообще – все более грубо попирает современный Запад. Который только с очень большой натяжкой можно назвать Западом «табула раса». То есть Западом Аристотеля, Альберта Великого, Локка и пр. На самом деле нынешний Запад недостойн даже этих наименований. Он опустился теперь до грубейшего воровства, до исполнения государством роли рэкетира, действующего по наущению тех или иных международных воров.

Обвиняя Российское государство в клановости, международные воровы и их интеллектуальная обслуга замалчивают все, что связано с иной клановостью. Они не хотят обсуждать, какие именно клановые интересы породили бомбардировки Югославии и действия в Косово. Специалисты с отвращением констатируют, что там обеспечивались даже не только геополитические, но и гораздо более приземленные интересы. Но об этом обслуга международных воров никогда говорить не будет. Не будет она говорить и о том, чем на самом деле были порождены бомбардировки Ирака. И у каких именно американских кланов какой конкретный счет был к лидеру Ирака Саддаму Хусейну. Никогда никто из таких морализирующих циников, находящихся на услужении у международных грабителей, не скажет о том, какие именно западные политические кланы сталкиваются при дележе непрозрачных рынков оружия на Ближнем Востоке и в Африке. И к каким катастрофам это приводит... И во имя преодоления этой клановости и насаждения идеи справедливости они затеют сразу на многих интеллектуальных площадках России разговор о новой Конституции, которая по мановению ока, то есть по все тому же принципу табула раса, лишит нас клановости, восстановит у нас идею справедливости. Да и вообще вернет нам идеальное. При этом возвращать это идеальное необходимо только нам. А почему бы не попытаться вернуть его Западу? И навя-

зывать парламентскую республику надо только нам. А почему бы не навязать ее, например, США?»¹.

Эта цитата, на мой взгляд, ярко демонстрирует то мировоззрение, которым оказался пронизан верхний слой государственного аппарата – во всяком случае, к третьему президентскому сроку В. Путина. Заметим: конкретным поводом для этих размышлений послужило высказанное (где-то в прессе) мнение о том, что предусмотренная действующей Конституцией форма правления нуждается в корректировке: может быть, в преобразовании в парламентскую республику. Зорькин, естественно, защищает настоящую форму правления. Это, безусловно, его право. При этом, однако, ссылается на внешнеполитические угрозы – как: «...нынешний Запад... опустился теперь до грубейшего воровства, до исполнения государством роли рэкетира, действующего по наущению тех или иных международных воров». Что это за тон, что за стилистика? Действительно понимаешь, что ренессанс «советского», косного, изоляционистского сознания все же происходит. Поэтому и появляются «хорошо забытые старье», незамысловатые идеологические конструкции.

Попытаемся все же понять эту логику. Какие же конституционные проблемы обсуждаются в статье, посвященной вроде бы Конституции? Автор в основном перечисляет упоминания обвинения в адрес российского политического режима. Прежде всего, упрек в «клановости», т.е. в том, что государство вынуждено обслуживать интересы конкретной (правящей) группы, одного клана. Затем автор обвиняет некие враждебные силы в том, что они проявляют «показную заботу о наполнении нашей государственности идеей справедливости...», «навязывая» России такую форму правления, как парламентская республика. Идея парламентской республики появилась в публичном поле в ходе дискуссии о несовершенствах действующей Конституции – в частности, о перекосе в пользу полномочий президента. На эти «наветы» и отвечал председатель российского Конституционного Суда. Но вместо того чтобы отрицать клановый характер политического режима или недостатки Конституции 1993 г., он говорит о давних международных кризисах и о клановых интересах, лежавших в основе политики ЕС и США в Косово в 1999 г. и в Ираке в 2003 г. То есть как бы заявляет: они нас критикуют, а сами ничуть не лучше.

Да, в 1999 г. авиация НАТО нанесла ракетные удары по Сербии, вынуждая сербского президента Милошевича вывести войска из принадлежащего сербам автономного края Косово, большинство жителей которого составляли албанцы. Позже многие страны ЕС признали независимость края. Да, в 2003 г. войска США вторглись в Ирак под предлогом того, что

¹ Зорькин В. *Tabula rasa*: Ответ тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа // Российская газета. – М., 2014. – 7 апр.

иракский диктатор вел работы над созданием оружия массового уничтожения. В обоих случаях действия НАТО и США действительно не выглядели адекватными. Отказ европейских стран от признания хотя бы формального контроля Сербии над Косово противоречил сложившейся международной практике отношения к региональным сепаратистским движениям. Американское вторжение в Ирак привело к многотысячным жертвам среди мирного населения, но не к обнаружению секретных ядерных реакторов. В общем это, мягко говоря, не лучшие страницы в истории ЕС, НАТО, в международной практике США.

Однако возникает вопрос: как эти эпизоды 25-летней и 10-летней давности связаны с состоянием конституционного строя в России? Причем здесь, вообще, албанцы и иракцы, если речь идет о выстраивании (или разрушении) у нас правового строя? Если государства, представляющие собой устойчивые демократии, в тех или иных ситуациях совершают ошибки или ведут себя не так, как хотелось бы лидерам России, это еще не свидетельствует о недостатках демократии как таковой.

При этом важно помнить: в 2000–2011 гг. разговоры о «Западе» как о «рэкетирах», о «международных ворах», о «врагах современной России», пытающихся навязать ей те или иные формы государственности, вовсе не были главными для защитников режима (в том числе для председателя Конституционного Суда). Они не видели в «Западе» врага или по крайней мере не акцентировали на этом внимание. Все изменилось именно тогда, когда режим столкнулся с внутренними проблемами и протестами. Тогда им нашли объяснение: они инспирированы извне.

Заметим, автор статьи в «Российской газете» даже не отвечал по существу на упреки, адресованные российскому политическому режиму. Он сосредоточился на угрозах со стороны враждебного окружения, от геополитических противников государства. По сути дела, это и была новая идеологическая установка, которая объясняла и оправдывала явно реакционный характер политического режима: ослабление или ликвидация демократических институтов должны были выглядеть неизбежным следствием внешнеполитических угроз. (Здесь вспоминается эпизод из «12 стульев» Ильфа и Петрова – о пуске первого в городе трамвая: на митинге каждый оратор собирался говорить о трамвае, но как-то незаметно переходил на международное положение и разоблачение империалистов.)

В связи со статьей В. Зорькина не лишним будет напомнить о некоторых решениях российского Конституционного Суда, вынесенных уже после того, как вполне определился реакционный вектор законодательства. Суд признал конституционными все соответствовавшие нормы: ужесточающие ответственность за нарушение порядка проведения митингов, а также сам этот новый порядок; устанавливающие фактический контроль власти за отбором кандидатов на должность губернаторов; вводящие по-

нятие «некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента» и проч.

В России, да и в других странах всегда были и есть люди, безусловно оправдывающие действия власти лишь из безотчетного пиетета перед ней. Но в данном случае важно, что формирование режима личной власти готова была принять (и приветствовать) часть интеллигенции. А этот слой понимает, какими будут последствия: ослабление правовой основы государства и расширение пространства произвола. Тогда как они объясняли себе эту медленную контрреформу, какие оправдания для нее находили? Идеологически контрреформа обосновывалась, повторю, наличием враждебного внешнего окружения. Но большинство по старой российской привычке попросту опасалось критиковать и возражать. Многих устраивало, что группа, находящаяся у власти, не покушается на рыночные основы экономики и по крайней мере на словах печется об инвестиционном климате. Конечно, беспокоил произвол силовых структур, ставший в «нулевые» годы притчей во языцех. Но тем, кого это еще не коснулось, угроза не казалась столь уж серьезной. Все замечали опасную тенденцию в развитии политического режима, однако долго сохранялось пространство для внутреннего компромисса. С ситуацией можно было мириться, пока не были затронуты наиболее важные условия жизни городского жителя, заработанные в 1990-е: супермаркет в шаговой доступности, сотня телеканалов в пакете телеоператора, возможность отъезда к зарубежным морям, наконец, наличие двух-трех привычных газет и радиостанций, продолжавших (хотя и с осторожностью) более или менее независимо рассуждать не только о спорте и культуре, но и о политике.

В стране действительно продолжали выходить печатные издания, которые не придерживались официальной позиции по ряду ключевых вопросов (вроде «дела ЮКОСа», отмены выборов губернаторов, «Болотного дела», кризиса на Украине 2013–2014 гг. и т.п.) и публиковали альтернативные точки зрения. Таких изданий и изначально-то было немного (МК, «Новая газета», «Коммерсант», «Ведомости» и ряд региональных изданий), и число их неуклонно уменьшалось. Но их присутствие в медиaprостранстве позволяло читательской аудитории думать, что свобода массовой информации еще жива, что все не так плохо.

Вероятно, курс правящей группы на постепенное сужение коридора свободы в медиaprостранстве допускал сохранение небольшого числа относительно независимых изданий. Они не представляли особой опасности в силу небольших тиражей и в то же время служили доказательством терпения и терпимости власти. Но легко можно было догадаться, что нужда в таких доказательствах в конце концов отпадет.

О российских политике, политиках и идеологии консерватизма

Теперь рассмотрим более детально, что представлял собой новый российский консерватизм в контексте обновленного и обуженного спектра политических сил, который только и был возможен в условиях режима личной власти.

Собственно, разные политические воззрения в обществе могут существовать и без активной партийно-политической жизни, без партий и проч. Какие-то политические взгляды можно было обнаружить и в советское время, но проявлялись они достаточно искусственно. Приверженность политическим партиям, символам и лидерам, не имея возможности реализоваться, замещалась, к примеру, приверженностью различным литературным журналам. Для скрытых политических предпочтений находились способы и формы выражения, но это были вынужденные и вымученные формы.

В условиях формирования и укрепления режима личной власти политическая жизнь может не подавляться полностью. Но она выстраивается вокруг одной персоны – первого лица. Условием существования такого режима (помимо прочего) является контроль правящей группы над крупнейшими СМИ. Этим обеспечивается доминирование в медиапространстве одного образа, одного лица. Его потенциальные конкуренты или оппоненты игнорируются, а если уж их упоминание неизбежно, представляются в негативном свете либо высмеиваются.

Партийно-политическая жизнь в Российской Федерации, вполне свободная в начале 1990-х годов, всегда зависела от информационной политики крупнейших государственных телеканалов. С 1993 г. эту монополию пытался разрушить (и безуспешно) телеканал НТВ. Но в 2000 г. он фактически стал одним из государственных телеканалов, вещание которых контролировалось президентской Администрацией. Эти телеканалы с начала 2000-х годов сконцентрировались на создании образа президента Владимира Путина. Глава государства стал появляться на каждом канале, в каждом новостном выпуске. Критика в его адрес была исключена из телеэфира – возможен либо позитивный (позитивно-восхищенный), либо нейтральный тон.

Поначалу партийная деятельность особенно не ограничивалась, но политические партии и их лидеры почти исчезли с телеэкрана: отводившего им эфирного времени хватало разве что на реплики. Заметим: вытеснение партийных тем и «партийцев» из информационного пространства особого сожаления у широкого зрителя не вызывало. Межпартийная полемика (не задающая первое лицо) просачивалась в эфир в периоды выборных кампаний, но это не отменяло полного информационного доминирования группы (партии), обслуживающей первое лицо. При формиро-

вании правительства, при назначении региональных администраций роль политических партий была ничтожной, что соответствовало духу режима (но и форме правления, установленной Конституцией).

В 2004–2012 гг. процесс создания и деятельности политических партий был затруднен рядом законодательных барьеров. Законодательство о выборах обеспечило лучшую управляемость избирательного процесса, «работая» на «Единую Россию». К примеру, были исключены нормы, допускавшие деятельность избирательных блоков. Новые партии несколько лет не создавались, их общее число уменьшилось до семи, а более или менее реально участвовали в политике только три: КП РФ, ЛДПР и «Яблоко». Созданные президентской Администрацией «Единая Россия» и «Справедливая Россия», для которых всегда находилось место в информационном пространстве, полностью зависели от единого центра принятия решений в Кремле.

Но в апреле 2012 г. в ответ на массовые акции протеста некоторые ограничения на создание и деятельность партий были отменены или ослаблены. К тому времени более или менее прочное положение в российской партийной системе занимали два образования, формально не связанные с партией власти: КПРФ и ЛДПР. Эти старожилы политической сцены ни на что не влияли, но очень ценили свой статус легальных партий, представленных (пусть и символически) почти во всех законодательных органах. Ведь важнейшее условие неформальной сделки с властью – объектом их критики не могло быть первое лицо – они выполняли. Такие декоративные по своей сути партийные системы существовали в большинстве авторитарных режимов второй половины XX в. Это стало результатом сворачивания политической жизни, ее концентрации вокруг одной персоны, а также принижения значения политических партий как института.

Внешне расклад политических сил в современной России напоминает структуру государственных дум начала XX в.: крайние националисты, консервативная партия власти, либеральный и левый сегменты. Можно предположить, что здесь действуют какие-то архетипические механизмы. Российский партийно-политический спектр сходен также с партийными системами европейских государств. Однако в данном случае внешнее сходство обманчиво – куда важнее сущностные особенности.

По существу, наши «консервативные партии» представляют собой форму «присвоения» пространства политики государственным аппаратом, который охватывает еще и исполнительную и судебную власти. К «консервативным» структурам можно отнести «Единую Россию» и Общероссийский народный фронт (последний, правда, весьма условно: статус этого объединения, пытающегося совместить поддержку первого лица и власти в целом с критикой отдельных чиновников, остается не вполне ясным). О приверженности этих образований «консервативной» идеологии

неоднократно говорил Владимир Путин; потом это определение появилось в некоторых партийных документах.

Повторим, российская партийная система носит в значительной степени искусственный характер. Это означает, что так называемые парламентские оппозиционные партии, по точному выражению Ю. Пивоварова, имеют «по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они «в системе» по разрешению начальства... Совокупная легитимность «допущенных» – конечно, в различных пропорциях – включает в себя и легитимность «от народа». Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, легитимность властная¹. Эти «парламентские оппозиционные партии» (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») прошли через идеологический фильтр и были признаны совместимыми с режимом. Фильтр же (или фильтры) устанавливали люди, называющие себя консерваторами.

Здесь уместно будет вспомнить о том, как появился консерватизм в современной России. В первые годы после распада СССР консервативному мировоззрению, охранительному по своей сущности, не так-то просто было обрести политическую форму, найти объект защиты. Консерваторами чаще всего называли твердых сторонников прежнего режима, верных ленинцев/сталинцев, ностальгирующих по советской жизни. Для консерватизма традиционного, консерватизма в европейском смысле слова, защищающего веру в Бога и частную собственность, в постсоветском мире не было места. Но спустя два десятилетия ситуация изменилась.

В условиях экономического роста укреплялся и расширялся бюрократический слой, стабилизировалось положение социальных групп, так или иначе зависимых от бюджета. В то же время внутри бюрократии оформилась жесткая иерархия: на вершине – бессменный лидер (первое лицо) со своим ближайшим окружением (правящей группой), руководители силовых структур и спецслужб. Важное место «наверху» заняли и иерархи Русской православной церкви (РПЦ), формально отделенной от государства. Сложился альянс правящей группы и руководства РПЦ, государства и церкви. «Верхи» подобрали себе политических союзников и бизнес-партнеров из числа особо приближенных (избранных) предпринимателей. В первые два президентства В. Путина их круг вполне определился. На появление корпорации «власть – церковь – избранный бизнес» указывали либеральные газеты, сохранившие некоторую независимость. В деятельности этой корпорации они усматривали корыстный групповой интерес, критиковали ее и закономерно становились для нее врагами.

¹ Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления // Полис. – М., 2014. – № 2. – С. 41.

Этот альянс и стал объектом защиты для нового русского консерватизма. Наконец, стало ясно, что защитить и от кого. Однако в идейном плане консерваторы не смогли предложить ничего оригинального, что отличало бы их от идеологической платформы либералов и социалистов. Ведь установку на сохранение status quo и всестороннюю поддержку лидера трудно считать самодостаточной идеей. А положения об уважении религии и РПЦ (как доминирующей конфессии) можно было найти в программах практически всех российских политических движений.

Показательно, что в Манифесте просвещенного консерватизма мы обнаруживаем некий пафос, но не так уж много собственно консервативного содержания: «Эйфория либеральной демократии закончилась! Пришла пора – делать дело! Первое, что нам необходимо, – это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе – обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье – рост “благополучия для всех”. Четвертое – восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое – гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье»¹.

Новое русское охранительство принципиальным образом отличается от того мировоззрения, которое возникло на рубеже XVIII–XIX вв. в Великобритании, Франции, США и стало именоваться «консерватизмом».

Одна из основ консерватизма – признание того, что права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. Консервативные политики поддерживают ценность порядка, т.е. строгого соблюдения законов, настаивая при этом на важности полиции и армии. Консерваторы никогда не жалели денег на силовые структуры. Но *порядок* в государстве всегда был для них лишь *условием* реализации свобод! Европейские и американские консерваторы не меньше (а то и больше) ревнители личных свобод (свободы слова, совести, права частной собственности), чем либералы. Поэтому консерваторы крайне негативно относятся к возможной при демократии «тирании большинства», обычно прикрывающей чью-то единоличную власть. И в Германии, и в США, и в Австралии консерваторы не меньше, чем либералы, опасаются чрезмерного сосредоточения власти в одних руках и проистекающего от этого произвола. Консерватизм, берущий начало от Эдмунда Берка и Алексиса де Токвиля, крайне настороженно и болезненно относится к любым ограничениям свободы слова.

Те же, кто сегодня как будто бы воплощает российский консерватизм, готовы всячески защищать единоличную власть. Их взгляды, их поведение лучше всего характеризуются старинным русским словом «верно-

¹ Михалков Н. Манифест просвещенного консерватизма. – Режим доступа: <http://www.proektrussia.ru/manifest-prosveshchennogo-konservativizma.-n.-michalkov.html>

подданничество». Такой «консерватизм» нацелен на защиту монополии на власть – и конкретного первого лица, и приближенной к нему группы лиц (равно как и обслуживающих их – по клиентельному принципу – групп). В законодательных собраниях разного уровня «Единая Россия» к 2014 г. контролировала от 60 до 98% мест. Однако фактически это контроль не партии, а бюрократического аппарата – деидеологизированного, но готового декларировать и исполнять любую программу, провозглашенную первым лицом и стоящей за ним правящей группой.

Эти «консерваторы» готовы терпеть свободу слова (как и прочие свободы) лишь в той мере, в какой они не создают угрозы (или даже дискомфорта) для неограниченной власти первого лица. Не случайно в упомянутом консервативном Манифесте совершенно не затрагивается тема прав и свобод. Антиэмансипационный, охранительно-запретительный характер нынешнего российского консерватизма демонстрирует практика: ограничение вещания негосударственных телеканалов, жесткий контроль над государственными СМИ, попытки давления на блогосферу и т.д.

Что касается принципа защиты частной собственности, то к нему российская правящая группа, реализующая «консервативную» стратегию, всегда относилась избирательно. Предприниматели, выказавшие политическую неблагонадежность (начиная с миллиардеров вроде Ходорковского, Гучериева и др. и заканчивая владельцами деревенских магазинов), не могли рассчитывать на защиту своих прав судами. И хотя индивидуальные бизнес-истории складывались по-разному, в целом бизнесмены в последнее десятилетие ощущали свою уязвимость перед силовыми структурами. При слабости и зависимости судебной системы представители силовых ведомств могли действовать произвольно – с учетом собственных экономических интересов.

Консерваторы склонны обращаться к этническим и религиозным корням нации. Наверно, в связи с этим Дмитрий Rogozin как-то заявил: «Альянс Кремля с европейскими правыми шатает брюссельский табурет»¹. Что он имел в виду? Все современные консерваторы и умеренно правые, уважая национальные традиции, религии, крайне негативно относятся к агрессивному национализму и тем более к любым видам агрессии под националистическими лозунгами. Поэтому действия российской власти в украинском кризисе вызвали критику со стороны всех авторитетных европейских консервативных партий. Сочувствующих удалось найти (и то не без труда) лишь в лагере ультра националистов. Но в Европе и Америке давно уже принято отделять консерваторов от правых радикалов. Именно о пользе альянса с радикалами и говорил Rogozin.

¹ Dmitry Rogozin, 28 mart. 2014. – Mode of access: <http://twitter.com/Rogozin>

Как видно, консервативная политическая идеология, зародившаяся в Западной Европе в конце XVIII в. и прошедшая длинный общий путь с идеей либеральной демократии, и то «направление», которое в годы правления Владимира Путина стали именовать «консерватизмом», — два принципиально разных явления. Европейский консерватизм стал одним из оснований демократических порядков в целом ряде стран. Современный российский «консерватизм» призван оправдать режим личной власти, служить инструментом его идеологического оформления.

Характерная черта официального российского консерватизма — неприятие либерализма, либеральных взглядов. Несмотря на то что все опросы общественного мнения показывают крайне низкую популярность в России либеральных партий, лидеров и идей, в официальной пропаганде критика либерализма постоянно занимает важное место. Для этого есть серьезные причины. Демократические (либеральные) партии все последние годы критиковали правящую группу за фактическую измену Конституции: за установление режима личной власти, за подчинение судов на всех уровнях администрациям, за фактический демонтаж демократических институтов и т.д. Либеральные партии и их лидеры позволяли себе прицельную критику в адрес первого лица. Либералы претендовали (и могли рассчитывать) на поддержку того сегмента электората (образованных горожан), который правящая группа хотела бы считать своим. И массовые протесты 2011—2012 гг. показали, что популярность идей демократии, свободы слова и других свобод в этом слое достаточно высока. В силу этих (как и некоторых иных причин) либеральная оппозиция стала для власти главным врагом.

Партии и группы, апеллирующие в своих программах к «социализму» и «социалистическому пути», вызывают у правящей группы куда меньше опасений, чем либералы. Это понятно. Все последние 20 лет эти партии с большим или меньшим пылом обращались к опыту советского режима, черпали там подходящие образы и образцы. В отличие от партий социалистов-мечтателей рубежа XIX—XX вв., Коммунистическая партия и некоторые другие коммунистические группировки в России рубежа XX—XXI столетий *по преимуществу партии ностальгирующие*. Когда на социалистическом фланге стали появляться новые акторы (вроде Левого фронта), уже не связывающие себя с образами прошлого, они встретили весьма неприязненное отношение власти. Для действующего режима куда более удобной и безопасной оказалась идеология КПРФ: странноватая смесь из неосталинизма, радикально-социалистических лозунгов и консерватизма почвеннической складки, требующего борьбы с Западом, американским империализмом и чуждыми образцами массовой культуры. Эти фундаменталисты вполне могут быть союзниками власти в ее борьбе с идеями демократии.

Для русской политической традиции все это не является такой уж новостью. Вот что около 110 лет назад писал Б.Н. Чичерин: «Все журналы со сколько-нибудь либеральным направлением висели на волоске, а холостяцкой ватаге поклонников реакции давался полный простор. Они могли на своем рабском жаргоне прославлять правительство на все лады, восхвалять все его самые вопиющие меры, видеть в нем спасителя отечества. Более или менее значительной свободой пользовались и социалисты. Либерализм казался правительству опасным, но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным... Среднее, умеренно либеральное направление оставалось в накладе. В журналистике оно не имело органа, а книги, кроме самых зазорных, у нас давно перестали читать»¹.

Мы, конечно, сознаем, что любые исторические аналогии условны. За минувшее столетие российское общество радикально изменило свою структуру и вообще изменилось. И все же нам хотелось бы подчеркнуть преемственность и политических проблем, и политических ролей в процессе создания в России конституционного государства. Его не удалось выстроить 100 лет назад – процесс был насильственно прерван. Но задачи, поставленные и не решенные одной эпохой, переходят по наследству к другой, пусть и через три поколения. Воспроизведение спустя 100 лет структуры общественно-политических сил и «старого» конфликта может служить дополнительным напоминанием о том, что задача все еще не решена. Русское образованное общество созрело для ее решения уже столетие назад. Неужели оно не готово решать ее сегодня?

Тот политический «консерватизм», который стал идеологической платформой российской власти, призван прежде всего оправдать чиновничий, бюрократический, политический и прочий произвол. Именно в этом его сущность. В отличие от него политическая демократия, не являясь, разумеется, чудодейственным средством от всех социальных болезней, создает условия для его искоренения, уменьшает пространство произвола.

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука. – 1998. – С. 575.

В.Н. ЧЕРНЕГА

**РОССИЯ И ЕС:
ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА**

Настоящая статья в известной степени является продолжением другой работы – «Шансы России в XXI веке»¹, опубликованной еще в 2000 г. Здесь автор пытался обобщить свои размышления, а также опыт довольно продолжительной дипломатической службы. Являясь в 2000–2012 гг. штатным сотрудником Совета Европы (СЕ) в Страсбурге, автор в соответствии с требованиями Устава этой международной организации не мог выступать с публикациями на темы внешней политики, хотя регулярно участвовал в аналитических программах СЕ по проблемам восточноевропейских стран, в первую очередь Российской Федерации. Опыт работы в СЕ, по большому счету являющемся политическим инструментом Европейского союза (ЕС), но включающем Россию и другие постсоветские государства, побудил автора заострить внимание на взаимоотношениях России с ЕС. Они все больше определяют судьбу Европейского континента, а в значительной мере – и структуру меняющегося мироустройства.

ЕС как новая европейская империя

Несколько лет тому назад германский политолог А. Пар высказал мнение, что в политике Запада по отношению к России доминирует стремление вытеснить ее из Европы в Азию. В перспективе, заявил он, это может привести к геополитическому разлому мира, похожему на тот, который в свое время вообразил Дж. Оруэлл: «Три громадные империи будут воевать между собой: трансатлантическая, евразийская, в которой Россия и Китай будут вынуждены объединиться, чтобы противостоять натиску Европы, и халифат. Эти три направления ясно кристаллизуются в мировой политике»². По словам Пара, авангард сил, которые хотели бы

¹ Чернега В. Шансы России в XXI в. // Международная жизнь. – М., 2001. – № 1. – С. 50–58.

² Независимая газета. – М., 2007. – 30 янв. http://www.ng.ru/stenarii/2007-01-30/13_regress.html gazeta/2007-01-30/

«выдавить» Россию в Азию, составляют Польша, Чехия и прибалтийские государства. Их неявно поддерживают западноевропейские страны, – в частности, Германия, Великобритания и Франция, т.е. самые влиятельные государства – члены ЕС.

Недавние события на Украине и вокруг нее, в которые в той или иной форме оказались вовлечены Европейский союз и Россия¹, подтвердили реальность этого прогноза по меньшей мере в одном: России приходится противостоять «натиску Европы» в лице ЕС. К счастью, взаимоотношения между сторонами этим не ограничиваются. Правильнее будет сказать, что они носят двойственный характер, особенно со стороны ЕС.

Россия активно сотрудничает с государствами – членами ЕС в различных областях, что постепенно ведет к взаимозависимости. Это особенно характерно для энергетики. Есть впечатляющие примеры сотрудничества в весьма чувствительных космической и военно-технической сферах. В то же время отношения с ЕС в целом, точнее с Европейской комиссией, носят более жесткий характер. Однако их все же нельзя назвать враждебными, несмотря на имеющиеся расхождения по ряду вопросов – например, по Энергетической хартии, так называемому третьему энергопакету или проблематике прав человека.

Вместе с тем Россия и ЕС все более ожесточенно конкурируют между собой за влияние на постсоветском пространстве. Импульс этой конкурентной борьбы исходит главным образом от Европейского союза. ЕС действительно медленно, но верно превращается в своего рода новую европейскую империю. Пока она еще весьма аморфна, ей недостает политико-государственных скреп, однако логика внешней экспансии, присущая любой империи, проявляется уже достаточно отчетливо.

До сих пор эта рождающаяся империя была оригинальной по принципу своего формирования: новые государства-члены не просто входили в нее добровольно, но должны были реформироваться, чтобы соответствовать критериям вступления. Однако уже в случае с Болгарией, Румынией и в определенной степени с прибалтийскими государствами, которые не соответствовали или не вполне соответствовали этим критериям, на первое место вышла логика экспансии. Отношения с Украиной знаменовали новый этап эволюции: ЕС впервые открыто боролся за включение этой страны в свой состав. Идеологи европейской экспансии не скрывают, что ее целями на постсоветском пространстве помимо Украины являются Белоруссия, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан. Все эти страны, как известно, включены в проект ЕС под названием «Восточное партнерство».

На нынешнем этапе политики экспансии движет стремление заполнить новые рынки сбыта и дешевую рабочую силу. Однако в долгосроч-

¹ Речь здесь идет о событиях осени 2013 г. – *Прим. ред.*

ном плане речь идет не только об экономическом освоении новых территорий, но и об их включении в политическое, идеологическое и культурное-цивилизационное пространство создающейся империи. Военная интеграция пока, видимо, как и ранее, будет осуществляться через НАТО, хотя в перспективе обретение Европейским союзом «военного измерения» отнюдь не исключается. Произойдет это скорее всего тогда, когда ЕС достаточно далеко продвинется по пути создания политико-государственных скреп и перестанет зависеть от США в оборонной сфере.

В России по ряду причин довольно скептически оценивают эту перспективу. Российские специалисты по-прежнему видят в ЕС главным образом общий рынок, единое экономическое пространство со свободным движением товаров, капиталов и рабочей силы. Введение постов президента¹ и министра иностранных дел² ЕС не вызвало большого интереса. Действительно, эти новые институты пока не заработали в полную силу. Но они приобретают иной смысл в общем контексте эволюции ЕС в конфедеративно-федеративное государственное образование.

Парадоксальным образом в условиях нынешнего экономического и финансового кризиса преобразование ЕС отнюдь не замедлилось, а, наоборот, ускорилось, по крайней мере на уровне его «твердого ядра», представляемого Германией, Францией, Италией и странами Бенилюкса, а также на уровне евробюрократии в Брюсселе, все более превращающейся в самодовлеющую силу. Под разговоры о «кризисе евро» или «кризисе еврозоны» лидеры этих стран и Европейская комиссия продвигают, хоть и с большим трудом, реформы, направленные на сближение бюджетно-налоговой и банковско-финансовой политики. Это должно придать большую прочность «евро» и одновременно укрепить политико-государственное единство.

Единая политика и единые стандарты в этих областях неизбежно будут толкать интеграционный процесс в сторону совершенствования существующих и создания новых наднациональных механизмов регулирования и управления, по сути – элементов квазигосударственности. Это, в свою очередь, приведет к дальнейшему усилению и расширению полномочий фактического правительства ЕС – Европейской комиссии, которая все эффективнее унифицирует самые разные сферы жизни государств-членов.

Совсем недавно завершилась инкорпорация в законодательство этих государств Директивы ЕС 2011/98 о введении на их территориях единого документа, представляющего собой одновременно разрешение на работу и вид на жительство для иностранных трудящихся. В ведение Европейской

¹ Председатель Европейского совета.

² Верховный представитель ЕС по внешним делам.

комиссии переходят и вопросы усыновления/удочерения иностранных детей в странах ЕС, столь чувствительно воспринимаемые сейчас в России. Такое все более осязаемое управленческое проникновение в жизнь государств ЕС вызывает наибольшие протесты некоторой части их населения и политических сил, выражающих настроения этих людей.

Это недовольство объективно ведет к усилению роли Европейского парламента как демократического противовеса Европейской комиссии. Он тоже проявляет большую активность.

Стоит отметить и все более заметные усилия, предпринимаемые прежде всего в странах «твердого ядра» ЕС, по формированию «единой европейской идентичности» или, если позаимствовать в несколько измененном виде формулировку из советского прошлого, «нового европейского человека». Они уже не ограничиваются сферой СМИ и, все больше захватывая школу, университет и даже дошкольные учреждения, определяют собою воспитание современного европейца. Речь идет об усвоении не только идеи такой идентичности в самом общем виде, но и конкретных цивилизационно-культурных убеждений («антисексизма», подавлении «гомофобии» и т.п.).

Разумеется, формирование европейского конфедеративно-федеративного государственного образования потребует еще много времени и будет сопровождаться спорами, трениями и конфликтами как между странами ЕС, так и внутри них. Возможно, некоторые государства (в частности, Великобритания) даже останутся, по крайней мере на какое-то время, вне этого процесса. В создаваемой новой империи уже заметны уязвимые места: «лоскутный» характер, увеличивающийся по мере экспансии, громоздкость в управлении, неоднородность уровней социально-экономического развития, культурные различия и проч. Формирование «единой идентичности», к примеру шведов и греков, представляется весьма проблематичным. Но все это вряд ли изменит заданный вектор движения – во всяком случае, стран «твердого ядра» во главе с Германией, поскольку диктуется объективными потребностями их экономик. Новые государства-члены будут вынуждены подтягиваться к «старой Европе». Процесс вхождения в «еврозону» Эстонии и Латвии подтверждает это предположение.

Чем привлекателен ЕС?

Для России экспансия Европейского союза на постсоветском пространстве даже в нынешнем виде – вызов стратегического характера. Превращение же ЕС в реальное государственное образование и неизбежное его усиление чревато утратой Россией большей части сферы жизненных интересов, что объективно толкает ее в сторону Средней Азии и Китая. Соотношение сил в этой борьбе явно не в пользу нашей страны. Речь идет

не только об экономической мощи ЕС. Хотя надо помнить, что его совокупный ВВП превышает ВВП России почти в шесть раз при перерасчете по паритетной покупательной способности и более чем в восемь раз по номинальной стоимости, а производительность труда и конкурентоспособность ведущих экономик ЕС в несколько раз выше соответствующих показателей российской экономики.

Очень важная составляющая мощи ЕС, на которую редко обращают внимание российские специалисты, – высокая степень социальной сплоченности обществ в странах «твердого ядра». С 50-х годов прошлого века это считается неременным условием устойчивого экономического развития, залогом успешного противостояния внешним и внутренним вызовам. Сплоченность основывается прежде всего на мощных системах социальной солидарности (социальная защита, социальная помощь), доступности качественного жилья, образования, здравоохранения, а также на уменьшении бедности и последовательном сокращении разрыва между наименее и наиболее обеспеченными слоями населения. Лишь один пример: во Франции в 2000–2008 гг. число бедных (имеющих доход менее 60% среднедушевого по стране) уменьшилось до 7,5% (исторический минимум), а разница в доходах между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных людей уменьшилась с 8,3 до 6,7 раза. Среди «старых» государств-членов самый большой разрыв был зафиксирован в Португалии (7,9 раза), самый незначительный в Швеции (3,3 раза).

Вместе с тем социальная сплоченность в «старой» Европе зиждется на разделяемых большинством населения ценностях – прежде всего таких, как демократия, правовое государство и права человека. По сути, эти ценности превратились в своего рода религию, потеснив религию настоящую, консолидирующая роль которой ослабевает. В любом случае ценности успешно играют роль идеологической крепки, без которой не могут обойтись ни одно общество и государство.

Конечно, нынешний кризис нанес удар по весьма дорогостоящей соцзащитной компоненте системы социальной сплоченности. Правительства государств – членов ЕС были вынуждены проводить политику жесткой экономии, которая всегда означает прежде всего экономию на социальных расходах. Однако запас прочности, создававшийся десятилетиями, достаточно велик, чтобы выдержать это испытание. Да и экономики стран «ядра», обладающие необходимой гибкостью, постепенно восстанавливаются и модернизируются, что рано или поздно позволит вернуться к требуемому уровню затрат на поддержание и развитие системы. Следует подчеркнуть, что речь идет не о благотворительности, а о важнейшем условии устойчивого развития самих этих экономик.

Именно европейская социальная модель была и остается важнейшим фактором притягательности ЕС для населения тех стран, которые заявля-

ют о своем стремлении продвигаться по пути европейской интеграции. Принимаются в расчет и другие факторы: эффективно функционирующая демократия, автономная по отношению к исполнительной власти и пользующаяся доверием населения система правосудия, высокий уровень правдивости защищенности человека, а также сведение в большинстве государств-членов до исторического минимума коррупции.

Справедливости ради нужно отметить: хотя привлекательность ЕС в кризисные годы несколько снизилась (в том числе во многих государствах-членах), она остается весьма значительной, особенно вовне, являясь важнейшим фактором его «мягкой силы». Это важно понимать и учитывать. В России, однако, политики склонны сводить и внутреннюю борьбу в постсоветских странах, и отношения с ними к взаимодействию элит и их поддержке внешними игроками. Глубинные изменения, происходящие в обществе, почти не учитываются. На деле, как показали события на Украине еще в период «оранжевой революции», никакое вмешательство извне, в частности со стороны Запада (которое, несомненно, было – в том числе на стадии подготовки), не принесло бы результата, если бы значительная часть украинского общества, особенно самые активные его слои, не добивалась смены режима. Движение это было столь мощным, что сделало невозможным соглашение известных своей «договороспособностью» украинских элит.

Строя свою политику, России необходимо принимать во внимание, что, как показывают опросы общественного мнения, число сторонников евроинтеграции на Украине и даже в Белоруссии не просто больше, чем противников, но и продолжает увеличиваться. Можно предполагать, что эта тенденция сохранится, поскольку идея евроинтеграции особенно популярна среди молодых поколений.

Шансы России в конкуренции с ЕС

Нынешняя экспансия ЕС в направлении Украины и неизбежная в будущем экспансия в отношении Белоруссии ставят перед Россией очень трудную дилемму. Она не может не реагировать на эту экспансию, поскольку речь идет о самой важной части сферы ее жизненных интересов (тем более что за евроинтеграцией, скорее всего, последует интеграция этих стран в НАТО). Вместе с тем Россия не может позволить себе прямую, тем более длительную конфронтацию с ЕС – прежде всего по экономическим причинам.

К счастью, ЕС тоже не заинтересован в конфликте и, судя по всему, будет его избегать. Однако политика экспансии при этом вряд ли прекратится. Скорее всего, она будет скорректирована: движение «парового катка» сменит более гибкая и более осторожная тактика «созревшего фрукта».

та», рассчитанная на длительную перспективу. В этом случае Россию ждет конкурентная гонка, основанная со стороны ЕС на принципе постепенного вытеснения конкурента из стран, вовлеченных в «Восточное партнерство». Собственно, смысл соглашений об ассоциации с ними именно в этом.

Очевидно, что, если Россия будет втянута в такую длительную гонку, это потребует напряжения всех ее ресурсов. Масштабы помощи, уже оказанной Украине, для того чтобы всего лишь приостановить ее движение к ЕС (а вслед за тем и Белоруссии), в момент, когда российская экономика испытывает все большие трудности, показывают, насколько высокой будет для нее цена этой борьбы.

В краткосрочной перспективе у России, несомненно, есть шансы какое-то время сдерживать «натиск Европы». Она располагает рядом необходимых для этого важных «козырей», причем именно на постсоветском пространстве. «Козыри» эти хорошо известны: энергетические ресурсы мирового значения, огромный внутренний рынок, оставшаяся после советской эпохи взаимодополняемость российской экономики с экономиками большинства других бывших советских республик и еще не исчезнувшие кооперационные связи, а также культурно-ментальная близость (особенно с Украиной и Белоруссией). Немаловажно и то, что Россия является страной массовой трудовой миграции из этих республик, занимая второе место в мире по числу трудовых мигрантов после США.

Однако в более длительной перспективе все более негативную роль будут играть «факторы слабости» России. В проводимой пропагандистской войне, которая ведется на Западе, на них постоянно указывают: в политическом отношении Россия застряла где-то между демократией и авторитарным режимом (поэтому отсутствует прочная политическая стабильность), ее судебная система не независима и неэффективна, Российское государство (в том числе правоохранительные органы) поражено беспрецедентной коррупцией, а права человека в стране защищены очень слабо или не защищены вовсе, особенно в российской глубинке. Все это так или иначе сказывается на социальной стабильности, а также на инвестиционном климате, инновационной активности и на экономике в целом, остающейся, несмотря на все предпринимаемые сейчас усилия, в основном сырьевой, малоэффективной и неконкурентоспособной. Критикуя Россию, на Западе не забывают о тревожной демографической ситуации и огромных проблемах в социальной сфере.

Следует отметить, что многие из этих проблем признаются и российской властью. Ею предпринимаются меры для улучшения ситуации с демократией (восстановление прямых выборов руководителей субъектов Федерации, меры по усилению прозрачности выборного процесса), уменьшения коррупции и развития реального сектора экономики. Делаются попытки придать российской промышленности более инновационный и

высокотехнологичный характер. В последние годы больше внимания стало уделяться демографической ситуации и проблеме бедности.

К сожалению, на ряде очень важных направлений принимаемые меры не могут принести желаемых результатов в силу, с одной стороны, недостаточности выделяемых средств, а с другой – застарелости, долгосрочности самих проблем. На других направлениях власти явно недостает политической воли.

В первом случае наиболее показательна демографическая проблема. По прогнозам большинства зарубежных и российских экспертов, население РФ уменьшится к 2030 г. с нынешних 143 млн до 115–120 млн человек, к 2050 г. – до 90–95 млн человек. Речь идет о демографических тенденциях, которые складывались десятилетиями. Для того чтобы повернуть их вспять, нужно не менее 25–30 лет при условии проведения государством активной демографической политики и огромных затрат.

Российское руководство, как уже отмечалось, в последние несколько лет много делает для улучшения ситуации в этой области. Это позволило несколько повысить рождаемость, уменьшить смертность и увеличить среднюю продолжительность жизни. Средний показатель рождаемости, например, увеличился с 1,21 до 1,34 (на одну среднестатистическую женщину репродуктивного возраста). Однако только для простого воспроизводства населения нужно достичь показателя в 2,1. Рост начинается с показателя 2,2.

Иными словами, достигнутые успехи не являются переломными. Отмечающийся ныне некоторый прирост населения – временное явление, поскольку новые репродуктивные поколения, родившихся в 1990-е годы, не могут продолжить его из-за своей малочисленности. При этом прирост в значительной степени был достигнут за счет более высокой рождаемости на Северном Кавказе и миграции. В перспективе Россию ждет депопуляция, которая затронет прежде всего традиционные русские области.

Россия уже сегодня существенно уступает по численности населения ЕС (500 млн человек) и Китаю (1,3 млрд). Будущее грозит неизбежным и опасным усугублением этого дисбаланса. Сокращение населения ставит под вопрос сохранение Россией даже статуса великой региональной державы. Кроме того, все сложнее будет контролировать всю огромную территорию страны, особенно Восточную Сибирь и Дальний Восток. Эти регионы, где сосредоточены огромные запасы полезных ископаемых, соседствуют с быстро развивающимся Китаем, остро нуждающимся в сырье. Поэтому сохранение востока может стать главной проблемой безопасности страны.

Стоит также отметить уже ощущающуюся нехватку трудовых ресурсов. Это побудило российское руководство принять Концепцию государственной миграционной политики до 2025 г., где констатируется, что к

указанному году эти ресурсы уменьшатся на 10 млн человек. Концепция предусматривает замещать их главным образом иностранными трудящимися. С учетом уже имеющихся проблем, вызванных внешней и внутренней миграцией, нетрудно предсказать, что это приведет к дальнейшему росту напряженности и конфликтам между коренным населением и мигрантами, т.е. к ослаблению сплоченности российского общества.

Однако более всего социальное единство подрывает увеличивающееся неравенство в доходах людей. В этом отношении Россия движется в направлении, прямо противоположном ЕС. В 2000 г. разрыв между 10% самых зажиточных и 10% наименее обеспеченных россиян составлял 8 раз. В 2012 г., согласно официальным данным, он достигал 17 раз. Однако эксперты различных международных организаций фиксировали разрыв не менее чем в 23 раза, а в Москве – более чем в 60 раз. Этот разрыв неизбежно переносится в жилищную сферу, здравоохранение, область образования.

Рост социального неравенства сочетается с проблемой бедности. Российская власть не без оснований говорит о сокращении бедности по сравнению с 2000 г. Однако если за основу подсчета взять не прожиточный минимум (6,5 тыс. руб. в месяц), а критерий ЕС (менее 60% среднедушевого дохода по стране), то число бедных составит не менее 40%. Это самый высокий показатель среди экономически развитых стран, в том числе тех, которые уступают России по такому критерию, как объем произведенного ВВП на душу населения.

Прямым следствием неравенства и бедности, оборачивающихся социальной маргинализацией миллионов людей, в том числе молодежи, является ряд печальных рекордов России, характеризующих качество жизни: первые места в мире по числу лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, первое место по числу аборт, одно из первых мест по количеству заключенных. Хорошо известно, в том числе из истории России, что нищета, маргинализация, чувство несправедливости являются питательной средой для экстремизма и терроризма.

Социальная разобщенность затрудняет продвижение в российском обществе какой бы то ни было «национальной идеи», которая могла бы играть роль идеологической скрепы. Патриотическое единение вокруг присоединения Крыма не должно обманывать: каким бы мощным оно ни было, оно не может объединить общество надолго.

Наличие всех этих проблем признается и российской властью. О «высокой дифференциации доходов» по сравнению с европейскими странами и о том, что «каждый восьмой россиянин живет ниже черты

бедности», говорил в одной из своих предвыборных статей В. Путин¹. К сожалению, принимаемые российским руководством для их решения меры носят частичный характер и не могут переломить ситуацию. Чтобы добиться прорыва, необходимо радикально менять систему перераспределения национального богатства.

Представляется, что российские элиты недооценивают, насколько социальные проблемы подрывают общественную сплоченность, политическую стабильность страны, сокращают возможности ее устойчивого экономического развития. Сам термин «социальная сплоченность» пока даже не вошел в политический обиход, а российские элиты демонстрируют явную неготовность к самоограничению (прежде всего к уплате высоких налогов на большие доходы и соответствующих взносов в социальные фонды), давно ставшему нормой для элит развитых стран (в том числе в ЕС).

Хрупкость российского социального организма чрезвычайно осложняет длительное отвлечение значительных ресурсов на внешние цели – в частности, на защиту своих жизненных интересов на Украине и в Белоруссии. Это чревато дестабилизацией страны. Ситуация усугубляется тем, что экспансию ЕС поддерживают Соединенные Штаты, проводящие ошибочную политику, цель которой – не допустить возрождения России как сильной державы.

Международные «факторы слабости» России

Если оценить «факторы слабости» России в более широкой международной перспективе, становится очевидным, что со временем они будут все более негативно влиять на ее шансы занять достойное место в меняющемся мире. Российская дипломатия всегда отвергала идею «однополюсного» мироустройства, которую после распада СССР реализовывали США, и противопоставляла ей концепцию «многополярности». США и сегодня остаются самой сильной экономической, научной, военной и информационной мировой державой. Однако триумфализм, возникший после исчезновения главного противника, чрезмерная вера в свои возможности, традиционный мессианизм ведут к тому, что США, не желая перестраиваться под вызовы нового и быстро меняющегося мира, пытаются подстроить его под себя – в том числе с помощью силы. Результат очевиден – непомерная растрата ресурсов страны, экономический кризис. Между тем на горизонте появились новые великие державы, прежде всего Китай и Индия, активизировалась Россия. Менее послушными стали многие союзники Америки – например, Турция и Пакистан.

¹ Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – М., 2012. – 13 февр.

Сегодня, как считают большинство политиков и экспертов, США уже не в состоянии обеспечивать «однополярность» мировой структуры. Правда, далеко не все из них согласны с тем, что на смену ей пришла «многополярность» в классическом смысле этого слова. Министр иностранных дел Франции Л. Фабиус, например, предпочитает говорить о «нулевой полярности».

Как бы то ни было, в условиях формирования новой мировой структуры Россия теоретически имеет больше шансов сохранить свой статус великой державы и претендовать на роль одного из центров силы. Активная многовекторная внешняя политика до сих пор позволяла стране не только удерживать свои международные позиции, но и временами усиливать их.

Однако какой бы успешной ни была внешняя политика, она не может бесконечно долго восполнять недостаточность социально-экономического потенциала, демографических возможностей перед лицом других мировых центров силы. Речь уже идет не только о ЕС, США, Китае или Индии. К России в экономическом и демографическом плане уже подтягиваются такие, например, страны, как Бразилия и Мексика. На подходе и другие – причем, в отличие от Российской Федерации, основным источником роста в них является реальный сектор экономики. Объективно появление новых, динамично развивающихся государств ведет к понижению международного ранга России и ее возможностей влиять на мировые процессы.

Продвижение Россией своих интеграционных проектов – Таможенного союза и АЗЭС, которые полезны и необходимы для развития совместной торговли, не является, однако, адекватным ответом на новые глобальные вызовы. Партнеры России по этим проектам не в состоянии ни усилить ее технологический потенциал, ни помочь ей решить проблему социальной сплоченности, модернизировать политическую или судебную систему. Реальное участие Украины в Таможенном союзе и АЗЭС под большим вопросом, особенно в перспективе¹, да и в Белоруссии, как уже отмечалось, усиливаются евроинтеграционные настроения. В Средней Азии российская активность будет наталкиваться на увеличивающееся влияние Китая. К тому же давно сложившиеся узкокорпоративные интересы национальных элит стран – участниц «евразийской интеграции» допускают сближение только до определенного предела.

¹ Теперь, после присоединения Крыма к России, вопрос снят – в пользу неучастия. – *Прим. ред.*

Аргументы в пользу ассоциации России и ЕС

С учетом всех указанных внутренних и внешних факторов для России становится жизненно важным определить альтернативу заведомо проигрышной затяжной прямой конкуренции с ЕС на постсоветском пространстве. Представляется, что такой альтернативой является движение навстречу ЕС. Углубление и расширение взаимозависимости даст России возможность, с одной стороны, нейтрализовать конфронтацию с ЕС, а с другой – обеспечить себе возможность постепенно, эволюционным путем преодолеть внутренние проблемы, надежнее обезопасить свои интересы и территориальную целостность.

Речь не идет о том, чтобы перестать жестко отстаивать национальные интересы в диалоге с ЕС по конкретным вопросам сотрудничества (заставляя тем самым себя уважать). Необходимо принять принципиальную установку на включение в процесс евроинтеграции, проявлять реальную готовность к сближению в самых различных сферах, в том числе законодательной.

Разумеется, такой выбор потребует преодоления серьезных препятствий как в самой России, так и в ЕС. Принадлежа к европейской культуре, Россия в силу своей географии и истории обречена на «евразийскость». Для того чтобы совместить «евразийскую природу» с евроинтеграцией, понадобится большая политическая воля, длительная адаптационная работа, отход от некоторых привычных стереотипов.

Несомненно, много времени потребуется для перестройки мышления нынешней правящей элиты России. Она пока не готова принять самоограничения, связанные с «европейской моделью». Этим в значительной мере объясняются определенная эйфория от кризиса «еврозоны», надежды, связанные с продвижением Таможенного союза и АЗЭС, возобновление «евразийского» дискурса. Отсюда и попытки найти своего рода противовес ЕС в сближении с Китаем.

Однако, как уже отмечалось, перспективы Таможенного союза и АЗЭС весьма ограничены – особенно без участия Украины. Реальное же сближение с Китаем представляется маловероятным. Не только потому, что основная часть населения и экономического потенциала России сосредоточены в ее европейской части, а основным торгово-экономическим партнером является ЕС. Не следует обманываться хорошими отношениями с Китаем, хотя их и надо, конечно, развивать и укреплять.

В союзе с Китаем России будет отведена роль младшего партнера. Такой союз приведет к усилению угрозы «тихого освоения» китайцами российского Дальнего Востока. Да и пока не ясно, сможет ли Китай, не без основания претендующий на роль второй сверхдержавы мира, без внутренних потрясений преодолеть нарастающее противоречие между новой

экономикой, становящейся все более капиталистической, и старой политической системой. Китайская печать уже выражает обеспокоенность набирающей обороты «вестернизацией» своего нового среднего класса.

Сближение с Европейским союзом и формирование «Большой Европы» на основе тесной ассоциации представляется более естественными и главным образом продуктивным для России. Только ЕС может быть источником необходимого технологического обновления российской экономики. Связанное с таким обновлением повышение производительности труда могло бы уменьшить потребность в трудовой миграции и ослабить связанную с ней напряженность. ЕС – источник эффективных социальных технологий, позволяющих восстановить сплоченность российского общества. ЕС располагает большим опытом в строительстве правового государства, борьбе с коррупцией.

Конечно, любая ассоциация предполагает определенное ограничение национального суверенитета. Это крайне чувствительная проблема, до сих пор не преодоленная частью населения и политических кругов даже западноевропейских стран. Но в случае принятия курса на евроинтеграцию Россия может стать крупнейшим государством «Большой Европы», а по мере технологического обновления и укрепления российской экономики ее роль будет усиливаться. Вопрос о том, приведет ли это сближение Россию к формальному членству в ЕС, лучше оставить на усмотрение грядущих поколений. Тем более что ни Россия, ни ЕС к этому пока не готовы.

Возможность вступления России в ЕС, хотя бы в отдаленном будущем, воспринимается сегодня в государствах-членах и в Европейской комиссии как умозрительная гипотеза. Скептицизм в отношении России усиливает массированная антироссийская пропаганда, благодаря которой в общественном мнении большинства этих государств создан крайне негативный образ страны. Да и среди западных элит есть фракции, которым действительно не чужда идея вытеснения России в Азию.

Вместе с тем немалое число серьезных западных политиков и экспертов понимают, что Россия нужна объединенной Европе: без нее Европейскому союзу будет недоставать стратегической глубины и мощи для того, чтобы в будущем на равных конкурировать с другими мировыми центрами силы. Без России не обеспечить стабильность на Европейском континенте. Симптоматично, что в Европе обсуждается вопрос о том, какая договорно-организационная форма лучше всего позволила бы России и ЕС сблизиться, оставив за скобками вопрос о членстве. В конце 2013 г. специализированный исторический канал французского телевидения проводил «круглый стол» на эту тему. Выступавший на нем бывший президент Франции В. Жискара д'Эстен подчеркнул: «Россия – безусловно, европейская страна, которая, однако, обладает значительной территорией в Азии, что является формальным препятствием для ее возможного вхожде-

ния в ЕС». Поэтому призвал найти такую форму «привилегированного партнерства», которая обеспечила бы «общеευропейское единство».

Россия не раз в своей истории оказывалась перед стратегическим выбором, имевшим для нее судьбоносное значение. Уже, вроде бы, сделав принципиальный выбор в пользу Европы, в XX столетии она решила пойти «своим путем». XXI век вновь ставит Россию перед необходимостью найти свое место в мире, в меняющейся Европе, с тем чтобы обеспечить себе переход на качественно новый этап развития экономики, государства и общества.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

И.И. ГЛЕБОВА

***О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ, НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ
И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***

В июле 2012 г. в Москве с лекцией выступал известный американский историк Ричард Пайпс. И хотя лекция была посвящена российской истории, вопросы аудитории касались в основном современности – что будет с Россией? Отвечая на один из них, Пайпс вспомнил, как был поражен, посетив Дом книги на Новом Арбате: почти половина изданий была посвящена Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Как всякий нормальный человек Пайпс понимал величие подвига советского народа и громадность его потерь, но для него осталось загадкой, почему через 67 лет после Победы российское общество концентрирует свое внимание исключительно на этом событии. По его мнению, есть опасность для будущего России в том, что она «застряла» в одном, пусть и величайшем, событии своей истории.

В последнее время иностранцы, «чужие» голоса у нас не в почете и даже на подозрении. И Пайпс нам, понятно, не указ. Но и без этого «постороннего» (замечу: тонкого, пронизательного, знающего) наблюдателя понятно, что Великая Отечественная война в современной России стала чем-то большим, чем исторический факт. Это особая «охранная зона» нашей памяти, за «чистоту» и «правильность» которой в обществе ведутся настоящие сражения. Это наша Великая война – такое же место занимает в памяти европейцев Первая мировая.

Образы нашей памяти: Великая война

Высокий общественный статус военной истории объясним. Все мы действительно оттуда – из Великой Отечественной. Уже третье поколение граждан СССР–России выросло на рассказах о войне. Самые активные позиции в обществе занимают сейчас люди, которых воспитали бабушки и дедушки, прошедшие войну. Великая Отечественная для нас – это личное, факт автобиографии каждого человека и всей страны, живая линия преемственности с прошлым. Военные воспоминания – одно из немногих (не обывденных и не частных, индивидуальных) впечатлений, еще способных

«зацепить» нашего человека, вызвать у него позитивную эмоциональную реакцию.

Память о Великой Отечественной поддерживает нас в настоящем, прибавляя уверенности в себе, объединяя в народ; на ней основываются общие надежды на будущее. И не случайно именно в этой истории обрел легитимность нынешний строй. Дефицит актуальных достижений и неопределенность перспектив он компенсирует нашим лучшим (так мы его воспринимаем) прошлым. Культ Победы – главная ретроспективно-символическая опора, придающая политическому режиму устойчивость, гарантия его стабильности, основа позитивных связей со страной.

Получается, что Великая война – наш ценнейший ресурс, пусть и символический, но не уступающий по значению природным. И относимся мы к нему так же – нещадно, до истощения эксплуатируем, подчиняя интересам сегодняшнего дня, своим сиюминутным нуждам, желаниям. При этом мало задумываемся о природе предмета – о чрезвычайной сложности и трагизме реальной истории, о тонкости материи воспоминаний, о своей ответственности за то, что и как помним. Мы считаем свои представления о войне собственноручной историей, не хотим знать, из каких сложных напластований опыта, знаний, фактов, мифов они состоят, гневаемся на тех, кто пытается подвергнуть деконструкции образы нашей памяти. В последние годы агрессивное охранительство стало определять общественное отношение к Отечественной войне, препятствуя ее познанию и пониманию¹.

Одна из запретных тем – мифология Великой войны. Одно слово «миф», поставленное в контекст военной истории, служит спусковым крючком для недовольства, отчуждения, всплеска агрессии. Ответ на него – «фальсификатор истории», дискредитирующий и девальвирующий Победу 1945 г., «руссофоб» (это странное для русского уха слово фактически стало «политкорректным» эквивалентом сталинского «враг народа»²).

¹ Агрессивное охранительство вообще определяет теперь общественную атмосферу, правила существования публичной сферы. Об этом точно сказал Д. Быков: «Сегодня в России уже нельзя ничего сказать, чтобы не оскорбить чьих-либо чувств. В результате мы ничего и никого не обсуждаем всерьез, а только фильтруем собственную речь, чтобы не дай бог, не высказаться по существу» (2). Вот эти «не высказаться по существу» (о главном), нейтрализовать «мнение» (как частное, вредное, неправильное) – традиционный способ нашего существования, инструмент нейтрализации мысли, подавления личности.

² Другой аналог «врагу народа» – либерал; это слово приобрело сейчас исключительно отрицательные коннотации, составив пару определению/оскорблению 1990-х – «демократ». Лишение понятий истинной сущности через перекодировку/подмену («фальсификацию») смысла – традиционная технология социального манипулирования. В современной России она доведена до предела, действует по принципу «промывания мозгов». Такого рода риторика в последние годы возобладала на федеральных (контролируемых «сверху») телеканалах, которые, собственно, наши «мозги» в основном и «форматируют». Интересно, что власть, имеющая формально демократическую легитимность, возникающая и самореализовавшаяся благодаря либеральным преобразованиям, видит пользу для себя

Привычность и обычность такой реакции, возможной даже в среде профессиональных историков, свидетельствуют, по крайней мере, о двух вещах.

Во-первых, война–Победа приобрела в постсоветской России сакральный статус – особо чтимой святыни. Это неожиданным образом характеризует наше общество – вроде бы вполне современное, но на свой, особый (постсоветский) лад: до крайности материалистическое и прагматическое, почти ни во что не верящее и не верующее. Оно нуждается в святом, возвышенном, некоей предельной высоте. Но вовсе не для того, чтобы взглянуть с нее на себя – скорее, чтобы «прикрыться» святыней.

Во-вторых, это урбанизированное, грамотно-образованное общество, отдавшееся в последние 20 лет «радостям» потребительства, привыкшее к относительному потребительскому разнообразию и выбору, совершенно не интересуется историей и проблемами памяти, но считает себя вправе «акоротить» любого (и прежде всего специалиста, профессионала-историка), замеченного в «подрыве русского национального сознания» «пропагандой» «неправильных» выводов, фактов, интерпретаций.

В отношении к прошлому и особенно в отношении памяти о Великой войне российское общество в массе своей не терпит ни разнообразия (точек зрения, подходов), ни свободы (слова, мнения, творчества). Здесь оно заняло последовательно охранительную позицию. Объект охраны – не история во всей ее трагической сложности, многозначности и противоречивости, а те представления о ней, в которые наши люди привыкли верить. Такая охрана «символа веры» без знания ее основ – из арсенала обрядоведения, традиционного для России. Реакционное охранительство не нуждается в просвещении, долгой и трудной работе по постижению сути предмета, так как приравнивает символы к «основам», а обряды – к самой вере. С точки зрения будущего, перспектив развития это худшая – агрессивно-безответственная, бессмысленно-беспощадная – из возможных позиций.

Груз невежества и предубеждений, а также привычка к мировоззренческой несвободе, к «использованию прошлого» в угоду конкретным политическим интересам, оставшаяся с советских времен, отягощают нашу память о Великой войне. Она нуждается в «разгрузке», в освобождении. Изучение воспоминаний, их связей с историей, культурой и актуальными социальными потребностями раскрепощает память, делая общество более свободным, а его движение во времени – более осмысленным. Как

именно в такой «промывке», в такой ориентации «электората». Занимательно также, что «электорат», освобожденный демократами от госпартконтроля, разнуздавшийся и затосковавший без направляющей «твердой руки», привыкший пользоваться свободами и раздраженный реалиями «свободного мира», оказался восприимчив именно к такой риторике. Единение власти и народа на «антилиберальной» почве – не только реакция на «неправильность» либеральных реформ, но и показатель их истинных склонностей: мировоззренческих, ценностных.

бы непрактично, прекраснодушно это ни звучало, – это так. Поэтому работа по деконструкции исторических представлений социально оправдана и полезна – как вакцинация для предотвращения заболевания варварством. Она препятствует и идеализации, и демонизации прошлого, задавая тем самым адекватную рамку восприятия настоящего.

С этими соображениями и связано написание этого текста. Мне не столько хотелось бы показать, почему в памяти разных наций мифологизируются великие исторические события, сколько понять, почему современное российское общество так склонно к мифологизации истории и так упорно не желает признавать этой своей склонности.

О «сакральности» культурных мифов и «полезности» политической мифологии

Подчеркну: для характеристики коллективных представлений о прошлом¹ мифологическая перспектива столь же возможна и естественна, как и любая другая. Для явления же такого масштаба, как Великая война, во многом определившего жизнь страны и потому особым образом отпечатавшегося в памяти, подобная перспектива просто необходима. Чтобы это объяснить, нужно сказать хотя бы несколько слов о понятии «миф», определить его сущность.

Миф – это не поэтическая выдумка, не вымысел, не обман, не заблуждение или предрассудок. (Такая упрощенно-уничжительная оценка восторжествовала <стала нормативной> в эпоху Просвещения, потребовавшего изгнания мифологии из общества и рационализации сознания. Явившись во многом реакцией на «темные века», она была потом переосмыслена, пересмотрена. Актуальное значение имеет лишь ее критический, деконструктивистский пафос.) Миф – важное социокультурное явление,

¹ Здесь необходим небольшой экскурс в область методологии. Память долго понималась как свойство индивидуального сознания. Однако для науки XX в. определяющей стала идея классика современной социологии Э. Дюркгейма: человек с его индивидуальным сознанием формируется в обществе и обществом. Из этой посылки исходил французский социолог М. Хальбвакс, предложивший в 1925 г. понятие «коллективной памяти»: представления о прошлом (память) всегда конструируются коллективно, входя в «картину мира» различных сообществ, и являются поэтому социальной категорией (см.: 8). Коллективные образы прошлого обусловлены не только социально, но и культурно; «через» них выражается специфика разных культур. Говоря о памяти сообществ, необходимо понимать, что это не просто нечто готовое («продукт истории»), но и результат символической борьбы (определение «войны памяти» вполне уместно для ее характеристики). Разного рода «элиты» эксплуатируют историческое наследие в своих целях, стимулируют «работу памяти» для легитимации властных отношений, конструирования идентичностей. Все эти процессы особенно актуальны и остры в обществах самоопределяющихся, прошедших через конфликты, переломы и еще не устоявшихся (не состоявшихся) в культурном, политическом, мировоззренческом отношениях.

особый механизм поглощения и переработки национальной культурой национальной истории. По наблюдению К. Хюбнера, «миф, как и наука, предполагает определенную и эксплицитную онтологическую структуру. Иначе говоря, он покоится на определенном предположении о том, как является нам реальность и что может рассматриваться в качестве истины» (9, с. 56–57). Культурный миф отражает некоторые важнейшие черты действительности, которые недоступны современной рациональности, поэтому он не менее реален, чем другие онтологические формы. В конечном счете миф есть сложное и специфическое соединение реальности и наших представлений о ней, наших реакций на нее (сознательных и бессознательных).

Мифологический тип освоения (переживания и истолкования) действительности обращен к глубинным основам бытия, связан с модальностью не столько сущего, сколько должного. По словам М. Элиаде, «миф означает сакральную историю... описывает различные, иногда драматически мощные проявления священного в этом мире» (10, с. 16). «Священное» – это некие «конечные ценности», идеальные образы-образцы, архетипические модели (по К. Юнгу, «осадок» опыта прежних поколений (см.: 12, с. 106)), хранимые культурой. Через миф осуществляется связь с ними, посредством мифа эта связь актуализируется. Национальная история не подвергается в мифе вульгарной перделке – не перевирается и тем самым не «занижается». Она перерабатывается (путем идеализации и очищения от всего того, что идеальным образам не соответствует) до обретения окончательной адекватности «священному рассказу», в котором «нация» («народ»)/различные общности/человек могли бы обнаружить основания для самоутверждения.

Поэтому «общее прошлое» – образы истории, через которые в разные моменты своего существования самоопределяется любая нация или социальная группа, – в значительной степени мифологизировано. Посредством мифологизации происходит «доставление» истории до «священного рассказа»; точнее, так история и переходит в такой рассказ. Здесь работают глубинные механизмы культуры; так в ней оживают «старые» темы и смыслы, востребованные настоящим. Всякая национальная культура построена на мифах, которые можно назвать культуuroобразующими: французская – о Жанне д'Арк, Великой революции и Наполеоне, американская – об «отцах-основателях» и войне за независимость и т.д. Мифы о Великой Польше, Великой Венгрии и др. реализовались в больших национальных нарративах (историях, повествованиях). Мифология – это живой, активно работающий культурный материал; он не перестает быть актуальным.

Сказать в связи с темой Великой Отечественной войны «миф» – вовсе не значит замахнуться на святое. Напротив, тем самым указывается: в народной памяти это событие приобрело статус «сакральной истории», не

пересказывающей прошлое, но транслирующей установочные для данной культуры ценности. Другое дело, что всем можно воспользоваться; даже «священный рассказ» становится объектом политического манипулирования. XX век изобрел технологии массовой эксплуатации культурного материала – в том числе и прежде всего в массовой политике.

Мифы культуры дискредитированы политикой; наполняясь политическим содержанием, они все больше подчиняются задачам социального управления. В политическом мифе происходит своего рода десакрализация «священного рассказа» – через использование «святого»: высокими смыслами управляют в прагматических, социально ограниченных целях, в интересах и в контексте актуальной политики. Именно утилитарный, «служебный» характер политической мифологии, ее изначальный инструментализм противоречат субстанциальной природе мифов национальной культуры, «унижают» ее.

В конфликте разновеликих сущностей – принципиальная разница/расхождение политического и культурного мифов. При этом они тесно связаны, взаимозависимы – иногда настолько проникают друг в друга, что становятся почти неразличимы. «Священный» смысл подменяется политическим содержанием, политика «возвышается» и наполняется образами истории, приобретая временное измерение. Поэтому важно понимать характер связи культурного и политического мифов, возможности и пределы их совпадения/сведения друг к другу.

Главное, что объединяет (хотя и не роднит) миф культуры и политический миф, – это механизм появления. Вот как описывает его Р. Жирар: «Одна из версий происшедшего побеждает; она утрачивает политический характер и становится истиной мифа, становится самим мифом. За этой фиксацией мифа стоит феномен единодушия» (5, с. 100). Миф можно считать состоявшимся, когда он приобретает статус коллективного верования: заражает, объединяет, дает ориентиры мировосприятия, направляет социальную активность. М. Элиаде отмечает: «Будучи реальным и священным, миф становится типичным, а следовательно, и повторяющимся, так как является моделью и, до некоторой степени, оправданием всех человеческих поступков. Другими словами, миф является истинной историей того, что произошло у истоков времени, и представляет собой образец для поведения человека» (11, с. 21). Именно это качество культурного мифа особенно ценно для политики; на него она нацелена, его использует. Посредством политической мифологии традиционные модели восприятия прошлого («матрицы восприятия»), зафиксированные в культурном мифе, переносятся в настоящее. Захватывая чувства и умы, определяя собою социальные представления, они начинают приносить политическую прибыль.

Связь культурного и политического мифов проявляется и на содержательном уровне. К. Леви-Стросс писал: «Сущность мифа составляет не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем история. Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается отделиться (если так можно выразиться) от языковой основы» (7, с. 187). Язык мифа не может пониматься буквально; он адресует (обращается, акцентирует внимание) к определенным символам, сюжетам, текстам, в которых зашифрован притягательный для данной культуры, данного народа смысл. Связность/сопряженность с культурным мифом через «историю» и смыслы и обеспечивает жизнь политическому мифу.

Политический миф – продукт политической мысли; последняя же ищет опору и истоки в культурной мифологии. «История» культурного мифа становится для мифа политического своего рода идеальным (архетипическим) прообразом; он ее заимствует, чтобы состояться. Политический миф нужен «элитам» для управления обществом; он, повторю, по преимуществу искусствен, инструментален. Культурный миф дает ему силу воздействия на коллективное сознание и бессознательное, обеспечивая за счет этого связь/единство «элит» с массами. Политическая мифология, замещенная на культурной основе, имеет шансы войти в массовую культуру, стать элементом национального самосознания. В этом качестве она может быть как ускорителем, так и тормозом общественного развития – все зависит от того, какую ценностную систему она представляет, куда зовет.

Политический миф, усвоенный массовым сознанием и ставший элементом массовой культуры, есть форма инобытия культурного мифа, способ его вхождения в современное общество, адаптации к нему. Содержа в себе архетипический код, политический миф постоянно дотраивается; он изменчив, так как подчиняется меняющимся политическим задачам. Политические мифы могут поэтому «сншиваться», устаревать, теряя свою заражающую силу и растрчивая идентификационный, легитимационный потенциал. Но чем сильнее их связь с культурной традицией, тем больше у них шансов на возрождение. При политической необходимости, в определенных исторических условиях, провоцирующих массовый спрос на самутверждающую национальную мифологию, «старый» политический миф может быть вновь использован для нужд социального управления. Но в новых условиях он способен повести себя иначе, чем прежде, стать идеологической базой для других политических сил и легитимационных проектов.

О культурных склонностях, социальных потребностях и утешающе-возвышающих мифах

Обеспеченность национальных культур мифами трудно как-то оценить – это данность. Мифы встроены в механизмы коррекции культурой

действительности, указывают на то, какой она (эта действительность) должна быть с точки зрения данной культуры. Историческая мифология, по существу, имеет значение временной релаксации, разрядки, подпитывающей социальную энергию образами идеализируемого («правильного») прошлого. В этом смысле она выполняет защитно-компенсаторные функции. Являясь формой выражения национальной (или групповой) культуры и основой самоидентификации ее представителей, мифология активизируется в те моменты, когда ставится под сомнение сложившийся образ «нации» (или группы), что создает угрозу национальной (групповой) сплоченности.

В эпохи политических конфликтов, культурных разломов, социальных потрясений, когда нарушаются налаженные механизмы взаимодействия и преемственности, расшатываются ценностно-нормативные основы, общества становятся особенно восприимчивы к мифологии, попыткам политического манипулирования на этой почве. Мифологические истории, конечно, снимают стресс, снижают уровень социальной тревожности, а потому способствуют социальному умиротворению¹. Однако чем более влиятельной становится мифология, чем глубже она проникает в общество, тем больше оно склонно рассматривать и настоящее, и прошлое в мифологической (т.е. в искажающей, неадекватной им) логике и, исходя из нее, принимать решения. Появляется опасность, что миф подчинит себе реальность, превратится из социальной психотерапии в своего рода яд — дополнительный источник деструкции.

Еще опаснее, когда мифологическая истерия возникает в культурах, традиционно склонных к подмене реального «воображаемым» — в том числе мифологическим. Активно выраженное в таких культурах иллюзорно-фантазийное начало есть ответ (защитно-компенсаторная реакция) на сложности существования. Чем агрессивнее «среда обитания» социума, тем выше в нем потребность в символической компенсации стрессогенных природных, социальных, геополитических факторов. Именно такова традиционная русская культура: в ней всегда были чрезвычайно сильны утопическое и мифологическое начала. Более того, они сливались: утопические царства правды/справедливости локализовались в идиллическом прошлом; по аналогии с ним мыслилось («воображалось») будущее.

¹ Известно, что «функции компенсации стрессовых факторов, разрушительных и в плане психологического дискомфорта индивидов, и в плане психологической сплоченности социального коллектива... призваны выполнять многие сопутствующие жизнеобеспечивающей практике человека символические акции... Чем выше уровень тревожности людей в связи с теми или иными угрожающими их жизни и благополучию факторами и чем в меньшей степени или с меньшей надежностью они могли противодействовать этой угрозе, тем большее место в общем поведенческом массиве жизнеобеспечения занимают символические акции, создающие иллюзию такого противодействия» (6, с. 70–71). К символическому компенсаторному «комплексу», созданному культурой, относятся и мифы.

Поэтому образы будущего связаны у нас традиционными идеалами, а не идеями прогресса.

В рамках такой логики невозможно объяснить зависимость вещей, установить пределы допустимых и опасных социальных действий. Здесь другая цель – «отменить» действительность в воображении (средствами культуры) и тем самым приспособиться («притерпеться») к ней. «Воображаемые миры» русской культуры позволяли снизить до приемлемого уровня катастрофизм действительности, принять ее; компенсировав ощущение внутренней слабости, давали своего рода алиби успешности. Об этом много написано и сказано; здесь я сошлюсь лишь на два суждения.

Первое принадлежит философу и общественному деятелю, одному из авторов «Вех» М.О. Гершензону: «Народ наш – не только ребенок, но и старик, ребенок по знаниям, но старик по жизненному опыту и основанному на нем мировоззрению, что у него есть и, по существу вещей, не может не быть известная совокупность незыблемых идей, верований, симпатий, и это в первой линии – идеи и верования религиозно-метафизические, т.е. те, которые, раз сложившись, определяют все мышление и всю деятельность человека... Народ ищет знания исключительно практического, и именно двух родов: низшего, технического, включая грамоту, и высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни и дающего силу жить» (3, с. 98–99). Эту мысль по существу продолжает И.А. Бродский: «Основная тенденция русской культуры – это тенденция утешения, тенденция обоснования существующего миропорядка на каком-либо наиболее подходящем трансцендентальном уровне. Это не тенденция отрицания – это тенденция оправдания и утешения. И можно на пальцах пересчитать тех, кто из этой тенденции выпадает» (1, с. 334).

Мифология «оправдания и утешения», конечно, позволяет обществу выживать, приспосабливаясь к действительности, какой бы она ни была, но препятствует накоплению потенциала развития. Там, где защита и безопасность становятся основным (и даже единственным) ориентиром деятельности социальных субъектов и институтов, не остается места и сил для развития (или, выражаясь языком нашего времени, для модернизации). Из потребности в защите и безопасности формируется спрос на оправдывающие и утешающие «символические акции». Нарастание же в культурном поле в ответ на трудности и кризисы иллюзорно-фантазийного начала, увеличение его влияния на социальную практику означают, что реальные проблемы и противоречия не устраняются, а вытесняются, «снимаются» в воображении. При этом у общества создается иллюзия их решения, что не только не способствует безопасности, но еще больше увеличивает социальные риски. Следствием «больших» проблем становятся большие революции. Россия дважды в XX в. срывалась в такой сценарий; их опыт, однако, так никого ничему и не научил.

Особый тип «коммуникации» с действительностью, с прошлым и настоящим, характерный для традиционной русской культуры, не был преодолен (или хотя бы подправлен, отчасти рационализирован) в советское время. Традиционные ценности, мировоззрение, «модальные личности» не ушли, уступив место современным, — они были советизированы. Уничтожив социальную основу, связи, практики традиционного (крестьянского) мира, советская власть активно эксплуатировала его мифологические и утопические начала. Поэтому традиционный алгоритм существования — «оптимизировать» действительность в воображении, оставив в жизни все, как есть, — лишь закрепился в советское время.

Средствами советской масскультуры был сформирован определенный тип личности: конформно-инертный, готовый притерпеться ко всему, вечно недовольный, ищущий успокоения и оправдания (жизни и себя) в словах и образах. Личность этого типа приучена жить как бы в двух измерениях — в повседневной обыденности, ставившей перед человеком одну задачу: выжить, и в мире масскультовых грез, где сказка о справедливой, устроенной, сытой и красивой жизни становилась былью. Чем страшнее и «невозможнее» была для советского человека действительность (Гражданская, голод, эпидемии, разруха, коллективизация, террор, Отечественная, послевоенное восстановление — всего этого слишком для любого народа), чем меньше было у него шансов изменить ее в свою пользу, тем больше его снесла тоска по «правильному» миропорядку. Советский масскульт (кино, литература, массистория, идеология и проч.) убеждал людей, что такой порядок возможен. Тем самым давал им веру, вносил смысл в их повседневное существование. Не случайно масскультура была монополией советской власти; она служила столь же эффективным инструментом социального управления, как и насилие¹.

¹ Здесь опять требуется методологическое отступление. Индивидуальные опыт и воспоминания могут не соответствовать (и часто не соответствуют) официальной памяти, которая дается «элитами» и становится основой коллективных идентичностей. Чем меньше прав имеют в обществе человек, личная память и памяти «меньшинств», тем больше оно подвержено тирании официальной памяти, нейтрализующей (репрессировавшей) все иные воспоминания. В случае установления монополии власти на «управление прошлым» официоз становится единственным источником и смыслом национальной идентичности, по существу, одним из способов социальной эксплуатации. Принося очевидные выгоды/прибыли «верхам», эксплуатирующим массовое воображение и саму историю, этот алгоритм воспоминаний чрезвычайно ограничивает память нации, обедняя ее «культурный запас» и тем самым препятствуя развитию. Но такого рода общества привыкают жить в режиме диктата (а временами и диктатуры) официальной памяти, перестают его ощущать, воспринимают «историю от власти» как свою. При этом теряют интерес и способность к участию в «мемориальной» работе. Историк в этом случае оказывается не свободным профессионалом, общественным деятелем, а «уполномоченным» («службой») государства/власти, производящим нужные им воспоминания. История СССР — классический пример отстранения общества от «работы памяти», «управления прошлым» исключительно в

По мере того как советское общество становилось более образованным и свободным, осваивало стандарты современного потребления, в нем падал спрос на мифологическое и утопическое. Взамен усилилось стремление рационализировать отношение к действительности, изменить ее – «под» человека, для общего блага. Этим стремлением оказалась захвачена и позднесоветская власть – потому и пошла на перестройку. Но привычка жить, выкручиваясь и приспособляясь, по возможности избегая ответственности (не за личное – здесь действовал принцип «помоги себе сам», а за общее), надеждами на мгновенное «превращение» «плохого» в «хорошее» (как в сказке – «по шучьему велению, по моему хотению», т.е. магическим образом), не меняясь по существу (передевшись, заговорив другими словами), осталась – и у «низов», и у «верхов». Слишком невелик был опыт ее преодоления, сильна инерция существования, «рецепт» которого у нас всем известен: «будь как все», «перетерпим», «не высовывайся», «моя хата с краю», «кто виноват?», «бей врагов» и т.п. Этот «рецепт» – о том, как быть за всё со всеми и со всеми же против всего, но всегда оставаться в одиночестве: за себя – против всех. Это сложный замес первобытного индивидуализма с первобытным же коллективизмом, эффективный там, где есть одна задача: выжить вопреки всему.

Склонность русско-советской культуры к оправдывающей мифологии, разрешению реальных проблем в «воображении» реализовалась во всей полноте в современную кризисную эпоху. Ответом на распад привычных условий и правил социального существования, на кризис «старых» ценностей, катастрофические изменения географии и демографии, утрату позитивного ощущения общности стало (помимо прочего) торжество мифологии. Оправдывающие и утешающие мифы о самих себе, которыми мы, как ватой, обкладываем свою жизнь, – это, по существу, каталог нынешних социальных дефицитов. Так массовый постсоветский человек защищается от действительности, заставляющей его постоянно балансировать между крайностями: «так жить нельзя» и «жить сложно, но можно терпеть».

Чтобы «жить–терпеть», необходима уже не утопия светлого завтра (ее попросту нет – и социализм, и капитализм потерпели на русской почве поражение), но легенда счастливого и героического, трудного и жизнеутверждающего, а потому великого прошлого. И понятно, почему объектом идеализации стала именно советская история: в культурно-ментальном

интересах господствующих групп. Сложившийся в советское время алгоритм воспоминаний, поддерживающий вертикальную социальную интеграцию (когда все – и реальное, и воображаемое – спускается «сверху» и замыкается «наверху»), работает и сейчас. Российское общество безразлично попустительствует «верхам», отказываясь от автономии, самостоятельности, своих прав на воспоминания/историю. Власти же этим пользуются, «пришивая» национальное пространство памяти.

отношении она еще не закончилась (мы во многом остались советскими людьми), но социально и геополитически мгновенно оборвалась, оставив по себе главный вопрос: почему? Здесь большой простор для фантазии – причем по традиционному для нас алгоритму: чем страшнее реальность, тем лучше и возвышеннее воспоминания.

Память об общем советском прошлом снимает стресс одиночества, вызванного атомизацией социальной материи. Чем больше постсоветский человек уходит в частное пространство (мир личной жизни, карьеры, индивидуальных интересов), тем больше он нуждается в идеальных историях о себе как о члене большого, сильного, сплоченного, успешного сообщества. И здесь решение приходит само собой: да здравствует миф! И прочь наука с ее критической – не в смысле «критикуем», а в значении рационализму, познаем – функцией. Спасительная мифология выше критики, она противится ограничению историей, т.е. знаниям о случившемся (действительно бывшем), его адекватному пониманию, его моральной оценке.

Такая специфическая «работа памяти» приводит к тому, что от нашего общества все больше ускользает реальность – сходит на нет потребность ее осмыслить, понять и перестроить. Мир вокруг не меняется, но превращается в место, где жить нельзя. Недалеко то время, когда неудовлетворенность настоящим не смогут скрасить и «воображаемые миры» постсоветского масскульта. Скорее, станут раздражать разительным несоответствием действительности. Так уже было – совсем недавно, и закончилось крахом.

Об актуальных задачах текущего момента: миф или реальность

Конечно, от мифологии культуры никуда не уйти, да и уходить не надо. Она все равно останется в фундаменте общества. Вопрос в другом. Современный социум не может жить (исключительно или по преимуществу) мифами, не должен управляться, исходя из мифологической логики. Мифология не способна и не должна подменять собою сложность современного мира¹. Если рациональное социальное сознание пытаются реду-

¹ В. Живов, умерший в 2013 г., писал о роли и месте мифологии: «Мифы – это часть истории. И, если мы не хотим стоять с вывернутой шеей, в историю их и надо интегрировать. Интегрировать миф в историю означает узнать, частью какого дискурса он первоначально был, как сложился этот дискурс и какие социальные или асоциальные нужды он удовлетворял» (4, с. 51). Следует подчеркнуть: только общество может дать санкцию на «интегрирование мифа в историю», признав возможной и социально полезной работу специалистов – историков, политологов, культурологов и проч. – по деконструкции национальной мифологии. Без этой санкции такая работа затруднена, да и бессмысленна в социальном отношении.

цировать к мифу, то идущее на это общество обречено. Оно лишится и прошлого, и настоящего, и будущего, окажется вне времени – миф ведь вневременной феномен.

Особенно опасным это внеисторическое явление становится, когда его начинают использовать специалисты по «информационно-политическим технологиям», социальные «конструктивисты»-конструкторы. Известно, что «арийский» миф (идеалистическая, романтическая история о превосходстве и об ущемленности немецкой расы), как важная составляющая немецкой культуры, существовал и до национал-социалистов. Конечно, он всегда был потенциально опасен, что понимали соседи Германии. Но разрушительным и для самих немцев, и для всей Европы стал лишь тогда, когда его принялись осуществлять нацисты. «Арийский» миф заменил собой право, политику, культуру во всем ее многообразии, науку. В конечном счете попытка реализовать «арийский» миф привела к суициду немецкого народа. И это вечное предупреждение тем, кто хочет поиграть в мифы.

Говоря привычным для советских людей языком, миф может и должен оставаться в «базисе» общества, но его ни в коем случае нельзя пускать в «надстройку». Более того, миф относится к социальному, а не к государственному. Государственные институты, должностные лица обязаны оставаться вне сферы мифологического. Обществу же, которое использует миф в качестве консервативной опоры, требуются и другие основания – прежде всего в виде науки, научного знания. Для него это, если угодно, не менее важная страховка от самоубийственных срывов, чем для политики система сдержек и противовесов.

Особенно осторожным должно быть отношение к мифам, связанным с относительно недавними историческими событиями. Действующими лицами этих мифов являются отцы и деды, а не легендарные Зигфриды и Брунгильды. Сила этих мифов всепобеждающа, поскольку они питаются энергией еще ощущаемого страдания, еще переживаемой боли, еще возвышающей гордости. Такие мифы действительно способны и повести за собой, и сформировать определенный тип человеческой личности. Иными словами, они обладают повышенной мобилизационной силой.

Все это в полной мере относится к тому, что происходит в нашем обществе в связи с темой Отечественной войны. Сложнейшее, трагическое событие свелось в нашей памяти к военно-победной, парадно-маршевой истории, прославляющей военную мощь государства и героизм народа. Она вся укладывается в формулу: большая война – Победа – великая страна. Эта история вселяет оптимизм, будит даже не национальное чувство, а националистическое тщеславие и великодержавную агрессию. Ее назначение – демонстрировать силу и большие амбиции; в ней нет места для вопроса о цене, потому что ответ известен: «И все-таки мы победили». А за

победу можно отдать все. Речь идет о создании из войны («изобретении» на этой фактической основе) той «истории», которая «полезна» современному обществу и власти. Но эта «польза» краткосрочна. Парадно-героический, мобилизационный миф, «утешая» и гоня сомнения в себе, позволил выжить в тяжелейшем переломе, но не дает развиваться.

Существует громадная, острейшая опасность закрыться этой большой «историей» не только от нашего прошлого, но и от нашего настоящего и будущего. Невероятно измученный в последнее столетие русский народ может «утонуть» в ней примерно так же, как он тонет в водке. И те современные идеологи и политики, которые нагнетают мифологическую обстановку в стране и военной мифологией пытаются подменить абсолютно необходимое для общества самопознание, вне всякого сомнения, ведут Россию в тупик. Именно эти люди превращают миф из созидательного начала, работающего на жизнеустройство, в жизнеразрушающую силу.

Список литературы

1. Бродский И. Книга интервью. – 5-е изд. – М.: «Захаров», 2011. – 784 с.
2. Быков Д. Школа неверия // Новая газета. – М., 2014. – 10 февр. – С. 18.
3. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Интеллигенция в России: Сборник статей, 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 85–108.
4. Живов В. Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятые как предмет истории русской культуры» // Неприкосновенный запас. – М., 1999. – № 2 (4). – С. 48–55.
5. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: НЛО, 2000. – 400 с.
6. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурного исследования / Маркарян Э.С., Арутюнов С.А. и др. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983. – 319 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
9. Хьюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
10. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест–ППП, 1995. – 238 с.
11. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: REFL-Book: «Ваклер», 1996. – 288 с.
12. Юнг К. О психологии бессознательного // Юнг К. Психология бессознательного: Собр. соч. – М.: Канон, 1994. – 319 с.

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-СОВЕТСКОЙ БЮРОКРАТИИ: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

«Чиновники размножаются как поганки – делением».

А.П. Чехов

*«С плохими законами, но хорошими
чиновниками управление еще возможно,
но с плохими чиновниками не помогут никакие законы».*

О. фон Бисмарк

*«Есть легион сорванцов, у которых на языке
“государство”, а в мыслях – пирог с казенной начинкой».*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Советское чиновничество было и остается предметом полярных по содержанию мифов: от стопроцентного очернения до стопроцентной апологетики. В данной статье мы постараемся представить более адекватный взгляд на это социальное явление. Но сначала немного о временах предшествовавших – о бюрократии имперской.

Предыстория: об общественной репутации и реальных делах царской бюрократии

В России от века существовала национальная забава – плевать в бюрократию. Но ни в коем случае не выше. Дескать, главный (царь, генсек, президент) у нас умный, добрый, хороший, да слуги его (бояре, дьяки, чиновники) плохие – глупые, злые, жадные, воры. И всех этот простенький миф устраивает: не только «царей», но даже и самих «слуг». Хоть и обидно, но безвредно – не влечет никаких последствий.

Пожалуй, не было в России другой социальной группы, кроме чиновничества, которая бы всегда, при любом правителе и любых обстоятельствах подвергалась постоянной и резкой критике со всех сторон. Более того, говорить о чиновниках положительно считалось почти неприличным. В литературе господствовали гоголевские, сухово-кобылинские, щедринские персонажи: казнокрады, взяточники, чинодралы, бездушные разорители людей, равно ничтожные сановники и жалкие столоначальники. Публицисты и интеллектуалы всех направлений тоже хлестали наот-

машь. Либералы-западники видели в развращенной, невежественной и своекорыстной бюрократии едва ли не главное зло общественного и государственного устройства, одно из самых безобразных проявлений российской «азиатчины». Славянофилы и панслависты бичевали бюрократию с прямо противоположных позиций – как разносчика тлетворных, убийственных для русской самобытности европейских влияний. Чиновников поносили и низшие слои, видевшие в них своих главных притеснителей: они обманывали «добрых царей», которые поклись о народе, но не могли ничего сделать поверх голов своих «злых слуг». И самая высшая власть не упускала случая покритиковать бюрократа: так она хотя бы частично снимала с себя ответственность за те или иные непопулярные действия и демонстрировала якобы солидарность с народом. На чиновников беспрепятственно жаловалось купечество, при этом развращая их взятками и всевозможными подношениями. Словом, пороки российской бюрократии вошли в поговорки, стали общим местом.

Реальность однако гораздо сложнее. Чиновничество наше было и неоднородно и менялось с течением времени. Серьезный анализ позволяет сказать, что российская бюрократия, этот извечный «мальчик для битья», была, при всех ее пороках, лучше своей общественной репутации. И немало хорошего для страны сделала. Во всяком случае, в последние три романовских царствования. Да и раньше совсем не все государевы слуги были чинокрадами, казнокрадами, реакционерными.

Вспомним нашего первого «идеального бюрократа» М.М. Сперанского. Как писал о нем В.О. Ключевский, «со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум, после Сперанского, не знаю, появится ли третий. Это была воплощенная система» (10, с. 462). Будучи одним из ближайших сподвижников молодого Александра I, он, как известно, предложил реформу всей структуры государственного управления на базе передовых идей века. Правда, участь как реформы, так и ее идеолога печальна. Немного из задуманного Сперанскому удалось (хотя бы частично) воплотить в жизнь: был перестроен центральный аппарат – образованы министерства и Государственный совет; в систему чинопроизводства введен критерий образования. Согласно царскому Указу от 6 августа 1809 г., для производства в чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс) требовалось помимо соответствующей выслуги лет свидетельство об окончании курса в одном из российских университетов либо сдача экзамена по прилагавшейся к Указу программе. Программа была довольно обширной и предполагала знание русского и одного иностранного языков, основательные познания в областях права (естественного, римского, уголовного и гражданского), отечественной истории, экономики и статистики, а также наличие общих позна-

ний по ряду других предметов (13, с. 120–121). Обратим внимание: акцент в программе делался именно на отечественную историю.

Помимо прагматической задачи повышения образовательного уровня чиновников Указ от 6 августа преследовал и более широкую (социальную) цель: стимулировать в нации (или, во всяком случае, в национальной элите) интерес к получению образования. Ведь в начале позапрошлого столетия, когда с открытием гимназий, увеличением числа университетов и других учебных заведений расширились возможности для распространения в стране просвещения, нашим просветителям подумалось, что проблема решена. В романтических планах, во множестве являвших в «дней Александровых прекрасное начало», даже виделось, что уже через пять лет все требующие квалификации должности в государственном аппарате будут заполнены лицами, окончившими учебные заведения. Надежды не оправдались: молодежь отнюдь не ринулась изучать науки. Исключения не составили даже дворянские семьи, где предпочтение по-прежнему отдавалось традиционной форме образования – найму гувернеров и домашних преподавателей, учивших, как известно, «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Тем не менее именно в александровское и николаевское царствование патриархальная российская подозрительность и нелюбовь к «многознанию» и «высокоумствованиям» ушли наконец в прошлое. Однако реакция на стремление правительства сформировать корпус образованных служащих была по преимуществу негативной. Один за другим посыпались аргументы и доводы против реформы. Причем сопротивление исходило не только от закосневших в невежестве провинциальных «столоначальников» и обитателей поместных «медвежьих углов», но и от придворных петербургских кругов, и даже от интеллектуальной элиты.

Например, сам Карамзин представил царю записку, в которой дал волю сарказму относительно Указа от 6 августа: «Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства своей учености... председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства кислорода и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни сорокалетняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга узнать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь не согласного с их целью» (цит. по: 8, с. 32).

А в популярной пародийной молитве того времени есть такие строки:

«А что мы не знаем астрономии и по-французски “прости”,
И предки наши сего не знали,
А дела вершили по справедливости.

Но по простоте нашей завидумке
Умилосердись и в ученые классы
И нас и профессоров не введи.
Нас от разорения, а профессоров от обогащения
Да избежим тем все лукавого» (10, с. 225).

(В последних фразах, очевидно, содержится намек на получение аттестата за взятку.)

Дело не ограничилось ерничаньем. Министры один за другим стали «пробывать» для своих ведомств исключение из правил. При этом каждый доказывал, что именно для его «отраслевой специфики» опыт важнее знаний. Особенно усердствовало Министерство внутренних дел, в котором, кстати, уровень образования был особенно низким. То есть для тех, кто по роду службы был призван обеспечивать соблюдение законности, «нести в массы» идею права, образование объявлялось излишним. Последствия известны. Мы постоянно сталкиваемся с ними и по сей день. Не случайно в русской литературе трудно припомнить положительный образ представителя полицейской власти – все больше держиморды, пришибеевы да взяточники попадают.

Царь дрогнул, дозволив отступления от установленного порядка для отдельных ведомств и категорий чиновников. Это вызвало новую волну ходатайств об исключениях. Уже через несколько лет исключением стало соблюдение требований Указа от 6 августа. К тому же «под давлением общественности» царь вынужден был уволить Сперанского.

Между тем, если бы тогда удалось сохранить квалификационные требования для претендентов на госслужбу, Россия в этом отношении на полвека опередила бы все европейские страны, за исключением Пруссии. Впрочем, это типичная судьба многих российских проектов и попыток прорыва в будущее. Реакционерам при власти очень часто (увы, гораздо чаще, чем в других странах) удавалось заблокировать прогрессивные реформы, изобретения, потенциально перспективные проекты, а их авторов, да и просто нестандартно думающих людей вытолкнуть из управляющих слов¹.

К счастью, так случалось не всегда. И российская бюрократия внесла свою лепту в социальный прогресс. Вспомним, что Великие реформы времен Александра II разрабатывались и проводились в жизнь чиновниками. Поражение в Крымской войне послужило толчком к общественному обновлению. Чиновничество, как и все вокруг, начало меняться. Новые

¹ Мы никогда не комментируем мнения авторов «Трудов...», но в этом случае необходимо сказать несколько слов в защиту М.М. Сперанского. Его вклад в строительство российского государства гораздо более глубок и обширен, его влияние на ход исторического развития страны громадно. Здесь мало кто может с ним сравниться. – *Прим. ред.*

времена и идеи призвали к государственному управлению новых людей. П.А. Зайончковский, посвятивший истории российского чиновничества XIX в. специальную работу, констатировал: «В связи с подготовкой как крестьянской, так и других реформ выдвигаются такие талантливые представители либеральной бюрократии, как братья Н.А. и Д.А. Милотины, А.В. Головин, С.И. Зарудный, Н.И. Стояновский, В.А. Татаринов и др.» (8, с.186–187). Процесс либерализации бюрократии затронул не только столицы, он перекинулся и в провинцию: «Среди губернской администрации появляются такие честные, образованные и либерального образа мыслей губернаторы, как В.А. Арцимович, К.К. Грот, А.Н. Муравьев (бывший декабрист. – *А.О.*), В.И. Ден. Однако число их было невелико» (с. 8, с. 190). К этому списку можно добавить М.Е. Салтыкова-Щедрина – вице-губернатора сначала в Рязанской, а потом в Тверской губернии, а также ряд других имен. Думается, несмотря на общий пессимизм, характерный и для Зайончковского, движение вперед было очевидным.

Реформы 1860–1870-х годов, в отличие от преобразований предыдущих царствований, носили не авторитарный, а либеральный характер. Чиновничество вынуждено было меняться в соответствующем направлении. Причем изменения действительно затронули не только высший уровень чиновной иерархии. Пришедшие к руководству ведомствами либеральные руководители нуждались в опоре и вопреки сопротивлению инертной чиновничьей массы стали ближайших сотрудников подбирать из числа единомышленников. А те стремились распространить обновленческую волну на следующие этажи иерархии (см.: 3).

Увы, «розовый период» продолжался недолго. Изменения не успели пустить глубокие корни. События 1 марта 1881 г. сыграли трагическую роль. Рука Желябова со товарищи похода столкнула российскую бюрократию, только-только начавшую выбираться из авторитарного болота, обратно. Строго говоря, попятные движения начались еще раньше, но их можно рассматривать как неизбежную борьбу старого с новым. А после 1 марта исход этой борьбы определился. Стрелка качнулась назад: Россию, по совету Победоносцева, опять попытались «подморозить». Катастрофические результаты этого курса сказались очень скоро – уже через два десятилетия.

Впрочем, даже реакционность высшей власти не исключает административных и даже более широких реформ – разумеется, если они непосредственно не «подрывают основ». Но для успеха здесь, как, впрочем, и во многих других подобных делах, нужны личности. И хотя авторитарная система в целом блокировала выдвижение на государственные посты талантливых людей, все же исключения случались. Наиболее ярким таким исключением последних двух царствований стал С.Ю. Витте – министр путей сообщения, министр финансов, председатель Кабинета, а затем – и

первый председатель Совета министров «послеманифестной» (1905) России. Человек блестящих способностей, аналитического ума и кипучей энергии, резко выделявшийся на сером фоне окружения последних российских императоров, Витте сделал максимум возможного для того, чтобы предотвратить падение России в пропасть революционной катастрофы. Он советовал Николаю II пойти по пути ограничения монархии, пытался уберечь его от пагубных придворных влияний, от «православного язычества», хотел предотвратить бессмысленную войну с Японией.

Витте организовал строительство железнодорожной сети, до наших дней составляющей костяк транспортной системы России, провел блистательную финансовую реформу, обеспечившую устойчивость российского рубля на десятилетия вперед, и вопреки авантюристической внешней политике принял ряд мер, способствовавших развитию отечественной промышленности. Наконец, в обход правил Табели о рангах он сумел ввести в аппарат сначала Минфина, а затем и других ведомств людей «со стороны», не растерявших на ступенях чиновной лестницы талантов, знаний и присущего российским интеллигентам тех времен стремления «сделать жизнь лучше» (см.: 5). Увы, его политические начинания не могли остановить скатывания страны в пропасть, но результатами технической, административной и социальной модернизации, проведенной им, с его участием или по его проектам, общество пользовалось долго (даже после смены политического строя). Витте, этот «Сперанский времени заката» империи, закончил жизнь в отставке и забвении, умер через несколько месяцев после начала Первой мировой войны.

В целом можно сказать: наследие, оставленное российской бюрократией, заслуживает серьезной аналитической «инвентаризации». Салтыков-Щедрин когда-то с горечью заметил, что из всех европейских достижений мы заимствовали лишь деление людей на ранги, от которого на самом Западе уже отказались. Прошел еще век с четвертью, но ситуация в этом отношении, увы, не слишком изменилась. Думается, что подобные традиции, показавшие чрезвычайную живучесть и устойчивость даже в эпохи радикальных изменений, — одно из серьезных препятствий на пути к открытому демократическому обществу. Суждено ли нам пройти этот путь, во многом зависит от решимости, настойчивости и умения в их преодолении.

К сожалению, моральный и профессиональный уровни нынешней российской бюрократии в целом соответствуют ее крайне низкой общественной репутации. На мой взгляд, мы имеем дело с едва ли не худшим за всю историю российской государственности «поколением» чиновников. Сегодня качество нашей бюрократической системы таково, что она не просто блокирует нормальное развитие, но и страну может погубить. При-

чины этого нужно искать и во вчерашнем дне, анализируя наследие бюрократии советской.

У «истоков» советской бюрократии

Летом 1917 г. В. Ленин написал работу «Государство и революция», в которой обосновывал необходимость упразднения – «отмирания» – государства как орудия господства исключительно эксплуататорских классов. Соответственно вместе с ним упраздняясь («отмирал») и чиновничий аппарат – его должны были заменить «выборные представители трудящихся». Декрет ВЦИК и СНК от 24 ноября 1917 г. ликвидировал прежнюю иерархию госслужащих и зафиксировал, что «все гражданские чины упраздняются, а «наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются» (7, с. 72). Большевики фактически оформили проект, двумя месяцами ранее подготовленный Временным правительством. Однако почти мгновенно выяснилось, что все разговоры о государстве-коммуне, где нет профессиональной бюрократии и «каждая кухарка станет управлять государством», были не более чем популистской демагогией с целью захвата власти. Вместо провозглашенного коллегиального самоуправления утвердился принцип единоначалия и подчинения партийным директивам.

Новый госаппарат начал формироваться прежде всего из членов РКП(б). Самым надежным пропуском в него служило личное знакомство с кем-то из большевистского руководства. Учитывалось также пролетарское происхождение и участие в подпольной деятельности до Октябрьского переворота. К 1920 г. более половины членов РКП(б) были чиновниками советских учреждений. Однако быстро стало очевидным: партийные назначенцы не обладают ни квалификацией, ни умением, необходимыми для управления, а окрики, размахивание маузером, угроза репрессий и даже прямой террор не могут заменить обычных управленческих механизмов. Пришлось «смирить гордыню» и привлечь в государственный аппарат значительную часть старого чиновничества. Те же соглашались работать не только из страха попасть в «чрезвычайку», но и в силу житейской необходимости – госслужба была для них единственным источником средств существования.

Согласно переписи служащих по Москве в августе 1918 г., удельный вес дореволюционных кадров среди совслужащих составлял: в НКВД – 22,2%; во ВЦИК, Ревтрибунале при ВЦИК, Наркомнаце и Управлении делами Совнаркома – 36,5–40; в НКВД – 46,2; в ВСНХ – 48,3; Наркомосте – 54,4; Наркомздраве – 60,9; в Наркомате по морским делам – 72,4; в Наркомвоене – 55,2, а в Наркомфине даже 87,5%! (9, с. 424–427). Старых служащих называли «буржуазными спецами» и, надо признать, платили порой весьма высокие оклады, превышавшие зарплаты партийцев, на

которых в первые годы после переворота распространялся так называемый партмаксимум (несколько раз повышался, но к середине 1920-х годов бесследно канул в лету). Работали «спецы», конечно, под контролем большевистских комиссаров, жесткость которых, впрочем, варьировалась в зависимости от разных обстоятельств (как общего, так и индивидуального характера).

Таким образом, в первое десятилетие после Октябрьского переворота корпус государственных служащих состоял из новой, «идейной» партийной бюрократии и бюрократии старой, квалифицированной. Вес последней довольно быстро сокращался: от нее постепенно избавлялись репрессивными методами, да и демографический фактор работал. В итоге к началу 1930-х годов «спецы» как значимая группа в госаппарате исчезли.

Количество совслужащих множилось с ужасающей быстротой. Большевики, особенно на первом (донэповском) этапе, при так называемом военном коммунизме, стремились максимально подчинить все и вся государственному контролю. А для этого требовалось очень много чиновников, которые бы все учитывали, распределяли и т.д. Один из ближайших сотрудников Ленина В. Бонч-Бруевич признавал: «Не прошло и нескольких месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веси необъятной России битком были набиты новым чиновным людом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было нигде под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции». Правда, немалую часть новых чиновных людей составляли занимавшие низшие должности «совбарышни» — технические сотрудницы, готовые на любую работу, лишь бы как-то прокормиться в охваченной голодом стране.

Население Советской России превратилось в подданных чиновников. Бесконтрольность бюрократии при отсутствии демократических институтов и крайне слабой нормативно-правовой базе порождала злоупотребления властью, самоуправство, кумовство, коррупцию, волокиту и другие неизбежные пороки. Уже в первые годы большевистского режима все это проявилось в полной мере.

О номенклатурном строе

Номенклатурный принцип начал складываться сразу после прихода большевиков к власти, но окончательно оформился к концу 1930-х годов. Он был всеобщим, хотя не имел правового оформления. Партийная номенклатура была упразднена постановлением Секретариата ЦК от 22 августа 1990 г. Однако в постсоветские времена и особенно в XXI в. она не только фактически сохранилась, но и, приобретая иные формы, достигла нового уровня господства и возможностей распоряжения общественным достоянием.

В советский период руководящие посты могли занимать только члены компартии, рекомендованные на должности соответствующими партийными комитетами. Вообще *номенклатура* есть перечень наиболее важных государственных должностей с особым порядком назначения, а также список «достойных» кандидатов, из числа которых эти назначения производились. Иначе говоря, это замкнутый социальный слой «начальников» всех уровней¹.

Партия делилась на «внешнюю», т.е. основную часть ее рядовых членов, и «внутреннюю», ее руководящее ядро («орден меченосцев», по выражению Сталина). Так же был поделен и аппарат советской бюрократии. Номенклатурой являлась лишь часть чиновников, занятая на ответственной управленческой работе разного уровня. Основная же их масса трудилась на рядовых должностях в отделах, канцеляриях и т.п.

Номенклатура была многоступенчатой – от райкома до ЦК. Все зависело от уровня должности. Так, высший разряд – номенклатура ЦК – в 1980 г. насчитывал 22,5 тыс., а при Горбачеве он сократился сначала (к 1988 г.) до 18 тыс., а к 1990 г. – «аж» до 15 тыс. Впрочем, вопрос об общей численности и динамике колебаний номенклатуры еще ждет исследователей – цифры варьируются от 750 тыс. до 2 млн. Последняя цифра называлась в 1992 г. в Конституционном Суде РФ во время так называемого (увы, фактически проигранного и сейчас забытого) процесса над КПСС.

Разумеется, для управления таким механизмом была необходима соответствующая структура. В партийных органах – ЦК, губкомах (впоследствии обкомах), райкомах – возникли учетно-распределительные отделы, позже переименованные в оргинструкторские, а потом – в отделы административных органов. Но суть самой управленческой модели со временем не менялась.

Партноменклатура начала формироваться еще при Ленине. Вождя беспокоило «обюрокрачивание» партии; в одном из своих последних текстов он писал: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас и погубит, то именно это». Впрочем, не следует забывать, что Ленин сам породил и выпустил из бутылки этого джинна.

Но подлинным творцом «нового класса» стал, конечно, Сталин. В 1922 г. он занял считавшуюся тогда технической должность генерального секретаря партии, а уже в 1923 г. были сформулированы никогда не публиковавшиеся основные принципы отбора и назначения работников номенклатуры. Списки номенклатурных должностей были строго секрет-

¹ Любопытно происхождение слова. В Древнем Риме номенклатором назывался раб, обладавший отличной памятью на имена и лица. Он сопровождал императора во время прогулок по улицам города и подсказывал ему имена встреченных граждан. Обращаясь к ним, император мог называть каждого по имени, демонстрируя таким нехитрым способом «близость с народом».

ными. Сталин так определил требования к номенклатуре: «Люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»¹. Недальновидные шутники того времени называли генерального секретаря «товарищ Картотеков». А он создал, отладил и постоянно использовал номенклатурную систему как главный инструмент своей личной власти.

Критерии отбора в эту зловещую систему были весьма специфическими. Явный приоритет отдавался так называемым политическим качествам. Квалификация, деловые навыки, способности были отодвинуты на второй план, а порой эти данные кандидата даже рассматривались как негативные, «подозрительные». В условиях однопартийной диктатуры это открыло путь для рывка на «место под солнцем» демагогам и беспринципным карьеристам. О какой-то политической конкуренции, не говоря уж о демократических процедурах, нельзя было и помыслить. «Классик» изучения проблемы номенклатуры М. Восленский видит исторический смысл сталинского ее периода в том, что «в правящем слое общества коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию» (6, с. 103)². И в ходе этой смены руками чекистов был пролит океан человеческой крови. Как говорил со страшной откровенностью в разгар «сезона охоты» на номенклатуру первого «призыва» один из главных руководителей системы террора 1937–1939 гг. М. Каганович, «мы снимаем людей слоями». Слоями снимали совнаркомовцев, сотрудников наркоматов, офицерского и директорского корпусов, чекистов, которые раньше сами участвовали в репрессиях. Палачи системы становились ее очередными жертвами.

В результате «чисток» управленческий слой все больше деградировал. Вот что писал в 1938 г. в дневнике один из величайших ученых XX в. В.И. Вернадский о нравственном и интеллектуальном уровне советских правителей: «Дела идут все хуже, власть глупеет на глазах, при непрерывной смене функционеров уровень каждого следующего призыва все ниже. В партии собираются подонки и воры. Народ живет в неведении, верит всему, власть держится на терроре, делают дело только сознательные специалисты, масса ссыльных интеллигентов. В действительности верхушка — деловая — ниже среднего умственного и морального уровня страны» (цит. по: 2, с. 355).

¹ Сталин И.В. Сочинения. — Т. 5. — С. 225.

² На эту тему можно порекомендовать и классическую работу А.А. Авторханова (1).

Психология новой «элиты»

На первом этапе в составе номенклатуры были не только беспринципные карьеристы, но и подвижники (фанатики) коммунистической идеи. Впрочем, даже тогда они составляли явное меньшинство. По мере же укрепления режима удельный вес и значение «идеалистов» и вовсе упали. Ведущие позиции захватили приспособленцы-карьеристы. Создатели политической гильотины в конечном счете сами стали ее жертвами. Причины такого развития событий во многом морально-эстетического свойства. В стае «сталинских соколов» (так их тогда подобострастно называли) торжествовал принцип морального релятивизма. Во-первых, для них отсутствовали какие-либо нравственные самозапреты, «табу». Во-вторых, они безусловно, без рассуждений повиновались сильному, т.е. тому, кто в данный момент обладал реальной властью. В-третьих, расчетливо использовали идеологические клише и политическую демагогию как оружие в борьбе за власть и жизненные блага. К этому можно добавить одномерность восприятия мира, отсутствие потребности в рефлексии и даже не очень массовое, но все же статистически значимое присутствие в этой среде людей с некрофильским психологическим типом личности.

Люди, сумевшие пробиться в новую политическую элиту, в большинстве своем были не деятелями, но дельцами, игравшими игру с высочайшими ставками и по правилам, близким к правилам преступного мира, мафии. В отличие от первой – ленинской – «команды», они были в основном малокультурны, но зато весьма изворотливы, примитивны и восприимчивы к тем «правилам игры», которые установил Сталин. Представители этой «элиты», отвечавшие общепринятым критериям культурности и образованности, довольно быстро умерли (Чичерин, Красин, Луначарский...), были отгеснены на периферию или уничтожены (Литвинов, Бухарин, Вознесенский...), либо – и это самый страшный вариант – стали «интеллигентными преступниками» (Вышинский), т.е. полностью подчинили свои знания и способности достижению аморальных, преступных целей. Причем это относится и к тем «эквilibристам», которые всегда держались в русле «единственно верной генеральной линии» (распространенное клише советских времен, подразумевавшее способность мгновенно приспособляться к любым спущенным с политического «верха» лозунгам и командам), и к членам различных оппозиций – действительных, а чаще мнимых, изобретенных противниками и конкурентами с целью их уничтожения.

Конечно, было бы некорректным ставить под сомнение искренность веры многих живших тогда людей в непогрешимую мудрость руководства страны (очень немногие достигали «вернадского» уровня понимания происходящего), в возможность сделать карьеру честными средствами. Были

тогда и такие люди, и такие карьеры. Но не они получали преимущество в игре по заданным сталинской властью правилам. Режим наибольшего благоприятствования действовал отнюдь не в интересах наиболее способных и достойных. Атмосфера эпохи способствовала процветанию людей иного сорта (подробнее см. 11, с. 339–345).

О привилегиях номенклатуры

О привилегиях номенклатуры написано и сказано – особенно в конце 1980-х – начале 1990-х годов – больше, нежели о каких-либо других чертах ее образа жизни. Это позволяет нам быть в данном вопросе краткими. Номенклатурные привилегии возникли еще в самые первые – голодные – советские годы, когда нормальное питание, тепло в доме, медицинская помощь и т.п. уже были привилегией. Но постепенно их масштабы росли, что сделало номенклатурный быт несопоставимым с уровнем жизни «простых» граждан. Одним из ключевых принципов распределения/раздачи привилегий была их строгая ранжированность. Это стало почти безотказным механизмом воздействия на сознание их обладателей, средством манипулирования номенклатурной бюрократией. Чтобы не потерять возможность жить в уютном «спецмире», надо было «играть по правилам».

Была создана развитая система, которая постоянно совершенствовалась, а привилегии расширялись. За счет государства для номенклатуры строилось лучшее жилье, создавались закрытые для прочих больницы и санатории, по заниженным в разы ценам продавались лучшие продукты и товары, предоставлялись государственные дачи, устанавливались специальные персональные пенсии. Даже похороны производились на «спецкладбищах» и по особому разряду. Привилегии рядовых государственных служащих были гораздо скромнее и выражались прежде всего в «пакетах» с продовольствием, облегченном доступе к «дефициту», к получению жилья, путевок в ведомственные санатории и др. Не станем продолжать этот список; просто напомним несколько заголовков из книги М. Восленского «Номенклатура»: «Кому на Руси жить хорошо»; «Невидимая часть зарплаты номенклатуры»; «Номенклатурный бакшиш»; «Социальный апартеид»; «По спецстране номенклатурии»; «За семью заборами»... (6, гл. 5).

Антиноменклатурные репрессии

Однако в сталинские времена «пряник» привилегий сочетался с «кнутом». Путь вверх по номенклатурной лестнице был связан с серьезным риском – не просто в одночасье быть выброшенным из системы, но и оказаться среди обитателей «страны ГУЛАГ», а то и в расстрельных подвалах НКВД по обвинениям в шпионаже, вредительстве, заговоре... Эти

обвинения можно объяснить людоедской «рациональностью»: на чиновников пытались списать ответственность за провалы и катастрофы, произошедшие по вине политиков. Так, Сталин в письме к В.Молотову писал: «Надо бы все показания вредителей по мясу, рыбе, консервам и овощам опубликовать немедленно... а через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять»¹.

Особенно масштабно репрессии прошли по чиновникам в годы «большого террора». В 1937–1939 гг. партноменклатура повсеместно обновлялась не менее двух-трех раз (12, с. 418). Но, повторяю, «убирали» тех, кто сам участвовал в репрессиях на предыдущих этапах. Создатели и палачи системы становились ее очередными жертвами. Почти в точности воспроизводилась модель якобинской диктатуры. История в очередной раз зловеще улыбнулась «революционерам». И опять приходит на память мысль В.О. Ключевского: история ничему не учит, но жестоко наказывает за невыученные уроки.

«Золотой век» номенклатуры

Последний раз секира репрессий ударила по номенклатуре в послевоенные годы. После смерти Сталина его изуверская технология власти была «сдана в запасник». Для номенклатуры наступила эпоха безответственного благополучия, достигшая апогея в брежневские времена, когда система пришла в состояние полного гниения. Но сама номенклатура приобрела при этом большую самостоятельность и бесконтрольность. Страх перестал довлеть чиновникам. Корпоративные связи обеспечивали им практическую неуязвимость, несмотря на то что даже минимальная гласность обнажала некомпетентность и вороватость многих из них. Мало-подвижная, законсервированная система отторгала все новое, бюрократия раздувалась, подминая под себя все сферы общественной жизни.

Список номенклатурных должностей расширялся. Все пронизала система личного патронажа, достигшая апогея в 1960–1980-е годы. Сформировались устойчивые ведомственные группы, консолидировавшиеся вокруг высокопоставленных патронов. Решение любого вопроса определялось не сутью дела, а борьбой бюрократических групп-кланов и во многом зависело от влиятельности патрона.

Некоторые министры ставили рекорды пребывания в должности (двадцать и более лет). Росла коррупция. Бюрократия приобретала черты мафиозности и наследственности, увеличилась роль кумовства и местничества. К концу жизни Л.Брежнева в составе ЦК КПСС оказались его сын (первый заместитель министра внешней торговли) и зять (первый замести-

¹ Цит. по: Коммунист. – М., 1990. – № 11. – С. 104.

тель министра внутренних дел). То же происходило и на других этажах управленческой лестницы – родственники и близкие секретарей республиканских ЦК, крайкомов и обкомов получали высокие должности и преимущества при продвижении по службе.

Но при этом номенклатурные привилегии парадоксальным образом сочетались с полным юридическим бесправием чиновников. С точки зрения трудового права они оказались более незащищенными, чем остальные категории населения. Если рядовые работники могли обжаловать в суде увольнение с работы и во многих случаях добивались восстановления, то чиновники такой возможности были лишены. Существовал так называемый «список 1» – своего рода приложение к Кодексу законов о труде, в который попали практически все управленческие должности. Лица, их занимавшие, в случае трудовых конфликтов не имели права обращаться в суд. Отсутствие даже теоретической возможности судебной защиты делало их целиком зависимыми от администрации и партийных органов. Последствия такого бесправия очевидны.

В советской системе псевдоальтернативой административным судам и иным механизмам правовой защиты от чиновничьих злоупотреблений, обычным для демократических стран, были все те же партийные органы. Здесь напрашиваются аналогии с опытом германских фашистов. Придя к власти, они сразу упразднили административную юстицию, довольно откровенно (надо отдать им должное) аргументировав это тем, что административные суды защищают не государство, а человека. Взамен предложили обращаться с жалобами в гестапо.

Виноваты не люди, а система

После всех критических стрел, выпущенных в адрес номенклатуры, следует сказать, что рядовая советская бюрократия в массе своей была не так уж катастрофически плоха – во всяком случае лучше своей общественной репутации. Немало чиновников, в основном среднего уровня, были людьми достаточно квалифицированными, особыми привилегиями не обладавшими и работавшими, как говорится, «не за страх, а за совесть». Благодаря этим «рабочим лошадкам» система во многом и держалась. Иногда им даже удавалось смягчать, как-то купировать негативные последствия решений, принимавшихся бонзами на высших – партийных – уровнях власти. Другое дело, что их возможности были ограничены: не они «заказывали музыку». Аппарат госуправления по преимуществу был лишь исполнительным органом партийного аппарата.

Дело было не в людях, а в системе. В корне порочная номенклатурная система стала одним из значимых факторов банкротства и краха советского режима. В условиях же современного динамичного мира она

просто контрпродуктивна. Поэтому любые попытки «регенерации» номенклатурных принципов формирования управленческих кадров (а они сейчас более чем заметны) представляются абсолютно неприемлемыми. Это не отвечает объективным общественным потребностям и потому попросту опасно.

Да и без серьезной персональной чистки госаппарата не обойтись. Необходимо избавить его от хлестаковых и переодетых в гражданское жандармов, которые сейчас все больше задают в нем тон. Технологии такого превращения – не тема этой статьи, да и одними статьями тут, разумеется, ничего не сделать.

Однако ясно: необходимо «пересмотреть» вековую российскую традицию доминирования государства над обществом, отказаться от традиции фетишизации чинов. Россия нуждается в создании подлинно **ГРАЖДАНСКОЙ** службы, ответственной не перед партией, не перед «хозяином», пусть даже демократически избранным, а перед оплачивающим ее обществом. Следует решительно противостоять тенденции возрождения духа и атрибутов традиционной российской «государевой службы», которая сейчас приняла форму полицейско-бюрократического государства с псевдодемократическим фасадом.

Список литературы

1. Авторханов А.А. Технология власти. – М.: СП «Слово»: Центр «Новый мир», 1992. – 640 с.
2. Аксенов Г.П. Последний деятель свободы: (Вернадский В.И. Дневники, 1935–1941) // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 3. – С. 353–356.
3. Александр П. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – 448 с.
4. Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934 / Сост. В.П. Волков. – М.: Наука, 2001. – 456 с.
5. Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. – М.: Госиздат, 1960.
6. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
7. Декреты советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 627 с.
8. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
9. Ирошников М.П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. – Л.: Наука, 1974. – 448 с.
10. Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. – М.: Госполитиздат, 1956–1959. – Т. 6: Специальные курсы: Соцэкгиз, 1959. – 516 с.
11. Оболонский А.В. Человек и власть: Перекрестки российской истории. – М.: Академкнига, 2002. – 415 с.
12. Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. – М.: РГГУ, 1997.
13. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л.: Наука, 1991. – 927 с.

В.В. РУЛИНСКИЙ

**«ПРОБЛЕМА ВИНЫ» В КОНТЕКСТЕ
ПРЕОДОЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА:
О ПОЛЬЗЕ НЕМЕЦКОГО ОПЫТА**

Разрушение тоталитарного режима и становление демократического строя – один из наиболее важных, а для исследователя и самых интересных периодов в истории. Двадцатый век знал примеры таких трансформаций, и каждый раз они сопровождались изменением общественного сознания. Подобный опыт имел место в истории Германии и России. Мы, конечно, не пытаемся сравнивать нацистский и коммунистический режимы. Но хотели бы еще раз напомнить о том, как народы извлекают уроки из своего прошлого, чтобы не повторять совершенные ошибки и преступления.

Долгие годы в России не могли дать адекватную историческую оценку массовому уничтожению ни в чем не повинных людей, репрессиям против социальных классов и целых народов, всем преступлениям большевистского режима. Только в условиях ослабления идеологического диктатора и относительной либерализации политической системы во второй половине 1980-х годов появилась возможность правдиво осветить прошлое, дать ему моральную оценку. В 1991 г. в стране начался публичный разговор о преступлениях советского режима; перед историками, политиками и общественными деятелями встал вопрос об ответственности за них.

В схожей ситуации оказалась Германия в первые послевоенные годы. В 1933–1945 гг. немецкий обыватель не обладал полной информацией о геноциде евреев, уничтожении душевнобольных, цыган, убийствах и преследования инакомыслящих, зверствах по отношению к мирному населению на оккупированных Третьим рейхом территориях (10, с. 145). Многие, конечно, знали о преступлениях и при желании могли сделать соответствующие выводы. Однако «работа над ошибками» началась только после 1945 г., когда рухнула нацистская система и ушел страх перед репрессиями.

Политика победителей: денацификация

Надо признать, уровень вовлеченности простого населения в политику, поддержки действий власти был при Гитлере крайне высоким. На ноябрьских выборах в рейхстаг 1933 г. за единый список фюрера высказались 92,2% избирателей. На состоявшемся в тот же день, 12 ноября, референдуме 95,1% одобрили политику правительства. Конечно, на выборах были нарушения, они сопровождались психологическим давлением на избирателей, но курс нацистов поддержало абсолютное большинство немцев. Воля Гитлера заменила правосудие, юридические нормы и государственную целесообразность – в фюрере немцы видели воплощенные законность и порядок. Со 2 августа 1934 г. немецкие солдаты, принимая присягу, клялись в верности не государству и не немецкому народу, а лично «вождю немецкого рейха и народа, Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вермахта» (16, с. 18) К 1945 г. число только официальных членов НСДАП достигло около 8,5 млн человек, еще около 4 млн состояли в различных околопартийных организациях¹. И это была лишь верхушка айсберга.

Начатая союзниками политика денацификации должна была решить сложнейшие задачи – не только развенчать расистские идеологемы и нацистские мифы о превосходстве немцев, не только представить во всей наглядности преступления Третьего рейха, но и убедить побежденный народ, в большинстве своем лишившийся идеалов, в необходимости строить здоровое государство на принципиально иной, отличной от нацизма, ценностной основе. Для этого была создана программа перевоспитания («Re-Education») жителей Германии, которая предполагала принудительные экскурсии в места массовых убийств, демонстрацию в кинотеатрах зарубежных фильмов о концлагерях и проч.² Из образовательных учреждений увольнялись члены НСДАП и другие сочувствовавшие нацистам преподаватели, изымались книги, пропагандировавшие нацистскую идеологию.

Большое значение придавалось средствам массовой информации. Еще в октябре 1944 г. в штаб-квартире войск союзников была разработана программа будущей информационной политики на оккупированной территории, которая включала в себя три основных положения: 1) закрытие всех ранее существовавших газет; 2) выпуск и распространение собственных изданий и, наконец, 3) открытие немецких газет под контролем оккупационных властей (31, с. 39). 24 ноября 1944 г. верховный главнокомандующий экспедиционными силами Д. Эйзенхауэр приступил к реализации

¹ Всего, согласно переписи, проведенной в мае 1939 г., в Германии проживали более 79 млн. человек.

² Наибольшее внимание вызвал американский фильм «Todesmühlen», вышедший на экраны Германии зимой 1945–1946 гг.

первого пункта программы, подписав закон № 191 (20). В соответствии с ним запрещалось издание не только газет, журналов, книг и брошюр, но плакатов и даже нот. По сути, любая деятельность публичного характера, не подконтрольная оккупационным властям, объявлялась незаконной.

Благодаря тотальному запрету всех немецких СМИ все сведения о событиях в стране и за рубежом население стало получать из военных листовок, газет и радиопередач союзников. Однако вскоре информационная ситуация изменилась. 12 октября 1946 г. Контрольный совет союзников издал директиву № 40, которая узаконила существование немецких СМИ. В соответствии с первым пунктом распоряжения демократическим партиям и немецкой прессе разрешалось «свободно обсуждать политические проблемы» и давать «комментарии по поводу политики оккупационных властей в Германии» (28, с. 393–394). Правда, тем же документом вводились ограничения, по существу нивелировавшие это положение. Так, СМИ запрещались «распространение националистических, пангерманских, милитаристских, фашистских или антидемократических идей», а также критика, «направленная против решений конференций союзнических властей в отношении Германии или против решений Контрольного совета». Кроме того, немецкие СМИ не должны были побуждать население к «сопротивлению против демократических мер, которые принимают руководители зон оккупации».

Нация, пережившая за относительно короткий срок второе поражение в войне, сначала ответила на политику перевоспитания враждебно. Немцы не желали перевоспитываться. Согласно опросу, проведенному в 1945–1946 гг. американским военным командованием, более трети жителей Германии заявили, что национал-социализм был хорошей идеей, которая была лишь плохо реализована (22).

Поражение в войне, насаждение «правильной» (т.е. демократической) идеологии, судебные процессы оказались недостаточным основанием для радикальной смены общественных настроений. Чтобы преодолеть прошлое¹, от немцев требовалась глубокая внутренняя работа над собой. По существу, это должно было стать общенациональным делом. И в Германии эта работа принесла свои плоды. Оккупировавшие страну союзники своей кампанией по денацификации и другими мерами придали импульс «проработке прошлого», но главное сделали сами немцы. Следует согласиться с мнением одного из ведущих современных историков ФРГ Э. Вольфрума: «Настоящее “чудо” Федеративной республики <...> заклю-

¹ Наравне с термином «преодоление прошлого» в германской историографии используется ряд других – «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящая к работе Т. Адорно, «критическая работа над прошлым» (*Auseinandersetzung mit der Vergangenheit*). Близкими по значению являются такие понятия, как «политика памяти» (*Erinnerungspolitik*), «историческая политика» (*Geschichtspolitik*), и др.

чается вовсе не в экономическом чуде. Чудо в том, что бывшие фольксгеноссе нацистской диктатуры стали гражданами демократического государства» (37, с. 14).

Ключевую роль в процессе «проработки» трагического и преступного прошлого, изживания из себя Германией национал-социализма сыграли историки, мыслители, общественные деятели. Именно они первыми заговорили о «проблеме вины»¹. В первые же послевоенные годы в Германии началась оживленная дискуссия о том, допустимо ли приписывать всему народу вину за преступления нацизма. Понятие «коллективная вина» не было зафиксировано ни в одном послевоенном документе стран – участниц антигитлеровской коалиции, однако поначалу немцы обвиняли союзников в навязывании им этого разговора. Так побежденная нация по существу сопротивлялась денацификации, этой политике победителей, пытаясь освободиться от необходимости анализировать собственные действия во времена нацизма.

Вопрос о том, кто должен нести ответственность за нацизм, разделял немцев. Одну позицию выразил автор известной книги о нацистских концлагерях² и издатель журнала «Франкфуртские листки»³ Ойген Когон. Он отстаивал право каждого человека на политическую ошибку, не подлежащую суду. Известная публикация Когона, вышедшая в июле 1947 г., так и называлась: «Право на политическую ошибку»: «Совершивший политическую ошибку невиновен. Виновен совершивший преступление или принявший в нем участие <...> Но политическая ошибка, во всех оттенках, <...> не относится к компетенции ни суда, ни судебных палат. Ошибка – это человеческое <...> Так сильно принадлежит это свойство нашему существу, что мы не замечаем совершаемых нами ошибок» (29, с. 33). Истинными виновниками преступлений Когон считал руководителей НСДАП, страны, заключившие Мюнхенское соглашение 1938 г., но никак не обычных жителей Германии. Кроме того, Когон утверждал: денацификация, имевшая целью преодоление нацистского прошлого, обличение лжи и выявление сущности режима, не удалась во всех четырех зонах оккупации. Позицию О. Когона разделяли тогда многие немцы.

Но были в послевоенной Германии люди, имевшие принципиально иную точку зрения на причины и последствия национал-социализма. Они полагали, что немцам необходимо провести работу над ошибками: трезво оценить свои поступки в период правления Гитлера и решить, в какой сте-

¹ См. одну из самых известных работ Карла Ясперса «Вопрос о вине» (25).

² Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. – München: Verlag Karl Alber, 1946.

³ «Франкфуртские листки» (Frankfurter Hefte) издавались с 1946 г. В послевоенную эпоху это был один из самых влиятельных и популярных журналов; его тираж достигал 70 тыс. экз. Руководители журнала относились к левокатолическому лагерю.

пени каждый несет ответственность за произошедшее. Именно это и только это, по их мнению, могло стать основой для дальнейшего развития.

В октябре 1945 г. Совет Евангелической церкви Германии распространил так называемое Штутгартское заявление, сразу же вызвавшее резкую критику. В нем, в частности, говорилось: несмотря на долгие годы противодействия гитлеровскому режиму, члены Евангелической церкви упрекают себя в том, что не были более мужественны в отстаивании правды, недостаточно молились, не проявили должного горения в вере и любви к людям. В документе признавалась ответственность каждого члена Евангелической церкви за то, что «через нас были причинены бесконечные страдания многим народам и странам» (20). Церковь выражала солидарность с народом Германии в вине за совершенные преступления («Solidarität der Schuld»).

Еще раньше, в августе 1945 г., с подобным по духу Пастырским посланием обратились к своей пастве немецкие католические епископы. Многие немцы, включая верующих, оставались равнодушными, когда унижалось человеческое достоинство и попиралась свобода, говорилось в документе. Особая ответственность возлагалась на тех, кто стал соучастником преступлений, не пожелав их предотвратить (5, с.423).

Примерно в то же время ряд крупных немецких мыслителей – Карл Ясперс, Карл Густав Юнг, Ханна Арендт, писатель Герман Гессе, теологи Карл Барт и Мартин Нимёллер и др., призвав к объективному анализу прошлого, признали ответственность немцев за преступления нацистского режима

В 1946 г. писатель, нобелевский лауреат Герман Гессе, находясь в Швейцарии, выступил с открытым письмом, осуждающим склонность немцев к самооправданию. Отвечая на вопрос о том, что, по его мнению, должен был делать благонамеренный, порядочный немец во времена Гитлера, когда противостояние режиму было равносильно сумасшествию и могло стоить каждому благополучия, свободы и самой жизни, Гессе писал: «Я смог ответить только так. – Опустошение Польши и России, осада, а затем безумные попытки удержаться под Сталинградом и до самого конца, вероятно, все это также было совсем небезопасно, и все же немецкие солдаты делали это самоотверженно <...> Почему же вы вместо того, чтобы поддерживать и охранять единственный благоприятный результат Первой мировой войны – немецкую республику, почти единодушно ее разрушили, единодушно проголосовали за Гинденбурга¹ и позднее за Гитлера, во времена которого потом, разумеется, стало опасно для жизни быть порядочным человеком?» (28, с. 443)

¹ Пауль фон Гинденбург – рейхспрезидент Веймарской республики (1925–1934).

Некоторые люди, писал Гессе, оправдываются тем, что вступали в партию скрепя сердце и только для того, чтобы быть «противовесом» тем страшным и жестоким порядкам, которые там господствовали. Однако никто из них, по свидетельству Г. Гессе, не сказал, что раскаивается, что сегодня видит все иначе, что был ослеплен. Люди, прервавшие общение с Г. Гессе во времена нацизма, как ни в чем не бывало вновь писали ему теплые письма, вспоминали о своих светлых к нему чувствах, радовались тому, что он мог наслаждаться спокойной жизнью в Швейцарии, уверяли в своей неприязни к нацистам. А ведь многие из них годами состояли членами НСДАП. «Сегодня они подробно рассказывают, что все эти годы постоянно были одной ногой в концлагере, и я должен им ответить, что мог бы совсем серьезно отнестись только к тем противникам Гитлера, которые обеими ногами побывали в лагере, а не одной ногой в лагере, а другой – в партии...» – восклицал Гессе (28, с. 443).

Значительный вклад в осмысление нацистского прошлого внесли статьи, книги и выступления Ханны Арендт. В статье 1946 г. «Организованная вина» Арендт подчеркивала, что для обслуживания машины «административного массового убийства» «требовались и использовались не тысячи и не десятки тысяч отборных убийц, а весь народ» (2, с. 46). Каждый житель Германии в той или иной степени либо сам убивал людей, либо соучаствовал в убийстве. Причем все эти люди, зачастую руководствовавшиеся желанием обеспечить пропитание своей семье, убивали других не потому, что испытывали к ним ненависть, а только потому, что получали такой приказ. «Они чувствовали ответственность лишь перед своей семьей – поскольку перестали бояться Бога, а от мук совести их избавлял функциональный характер их действий» (3, с. 52). Единственной гарантией от повторения нацизма Арендт считала принятие идеи «единой человеческой общности». Из нее «политически вытекает очень важное следствие, что нам так или иначе придется взять на себя ответственность за все преступления, совершенные людьми, а народам – ответственность за все злодеяния, совершенные народами» (3, с. 55).

Вопрос об ответственности каждого человека за преступления времен нацизма постоянно поднимал в своих публичных выступлениях и статьях один из авторов Штутгартского заявления – богослов, пастор, узник концлагерей Мартин Нимёллер. Он призывал всех христиан Германии не оправдываться, не искать виновных, а самим прийти к Богу с покаянием. «Эта вина ложится на немецкий народ и немецкое имя, а также на христианство» (5, с. 422). При этом Нимёллер говорил и о собственной вине. Когда нацисты начали преследовать коммунистов и социал-демократов, он оправдывал свое бездействие тем, что это его не касалось. Он молчал,

когда репрессиям подверглись члены профсоюзов, потом – евреи. А когда нацисты пришли за ним, уже не было никого, кто мог бы протестовать¹.

Во времена нацизма подлинно христианская позиция, по мысли М. Нимёллера, заключалась в открытом противостоянии режиму каждого христианина. Долг же священников состоял в призыве к такому противодействию. Нимёллер не исключал, что это стоило бы жизни многим тысячам людей, но миллионы были бы спасены.

После войны все жители Германии должны взять на себя ответственность как за уже совершенные преступления, так и за свое будущее, утверждал один из основателей Исповедующей церкви, противостоявшей гитлеровскому режиму, непримиримый борец с нацизмом теолог Карл Барт. «Принципиально необходимо, чтобы они [немцы] решились прежде всего сами нести полную ответственность как в вопросе вины за прошлое, так и в вопросе ближайших задач на будущее» (15). Только признание персональной ответственности за свои поступки каждым гражданином способно излечить немецкий народ, писал К. Барт в статье 1945 г. «Как могут выздороветь немцы?»

Обращаясь к своему прошлому, немцы не должны «анализировать и подвергать критике прошлое других стран», считать себя сердцем, совестью или головой Европы, как это было раньше. Напротив, им следует «обратить к самим себе вопрос, как они могут наилучшим образом возродить немецкую жизнь <...> и одновременно внести ...особый вклад в преодоление разрушений и вреда (к сожалению и бесспорно – причиненного ими самими) всему остальному миру» (15). Каждому следует задать себе вопрос, какие ошибки за 12 лет гитлеровского режима он совершил. Этот долг и объединяет всех немцев. «...Не только некоторые, не только те или другие жители Германии, но в различной степени и смысле все совершили ошибки и оступились» (15), – утверждал Барт. Выход («излечение») для всей нации и для каждого в отдельности он видел в «мировоззрении христианского реализма» (15), который только и давал надежду на прощение ошибок и подлинное исправление жизни².

¹ Известное высказывание М. Нимёллера «Когда нацисты пришли за коммунистами...», опубликованное впервые, скорее всего, в 1946 г., приобрело большую известность и было переведено на разные языки мира. Сегодня известны несколько вариантов этого высказывания (см. источниковедческое исследование на эту тему профессора Калифорнийского университета Х. Маркузе: Marcuse H. Martin Niemöller's famous quotation: «First they came for the Communists...» What did Niemoeller himself say? Which groups did he name? In what order? – Mode of access: <http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/niem.htm>).

² Понятие «христианского реализма» наиболее полно разработано американским протестантским теологом Р. Нибуром (1892–1971). Из-за греховности и несовершенства своей природы человеку не следует стремиться к кардинальным социальным преобразованиям, полагал Нибур. Его основные усилия должны быть направлены на конкретную практическую деятельность, за которую он может нести прямую ответственность. Концепция

Схожую позицию занимал Карл Густав Юнг. В одном из интервью 1945 г. он назвал «коллективную вину» фактом, не вызывающим у него как у психолога каких-либо сомнений. «Коллективную вину» Юнг считал болезнью, против которой есть лишь одно средство – признание. Психолог с сожалением признавал, что нацизм оставил следы в душах даже его пациентов – антинацистов: «За всей их благопристойностью до сих пор живет резко выраженная нацистская психология со всем ее насилием и жестокостью» (11). Поэтому позиция К.Г. Юнга однозначна: большинство жителей Германии так или иначе несут ответственность за происшедшее. «Все они, сознательно или бессознательно, активно или пассивно, причастны к ужасам; они ничего не знали о том, что происходило, и в то же время знали» (11). Юнг отмечал, что многие в Германии стремятся уйти от ответственности и возложить вину за нацизм на кого угодно, только не на себя: «Сегодня немцы подобны пьяному человеку, который пробуждается наутро с похмелья. Они не знают, что ...делали, и не хотят знать. Есть лишь одно чувство безграничного несчастья. Они предпримут судорожные усилия оправдаться перед лицом обвинений и ненависти со стороны окружающего мира, но это будет неверный путь. Искупление, как я уже указывал, заключено только в полном признании своей вины» (11).

Для Юнга признание вины имело как психологическое, так и религиозное значение: «В искреннем раскаянии обретают божественное милосердие. Это не только религиозная, но и психологическая истина. Американский курс лечения, заключающийся в том, чтобы провести гражданское население через концентрационные лагеря, чтобы показать все ужасы, совершенные там, является поэтому совершенно правильным» (11). Впрочем, этих мер, по мнению философа, недостаточно для изменения сознания немцев. «Невозможно достичь цели только моральным поучением, раскаяние должно родиться внутри самих немцев» (11), – подчеркивал он.

«Рецепты спасения» К. Ясперса и Т. Адорно

Об ответственности простых немцев за преступления нацизма писал философ Карл Ясперс. При Гитлере он был отстранен от преподавания, лишен практически всех прав, включая возможность публиковаться. После войны Ясперса называли «символом изменившихся времен и оценок», «Praeceptor Germaniae» (учителем Германии). «За короткий период между 1945 и 1948 гг. он стал наиболее узнаваемым и наиболее важным мысли-

«христианского реализма» стала идеологической основой американского политического реализма. Последователями взглядов Р. Нибура считаются многие американские политики XX и XXI вв. (см.: Голованова Н.Г. Мораль индивида и общества с точки зрения «христианского реализма» // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2011. – № 11. – С. 377–388).

телем в западных зонах оккупации» (18, с. 197), – писал о Ясперсе американский историк М. Кларк. Как духовный лидер Германии он обращался к соотечественникам по радио, в статьях, в книгах, «и везде его главная мысль – как спасти человечество от тоталитаризма» (6, с. 8).

В работе «Вопрос о вине» (1946) К. Ясперс приходит к выводу, что причина разразившейся катастрофы – в духовном кризисе человечества, связанном с «потерей и трансформацией всякой веры» (25, с. 24). Именно «разбожествление мира», забвение Бога стали катализаторами национал-социализма. Вопрос о вине немцев Ясперс поставил для того, чтобы подвергнуть судьбу своего народа «историческому, а следовательно, и этическому самоанализу».

Слишком многие в послевоенной Германии желают ограничиться примитивными потребностями – «жить, но не думать», – с сожалением констатировал Ясперс. И заявлял: вопрос о вине – «жизненно важный вопрос для немецкой души. Никакой другой путь не может привести нас к духовному возрождению <...> То, что победители нас осудили – политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой» (25, с. 28).

К. Ясперс выступил против коллективного обвинения всего народа в каких-либо преступлениях. Для обоснования своей позиции он проанализировал сущность вины и выделил **четыре** ее типа. Первый – **уголовная вина**: она лежит на совершивших уголовные преступления, и ее вправе устанавливать только суд. Второй тип – **политическая вина**. По Ясперсу, «все ответственны за то, как ими правит». Определение этого типа вины находится в юрисдикции победителя. Политическая вина означает «ответственность всех граждан за последствия действий, совершенных их государством» (25, с. 32–33), но не связана с уголовным и моральным аспектами поведения отдельного гражданина. Третий тип – **моральная (нравственная) вина**. Речь здесь идет о моральной ответственности каждого человека за свои поступки. Ясперс не был склонен принимать в качестве оправдания расхожее утверждение: «приказ есть приказ». Даже если преступления совершались по приказу, «каждое действие остается предметом морального приговора» (25, с. 32). Все решают совесть человека и моральные принципы, принятые в кругу его родных и близких. Моральную вину следует обсуждать среди единомышленников – если есть доверие и солидарность.

Позднее, в 1965 г., Ясперс объяснит несостоятельность оправдания, основанного на «необходимости подчиниться приказу». У любого человека была возможность не подчиниться приказу – и «подвергнуть риску свою карьеру, подвергнуть себя риску испытать какие-то неудобства. Могли отправить на фронт» (12, с. 174), однако ни один человек, отказав-

шивший исполнить приказ, не подвергал свою жизнь прямой опасности. «Неизвестно ни одного случая, чтобы кто-то, кто отказался убивать или участвовать в убийствах, чтобы человек, сказавший: “Я этого делать не стану. Дайте мне другой пост”, – должен был опасаться за свою жизнь», – писал Ясперс.

Последний, четвертый тип вины – **вина метафизическая**. Она связана с «со-ответственностью за каждое неверное и несправедливое действие в мире, особенно за преступления, совершенные в присутствии человека или известные ему». Формула метафизической вины проста: «Если мне не удастся сделать все, что я могу, чтобы воспрепятствовать преступлению, я так же виноват» (25, с. 32). Виновность человека с метафизической точки зрения, полагал К. Ясперс, определяет один только Бог.

Наибольшее значение имеют два последних типа вины: освободившись от метафизической вины, «люди бы стали ангелами, и все прочие концепции вины были бы несущественными» (25, с. 33). Именно духовные проблемы, по мнению Ясперса, породили политические ошибки и последующие массовые преступления: «Моральные слабости стали условием возникновения как уголовной, так и политической вины» (25, с. 34). При этом политическая ответственность, полагал Ясперс, не всегда исчерпывается понятием «политическая вина». «Политическая вина переходит в моральную вину там, где власть служит разрушению значения власти <...> Поскольку там, где власть не ограничивает себя, там существуют насилие и террор и в конце концов происходит разрушение жизни и души» (25, с. 34). Здесь Ясперс говорит об опасности того, что обошел вниманием О. Когон: случайный политический просчет часто оборачивается нравственной трагедией.

По мнению Ясперса, в двух сферах – морально-нравственной и метафизической – открывается возможность для подлинного возрождения Германии. Если за уголовные преступления следует наказание, а политическая вина предусматривает ответственность, выражаемую в репарациях, ограничении политической власти и депортациях, то признание морально-нравственной и метафизической вины ведет к гораздо более серьезным последствиям. Морально-нравственное раскаяние связано с внутренним обновлением человека; метафизическое «приводит к трансформации человеческого самосознания перед Богом» (25, с. 36). Ясперс так объясняет суть этой трансформации: «Гордость отринута, самотрансформация с помощью внутренней деятельности может привести к новому источнику активной жизни, но к тому источнику, который связан с неизгладимым чувством вины и “смирением <...> перед Богом”, где “высокомерие становится невозможным”».

Если за уголовные преступления и политические ошибки обвинения выдвигаются извне, то моральная и метафизическая вина могут быть толь-

ко личным делом каждого конкретного человека. «С моральной точки зрения человек может осуждать только самого себя <...> никто не может морально осудить другого» (25, с. 39), – подчеркивает Ясперс.

Обращение к религии, к внутренней нравственной жизни помогает разрешить проблему вины. Религиозное понимание греха связано с убеждением в недопустимости приписывания вины за преступления нацизму всему народу. «Совершенно очевидно, что бессмысленно не только возлагать моральную вину на всех людей» (25, с. 40), но и обвинять всю нацию за преступления отдельных ее представителей. Невозможно объяснять все типологическими особенностями национального характера, поскольку «не существует такого понятия, как люди в целом... Люди в целом не могут героически жертвовать собой, не могут быть преступниками, не могут поступать морально или аморально» (25, с. 41). В связи с этим Ясперс напоминал о фарисеях и книжниках, распявших Христа. Мысль о том, что все виновны в смерти Иисуса, сродни мысли о «коллективной вине» немецкого народа за преступления нацизма, отмечал философ. Все немцы, жившие при Гитлере, должны нести политическую ответственность. Однако «в отношении моральной вины ответственность несут отдельные люди» (34, с. 189), – разъяснял мысль Ясперса его биограф Х. Занер.

К. Ясперс подчеркивал: совершая «очищение», немцы «должны отбросить коллективное мышление» (25, с. 102). «Любое реальное изменение происходит только через отдельного человека» (25, с. 102), – писал он. Лишь трезвый взгляд на собственные поступки, лишенный тяги к самооправданию, способен изменить внутреннее состояние общества: «Мы вынуждены очистить себя вне зависимости от того, в чем каждый найдет себя виновным, настолько глубоко, насколько это возможно с помощью реституции, возмещения убытков, внутреннего обновления и (внутренней) метаморфозы» (25, с. 104). Каждый житель Германии оказался перед выбором: «Или ощущение вины <...> постоянно вновь переживаемое нашей совестью, становится основной чертой нашего немецкого самосознания – в этом случае наша душа проходит путь изменения, – или мы опускаемся до усредненной незначительности индифферентного существования. Тогда никакой искренний поиск Бога больше не разбудит наше сердце, тогда истинная природа бытия больше не будет нам открыта, тогда мы не поймем трансцендентного значения нашей возвышенной поэзии, изящных искусств, музыки и философии... Нет иного пути для немцев <...> чем очищение через осознание и глубокое переживание вины» (25, с. 118).

Ясперс призывал немцев смириться со всеми выпавшими на долю Германии трудностями: «Смирение становится нашей природой» (25, с. 119). Он считал это необходимым условием для духовного преображения. Фактически Ясперс говорил о духовном законе для всего народа. В том случае, если немцы действительно станут на путь глубокого смире-

ния, вызванного ощущением своего участия в трагедии человечества, никакие внешние нападки не подвигнут страну на ответные действия. Это даст возможность «спокойно воспринять ложные и несправедливые обвинения. Так как гордость и пренебрежение слабеют» (25, с. 121) от несокрушимой силы смирения.

Не случайно Ясперс завершил свой труд цитатой из книги пророка Иеремии: «Так говорит Господь: “Вот, что я построил, разрушу, и что насадил – искореню <...> А ты просишь себе великого? Не проси!”» (25, с. 122). Ответ пророка Иеремии означал для Ясперса только одно: «Того, что Бог есть, достаточно. Тогда как все вещи постепенно исчезают, Господь остается. Это единственная неизменная величина» (25, с. 122–123). «Наша доля – смирение и сдержанность» (25, с. 123), – резюмировал Ясперс.

Впрочем, позднее Ясперс вынужден был признать, что Германии не удалось преодолеть национал-социалистическое прошлое; время с 1945 по 1948 г. было потрачено впустую (27, с. 61). С образованием в 1949 г. двух государств – ФРГ и ГДР – эта тема попала в контекст холодной войны. «Две Германии» выработали свой, особый подход к вопросу о преступлениях нацизма. В ФРГ до конца 1950-х годов «замалчивались» национал-социалистические беззакония – руководство страны объясняло это желанием достичь примирения. Однако такая политика довольно скоро привела к возрождению реваншистских и даже антисемитских настроений.

В 1959–1960 гг. по Германии прокатилась волна антисемитских погромов, начавшаяся с осквернения в Кёльне только что открытой синагоги и мемориала жертвам нацизма. Эти события вовсе не случайны. По мнению ряда историков, сознание большинства немцев было заражено антисемитизмом задолго до прихода к власти Гитлера. И хотя расовая политика нацистов после 1945 г. была дискредитирована, «традиционных антиеврейских предрассудков это поначалу не коснулось», – отмечает профессор Аахенского университета Х. Кёниг. – Не поднимаясь до уровня публичных высказываний, антисемитизм продолжал жить в “приватной” форме» (7, с. 114). По данным опроса общественного мнения, проведенного американскими социологами за несколько лет до погромов рубежа 1950–1960-х, пятая часть опрошенных немцев заявила, что евреи отчасти сами виноваты в преследовании со стороны нацистов (33, с. 85).

В 1959 г. Теодор Адорно опубликовал статью «Что такое проработка прошлого?», в которой утверждал: нацистское прошлое в современной ему Германии не преодолено; национал-социализм жив и опасен прежде всего тем, что «просачивается в демократию» через «возвращение сомнительных фигур во власть» (1). Немцам не удалось проработать прошлое – они стремятся избавиться от него, оправдать себя тем, что якобы не знали о преступлениях нацизма. Немцы преуменьшают или отрицают преступ-

ления нацизма, утверждая, к примеру, что Дрезден искупил Освенцим, или оспаривая масштабы Холокоста. «В подобных расчетах, в суетливых попытках при помощи встречных обвинений освободить себя от мук совести есть что-то нечеловеческое» (1), – говорил Адорно.

«Проработке прошлого», по его мнению, препятствовала, среди прочего, сложившаяся после войны международная обстановка. «Ситуация как будто задним числом оправдывает нападение Гитлера на Советский Союз. Поскольку западный мир в своем единстве в значительной мере определяет себя через защиту от русской угрозы, кажется, будто победители 1945 года разрушили испытанный оплот защиты от большевизма лишь по глупости и только для того, чтобы несколько лет спустя восстановить его» (1), – указывал Адорно. Начавшаяся холодная война обострила противоречия Запада с Советским Союзом настолько, что Гитлер действительно представлялся кому-то едва ли не идейным предшественником западного блока в его противостоянии с Востоком. Адорно не разделял эту точку зрения. «Сама эта угроза [большевизма] вызвана именно действиями Гитлера», начавшего войну, полагал он.

Возможно, о прошлом и «проблеме вины» не стоит задумываться, а нужно заниматься настоящим и реализовывать свои практические цели, спрашивал Адорно. И отвечал: разрушение памяти – очевидное зло, а упадок в Германии исторической культуры – симптом ослабления человеческого «я». Защищаясь от неприятных воспоминаний, немцы апеллируют к тому, что воспоминания о нацистских преступлениях повредят имиджу Германии за рубежом. Однако «забвение недавнего прошлого сопровождается злостью оттого, что сначала приходится разубеждать самого себя в том, что все знают, прежде чем можно разубедить других».

Анализируя причины, по которым нацизм по-прежнему имеет много сторонников в немецком обществе, Адорно называет «недостаток саморефлексии». Это ведет к отказу от ответственности и стремлению слиться с коллективом; к чувству самоуспокоенности. Многие заслоняется воспоминаниями о бытовых радостях времен нацизма и экономического процветания рейха. Адорно выявляет природу этих процессов. Нацизм, по его мнению, способствовал утверждению в Германии «коллективного нарциссизма», национального тщеславия: не способный к самоутверждению человек получал суррогат удовлетворения в идентификации с целым – нацией. Коллективный нарциссизм не был изжит в Германии и после войны.

Дискуссии о проблеме вины в Германии 1960–1980-х годов

В 1960-е годы дискуссия о проблеме вины обострилась в связи с процессом над оберштурмбанфюрером СС Адольфом Эйхманом, который был приговорен Иерусалимским судом к смертной казни за причастность

к убийствам миллионов евреев. Глава отдела гестапо IV-B-4, Эйхман курировал депортацию и нес прямую ответственность за «окончательное решение еврейского вопроса». Эйхман вел протокол Ванзейской конференции 1942 г., на которой была принята программа геноцида еврейского населения Европы. В 1944 г. он представил доклад рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, в котором отчитался об убийстве двух миллионов и уничтожении в концлагерях четырех миллионов евреев. За ходом разбирательства, которое транслировалось по телевидению, следили до 80% зрителей 38 стран мира. «После Нюрнбергских процессов над главными военными преступниками суд над Эйхманом был самым заметным послевоенным процессом против ведущих представителей национал-социалистической машины уничтожения» (32, с. 1), – отмечал историк Ханс Моммзен. Иерусалимский трибунал заставил многих жителей Германии осознать истинные масштабы бесчеловечных преступлений нацистов и по-иному взглянуть на свое прошлое.

«Банальность зла» – так характеризовала дело Эйхмана Х. Арендт. Ее статьи о процессе были опубликованы в ведущем американском журнале «Нью-Йоркер» и приобрели всемирную известность. Арендт указывала, что Эйхман руководствовался исключительно приказами начальства, и даже «это рвение... не было преступным» (13, с. 16). Руководитель отдела гестапо по сути не представлял, что он делал. В своем последнем слове человек, лишивший жизни миллионы людей, говорил о том, что после смерти вновь увидит своих палачей, а сам он всю жизнь верил в Бога, и с этой верой принимает смерть. «В эти последние минуты Эйхман как будто сам подводил итог длинной лекции о человеческой низости, которой мы были свидетелями, – итог страшной банальности зла, перед которой теряется дар речи и о которую разбивается сознание» (13, с. 300).

Это судебное разбирательство стало для Арендт поводом представить свои взгляды на целый комплекс проблем, имевших жизненно важное значение для Германии. В центре ее внимания оказались вопросы морали, совести, ответственности и вины за преступления. Продолжая и во многом дополняя «линию» Ясперса, Арендт четко разграничила понятия «вина» и «ответственность». «Существует ответственность за вещи, которые ты не делал; за них можно быть в ответе. Но нет вины или чувства вины за то, что случилось без твоего активного участия» (2, с. 205), – писала Арендт. Между «политической (коллективной) ответственностью, с одной стороны, и моральной и (или) правовой (личной) виной – с другой» есть «разделительная черта» (2, с. 209). Ответственность, по мнению Арендт, может быть коллективной, а «вина» – только личной. Недопустимо приписывать всей нации «коллективную вину» за ранее совершенные преступления, но можно считать современников и потомков ответственными за деяния предков.

Так же как и Ясперс, Арендт призывала считать нацистский режим преступным (13, с. 311) и отмечала беспрецедентность совершенных им преступлений – тотальное, продуманное уничтожение целых народов. На примере Эйхмана Арендт сконструировала образ преступников гитлеровского времени – законопослушных, честных, идеалистически мыслящих, заботившихся о своей семье и карьерном продвижении и не испытывавших мук совести при исполнении приказов об убийстве. Этим людей отличали несамостоятельность мышления и готовность следовать за коллективом, отказываясь от ответственности и не делая выбора между добром и злом. Их явление стало возможным в условиях морального коллапса, духовного кризиса, охватившего не только Германию, но и всю Европу.

Дело Эйхмана и последовавшие за ним другие процессы (в том числе над охранниками концлагеря Освенцим в 1963–1964 гг.) заставили многих немцев задуматься о личной вине за совершенные нацистами преступления. Молодежные протесты 1968 г., направленные в том числе против замалчивания преступлений отцов, а также новая восточная политика канцлера Вилли Брандта способствовали актуализации проблемы вины Германии за преступления Третьего рейха.

Новый виток дискуссии о роли национал-социализма в истории страны пришелся на 1980-е годы. После прихода к власти Г. Коля руководство ФРГ сделало ставку на прославление национальных успехов. Тема вины немцев за преступления прошлого мешала реализации этой политической линии. Знаменательный факт: в 1985 г. многие СМИ и общественные деятели ФРГ предложили не праздновать день 8 мая – годовщину победы над нацизмом. Масла в огонь подлило выступление кардинала Йозефа Хёфнера на совместной службе католической и протестантской церквей в Кёльне, приуроченной к 40-й годовщине поражения Германии. «Мы не должны заниматься самобичеванием и снова и снова напоминать о грехах прошлого и взаимных беззакониях», – заявил председатель Конференции католических епископов Германии (35, с. 221).

Совершенно иной подход к теме нацистских преступлений продемонстрировал в своем известном выступлении в Бундестаге 8 мая 1985 г. президент Германии Р. фон Вайцзеккер: «8 мая было днем освобождения. Он освободил нас всех от национал-социалистической тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания начались для многих людей 8 мая и продолжились после него. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания, зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г.» (36). Ключевым тезисом выступления стало признание освобождения от национал-социализма главным итогом Второй мировой войны для Германии.

Речь Р. Вайцеккера знаменовала новый рубеж в восприятии немецким обществом темы национал-социализма. В германской историографии утвердилось мнение, что на смену эпохи «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*), продолжавшейся условно с 1950-х по 1970-е годы, пришло время «сохранения прошлого» (*Vergangenheitsbewahrung*). Оно «начинается с понимания бесконечности вины и непоправимости нанесенного вреда, для которого нет компенсаций и примирения, только солидарность в воспоминании» (14, с. 45), – пишет А. Ассманн. В период «сохранения прошлого» темы Холокоста, преступлений нацизма «глобализируются», становясь предметом внимания и споров не только в Германии, но и во всем мире.

Но тогда, в 1985 г., выступление Р. Вайцеккера многими в Германии было встречено в штыки. И спустя год, в июне 1986 г., начался так называемый спор историков. Основные его участники – историк Эрнст Нольте и философ Юрген Хабермас. Позиция Нольте сводилась к тому, что агрессия Германии против СССР была своего рода упреждающей мерой против надвигавшейся большевистской угрозы, а создание системы уничтожения людей в концлагерях, массового убийства евреев – ответной (защитной) реакцией на советский ГУЛАГ и другие внешние причины. «Может быть, национал-социалисты, Гитлер прибегли к “азиатским злодеяниям” лишь потому, что считали себя и себе подобных потенциальными или реальными жертвами таких же “азиатских злодеяний”, осуществляемых другими?.. Разве Архипелаг ГУЛАГ не был более оригинален, чем Освенцим? Разве большевистские “убийства из классовых соображений” не были логическим и фактическим прологом нацистских «убийств из расовых соображений»? (23, с. 173) – спрашивал Нольте. Объединившиеся вокруг него «правительственные историки» (35, с. 50) утверждали, что преступления нацистов были не столь масштабны, как принято думать, и мало чем отличались от беззаконий в других странах. Фактически речь шла о попытке переложить ответственность за нацизм на конкретных лиц в руководстве НСДАП, избавив немецкий народ от необходимости извлечения уроков из своего прошлого.

В противоположность ревизионистам (а это была именно ревизия ставшего нормативным в Германии подхода к истории национал-социализма) Ю. Хабермас считал нацистские преступления исторически беспрецедентными, настаивал на необходимости признания всеми немцами ответственности за них. Крайне важным послевоенным достижением он называл «безоговорочную открытость Германии политической культуре Запада». А произошло это «открытие», настаивал Хабермас, благодаря «преодолению идеологии центра, которую снова продвигают наши ревизионисты» (35, с. 50). «Единственным патриотизмом, который не отчуждает нас от Запада, – утверждал Ю. Хабермас, – является конституцион-

ный патриотизм» (35, с. 50) (Verfassungspatriotismus)¹. Это и только это реальная альтернатива ревизионистским попыткам возвеличивания немецкой идентичности в ущерб другим народам.

Хабермас и его единомышленники разделяли взгляды К. Ясперса и Х. Арендт. «Спустя 40 лет вновь, в другой форме, разгорелась дискуссия, которую, хотя и с трудом, Ясперсу в свое время удалось разрешить» (24, с. 236), — писал о споре историков Хабермас. И хотя вопрос о личной вине, поднятый в 1940-е годы Ясперсом, в 1980-е уже не имел значения в силу естественной смены поколений, проблема коллективной ответственности сохраняла свою актуальность. Признание ответственности Хабермас полагал необходимым условием сохранения поколенческих связей и чувства принадлежности к одной нации. «Наша собственная жизнь связана с таким жизненным контекстом, при котором был возможен Освенцим» (24, с. 233), — подчеркивал мыслитель. Это обстоятельство накладывает отпечаток на последующие поколения через «сеть семейных, местных, политических и интеллектуальных традиций» (24, с. 233).

Эта позиция возобладала. По свидетельству профессора Экарда Йессе, в интеллектуальной среде утвердилось мнение о том, что Хабермас и его сторонники «осадили “правительственных историков”, желавших поставить под сомнение вину немцев» (26, с. 111), что именно они стали «победителями в споре» (26, с. 112).

Вопрос о вине в объединенной Германии

Объединение Германии вывело проблематику вины на новый уровень. После 1990 г. в стране заговорили о «двойном преодолении прошлого» (Doppelte Vergangenheitsbewältigung): с одной стороны, продолжилась работа над осмыслением нацистского периода истории, с другой — началась активная проработка наследия ГДР. И хотя «сведение счетов» с коммунистическим режимом вышло в Германии на первый план, дискуссия об ответственности за преступления Третьего рейха отнюдь не сошла на нет. Споры о книгах Д. Голдхагена «Добровольные подручные Гитлера»² и Г. Али «Народное государство Гитлера: Грабеж, расовая война и национальный социализм»³, дискуссия по поводу выставки о преступлениях

¹ Более подробно о «конституционном патриотизме» в контексте «спора историков» см.: Kronenberg V. «Verfassungspatriotismus» – Zur Rezeption eines Begriffs im Lichte des «Historikerstreits» // Der «Historikerstreit». – 20 Jahre danach / Kronenberg V. (Hrsg.) – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 123–135.

² Goldhagen D.J. Hitler's willing executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. – N.Y.: Vintage books, 1997. – 634 p.

³ Aly G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 2006. – 480 S.

вермахта на Восточном фронте (демонстрировалась в разных городах Германии в 1995–1999 г. и в 2001–2004 г.),¹ обсуждение вопроса о сооружении в Берлине мемориала убитым в Европе евреям² – эти и другие события показывают, что тема национал-нацистских преступлений по-прежнему имеет в Германии определяющее значение для восприятия национальной истории.

Нельзя сказать, что чувство ответственности за эти преступления разделяют все немцы. Согласно результатам одного из опросов, проведенных в Германии в 2005 г., 70% респондентов скорее поддерживают утверждение, что ныне живущие немцы не должны чувствовать со-ответственность за уничтожение евреев до 1945 г. (19). Об этом свидетельствует и другое исследование 2005 г.: 74% опрошенных считают, что немцы не должны винить себя за Освенцим, хотя при этом каждый пятый немец (20%) все же не отделяет себя от преступлений нацистов (19). Еще один опрос 2005 г. показал: половина немцев (47%) полагает, что жители Германии должны быть ответственны за судьбы евреев при Гитлере, другая половина (48%) против этого возражает (19).

Впрочем, есть и иные свидетельства. Так, по данным опроса 2012 г., более 49% жителей Германии стыдятся огромного количества преступлений, совершенных немцами в отношении евреев (только 7% полностью отрицают это утверждение) (19). Другой опрос, проведенный в 2010 г., говорит о преобладающем неприятии национал-социализма в Германии: более 45% опрошенных не видят ничего хорошего в национал-социализме; еще 21% в целом поддерживает это мнение (19).

Несмотря на отсутствие единства в восприятии нацистского режима, можно сказать, что Германия смогла извлечь уроки из своего прошлого. Во всяком случае в публичной сфере безоговорочно утвердилось представление о роли национал-социализма в истории страны, предполагающее необходимость преодоления этого наследия. В Германии сооружены мемориалы на месте бывших концлагерей, запрещены прославление лидеров нацистского режима и любая символика, относящаяся к нацистской партии и другим нацистским организациям. Города и улицы в стране не носят имен нацистских преступников, повинных в смерти миллионов людей; напротив, улицы названы в честь борцов сопротивления. Воздвигаются памятники жертвам национал-социалистического режима. В 2010 г. в

¹ См.: Die Wehrmacht-Ausstellung: Dokumentation einer Kontroverse / Hrsg. Thiele H.-G. im Auftr. Der Landeszentrale für Politische Bildung Bremen. – Bremen: Ed. Temmen, 1997. – 224 S.

² См.: Das Holocaust-Mahnmal: Dokumentation einer Debatte / Hrsg. Cullen M.S. – Zürich: Pendo Verlag. – 296 S.; Leggewie C., Meyer E. «Ein Ort, an den man gerne geht». Das Holocaust-Mahnmal und die deutsche Geschichtspolitik nach 1989. – München: Carl Hanser Verl., 2005. – 397 S.

бывшем здании штаб-квартиры гестапо и гестаповской тюрьмы открыт центр «Топография террора», который только за один год посетили 900 тыс. человек. ФРГ продолжает выплачивать компенсации и пенсии жертвам национал-социализма. По данным Министерства финансов Германии, общая сумма выплат с 1950-х годов и до конца 2013 г. составила свыше 70 млрд евро (37).

Официальная политика ФРГ в сфере преодоления идеологии нацизма опирается сегодня на те положения, которые сформулированы в работах К. Ясперса, Х. Арендт, Ю. Хабермаса. В 2011 г. при посещении бывшего концлагеря Освенцим Кристиан Вульф, тогда президент ФРГ, как бы повторяя тезис Х. Арендт, подчеркнул – необходимо разграничивать ответственность страны и индивидуальную вину: «Слово Освенцим, как никакое другое слово, связано с преступлениями немцев в отношении миллионов людей. Эти преступления вызывают в нас, немцах, отвращение и стыд. Мы несем за это историческую ответственность, которая никак не связана с индивидуальной виной» (17, с. 2). Не менее ярким стало выступление в 2007 г. по поводу нацистских преступлений федерального канцлера Ангелы Меркель: «Только если моя страна, только если Германия целиком и полностью примет на себя постоянную ответственность за это страшнейшее время и за эти жесточайшие преступления в своей истории, мы сможем построить будущее – только так и никак иначе» (8).

Точка зрения о разграничении ответственности нации и личной вины конкретных людей принята преимущественно в официальном дискурсе. Рядовые немцы относятся к проблеме по-разному. Приведенные выше данные социологических опросов вызывают опасения по поводу того, сможет ли Германия оставаться миролюбивым государством. Поэтому проблема вины по-прежнему имеет огромное значение для современной Германии. Работа по преодолению прошлого продолжается.

Нужна ли «интернационализация» немецкого опыта

В современной зарубежной историографии работа по «преодолению прошлого» не связывается исключительно с Германией. К примеру, профессор Гамбургского университета, автор книги «Преодоление прошлого в Германии» П. Райхель показал, что некоторые страны до сих пор не могут изжить наследие прежних – авторитарных или тоталитарных – режимов. В наибольшей степени, по мнению П. Райхеля, это свойственно тем государствам, «где политические преобразования проводятся ведущими представителями старой системы». Такая ситуация сложилась в Испании, а также в России, где государственное руководство «до сих пор не инициировало процесс политического и юридического преодоления опыта террора КГБ и Архипелага ГУЛАГ» (33, с. 23). С.С. Аверинцев отмечал,

что «Vergangenheitsbewältigung», «преодоление» тоталитаристского прошлого, – это задача, которая теоретически стоит перед всеми народами с тоталитаристским опытом, хотя на практике, как мы видим, принимается к сведению далеко не всеми» (9).

На необходимости преодоления преступного и трагического в коммунистическом прошлом (или: этого прошлого – в той мере, в какой оно было преступным и трагическим) настаивают многие отечественные историки-германисты. При этом апеллируют к немецкому опыту. Так, руководитель Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук Я. Драбкин писал, что Россия «не просто на десятилетия отстала от немцев» (9, с. 94) в практике преодоления и осмыслении тоталитарного прошлого. «У нас не было ни лострации, ни генерализованного “спора историков”, остался фикцией “судебный процесс над КПСС”, в то же время “вопрос о монократии-поликратии”, т.е. об ответственности правящих элит, в связи с обсуждением “культы личности” Сталина даже не ставился» (9, с. 95).

Другой историк-германист, автор книги «Искушение: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?», доктор исторических наук А. Борозняк, признавая необходимым для России использовать немецкий опыт, указывал на исторические препятствия: «Длительность нацистского режима измеряется 12 годами, советский вариант тоталитаризма просуществовал по меньшей мере в два раза дольше. Крушение “третьего рейха” произошло под ударами извне, советский режим пал под воздействием неразрешимых внутренних противоречий. В СССР – при наличии “своего” Освенцима – не было “своего” Нюрнберга. Немцы учились извлекать уроки из своей истории в обстановке формирования и совершенствования гражданского общества, в условиях деятельности государства, обладающего социальной ответственностью. Что касается России, то маршруты движения к гражданскому обществу у нас надежно заблокированы, а нерешенные социальные проблемы побуждают изгонять из коллективной памяти ужасы и злодеяния сталинизма» (4). Следует добавить, что последовательному освобождению от наследия тоталитаризма в России, помимо прочего, мешают политические и идеологические предпочтения населения, воспитанного в советской системе ценностей.

Впрочем, сложности на пути преодоления прошлого отнюдь не означают, что такая работа необязательна. Более того, именно это и дает основание настаивать на ее необходимости, это и делает проработку истории коммунистических преступлений актуальной и важной задачей как для общества, так и для институтов власти. Без ее решения Россия не сможет стать современной.

Теперь очевидно, что осмысление «темных» страниц истории предполагает не только исторические изыскания и издание научных трудов.

Это требует систематического просвещения граждан: сооружения мемориалов на месте бывших концлагерей, создания музеев в тюрьмах и других учреждениях, где годами попирались свобода и человеческое достоинство десятков тысяч людей, формирования государственного заказа на серию документальных и художественных фильмов о злодеяниях режима, освобождения публичного пространства от символики и топонимики, связанной с именами основных участников преступлений советского времени, и т.д.

Опыт Германии показывает, что преодоление тоталитарного прошлого – длительный и очень сложный процесс. Для его успеха требуется прежде всего участие гражданского общества. Без активной вовлеченности в процесс десятков тысяч немцев Германия не смогла бы освободиться от груза национал-социализма. И когда в 1980-е годы государственная власть ФРГ попыталась отмежеваться от ответственности за преступления Гитлера, гражданское общество, открытое и демократическое, своей активной позицией сумело переломить эту тенденцию. Кроме того, важную роль в процессе исторического «прозрения» играет смена поколений. К концу 1960-х годов в Германии сформировалось поколение тех, кто, с одной стороны, не принимал участия в преступлениях тоталитарного режима, а с другой – не хотел мириться с забвением преступлений их отцов. Именно молодежные выступления 60-х актуализировали проблематику ответственности за нацистские преступления. И, наконец, освобождение от «груза» преступного прошлого требует его критической проработки и демифологизации исторических событий.

Список литературы

1. Адорно Т. Что такое проработка прошлого? // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013. – 352 с.
3. Арендт Х. Организованная вина // Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе. – М.: Текст, 2008. – 221 с.
4. Борозняк А.И. ФРГ: Волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3 (40/41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/boro6.html#ftnref26>
5. Бровка Л.Н. Церковь и Третий рейх. – СПб.: Алетейя, 2009. – 471 с.
6. Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 5–26.
7. Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. – М.: Росийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 164 с.
8. Официальный сайт Министерства иностранных дел ФРГ. – Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/InternatRecht/Entscheidung_node.html
9. Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления: Опыт России и Германии на рубеже веков: Международная конференция / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордогова. – М.: АИРО-XX, 2002. – 160 с.

10. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. – М.: РОССПЭН, 2009. – 255 с.
11. Юнг К.Г. Послевоенные психические проблемы Германии / Карл Густав Юнг. Аналитическая психология. – М.: Современный гуманитарный университет, 2001. – Режим доступа: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2184>
12. Ясперс К. Геноциду не может быть оправдания. Беседа с Рудольфом Аушттайном // Знамя. – М., 1993. – №1. – С. 168–176.
13. Arendt H. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht von der Banalität des Bösen. – München: Piper Verl., 1995. – 357 S.
14. Assmann A. Wendepunkte der deutschen Erinnerungsgeschichte // Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Berichte und Abhandlungen. – Berlin: Akademie Verlag., 1999. – В. 7. – S. 39–58. – Mode of access: <http://gepeskonyv.btk.elte.hu/adatok/Germanisztika/111Balk%E1nyi/Horv%E1thPabis/13-Wende...pdf>
15. Barth K. Wie können die Deutschen gesund werden? / The digital Karl Barth library / Alexander street press. – Mode of access: <http://solomon.dkbl.alexanderstreet.com/cgi-bin/asp/philodkbl/getobject.pl?c.65:1.barth>
16. Buchheim H. Die SS – das Herrschaftsinstrument // Anatomie des SS-Staates. – München: Deutscher Taschenbuch Verl., 1989. – В. 1. – S.15–201.
17. Bundespräsident Christian Wulff bei der offiziellen Gedenkveranstaltung anlässlich des 66. Jahrestages der Befreiung des Konzentrationslagers Auschwitz. – Polen, Auschwitz-Birkenau, 27.01.2011 / Webseite des Bundespräsidialamts. – Mode of access: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Christian-Wulff/Reden/2011/01/20110127_Rede_Anlage.pdf
18. Clark M. A Prophet without Honour: Karl Jaspers in Germany. 1945–1948 // Journal of contemporary history. – N.Y., 2002. – Vol.37, N 2. – P. 197–222.
19. Das Statistik-Portal. – Mode of access: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/498/umfrage/heutige-verantwortung-fuer-holocaust/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/536/umfrage/gefuehl-der-schuld-fuer-verbrechen-in-ausschwitz/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/537/umfrage/verantwortung-deutscher-gegenueber-juden/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/173404/umfrage/frage-nach-der-scham-ueber-verbrechen-an-den-juden/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/992/umfrage/bewertung-der-aussage-nationalsozialismus-hatte-gute-seiten/>
20. Demokratisierung durch Entnazifizierung und Erziehung / Bundeszentrale für politische Bildung. – Mode of access: http://www1.bpb.de/publikationen/ISISIR,7,0,Demokratisierung_durch_Entnazifizierung_und_Erziehung.html#art7
21. Die Stuttgarter Schulderklärung: Seite der Evangelischen Kirche in Deutschland. – Mode of access: https://www.ekd.de/glauben/bekenntnisse/stuttgarter_schulderklaerung.html
22. Eike W. Vergangenheitsbewältigung in der unmittelbaren Nachkriegszeit // Ruperto Carola. – Heidelberg: Universität Heidelberg, 1997. – N 3. – Mode of access: http://www.uni-heidelberg.de/uni/presse/RuCa3_97/wolgast.htm
23. Eley G. Nazism, politics and the image of the past: Thoughts on the West German historikerstreit 1986–1987 // Past and present. – Oxford: Oxford univ. press, 1988. – N 121. – P. 171–208.
24. Habermas J. On the public use of history // Habermas J. The new conservatism: Cultural criticism and the historians' debate. – Cambridge: Polity press, 1989. – 270 p.
25. Jaspers K. The question of German guilt. – N.Y.: The dial press, 1947. – 123 p.
26. Jesse E. Historikerstreit und Patriotismus – Politische Kultur im Wandel // Der «Historikerstreit» – 20 Jahre danach / Kronenberg V. (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 109–123.
27. Kadereit R. Karl Jaspers und die Bundesrepublik Deutschland. – Paderborn: Schöningh, 1999. – 324 S.
28. Klefmann C. Die doppelte Staatsgründung: deutsche Geschichte 1945–1955. – Bonn: Bundeszentrale für politische Ausbildung, 1991. – 605 S.

29. Kogon E. Die unvollendete Erneuerung. Deutschland in Kräftefeld 1945–1963. Politische und gesellschaftliche Aufsätze aus zwei Jahrzehnten. – Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1964. – 257 S.
30. Leistungen der öffentlichen Hand auf dem Gebiet der Wiedergutmachung. Stand: 31.12.2013. Bundesministerium der Finanzen. Referat VB4. – Mode of access: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Standardartikel/Themen/Oeffentliche_Finanzien/Vermoege nsrecht_und_Entschaedigungen/Kriegsfolgen_Wiedergutmachung/Leistungen-oeffentlichen-Hand%20-Wiedergutmachung-31.12.2013.pdf?__blob=publicationFile&v=1
31. Meyn H. Massenmedien in der Bundesrepublik Deutschland. – Berlin: Landeszentrale für politische Bildungsarbeit, Colloquim-Verl., 1992. – 223 S.
32. Mommsen H. Hannah Arendt und der Prozess gegen Adolf Eichmann // Arendt H. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht von der Banalität des Bösen. – München: Piper Verl., 1995. – S. 1–XXXVII.
33. Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur in Politik und Justiz. – München: Verl. C.H.Beck, 2007. – 265 S.
34. Saner H. Jaspers. – Hamburg: Rowohlt, 2005. – 190 S.
35. Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik / Kühnl R (Hrsg.). – Köln: Pahl-Rugenstein Verl., 1987. – 330 S.
36. Weizsäcker R. Streifzug durch die Geschichte. Weizsäcker Rede zum 8.05.1985 / Webarchiv des Deutschen Bundestages. – Mode of access: <http://webarchiv.bundestag.de/archiv/2006/0202/parlament/geschichte/parlhist/dokumente/dok08.html>
37. Wolfrum E. Die geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. – 2007. – 694 S.

ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИИ В РОССИИ 2014 г.:

О школьном учебнике, исторической памяти и национальной идентичности

Этот раздел состоит из нескольких материалов, на первый взгляд, различного порядка. Некоторое время назад Центр россиеведения ИНИОН РАН получил от нашего постоянного и близкого партнера, Центра русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша, стенограмму дискуссии, посвященной Историко-культурному стандарту, который должен лечь в основу единой линейки учебников для средней школы. В этой дискуссии затрагивались и другие важные темы сегодняшней российской полемики вокруг нашего прошлого.

Параллельно с этим в журнале «Стратегия России» мы обнаружили серию материалов, связанных с тем, как надо трактовать русскую историю и как ее преподавать. (Кстати, наш венгерский коллега профессор Д. Свак тоже обращается к этим материалам. Значит, их «услышали» и за рубежом.) «Стратегия России», как известно, – один из главных теоретических и идеологических органов «Единой России». И те материалы, которые были помещены в этом издании, носят, как нам представляется, во многом программный характер для российского правящего истеблишмента.

Мы попросили некоторых ведущих российских историков прокомментировать эти тексты. Часть из них отказалась, мотивируя это различными причинами. Но, как нам кажется, главным все-таки было нежелание ввязываться в дискуссию с представителями и идеологами правящего слоя. Другие не сочли эти материалы чем-то серьезным. Два ответа мы все-таки получили и очень благодарны их авторам. Но отсутствие в целом в профессиональной среде интереса к вопросу, который является нервом сегодняшнего дня, все-таки вызвало у нас удивление.

Тем не менее мы сформировали подборку из разнородных материалов. В нее вошли отклики венгерских историков на российский Стандарт, выдержки из установочных, по существу, для историков текстов «Стратегии России», некоторые публицистические высказывания о нынешней исторической политике, отдельные суждения профессионалов. По нашему мнению, этот коллаж дает представление о состоянии нашей исторической дискуссии и ее восприятию за рубежом.

ВЕНГЕРСКИЕ ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ В РОССИИ

Дюла Свак

Из Венгрии – с пониманием: несколько слов о «работе с прошлым» в России

Вот уже полтора года (после того, как в феврале 2013 г. В.В. Путин поручил разработать единый учебник истории) в России идет большая дискуссия о российской истории. Сначала рабочей группой по подготовке концепции учебника, трудящейся под эгидой (вновь) созданного Российского исторического общества (его возглавил С.Е. Нарышкин – председатель Государственной Думы), был составлен список спорных вопросов российской истории, затем опубликован проект образовательного Стандарта.

Этот Стандарт имеет важное значение потому, что дает ясное представление о намерениях Российского государства, выступающего в роли заказчика, о степени готовности научного сообщества удовлетворить государственные запросы и о возможности выработки единого взгляда на историю. Если это начинание окажется успешным, то оно приобретет общеевропейское значение, поскольку Россия после смены общественного строя наконец-то сумеет найти свою легитимационную идеологию. Для венгров это поучительно еще и потому, что в последнее время в странах восточноевропейского (или, можно сказать, евразийского) региона, несомненно, возрос интерес к достижениям друг друга, и руководители государств этого региона охотно заимствуют кажущиеся им эффективными рецепты реализации власти.

Введение к Стандарту содержит следующие принципиальные положения.

1. Воспитание патриотизма, гражданственности и межнациональной толерантности.
2. Не скрывающая ошибок и просчетов патриотическая идейность, на основании которой должна формироваться «гражданская общероссийская идентичность».

3. Внимание к гражданской активности и истории гражданского общества, но без «экстремизма» (террора, шовинизма, мессианства).

4. Существо концепции можно передать тезисом: «Мы – граждане великой страны с великим прошлым». Важным элементом патриотического воспитания считается гордость военными победами. Предметом патриотической гордости является также расширение (в пространстве) «российского социума». Нельзя замалчивать трагедии прошлого, утверждается в концепции. Но не следует и забывать, что Россия всегда их преодолевала.

5. История России понимается как часть всемирной истории. При этом подчеркивается: «пребывание в составе Российской империи имело положительное значение для ее народов».

6. Предполагается расширить преподавание истории культуры, имея в виду прежде всего историю повседневности.

7. «История религий, в первую очередь православия, должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника».

8. Революции и гражданские войны являются не результатом заговоров, а следствием объективных исторических противоречий внутри страны.

История России делится в Стандарте на семь крупных периодов лишь с небольшим отклонением от прежних периодизаций. Отдельными, «равнозначными» периодами являются вся древняя история Руси (с «киевской» эпохи до самого конца XV в.), XVI–XVII вв., XVIII в., а также весь XIX в. (включая и начало XX столетия). Самым неожиданным кажется разделение XX в. на три также равных по «ценности» периода: 1917–1945 гг., 1945–1985 гг. и 1985–2012 гг. Таким образом, бросаются в глаза относительная неразделенность «долгого» XIX в., а также подчеркнутое внимание к интерпретации истории ближайшего прошлого (хотя в описательной части нет ни слова о путинском периоде).

Уже при первом чтении проекта «Историко-культурного стандарта» возникает несколько общих замечаний.

1. Явно чувствуется, что идет подготовка не «оборонительных», а скорее «наступательных» по духу учебников; в них красной нитью проходит идея величия России, ее исторических (всемирно-исторических) достижений.

2. Основой для этого подхода служит идея исторической преемственности. Не только не отрицается историческая роль советского строя, но даже подчеркиваются достижения «догоняющего» развития, «сталинской социалистической модернизации» (при этом ни слова не говорится об исторической роли Ленина). Своего рода пиком этих достижений является победа в Великой Отечественной войне, имеющая общечеловеческое значение.

3. Следуя этой логике, авторы Стандарта оценивают историю СССР 1960–1970-х годов как наиболее значительный период в российском прошлом. Все это дополняется своего рода количественным подходом, в рамках которого успехи Российской/советской империи рассматриваются с точки зрения ее величины/протяженности.

4. В Стандарте подчеркнута стремление к интеграции, постоянно звучит идея единства империи. Именно на этой основе предполагается вырабатывать сознание идентичности у современных поколений. Вводится фундаментальная категория «российский социум». При этом говорится о важности воспитания толерантного отношения к «инаковости».

5. Залогом установления порядка, побеждающего хаос и обеспечивающего единство, неизменно считается сильная центральная власть – даже в ее самодержавной форме XVI–XVII вв.

6. Цементирующая роль в интегративном процессе отводится (несмотря на всю парадоксальность этого утверждения) исторической деятельности православной церкви.

7. В тексте противоречиво, непоследовательно интерпретируется проблематика так называемого российского своеобразия, «особого российского пути». В отношении XVI–XVII вв. «самобытность» представлена некоей объективной данностью. Начиная с царствования Петра I она описывается как характерный для российской/советской истории ряд своеобразных бросков вперед, призванных догнать/перегнать Запад, и отступлений. При этом нет ясности в изложении всемирно-исторических закономерностей и российской специфики этого процесса, а также их тесных взаимоотношений.

8. Отдельно опубликовав «спорные вопросы», авторы не подчеркнули дискуссионный характер Стандарта. Конечно, речь идет об учебном материале для школ, но это противоречит заявленному замыслу, а также самому характеру истории, ее сложности и неоднозначности.

В конце 2013 г. после необычайно широкого профессионального и общественного обсуждения текст «Историко-культурного стандарта» для новых российских учебников истории под названием «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» был положен на стол президента России. И хотя текст во многих пунктах был исправлен и изменен (например, полностью поменялась периодизация советской эпохи), он остался профессиональным путеводным указателем. Во многих пунктах Стандарт отличается от традиционного российского взгляда на историю, что предлагает большое число методических новаций. В методологическом же плане он нацелен на создание образа успешной России.

И все же материал, представленный рабочей группой под руководством академика Александра Чубарьяна (львиную долю работы в ней

взял на себя Институт российской истории под руководством Юрия Петрова), по-прежнему является предметом споров. Им занимался на открытом заседании комитет Государственной Думы по образованию, а близкий к власти журнал «Стратегия России» посвятил ему серию статей и специальную дискуссию. Особое значение обсуждению придает тот факт, что в апреле 2014 г. Министерство культуры, возглавляемое Владимиром Мединским, направило в Администрацию президента РФ проект программы «Основы государственной культурной политики». Программа имеет приблизительно те же цели, что и «Историко-культурный стандарт», но основана на прямо противоположном понимании истории. По духу она родственна сформулированной в XIX в. «уваровской триаде» (православие, самодержавие, народность). Авторы этого документа, следуя идеям Н.Я. Данилевского и других мыслителей, считают, что Россия образует совершенно отличную от «греховного» Запада цивилизацию, и объявляют войну всем проявлениям «инаковости» (например, мультикультурализму).

В то же время российское сообщество историков продемонстрировало удивительный плюрализм и умение дискутировать. Дискуссия показала, как трудно добиться утверждения единого взгляда на историю. Поэтому и власть с большой осторожностью подошла к этому вопросу. Новая концепция учебников истории легла на стол президента РФ в результате достигнутого консенсуса/компромисса, который был принят практически всеми представителями исторической профессии. Несмотря на определенную непоследовательность и сохранение старых стереотипов, концепция в целом основана на «западническом» понимании истории, при котором мерилом являются европейские ценности, а российское прошлое рассматривается в контексте европейского.

В ходе дискуссий выяснилось, что не только ««сколачивание» монолитного государственного взгляда на историю», но даже и создание общеобязательной серии учебников истории наталкивается на противодействие историков. В кругу специалистов всерьез даже не обсуждается мысль о том, что «путеводный указатель» по истории, помимо фиксации необходимого профессионального минимума, может в чем-то ограничивать научную свободу или определяющую роль преподавателя в процессе передачи знаний. Конечно, встречаются историки, принадлежащие к «восходящему» поколению: они бьют дальше цели, стремясь соответствовать каким-то конкретно не высказанным запросам власти. К примеру, некий историк по фамилии Багдасарян из Московского «сервисного» университета по существу провозгласил крестовый поход против доминирующего, по его мнению, либерального понимания истории¹. Он составил таблицы с «пра-

¹ См.: Стратегия России. – М., 2014. – № 3 (123). – С. 33–46; № 4 (124). – С. 47–62; № 5 (125). – С. 55–70; № 6 (126). – С. 49–60.

вильными» и «неправильными» историческими мнениями, а в качестве «окончательного решения» настаивал на замене академической и образовательной структуры, сопротивляющейся «нормативным» взглядам, новыми кадрами и учреждениями.

Российская дискуссия содержит поучительные выводы и для венгерских историков. Она знаменательна уже самим фактом своего проведения. Очевидно, что представители власти стремятся к консенсусу, добиваются создания идеологической легитимации на научной основе, стараясь при этом не оттеснить на задний план представителей академической науки, а интегрировать их усилия. В Венгрии историки не спорят – молчат. За редким исключением своей немотой они легитимируют попытки насильственного пересмотра истории, создание параллельной «научной» инфраструктуры, обслуживающей власть, использование истории на службе актуальной политики и деградацию исторической науки до уровня политики памяти. Проблема единого учебника истории тоже, как видно, будет решена у нас с помощью иной технологии, в конечном счете внеэкономическими средствами, через государственный «рынок». В результате станет невозможным преподавание истории во всей ее сложности, противоречивости и альтернативности, т.е. с позиций плюрализма.

Как ни странно, но российское историческое сообщество решительнее и смелее отстаивает свои профессиональные ценности, нежели венгерские историки, а российская власть на свой лад мирится с этим, не прибегая к силовым решениям. Конечно, при этом борьба за овладение прошлым продолжается.

Из материалов заседаний Венгеро-российской смешанной комиссии историков

В ходе обсуждения Стандарта на заседаниях Венгеро-российской смешанной комиссии историков 29 августа 2013 г. и 24 апреля 2014 г. прозвучали следующие мнения, которые излагаются здесь с существенными сокращениями, с акцентом на главных положениях.

Сергей Филиппов (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт): Создание концепции, служащей основой для написания нового учебника (новых учебников) истории, вовсе не кажется каким-то порочным, вредным начинанием. Наоборот, это может принести пользу: позволит навести хотя бы минимальный порядок в том хаосе, который в настоящее время характеризует историческое сознание и преподавание истории в России (см. цель: «формирования единого культурно-исторического пространства Российской Федерации»). Таким образом можно внедрить в учебные материалы новые научные подходы и результаты и исключить из преподавания истории псевдонаучные «теории». Что касает-

ся представленного на обсуждение материала, то в разделе «Концептуальные основы историко-культурного стандарта» содержится много положений, которые следует только приветствовать.

В то же время в концептуальном введении встречаются спорные, а то и прямо ошибочные утверждения. Можно согласиться с тем, что история способствует формированию гражданской общероссийской идентичности и гражданской активности. Гораздо сложнее обстоит дело с воспитанием патриотизма, а между тем в тексте это названо одной из важнейших задач. По-моему, преподавание истории отнюдь не предполагает воспитания патриотизма, хотя я понимаю, что могут быть приведены аргументы и в пользу противоположного мнения. Однозначные возражения вызывает тот арсенал понятий, что используется в связи с этой темой. Что, например, означает выражение «патриотическая основа исторического изложения»? Неужели «приукрашенную» историю? Это подозрение кажется обоснованным, поскольку одновременно речь идет о формировании «патриотической гордости» и «позитивного пафоса исторического сознания». Не следует ли здоровому историческому сознанию быть свободным от какого-либо пафоса?

В Стандарте постулируется, что главным опорным пунктом будущего учебника должен стать тезис: «Россия – крупнейшая страна мира». Из этого непосредственно выводится положение: «Мы – граждане великой страны с великим прошлым». Это положение не имеет рационального содержания и безнадежно устарело. Еще П.Я. Чаадаев указывал: простой «географический факт» вряд ли может быть предметом гордости и мало говорит о сути национальной истории. Действительно, разве гражданину Швейцарии, например, нужно посыпать голову пеплом из-за небольших размеров его родины? К тому же авторы концепции почему-то полагают, что на основании тезиса о пространстве/гордости удастся «логично и непротиворечиво рассмотреть вопросы межнациональных взаимоотношений». Я в этом отнюдь не уверен, тем более что в тексте встречается категоричное утверждение: «Следует подчеркнуть, что пребывание в составе Российской империи имело положительное значение для ее народов». Это вовсе не новая мысль – так говорили и на уроках истории в советских школах. Такой подход вряд ли усилит «внутреннюю непротиворечивость» и «объективность» нового учебника.

По замыслу авторов концепции, юные читатели нового учебника (или учебников) должны гордиться той ролью, которую сыграла их страна в мировой истории. Любопытно, как эта установка отразится в тексте учебника (учебников). Но уже сейчас видно, что особое место там займут «военные победы предков», формирующие «позитивный пафос исторического сознания». При этом авторы концепции предлагают «акцентировать внимание на массовом героизме в войнах освободительных, прежде всего

Отечественных 1812 и 1941–1945 гг.». Налицо старая привычка с гордостью подчеркивать именно военные победы, неизменно служившие легитимационным фактором для российской и советской власти. Думается, российские школьники должны понять, что нужно уважать и почитать память тех предков, которые героически сражались и в «проигранных войнах» (Крымской, русско-японской или Первой мировой, которую, кстати, когда-то тоже называли Отечественной).

В тексте концепции правильно говорится о необходимости воспитания межнациональной и религиозной толерантности, однако не упоминается о толерантности по отношению к меньшинствам (например, к политическим или сексуальным, что было бы особенно актуально в современной России). Кроме того, в тексте речь идет о «нормальных» и «экстремальных» проявлениях гражданской активности, но остается в тени важнейший вопрос о том, где граница между этими формами и кто призван ее определять.

Безусловно важно «системное» изложение истории религий, однако и в этом случае возникает как минимум два вопроса. Во-первых, о чем конкретно идет речь: об истории религий или об истории церкви? Во-вторых, как возможно «пронизать все содержание учебника» истории России XVIII–XX вв. историей православия, когда религия и церковь были резко отнесены на задний план и даже репрессированы?

Шандор Сили (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт): Концептуально и методологически Стандарт опирается на результаты, достигнутые российской исторической наукой с 1991 г.; провозглашенные в нем методологические требования нацелены на формирование современного понимания истории. Учебник, по замыслу разработчиков, должен стимулировать способности к творческой работе и выработке собственного мнения, желание узнать культурный, антропологический, микроисторический и конфессиональный контекст событий и проч. Учебник истории не может быть свободен и от задач воспитания патриотизма, пронизанного толерантным отношением к другим культурам и народам, преданности делу демократии, способствуя тем самым укреплению основ гражданского общества. Противоречия, иногда встречающиеся в Стандарте, видимо, являются результатом стремления его авторов найти компромиссные решения методических и мировоззренческих споров.

Что касается преподавания проблемных вопросов российской истории, то в Стандарте предложено образцовое решение: подготовка соответствующих тематических «модулей». 11 «трудных вопросов» (а всего их 20) относятся к истории XX в., один – к истории XXI в. Это дает основания предположить, что провозглашенный во введении принцип (изложение альтернативных мнений, побуждение школьников к формированию собственной позиции) будет реализован только в отношении IX–XVIII вв. – пе-

риода, идеологически безразличного для российского режима. (Интересно, что в списке нет ни одного «трудного вопроса» в связи с историей XIX в.!) Иначе зачем нужно было создавать Стандарт? Казанские дети могли бы и дальше слышать на уроках о кровавом русском завоевании и подавлении татарской культуры.

Нельзя предугадать, в какой степени новые учебники истории смогут соответствовать запросам государственного заказчика, не всегда гармонизирующим с установками Стандарта. Очевидно, многое будет зависеть от состава и степени самостоятельности комиссии, которая будет рассматривать конкурсные работы. Но ссылки на Стандарт позволят легитимировать учебники, противоречащие изложенным в нем принципам, сохраняя при этом видимость некоего «общественного договора». Власти же могут настаивать на использовании этих учебников в системе образования.

Габор Дьени (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт): Уже при знакомстве со Стандартом бросается в глаза подчеркнутое внимание к национальному вопросу и к истории прошедших 100 лет. Авторы Стандарта заявили о намерении преодолеть «установку на политическую историю, уходящую корнями в имперскую и советскую школы». Взамен предлагается антропоцентричный подход, отводящий личности центральное место в истории. Это, конечно, перспективная точка зрения. Больше место отводится освещению вопросов культуры – не только «высокой», но и народной.

Выдвижение на передний план национального вопроса, очевидно, связано с этноренессансом, начавшимся в России в 1990-е годы, с усилением русского национализма и национализмов меньшинств, со все более частыми межэтническими конфликтами. Эскалация этих процессов, прежде всего рост русского национализма, может стать серьезным дестабилизирующим фактором. В противовес этому в Стандарте подчеркивается, что многонациональность и поликонфессиональность являются важнейшими особенностями истории России.

Знакомство с традицией сосуществования различных народов может помочь остановить деструктивные силы. В то же время Стандарт не свободен от приукрашивающих действительность мифов. К примеру, от прежней русской исторической науки унаследован миф о «добровольном присоединении» народов к России. В Стандарте подчеркивается: хотя трагедии нельзя замалчивать, в целом вхождение в состав Российской империи имело для различных народов положительное значение. Российская империя обеспечивала их безопасность от внешних врагов, положила конец внутренним междоусобицам, принесла им просвещение и экономическое развитие.

Конечно, выдвижение на передний план национального вопроса можно только приветствовать. Однако существует опасность проецирова-

ния современного национализма и националистического мышления на те эпохи и территории, когда и где их еще не было (например, описание российской колонизации в оппозиции «русский – не русский»).

В Стандарте особо подчеркнута значение региональной истории. Это есть наряду с российским патриотизмом «стимулируется» и *локальный патриотизм*. Это важно хотя бы для патриотического воспитания: локальный патриотизм – основа любви к родине. По моему наблюдению, в России локальный патриотизм менее развит, чем, например, в Венгрии. Вероятно, это объясняется не только отставанием в развитии гражданского общества или тем, что в 1920–1930-е годы не поощрялись вдохновленные локальным патриотизмом исследования по местной истории (на место локального ставилось общесоветское), но и повышенной географической мобильностью населения.

Янош Макаи (Институт им. Кароя Эстерхази, Эгер): Первый раздел окончательного варианта «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» существенно не отличается от первого раздела проекта. Однако в нем появились некоторые важные изменения и дополнения.

К примеру, исправлена неточность проекта, связанная с перечислением отделившихся от Киева русских княжеств. Названы пять важнейших земель, управлявшихся представителями рода Рюриковичей (среди них мы находим как Смоленскую, так и Галицкую земли). Авторы концепции любят сравнения. В окончательном варианте утверждается, что «социально-экономический и общественно-политический строй Древнерусского государства хотя и имел целый ряд специфических черт, тем не менее во многом был схож со строем соседних европейских государств: Польши, Чехии, Венгрии». При этом указано на господствующую роль князей и знати, централизованную эксплуатацию зависимого населения и позднее появление крупной частной (видимо, светской) земельной собственности. Кроме того, авторы концепции отмечают черты сходства между республиканским строем Новгорода и Пскова и западноевропейскими городскими коммунами, не конкретизируя их. Поскольку среди медиевистов нет единого мнения по этим вопросам, их трактовки в последнем варианте текста представляются по крайней мере спорными.

В окончательном тексте концепции мы находим и другие новые моменты. Так, введена тема об истории народов и государств восточноевропейской степи и Сибири в XIII–XV вв. (имеются в виду истории Золотой Орды, народов Северного Кавказа и итальянских городов Черноморского побережья). В части, посвященной XV в., особый акцент сделан на истории достижения государственного единства и роли в этом процессе Московского княжества. Одно из предложений сформулировано в таком характерном стиле, что его стоит процитировать: «Единое Русское

(Российское) государство, складывавшееся на основе Великого княжества Московского, к концу XV в. освободилось от ордынской зависимости, стало крупнейшим в Европе по размерам территории и включилось в европейскую систему международных отношений». Имеются и другие дополнения, касающиеся роли Москвы и сложившегося вокруг нее государства. При этом авторы концепции упоминают о падении Византии, о возрастании церковно-политической роли Москвы, о теории «Москва – Третий Рим».

В целом раздел концепции о древней и средневековой истории восточных славян (и соседних народов) вполне приемлем как с научной, так и с методологической точек зрения. Однако внесенные в проект изменения не всегда удачны. По-моему, в окончательном варианте слишком много говорится о единстве, империи и объединяющей роли Москвы. Хотя, конечно, концепция могла быть и гораздо хуже.

Эндре Шашхали (Печский университет): По моему мнению, в предложенной концепции наряду с отказом от старой стереотипной марксистской терминологии – например, от тезиса о соответствии способов производства историческим эпохам и от определения *феодальной* (что можно приветствовать по нескольким причинам) – в трансформированном виде сохраняются те основные черты, которые были характерны для понимания истории в советскую эпоху (например, тезисы о дружбе народов СССР, величии СССР и т.д.). В то же время место марксизма заняла апологетичная парадигма *евразийства*, не только обосновывающая необходимость многонациональной империи «под руководством» («вождейством») русских, но и своей терминологией прикрывающая факты *завоевания и колонизации*.

Одной из важнейших задач преподавания истории в концепции названо «формирование гражданской общероссийской идентичности». Используемый в тексте термин *общероссийский* можно считать синонимом слова *всероссийский*, распространившегося в эпоху Петра Великого (между прочим, под украинно-белорусским влиянием). Видимо, не случайно переживает сейчас возрождение и появившийся тогда неологизм *россиянин* (см., например, рекламу «Газпрома» как гордости России – она оканчивается словами: «Мы – россияне!»).

В связи с темой «единого Русского государства» в концепции говорится о ликвидации *раздробленности* как о положительном явлении (отсутствует лишь эпитет *феодальная*). При этом делается ссылка на европейские (испанскую, французскую и английскую) аналогии: на рубеже XV–XVI вв. в Европе также завершился процесс формирования *единых национальных государств*, пришедших на смену эпохе раздробленности. Но выражение *национальное государство* применительно к Западной Европе является анахронизмом (в указанное время там существовали только

так называемые *мозаичные династические государства*). Кроме того, параллель с сословным представительством на Западе irrelevantна с учетом правового статуса социальных групп российского населения (отсутствием сословий) и существенных различий между политическим строем России и западных стран. Следовало бы, скорее, сконцентрировать внимание на феномене самодержавия (причинах появления, сущности) как специфической характеристике русской системы. Затем, в этой части концепции следовало бы уделить внимание не учению «Москва – Третий Рим», значение которого преувеличено, а сильной в то время идее «русское царство как Новый Израиль» и, следовательно, «Москва как Новый Иерусалим».

В целом в той части концепции, которая охватывает русскую историю до XVIII в., мне не хватает историко-экономического и историко-социального введения броделевского типа (демография, эпидемии, хозяйство, урожайность, денежный оборот и т.д.). С концептуальной точки зрения следовало бы показать взаимоотношения между западнохристианским и православным культурными регионами. Ведь до XVIII в. Европой считались только западнохристианские страны, но благодаря Петру Великому русские отодвинули восточную границу Европы до Урала (по Татищеву). Все это, как я полагаю, способствовало бы изменению взгляда на историю.

Беата Варга (Сегедский университет): Скажу несколько слов о том, как в концепции освещена проблематика Украины, или «Малороссии». Неясно, будет ли упомянут в запланированных учебниках тот важный момент, что после распада Киевской Руси носителями ее наследия были не только северовосточные территории с центром в Москве, но и юго-западный регион (если бы украинцам удалось создать самостоятельное государство, «собрание русских земель» стало бы важной миссией и для них).

Применительно к периоду с середины XIII в. до конца XIV в. в концепции говорится только о княжествах «Северо-Восточной Руси» и ни словом не упоминается о судьбе юго-западного региона. Затем: утверждение из раздела об истории XVII в. о переходе к России «Левобережной Украины» справедливо лишь отчасти. На Переяславской Раде 1654 г. было принято решение о «добровольном» присоединении к России всей Украины, чем и завершился процесс «собрания русских земель». Правобережные территории были возвращены полякам только после Андрусовского перемирия 1667 г. Наверное, с учетом важности приобретения украинских территорий следовало бы ввести в «Персоналии» имя Богдана Хмельницкого. Необходимо также уточнить, что русско-польская война за Украину на самом деле закончилась не Андрусовским соглашением 1667 г., а «вечным миром» 1686 г. Наконец, среди событий XVIII в. стоило бы упомянуть об отмене в 1764 г. «автономного» Украинского гетманства.

Показательно, что вместо понятия «Киевская Русь» в концепции употребляются выражения «Русь», «Древняя Русь», «Русская Земля», «Древнерусское государство». Возникают вопросы: насколько это приемлемо? Что – выражение «Киевская Русь» совсем вышло из употребления? При этом в разделе «Россия в конце XVII–XVIII вв.: От царства к империи» говорится о том, что Россия выполнила свою «историческую задачу»: «собрала» наследие *Киевской Руси*. Это не совсем точно: не удалось присоединить юго-западный регион бывшей Киевской Руси с центром в Киеве (или его не числят в составе «русских земель»?). Но важно другое: для обозначения соответствующей исторической эпохи понятие «Киевская Русь» последовательно не употребляется, а применительно к XVIII в. почему-то используется! Это решение по меньшей мере спорно.

Да и стоит задуматься над тем, можно ли считать самостоятельными государствами территории, входившие в ту «систему земель», которая сформировалась в середине XII – начале XIII в.

Шандор Гебен (Институт им. Кароя Эстерхази, Эгер): Меня заинтересовал вопрос: как учебники истории государств, ставших независимыми после распада бывшей империи (Советского Союза), будут соотноситься с учебником, написанным по запросу центральной российской власти? Ведь основы московской концепции истории стали разрабатываться значительно позже, чем на Украине или в Белоруссии, не говоря уже о балтийских и кавказских исламских государствах. Какой будет реакция на учебник истории, воспитывающий русский патриотизм, там, где, например, был закрыт музей Суворова (Измаил, Украина), память об Отечественной войне 1812 г. заслонена фальшивым тезисом об основании в XVII в. «украинского национального независимого государства», где Мазепа – национальный герой, а Петр Великий – завоеватель, помешавший провозглашению казацкой-украинской (?) независимости, где «голодомор» интерпретируется как коварный замысел Москвы уничтожить голодом украинское население? И т. д. Получается, что на горизонте война учебников?

Я не случайно привожу украинские примеры. Ведь еще в конце XIX в. по случаю 350-летней годовщины «воссоединения» (1648–1898) возникла мысль установить в Киеве памятник, символизирующий единство восточных славян. Этот символ, воплощающий нерушимое единство Великой, Малой, Белой и Червонной Руси, так и не был создан. Осталась лишь центральная фигура Богдана Хмельницкого, не угрожающая «единству». Тогда резко проявившийся (в положительном смысле) национализм преградил путь воле царя. И теперь, в эпоху неонационализма, возможно нечто подобное.

Нельзя написать историю страны без истории окраин, периферии. Но это безумно сложно. Препятствуют линии разломов между русскими и украинцами, колонизированными и русифицированными территориями

или самопозиционирование Киева как исторического противника Москвы. И т.п. И если существует столько препятствий, имеет ли смысл ожидать, что новый учебник действительно сможет стать навигатором? Возникают и другие вопросы.

1. Способна ли религиозная установка быть опорой современного взгляда на историю? Займет ли тематика православия одно из центральных мест в учебниках? Значит ли это, что в России будет пересмотрен принцип разделения церкви и государства? Исторические примеры религиозной «терпимости» в царской России всегда оканчивались нарастанием противоречий (1596 г.: грекокаатолики – православные), формированием образа врага (католик-поляк – православный-русский, малоросс; «законы о евреях» Екатерины II; деятельность черносотенцев и т.д.). И как тогда быть с религиозной напряженностью в отношениях Москвы и Киева в наши дни? Если православие рассматривается как стимулятор сплочения общества, как оценивать стремление киевского митрополита к самостоятельности и признанию киевского патриархата в противовес Москве?

2. Россия всегда преодолевала кризисы посредством «укрепления центральной власти». Следует ли считать современное положение кризисным и необходимо ли в связи с этим «укрепление центральной власти»? Станет ли учебник, нацеленный на воспитание патриотизма, одним из важных средств для решения этой задачи?

Бибеш Дьердь (Печский университет): Учебник истории рассматривается в Стандарте как своего рода навигатор, компас, помогающий ориентироваться в исторических процессах. Он базируется на определенном понимании истории, определенной системе ценностей и должен помочь российским школьникам выработать цельный, последовательный взгляд на историю. Представляется, что концепция нова в структурном и методологическом отношении и гораздо лучше соответствует современному состоянию исторической науки.

Из этого следует, что и деление российской истории на периоды также отличается от привычного. Например, эпоха, которой занимаюсь я (XIX в.), представлена как некое комплексное единство. Видимо, российские историки восприняли теорию «долгого XIX века»: история России от убийства Павла I до выхода из Первой мировой войны видится им единым процессом.

Интересно, что, представляя царствование Александра I, Стандарт делает акцент на реформах и победе над Наполеоном. Конечно, упоминаются декабристы. А вот «консервативному повороту» посвящено лишь полпредложения, имя Аракчеева появляется только в «Персоналиях», в то время как имя Сперанского фигурирует на видном месте.

Царствование Николая I понимается как время «государственного консерватизма». При этом указывается и на позитивные тенденции – на

пример, на начало реформаторства, появление крупных интеллектуальных течений, формирование профессиональной бюрократии.

Новые акценты заметны и при описании царствования Александра II. Хотя и доминируют либеральные тенденции, власть остается сильной. Применительно к эпохе Александра III слово «контрреформы» поставлено в кавычки; ударение сделано не на прекращении реформ, а на «консервативной стабилизации» и на расширении государственных границ.

В связи с более поздними временами в Стандарте появляется новая категория – «социум». Здесь говорится о сельском мире, являвшемся фундаментом империи, о процессах урбанизации, о механизмах пробуждения общественного сознания, о главных течениях и школах общественной мысли. В рамках этнокультурного подхода уделяется внимание истории народов империи, а также национальной и региональной политике.

Особый раздел отводится кризису рубежа XIX и XX вв. В основном он выводится из промышленного развития и роли отечественного и иностранного капиталов. Указывается и на противоречия между городом и деревней, а также на нерешенные проблемы развития. В истории первой русской революции авторы Стандарта сочли нужным выделить появление парламентаризма и многопартийности. Акцент делается на Манифесте 17 октября 1905 г. и Законах 23 апреля 1906 г., а также на деятельности государственных дум. А вот монархистское движение, спасшее режим, и погромы в Стандарте не упоминаются.

Евгений Курунчи (Педагогический институт, Бекешчаба): Сначала хотелось бы сделать несколько общих замечаний. Следует признать безусловно обоснованным стремление российских историков интерпретировать национальное прошлое в связи со всемирно-историческими процессами, подчеркивая при этом российские особенности. Конечно, история важна для воспитания патриотизма, для укрепления национальной идентичности. При этом надо помнить: для выяснения причин исторических трагедий как в науке, так и в общественном мнении необходимы споры, столкновения различных мнений.

Что касается характеристики отдельных исторических периодов, то здесь остаются неясности. Непонятно, к примеру, каковы характер и результативность реформ Петра I, смогли ли они в длительной перспективе обеспечить государственный порядок и социальную стабильность. Вызывает вопросы оценка эпохи преобразований с 60-х годов XIX в. до 1917 г. Конечно, в результате освобождения крестьян и других великих реформ в стране произошли важнейшие перемены, однако следует подчеркнуть и особенности, коренящиеся в российских условиях. Я считаю, что в царствование Александра II действительно была осуществлена модернизация в социальной, правовой, административной, образовательной и других областях. В начале XX в. Россия сделала первые шаги в сторону буржуазно-

го парламентаризма, правового государства и многопартийной системы. Однако по различным причинам этот процесс не был завершен. Эти сложнейшие эпохи просто требуют обсуждения – они по сути своей неоднозначны, дискуссионны.

Тамаш Краус (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт): Стандарт – очень поучительный материал для всех, кто занимается российской и советской историей. В нем выходят на поверхность практически все важные проблемы истории, ее изучения и преподавания, накопившиеся после 1991 г. Безусловно, положительным является намерение преодолеть в учебниках одностороннюю установку на политическую историю и предложить новые теоретические и методологические подходы.

При этом есть и безусловные недостатки, перекосы в рассмотрении исторического процесса. Так, в разделе о советской эпохе не освещена роль нескольких важных исторических личностей. Прежде всего бросается в глаза неадекватная оценка основателя Советского государства В.И. Ленина. С этим связано и отеснение на задний план историко-теоретических проблем социализма (а также темы российской «отсталости», национального вопроса). В тени остались, например, расизм и диктаторская основа *белого движения* и остальных политических сил, выступавших против большевиков.

Представляется также, что авторы Стандарта могли бы сильнее подчеркнуть андроповские источники и хрущевские предпосылки первоначального теоретического содержания перестройки. Вообще чрезвычайно важно акцентировать причинно-следственные связи исторических переломов и изменений по отношению ко всему XX в.

С 1920-х годов множество споров как в российской и зарубежной исторической науке, так и в политике вызывает периодизация российской и советской истории. Это понятно: выделение одних проблем, процессов и событий и замалчивание, пренебрежение другими имеют практическое и теоретическое значение. Поэтому необходима открытая полемика с фальшивыми теориями, возникшими по политическим мотивам. Не случайно в наши дни столь популярна одна из теорий времен холодной войны, которую обычно называют «теорией тоталитаризма». Особенно нелепо, что эта концепция так влиятельна в России. Обратимся к примеру Великой Отечественной войны. Если два режима, если Гитлер и Сталин «по существу одинаковы», как провозглашает эта «теория», то смывается граница, разделяющая «хорошую и плохую» стороны на той войне. В конечном счете исчезает разница между палачами и их жертвами. В методологическом плане «теория» тоталитаризма является вывернутой наизнанку мыслью сталинского происхождения, согласно которой история Советского Союза должна рассматриваться как прямолинейный процесс построения социализма.

Быть может, важнейшим исходным положением Стандарта является признание того, что любое событие, любой перелом в истории СССР неотделимы от основных процессов мировой истории. Это положение составляет предпосылку предлагаемой мной исторической периодизации. Важнейшие скачки, изменения в развитии всегда происходили тогда, когда совокупность политических, экономических, социальных и ментальных процессов и явлений выдвигала перед руководящими группировками советской власти и различными социальными слоями и классами исторические альтернативы. Мне представляется, что история СССР не может быть втиснута в два или три периода развития, как предлагается в рассматриваемой концепции. Необходимо ясно различать шесть периодов (1917–1921, 1921–1929, 1933–1953, 1956–1968, 1973–1985, 1985–1991), внутри которых можно выделить «подпериоды» или переходные этапы, переломные моменты (1929–1933, 1953–1956, 1968–1973). Это направляет в определенное русло и спор о границах периодов. Конечно, эти границы не могут быть абсолютными – всегда очень важно учитывать сложные взаимосвязи континуитета и дисконтинуитета между различными этапами развития.

**ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЕНГЕРСКОМУ
ОБСУЖДЕНИЮ РУССКИХ ВОПРОСОВ**
(*В форме диалога: Ю.С. Пивоваров – И.И. Глебова*)

И.И. Глебова: Юрий Сергеевич, мне кажется, мы получили очень интересный материал от наших венгерских коллег. А поскольку разговор о новом Стандарте проходил в рамках венгерской части российско-венгерской комиссии историков, то я, как член этой комиссии с российской стороны, предлагаю Вам, как ее сопредседателю, обсудить присланный нам текст.

Ю.С. Пивоваров: Я согласен, материал интересен. Кстати, подтверждается давнее мое наблюдение: венгерская историческая русистика находится на высоком уровне и, что особенно важно, извиняюсь за штамп, держит руку на пульсе времени. Еще одно замечание – может быть, и не решающее в контексте нашего разговора, но имеющее, на мой взгляд, большое общее значение. Лучшим венгерским русистам (не только историкам) как мало кому за рубежом удается проникнуть во внутренние структуры и содержание российской жизни. Говоря проще, они многое из того, что делается и делалось у нас, видят примерно теми же глазами, что и мы. Можно было бы сказать, что этому помогает наш недавний общий коммунистический опыт. Но, к примеру, в Польше и Чехии крайне редки историки с пониманием, сопоставимым с венгерским. Наряду с этим наши друзья из Венгрии смотрят на Россию и с определенной дистанции, с расстояния (на что мы, по определению, не способны). И сочетание двух этих подходов делает их видение стереоскопическим. Или иначе, один и тот же предмет рассматривается с разных позиций.

Теперь непосредственно о содержании. Выступления участников дискуссии очень разные, но их объединяет доброжелательное и понимающее отношение к самой идее создания Стандарта, написания единого учебника, к тому, что «заказчиком» выступило государство. И что в результате все это может вылиться, как полагают наши коллеги, в создание столь необходимой для современной России «легитимационной идеологии». Более того, в дискуссии прозвучала и печальная мелодия: мол, жаль, что у нас, в Венгрии, ситуация складывается иным образом.

Мне, безусловно, лестно такое доброжелательное понимание и даже сочувствие венгерских коллег. И все же должен сказать им: всю эту историю со Стандартом и единым учебником надо поставить в контекст той политики (внешней, внутренней, культурной, идеологической), которую проводит наша власть. В таком контексте формируемый ныне исторический мейнстрим поразительным образом напоминает хорошо известные (и венгерским коллегам тоже) эпизоды советской истории – от Ленина до Черненко. Держать, не пушать, единомыслие, единогласие, все контролировать, инакомыслящим по зубам... Я, по известной своей склонности, перебарщиваю? – Увы, нет. Почитайте, *какие* тексты по русской истории публикуются в теоретическом органе «Единой России» – «Стратегия России», *что* официально заявляют первые лица государства, *как* проходят обсуждения Стандарта... Что же касается «легитимационной идеологии», то, обращаясь к моему близкому другу Дюле Сваку, скажу: она уже готова, и ты ужаснешься, познакомившись с ней.

И вдогонку, чтобы все-таки быть *адекватно* понятым. Любое общество действительно нуждается в консенсусном самопонимании. Но – не в навязанной сверху и дискриминирующей иные, строго обязательной и очень определенной (т.е. с четко определенных позиций) трактовке прошлого.

Особняком, конечно, стоит выступление профессора Тамаша Крауса. Это один из самых серьезных в Венгрии исследователей советской эпохи, и прежде всего ее начальных этапов. Но Краус – не просто ученый. Он и политик, и политический мыслитель. Его социальное мировоззрение очень условно можно определить как неомарксистское и современно-социалистическое. Он глубоко убежден в том, что ни марксизм в его нынешнем западном изводе, ни социализм не потеряли своей исторической актуальности, и их час, не исключено, еще придет.

Сначала «по мелочи». Краус и некоторые другие участники дискуссии справедливо указали, что в Стандарте минимизирована и неадекватно оценивается роль Ленина в истории. А вот не «по мелочи». Краус утверждает, что в Стандарте практически ничего не говорится о «расизме и диктаторской основе белого движения и остальных политических сил, выступавших против большевиков».

Я знаю эту мысль Крауса. Несколько лет назад в Будапеште на одной из международных конференций, проводимых Центром русистики, Тамаш горячо отстаивал прогрессивность и демократичность «красных», противопоставляя этому диктаторство и реакционность «белых». Причем конкретных «белых» – деникинских армии и режима. На мой вопрос: а какие у него есть доказательства к этому утверждению, он приводил разные примеры, но главный его тезис заключался в том, что «деникинцы»

(и вообще все «белые») были антисемитами и устраивали еврейские погромы. Именно это и было сутью Белого движения.

Сначала мне показалось, что это мнение даже с точки зрения позиции, занимаемой Краусом, не вполне релевантно. И будь я на его месте, то пытался бы привести другие, более весомые аргументы. Кстати, заметил я ему тогда, антисемитизм существовал и в рядах «красных». Он вообще был характерен и актуален для той России. И армия Буденного была замечена в погромах не менее, чем войска Мамонтова и Шкуро. (Хотя, разумеется, наличие в большевистской верхушке большого числа евреев и интернационал-марксизм «красных» резко ограничивали возможности проявления антисемитизма.)

Однако по прочтении этого выступления Крауса (т.е. я сейчас говорю не только об этой теме, но вообще о содержании всего выступления) становится ясным: тогдашний его вывод не только не случаен, не только не поверхностен, но, напротив, в рамках его видения абсолютно точен. Главное зло XX столетия Краус видит в национал-социализме (согласен, но только вкупе с русским коммунизмом). Основа же, главный нерв национал-социализма – антисемитизм. Эту вполне правильную (хотя можно было бы и дополнить) мыслительную конструкцию он переносит на «белое» движение, тем самым загоняя его в компанию носителей абсолютно зла. Попутно в этот же круг попадают и остальные антибольшевистские силы – например, эсеры, меньшевики, анархисты.

Мне кажется, что такое видение полностью неадекватно той социальной борьбе, которая шла в России в 1917–1921 гг. Я не хочу выступить в роли защитника «белых», хотя все мои симпатии на стороне этого движения. Ведь их основной целью была не реставрация самодержавно-крепостнической России, а попытка вернуть страну на путь реформ и эмансипации. Более или менее успешно Россия шла по нему с начала 60-х годов XIX столетия. При этом, разумеется, я отдаю себе отчет, что «белые» допустили немало роковых ошибок и что в их рядах действительно находились силы черносотенной ориентации (но все-таки не они определяли движение в целом).

Но я – о другом. Главное, что сделал Краус – содержание и структуру одной идеологии перенес на другую. Тем самым расправившись с ней. А это, пожалуй, самое опасное для современного мышления...

Нельзя пройти мимо и другой мысли Т. Крауса. Он пишет: «Необходима открытая полемика с фальшивыми теориями, возникшими по политическим мотивам». В качестве примера приводит теорию тоталитаризма. Ему кажется нелепым, что она популярна в России. По мнению Тамаша, абсолютная неадекватность тоталитаристского подхода особенно ярко обнаруживает себя при сопоставлении Гитлера и Сталина. Если гитлеровский и сталинский режимы по своей сути одинаковы, как это утвер-

ждают сторонники теории тоталитаризма, то исчезает разница между палачами и жертвами, «хорошей» и «плохой» сторонами Великой войны. Прочтя это, я поразился удивлению замечательного историка. Можно соглашаться или не соглашаться с теорией тоталитаризма, но ведь она и создавалась в ходе анализа того, что происходило в Германии и России. То есть и на русском материале тоже. Да хотя бы поэтому всегда найдутся люди, которые будут ее применять к нашей истории. Она же во многом нам и посвящена.

Хотел того или нет Т. Краус, но, по его логике, гитлеровский режим был «плохой» стороной, а сталинский – «хорошей», Гитлер – палачом, а Сталин – жертвой. Однако ведь теория тоталитаризма утверждала, что Гитлер и Сталин и их режимы были палаческими. А жертвами считала тех, против кого они были направлены. В Германии это прежде всего евреи, а в СССР, как это выяснилось со временем, – весь народ. Но поразительно другое. Выступив против теории тоталитаризма и одновременно защитив от нее советскую историю, Краус неожиданно заявляет: «В методологическом плане эта “теория” является вывернутой наизнанку мыслью сталинского происхождения». Этим выводом он полностью разваливает свою позицию и в интенции оправдывает теорию тоталитаризма. В методологическом плане.

А вот теперь то главное, что я хочу адресовать Т. Краусу. Напомню: он призывает бороться с фальшивыми теориями, возникшими по политическим мотивам. То есть различает, так сказать, научные теории, рожденные в рамках исследовательской деятельности, и, скажем осторожно, не вполне научные, даже фальшивые. Далее – внимание: «инспирированные политическими мотивами». Зная (а Т. Краус тоже знает) политическую реальность современной России: подъем реваншистско-черносотенного настроения, воинствующего антизападничества и проч., а также то, что власть все больше и больше склоняется к подобного рода идеологиям, мы можем сразу же сказать, против каких теорий будет направлена идеологическая репрессия. И в этом смысле позиция моего друга Т. Крауса кажется мне и ошибочной, и опасной.

В заключение скажу: публикация всего этого материала, этой дискуссии крайне полезна для российской науки. Наши венгерские друзья очень точно указали на определенные изъяны, недостатки Стандарта, что позволяет, раз уж операция по его созданию удалась, минимизировать некоторые его негативные потенциалы. Более того, анализ Стандарта, проведенный коллегами из Венгрии, весьма полезен при подготовке единого учебника, поскольку обращает наше внимание на те темы, которые необходимо обдумать заново.

И.И. Глебова: Да, венгерский взгляд на наши дебаты по поводу истории дает повод еще раз задуматься, оценить собственную позицию.

Возьмем вопрос учебника, который продолжает у нас активно обсуждаться. Он действительно важнейший, если не первоочередной для нашей страны. Современные общества регулируются в том числе и через «политику памяти»; историческое образование – один из важнейших таких регуляторов. От того, какими будут учебники истории, во многом зависят общественные взгляды на прошлое, а значит, позиции по отношению к настоящему и будущему. То есть учебник истории – не просто книжка, это национальные перспективы.

Имея в виду именно эти перспективы, я бы хотела сказать несколько слов. Назначение учебника, в известном смысле, – охранительное. Учебник «работает» на то, чтобы история стала внутренним опытом, внутренним переживанием молодого (и маленького) человека. Школьная история, конечно, не должна его травмировать, отвращать. Ее назначение – помочь углубиться в свое прошлое, ощутить свои корни, свою связь с этим пространством, ландшафтом, социальной средой, культурой. Чем младше школьник, тем осторожнее следует быть с его сознанием, памятью, тем деликатнее должны быть исторические трактовки. Когда я говорю о деликатности, то имею в виду склонности и к героизации, и к драматизации прошлого.

Но охранительством в этой (повторю, чрезвычайно чувствительной) сфере нельзя ограничиться. Историческое образование действительно формирует и соответствующую личность, и соответствующие общественные ориентации. Оно либо приучает думать, сомневаться, задавать вопросы, видеть альтернативы, сочувствовать жертвам, различать победы и трагедии, либо отучает от всего этого. Ученик должен получить от школьной истории опыт нормальной социализации: не только основание гордиться прошлым страны, но и прививку (в доступных и щадящих формах) против веры в спасительность общих для всех высоких целей, ради которых в топке истории можно спалить миллионы жизней.

Задача школьной истории – дать адекватный взгляд на прошлое: адекватный его сложности, неоднозначности, трагичности. Ощущение сложности прошлого и своей к нему принадлежности и формирует современного человека, в сознании которого национальное не конфликтует с интернациональным, «свой» мир не отгорожен от мира других людей. Это «содержание» важнее тех «форм», которые школьная история, школьное преподавание могут принять в разные эпохи.

История не должна расслаблять, давать ощущение избранности, в ней не может быть запретных зон. Причем это касается именно школьной истории. В период взросления человеку необходимо узнавать, обсуждать, гордиться, сопереживать, испытывать потрясения, вырабатывать иммунитет против ненависти, насилия, произвола. Из этого вырастает патриотизм как сознание позитивной связи со своей страной. На ограничениях, запре-

тах, толковании всего «своего» как героического, допустимого, приемлемого не сформировать современную идентичность, «склоняющую» к развиту.

Нынешний российский учебник, концептуально уже выстроенный в Стандарте, всего этого дать не способен. Он рассчитан на то, чтобы убедить (предохранить) человека от его истории, не дать им столкнуться, проникнуть друг в друга. Концепция учебника строится в соответствии со знакомым с застойно-советских времен «дистиллированным» взглядом на прошлое, как будто нарочно запутывающим человека в понимании того, «что такое хорошо» и «что такое плохо». Это не способно «зацепить». Охранительная в этом смысле школьная история будет формировать вовсе не патриота, а равнодушного, конформного потребителя, заикленного только на себе, готового согласиться (дать санкцию) с любым общественным проектом. Мне кажется, эта внутренняя установка Стандарта и есть его главный минус, главный изъян. Именно это будет иметь нежелательные социальные последствия.

И, конечно, нельзя уйти от той темы, о которой говорили Вы, Юрий Сергеевич: какой оборот приняла дискуссия об учебнике истории, об отечественном прошлом в последнее время.

«СМЕСЬ»: УСТАНОВКИ И МНЕНИЯ

Материалы «круглого стола» «Историческая традиция и учебники истории», проведенного Комитетом по образованию Государственной Думы 8 апреля 2014 г.¹

Из доклада Никонова В. «Российская историческая традиция»:

...Государственность России – это не механизм управления, который основывается на принципе «договора» людей во имя общих дел и идей, для реализации которых граждане отказываются от части своего естественного суверенитета. Государство часто воспринимается как синоним Отечества, как стеновая хребет цивилизации, гарант существования общества, устроитель жизни...

У россиян достаточно сильно развита национальная гордость. Но у них нет национального чванства, претензии на мессианскую исключительность. При этом они очень критичны в отношении самих себя, им свойственна самоироничная отстраненность...

Интеллигенция во все времена оставалась в оппозиции к власти, и ее оппозиционность всегда резко нарастала в условиях либерализации режима, который критиковался за недостаточность или неискренность либерализации. Если западный интеллигент предлагал продукт своего труда и стремился на нем заработать, пытаясь использовать государство в своих целях, то русский интеллигент искал справедливости и работал на ослабление или свержение любой власти. На все времена справедливы характеристики авторов «Вех», данные русской интеллигенции: оторванность от жизни, прекрасодушие, сомнение, неприятие инакомыслия, отвлеченный догматизм, героический максимализм, историческая нетерпимость, отсутствие чувства связи с прошлым страны...

Русская православная церковь во все времена выступала фактором государственного единства, играла огромную роль в сохранении национальной идентичности, выступала культурным стержнем, идейным столпом сопротивления агрессорам...

¹ См.: Стратегия России. – М., 2014. – № 5 (125). – С. 5–36. В.А. Никонов – председатель Комитета Государственной Думы по образованию.

Россия до начала сталинских индустриализации и коллективизации даже близко не подходила к западному уровню урбанизации...

С победой большевистской революции впервые в истории в крупной стране к власти пришел режим, не только открыто отвергавший западные ценности, но и предлагавший им радикальную альтернативу в глобальном масштабе. Советская Россия была исторгнута из европейской системы...

Обособление России было особенно зримо прочерчено расширением Европейского союза и НАТО, определившим восточные границы Запада, и реакцией Запада на воссоединение с Крымом...

А. Чубарьян (директор Института всеобщей истории РАН): ...Мне кажется, главная задача состоит сегодня в том, чтобы в преподавание истории включить воспитательную функцию... <Школьная история> должна быть фактором бесспорной консолидации даже ценой, может быть, отказа отдельных авторов от тех точек зрения, которые они исповедуют в своей монографической практике...

Самым сложным в разработке оказался XX век. Мы предложили новый подход к пониманию революции. И самое главное, мы попытались показать значение советского строя, советского периода в жизни страны. Мы предложили формулу советского варианта модернизации. И он вызвал большое отторжение, между прочим справа. Наша либеральная часть общества посчитала, что к эпохе Сталина вообще неприменимо понятие «модернизация»... Мы внесли содержательный элемент, показывая и трудности, и перегибы, и ошибки, и репрессии, но в то же время это было движение вперед в плане модернизационного развития страны, науки, культуры, образования...

И. Яровая (председатель Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции): ...В последнее время формировалась тенденция, когда каждый пытался вложить в учебник истории свой индивидуальный взгляд и понимание того, как строилось наше великое Отечество. Это и привело к тому, что не реализовывался главный конституционный принцип – единство образовательного пространства, общедоступности и качества образования.

...В учебники истории перекочевала ущербная политическая позиция – якобы в истории государства Российского есть позорные страницы, которые требуют постоянного оправдания. И эта упадочническая риторика нашла отражение в учебниках. Просто процитирую названия разделов и глав: «Слово о погибели русской земли», «И пошел брат на брата», «Пришла беда больше прежних бед», «Беда не приходит одна»... А вот еще: «Мы долго молча отступали», «Россия в огне».

Проявляется настойчивое сравнение России с другими, так сказать, цивилизованными странами, в том числе и с США. Однако в таких учебниках нет упоминания, что государственности США – 238 лет и столько

же лет нашему Большому театру. Зато постоянно подается самоуничижительное сравнение российской цивилизации с другими...

Т. Шевкунов (архимандрит, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре Московской патриархии РПЦ): ...1990-е и 2000-е годы были временем тотальной дегероизации российской истории. Результат этого у нас перед глазами. В то же время именно герои, и никто иной, наделены историей, обществом, промыслом Божьим важнейшей функцией – передача высших духовных ценностей, вечных ценностей из поколения в поколение. ...Представляется, что в создании учебника истории необходимо представить пантеон героев... Не побояться осуждения, криков либеральной общественности. Этот пантеон героев воспитает людей...

И. Фроянов (профессор Санкт-Петербургского государственного университета): ...У государства имеются свои взгляды на историческое развитие, свои предпочтения. Вот в соответствии с этими взглядами и предпочтениями и надо писать новый школьный учебник по истории. Иными словами, государство должно полностью взять в свои руки подготовку учебника, не обращая внимания на крики, издаваемые либеральной общественностью. Наше государство есть продолжение российского общества, нашего народа. Вот почему школьники должны усвоить мысль об огромном значении государства в жизни России, прошлой и настоящей. Это тем более необходимо, что у нас в результате многолетней обработки общественного сознания средствами массовой информации сложилось представление о несовместимости интересов личности и государства. Это глубокое заблуждение, пропагандируемое либеральными СМИ с целью расшатывания основ российского бытия...

С. Мироненко (директор Государственного архива РФ): ...Сегодняшнее обсуждение показало достаточно широкий спектр мнений о том, каким должен быть современный учебник истории. И единственное, мне кажется, что здесь не прозвучало, это слово «правда». Говорили обо всем: о пропаганде, о воспитании, но не говорили, что самое главное – это правда. А ведь только правда воспитывает. И когда отец Тихон говорил о героях, мне все время как-то не хватало антигероев. История ведь не состоит только из героев. Если мы будем мифологизировать историю, получится мифологизированная история...

Из статьи В. Багдасаряна «История и государственная политика»¹

Ни одно государство не может существовать исключительно на материальном фундаменте. У каждого из государств имеются базовые цен-

¹ См.: Стратегия России. – М., 2014. – № 3 (123). – С. 33–46; № 4 (124). – С. 47–62; № 5 (125). – С. 55–70; № 6 (126). – С. 49–60. В.Э. Багдасарян – заведующий кафедрой истории Московского государственного университета сервиса.

ностные основания его бытия. Проявляются они как исторически воспроизводимая матрица жизнеустройства. Соответственно, и выявление их осуществляется преимущественно на основе исторического анализа. Через традиции осуществляется межпоколенческая ценностная трансляция, обеспечивающая накопление исторического опыта и устойчивость самоидентификации социума...

Острые, имеющие по многим параметрам кризисное проявление проблемы современной России определяются в значительной мере дисфункцией истории.

Функциональное назначение истории раскрывается... по двум интегрированным функциям – познавательной и социальной. Обе эти функции в настоящее время реализуются минимально. Необходимым для исправления сложившейся ситуации является целевое государственное вмешательство. Это вмешательство может быть выстроено в рамках государственной исторической политики...

В своей тысячелетней истории Россия имеет существенные отличия от западной системы жизнеустройства. Она и позволила нашей стране обеспечить себе статус мировой державы, противостоять полчищам внешних агрессоров, осуществить хозяйственное освоение крупнейшего территориального пространства в мире...

В России признанной версии истории до настоящего времени нет... Между тем на уровне высшей государственной власти как минимум запрос на цивилизационно ориентированную версию российского исторического прошлого существует. Об этом свидетельствуют, в частности, слова Владимира Путина: «Что же касается каких-то проблемных страниц нашей истории, да, они были. Как они были в истории любого государства. И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы. Но и в других странах пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения, мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную войну, как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц, как нацизм, например, и нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины». Соответственно, необходим государственный документ, манифестирующий видение российским обществом своего прошлого...

В СССР для выражения имманентной идеологичности истории (жестче – ее «партийности») использовалось одно время понятие «исторический фронт». Затем от него отказались как от политизирующего научное знание. Но фактом является то, что история более других наук используется в борьбе идеологий...

Существует одновременно несколько правд. Каждое историческое событие и явление может быть изложено с различных позиций. В значительной мере эти позиции определяются выбором концепции истории. Установить правильность освещения означало бы признать правильной одну из концепций. А это – государственная идеология, разрыв с доктриной деидеологизации...

Хронологически демонтаж СССР начался, как известно, с историографической кампании. Ее начало было приурочено к 70-летней годовщине Октябрьской революции. За ревизией истории следовали соответствующие политические выводы. Ревизия прошлого шла в направлении от осуждения сталинизма к дезавуированию всего исторического опыта России...

Одним из вызовов времени является новое усиление информационно-идеологического давления на Российское государство со стороны различных акторов мировой политики. Давление извне корреспондируется с выступлениями внутри России. История в данном случае используется в качестве одного из главных инструментов...

Россия исторически выступала под разными идеологическими маркерами. В XX столетии ее позиционирование связывалось с идеологией коммунизма. Реально выстроенная система жизнеустройства имела мало общего с моделью коммунистического общества в изложении К. Маркса. Во многих своих чертах она репродуцировала традиционные для России цивилизационно-ценностные накопления. С этой точки зрения осуждение реального, исторически воплощенного коммунизма было адресовано не столько против Марксова учения (на теории К. Маркса по сей день выстраивается идеологическая платформа европейской социал-демократии), сколько против России...

Чем могла бы ответить Россия в законодательном плане? Наиболее очевидный ответ – это установление норм, вводящих ответственность за проявления россиефобии, включая россиефобские оценки, экстраполируемые в прошлое. Действующего законодательства в данном случае недостаточно. Речь не о русофобии, как проявлению ненависти к русскому народу, а именно о россиефобии. Если механизмы законодательного пресечения разжигания ненависти на национальной и расовой почве существуют, то на почве вражды к стране, ее традициям, цивилизационно-ценностным накоплениям и жизненным укладам до настоящего времени отсутствуют. В рамках закона «О противодействии экстремистской деятельности» соответствующие вызовы, связанные с дезавуированием российской истории, естественно, не могут получить ответа.

Отсутствует собственная россиецентричная концепция исторического процесса. По сути дела, нужна новая историософия. Ее нет, и задачи ее выдвигания академической наукой не ставятся...

Воспитательная функция истории не может быть реализована должным образом по элементарной причине отсутствия перечня закрепленных на государственном уровне общенациональных ценностей России...

Как правило, учебная историческая литература направлена на сакрализацию прошлого, на ее героизацию, акцентировку на светлых страницах, великих свершениях. То, что преподносится во многих российских учебниках – это, напротив, демонизация истории, по существу дезавуирование собственного национального прошлого.

Любой претендующий на самопроизводство во времени социум должен иметь не только представление о едином прошлом, но и сакральную историческую матрицу – «священную историю». «Священная история» отличается от истории в позитивистском изложении...

На стадии социализации юноши, когда его ценностные позиции только формируются, говорить ему о том, что все исторические факты интерпретируемы, все великие свершения оспариваемы, а все герои мифологичны, означает целенаправленный подрыв воспитательных функций образования...

Советский опыт формационного осмысления истории справедливо критиковали с позиции науки как проявление идеологии. Но, отказавшись от него, другой концепции не предложили. Возникла боязнь любых концептуальных обобщений, без которых история не может представлять ничего, кроме бессвязного потока информации...

Познавательная функция истории непосредственно связана с состоянием государственного управления. Государственное управление выстраивается в значительной степени через «уроки истории». Если не извлекаются уроки или извлекаются ошибочные выводы, то государство развивается по сценарию неуспешности. Именно таким игнорированием собственного исторического опыта явились реформы второй половины 1980-х – 1990-х годов...

В основу преподавания положен фактографический, а не процессный подход. Но при таком подходе проецирование будущего невозможно. История оказывается бессвязным потоком фрагментов прошлого. Более того, ввиду интерпретируемости любого исторического факта сознание учащегося оказывается объективно ввергаемо в состояние фрустрации...

Идеологически нейтральных школьных учебников истории не существует. Идеологией декларативно деидеологизированных учебников прежней генерации являлась теория неоллиберализма. В последние годы все определеннее осознается потребность нового, цивилизационно ориентированного конструирования учебной исторической литературы...

Значимую проблему представляет раскол в восприятии истории между народом и научным сообществом историков. Сложилась две антагонистические модели национальной рефлексии прошлого – официально-

учебная и народная. Народная версия выстраивается, по сути, на матрице исторических кинолент 1930–1940-х годов. Официально-учебная в значительной степени построена на ревизии этой матрицы, связываемой с наследием советской историографии...

Элита оторвалась в своих оценках и интерпретациях от традиций национального осмысления прошлого...

Национальным героем России может быть и не Сталин, но, безусловно, эта фигура должна аккумулировать запросы россиян на выдвигание образа державного правителя.

Народ навязываемой либеральной версии изложения истории не принял. Это был очевидный публичный провал всей постсоветской историографии...

Безусловно, либеральную западническую версию истории, занимавшую доминирующие позиции в российской историографии, необходимо было низвергнуть с пьедестала. Критика ее необходима для формирования цивилизационно идентичной концепции российского исторического процесса...

Подрыв оснований существования российского социума может осуществляться через воздействие на психику человека. Прямым путем психологической дезориентации является разрушение традиционных координат смысла жизни. Посредством запуска механизма перманентных социальных потрясений у народа формируется чувство неуверенности в завтрашнем дне, вызывая рост психологической дискомфортности. Достигается состояние повышенного стресса у российского населения. Результатом информационного шокового поражения является психическая деструкция личности. «Переоткрытие страниц прошлого» выступает традиционно одним из наиболее сильных детонаторов таких потрясений.

В целях предотвращения указанных угроз государство должно взять на себя защиту психологического и психического здоровья граждан. Преподавание истории и историческое просвещение должны вестись с учетом указанного ограничителя. Отсюда необходимость цензурирования информационной раскрутки конфликтосодержащих и потенциально стрессорных тем истории (предпочтительность в определенных случаях «исторического забвения»)...

В большей части новых федеральных государственных образовательных стандартах вместо дисциплины «История России» введена дисциплина «История»... Предлагаемый выход видится в принципиально новой методологической постановке. Вместо освещения истории России через призму мировой истории, напротив, освещение мировой истории через призму российского исторического процесса. История мира предстает под российским углом зрения, с позиций реализуемой Россией ее исторической миссии...

История может собирать социум, а может и разобщать. Следовательно, все зависит от того – интеграционные или дезинтеграционные представления получают доминирование в историческом сознании. В последние два десятилетия доминировали тенденции преподнесения истории в ракурсе дезинтеграции...

Перед Россией на всем протяжении ее истории, начиная со времен древнерусской государственности, стояла задача форсированной модернизации. Отсюда – особая роль государственной власти, как силы, мобилизующей народ на свершения...

Задача, стоящая перед Российским государством в каждую конкретную историческую эпоху, состояла в нахождении соответствующей духу и реалиям времени мобилизационной идеологии. Идеологическая рефлексия прослеживается на всем протяжении российской истории... Идеология без концептуально осмысленной истории невозможна...

Необходима разработка государственного документа, предлагающего аккумулятивное изложение исторического прошлого России. Таким документом могло бы стать, например, Послание президента об «историческом опыте России». Необходима номинация и последующая пропаганда исторически идентифицированных ценностных оснований российской государственности. Разработка с позиций выявления российских цивилизационно-ценностных накоплений курсов истории государственной идеологии России должна сформулировать общественный запрос на новую модификацию российской национальной идеи. Государство должно взять на себя организацию научного дискурса об исторической миссии России. Значимыми шагами в этом направлении может стать утверждение историософии как специальности ВАК, внесение историософских курсов в университетские программы. Особая потребность существует в создании Совета по отстаиванию интересов России на международной арене по направлению истории. Необходим мониторинг тенденций формирования исторического образа России в мире, организация соответствующей пропаганды и контрпропаганды...

Формирование исторической государственной политики России является сегодня вопросом ее цивилизационного выживания. Без этой политики невозможно поддерживать духовные скрепы российской государственности, о которых говорил президент в послании Федеральному Собранию 2012 г. Без этой политики власти, не получив уроков истории, будут в своих управленческих решениях наступать на одни и те же грабли.

**Историю нужно защищать не политикам,
а от политиков. Почему депутаты любят
эксплуатировать память о войне
и советском прошлом¹**

Председатель Комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков предложил обсудить возможность принятия закона о защите российской истории. Он считает, что «желающих исказить нашу историю и нашу точку зрения очень много за рубежом и, к сожалению, внутри самой России». Свое заявление Пушков сделал в связи с обсуждением в Сейме Латвии поправок, предусматривающих уголовную ответственность за отрицание как нацистской, так и советской оккупации страны.

Предложение Пушкова – не первая историко-политическая инициатива Госдумы за последнее время. Совсем недавно группа депутатов во главе с Ириной Яровой вновь призвала нижнюю палату законодательно бороться с «оправданием нацизма». Депутаты активно подключились и к обсуждению недавно обострившейся блокадной темы².

История, которую хотят защищать парламентарии, почти всегда является историей советской или военной. В этом, разумеется, нет никакой случайности. Война для многих остается частью если не личной, то по крайней мере семейной памяти. Другими словами, это тема деликатная, при обсуждении которой даже интонационные оттенки могут восприниматься остро. Позитивный образ советской истории, в свою очередь, был и остается своего рода терапией для людей с негативным опытом 90-х. Мало кто отрицает, например, факт репрессий или одобряет их, но при этом сильна убежденность в том, что общий баланс советского периода – положительный. Отсюда неприятие негативных терминов вроде «оккупация» применительно к отношениям СССР и балтийских стран.

Любой языковой или смысловой сдвиг (особенно жесткий) в разговоре о советской истории может вызывать раздражение у граждан, травмированных 90-ми или сохранивших представления о войне как табуированной теме. Такой сдвиг воспринимается как покушение на целую

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2014. – 14 февр.

² 27 января 2014 г., в день 70-летия снятия ленинградской блокады, телеканал «Дождь» провел опрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» (был опубликован на сайте и проводился в эфире программы «Дилетанты»). Опрос вызвал бурную общественную реакцию, по преимуществу негативную: большинство высказавшихся (прежде всего официальные лица) сочли его кощунственным, канал обвинили в оскорблении памяти жертв блокады и ныне живущих блокадников. Даже защитники «Дождя», протестуя против примененных к нему санкций, назвали вопрос «о сдаче» непрофессиональным, неправомерным и проч. Телеканал вскоре закрыл опрос, назвав его ошибкой, и извинился. Затем назначил на 2 февраля телемарафон о патриотизме, что, впрочем, не помогло ему выжить. – *Прим. ред.*

картину мира, привычную и успокаивающую. Политики, включая партию власти, пользуются этой эмоциональной привязанностью своей аудиторией. Она способна создать одобрительный фон, дать моральное обоснование любой инициативе, включая абсурдные, чреватые злоупотреблениями, потенциально репрессивные.

Историческая политика активно практикуется как в постсоветском, так и шире – восточноевропейском пространстве, становясь наряду с религиозностью частью дискурса консервативных элит. Это происходит в Прибалтике, Украине, Польше, Венгрии, аналогичные тенденции наблюдаются и в России. Элиты, эксплуатирующие образы враждебной советской России или, напротив, положительного советского прошлого и неблагодарных бывших союзников, в действительности подыгрывают друг другу, позволяя переводить актуальную политику в область состязания мифов и эмоциональности, порой граничащей с истерикой.

В действительности если историю и нужно от кого-то защищать, то от политиков и их стремления вмешиваться в сферы, вполне способные к самоорганизации, живущие по собственным естественным правилам. История не является точной или экспериментальной наукой, поэтому ее нормальным состоянием является спор, обмен мнениями, а по большому счету единственным искажающим фактором – недобросовестность. Введение сверху запретов, тематических и интерпретационных ограничений, маркировка точек зрения как «официальных» и «маргинальных» как раз и вносит в историческую науку элемент недобросовестности. В результате история становится уделом тех, кто более или менее талантливо воспроизводит и защищает догмы, а люди, способные мыслить критически, задавать острые вопросы и, как следствие, расширять знание, вытесняются на обочину науки. Они занимаются темами, представляющими узкопрофессиональный, а не широкий общественный интерес.

С. Цикулина

КРЫМ ПОПАДАЕТ В ИСТОРИЮ¹

Владимир Путин поручил включить в концепцию нового учебника истории, разработкой которой сейчас активно занимаются специалисты, сведения о роли Крыма и Севастополя в судьбе Российской империи, СССР и современной России.

Соответствующее поручение президент дал по итогам встречи с представителями Общероссийского народного фронта. Задача формирования общественного мнения, соответствующего значимости исторического значения Крыма для нашей страны, была поставлена перед правительством

¹ Печатается по изд.: Московский комсомолец. – М., 2014. – 3 июня. – С. 3.

вом. Оно должно совместно с Российским историческим обществом решить этот вопрос до 15 августа.

МК обратился за комментарием к сопредседателю Российского исторического общества, академику РАН Александру Чубарьяну.

«Мы только сегодня узнали о поручении Владимира Путина, в ближайшее время вместе с коллегами будем подробно обсуждать этот вопрос на заседаниях Российского исторического общества, – рассказал Александр Оганович. – Эта идея абсолютно правильная, в целом в концепции нового учебника роль Крыма в истории России прописана и сейчас, возможно, нужно будет сделать это более широко и подробно.

Да и в прежних учебниках истории, по которым сейчас учатся школьники, безусловно, есть сведения о Крымской войне, об обороне Севастополя и многих других событиях. Просто в новых учебниках эта информация будет дана более детально».

Отметим, что в данный момент история Крыма в немалом объеме прописана в отдельных главах школьных учебников с 5-го по 9-й класс. В 5-м классе изучают историю полуострова во времена античности. В 6-м – историю Крымского ханства в Средневековье. В 7-м классе – уделяется немало внимания присоединению Крымского полуострова к России Екатериной II. В 8-м классе школьники изучают Крымскую войну и героическую оборону Севастополя. А в 9-м – роль Крыма в Великой Отечественной войне и включение полуострова в состав Украины. В 10–11-х классах идет повторение всей мировой истории, в том числе и истории Крыма.

И. Родин

ПУТИН ПОСТАВИЛ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ¹

Вчерашняя встреча президента с молодыми преподавателями и учеными была устроена в Музее современной истории России. Владимир Путин поэтому начал именно с современности: «Мы видим, что предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество нашей страны, а это не может быть не связано с попытками историю переписать, причесать ее под чьи-то геополитические интересы»².

Президентский взгляд на эту дисциплину оказался двойственным: с одной стороны, «история – это наука, ее нельзя, если к ней серьезно относиться, невозможно переписать», но с другой – именно сейчас со стороны

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2014. – 6 нояб. – С. 3.

² Здесь и далее автор цит. по: В Музее современной истории России состоялась встреча Владимира Путина с молодыми учеными и преподавателями истории. – Режим доступа: www/kremlin.ru/transcripts/46951. – *Прим. ред.*

определенных сил такие намерения очевидны. Поэтому историкам был дан наказ: «Чтобы этого не случилось, должны быть такие люди, как вы, специалисты, которые объективно, полноценно не только освещают события прошлого, но и дают им оценку, что чрезвычайно важно и без чего исторической науки не существует».

А еще Путин призвал исследователей любого исторического периода быть объективными: «Наша с вами задача заключается в том, чтобы убедить подавляющее большинство граждан страны в правильности, в объективности наших подходов и презентовать этот результат вашей работы обществу. Выиграть умы, побудить людей самих занять активную позицию на основе тех знаний, которые вы презентуете в качестве объективных». И тут же – по итогам посещения выставки о династии Рюриковичей¹ – объяснил им, какие сложности ожидают любого ученого. Президент упрекнул сторонников норманнской теории возникновения Российского государства в том, что они не рассматривают версию о варягах-рэкетирах, которых просто пригласили в качестве охраны, а они – захватили власть.

Досталось от президента и князю Ярославу Мудрому – причем за то, что он не последовал западноевропейским стандартам организации государства. А именно – не установил порядок престолонаследия от отца к сыну, сохранив так называемое лестничное право, когда престол занимал старший в роду. Это и привело Русь к раздробленности, заметил Путин и тут же опять перешел к современности: «Мы, зная это, должны очень серьезно относиться ко дню сегодняшнему и завтрашнему».

Президент пообещал молодым ученым, что государство будет приветствовать работы по истории Крыма, который является для российского народа «исторической духовной купелью», ведь в Херсонесе (читай – Севастополе) крестился киевский князь Владимир. Частично отменена для наших историков будет и норма об обязательных публикациях в иностранных научных журналах, которые, конечно, вряд ли захотят печатать российские воззрения на те или иные факты всемирной истории.

Что же касается истории российской, то Путин поставил перед своими собеседниками сразу несколько своего рода историко-политических задач по формированию правильного взгляда на трудные моменты прошлого нашей страны. Это и Первая мировая война с ее предпосылками, и Вторая мировая война тоже, а точнее, предвоенная активность руководства СССР. Наконец, не забыта была и Октябрьская революция. Чтобы спорные моменты истории было легче прояснить, президент пообещал, что силовые структуры страны откроют свои архивы как можно более широко.

¹ Выставка «Моя история. Рюриковичи» работала в Центральном выставочном зале «Манеж» в ноябре 2014 г. – *Прим. ред.*

И.И. ГЛЕБОВА

***ОБ УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ
И О МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ***

В связи с материалами «Смеси» невозможно, по-моему, говорить ни об истории вообще, ни о ее преподавании вообще. Даже форма «дискуссии» свидетельствует о том, что в нашем обществе идут бои за историю – вернее, за память и идентичность. Причем, процесс дошел до той стадии, которую можно характеризовать как коренной перелом. А это требует от всех его участников полной определенности.

Что касается собственно подготовки исторического учебника (учебников), то в 2013 г. речь шла о профессиональной работе над профессиональным текстом. Стандарт создавался как «матрица» для будущей учебной литературы. В то же время он должен был положить конец войнам за память – противостоянию тех общественных сил, которые отстаивали условно либеральный и консервативно-охранительный взгляды на отечественное прошлое. В Стандарте предложена третья позиция – властная: тот подход к истории, который соответствует знаниям, воспоминаниям, предпочтениям, интересам власти. То есть общественный спор был решен традиционным для России способом. Пришла власть и всех «помирила»: отвергнув «крайние» позиции (иначе говоря, общественные исторические проекты), дала свой проект. Тем самым объявила монополию на прошлое. Общественная дискуссия закрыта – в том смысле, что обсуждается теперь только «официальная история». В пространстве памяти восстановлена традиционная ситуация: все определяет властный монолог.

Создатели Стандарта в соответствии с интересами заказчика, действительно, постарались представить некую среднюю, примирительную позицию. Отчасти им это удалось. Но вот беда: в нашем прошлом есть такие «эпизоды», которые на «и» – «и» не построишь. Они требуют определенности, ставят перед выбором: с кем ты – кто ты? И позиция Стандарта по самым конфликтным для общества эпохам оказалась вполне определенной. В соответствии с «официозом» И. Сталин, этот символ общественно-го противостояния, не может стать для нашего школьника антигероем российской истории. Скорее напротив, выдвигается в ее герои – ведь речь в школьном учебнике идет о сталинском варианте «модернизации России»

и о решающем вкладе вождя в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. А такая оценка Сталина и сталинской эпохи задает вполне понятную перспективу для всей советской истории. Более того, для нашего прошлого вообще. И перспектива эта имперская, милитаристская, изоляционистская, охранительная и запретительная, антиэмансипационная (во всех отношениях).

Проблема в том, что здесь позиция Стандарта перестает быть примирающей и становится исключающей. Во-первых, в рамках этой позиции из истории и национальной памяти исключается моральное начало. Если согласиться с авторами Стандарта в том, что цель исторического образования прежде всего воспитательная, то оно должно строиться на моральном подходе к прошлому. А это предполагает при разговоре об абсолютном зле хотя бы не вставать на его сторону. Но воспитательный Стандарт так толкует историческую роль персонификатора самого массового в российской истории террора (созидатель, победитель, «народный вождь»), что по существу «переводит» его на сторону добра. Зло же, лежавшее в основе ленинско-сталинской системы и бывшее ее сутью, низводится до «факультатива»: ошибки. Более того, играет роль инструмента добрых дел: без этого (т.е. репрессивной политики репрессивной власти) и не построили бы и не победили бы¹. Во-вторых, тем самым из истории, призванной консолидировать, «собирать» общество, исключаются взгляды целого общественного сектора, который не может – по моральным же, этическим и даже эстетическим соображениям – согласиться с такой позицией. А это никак не способствует «снятию» конфликта по поводу национального прошлого. Не случайно в 2014 г. градус общественной дискуссии по поводу вроде бы компромиссного Стандарта не снизился. Напротив, 2014 г. показал, что стратегии договора/компромисса мало соответствуют нашему обществу в его нынешнем состоянии, что история у нас по-прежнему – поле битвы и побеждает на нем сильнейший (т.е. владелец и распорядитель основных ресурсов). При этом получает в свои руки еще один мощнейший ресурс – символический.

Материалы, опубликованные нами в «Смеси», фиксируют эту ситуацию. Речь в них идет об идеологии Стандарта для «линейки» школь-

¹ Здесь для комментария просто необходимы слова И. Бродского. «Амбивалентность, мне кажется, – главная характеристика нашего народа, – писал он. – Нет в России палача, который бы не боялся стать однажды жертвой, нет такой жертвы, пусть самой несчастной, которая не призналась бы (хотя бы себе) в моральной способности стать палачом. Наша новейшая история хорошо позаботилась и о тех, и о других. Какая-то мудрость в этом есть. Можно даже подумать, что эта амбивалентность и есть мудрость, что жизнь сама по себе не добра и не зла, а произвольна... Именно эта амбивалентность, я полагаю, и есть та “благая весть”, которую Восток, не имея предложить ничего лучшего, готов навязать остальному миру. И мир, кажется, для этого созрел» (Бродский И. Меньше единицы // Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 21–22).

ных исторических учебников — о том, что окажется «поверх» него, что станет его направлять. В последнее время в наиболее массовых СМИ (на федеральных телеканалах, в прессе) стали все больше говорить о пользе для России мобилизационной, т.е. по преимуществу закрытой, ограничительной, чрезвычайной, экономики. Ссылаясь при этом на советский опыт, инициаторы и комментаторы этой идеи тем не менее не объясняют, как *это* должно работать в современных условиях. (В финансово-экономическом отношении мир действительно стал глобальным, взаимозависимым, пронизываемым — в этом и сила, и уязвимость «новой» экономики. А Россия в нее вписана — в уродливых, нецивилизованных формах, в основном своим «верхним» социальным слоем, но вписана.) А вот с мобилизационной идеологией у нас явно получается.

Формой ее бытования (идеологий нашего времени) должна стать история — точнее, та ее часть, которая является элементом масскультула, на которой строится социализация. Это вовсе не новация — скорее, продолжение советского, т.е. инструменталистского, подхода, в рамках которого история понималась только как средство политической борьбы. И иного значения не имела. Сам этот подход есть следствие определенного взгляда на мир, восторжествовавшего в советское время: социальная жизнь строится не на договоренностях и компромиссах, а (подобно живой природе) по законам борьбы — раньше классовый, теперь геополитический. В этой логике цель любого суверенно-государственного организма — «найти» и «обезвредить» врага/конкурента. Это единственная возможность выжить, не изменив себе (не поступившись суверенностью).

Что же постулируется этой идеологией, на что она делает ставку, на каких идеях предлагает воспитывать россиянина? Все просто и доходчиво. И в этом смысле явно рассчитано на массовое потребление. Главный наш (государства Российского) жизненный интерес — противостоять экспансии Запада, которая среди прочего осуществляется идеологическими средствами. Мир захвачен либеральными ценностями; либерализм разъедает его изнутри. В 1990-е годы агрессии подверглась и Россия: были подточены национальные устои — эрозии подверглась сама сущность «русского»/«русскости». Но страна нашла в себе силы противостоять западной угрозе — либеральной чуме. За что против нее ополчился западный мир, активизировав весь арсенал своих «спецсредств».

Так как борьба «Россия — Запад» в значительной степени имеет идеологический характер, в ход и пущена история. Ей предписано стать одним из главных средств сопротивления либеральной агрессии. Для этого она должна быть очищена от этой скверны. Мировоззрение российского человека необходимо строить на антилиберальной, антизападнической исторической основе (т.е. на соответствующем прочтении отечественной истории). Это не только важно и безотлагательно (для борьбы/победы в

ситуации нового мирового противостояния), но и естественно. Россия – цивилизация, отличная от западной, и именно «не(и анти-)западность», мировоззренческий «не(и анти-)либерализм» (с его цинично-лживой идеей защиты прав какого-то человека, бессмысленными толерантностями и транспарентностями, опасными свободами) и позволили ей стать Россией. То есть подчинять пространство, крепить мощь государства, побеждать враждебные силы. (Тем самым, по существу, утверждается: Россия самоосуществляется посредством внешней экспансии, а не через внутреннее обустройство¹. Именно поэтому экспансионистская самореализация Запада угрожает историческим основам ее существования.) Кроме того, сама российская история не дает иной возможности прочтения, кроме как в антилиберальном ключе. (Иными словами, утверждается, что нет оснований «читать» наше прошлое с позиций человека: его прав, свобод, социальных интересов. История писана не для него: в ней действуют «высшие» силы – власть, народ. Все «низкое», индивидуальное им чуждо.)

Так как западная угроза велика (глобальна), противостоять ей способно только государство, этот вечный и самый мощный двигатель российского развития. Установив монополию на историю, оно должно объявить вне закона ее либеральную версию, а заодно и ее адептов – пособников внешнего врага на внутреннем историческом фронте. (Заметим: это традиционный для нас способ конкурентной борьбы: уничтожить конкурента, объявив его врагом народа/народного государства.) Зачистив это поле, государство станет его контролировать в своих интересах. А они, если следовать этой логике, антилиберальные и антизападнические. Воспитание российского человека именно в таком духе должно уничтожить противоречия между Российским государством и российским обществом, российской элитой и российским народом, порожденные «либеральной революцией» рубежа 1980–1990-х (в том числе в понимании истории). Общество будет «огосударвлено»: его частные «эгоистические» интересы заместит общий, т.е. государственный, интерес. А элита станет народной: в ценностном, мировоззренческом, идеологическом смысле. Идео-

¹ Поразительно, но заикленность на пространстве и сейчас отличает мировоззрение русского человека. Об этом много написано (см. хотя бы работы С. Лурье). Помимо прочего, это означает нацеленность на эксплуатацию природных ресурсов, данных этому пространству природой, а не на производство. То есть предполагает доминирование определенного типа хозяйственно-экономической деятельности: недропользование, распределение и перераспределение ресурсной ренты. Эта установка, намертво закрепившаяся в культуре, работает не только против производства/технологического совершенствования/изобретения (исключение – все, что связано с защитой пространства, т.е. с ВПК), но и против инфраструктурно-логистического освоения территории. Она подлежит не освоеанию, а эксплуатации (отсюда, кстати, и понимание ресурсов как неисчерпаемых). На этом строятся и институты (они ведь в значительной степени – следствие культуры), что консервирует «старые» культурные установки, не дает возобладать новым.

логия сыграет роль узды для элиты: не позволит ей оторваться от народа, из которого она вышла.

Это цельная, внутренне непротиворечивая, логически выверенная, в полном смысле слова *идеологическая* схема. Ее элементы «зафиксированы» в разных материалах «Смеси». Наиболее же последовательно она представлена в статье В.Э. Багдасаряна. Автор предельно откровенен — это какой-то даже навязчивый в своей откровенности монолог. Но бескомпромиссная определенность — вовсе не проявление личных качеств — скорее, следствие социальной позиции. В последние годы ревнители посткоммунистической идеологии «за Россию как анти-Запад» (я бы даже сказала: идеологию спасения России от мира) почувствовали за собой силу, а потому и правду. (Кстати, именно так и следует читать знаменитое *mot* из сталинского «Александра Невского»: правда — в силе, в государственной «грозе и опале», ее обеспечивает карающий меч карательных органов.)

В социальном смысле силу идеям и идеологии у нас почти всегда давали государственная поддержка и государственный заказ. Но и не только. Идеология «подъема с колен» «униженной и оскорбленной» (либеральными реформами, Западом, космополитами, предателями Родины и прочими врагами) страны явно близка и многим представителям нынешнего режима (хотя часто расходится с их интересами и используется прежде всего в целях обеспечения режимной безопасности), и очень многим нашим согражданам. Близка органически — они ведь советские люди. (Здесь не важно, родились они в советское время или после СССР. Наша жизнь лепит из них именно этот образ, а они как-то очень естественно в него отливаются.) Их мировоззрение отличает крайняя подозрительность к Западу, склонность к насилию как способу решения всех проблем, «наследственное» неприятие самого слова «либерализм», как и идеи личных прав/обязанностей/ответственности, привычка к охранительной, «священной», «чрезвычайной» (трактующей прошлое как героически-победную чрезвычайщину — как войну) истории.

Такого рода массистория потому и является мобилизационной, что мобилизует в реакционно-охранительных целях соответствующие потенциалы национального прошлого, а также потому, что способна задеть (за живое, за самое естество) и вовлечь массу потенциальных пользователей, с советских времен привычных к такого рода мобилизациям. Мобилизация под знамена посткоммунистической (а потому новой) идеологии истории, советской по существу (по идее, по духу), уже идет и, безусловно, принесет свои реакционно-охранительные плоды. Другие мнения, противоречащие единственно правильной идеологической линии, будут исключены — за них можно и срок получить. Над этим в 2014 г. поработала российская Государственная Дума, подтвердив тем самым свою репутацию: парламент, не склонный к дискуссии, не может допустить ее и в других местах.

А срок за мнение – это уже восстановление советской репрессивной практики.

Итак, невинные рассуждения об исторических учебниках, вроде бы исключительно профессиональная дискуссия об истории стали формой «пропикивания» в российское общество идеологии, ее легитимации. Характер этой идеологии, нацеленной на войну (потому что она возвращает страх и ненависть, поднимает худшее в человеке, притом что использует лучшие, самые высокие исторические проявления русского духа) и претендующей на монополию, – агрессивно-охранительный. В узком смысле это идеология защиты нынешнего политического режима, его исторического обоснования/оправдания (режимная идеология). В широком смысле это идеология обороны/охраны традиционного мировоззрения, привычных – с советских времен – способов жизнеустройства (массовая идеология).

Режимно-массовая идеология истории (точнее, идеологическая история) работает против двух тем: выбора и усложнения. Это главные темы современного мира – на них он и строится. Поэтому побеждающую у нас идеологическую линию можно характеризовать как идеологию уклонения от развития: она предохраняет «русский мир» от современности с ее вызовами, вопросами, неопределенностями, опасностями. Она оправдывает/легитимирует нынешнее творчество масс, т.е. современное устройство российской жизни.

На страницах нашего издания не раз говорилось о том, что в спорах о прошлом мы сейчас «прогнозируем» будущее. В свете нынешней, 2014 г., ситуации мы считаем необходимым переакцентировать эту позицию. Наши ближайшие перспективы, конечно, связаны с тем, как мы проинтерпретируем свою историю. Но сейчас на первый план выходит иная временная связь. Концепция Стандарта единого исторического учебника для России и соответственно массовые исторические представления зависят не от того, как мы договоримся по поводу прошлого, а от того, какое будущее себе пожелаем, каким его увидим. Именно это видение определит взгляд на историю, ее оценки.

Такой подход – вовсе не следствие волонтаризма, не постмодернистские игры, но настоятельное требование сегодняшнего дня. Наше настоящее требует внятного образа (образов) будущего. Под желаемое завтра «подбирается» соответствующее прошлое. Только будучи вовлечены в понятную социальную перспективу, актуальные образы прошлого способны приобрести мобилизационное качество.

В настоящий момент наше общество (его подавляющее большинство), кажется, выбрало для себя будущее: в нем установился «антиперестроечный» консенсус, предполагающий движение по реваншистско-самобытным путем. Прошлое под это будущее уже подверстано. Сомнительность такой перспективы более чем очевидна.

Ю.И. ИГРИЦКИЙ

***КОМУ НУЖНЫ КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ
НАУЧНОСТЬЮ И ПАТРИОТИЗМОМ:
ОБ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
И ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ***

Истории, похоже, мало быть матерью всех наук. Ей надлежит стать Словом, наставляющим миллионы людей на путь истинный, указывающим им, что хорошо, а что плохо, укрепляющим основы государственности. И если она не становится таковою, виноваты в этом те, кто ее пишет и преподает. Историки.

В таком духе выдержана немалая часть рассуждений участников «круглого стола» «Историческая традиция и учебники истории», а также большой очерк В. Багдасаряна «История и государственная политика», опубликованные в № 3–6 журнала «Стратегия России» за 2014 г.

В ходе дискуссии обозначилась страннейшая вещь: патриотизм, истина и научность оказались на разных полюсах. Выяснилось, что истина и научность могут быть недостаточно патриотичными, а то и вовсе непатриотичными. Листая номера журнала, я вспомнил, что в глухое советское время усилиями партийных идеологов и пропагандистов появилось понятие «реакционный факт». И в очерке В. Багдасаряна читаем о «необходимости цензурирования» изложения «конфликтосодержащих» и «потенциально стрессорных тем истории» с рекомендацией «исторического забвения» определенного ряда этих тем («Стратегия России». 2014. № 5, С. 56; далее – номер и страница). Сразу возникает вопрос: а много ли в российской и тем более советской истории «неконфликтосодержащих» и «нестрессорных» тем? Опричнина Ивана Грозного и реформы Петра Великого – это какие темы? В истории XX в. практически все ключевые события – предмет нестигающих антагонистических споров, далеко выходящих за рамки чистой фактографии и вгрызающихся в ткань процессного понимания истории (к которому вполне справедливо призывает автор). Поздний царизм, революции 1917 г., нэп, коллективизация, сталинские репрессии, десталинизация – это какие темы?

Иными словами, ножницы цензуры призваны пройти по тем разделам исторических трудов и учебников, которые вызывают наибольший интерес всех поколений россиян. Да, да, не только учебников, но и исследовательских работ. Как вы представляете ситуацию, в которой школьник, усвоив идеологизированную («государственную») точку зрения на определенный процесс или событие, затем, даже не став студентом истфака, в силу элементарной тяги к расширению знаний о своей стране, знакомится со специальной исторической литературой и сталкивается с несовпадающими, а то и противоположными интерпретациями? По сути, здесь закладывается императив научного единомыслия, императив, противоречащий самой природе науки и осуществляемый посредством цензуры.

Что касается тезиса об «историческом забвении», то хочется надеяться, что это просто временная ментальная aberrация. Предать забвению невозможно ни героические страницы российской и советской истории, ни те, которые выглядят не столь героическими. Уход в замалчивание – это в сущности признание своего бессилия, неспособности ясно и правдоподобно объяснить то, что было, и то, что есть. Таким способом обеспечить «защиту психологического и психического состояния граждан» невозможно. Это чревато оглушением одной части граждан и подведением к грани стресса другой, не понимающей, почему в исследованиях пишется одно, а в учебниках иное.

Здесь надо определенно заявить, что в очерке «История и государственная политика» содержится немало верных мыслей и тезисов. Это призыв к пониманию того, что, хотя задачи историков, пишущих учебники истории и исследовательские работы, не тождественны (пусть и не противоположны, как полагает автор), необходимо стремиться к интеграции дидактической и аналитической функций изучения истории. Это и упомянутое выше предпочтение «процессного» изучения истории фактографическому. Это, конечно же, осуждение тестового контроля знаний учащихся по общественно-научным дисциплинам (здесь, похоже, едины все специалисты и педагоги, независимо от их ценностных ориентаций). Это, наконец, императив цивилизационно ориентированного подхода к постижению развития России как государства и общества. Неплоха и идея создания пантеона героев истории, хотя ее воплощение и будет сопровождаться острейшими идейно-политическими коллизиями.

Но эти верные тезисы подаются в очерке не бесспорным и противоречивым образом. Упрекая авторов учебных пособий в том, что они игнорируют как линейную, так и циклическую модели исторического процесса, В. Багдасарян не дает их анализа и определенных рекомендаций по использованию. Что истинно – стадийность или цикличность, марксизм или тойнбианство? Можно ли их совместить? Это, конечно, предмет дискуссий на века, но, затронув проблему, необходимо ее развернуть.

На вопрос о том, каким содержанием должна быть наполнена цивилизационная матрица истории России, в очерке также нет ясного ответа. Цивилизация – это определенное, исторически сложившееся, длительное и стабильное состояние общества (государства, народа), имеющее свою выраженную специфику, существенно отличающую его от других обществ. Конечно, здесь и явно, и подспудно возникает множество не подлежащих однозначному толкованию проблем. Тем не менее Россия всей своей историей выстрадала цивилизационное прочтение своего развития. Однако недопустимо подменять содержание цивилизации ее целью (если вообще таковую можно обнаружить) или внешней функцией. Вместо выявления сущности российской цивилизации в очерке говорится об «исторической миссии России» (№ 5, с. 62), «особой исторической миссии России» (№ 4, с. 58), «мировой миссии России» (№ 5, с. 61). Заметьте: не роли, что было бы понятно, а именно миссии. С этим согласуется призыв создать «священную историю России» (№ 5, с. 59).

«Священную историю», по мнению автора, должен иметь и любой претендующий на самовоспроизведение социум» (№ 4, с. 50). Очевидно, речь идет о такой трактовке истории, или по крайней мере основных ее вех, которая утверждается раз и навсегда и к которой новым поколениям историков нельзя даже прикоснуться. Кто же даст такую трактовку? По логике очерка – государство, которое, видимо, во все времена будет иметь неизменное социальное содержание и неизменную идеологию. Возможно ли это? Ведь даже в рамках 300-летней монархии Романовых сосуществовали норманнская и автохтонная теории происхождения Российского государства, неоднозначно оценивались Петровские реформы. Так ли уж нужны современному российскому обществу священные коровы? В завершающей части очерка В. Багдасарян допускает, что «этатистская абсолютизация может оказаться столь же разрушительной, как и либеральная абсолютизация» (№ 6, с. 51).

Споры о необходимости «священной истории» идут и в других странах. Одна из них, где самовоспроизведение социума на протяжении столетий было главной задачей, превосходящей по значимости задачу развития, – близкая нам по духу Сербия. Там понимают опасность непрерываемого изложения «священных страниц» истории. Современный сербский историк Т. Кулич пишет: почти полное отсутствие критического осмысления прошлого ведет к тому, что «остается только легенда о величии собственной нации»¹.

«Священная история» и утверждение «особой миссии России» даже у самых ленивых школьников вызовут вопросы о том, как эта история и эта миссия вписываются в историю окружающего мира. Автор сетует на

¹ Kuljic C. Prevladanje proslosti. – Beograd, 2002. – S. 485.

то, что «в очередной раз предпринимаются попытки растворения России в истории мира» (№ 5, с. 57), а что хуже всего – в истории западной цивилизации. В качестве выхода предлагается принципиальная методическая новация: вместо освещения истории России через призму мировой истории, напротив, освещение мировой истории через призму российского исторического процесса. История мира должна рассматриваться с российской точки зрения – «с позиции реализуемой Россией исторической миссии» (там же).

Здесь остается только развести руками. «Синдром малого» (части элемента, одной из составляющих), которое хочет стать больше целого, не стоило бы переносить в область изучения и преподавания истории. Прошлое и настоящее России – важнейшая составная часть всеобщего исторического процесса, но это только часть. Особенности и закономерности общественного развития выявляются и прослеживаются на материале истории всего человечества, а не одной страны, сколь бы значимой цивилизационной спецификой она ни обладала. Даже неловко излагать такие прописные истины.

Позволю себе за автора уточнить, что по существу речь идет о сопоставлении исторических путей России и Запада. Ах уж этот Запад! Мы его критикуем, находим в нем отрицательные черты и явления, но без него никуда. Перед Россией, говорится в очерке, всегда стояла задача форсированной модернизации: необходимо было равняться на Запад и догонять его, чтобы отвести угрозу западной экспансии (№ 5, с. 60). Но разве под европейским игом Россия находилась в XIII–XV вв.? Даже и гитлеровский «дранг нах остен» – экспансия не Европы, а *против* Европы и заодно против России. В тот момент СССР был гораздо ближе к европейским гуманистическим ценностям, пусть и по-коммунистически искривленным, чем нацизм.

Отношение к Западу, западным ценностям и интеллектуальной традиции становится в сегодняшней России одной из лакмусовых бумажек для проверки патриотизма и патриотического отношения к собственному прошлому. Воспитание патриотизма – важнейшая задача школы, не менее значимая, чем воспитание уважения к закону, старшим, человеческой личности вообще. В докладе В. Никонова «Российская историческая традиция» есть постулат, который не мешало бы принять всем, кто склонен измерять патриотизм отношением к Западу: «Российскость можно понять прежде всего исходя из собственной сущности самой России, а не чьей-то еще» (№ 5, с. 18). Проникнуться сознанием российскости и значит быть патриотом России.

В связи с этим: могут ли быть непатриотичными, умаляющими величие России сами по себе темы, проблемы, сюжеты? И. Яровая, выступившая в дискуссии по докладу В. Никонова, сочла неприемлемыми неко-

торые заголовки разделов в учебниках истории: они наводят на мысль, что в истории Российского государства есть «позорные страницы» (№ 5, с. 23). Среди них: «И пошел брат на брата», «Беда не приходит одна», «Россия в огне». Но что же здесь позорного? Разве позорны Смута и польское нашествие, Гражданская война – все это было в истории. Было и осталось позади. Возможно, И. Яровая, будучи не историком, а юристом, просто не уловила связи между образными, беллетристическими названиями тем и их историческим содержанием. Но трудно представить, что «демонизирующего» мог увидеть доктор исторических наук, профессор В. Багдасарян в таких заголовках разделов учебной литературы, как «партия – ядро тоталитарной системы», «партийный диктат и культура», «мировая революция и мировая война», «крах плановой экономики» (№ 4, с. 49). Или широко закроем глаза и сделаем вид, что всего этого не было?

В ходе дискуссии все-таки всплыли понятия исторической истины и научности. Каким бы популярным ни было освещение прошлого в школьных учебниках, их авторы, оставаясь историками, не могут пренебречь этими категориями. Тысячу раз прав В. Мироненко, так оценивший обсуждение: «Говорили обо всем: о пропаганде, о воспитании, но не говорили, что самое главное – это правда. А ведь только правда воспитывает... История любой страны, не только нашего Отечества, это история и радостей, и побед, и неудач, и поражений... И если мы будем писать только о героических страницах, мы не поймем истории нашей страны, а главное... не сможем довести до подрастающего поколения понимание исторического процесса, связанности исторического процесса, взаимозависимости различных его этапов» (№ 5, с. 31).

Нельзя не согласиться с В. Троицким, посетовавшим: «Я слышал здесь слова о консенсусе, о преемственности, но не слышал ни одного слова о научности» (№ 5, с. 34). Между тем, продолжает он, у истории есть свои принципы научности и свои научные понятия. Школьник должен знать, какое содержание мы вкладываем в понятия «народ», «нация», «государство» и проч. Если не объяснить ему этого, он не поймет историю по-настоящему.

Должна ли современная школа располагать одним-единственным учебником истории России? Полагаю, что создать такой идеальный учебник, удовлетворяющий всем запросам и требованиям, – труд сродни труду Сизифа. Не нужны и, более того, контрпродуктивны десятки учебников, но несколько, отличающихся акцентом на разные эпохи и события истории и даже их интерпретациями, – вполне допустимы. Важно, чтобы в каждом из них указывалось, что существуют иные трактовки, приводилась аргументация в их пользу. Это будет честно и наилучшим образом поможет выработать у молодежи самостоятельное историческое мышление.

Что же касается «непатриотических» мотивов, то при соблюдении в учебниках принципов истинности и научности их просто не должно быть.

Не забудем, что между учебником и школьниками стоит учитель истории – такая же когнитивно ориентированная личность, как и пишущий историк, со своими взглядами и предпочтениями. Учитель, конечно, не станет оспаривать постулаты учебника, по которому преподает, но у него будет выбор. Листая со школьниками героические страницы российской истории, он не станет скрывать, что история не столь пряма, как Невский проспект: в ней видна диалектическая череда рывков и замедлений, достижений и неудач, реформ и контрреформ.

Последнее и, возможно, самое важное. В. Багдасарян составил список из примерно 140 «очернительских ревизий и провокаций» в освещении проблем развития российской государственности. В них он усматривает воплощение некоего «проекта» (№ 6) – намек на существование сговора «либеральных» историков, вознамерившихся создать негативный образ России. Хорошо еще, что в другом месте он признает, что сознательную фальсификацию доказать трудно.

За честь историков на «круглом столе» вступился В. Тишков. «Учебники, которые были написаны за эти 20 лет, – отметил он, – создавали авторы, которые сидят в зале, и к ним-то особенно никаких претензий нет... Не нужно огульно перечеркивать все и предполагать, что нужен костер из тех десятков миллионов книг по истории, которые сегодня напечатаны и которыми пользуются учителя истории» (№ 5, с. 26). Тишкова поддержал Ю. Петров: «Сегодня нет алармистской ситуации с учебниками, какая была лет пятнадцать назад... Учебники более или менее сложились, в них нет резких неточностей или фальсификаций, которые можно было бы поставить авторам в вину» (№ 5, с. 29). И, слава Богу, сам В. Багдасарян оговаривается, что нельзя переходить «грань, отделяющую критику концепции от ведения борьбы против определенного круга социума» (№ 4, с. 62).

Тогда для чего нужно разводить по разным углам патриотизм и научный поиск истины?

А.Б. КАМЕНСКИЙ

***ЕЩЕ РАЗ О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ
НА НЕИЗБЕЖНЫЕ ВОПРОСЫ***

Споры о преподавании истории в школе давно уже стали одной из отличительных примет нашего времени – причем не только в России, но и во многих других странах (в особенности посткоммунистических). Немало написано и о самом феномене этих споров: они вполне естественны в ситуации поиска новой идентичности, обусловленной формированием новой государственности. А поскольку идентичность, как коллективная, так и индивидуальная, в значительной мере определяет социальное поведение, различные политические силы заинтересованы в формировании такого типа идентичности большинства населения, который обеспечит им либо сохранение власти, в случае, если они ею уже обладают, либо ее обретение, если они за нее еще борются. В современной науке такое отношение к истории получило наименование «присвоение прошлого». Слово «присвоение» имеет не самые позитивные коннотации, но вместе с тем современные исследования по проблематике исторической памяти вполне убедительно доказывают, что «присвоением» прошлого занимаются не только корыстные политики, но и многочисленные социальные группы и разного рода объединения, из которых состоит современное общество. Так, к примеру, своей версией прошлого обладают объединения ветеранов войн и жертв природных катаклизмов, профессиональные ассоциации и различные общественные организации, посетители кружков кройки и шитья, клубов знакомств и т.д. Соответственно, чем сложнее структура общества, чем более вариативны существующие в нем вертикальные и горизонтальные связи, тем больше в нем версий прошлого. Кроме того, современная наука признает, что источником формирования массовых знаний и представлений о прошлом, а, следовательно, и коллективной идентичности являются не только школа и даже не только школа в союзе с исторической наукой, но и религия, семья, кино, телевидение, литература, искусство и, конечно же, Интернет. Причем, вряд ли кто-либо сможет доказать, что тот или иной источник важнее и влиятельнее остальных.

Казалось бы, эти рассуждения звучат вполне утешительно и позволяют занять позицию стороннего наблюдателя, с иронической улыбкой следящего за суетностью набрасывающихся друг на друга спорщиков. Но, к сожалению, это не более чем самообман, развеивающийся как дым, как только вам приходит в голову поинтересоваться, что именно изучает в школе ваш сын или внук. В тот же миг, причем вне зависимости от политических убеждений, вас охватывает праведный гнев, обуревают желание тоже на кого-нибудь наброситься и вы начинаете объяснять своему отпрыску, «как было на самом деле», обнаруживая, что сами являетесь обладателем определенной версии прошлого.

Между тем проблема исторического образования много сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Она не может быть решена прежде, чем будут поставлены по крайней мере три вопроса и не будет сделана попытка найти на них хотя бы предварительные ответы.

1. Зачем?

Зачем вообще надо изучать в школе историю? В дискуссиях о преподавании истории этот, казалось бы, наивный вопрос практически не возникает: историю в школе изучали всегда – с тех пор, когда появилось школьное образование. Между тем ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение – от него зависит весь ход дальнейших рассуждений. Однако вариантов ответа может быть несколько.

Вариант А: *Историю учат для того, чтобы знать.* Не станем усложнять этот ответ новым вопросом – зачем надо знать историю, поскольку это уведет нас в сторону от предмета разговора. Будем пока исходить из того, что получение знаний – это вообще цель школьного образования и каждый из изучаемых в школе предметов выполняет в этом процессе свою роль. (Заметим в скобках, что состав изучаемых в школе предметов не всегда был таким, как сегодня, но в нем всегда была история.)

Итак, если с этой точки зрения роль школьного предмета «История» такова же, как и других: формирование знаний, то следующий вытекающий из этого положения вопрос: что это за знания и на чем они основаны? Ответ вроде бы вполне очевиден: если школьные предметы «физика», «химия», «биология», «математика» представляют собой основы научных знаний в соответствующих областях, то то же самое должно быть справедливо и для предмета «история».

Однако каковы основы исторических знаний? У ответа на этот вопрос есть два аспекта – один содержательный (о нем речь пойдет ниже), и другой, связанный с тем, что современная историческая наука давно уже ушла от самоуверенного убеждения, что историки знают, «как было на самом деле». Опять же, не вдаваясь в рассуждения в духе постмодернизма

о том, что же в таком случае представляют собой накопленные исторической наукой знания, будем исходить из следующего: неполнота наших знаний обусловлена тем, что мы знаем только то, что заключено в исторических источниках, а они отражают лишь часть прошлой реальности, дошли до нас не полностью, да и из тех, что дошли, изучены далеко не все. К тому же давно уже стало банальной истиной, что каждое новое поколение историков задает источникам новые вопросы – и не потому, что новое поколение умнее, а потому, что оно *новое*, вобравшее в себя исторический опыт предыдущего.

Об этом необходимо помнить, когда мы говорим, что школьникам нужно сообщать «правду» о прошлом. На уровне риторики с этим нельзя не согласиться, но на уровне отбора для школьного курса фактического материала этот императив не может не вызывать определенные трудности. Вместе с тем, как бы то ни было, вполне очевидно: что именно знания, накопленные исторической наукой, представляют наиболее адекватную из всех возможных картину прошлого. При этом объем накопленных исторической наукой знаний хоть и составляет небольшую часть прошлой реальности, все равно огромен и вместить его в школьный курс невозможно. Соответственно, возникает проблема отбора.

К этой проблеме мы также вернемся чуть ниже, а пока ограничимся констатацией: если цель преподавания истории в школе – это знания, то они должны иметь научную основу. При этом содержание всех школьных предметов, как правило, соответствует не столько сегодняшнему, сколько вчерашнему состоянию соответствующей научной области. Применительно к исторической науке это должна быть если не наука XXI в., то по крайней мере наука второй половины XX в. Отметим, что современная историческая наука – давно уже не собрание дат, событий и имен, не набор «исторических фактов» и даже не столько история стран и государств, сколько *история обществ* в самом широком смысле этого слова и составлявших эти общества людей. В современной исторической науке преобладает представление о многовариантности и многофакторности исторического процесса, об отсутствии исторических законов, позволяющих на основе исторического опыта прогнозировать будущее.

Между тем в российских школах история преимущественно преподается по-прежнему – как набор «фактов» (имен, событий). По сути, воспроизводится модель исторического знания, восходящая даже не к XX, а к XIX в.; предполагается, что, усвоив этот набор, школьник будет знать, «как было на самом деле». Большинство выпускников школы действительно покидает ее в уверенности, что «истины», сообщенные им на уроках истории, столь же незыблемы, как законы природы, которые они изучали на уроках физики и биологии. Для этого большинства история не является предметом постоянного интереса. Их представления о прошлом

актуализируются лишь тогда, когда они случайно сталкиваются с информацией, этим представлениям противоречащей. Стоит ли удивляться возмущению, которое они при этом испытывают. Мало этого, набор преподаваемых в школе «фактов» создает уверенность в том, что усвоивший его *знает историю*. Не здесь ли таится источник того апломба, с каким своими суждениями об истории делятся с обществом политики, кинорежиссеры, литераторы и иные современные «властители дум»? О строении Вселенной они вряд ли осмелятся рассуждать столь же безапелляционно.

Последние рассуждения вновь отсылают нас к вопросу: как преподавать историю? Прежде чем попытаться на него ответить, рассмотрим второй вариант ответа на вопрос: «зачем?».

Вариант Б. *Преподавание истории имеет воспитательные цели.*

Сразу заметим, что воспитывающую функцию опосредованно выполняют все школьные предметы. Школьное образование формирует самосознание учащегося, его картины мира, а значит, и его идентичности. Однако нельзя не признать, что роль истории в этом процессе особенно велика. Повторим: представления о прошлом являются важнейшей составляющей как индивидуальной, так и коллективной идентичности, которая, в свою очередь, в значительной мере определяет социальное поведение.

Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что все мы заинтересованы в том, чтобы это поведение было адекватным. Неадекватным обычно считается поведение, так или иначе нарушающее общепринятые нормы и в силу этого создающее угрозу другим людям. Соответственно, адекватным является поведение, не опасное для окружающих, не несущее им ни физической, ни моральной угрозы. Так, к примеру, пытаюсь ответить на sacramентальный вопрос о том, как могло случиться, что немцы, представители одного из самых «культурных» народов мира, могли совершать страшные преступления во время Второй мировой войны, надо вспомнить, какой образ прошлого создавала нацистская пропаганда. Неадекватная картина прошлого способствовала формированию искаженного представления об окружающем мире и своем в нем месте с соответствующей этому представлению системой ценностей. Результатом этого стало неадекватное поведение целого народа, повлекшее за собой гибель десятков миллионов людей.

Вывод, напрашивающийся из этих рассуждений, вполне очевиден: для того, чтобы поведение индивида, а также больших и малых групп людей было адекватным, необходимо (среди прочего), чтобы адекватными были и их знания о прошлом. Адекватные же знания о прошлом, т.е. в наибольшей степени соответствующие тому, «что было на самом деле», – это те знания, что получены исторической наукой. Значит, именно на них должен основываться и школьный курс истории. Однако тут необходимо

важная оговорка. Как было сказано, школа – только один из источников формирования знаний о прошлом. Поэтому массовые исторические представления – это своеобразная смесь, отличающаяся отсутствием целостности, они по своей природе всегда мифологичны и далеки от представлений научных. Однако, если в этой смеси представления, восходящие к науке, отсутствуют вовсе, в сознании их носителей возникает полностью искаженная картина окружающего мира и своего в нем места.

Вернемся теперь к воспитательной функции как цели преподавания истории в школе. Собственно, относительно того, что история такую функцию выполнять, разногласий вроде бы нет. Разногласия начинаются тогда, когда пытаются определить, кого именно нужно воспитывать. Основных вариантов ответа на сегодняшний день два: воспитывать надо патриота или воспитывать надо гражданина. В действительности разница между этими двумя ответами в значительной степени мнимая. Ведь настоящий гражданин не может не быть патриотом – если, конечно, в определении патриотизма ограничиться любовью к своей стране и равнодушием к ее судьбе. Очевидно, однако, что в современной России эти слова по-разному трактуются различными политическими силами, которые фактически монополизировали их употребление, в значительной мере выхолостив их значение и превратив из понятий в своеобразные ярлыки. Странники «патриотического» воспитания (которое, заметим, почему-то носит исключительно военизированный характер) убеждены, что школьник должен прежде всего научиться гордиться своей страной и любить ее безоглядно, испытывая восторг от того только, что именно здесь ему повезло родиться и жить. Всякая крайность всегда влечет за собой крайность иного рода. Странники воспитания гражданина нередко акцентируют внимание в первую очередь на трагических страницах прошлого, знакомство с которыми они считают необходимым для воспитания гражданской позиции. Критически разбирать нюансы обеих позиций бессмысленно, поскольку по существу они являются лишь одним из отражений раскола современного российского общества. Их практически невозможно сближить до тех пор, пока этот раскол не будет преодолен, т.е. пока не появится внятная и разделяемая абсолютным большинством российского общества система ценностей. Тогда можно будет определить и опорные точки поддерживающего эти ценности исторического знания¹.

Пока же ограничимся констатацией: преподавание истории выполняет воспитательную функцию, независимо от того, декларируется в качестве цели воспитание или получение знаний. Однако то, что ставится

¹ Разделяемая обществом система ценностей, собственно, и есть та самая национальная идея, над формулировкой которой в России бьются уже более 20 лет. Но вопрос, как представляется, в том, может ли она вообще быть сформулированной искусственно или должна вырваться естественным путем.

на первое место, определяет содержательное наполнение учебного курса. Если обучение ориентировано в основном на получение знаний, появляется возможность формировать более или менее адекватный образ прошлого. Если же целью объявляется воспитание, преподавание неизбежно идеологизируется в соответствии с навязываемыми потребностями той политической силы, которая сегодня находится у власти. История в этом случае выбивается из состава школьных дисциплин, обретая особый статус.

2. Что?

Прежде всего заметим: в спорах о преподавании истории почти не упоминается, что в российской школе традиционно преподаются два курса истории – история России и всемирная история. Споры ведутся почти исключительно о «внутреннем», национальном. Между тем само это разделение создает в головах у учащихся как бы две параллельные, не соприкасающиеся друг с другом реальности. В результате события русской и мировой истории в массовом сознании не соотносятся друг с другом. Попав на экскурсию в какой-нибудь старинный европейский город и слушая рассказ гида, выпускник мучительно пытается вспомнить: «А что же было в это время у нас?». Раздельное изучение отечественной и всемирной истории ведет к тому, что в массовом сознании Россия если не противопоставлена всему остальному миру, то уж точно существует изолированно от него¹. Конечно, если предположить, что формирование таких представлений является целью школьного образования, тогда все в порядке. Однако сомнительно, что это будет способствовать успешной адаптации выросшего и покинувшего школу человека к современной жизни².

Впрочем, проблема двух школьных историй – лишь верхушка того айсберга, который представляет собой вопрос «что». Как мы уже сказали, с одной стороны, историческая наука накопила огромный массив знаний, лишь малую часть которого можно вместить в школьный курс. С другой – школьная история по-прежнему является преимущественно собранием дат, имен и событий – от древности до сегодняшнего дня. Если принять во внимание, что день сегодняшний очень быстро оказывается вчерашним, становится понятно: объем информации, который нужно усвоить школьнику, постоянно растет как на дрожжах (ставшая достоянием общественности концепция единого учебника – лучшее тому подтверждение). Воз-

¹ Ошибаются те, кто полагает, что это подчеркивает «особый путь» России. Попробуйте провести на эту тему социологический опрос и станет ясно, что у большинства населения представления об этом весьма смутные.

² Попытки заменить курс истории курсом «Россия в мире» пока успехом не увенчались – в немалой степени потому, что тема оказалась крайне скверно проработанной, а главное не осмысленной на научном уровне.

никает вопрос: какой объем информации о прошлом способен усвоить ученик за время обучения в школе? Ответ на этот вопрос, без сомнения, существует; его знают детские психологи и методисты. Но можно не сомневаться: их мнение не учитывалось авторами концепции.

Так или иначе, очевидно, что при определении содержания школьного курса необходим отбор. Казалось бы, все просто: отбирать нужно «самое главное». Но тут-то и начинаются проблемы: взгляды на то, что именно «главное», а что второстепенное, что во что бы то ни стало нужно знать будущему гражданину и патриоту, а что знать необязательно, могут быть самыми различными. Так, к примеру, еще каких-нибудь три десятка лет назад настоящий гражданин не мыслился без знания истории всех до одного съездов КПСС (дат, повесток дня, числа делегатов и т.д.). Иначе говоря, всякий отбор субъективен и носит если не идеологический, то уж точно вкусовой характер.

Задача еще больше усложняется при попытках соотнести содержание школьного курса истории с достижениями современной исторической науки. Стоит ли, к примеру, заставлять школьников зазубривать дату Ледового побоища, если историками установлено, что в действительности речь идет лишь о небольшой стычке, не имевшей никаких серьезных последствий?

И вообще, сколько именно и каких дат должен знать школьник? Может быть, они совсем не нужны? Обязательно ли, например, помнить, что Куликовская битва случилась в 1380 г., или может быть, достаточно знать, что это произошло во второй половине XIV в.? Нужно ли непременно помнить даты жизни Александра Невского? А Ивана Грозного? А Александра III? Дата начала Великой Отечественной войны, конечно же, должна быть зафиксирована в сознании учащихся не только годом, но также месяцем и числом. А дата начала Первой мировой войны? А Отечественной войны 1812 г.? Но, если подобные вопросы возникают у нас применительно к истории России, то что уж говорить об истории всемирной.

Другая проблема: с какой степенью подробности следует изучать тот или иной период? Так ли уж необходимо школьнику запоминать имена и годы правления всех киевских князей, перечисленных в концепции единого учебника? Ведь даже большинство ее авторов, профессиональных историков, наверняка их не помнят. И ведь были *киевские* князья, т.е. правили они на территории, которая сегодня является заграницей. В советское время школьный учебник истории вспоминал о национальных окраинах Российского государства лишь тогда, когда они становились его частью. До того истории у них как бы и не было. К примеру, произошло в 1654 г. «воссоединение Украины с Россией», и Украина стала частью истории. Что случалось на этих землях на протяжении нескольких предшествующих веков, знать было необязательно. Или, присоединил Александр I к

России Грузию, и она вдруг как бы ниоткуда в учебнике появилась. А как быть теперь, когда многие территории, входившие в состав Российской империи и СССР, превратились в самостоятельные государства? Нужно ли изучать, что происходило на этих территориях, когда они были частью империи? Если нет, то останется ли иное объяснение, например, распада Советского Союза, кроме сговора трех пьяных мужиков в Беловежской Пуще?

Возьмем другой аспект в сущности той же проблемы. На протяжении нескольких веков отечественная история преподается в российских школах как история одной страны – от киевских времен до сегодняшнего дня, что полностью соответствует и историографической традиции. Оставим специалистам спорить о том, насколько верна эта концепция. Но способствует ли она пониманию школьником современных геополитических реалий и не станет ли причиной когнитивного диссонанса – вот вопрос.

Наконец, нельзя обойти стороной и проблему используемых в школьном курсе терминов, понятий и категорий. Собственно, проблема языка является острой для современной исторической науки. Вокруг нее ведутся ожесточенные споры; возникло даже такое направление, как история понятий. Но как это должно отразиться (если вообще должно) в школьном курсе? Нужно ли объяснять школьникам, что такие, например, словосочетания, как «древнерусское государство» и «земские соборы», появились лишь в XIX в., а современники их не знали? Или что феодальной эпохой в России долгое время называли то, что к феодализму в Западной Европе никакого отношения не имеет?

Впрочем, проблемы полноты и отбора изучаемой информации, терминологии в конечном счете сводятся к гораздо более сложному вопросу. Если цель преподавания истории – знания и выпускник средней школы должен знать историю, то что это значит: *знать историю*? Именно ответ на этот вопрос и должен в конечном счете определять объем и содержание школьного курса.

Конечно, вариантов ответа на него может быть множество, но ни один из них не будет окончательным. Однако, если исходить опять же из ориентации на современную историческую науку, то очевидно: знание истории лишь в малой степени связано с объемом усвоенной информации, выраженной в датах, именах и «исторических фактах». *Знание* истории имплицитно подразумевает ее *понимание*. Сформулировать, что значит *понимать историю*, еще сложнее, чем ее *знать*. Однако можно предположить, что на школьном уровне это означает сознавать историю как процесс, уметь обнаруживать связи между отдельными событиями и явлениями прошлого, сознавать их причины и значение, уметь видеть явления современности как продукт прошлого, обладать первичными навыками анализа информации о прошлом.

Из сказанного можно сделать по крайней мере один важный вывод: школьный курс истории должен непременно знакомить с тем, что такое историческая наука, как она устроена, чем и как занимается, откуда берутся знания о прошлом, как историки добывают эти знания и как с ними работают. Доказывая теорему на уроках математики, наблюдая опыты на уроке химии и физики или разглядывая скелет на уроках анатомии, школьник, по крайней мере опосредованно, знакомится с механизмом получения научного знания. А вот на уроках истории ему по большей части преподносится уже готовое знание – те самые «истины», о которых шла речь выше.

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку, если бы сегодняшней день не требовал радикального изменения всей системы преподавания истории.

3. Как?

Все участники нынешних споров о преподавании истории – люди не очень молодые, родившиеся по большей части в докомпьютерную эру. В той или иной степени они, конечно, освоили это замечательное изобретение, однако принадлежат к стремительно уходящей в прошлое культурно-исторической эпохе. Споры же ведут о том, как учить истории людей, родившихся в компьютерную эру. Еще с 1980-х годов психологи во всем мире заговорили о том, что использование компьютера приведет к серьезным изменениям в психологии новых поколений. Они прежде всего касаются восприятия двух важнейших составляющих человеческого бытия – времени и пространства.

Даже люди старшего поколения время от времени вновь и вновь испытывают восторг и удивление, общаясь в режиме онлайн одновременно с несколькими знакомыми, находящимися за сотни километров, покупая товары в магазине на другом конце света, пролистывая книги и журналы в библиотеке другой страны, наблюдая в режиме реального времени события на соседней улице и на противоположной стороне земного шара или путешествуя в машине по Норвегии и, как в известном анекдоте, получая указания из Австралии о том, куда надо повернуть. Используя все эти возможности, мы почти физически ощущаем, как изменились, сжалось время и пространство. Но для тех, кто сегодня ходит в школу, иного времени и пространства никогда не существовало. Для них компьютер, Интернет и прочие «гаджеты» – привычная и неотъемлемая часть жизни. Они чуть ли не с младенчества научаются ими пользоваться и именно через них получают информацию – в иных объемах и в ином виде (как принято теперь говорить, в иной «упаковке»), чем это происходило на протяжении предшествующих столетий. У этого поколения другое чувство времени, а

соответственно, и восприятие истории. Для него далекое прошлое – это все, что было в докомпьютерную эру. Там и Полтавская, и Сталинградская битвы «сливаются» в одно спрессованное время. Мы возмущаемся, когда слышим от школьника, что Петр I победил фашистов на Куликовом поле в 1812 г., говорим: нынешние выпускники «не знают историю». Но дело не в том, что их плохо учат – скорее, в том, что их учат не так.

Для современного школьника бумажный учебник – это анахронизм, а основанный на нарративе и растянутый на несколько страниц параграф этого учебника – не просто нечто невероятно скучное, но и почти неодолимое. Его «клиповое сознание» еще способно вместить информацию, помещенную на одном книжном развороте, но совместить в единое целое информацию нескольких таких разворотов оно почти не в состоянии. Зрительные образы для него важнее и понятнее любого текста. Печально, но это так¹. Отсюда простой вывод: школьный учебник истории должен быть другим. Причем не просто интерактивным; нарратив, тем более нарратив правоучительный, должен быть сведен в нем к минимуму. При этом необходимо иметь в виду, что у школьника, равнодушного к предмету «история», сколько его ни учи, по окончании школы в памяти останется лишь малая часть пройденного. Тот же, кто интересуется историей, никогда не ограничится учебником и в течение нескольких минут обнаружит в Интернете, что предлагаемая ему учебником версия прошлого далеко не единственная. Если при этом ему не объяснили, что такое история и как устроена историческая наука, это вызовет у него в лучшем случае недоверие к учебнику, учителю и школе в целом. Поэтому сама идея «единого учебника» изначально неосуществима – тем более что кроить его, судя по всему, предполагается по старым лекалам. Этот учебник, мало чем отличающийся от своих предшественников, наверняка появится, выделенные на него средства будут освоены, но результат будет по большей части нулевой.

Высказанные соображения отнюдь не претендуют на статус истины в последней инстанции и содержат, как легко увидеть, больше вопросов, чем ответов. Вероятно, окончательные ответы сейчас сформулировать вообще невозможно, поскольку особенности сознания новых поколений еще далеко не изучены, переход от одной культурно-исторической эпохи к другой еще не завершился, как не завершился и переходный этап в истории нашей страны.

¹ С этим связано и отношение нового поколения к чтению. То, что еще несколько десятилетий назад считалось классикой и казалось вечным, в лучшем случае уступает место текстам с соответствующим восприятием времени и пространства. Отсюда такая популярность жанра «фэнтези» и победа, которую Гарри Поттер постепенно одерживает над Д'Артаньяном. Дети не перестали читать – им просто скучно читать то, что читали их родители.

**ЮБИЛЕЙ: 20 ЛЕТ
КОНСТИТУЦИИ РФ**

М.А. КРАСНОВ

**НА ПУТИ К ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ:
ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА**

*«Очень плохо и стыдно,
что настоящее и будущее России
до такой степени зависят
от одного человека. Это свидетельствует
не столько о его силе, сколько о слабости
гражданского общества».*
Из блога Бориса Акунина

«Загадочный» институт

Отнюдь не все конституции используют термин «**глава государства**». Тем не менее *все* современные монархи и президенты считаются именно главами государств¹. Это положение закреплено правилами дипломатического протокола, отражено в учебной и научной литературе. Таким образом, институт главы государства рассматривается, по существу, как *имманентный* государственности². Однако современная конституционная наука мало задумывается о том, что это за институт, необходим он, бесполезен или вреден.

Между тем природа института главы государства (в том числе его происхождение, основное предназначение) далеко не так ясна, как, скажем, природа парламента, правительства или суда. В учебной и энциклопедической литературе глава государства признается **высшим представителем и (или) символом государства, государственного единства**³.

¹ В.Е. Чиркин заметил, что «типичным для современных условий главой государства с республиканской формой правления является единоличный президент. Это должностное лицо возглавляет государство в 150 странах мира (из приблизительно 200), остальные имеют ту или иную монархическую форму правления» (43, с. 18).

² Справедливости ради отмечу, что отдельные исследователи дают понять, что они не сторонники «имманентности». Так, А.С. Автономов пишет, что глава государства не всегда и не везде «является необходимым элементом государственного аппарата» (1, с. 280). Об отсутствии главы государства как об исключении говорится также в учебнике «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» (17, с. 599).

³ См., например: 1, с. 279; 4, с. 75; 17, с. 598, 599; 18, с. 87; 19, с. 36.

Однако такая дефиниция не может претендовать на универсальность, поскольку главы государств в президентской и полупрезидентской (смешанной) системах власти¹ подпадают под нее лишь частично. Ведь главы государств не только выступают как высшие представители и символы, но и выполняют значительный объем, так сказать, текущих управленческих полномочий – в том числе и тех, которые конституция им не предписывает.

Некоторые отечественные авторы иначе характеризуют этот институт. Они утверждают, что глава государства обычно занимает высшее место «в иерархии государственных *должностей*» (41, с. 9) или даже «в иерархии государственных *институтов*». Более того, настаивают: «Это не просто отдельно взятое физическое (или юридическое) лицо со всеми его особенностями, а *средоточие власти и влияния, вершина власти в государстве*» (16, с. 12) (в цитатах по умолчанию курсив мой. – М.К.).

Казалось бы, это логично: коль скоро «глава» – значит и «высшее место». Кстати, в 1918 г. первое правительство независимой Польши в преддверии Конституции создало должность как раз «временного *начальника* (!) государства», чья компетенция отвечала всем признакам современного президента в президентской или полупрезидентской республике (6, с. 617). Согласитесь, что по-русски слово «начальник» звучит гораздо более честно, чем «глава» – адекватно описывает реальность.

Но такая «житейская» логика не соответствует принципу разделения властей, который предполагает отсутствие иерархии институтов (Дж. Локк, правда, говорил о «старшинстве» законодательной власти, но имел в виду то, что только эта ветвь власти выражает волю народа). И уж тем более главу государства нельзя считать «средоточием власти и влияния»: во-первых, это противоречит принципу разделения властей, а во-вторых, далеко не все монархи и президенты обладают широкими полномочиями и влиянием.

Говорю об этом для того, чтобы сразу же четко обозначить свою позицию. В размытости/неопределенности понятия «институт главы государства» скрыта, как мне представляется, угроза конституционной государственности. Речь при этом не идет об открытом установлении диктатуры, о прямом игнорировании конституционных норм. В том-то и драма, что **установление и укрепление режима личной власти** происходит в рамках вроде бы конституционной законности.

Но возможно ли, в самом деле, чтобы правовая нечеткость одного из публично-властных институтов вела к авторитаризму?

¹ Я не хотел бы здесь вступать в дискуссию о терминах: «форма правления», «система власти», «модель власти» и др. Поэтому в настоящей статье все они употребляются как синонимы.

Потребность в вожде?

Немало исследователей считают, что востребованность персонифицированной и авторитарной власти в России объясняется *исключительно* социокультурными причинами (см., например: 12; 15; 45): особенностями национальной картины мира, доминирующими в обществе стереотипами, культурным архетипом, некоей «матрицей» или как минимум предшествующей траекторией развития (path dependence, или, по А.А. Аузану, «колесей» (3)) и т.п. И действительно, вроде бы есть основания поверить в эту версию.

Так, сегодня в стране больше (хотя пока незначительно) тех, кто хочет видеть в главе государства «отца нации» (48 %), а не «современного, эффективного управленца» (42 %)¹. Удивительно, но даже «продвинутой молодежи» – студенты престижных московских вузов – склонна именно так понимать назначение института главы государства. Сошлись на данные социологических исследований, проведенных под руководством В.А. Касамары. Одно из них, посвященное сравнению «идеала» президента в представлениях российских и французских студентов (в России интервьюировались студенты МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ и МГИМО, во Франции – Парижского института политических наук), показало, что «мифологема...: президент – это «отец нации», «вездесущий правитель», защищающий граждан от беззакония, помогающий социально незащищенным слоям населения, поддерживающий порядок в стране, не так ярко, как среди среднестатистических россиян, но все-таки прослеживалась во взглядах опрошенных... (имеются в виду российские студенты. – М.К.). Благодаря традиционному, во многом патриархальному и иррациональному восприятию высокого должностного лица, понятие «президент» подменялось понятием «правитель», тяготеющим к «*батюшке царю*», который вместо того, чтобы «*отстаивать национальный интерес*», в первую очередь «*думает о народе*», «*держит страну в ежовых рукавицах*» (14, с. 14). Другими словами, персоналистское восприятие власти сливается в российский общественном сознании с патерналистским.

В то же время социальная наука утверждает, что такие стереотипы восприятия главы государства свойственны современному обществу вне зависимости от государственных границ. Действительно, в *любой* стране можно найти харизматические фигуры, страстно стремящиеся стать могущественными «вождями». Равным образом *любой* народ способен с радостью подчиниться такому вождю. Анализ психологических механиз-

¹ Социологи нарисовали портрет «идеального» президента: россиянам нужен «отец нации» или умелый «менеджер». – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/18jan2008/portrait.html> (http://newsru.com/russia/18jan2008/portrait.html дата обращения: 15 апреля 2014 г.). <http://newsru.com/russia/18jan2008/portrait.html>.

мов такого подчинения посвящена довольно обширная литература, включающая труды Г. Ле Бона, З. Фрейда, Э. Фромма, С. Московичи и др. Их работы показывают, что ни одна страна, к какой бы культуре она ни принадлежала, не застрахована от сценария «вождь – масса» (Московичи, например, писал о попытках де Голля применить подобный сценарий).

«Вожди появляются как ответ на психологическую нищету масс» (31, с. 452), – утверждал С. Московичи. За расшифровкой понятия «психологическая нищета» можно обратиться к З. Фрейду. В числе признаков толпы он называл «исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению – внезапных намерений» (39, с. 175–176). Подобный «регресс к примитивной душевной деятельности», по словам Фрейда, характерен для первобытной орды (там же).

Многие исследователи искали пути и средства, *препятствующие* превращению современного социума в такую «первобытную орду». Московичи, например, предлагал «сделать невозможным всякое магическое и идолопоклонническое осуществление власти, которое создаст видимость ее всемогущества и всеведения в глазах масс» через «восстановление независимости людей (или, в общем случае, меньшинств), разделение частной жизни и жизни общественной, ограничение влияния медиа в целях создания пространства диалога и социального общения» (31, с. 452–453). Такие рецепты, во-первых, слишком общи; во-вторых, не очень ясно, кто может быть субъектом их реализации.

Впрочем, среди социальных психологов нет единства и по поводу самих рецептов. Так, Э. Фромм не видел большой разницы между механизмами компенсации социального одиночества в тоталитарном и демократическом государствах. «Главные пути, по которым происходит *бегство от свободы*, – резюмировал он, – это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии» (40, с. 118). Добавлю, что «вынужденная конформизация», как демонстрирует постсоветская история России и ряда других бывших республик СССР, весьма недалеко отстоит от «подчинения вождю». Именно так люди и «убегают от свободы»...

Показывая, как происходит «бегство от свободы», социальная психология не дает ответа на вопрос, почему *где-то этот механизм срабатывает, а где-то нет*. Неужели все зависит от игры случая: появится или нет харизматический лидер, захочет ли он воспользоваться благоприятными условиями для укрепления своей единоличной власти?¹ Утверди-

¹ Скажем, Дж. Вашингтон не поддался на уговоры стать первым американским королем и, напротив, положил начало традиции сменяемости президентов США (см., например: 42, с. 110).

тельный ответ на такой вопрос не только страшен, как страшен всякий фатализм, но еще и неверен.

Геополитические условия, исторические традиции и конкретные обстоятельства, конечно же, играют существенную роль. Они могут усиливать (облегчать) восприятие главы государства как вождя либо, напротив, препятствовать этому. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих второй подход.

США. Далеко не сразу «отцы-основатели» пришли к существующей конституционной конструкции. С одной стороны, им была ненавистна монархия, которую олицетворяли король Георг III и его губернаторы. С другой – в американских колониях уже проявил себя феномен «тирании законодательных собраний». На выбор модели власти решающим образом повлияла фигура лидера – Джорджа Вашингтона. Как пишет А.Ф. Алиев, «структура исполнительной власти и ее полномочия в США были бы иными, если бы президентское кресло не предназначалось конкретному лицу – Джорджу Вашингтону» (2, с. 8–9). Его популярность была настолько велика, что некоторые даже желали видеть Вашингтона монархом или президентом с монархическими полномочиями. Так, созданное в 1783 г. «Общество Цинцинната», сегодня старейшее на американском континенте военное общество (орден), предложило Дж. Вашингтону стать королем. А. Гамильтон был к этому близок, ибо «открыто признавал британскую наследственную монархию наилучшей моделью правления. Он не призвал к установлению монархии в США, а, являясь сторонником «энергичной исполнительной власти», предлагал ввести пожизненное пребывание в должности главы государства, наделив его правом абсолютного вето» (цит. по: 33, с.30).

Все эти предложения, однако, были отвергнуты. Более того, с чисто формальной стороны властных полномочий у американского президента не так уж много и не так они широки. Другими словами, страх тирании оказался сильнее уважения к личности Вашингтона: «Создатели Конституции настолько боялись получить двойника короля Георга, что для начала они учредили очень незначительную и слабую исполнительную должность и назначали на эту должность не такого уж маленького, (но что важнее) не имеющего наследников – кроме страны – президента Вашингтона. И эта ограниченная исполнительная власть просуществовала на американском континенте по крайней мере столетие, за исключением периода Гражданской войны»¹.

Тем не менее монархическая инерция давала о себе знать. В историческом комментарии к инаугурационной речи Дж. Вашингтона говорится:

¹ Лессинг Л. Путь президентства // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – М., 1994. – № 4/5. – С. 119.

«И вот наступил торжественный день 30 апреля 1789 г., который омрачился возникшей еще в ходе заседаний Континентального конгресса и остававшейся нерешенной проблемой: как же все-таки следует обращаться к президенту – “Ваше Превосходительство”, “Ваше Высочество”, “Ваше Высочество Президент Соединенных Штатов и Защитник их Свобод”, “Ваша Светлость”, “Ваше Могущество” или же даже “Ваше Избранное Величество”?» (13, с. 36).

Полярными были и мнения относительно *способов избрания первого президента и сроков его полномочий*. С.А. Котляревский писал: «В Соединенных Штатах этот вопрос имел свою историю; те, кто высказывались за семилетний срок для президента, предлагали не допускать его переизбрания, но верх одержало мнение, устанавливавшее четыре года и право переизбрания» (20, с. 193).

З.М. Черниловский дополняет: «Трудности обнаружались уже в связи с вопросом о том, *кто избирает президента*. Первое предложение было однозначным – разумеется, конгресс. Однако тут же были выставлены возражения, основанные на историческом опыте. Особенно настораживала практика избрания польских королей: выборы неизменно сопровождалась смутой и беспорядками, вызванными столкновением интересов разных магнатских группировок. С другой стороны, уже был накоплен небольшой, но убедительный опыт «народного голосования» при избрании губернаторов штатов, например в Нью-Йорке. Оказалось, что на такие выборы вполне можно оказывать влияние, тем более что законных избирателей насчитывалось от 8 до 10% населения. Так и было решено: президент избирается выборщиками от штатов, как это, *mutatis mutandis*, практикуется и по сей день» (42, с. 111).

В истории рождения американской президентуры особое значение имеет традиция, заложенная первым президентом США: «Дж. Вашингтон, первый президент США, пробыл на этом посту два срока, не более. То было *конвенциональное соглашение*, державшееся по традиции и проигнорированное, как известно, президентом Ф.Д. Рузвельтом, с успехом баллотировавшимся четыре раза (1932–1944). Только 22-й поправкой Конституции (1951) срок президентуры был ограничен в США восемью годами» (42, с. 111).

Ф. Рузвельта, американские элиты и общество можно, однако, понять: если бы не страшнейшая в истории человечества война, традиция вряд ли была бы нарушена. Ведь Т. Джефферсон, тоже весьма популярный, даже не пытался пойти на третий срок. А «когда в 1876 г. сторонники генерала Гранта хотели выставить его в третий раз кандидатом на президентский пост, они столкнулись с сильным сопротивлением общественно-го мнения и должны были отказаться от своего плана» (20, с. 193).

Франция. Здесь конституционная история сложилась совершенно иначе. После революции 1789 г. страна как бы ставила над собой эксперименты, испытывая ту или иную модель организации власти. На самом деле никто, разумеется, не предполагал экспериментировать. Просто амбиции харизматических лидеров требовали создания всё новых конструкций власти. И наконец, писал Л. Дюги, «умудренные примером 1848 года, авторы конституции 1875 года *не пожелали, чтобы президент был слишком силен*, и постановили избирать его уже не всеобщим прямым голосованием, а конгрессом, образованным обеими палатами» (10, с. 585).

Польша. Один из исследователей конституционной истории этой страны Е. Ковальски пишет: «Институт президента Речи Посполитой Польской ввела первая Конституция 1921 года (т.н. “мартовская конституция”). Выборы первого президента прошли в 1922 году на заседании Национального собрания (Сейм и Сенат), а не в итоге всеобщих и непосредственных выборов. Конституция учредила парламентско-кабинетную систему правления. На самом деле мы имеем дело с доминирующей позицией законодательной власти и слабой позицией исполнительной. <...> В общем модель слабой исполнительной власти и слабой президентуры, президент и правительство полностью были подчинены Сейму. Тогда такое положение имело историко-психологическое объяснение, оно отвечало общественному настроению. *Это выражение общественной реакции и исторического опыта по отношению к репрессивной системе правления на польских землях во время т.н. национальной неволи. В общественном сознании существует глубокое недоверие к сильной исполнительной власти*» (6, с. 618).

Впрочем, такое недоверие не избавило страну от переворота в мае 1926 г., когда к власти пришел Юзеф Пилсудский и Конституция была изменена в пользу укрепления исполнительной власти, что способствовало утверждению режима личной власти маршала Пилсудского (там же, с. 619–620).

Этот опыт повлиял на характер нынешней властной конструкции в Польше: президент, хотя и избирается (с 1990 г.) на всеобщих выборах, но формирует правительство фактически Сейм. Поэтому польские конституционалисты даже считают свое государство парламентской, а не полупрезидентской республикой¹.

¹ См., например: Pietrzak Jerzy. Sejm RP: Tradycja i współczesność. Kompetencje, procedury, zwyczaje. – Warszawa, 2000. – S.177; Chruściak Ryszard. Sejm i Senat w Konstytucji RP z 1997 r. // Powstawanie przepisów. – Warszawa, 2002. – S. 5. Польский парламент действительно обладает большой властью, а правительство во многом зависит от парламентского доверия. Однако совершенно прав Б.А. Страшун, который пишет: «Форму правления в Польше по ныне действующей Конституции можно теоретически охарактеризовать как смешанную, или полупрезидентскую, республику: правительство ответственно перед Сеймом и нуждается в его доверии, но президент избирается гражданами и имеет тем самым независимый от парламента мандат» (36, с. 683).

Германия. Как известно, эта страна сегодня являет собой пример парламентской республики с институционально слабым президентом. Но здесь и не было споров о статусе главы государства: слишком велик был национальный шок после страшной трагедии, к которой привел 12-летний фашистский режим, возглавлявшийся вождем (фюрером). Поэтому, как пишут немецкие исследователи, «возможность легко соблазнить массы, которые позволяли себя использовать в политических целях, способствовала тому, что создатели немецкого Основного закона не только проголосовали за представительную демократию, но и отклонили все элементы плебисцита в Конституции. Не обсуждался и вопрос о сильной позиции президента, которая может быть легко использована в авторитарных целях. Вместо этого были укреплены позиции главы правительства, который может быть заменен в результате переизбрания. Он более не зависит от президента, а лишь формально им назначается» (23, с.8).

Но не только это способствует или сдерживает превращение общества в толпу, желающую раствориться в вожде. Не меньшую роль тут играет и *институциональное обустройство публичной власти*. Как точно заметил известный политолог Хуан Линц, «даже если допустить, что испаноязычные страны – в силу самой своей природы – склонны к утверждению личной власти, несомненно, в ряде случаев укрепление этой тенденции способствуют сами институциональные порядки этой (президентской. – М.К.) системы» (26, с. 7).

Если же говорить более конкретно, роль, которую Конституция отводит главе государства, характер и объем его функций и полномочий, общий баланс сдержек и противовесов, – все это способно, при прочих равных условиях, воспрепятствовать движению в сторону вождистской модели власти или хотя бы замедлить его. К. Поппер совершенно верно говорил, что на место вопроса «*Кто должен править?*» (в цитате курсив Поппера. – М.К.) нужно поставить другой вопрос: «*Как нам следует организовать политические учреждения, чтобы плохие или некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона?*» (34, с. 161–162).

Итак – **как их «следует организовать»?** Об этом я попробую поразмышлять позже. Сейчас хотелось бы показать, каким образом обосновывается необходимость института главы государства.

Зачем нужен и нужен ли вообще глава государства?

Когда главой государства называют современного *монарха*, это более-менее понятно. Во-первых, даже в светском демократическом государстве сохраняются элементы сакральной легитимации (монарх – помазанник Божий или, как, например, в Японии, – прямой потомок божества). Поэтому монарх и занимает исключительное, *верховное* – пусть не в поли-

тическом смысле этого слова – место в системе государственной власти. Во-вторых, сам термин «глава государства» стал естественным «эвфемизмом» термина «*государь*», хотя и появился он исторически не так давно – примерно в XV–XVI вв.

Как считал Г. Еллинек, его ввел в оборот Н. Макиавелли: «Потребность в общем, обнимающем все государственные образования современном термине впервые получила удовлетворение в Италии. К разнообразным итальянским государствам не подходили названия *regno*, *imperio*, *terra*, как и слово *città* (город. – *М.К.*) не передавало государственного характера Венеции, Флоренции, Генуи, Пизы. Из имевшего многочисленные значения слова *stato*, первоначально присоединяемого к названию города (*stato di Firenze* и т.д.), образуется затем совершенно *отвлеченный термин, применимый ко всякому государству, будь то монархия или республика, крупное или мелкое, городское или сельское государство*. Иаков Буркгардт (нам более известен как Якоб Буркхардт. – *М.К.*) полагает, что первоначально *lo stato* назывались правители вместе с их приближенными, и затем это название узурпировало значение всей территории как целого. Вероятнее, однако, что оно означает, соответственно *status* древних, устройство, порядок. Употребление слова *stato* в этом значении представляется доказанным уже для начала XV столетия, а в начале XVI столетия оно *является уже общепризнанным термином для обозначения всякого государства. С зарождением современной идеи государства найдено и соответственное слово.* <...> В течение XVI и XVII столетий этот термин проникает затем во французский, английский и немецкий языки. Во Франции ещё Боден (1576) употребляет для обозначения государства слово *république*, *estat* же означает у него *определенную форму государства*, почему он и говорит об *estat aristocratique* и *populaire*» (11, с. 95)¹.

Любопытно, что в русском, да и других славянских языках, этимологическая основа термина «государство» иная. Оно обязано слову «государь», которое, в свою очередь, заменило (предположительно не ранее XVI в.) более древнее «господарь», т.е. «господин», «владыка», «хозяин», «владелец». Производным от него и стало слово «господар(ь)ство» – государство (раньше часто так и писали: «государьство»). Причем филологи полагают, что «здесь не обошлось без влияния основы *суд-* (*государь* – «верховный судья»)². Таким образом, государство – это то, что принадлежит государю (хозяину). Правда, в современной неофициальной терминологии употребляется слово «держава», которое в древнерусском языке

¹ Написание отдельных слов изменено мною в соответствии с правилами современной грамматики.

² См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов. – Т. 1–2. – 2-е изд., стереот. – Т. 1. – М., 1994. – С. 210.

означало «основание», «власть», «сила», «основа», а с XII–XIII вв. стало синонимом «государства»¹.

Появление же термина «глава государства» обязано, согласно Еллинеку, Великой Французской революции, в ходе которой (и долгое время после – фактически вплоть до Конституции Третьей республики 1875 г.) королей сменяли диктаторы, диктаторов императоры, императоров президенты, президентов вновь короли и т.д. И уже, видимо, в самом конце XVIII или начале XIX в. во Франции создали «в интересах непрерывности права общую категорию для разного рода законных и революционных властителей. Король, император, президент объединяются под термином *chef d'état*, так что каждый глава государства, власть которого *вытекает из какого-либо нового источника*, тотчас же вступает во все законные функции своего предшественника, за исключением, конечно, видоизмененных или отмененных новой конституцией» (11, с. 263). Этот термин быстро приобрел популярность, причем даже в монархических государствах.

Но почему столь же естественно главами государств именуют и *президентов республик*? Ведь президент США, к примеру, официально является только главой исполнительной власти. Тем не менее конституционалисты и политические философы начиная с XIX в. (см., например: 38, с. 112–118 и др.) и до сего дня (см., например: 7, с. 56; 9, с. 14; 35, с. 9; 41), как называют его и подобных ему президентов главами государств.

Характеризуя этот институт, исследователи выделяют две его функции (роли): *представительскую* (официальный высший представитель государства внутри страны и на международной арене) и, несколько реже, *символизирующую* (символ единства народа и (или) государства). Причина такого единодушия проста: конституции государств, причем закрепляющие совершенно разные системы власти, обычно так и описывают главу государства. Но если в этом заключается основной смысл данного института, возникает вопрос: *так ли уж он необходим?*

Известный отечественный конституционалист проф. А.А. Мишин утверждал: поскольку президент есть «*орган рудиментарный*, остаток некогда блистательной монаршей прерогативы», постольку «такой *анахронизм, как глава государства*, может быть устранен, так как его реальная роль и значение настолько ничтожны, что как таковой он на практике принимает весьма незначительное участие в делах управления государством» (29, с. 246–247)². Понятно, что речь здесь идет о ликвидации не института президента, тем более в президентских и полупрезидентских республиках, а его статуса как главы государства. В литературе такое

¹ См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов. – Т. 1–2. – 2-е изд., стереот. – Т. 1. – М., 1994. – С. 243.

² Правда, в 17-ти посмертных изданиях учебника этого тезиса уже нет.

предложение вполне ожидаемо не вызвало поддержки. При этом критики обычно прибегают к позитивистской (гегельянской) аргументации. Так, А.М. Осавелок прямо возражает Мишину: «Вряд ли правильно считать составителей подавляющего большинства конституций *людьми недостаточно разумными* или одержимыми “филистерским преклонением перед короной”. Скорее *следует предположить*, что для конструирования института главы государства есть вполне *рациональные, а следовательно, разумные, основания*» (32, с. 189).

Не думаю, что презумпция мудрости составителей конституций является весомым аргументом. Мне кажется, институт главы государства сохраняется по более глубоким причинам – и необязательно рациональным¹. А.А. Мишин предлагал президентам избавиться от статуса «главы», понимая, какой авторитаристский потенциал таится в этом институте. Не будем забывать: этому «высшему месту в иерархии» присуща размытость границ компетенции. А.И. Черкасов отмечает: «В странах современного мира реальная власть главы государства обычно зависит *не столько от объема принадлежащих ему полномочий*, сколько от формы правления, характера политического режима, соотношения сил в стране в тот или иной период времени, а порой и от личных качеств лица, занимающего данный пост, его умения апеллировать к массам, способности надлежащим образом выстроить отношения с другими государственными институтами, эффективно использовать соответствующие политические технологии» (41, с. 12).

Но зачем тогда нужна конституция, если полномочия президента составляют лишь малую часть его реальной власти?

Некоторые государствоведы пытаются найти «рациональные» основания имманентности института главы государства. В.Н. Суворов, например, пишет: «В чем же *незаменимость* (во всяком случае, в современном мире) этого государственного института, даже в условиях парламентарного режима? Глава государства занимает место как бы «над ветвями власти» и даже при фиктивности своих полномочий *помогает им нормально функционировать, как бы уравнивает, осуществляя функции, которые внешне выполнять другим органам государства противостоит*», что, нелогично, даже несмотря на то, что действия главы государства обусловлены, определены ими. Например, с точки зрения разделения властей было бы не вполне понятным, если бы и формально роспуск парламента осуществлялся правительством, которому только что выразили недоверие. Так же естественна, хотя обычно во многом формальна, роль главы государства при формировании правительства в парламентарных и смешанных

¹ Об этом я попытался размышлять в работе «Глава государства: Рецепция идеи “отцовства”» (21).

республиках, несмотря на то что его действия детерминированы составом представительного органа» (37, с. 53).

Роль президента как главы государства пытается обосновать В.Е. Чиркин. Понимая, что президент формально, например, по российской Конституции, находится вне традиционных ветвей власти, он ищет этому теоретическое обоснование. Чиркин утверждает, что «концепция разделения властей, являющаяся непреложным постулатом демократии, имеет прежде всего *ориентирующий характер* и нигде, по крайней мере в современных условиях, не осуществляется и, видимо, не может быть осуществлена в «чистых формах»» (43, с. 15)¹. Тем самым объясняется и «легитимируется» *главная роль* главы государства (правда, только в смешанной властной модели), без чего действительно возникает сомнение в его нужности.

В.Е. Чиркин видит смысл этой роли в **политическом арбитраже**. Он полагает, что «*главной чертой* президентской власти в полупрезидентской республике является... стремление поставить президента *над* ветвями власти, *над* институтами государства, но не в качестве лица, сосредоточивающего в своих руках властные полномочия других ветвей власти, а *в качестве арбитра* в отношениях с ними» (там же, с. 20).

Тем самым классическая конструкция разделения властей, конечно, существенно видоизменяется. Такой подход представляется, однако, гораздо более оправданным, нежели стремление «привязать» президента в смешанной модели к одной из традиционных ветвей власти – естественно, исполнительной².

Тем не менее *не могу согласиться с тем, что предназначение главы государства – политический арбитраж*. Подчеркну: тут вовсе не академический спор о терминах. Видимо, привычка иметь дело с нормами положительного права и связанная с этим склонность к *позитивистскому* мышлению играет с юристами (даже исповедующими естественное правопонимание) злую шутку. Теоретики конституционного права порой инстинктивно следуют за нормами конституций и видят своей задачей не столько опровержение тех или иных нормативных конструкций, сколько их оправдание. Тем самым незаметно для себя «удобряют» ту институциональную почву, на которой всходят ростки авторитарного типа властвования. К сожалению, апелляция к понятию «политический арбитраж» (оно используется, в частности, во французской Конституции) – из этого ряда. Попытаюсь объяснить свою позицию.

¹ Замечу, однако, что для *концепции* как раз вполне естественно иметь ориентирующий характер. А вот *принципы* (в данном случае – принцип разделения властей) ориентирующими быть не могут. Принципы суть основополагающие начала!

² Так видел место президента РФ, например, О.Е. Кутафин (см.: 24, с. 321).

«Судья на поле, играющий за одну из команд»

Х. Линц, негативно оценивая модель «активный президент», приводит следующий аргумент: «Убежденность президента в том, что он обладает независимой властью и пользуется поддержкой народа, может создавать у него *ощущение собственной силы и миссии*, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, он начинает *воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор*, в отличие от премьер-министра (в парламентской модели. – М.К.), который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна...»(25, с. 217).

Другими словами, поскольку президент получает «мандат на власть» из рук народа, ему становится «тесно в представительской и символической мантии». Он стремится расширить свое влияние на все публично-властные институты и на все сферы публичной жизни – причем с определенных партийных (вне зависимости от формального пребывания в какой-либо партии) позиций, подавляя своих политических противников. Ведь соединение в одном институте двух начал – общенационального и партийного (politics) – неизбежно приводит к их противоборству и, как правило, побеждает politics.

Такое расширение (и стремление к нему) свойственны отнюдь не только посттоталитарным странам. Это явление универсальное. Яркий тому пример дает Франция. Почти вся история Пятой республики – это история попыток (часто успешных) расширить пределы президентской власти, прежде всего посредством президентского же толкования конституционных норм. М.А. Крутоголов в монографии, показавшей процесс такого расширения, писал: «М. Дебре, представляя в 1958 г. проект Конституции (Французской Республики. – М.К.) Государственному совету, назвал президента “*верховным судьей национальных интересов*”. Однако ст. 5 Конституции несколько иначе разъясняет роль президента – арбитра нации: он обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей и преемственность государства. Можно себе представить арбитром лицо, следящее за ходом игры и могущее даже остановить ее в случае нарушения правил. Но как может быть арбитром лицо, лично участвующее в игре? А ведь именно такую роль отвела президенту Конституция 1958 г., и эта роль еще более усилилась практикой V Республики и деятельностью преемников де Голля» (22, с. 30).

Вот почему не следует особенно надеяться на добрую волю президентов, на возможность «самоограничения». Гораздо эффективнее понять, стимулирует ли сама Конституция расширение власти или, наоборот,

препятствует ему. Разумеется, дело не только в конституционном тексте, но и в строе мыслей, в степени конформизма, стиле поведения членов парламента и судей конституционной юстиции. Тем не менее повторю, многое зависит от определенности и жесткости самого конституционного текста. Во всяком случае, именно с него следует начинать поиск антиавторитарных рычагов.

Прежде всего, необходимо **отказаться от концепта «президент-арбитр»**. Это великолепная уловка, маскирующая как раз концентрацию власти в руках президента (напомню, речь идет о полупрезидентской, или смешанной, системе власти¹). Что касается России, то в нашей Конституции нет прямого указания на арбитражную функцию президента. Однако в ней закреплена синонимическая конструкция: глава государства обязан *обеспечивать «согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти»* (ст. 80).

Почему же я говорю об этом концепте в негативном плане? По смыслу термин «арбитр» близок к термину «судья», но есть и отличия.

Во-первых, арбитр не вправе *признавать виновной какую-то из сторон* спора, конфликта. При «политическом же арбитраже» такое случается сплошь и рядом – президент ведь не является нейтральным институтом (об этом я более подробно скажу ниже).

Во-вторых, арбитр может приступить к выполнению своих функций только в случае обращения к нему спорящих сторон. Однако при «политическом арбитраже» президент вправе, а иногда и обязан *по своей инициативе* вмешаться в коллизию между институтами власти – даже вопреки их воле.

В-третьих, не очень понятно, зачем вообще нужен арбитраж, коль скоро каждый орган государственной власти действует *в рамках своей компетенции* (если он выходит за эти рамки, речь должна идти уже не об арбитраже, а о защите конституционной законности). Понятно, что в политических отношениях может сложиться кризисная (тупиковая) ситуация, связанная главным образом с формированием или изменением состава правительства. Однако действия президента в такой ситуации тоже трудно называть арбитражем: он не примиряет стороны, не разрешает спор, а, формируя или настаивая на формировании определенного кабинета, принимает собственное *политическое* решение.

В-четвертых, весьма *сложно определить содержание* понятия «политический арбитраж» («обеспечение согласованного функционирования»). В Конституции РФ, например, строго говоря, есть лишь одно полномочие, которое можно расценивать как президентский арбитраж – право

¹ Хотя об арбитражной роли главы государства говорят и конституции некоторых стран парламентского типа – например, республиканской Греции и монархической Испании.

«использовать *согласительные процедуры* для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 85). По крайней мере именно это право обычно считают проявлением функции «обеспечения согласованного функционирования» (см., например: 24, с. 431; 43, с. 21).

Однако применяет это полномочие президент РФ крайне редко; оно тем более теряет свой смысл в условиях жесткой централизации всей публично-властной конструкции, начавшейся в 2000 г. Это, впрочем, не смущает тех исследователей, которые видят проявления функции «политического арбитража» даже в приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ или отмене актов правительства РФ (см., например: 24, с. 440, 442). Вряд ли, однако, стоит доказывать, что эти полномочия, скорее, относятся к функции президента как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина.

Показательно, что и Конституционный Суд РФ весьма широко трактует функцию «обеспечения согласованного функционирования». Например, в своих решениях он выводит из нее:

- обязанность Президента принимать необходимые меры по соблюдению палатами Федерального Собрания предусмотренного Конституцией РФ срока направления принятого федерального закона главе государства¹;
- издание указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения²;
- вынесение предупреждения в адрес законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ³;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» (Анализ постановлений Конституционного Суда РФ проведен с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом».

³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Государственного совета – Хасэ Республики Адыгея».

– роспуск Государственной Думы как средство удержания самого Президента и Думы от необоснованных конфликтов¹ (!?) и др.

Наконец, в-пятых (и это – самое важное), арбитр – это фигура, которая *стоит не над спорящими сторонами, а над их интересами*, преследуя лишь одну цель – справедливое разрешение конфликта. Таким образом, для арбитра естественна его **нейтральность**. Карл Шмитт справедливо замечал, что в условиях разделения властей король «становится нейтральной властью, *roisvoig neutre*, невидимым, разрешающим все противоречия и трения различных государственных действий и функций, регулирующим и модернизирующим моментом, *invisible modérateur*» (44, с. 164). Но в соответствии с Конституциями Франции, России, ряда других постсоветских государств президенты *не «становятся нейтральной властью»*. Более того, не могут ею стать, поскольку призваны исполнять две противоречащие друг другу роли – главы государства и управленца; стабилизатора и агента развития (адаптации); судьи и игрока!

Да, в современных европейских полупрезидентских республиках, кроме постсоветских, не возник, не проявил себя феномен вождя («национального лидера»). Но это результат либо зрелости и силы гражданского общества (как, например, во Франции), либо такой конституционной конструкции, когда при формально смешанной модели власти у президента нет значимых управленческих рычагов (как в Болгарии, Македонии, Словении, Польше), либо того и другого. В России же и в ряде постсоветских государств нет ни зрелого гражданского общества, ни сбалансированной конституционной конструкции. Впрочем, даже отсутствие авторитаризма в европейских полупрезидентских государствах не означает, что внутреннее противоречие между функциями «арбитра» и «начальника» не приведет (например, в условиях глубокого кризиса) к появлению «отца народа».

Как возник президентский дуализм

Думаю, истоки противоречия между необходимостью нейтралитета и политической активностью президентов кроются в *истории появления института главы государства* (примерно XVII–XVIII вв.²). Основоположники концепции разделения властей отводили монарху роль главы исполнительной власти, исходя из функциональных соображений. «Испол-

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11 ноября 1999 г. № 15-П «По делу о толковании статей 84 (пункт “б”), 99 (части 1, 2 и 4) и 109 (часть 1) Конституции Российской Федерации».

² З.М. Черниловский говорил, что исторические корни президентуры уходят в «старую римскую экстраординарную магистратуру, созданную на случай возникновения чрезвычайных опасностей, угрожающих существованию государства» (42, с. 110). Но это все-таки еще не институт главы государства.

нительная власть, – писал, в частности, Ш.-Л. де Монтескье, – должна быть в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда *требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими*; напротив, все, что зависит от законодательной власти, часто лучше устраивается многими, чем одним» (30, с. 171).

Однако политическая система того времени была совершенно иной: парламент еще не представлял собой собрания организованных политических сил, он не формировал правительство, отсутствовали институт выражения недоверия, равно как и роспуск парламента в современном его понимании, и т.д. Да и король – хотя он объективно и выражал вполне определенные политические интересы, воспринимался как «король всего народа». Не случайно Дж. Локк даже оправдывал нарушение королем законов, если его действия были направлены на общее благо (27, с. 360).

Правда, не все исследователи согласны с тем, что институт республиканского главы государства обязан своим появлением монархии. Они, напротив, склонны противопоставлять монархию и институт президентства¹. Г.В. Дёгтев, например, утверждает, что «одним из институтов, через которые осуществляется демократия, является институт президентства, возникший в рамках европейской политической культуры Нового времени, т.е. в эпоху формирования гражданского общества, как *альтернатива монархизму*» (8, с. 5). Такая позиция представляется весьма спорной. Получается, что *республика* (и, соответственно, глава государства в ней) есть «демократическая антитеза» монархии. Однако между современными конституционными монархами и президентами как главами государств нет принципиальной разницы.

Если же под «монархизмом» у Дёгтева понимается только абсолютная монархия, то и в этом случае президентскую власть нельзя считать ее альтернативой. Да, первый современный институт президентства (в США) действительно был альтернативой британской короне. *Но он не был исторической альтернативой монархизму вообще.*

Если что и следует противопоставлять абсолютизму, так это *конституционализм*. Токвиль, например, критиковал современную ему французскую систему власти (1830–1840) за институциональные несовершенства, препятствующие демократии, но отнюдь *не за саму монархическую форму правления*, подчеркивая, что власть короля, пэров и депутатов обязана Конституции (38, с. 309). Думаю, столь же неверно говорить и о том, что демократия осуществляется через институт президентства. Максимум, на что пригоден этот институт в условиях демократии, – обеспечивать,

¹ Данный институт называют в литературе по-разному: и «президентства», и «президента», и «должности президента», и «президентуры». Некоторые даже пытаются в разных терминах найти определенный смысл (см., например: 16, с. 13–14).

гарантировать демократические процедуры, но уж точно не «осуществлять демократию».

А.А. Мишин так объясняет, почему институт главы государства был трансформирован в президентство: «Глава государства – институт современной демократии, но своим появлением на свет он обязан абсолютной монархии, т.е. позднефеодальному политическому учреждению. В период создания буржуазной государственности мышление новой господствующей элиты было ограничено историческими рамками эпохи, что нашло свое выражение *в весьма сильном воздействии на общественное сознание политических и иных учреждений абсолютизма*. Правящая элита не могла, даже вводя самую прогрессивную буржуазную форму правления – демократическую республику, полностью уничтожить все монархическое. Она создала *институт главы государства, что было данью преклонения перед Короной*» (29, с. 213).

А.С. Автономов справедливо критикует эту позицию за смешение понятий «абсолютный монарх», «президент» и «глава государства». При этом указывает, что и абсолютная монархия – не признак только позднего феодализма, и не все древние, средневековые и современные республики имели и имеют главу государства (1, с. 280). Все же, думается, проф. Мишин в данном случае уловил главное: «**ген авторитаризма**» присутствует в институте президента как главы государства постольку, поскольку конституция предполагает его активную политическую роль.

Итак, никакой «альтернативы монархизму» институт президентства не представлял, а, напротив, стал, так сказать, его «правопреемником». Так что речь, скорее, может идти о некоем *историческом парадоксе*. Монарх был «встроен» в систему разделения властей, став главой исполнительной власти, но сохранив надинституциональную роль высшего представителя и символа государства. Такая конструкция была перенесена и на президента. Однако дальше шли два параллельных процесса: у монархов постепенно отбирались их реальные властные прерогативы в сфере исполнительной власти (хотя формальные у некоторых сохранились), что все более и более превращало их в представительские фигуры. В республиках же (кроме парламентских) значение президентов как политических акторов повышалось (особенно с появлением полупрезидентской модели).

Получается, что институт главы государства, родившись в рамках антиабсолютистской парадигмы, справился с задачей конституционализации только в монархии. В президентских же и полупрезидентских республиках глава государства, напротив, нередко усваивает монархическую роль «отца нации». Проще говоря, если современные конституционные монархи стали в наибольшей степени соответствовать роли нейтрального главы государства, то президенты (во всяком случае, *в президентской и полупрезидентской республиках*), наоборот, активнейшим образом участ-

вуют в текущей политической жизни и партийной борьбе, но при этом, как и монархи, формально считаются объединителями нации. Это противоречие приводит к тому, что институт главы государства, предназначенный для цементирования государственного единства, способен, наоборот, стать угрозой правовой государственности. **Как же устранить данное противоречие?**

Главный хранитель конституционного строя

Выше я критиковал стремление связать институт главы государства (в смешанной модели) с исполнительной ветвью власти. В равной степени было бы неверно признать президента институтом, стоящим *над всеми ветвями власти* или тем более *над принципом разделения властей*. Такая теоретическая конструкция как раз и служит неплохой основой для создания режима личной власти. Тут не помогает утверждение о том, что президент «возвышается» над другими институтами исключительно в целях политического арбитража. Я попытался показать, что некорректно само понятие «президентский арбитраж», да и реальная президентская деятельность не отвечает этому вроде бы «главному предназначению» главы государства. Если и есть в этой деятельности формы, близкие к понятию «арбитраж», то они крайне редки.

Можно выделить три основных направления деятельности президента в полупрезидентской республике.

Первое – выполнение традиционной функции главы государства как *высшего представителя государства*.

Второе – *руководство исполнительной властью*, включая прямые управленческие решения (как нормативного, так и индивидуального характера). Понятно, что здесь президент изменяет своему статусу главы государства, ибо неизбежно выступает как политический деятель с яркой партийной окраской (этому не мешает даже отсутствие у него партийной принадлежности).

Наконец, третье направление можно охарактеризовать как деятельность по *охране государственного суверенитета и конституционного строя*. Ясно, что здесь президент выступает уже как внепартийный, общенациональный деятель.

Драма – в том, что *роль главы государства как общенационального деятеля подавляется и искажается* из-за необходимости выступать в роли политического (politics) института. Учитывая, что «партийная» часть президентской деятельности неизбежно превращает президента – как в собственных глазах, так и в глазах населения – в «начальника над всем», становится понятно, как силен авторитарный потенциал института главы государства и насколько это угрожает конституционному строю.

Кажется, что нейтрализовать этот потенциал проще всего путем ликвидации прежде всего тех его полномочий, что связаны с формированием правительства и контролем за его деятельностью. Но это превратит полупрезидентскую форму правления в абсурд: президент избирается народом на всеобщих выборах, а роль его сведется к «церемониальной». Однако проблема даже не в этом. Современному государству жизненно необходим сильный институт, который бы предназначался (и имел реальные возможности) *для охраны государственного суверенитета и конституционного правопорядка* (и даже шире – конституционного строя). Причем он должен быть заинтересован *только* в такой охране.

То есть современному государству необходим не его глава, а **хранитель** конституционного строя и государственного суверенитета. Вместе с некоторыми институтами, которыми хранитель призван руководить, он и должен составить **новую ветвь власти – охранительную**.

Собственно говоря, о роли главы государства как хранителя говорит и российская Конституция: Президент обязан *гарантировать* Конституцию, права и свободы человека и гражданина. Под словом «гарант» понимают лицо или орган, само существование которого означает невозможность произвольного изменения существующего порядка вещей или того порядка, о котором стороны договорились и поручили гарантировать его стабильность третьей стороне. Гарант Конституции – институт, означающий незыблемость «общественного договора», содержание которого Конституцией и закрепляется.

«Ну и прекрасно, – скажет кто-то. – Раз есть обязанность российского Президента гарантировать Конституцию РФ, пусть он этим и занимается». В том-то и дело, что не получится. Функция гаранта в Конституции поставлена в ряд с теми функциями, которые обязывают Президента РФ играть активную политическую роль. И эти функции, точнее, подкрепляющие их конкретные полномочия, предоставленные Президенту, не позволяют ему стать хранителем конституционного строя. Он может только имитировать эту роль. Политик (в узком смысле этого слова) неизбежно подавит в Президенте хранителя, который должен быть политически нейтральным. Мы потому и переживаем процесс разложения институтов, призванных защищать право, что президент фактически нацеливает их на поддержание и укрепление власти одной политической группы.

В ряде стран глава государства официально или фактически является как раз таким хранителем. Закономерно, что даже те главы государств, которые, как принято считать, «царствуют, но не правят», обладают охранительной функцией, проявляющей себя «в условиях кризиса и нестабильности. Резервные потенции данного института могут придавать определенную гибкость государственному механизму, расширять возможности политического маневра» (41, с. 47). Широко известен пример, когда в

постфранкистской Испании король Хуан Карлос сыграл едва ли не решающую роль в ограждении молодой демократии от попытки реванша.

Примечательно суждение о Британской короне. Оно идеологически окрашено, поскольку было сделано еще в советское время, когда монархию (тем более в «буржуазных» странах) следовало оценивать только отрицательно: «Негативные последствия сохранения монархии достаточно очевидны и признаются некоторыми английскими авторами (*прямое вторжение в политическую жизнь при выборе премьер-министра*, когда в Палате общин отсутствует большинство мандатов у какой-либо партии; косвенное воздействие монархии как *олицетворение консервативности*, отсутствия прогресса, нежелания менять многовековые традиции и др.)... Однако выгоды от сохранения монархии для правящего буржуазного класса оказались большими, чем последствия ее недостатков. Этот институт является идеологическим орудием воздействия на население. Его политическая цель также очевидна. *При социальных потрясениях в стране вполне возможно применение королевских prerogatives*. Иначе говоря, монархия сохраняется как *резервная сила* в руках господствующего класса» (28, с. 5).

Конечно же, и иные публично-властные институты должны защищать конституционный строй, однако это не является их основной задачей. Так, парламентарии приходят в законодательный орган для представления ценностей и интересов определенных групп населения, выражаемых прежде всего в законах; руководители органов исполнительной власти отвечают за эффективное управление; судьи понимают, что для них самое важное – осуществление правосудия, и т.д. И *только для главы государства обеспечение стабильности государственного организма и охрана/защита конституционных принципов должны составлять смысл существования*.

Что значит – охранять?

На мой взгляд, на этот вопрос отвечает ст. 16 французской Конституции, которая гласит: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено, Президент Республики принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также Конституционным советом».

Аналогичная норма, но еще более жестко сформулированная, сохранилась в ст. 48 Конституции Германской империи 1919 г. (Веймарской). Она предусматривала: «Если какая-нибудь область не выполняет

обязанностей, возложенных на нее Конституцией или имперскими законами, то *Президент Империи может понудить ее к этому с помощью вооруженной силы*. Если в пределах Германской Империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то *Президент Империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы*». В статье говорилось также о праве Президента временно приостанавливать (полностью или частично) гарантии основных прав – в том числе личной неприкосновенности, тайны переписки, неприкосновенности собственности, свобод слова, собраний и союзов. Правда, при этом оговаривалось, что все эти меры подлежат отмене по требованию Рейхстага, который Президент обязан немедленно информировать обо всех принятых им мерах. Любопытно, что та же статья предусматривала для областных (земельных) правительств возможность вводить подобные меры «в случае опасности промедления» (их мог отменить либо сам Президент, либо Рейхстаг).

Мы видим, что идея возложить именно на главу государства ответственность за охрану, а точнее защиту Конституции и предоставить ему для этого весьма широкой дискреции появилась довольно давно. Однако некоторые исследователи *относятся к ней отрицательно*. Так, М.А. Крутоголов предъявлял довольно много претензий как к самому институту чрезвычайных полномочий, так и к практике его применения – в частности, де Голлем в 1961 г. Он писал: «Опыт применения чрезвычайных полномочий президентом в 1961 г. убедительно показал, что ст. 16 Конституции имеет двойное назначение и может быть использована как для сопротивления подрывным действиям, так и для дальнейшего низведения роли парламента» (22, с. 311). Сходным образом В.Г. Баев оценивал применение ст. 48 Веймарской Конституции фон Гинденбургом: ставил ему в вину то, что он использовал свои чрезвычайные полномочия для борьбы с левыми силами, в том числе после провокационного поджога здания Рейхстага (5, с. 302-306, 329). Что ж, если рассматривать институт чрезвычайных полномочий президента сквозь призму современного понимания полупрезидентской республики, можно сказать: да, это представляет угрозу политическим противникам президента. Но в том-то и дело, что речь идет об использовании таких полномочий для обеспечения только одной роли – верховного хранителя конституционного строя.

Впрочем, когда я говорю о президенте как хранителе конституционного строя, то имею в виду не только его чрезвычайные полномочия. Как раз о них – в последнюю очередь. Охранительная роль президента должна проявлять себя прежде всего в рутинной работе, ибо угроза конституционному строю может возникать даже при проведении определенной социальной или экономической политики правительства. И разве не должен

президент-хранитель принять на себя ответственность за формирование правительства, если политические силы в парламенте (нижней палате) не способны прийти к компромиссу?

Итак, основное назначение главы государства – вне зависимости от того, в рамках какой модели демократической организации власти он функционирует (хотя речь прежде всего идет о полупрезидентской республике), – быть интегратором государственной власти, хранителем суверенитета страны и конституционного строя. Эта роль вовсе *не означает институциональной слабости главы государства*, но, наоборот, требует действительных властных прерогатив. Они позволят, с одной стороны, вывести из возможных политических тупиков, а с другой – оградить конституционный строй от разрушения. Ведь одно из его слабых мест – наличие теоретической вероятности (а кое-где и реальной возможности) легального овладения государственной властью противниками самого этого строя.

В заключение вновь подчеркну: **говорить о выполнении главой государства роли гаранта/хранителя бессмысленно и даже опасно для самой государственности, если такой глава не будет действительно политически нейтральным.**

Список литературы

1. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. – М.: Проспект, 2005. – 547 с.
2. Алиев А.Ф. Президент в президентской республике (На примере США): Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. – М., 1999.
3. Аузан А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. – М., 2007. – № 6. – С. 54–60.
4. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. – М.: БЕК, 1998. – 505 с.
5. Баев В. Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX в.): Историко-правовое исследование. – 2-е изд., доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 352 с.
6. Баев В.Г., Ковальски С.Ч. Европейский конституционализм Германии и Польши: (Опыт историко-теоретического анализа) / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2011. – 690 с.
7. Бернам У. Правовая система США. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
8. Дёгтев Г. Конституционно-правовой статус президентов Российской Федерации и США: Сравнительно-правовой анализ. – М.: Юристъ, 2003. – 159 с.
9. Дёгтев Г. Становление и развитие института президентства в России: Теоретико-правовые и конституционные основы. – М.: Юрист, 2006. – 237 с.
10. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Пер. с франц. А.С. Яшенко, В.А. Краснокутского и Б.И. Сыромятникова; с предисл. к русскому переводу проф. П. Новгородцева и автора. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.
11. Еллинек Г. Право современного государства. – Т. 1: Общее учение о государстве. – 2-е изд., испр. и доп. по второму немецкому изданию С.И. Гессеном. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – 626 с.
12. Заостровцев А.П. Конституционная экономика, общественный договор и российское общество // *Общественные науки и современность*. – М., 2008. – № 1. – С. 56–68.

13. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / Пер. с англ.; Общ. ред. и комментарий Э.А. Иваняна. – М.: Стратегия, 2001. – 509 с.
14. Касамава В., Сорокина А. «Идеальный» президент глазами российских и французских студентов // *Общественные науки и современность*. – М., 2012. – № 1. – С. 5–15.
15. Кирдина С. Институциональная структура современной России: Эволюционная модернизация // *Вопросы экономики*. – М., 2004. – № 10. – С. 89–98.
16. Комарова В., Магомедов Ш. Глава государства, региона Российской Федерации. – М.: ОКТБ, 1999. – 319 с.
17. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. – Т. 1–2: Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: БЕК, 1999. – 784 с.
18. Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В.Махлаков. – М.: Юрист, 2001. – 559 с.
19. Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь / Авт. коллектив: В.А.Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. – М.: Большая росс. энциклопедия, 1995. – 416 с.
20. Котляревский С.А. Конституционное государство // Котляревский С.А. Избранные труды; (сост., автор вступ. ст., коммент. К.А. Соловьев). – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 193.
21. Краснов М. Глава государства: Рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки и современность*. – М., 2008. – № 5/6. – С. 68–79.
22. Крутоголов М. Президент Французской Республики: Правовое положение. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
23. Кудашев А. Конституционное собрание // *Основные элементы демократии* / Пер. с нем. К.Р. Новожиловой. – СПб.: Хронограф, 1993. – С. 8.
24. Кутафин О. Глава государства. – М.: Проспект, 2012. – 560 с.
25. Линц Х. Опасности президентской формы правления // *Теория и практика демократии: Избранные тексты* / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева и Б.Г. Капустина. – М., 2006. – С.216–222.
26. Линц Х. Опасности президентства // *Пределы власти*. – М., 1994. – № 2/3. – С. 3–24.
27. Локк Дж. Два трактата о правлении // *Локк Дж. Сочинения*: В 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – 670 с.
28. Махлаков В. Конституция Великобритании (вступительная статья) // Махлаков В.В. Конституции буржуазных государств. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 3–23.
29. Мишин А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. – М.: Наука, 1976. – 764 с.
30. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 159–735.
31. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. Т.П. Емельяновой. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
32. Осавелок А.М. Конституционное право зарубежных стран. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 511 с.
33. Паречина С.Г. Институт президентства: История и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. – Минск: ИСПИ, 2003. – 163 с.
34. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. – Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
35. Сахаров Н. Институт президентства в современном мире. – М.: Юридическая литература, 1994. – 176 с.
36. Страшун Б.А. Вводная статья к Конституции Польской Республики // Конституции государств Европы: В 3 т. – Т. 2. / Под общей ред. Л.А. Окунькова. – М., 2001. – С. 683.

37. Суворов В. Институт главы государства: Юридическая природа и положение в системе власти // Право и жизнь. – М., 1998. – № 13. – С. 50–64.
38. Токвиль А. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
39. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс: Хрестоматия / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 1998. – С. 131–194.
40. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ.; общ. ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
41. Черкасов А. Глава государства и правительство в странах современного мира: (Конституционно-правовое регулирование и практика). – М.: Экзамен, 2006. – 222 с.
42. Черниловский З.М. Институт президентуры в свете исторического опыта // Советское государство и право. – М., 1991. – № 6. – С.110–116.
43. Чиркин В. Президентская власть // Государство и право. – М., 1997. – № 5. – С. 15–23.
44. Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.
45. Яковенко И.Г. Манихейская компонента русской культуры: Истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 3. – С. 55–67.

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из наиболее явных и значимых следствий эволюции политического режима в России в первое десятилетие XXI в. стало усиление зависимости судов от исполнительной власти. В сущности, этот процесс можно было бы считать возвращением к дореформенному состоянию. Но все же дело обстояло сложнее и тоньше. Тут следует хотя бы коротко обрисовать исходные условия реформы.

Об особенностях советского суда

В советский период суды находились под политическим и идеологическим контролем районных, городских и прочих органов компартии. Этот контроль был вполне совместим с обычным административным давлением. Судьи, безусловно, были включены в номенклатуру на разных ее уровнях. Замещать должности судей могли только члены КПСС (в народных судах также члены ВЛКСМ и лишь в очень редких случаях – беспартийные). При этом еще с 1930-х годов на законодательном уровне провозглашались принципы независимости судей и выборности судов. Народные судьи в СССР избирались населением, но выборные процедуры были чистой формальностью – в бюллетенях всегда значилась фамилия одного кандидата, определенная (одобренная) соответствующим партийным органом. Гражданам следовало просто донести бюллетень до прорези в ящике. «Избранные» таким образом судьи, разумеется, были совершенно независимы от того, кто их реально назначил.

Фактически судебная власть находилась в подчинении административной. Степень этой несвободы была абсолютной, но выражалась она по-разному, и в целом судебная деятельность была обусловлена стилем, прихотями и замашками конкретного руководителя страны, региона, территории – в общем, стилем власти.

Суды участвовали в организованных властью политических кампаниях (гласных и негласных), если эти кампании предусматривали меры уголовной репрессии. Скажем, в конце 1950-х – начале 1960-х годов по

инициативе партийных органов и прокуроров судами регулярно выносились приговоры за бранные надписи в избирательных бюллетенях, сделанные в ходе выборов. Такие надписи квалифицировались как антисоветская агитация. Авторов, несмотря на тайну волеизъявления, успешно выявляли. В середине и конце 1960-х годов было вынесено немало приговоров по ст. 209 УК РСФСР – за «паразитический образ жизни». Суды обычно четко исполняли волю партии, выражаемую прокуратурой. В какие-то моменты власть утрачивала интерес к тем или иным «преступлениям». И суды, чутко реагируя на гласные либо негласные установки, вносили в практику коррективы – вопреки жалобам некоторых бдительных членов избирательных комиссий или борцов с «тунеядцами».

Вообще судьи должны были чувствовать настроения и пожелания начальства, которое в крайнем случае могло воспользоваться и «телефонным правом» – методом прямого воздействия. Отметим, кстати, что с советских времен у нас существует принцип совпадения судебных и административных территорий. Суды формировались в пределах административно-территориальных единиц (имеются в виду районные, областные, верховные суды союзных республик) и были связаны с Советами народных депутатов. Судебных округов как таковых не существовало. Этот принцип, думается, тоже сыграл негативную роль.

В период перестройки, в самом конце 1980-х годов, от выборности судей народных судов отказались – скорее всего, по причине формальности и дороговизны процедуры. В сущности, из экономии. Согласно новому закону, народных судей стали назначать областные и приравненные к ним Советы народных депутатов – по представлению Минюста и верховных судов союзных республик. Членов областных и краевых судов избирали (назначали) верховные советы этих республик.

В те годы приобрела популярность тема «социалистического правового государства». Это была, так сказать, компромиссная идеологическая конструкция. Но ей не суждено было реализоваться. Советская эпоха закончилась. Правда, трудно предположить, что в принципе возможно существование такого государства. Ведь «социалистическое» и «правовое» еще ни разу в истории не приходили в гармонические отношения.

О судебной реформе 1990-х

После того как в начале 1990-х годов прекратил существование однопартийный режим и распался СССР, перед судебной системой открылась перспектива реформы. Избавление от политического контроля партийных органов было лишь частью проблемы. Стоял вопрос о восстановлении правосудия как такового.

Реформа судебной системы, как известно, стала элементом широкого реформационного процесса. Ее важным результатом было создание Конституционного Суда РФ и формирование двух параллельных судебных систем – судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Последние появились в 1991 г., причем на базе государственных арбитражей – административных по своей природе органов. Нужно отметить, что арбитражные апелляционные суды и федеральные арбитражные суды округов (ФАСО) строились по собственной системе. Судебные округа не совпадали с территориальным делением России.

Постепенно стал оформляться и институт судов присяжных.

Важной задачей реформы было обеспечение независимости судей – прежде всего от административной власти. Но тут все оказалось не так просто. Закон «О статусе судей в Российской Федерации», принятый в 1992 г. (вскоре после Закона «О Конституционном Суде РСФСР» 1991 г.), закрепил и конкретизировал принципы независимости и несменяемости судей. Но в отличие от законов периода перестройки он наделил полномочиями по назначению федеральных судей не представительные органы, а президента России, который должен был осуществлять эти полномочия «по представлению Председателя Верховного Суда РФ» и «с учетом мнения законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации».

Данная конструкция соответствовала духу эпохи – во многих государствах судьи назначаются президентом; этот опыт оказался востребован. Такой порядок должен был укрепить статус судей. Можно также предположить, что авторам закона трудно было полностью освободиться от влияния личности первого российского президента – Б.Н. Ельцина. Многими инициаторами реформы он воспринимался как ее гарант, и в каком-то смысле он действительно им был.

Президент стал назначать всех федеральных судей, в том числе (по умолчанию) председателей и заместителей председателей судов. Это означало, что отбором и проверкой кандидатов на судебские должности занялись в президентской администрации. Конституция РФ 1993 г. закрепила этот порядок, несколько изменив процедуру формирования судебного корпуса высших судов: их стал назначать Совет Федерации по представлению главы государства. Условная независимость судей главных судов страны оказалась связана с независимостью и влиятельностью верхней палаты российского парламента.

Следует подчеркнуть, что поначалу этот порядок не давал особых поводов для беспокойства. Мало-помалу судебная ветвь власти начала ощущать себя властью. Судьи все чаще принимали решения, которые шли вразрез с интересами административных структур – от глав районов до Администрации президента РФ. Справедливость таких решений можно

оценивать по-разному. Но не вызывало сомнений то, что они были вынесены самими судьями, не подвергавшимися давлению извне.

Примеров таких решений немало. Можно вспомнить, в частности, оправдательный приговор, вынесенный Верховным Судом РФ в августе 1994 г. генералу В. Варенникову, активному участнику заговора ГКЧП 1991 г., считавшемуся едва ли не личным врагом тогдашнего президента России. В феврале 1995 г. Президиум Верховного Суда РФ оставил приговор в силе. Вряд ли это порадовало главу государства. Но такого рода решения для судей Верховного Суда РФ не оборачивались неприятностями.

Новый суд для нового президента

Следующий президент России придавал роли судов особое значение. Второй год его президентства (2001) ознаменовался внесением поправок в Закон «О статусе судей в Российской Федерации». На первый взгляд, поправки меняли не так уж много. Из закона исчезло упоминание о согласовании кандидатур судей с органами законодательной (представительной) власти регионов. Появились специальные нормы о назначении президентом председателей и заместителей председателей судов – их компетенция впервые была довольно подробно регламентирована. Предусматривалось, что председатель суда распределяет обязанности между судьями, осуществляет общее руководство аппаратом суда и т.д.

Председатели судов и их заместители становились, таким образом, полноценными начальниками. Хотя многими из появившихся в законе полномочиями они де-факто пользовались и раньше, тем не менее это было реальное повышение их статуса. Правда, эти полномочия ограничивались двумя шестилетними сроками. По истечении первого срока председатель суда мог быть заменен: решающее слово в этом вопросе оставалось за Администрацией президента. Тот, кто определял судьбу председателей судов, получал возможность влиять на поведение судов. Последние приобретали некоторые черты бюрократических, иерархически устроенных ведомств.

Необходимо подчеркнуть: в сущности, эти поправки лишь закрепили неформальную практику, четко обозначившуюся в 2000–2001 гг.

Все кандидаты на судейские должности, как и раньше, проходили тщательную проверку в структурах Администрации президента. Но теперь в еще большей степени это был тест на лояльность. Председатели судов рассматривались (и должны были так себя чувствовать) в качестве доверенных лиц президентской власти. Лояльность президенту подразумевала лояльность главе региональной (городской) администрации. Исключения (весьма редкие) составляли случаи, когда региональный или городской глава был по тем или иным причинам не угоден Администрации прези-

дента. Так, например, в октябре 2000 г. Курский областной суд отменил регистрацию в качестве кандидата на губернаторскую должность действующего губернатора Александра Руцкого. А в июне 2001 г. городской суд Нижнего Новгорода преградил путь в губернаторы мэру Нижнего Новгорода Юлию Лебедеву. Оба вышли из доверия у Кремля.

Суды понемногу встроились в так называемую властную вертикаль, тем более что административные и судебные территории совпадали.

Нужно отметить еще одну важную деталь. До 2009 г. действовала норма, согласно которой каждый вновь назначенный судья наделялся полномочиями на пять лет с возможностью назначения по истечении этого «испытательного» срока уже без ограничения срока полномочий. В этой ситуации переназначение судьи целиком зависело от председателя суда. «Испытания» судей при приеме на работу фактически действовали 16 лет. За это время произошел неизбежный отбор. Можно предположить: остались те, кто доказал свою лояльность председателю и административной вертикали.

По закону давать оценку работе судей, контролировать соблюдение ими правовых и этических норм должны были квалификационные коллегии судей (ККС). Они задумывались как органы судейского сообщества, обеспечивающие его независимость от других ветвей власти, а также беспристрастность при разборах конфликтов и жалоб. И тут мы снова сталкиваемся с ситуацией явного разрыва между идеей (вполне рациональной и демократичной) и ее воплощением. ККС фактически повсеместно оказались под контролем председателей региональных судов.

Особое – одновременно начальствующее и зависимое – положение председателей судов стало определять линию поведения коллегий. Они, мягко говоря, не были благосклонны к судьям, настаивающим на своей независимости или не проявляющим готовности автоматически одобрить любую работу следственных органов. И уже тем более судьи не должны были испытывать сомнений при рассмотрении дел, связанных с интересами представителей правящего слоя. Нелояльность (или недостаточная лояльность) могла обойтись дорого.

Региональная практика: Москва как авангард

В этих вопросах, впрочем, важную роль играла личность председателя регионального суда, его способность расставлять и менять судейские кадры. Так, например, строго иерархическая система отношений, связанная с административной вертикалью, сформировалась в московских судах. Для других регионов Москва служила ориентиром – с точки зрения обслуживания интересов исполнительной власти. Поэтому присмотримся к московскому опыту повнимательнее.

Для начала председателю Московского городского суда потребовалось в 2001 г. (практически сразу после утверждения в должности) заменить председателя ККС, перенести ее заседания из помещения одного из районных судов (Краснопресненского) в здание городского суда, а затем – с помощью обновленной коллегии – избавиться еще от полутора десятков строптивых судей. Итогом стало превращение всей системы московских судов в надежный инструмент административной власти.

Целый ряд решений, принятых в течение пятнадцати лет по делам, одной из сторон в которых выступали правительство Москвы либо мэр, позволяет судить о динамике отношений «суд – власть».

Напомню, что мэром, т.е. главой московского правительства, с 1992 по 2010 г. был Юрий Лужков. Можно предположить, что его восприятие судебной власти все эти годы особенно не менялось. А вот отношение судов и судей Москвы к мэру менялось весьма заметно. Здесь, конечно, нужно сказать об одном важном обстоятельстве. Вопреки Конституции РФ, требующей финансировать суды только из федерального бюджета, мэр щедро оплачивал капитальный ремонт судов Москвы из бюджета города и даже назначал (в «голодные» времена) судьям и, что очень важно, работникам аппарата так называемые лужковские надбавки.

В 1990-е годы мэрия судилась с переменным успехом. Так, на два выигранных Лужковым хозяйственных спора приходился один проигранный. Причем тогда еще бывали случаи, когда суд вставал на сторону организаций и групп граждан, осмеливавшихся оспаривать распоряжения мэра и постановления правительства, связанные с передачей объектов недвижимости. Например, защиту суда в 1993 г. получил Антисионистский комитет (споривший с Лужковым и Еврейским культурно-просветительским обществом), в 1994 г. – общество «Спартак» (добывавшееся от Лужкова передачи обещанного здания), в 1995 г. – Московская товарная биржа (требовавшая примерно того же), ПТУ № 87 (лишенное мэром здания мастерских), в 1996 г. – администрация кинотеатра «Новороссийск» (которому, правда, это не помогло) и т.д.

Подобных решений – не в пользу мэрии и мэра – после 2000 г. мне обнаружить не удалось.

В середине и конце 1990-х годов московский мэр еще мог проиграть в суде дело о защите чести и достоинства. Надо сказать, он показал себя весьма обидчивым политиком. Основаниями для его исков зачастую становились заявления, имевшие характер политических оценок либо аналитических суждений. Например, в мае 1998 г. один из районных судов отклонил иск Ю. Лужкова к Е. Гайдару, предъявленный в связи со статьей в

«Московских новостях» («Почему в Москве жить хорошо»)¹, в которой разбирались коррупционные схемы, используемые в столице. Правда, спустя полгода Мосгорсуд все же вынес новое решение – в пользу мэра.

А далее начиная с 2000 г. московские суды удовлетворяли уже все иски главы города. Ю. Лужков восстановил добрые отношения с президентом; новая реальность широко освещалась в СМИ. После этого мэр мог успешно судиться с кем угодно. Например, со своим главным критиком на федеральных телеканалах журналистом С. Доренко (несколько исков в 2000 г.), с Владимирским управлением ФСБ (2001), с телеканалом «Россия» (2005), с газетой «Известия» (2006) и т.д. Обвинения мэра в разжигании конфликта в районе Бутово суды признавали порочащими его честь и достоинство. Интересно, что фразу одного из адвокатов жителей района («не надо пугать нас расправой...») сочли наносящей вред деловой репутации московской мэрии. В то же время оскорбительную характеристику мэром жителей Бутово («жлобы») суд не признал унижающей их достоинство.

Суды защищали мэра от любых упреков и обвинений в коррумпированности правительства Москвы. Были удовлетворены иски Лужкова к журналу GQ (2008), к Издательскому дому «Коммерсант» (2009), к председателю партии «Правое дело» и телекомпании Рен-TV (2009). В апреле 2010 г. Ю. Лужков предъявил иск от имени правительства Москвы лидеру ЛДПР В. Жириновскому, назвавшему московских чиновников «коррупционерками». Рассмотрение дела несколько затянулось, а в сентябре 2010 г. Ю. Лужков указом президента Д. Медведева был освобожден от должности мэра. Ситуация сразу изменилась.

В октябре 2011 г. глава Администрации президента С. Нарышкин назвал «запредельным» уровень коррупции в Москве при Ю. Лужкове. Последний немедленно обратился с иском в суд, – вероятно, по привычке. Однако в ноябре того же года Савеловский суд отклонил иск экс-мэра к В. Жириновскому, а в декабре Пресненский суд его же иск – к С. Нарышкину. Мосгорсуд оставил эти решения в силе. Позже о коррумпированности власти при Ю. Лужкове писали самые разные издания. Но экс-мэр уже не пытался оспорить эти оценки в судах. Результат-то был предсказуем.

Конечно, случай Ю. Лужкова – особый. Главы региональных администраций обычно не прибегают так часто к защите суда. Но модель отношений «губернатор – региональный суд» во всех российских регионах действовала в общем по одним и тем же правилам. Судья был обязан защищать губернатора. Но именно как институт, а не как личность. Когда глава региона терял политические позиции, судья должен был оперативно делать выводы.

¹ Гайдар Е. Почему в Москве жить хорошо // Московские новости. – М., 1998. – № 7. – 22 февр. – 1 марта.

О судебной контрреформе 2000-х

Мы сосредоточились на анализе отношений судов с представителями регионального правящего слоя, так как в фокусе нашего внимания находится политический режим. Надо сказать, что та же модель отношений утвердилась и в уголовном судопроизводстве. В 2013 г. Верховный Суд РФ опубликовал статистические данные, согласно которым число вынесенных оправдательных приговоров по уголовным делам в Москве в 2012 г. оказалось ниже, чем когда бы то ни было, – 0,7%¹. Может ли это свидетельствовать, скажем, об общем ужесточении уголовной политики? Отчасти да, но дело, думается, все же не в этом. Главная причина – не критичное отношение подавляющего большинства судей к результатам работы следствия. Восстановление привычной (с советских времен) зависимости от исполнительной власти закономерно привело к фактическому отказу суда от осуществления функции правосудия. Всё, что сделано следствием, будет устраивать зависимый суд, и потому текст обвинительного заключения окажется воспроизведенным в приговоре.

Фактически в течение 2000-х годов произошла судебная контрреформа. Приведем мнение Сергея Пашина (одного из авторов первого Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») о странной, парадоксальной даже взаимосвязи контрреформы с реформой самой системы права: «Полагаю, что судебная контрреформа в постсоветской России не шла у реформы по пятам, как это наблюдалось в XVIII в., но развивалась параллельно ей и, вдобавок, опережающими темпами. Главная причина здесь – это сохранение у кормила политической власти вообще и у руля судебной власти в частности воспитанных в эпоху “социализма” деятелей, учившихся у творцов и прислужников террористической диктатуры. Эстафета не была прервана, а судебные структуры, несущие на себе и воспроизводящие тоталитарную идеологию, не только не были демонтированы, но, мастерски играя на злободневных потребностях политиков в легитимизации их противоправной деятельности (будь то развал Союза ССР, “позапная конституционная реформа” 1993 года с октябрьским расстрелом Верховного Совета России, чеченская бойня, уход от импичмента, предвыборные махинации, назначение на важные государственные посты олигархов из “семейного” окружения), укрепились и расширились физически и с точки зрения сфер влияния. Юридическая наука (особенно ведомственная судейская, прокурорская и милицеейская), как и в советское время, продолжает обслуживать карательную государственную машину, изучая и рефлексирова ее практику. Отсюда и одобрение законов, нару-

¹ См.: Число оправдательных приговоров в Москве снизилось на треть. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/02/07/strict>

шающих Конституцию России, права и свободы человека, и готовность “отложить в сторону” даже их»¹.

Нельзя не согласиться с этим выводом С. Пашина. Кадровый состав судебной системы в основном не соответствовал тем задачам, которые были сформулированы в Конституции 1993 г. А новые нормы, устанавливающие порядок назначения судей и освобождения их от должности, а также неформальная практика, связанная с обеспечением лояльности судебного корпуса исполнительной власти, только усугубили ситуацию.

Именно такая судебная власть оказалась совершенно органичной политическому режиму, который сформировался в России к 2013 г. – к 20-летию Конституции.

¹ Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. – М., 2003. – № 2. – С. 161–182.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

***О ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА И О
РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ***

*К сожалению, в истории обычно остается
приговор истории, а не приговор права.
Тем важнее вовремя проанализировать
события на предмет их «правовой чистоты».
Чтобы дать возможность потомкам
в обстоятельствах другой правовой
реальности войти не в закрытую,
а лишь в полуприкрытую дверь
нового международного доверия.*

Часть 1. Право и его верховенство как яблоко раздора

Комментируя высказывания президента России Владимира Путина по поводу Украины, президент США Барак Обама сказал: «У президента Путина, вероятно, другой набор юристов. Может быть, у него другой набор интерпретаций»¹. Надо отметить, что Обама был весьма деликатен. Канцлер ФРГ Ангела Меркель, выступая перед членами Бундестага, высказалась жестче: «Россия во время кризиса на Украине действовала по закону джунглей, актуальному для XIX–XX веков»². Что это? Пройски врагов? Нападки геополитических конкурентов, стремящихся к мировому господству? Но ведь до этого сотрудничество хотя и было непростым, но не предполагало таких срывов. Неужели дело действительно в праве? Попробуем разобраться.

О разнице в интерпретациях

Право. Российские юристы действительно иначе, нежели их европейские и американские коллеги, понимают право. На вопрос о том, что такое право, большинство из них (тех, кто имеет высшее юридическое об-

¹ См.: РИА Новости. – Mode of access: <http://ria.ru/world/20140304/998156375.html>

² Ведомости. – М., 2014. – 13 марта. – Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/23913481/merkel-rossiya-dejstvuet-na-ukraine-po-zakonu-dzhunglej#ixzz3AqH4XNjK>

разование) ответит, что это совокупность санкционированных государством правил поведения, нарушение или неисполнение которых влечет за собой применение юридической ответственности. Но мало кто при этом уточнит, что есть еще целый набор требований к содержанию и форме этих правил, к тому, как они формулируются, каким образом принимаются и – главное – как работают.

Это связано с тем, что в России начиная с последних десятилетий XIX в. и до 20-х годов XX активно разрабатывалась позитивная теория права в ее юридическом, социологическом и психологическом вариантах. Е.В. Васильковский, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.Д. Grimm, Д.А. Дриль, А.А. Жижиленко, М.Н. Капустин, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.А. Неклюдов, Н.И. Палиенко, С.В. Пахман, Л.И. Петражицкий, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, П.А. Сорокин, И.Я. Фойницкий, Г.Ф. Шершеневич – вот далеко не полный перечень российских ученых, которые внесли заметный вклад в ее развитие. Тогда это были новые идеи, имевшие западноевропейские корни, а правовой позитивизм, описывающий и систематизирующий законы, был мировым трендом.

За прошедшие полтора века взгляды на государство и право в мире сильно изменились. Возобладал естественно-правовой подход, убежденность в том, что помимо права, создаваемого государством, существует еще «естественное право», имеющее большую силу, чем позитивное. Оно включает в себя представления о справедливости и общем благе, социальные институты, защищающие свободные обмены и позволяющие пресекать агрессивное насилие. В России же, увы, произошла консервация позитивизма: авторитарной советской власти позитивный подход к праву был выгоден, и советские ученые, отвергая враждебные «буржуазные» исследования, продолжали отстаивать постулаты позитивистской теории права (8). В итоге единственным научным содержанием права стало изучение законов, а юриспруденцию подменили легистикой.

По наследству от СССР традиции юридического позитивизма образца столетней давности перешли к современной России. Заняв господствующее положение в правоведении, они тем не менее оказались не единственными. В нашей науке есть много современного и интересного. Например, либертатно-юридическая концепция философии права академика В.С. Нерсесянца, теория правового регулирования академика Ю.А. Тихомирова, институциональная теория права профессора В.А. Четвернина, которые позволяют исследовать право не только как официальные тексты, но и как реально действующие нормы, т.е. как феномен социальной жизни, социальных коммуникаций (13; 16; 18). Но в целом российская юридическая наука и школа, готовящая специалистов для судебной и правоохранительной деятельности, такими сложными категориями не оперируют. Они не рассматривают право как сложную социаль-

но-политическую дисциплину с огромным количеством неотъемлемых друг от друга тонких внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей.

Российская юриспруденция декларирует, что материальным источником права является жизнь. При этом, противореча сама себе, единственными и достоверными считает источники формальные. У нас до сих пор с удовольствием цитируют слова замечательного русского философа права второй половины XIX в. Н.М. Коркунова: «Право не может быть мерилом для оценки интересов в свете добра и зла. Оно лишь определяет границы осуществления интересов и устанавливает определенные права и обязанности субъектов отношений» (10, с. 59). Кстати, англичане давно уже не употребляют термин «право» в чистом виде. В их юридическом дискурсе оно называется «law and morality» (право и мораль).

Верховенство права. Присоединение России к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (1998) внесло в официальную юридическую лексику огромное количество новых, не свойственных ей раньше понятий, таких, например, как жертва нарушения прав и свобод, свободные и справедливые выборы, приоритет ценностей и многие другие. Практикующим юристам (включая преподавателей правовых дисциплин) даже выучить всю эту новую терминологию было очень не просто. Еще более сложной задачей оказалось осознать ее сущность, т.е. овладеть всем багажом знаний, мыслей, гипотез и их доказательств, который на протяжении длительного времени нарабатывался учеными разных стран для создания единого приемлемого межконтинентального правового режима. К тому же начало процесса имплементации европейского права в России совпало с масштабной правовой реформой. Объем новых материальных и процессуальных правовых норм был так велик, что юристам было не до высоких смыслов и изысканий европейских ученых.

Самым сложным для российского восприятия оказался термин «верховенство права». Его попытались перевести дословно и... получилось «верховенство закона». Потому что словосочетание «rule of law», которым в английском языке обозначается верховенство права, при не очень профессиональном подходе переводится на русский и как верховенство права, и как верховенство закона. Но в английском «law» означает, скорее, не форму и не текст нормативного правового акта, принятого парламентом, а некое особое правовое предписание, отличающееся высшим смыслом. А это не совсем соответствует русскому слову закон с формальной точки зрения. Английское «law» вообще неаутентично слову «право» в его российском понимании и переводить его как «право» нельзя. «Право» – это «right».

В итоге английское «rule of law» и его русский перевод – это совершенно разные философские понятия. Верховенство права на Западе помимо строгого соблюдения закона, юридической силы и иерархии норматив-

ных актов, в первую очередь, означает верховенство смыслов. В России же оно трактуется как верховенство буквы закона. В докладе Венецианской комиссии «О верховенстве права» разнице между понятиями «верховенство права» и «верховенство закона» уделено специальное внимание. «В недавнем прошлом, – говорится в нем, – суть верховенства права в некоторых странах была искажена до того, что она стала равнозначной таким понятиям, как верховенство закона» («rule by law») или «управление на основе законодательства» («rule by the law»), или даже «закон на основе норм» («law by rules»). *Такие формы толкования позволяют оправдать авторитарные действия правительств* и не отражают истинного значения понятия «верховенство права» (6, с. 7).

Правовое государство. Еще большую путаницу в российскую трактовку¹ принципа верховенства права внес закрепленный Конституцией России термин «*правовое государство*», который является континентальной альтернативой англосаксонского «верховенства права»². Однако за 20 лет в России так и «не сложилось того единства, которое позволило бы говорить о наличии в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства» (7, с. 52–53).

Да, не сложилось и не могло сложиться. Потому что все определения российских учебников, из которых следует, что государство является формой организации общества, устарели. Они неверны по отношению к любому современному государству и вдвойне неверны по отношению к государству правовому. Для объяснения его природы не пригодны повсеместно распространенные определения вроде: «Государство – это политическая организация общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом». Правовое государство может быть определено не само по себе, а через его взаимоотношения с гражданским обществом, без которо-

¹ Российские авторы невольно идут за англоязычными правовыми философами, которые понятие «государство» («state») используют в основном применительно к международному праву, а рассуждая о внутренней правовой системе, используют термин «government», обычно переводимый на русский как «правительство». Термин «state» используют чаще всего в юридическом «американском английском» языке в значении «правовой статус», затем «штат» – субъект федерации в США и реже – как «государство» в нашем смысле этого слова. В связи с этим возникает непонимание при переводах, искажающее различие между доктриной российского правового государства из Конституции РФ и немецкого кантовского «Rechtsstaat» из Конституции Германии, с одной стороны, и англо-американской доктриной верховенства права – с другой.

² Концепции *Rechtsstaat* (правового государства) и *верховенства права* отличаются по двум пунктам: 1) англо-американская традиция не считает, что право может быть сведено к логической системе, контролируемой только лишь конституционным судом; 2) она не считает, что права гражданину предоставляются государством.

го не способно существовать, так же как и гражданское общество не может полномасштабно развиваться, если государство не является правовым (1).

Итак, одни трактовки устарели, других не сложилось, а о третьих так и не договорились. А ведь это не просто определения, но совершенно иная политико-юридическая модель взаимоотношений государства и общества, на которой основываются правовое сознание и правовое поведение. Получается, что Россия живет в другом правовом измерении, нежели большинство современных государств. Тонкий юрист-конституционалист 44-й президент США Барак Хусейн Обама в одной фразе сумел выразить суть проблемы, которая однажды вырвалась за пределы научной дискуссии и в конкретно сложившейся ситуации привела к жесткому разногласию. Говоря, вроде бы об одном и том же, мы вкладываем в слова совершенно разный смысл. Поэтому не понимаем друг друга.

О разных юристах

Юристы в России тоже отличаются от своих зарубежных коллег. Конечно, не все. В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны. Остальные тем или иным способом постепенно выводились за рамки государственной юридической деятельности. В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями. Одно по преимуществу составляют чиновники «от юриспруденции», судьи и парламентарии, члены избирательных комиссий и сотрудники правоохранительных органов. Другое – адвокаты, правозащитники и независимые ученые.

На международном симпозиуме «Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире», проходившем в Конституционном Суде России в октябре 2013 г., президент Американской ассоциации юристов Джеймс Силкинат назвал четыре универсальных требования, необходимых для функционирования системы, обеспечивающей реализацию принципа верховенства права. А именно:

- 1) государственный аппарат, его должностные лица и официальные представители подчиняются праву;
- 2) нормативные правовые акты являются ясными и определенными, официально публикуются, отвечают требованиям стабильности и справедливости и направлены на обеспечение и защиту основных прав, в том числе на защиту личности и собственности;

3) процесс принятия, исполнения и обеспечения действия нормативных правовых актов является открытым, справедливым и рациональным;

4) правосудие осуществляется компетентными, высокоморальными и независимыми заседателями или нейтральной стороной, которые имеются в государстве в достаточном количестве, обладают адекватными ресурсами и отражают структуру общества, которому служат (3).

Господину Силкинату эти принципы кажутся простыми и понятными. Ему трудно осознать, что для большинства российских государственных юристов они нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Например, судей следует учить тому, что если в ходе судебного следствия доказательства обвинения оказались недостаточными, или не нашли своего подтверждения, или если защита привела доказательства, которые ставят виновность под сомнение и эти доказательства никем не были опровергнуты, то они обязаны руководствоваться конституционным принципом: неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Российским судьям необходимо дополнительно пояснять, что они не могут не прибегать к делу доказательства, опровергающие позицию обвинения, не могут не осуществлять те процедуры, которые обязаны осуществлять в ходе судебного следствия для установления истины. Российский судья знает, что любой его оправдательный приговор будет поставлен под сомнение, многократно проверен и обжалован. Поэтому он манипулирует процессуальными нормами и пределами судейского усмотрения для вынесения наиболее безопасного для себя решения. Чтобы этого не было, российскому судье как минимум нужны дополнительные гарантии того, что любое его решение, основанное на законе, будет безопасно для его статуса. И, наоборот, он должен быть уверен, что понесет ответственность за заведомо неправосудное решение и что эта «заведомость» будет предметом честного публичного доказывания.

Для господина Силкината невозможна ситуация, когда председатель суда требует от каждого судьи ежедневно докладывать ему о делах, находящихся в производстве. Особенно о тех, «где сторонами выступают органы государственной власти и должностные лица». Американскому юристу непонятно, как можно лишить статуса судью, который отвергает такое требование. Даже в самом страшном сне ему не может присниться, что председатель квалификационной коллегии судей заявит в суде, что судья не может быть независимым, потому что он – часть судебной системы (5).

В России же обычна практика, которая делает невозможным выполнение практически всех требований, названных господином Силкинатов. Например, во время избирательных кампаний избирательные комиссии отказывают в удовлетворении жалоб на нарушения избирательного законодательства и предлагают заявителям идти в суд. А суды либо не приоб-

щают доказательства и не назначают экспертиз, либо принимают решения без каких-либо оснований вопреки справедливости и здравому смыслу на основе «голого» судейского усмотрения. После этого избирательные комиссии заявляют, что суд не нашел нарушений, и утверждают результаты нечестных и несправедливых выборов.

В итоге в силу порочности системы отбора происходит последовательное снижение компетентности представительных органов. Сформированный таким образом парламент, в свою очередь, манипулирует процедурами при принятии законов. Три чтения закона могут пройти за один день без обязательной рассылки законопроекта субъектам права законодательной инициативы, а поправки голосуются без обсуждения по таблицам, заранее утвержденным ведущим комитетом «к отклонению» или «к принятию». Бывают случаи, когда вступление закона в силу назначается раньше предельно возможного срока и приурочивается к специальной дате, если это необходимо для реализации определенной политической цели¹. При такой процедуре невозможно обеспечить ясности, стабильности и справедливости нормативных правовых актов, что есть неперемнное условие реализации принципа верховенства права. Поэтому самой неработающей нормой Конституции России является запрет на издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55).

Но ведь не все суды и судьи в России таковы? Президент Федеральной палаты адвокатов России Евгений Семеняко утверждает: «Если в Европе над властью каждой страны стоят органы Евросоюза, его стандарты и принципы, то в России последний оплот защиты Конституции – Конституционный Суд» (3). Действительно, к кандидатам на должность судьи Конституционного Суда РФ закон предъявляет особые требования. В отличие от остальных судей, которые могут занимать должности лишь при наличии российского гражданства, высшего юридического образования и определенного юридического стажа, судьей Конституционного Суда назначается гражданин с безупречной репутацией, обладающий признанной высокой квалификацией в области права. Судья Конституционного Суда профессор Николай Бондарь уверен, что Конституционный Суд является

¹ Например, Закон № 65-ФЗ (вводящий специальную ответственность за проведение публичных мероприятий) Государственная Дума утвердила без публичного обсуждения в течение двух месяцев, приняв его в третьем чтении накануне заявленного протестного митинга на беспрецедентном за всю историю работы палаты ночном заседании. Закон был одобрен Советом Федерации на следующий же день, что опять-таки абсолютно невозможно с точки зрения процедуры. Но и этого оказалось мало. Вступление закона в силу произошло уникальным способом – в день опубликования, а не через десять дней после него как это предусмотрено Законом «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

соавтором российской доктрины верховенства права, что именно на основе его решений обеспечиваются понимание этой доктрины и баланс между властью, свободой и собственностью. Председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин в течение ряда лет был членом Европейской (Венецианской) комиссии за демократию через право и покинул ее лишь потому, что на заседаниях комиссии ему «все чаще приходилось высказываться о содержании правовых норм, которые затем попадают на рассмотрение Суда, а это запрещено законом»(2).

Так, может быть, хотя бы Конституционный Суд в России просто не действует по общему шаблону? Чтобы получить ответ на этот вопрос достаточно проанализировать действия Конституционного Суда РФ в ситуации, вызвавшей столь резкую реакцию международного сообщества – предельного обострения российско-украинских отношений после присоединения к России Республики Крым и города Севастополь.

Часть 2. Верховенство права и Крым

Обращаясь к крымской ситуации 2014 г., я должна оговориться – меня трудно обвинить в кримофобии. Я очень люблю Крым. Последние двадцать лет я читала лекции о статусе территорий, тяготеющих к России, в том числе о статусе Республики Крым. Все эти годы, будучи руководителем научной экспертной группы по этим территориям, писала и говорила о том, что Крым требует большей гибкости со стороны украинских властей и настойчивости со стороны российских политиков. Я направляла бумаги в Администрацию президента РФ и ни разу не получила ответа.

И не я одна. Еще в 1992 г. Верховный Совет России считал «необходимым урегулирование вопроса о Крыме путем межгосударственных переговоров России и Украины с участием Крыма»¹. В связи с проведением 25 июня 1995 г. общекрымского референдума Государственная Дума предлагала «Правительству Российской Федерации предпринять необходимые шаги для активизации переговорного процесса с Украиной»².

Именно поэтому мне крайне не понравилось то, как произошло присоединение Крыма к России в 2014 г. Почему вдруг сейчас? Ведь референдум в Крыму проходит не в первый раз? 22 года молчали, а потом за

¹ Постановление Верховного Совета РФ от 21 мая 1992 г. № 2809-1 «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году».

² Постановление Государственной Думы от 17 мая 1995 г. № 771-1 ГД в связи с обращением Республики Крым.

23 дня присоединили¹? И почему только Крым? Ведь еще в сентябре 2006 г. аналогичный референдум прошел в Приднестровской Молдавской Республике: 97,1% избирателей проголосовали за присоединение к России (14). Крымская акция поставила под угрозу всю европейскую политику после Ялтинской конференции 1945 г., создала опасный прецедент государственного самопровозглашения, уже примененный в Восточной Украине, и больно ударила по экономике России.

В связи с этим хочется процитировать мнение выпускницы факультета международных отношений СПбГУ и МГИМО, известной российской журналистки Ксении Собчак: «Правда состоит в том, что российская внешняя политика на Украине была оглушительно провалена, и вместо дипломатических решений в ход пошло политическое мародерство. Можно было бы даже забыть про “нравственность” – ее в политике любого государства всегда меньше, чем расчета. Но ведь те экономические последствия, которые мы все на себе испытаем в ближайшие годы, будут ощутимы для каждого россиянина. В итоге оказывается, что наше государство совершило осуждаемый международным сообществом беспрецедентный политический акт еще и без выгоды, а с ущербом для своей экономики. Крым должен БЫЛ стать частью России... Но эту историческую несправедливость нужно было решать годами переговоров с Украиной, выстраиванием отношений, дипломатическими торгами. А не воровать канделябр из горящего соседского дома, пусть даже этот канделябр был подарен вами по пьяни» (15).

Стремительная процедура присоединения Крыма и сопутствующий ей пропагандистский накал привели российское научное сообщество в состояние ступора. Однако чуть-чуть отдышавшись и посмотрев на случившееся незатуманенным взором, можно сделать вывод: все это абсолютно вписывается в контекст общеправовой российской парадигмы. Именно присоединение Крыма к России является классическим примером нарушения принципа верховенства права путем интерпретации смыслов и манипуляции процедурами.

Особую роль в этой истории сыграл российский Конституционный Суд. Выполняя одно из главных действий, предусмотренных законодательством страны при принятии в ее состав части иностранного государства, – проверку не вступившего в силу международного договора на соответствие Конституции, суд, как минимум, восемь раз нарушил свои собственные процедуры и неверно интерпретировал положения закона.

Итак, что же произошло? Для того чтобы это понять, нужно восстановить *хронику событий*.

¹ От момента захвата зданий государственных органов Автономной Республики Крым до ее конституирования в качестве субъекта РФ прошло всего 23 дня, а от начала всенародного голосования в Крыму – шесть дней.

По сообщениям информационных агентств¹, в ночь с **26 на 27 февраля 2014 г.** группой неизвестных лиц было захвачено здание Верховного совета и Совета министров Автономной Республики Крым (далее – АРК). Над зданиями были подняты российские флаги. 27 февраля прекратилось сухопутное сообщение между Крымом и материковой Украиной. В тот же день Верховный совет АРК объявил о проведении референдума о статусе автономии и расширении ее полномочий. Голосование было запланировано на **25 мая 2014 г.** Тогда еще вопрос, вынесенный на референдум, не содержал положений, нарушающих территориальную целостность Украины. Целью референдума являлось «усовершенствование статуса АРК, чтобы права автономии были гарантированы при любых изменениях центральной власти или Конституции Украины».

1 марта президент России Владимир Путин запросил у Совета Федерации право на использование ограниченного военного контингента за пределами Российской Федерации и получил карт-бланш на введение войск на территорию Украины для «нормализации общественно-политической обстановки в этой стране». В этот же день дата референдума в Крыму была перенесена на **30 марта 2014 г.**

4 марта президент Путин заявил, что Россия не рассматривает вариант присоединения Крыма к России. «Только сами граждане, – сказал он – в условиях свободы волеизъявления могут и должны определять свое будущее».

6 марта власти АРК и города Севастополя объявили об изменении формулировки вопроса референдума и о переносе голосования на **16 марта**. Референдум был проведен в назначенный день. По официально опубликованным данным, за воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% от числа участвовавших в референдуме.

17 марта, опираясь на результаты референдума, Верховный Совет АРК провозгласил Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус.

17 марта президент Путин подписал указ о признании Республики Крым в качестве суверенного и независимого государства. Одновременно Республика Крым обратилась к России с предложением о ее принятии в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта со статусом республики. Парламент Крыма в ускоренном порядке подготовил проект межгосударственного договора о вступлении в состав Российской Федерации.

18 марта Путин начал процедуру принятия Крыма в состав России. Он уведомил правительство и палаты парламента о предложениях Госсовета Крыма и Законодательного собрания города Севастополя о принятии

¹ См., например: <http://www.interfax.ru/history/27/02/2014/>

в Российскую Федерацию и об образовании новых субъектов. Затем он одобрил и подписал межгосударственный Договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образовывались новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В тот же день Путин направил в Конституционный Суд России запрос о проверке подписанного Договора на его соответствие Конституции РФ. Запрос был принят к рассмотрению немедленно без проведения публичных слушаний.

Утром 19 марта Конституционный Суд РФ признал Договор о присоединении Крыма соответствующим Конституции России.

19 марта президент Путин внес Договор на ратификацию в Государственную Думу вместе с соответствующими проектами законов¹.

20 марта Государственная Дума ратифицировала договор.

21 марта Совет Федерации ратифицировал договор. Путин подписал законы о присоединении Крыма и Севастополя к России. Договор вступил в силу.

21 марта в составе России образован Крымский федеральный округ и назначен полномочный представитель президента РФ в Крыму.

На первый взгляд с точки зрения Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (далее – Закон «О принятии») процедура была соблюдена. Действительно, в состав России в качестве нового субъекта может быть принято иностранное государство – по взаимному согласию и в соответствии с международным договором. Республика Крым по итогам референдума объявила себя таким государством. Россия это государство признала. Был заключен международный договор. Конституционный Суд РФ проверил его на соответствие Конституции, а парламент ратифицировал с одновременным принятием соответствующего закона и автоматическим внесением поправки в Конституцию РФ. Казалось бы, все гладко. В конце концов президент вполне мог отказаться от каких-либо дополнительных консультаций по вопросу о присоединении Крыма с парламентом или с правительством. Ничто не мешало ему попросить парламент собраться экстренно. Парламент же мог быть настолько убежден в правоте этого решения, что не стал ничего обсуждать (это подтверждают результаты голосования при ратификации договора). Так иногда бывает.

Но вот процесс проверки Конституционным Судом РФ Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Россий-

¹ Проект Федерального конституционного закона о создании новых субъектов Российской Федерации и проект закона о поправке в ст. 65 Конституции России.

ской Федерации новых субъектов (далее – Договор) вызывает вопросы, потому что это центральный юридически значимый момент всей процедуры. В соответствии с ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии» «международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции».

Да, конечно, Конституционный Суд России оказался в сложном положении. На вынесение решения ему была отведена всего одна ночь. Он оказался перед выбором – остаться в рамках правового поля или пойти на поводу у ситуации. Поэтому постановление Конституционного Суда, изготовленное им в ночь с 18 на 19 марта 2014 г., заслуживает специального внимания.

Нарушение первое. Недопустимость запроса. Весьма сомнительны как правомерность принятия Судом к производству запроса о проверке Договора, так и возможность рассмотрения этого дела вообще. Статья 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее Закон «О Конституционном Суде») предусматривает только одно основание для рассмотрения дела: «обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации не вступивший в силу международный договор». Статья 89, которая так и называется «допустимость запроса», предполагает возможность проверки международного договора только в случае, когда он подлежит ратификации (ч. 1), а «заявитель считает его не подлежащим введению в действие и применению в Российской Федерации из-за его несоответствия Конституции Российской Федерации» (ч. 2). Но никакой неопределенности в Договоре обнаружено не было. Президент, обратившийся с запросом в Конституционный Суд, не считал Договор неконституционным. Следовательно, сам запрос был недопустимым, и Конституционный Суд не мог принять его к рассмотрению.

Причина коллизии понятна. Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде» и «О принятии» принимались с большой разницей во времени (1994 и 2001 гг.), и депутаты попросту забыли адаптировать один к другому. Сам же Конституционный Суд, будучи полноправным субъектом права законодательной инициативы по «вопросам собственного ведения», тоже «проспал» ситуацию конфликтной коллизии двух конституционных законов. Но процедура есть процедура. И Суду пришлось «выкручиваться» из сложившейся ситуации прямо в решении¹.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

Почти на двух страницах его текста (п. 1) обосновывается, почему все-таки Суд в нарушение Закона стал рассматривать это дело. Суд честно признался, что в запросе ничего не было сказано о неконституционности Договора, что вопреки процедуре при оценке Договора отсутствовала спорящая сторона и что «полной процессуальной идентичности» данной ситуации с другими случаями факультативного конституционного контроля» обнаружить не удалось. В итоге Суд пришел к выводу: проверка Договора является всего лишь «неотъемлемой частью юридического состава государственно-властного решения», а потому – его обязанностью. То есть если нельзя, но очень хочется, то можно.

Нарушение второе. Невыполнение обязательной процедуры рассмотрения. Конституционный Суд провел проверку Договора, не выполнив требований ст. 41 и 49 Закона «О Конституционном Суде». Надо отдать должное Суду – в своем постановлении он признал, что при проверке Договора была нарушена предусмотренная законом обязательная процедура рассмотрения дел. Суд констатировал, что «обязан рассмотреть дело по существу, не прибегая в данном случае, с учетом специфики настоящего дела, к процедурам предварительного изучения обращения судьей Конституционного Суда и проведения слушаний по делу». И если рассмотрение дела без проведения слушаний в принципе возможно (ст. 47.1), то без предварительного тщательного изучения вопроса Закон это делать не позволяет. Но, как мы знаем, для вынесения решения Суду была дана всего одна ночь. Какое уж там предварительное изучение и назначение судьи-докладчика. Хотя в условиях цейтнота Суд вполне мог воспользоваться ч. 2 ст. 42 Закона «О Конституционном Суде», которая дает ему возможность обратиться к соответствующим органам и должностным лицам с предложением о приостановлении процесса вступления в силу оспариваемого международного договора Российской Федерации до завершения рассмотрения дела. Мог, но не воспользовался. Зачем? Ведь все и так уже решено «с учетом специфики настоящего дела».

Третье, четвертое и пятое нарушения касаются обязательных пределов проверки Договора. Закон «О Конституционном Суде» (ст. 86 и 90) устанавливает обязательные пределы проверки не вступившего в силу международного договора Российской Федерации на его соответствие Конституции. В Законе сказано, что Суд обязан проверить договор 1) по содержанию норм; 2) по форме; 3) по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие. Кроме этого, Закон требует, чтобы Конституционный Суд принимал решение по делу, «оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» (ч. 2 ст. 74).

Проанализировав постановление Суда от 19 марта 2014 г. с позиции этих обязательных требований, можно утверждать: Суд самоустранился от проверки Договора по целому ряду обязательных параметров.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по содержанию его норм на предмет их соответствия основам конституционного строя России. В тексте Договора сказано, что Российская Федерация заключает его «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, закрепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, с принципом уважения и соблюдения прав и свобод человека...»¹. Был ли должен Суд проверить истинность данного положения? Да, был. Но не проверил.

А ведь именно Хельсинский заключительный акт СБСЕ 1975 г., на котором базируется вся система европейской безопасности и на который ссылается Договор, четко закрепляет, что государства, его подписавшие (в том числе и Россия как правопреемница СССР), должны уважать территориальную целостность и нерушимость границ друг друга и никоим образом их не подрывать. Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ 1995 г. гласит, что члены Содружества обязуются не поддерживать на территории друг друга сепаратистские движения, а также сепаратистские режимы, если таковые возникнут, не устанавливать с ними политических, экономических и других связей, не допускать использования ими территорий и коммуникаций государств – участников СНГ, не оказывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи. «Ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов», – разъясняет принципы территориальной целостности и права народов на самоопределение, закрепленные в Уставе ООН, Декларация Генеральной Ассамблеи «О принципах международного права» 1970 г. В контексте именно этих документов должна была проводиться проверка Договора по содержанию, потому что они являются действующими международно-правовыми обязательствами России.

Отказавшись от анализа содержания Договора по существу, Суд не проверил его и на предмет соответствия ч. 2 и 4 ст. 15 Конституции РФ. В этой статье говорится, что «общепризнанные принципы и нормы меж-

¹ См.: Российская газета. – М., 2014. – 19 марта.

дународного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Конституционный Суд неоднократно подтверждал это в своих решениях: «В соответствии с принципами правового государства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы и должны добросовестно соблюдаться»¹.

Из этого следует, что если не вступивший в силу международный договор противоречит другим международным обязательствам, взятым на себя Россией, заключенным ранее и не денонсированным к моменту проверки, то он обязательно должен быть проверен на соответствие этим обязательствам. Более того, Конституционный Суд не мог игнорировать неизбежные последствия ратификации Договора: принятие внутренних законов России, которые, вполне соответствуя «проверенному» договору, окажутся в антагонистическом противоречии с иными договорами.

Но, оказывается, в ситуации с Крымом эти нормы не работают. В своем постановлении Суд указал: «Поскольку в силу части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права, он не оценивает политическую целесообразность заключения международного договора». То есть в одних случаях международное право признается важнейшей правовой основой конституционного строя России, а в других подчиняется политической целесообразности. Так элегантно путем умышленной подмены Суд смог обойти сложную конъюнктурную ситуацию.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по форме. В своем постановлении Суд умышленно исключил из предмета проверки Договора «анализ документов, на которые такой договор ссылается в качестве своей основы». Понятно, что в данной ситуации для Суда

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п «По делу о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

это был единственный выход: если бы документы были изучены, Суд вряд ли смог бы признать Договор соответствующим Конституции.

Во-первых, Договор основан на Декларации о независимости Республики Крым, главной правовой позицией которой является апелляция к решению Международного суда ООН по Косово. В Декларации так прямо и сказано: «Принимая во внимание подтверждение Международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права... мы принимаем решение»¹. Но такая апелляция недобросовестна. Во-первых, потому, что Международный суд правомочен давать всего лишь рекомендательное мнение по поступившему запросу. Вердикт Международного суда ООН так и называется – Консультативное заключение Международного суда по Косово. И хотя многие сегодня считают этот документ едва ли не международной санкцией на сецессию, тогда – 22 июля 2010 г. – судебная инстанция ООН вообще не обсуждала законность или незаконность этнополитической сецессии или право наций на самоопределение как принцип. К этому моменту 69 из 192 стран – членов ООН признали Косово в качестве независимого государства. При этом независимость Косово до сих пор не признается ООН в целом, потому что два постоянных члена Совета Безопасности (Россия и Китай) категорически выступают против одностороннего самоопределения бывшего автономного края в составе Сербии. Даже в Европе отсутствует консенсус относительно признания бывшего автономного края Сербии независимым образованием (пятью странами – членами ЕС – Испанией, Грецией, Румынией, Кипром и Словакией – в таком качестве Косово не признано) (см.: 4; 11). Заметьте – **именно Россия категорически не признает** решения Международного суда по Косово! Но именно это решение и лежит в основе всех документов о присоединении к России Крыма. И Конституционный Суд не может этого не знать.

Во-вторых, основанием для заключения договора является признание Россией Республики Крым независимым государством. 17 марта 2014 г. президент РФ подписал Указ № 147 «О признании Республики Крым», в котором сказано: «Учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., признать Республику Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, в качестве суверенного и независимого государства». Но народы Крыма изъявили свою волю совсем по другому поводу. На общекрымский референдум были вынесены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и «Вы за восстановление действия

¹ Mode of access: <http://www.unian.net/politics/895069-rada-kryima-prinyala-deklaratsiyu-o-nezavisimosti.html>

Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Ни слова о независимости. Должен был Конституционный Суд проверить это правовое основание? Или оно снова подпадает под определение правовой <политической> целесообразности?

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по порядку его подписания. Судом проверялись только полномочия российской стороны и без того очевидные. Суд констатировал, что Договор «подписан президентом Российской Федерации, который наделен полномочием определять в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства». «Исходя из этого подписание рассматриваемого Договора Президентом Российской Федерации соответствует Конституции Российской Федерации». Больше ничего не исследовалось, хотя предмет для такого исследования был.

Со стороны Крыма Договор был подписан главой правительства Крыма Сергеем Аксеновым, спикером крымского парламента Владимиром Константиновым и главой (мэром) г. Севастополь Алексеем Чалым. Однако статус города Севастополя в составе Украины вообще не предполагал наличия выборного мэра. Так называемый «народный» мэр – гражданин России Алексей Чалый был избран жителями на митинге. То есть на момент его избрания пост мэра не был предусмотрен Конституцией Украины. Но если бы и был, данное лицо не могло быть на этот пост избрано по причине наличия у него гражданства иностранного государства¹.

Не меньше вопросов возникает и к процедуре избрания председателем правительства Крыма Сергея Аксенова. Но Конституция Украины (ст. 136) предусматривается обязательное согласование кандидатуры на этот пост с президентом Украины. Когда 27 февраля 2014 г. здание Верховного Совета Крыма было занято отрядом неизвестных вооруженных лиц в камуфляжной форме, захватившие пустили внутрь группу депутатов, *предварительно отобрав у них средства мобильной связи.* По словам спикера Верховного Совета Крыма В.А. Константинова, ему *звонил* В.Ф. Янукович, которого парламентарии считали президентом Украины, и устно согласовал кандидатуру Аксенова. Как? По отобранному телефону?

¹ Алексей Михайлович Чалый исполнял обязанности губернатора Севастополя в течение всего двух недель. 1 апреля он был назначен на этот пост депутатами законодательного собрания Севастополя (бывшего городского совета), которые единогласно поддержали его кандидатуру. Такое решение не соответствовало российскому законодательству, согласно которому и.о. губернатора назначает президент. Однако в тот же день было заявлено о том, что действующая система исполнительной власти в Севастополе просуществовет не дольше месяца, а новый устав города будет принят до конца апреля – в нем назначение и.о. губернатора приводилось в соответствие с российской практикой.

Депутаты избрали Аксенова премьером нового правительства (постановление № 1656-6/14). Правда, видеофиксация заседания не велась, журналисты на него допущены не были. Согласно официальному заявлению пресс-службы Верховного совета, за это решение проголосовали 53 депутата. По данным ZN.UA, поначалу в зале действительно находились 53 депутата, но некоторые из них покинули заседание. Более того, при рассмотрении вопроса об отставке прежнего премьера А.В. Могилева и о назначении на этот пост С.В. Аксенова разгорелся скандал, и группа депутатов отказалась принимать участие в голосовании. Депутат С.В. Куницын отмечает, что в момент голосования в зале находилось всего 47 человек при кворуме в 51. По сообщениям некоторых депутатов, среди «проголосовавших» обнаружилось фамилии не только не голосовавших, но и отсутствовавших.

Возникает вопрос: если полномочия двух из трех подписантов столь сомнительны, мог ли Конституционный Суд признать Договор соответствующим Конституции РФ по порядку подписания? Иначе получается, что проверка по форме подписания касалась не вопросов права, а проблемы правильности чернил, которыми Договор был подписан.

Нарушение шестое. При проверке конституционности Договора по порядку его введения в действие Конституционный Суд РФ применил правовую интерпретацию во имя достижения заранее определенной цели. В Договоре (ст. 10) сказано, что он «времененно применяется с даты подписания и вступает в силу с даты ратификации», а Республика Крым считается принятой в состав Российской Федерации с даты подписания Договора (п. 1 ст. 1). Суд признал эти положения соответствующими Конституции и попытался предельно подробно это обосновать (п. 3 постановления). В обосновании фигурирует и Венская конвенция о праве международных договоров, допускающая такую возможность¹, и ссылка на собственную правовую позицию². Вроде бы все убедительно и правильно. Но почему-то не упоминается ч. 2 ст. 65 Конституции России, в

¹ Применение международного договора возможно до его вступления в силу, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор (п. 1 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., участником которой является Российская Федерация и который, по существу, воспроизведен в ст. 23 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»). Допустимость такой правовой конструкции подтверждена и Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П.

² Суд ссылается на постановление от 27 марта 2012 г. № 8-П, в котором, в частности, указано, что временное применение международного договора используется Российской Федерацией в практике межгосударственного общения, как правило, в случаях, когда предмет договора представляет особый интерес для его участников.

данном случае отсылающая Суд к специальному конституционному Закону, которым он должен руководствоваться при оценке Договора.

А Закон как раз устанавливает жесткое правило именно для такого вида международных договоров, как договоры о принятии иностранного государства в состав России в качестве ее субъекта. В нем (ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии») однозначно определено: **«Международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции»**. То есть до решения Суда такой договор применяться не может. И Суд это понимал – настолько хорошо, что даже не использовал свою любимую формулу для скольких политических ситуаций: он рассматривает исключительно вопросы права. Суд прямо заявил: «То, что Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания Договора, носит характер принципиального политического волеизъявления».

Нарушение седьмое. Конституционный Суд РФ принял решение вопреки своей собственной правовой позиции. Еще в 1995 г. при проверке конституционности указов Президента Ельцина по использованию вооруженных сил в Чечне Конституционный Суд заявил, что государственная целостность является «одной из основ конституционного строя Российской Федерации», что «Конституция Российской Федерации не предусматривает возможности одностороннего решения вопроса об изменении статуса субъекта Российской Федерации и о его выходе из состава Российской Федерации»¹. А раз так, то в силу принципов добросовестности и последовательности Россия обязана была уважать и право Украины на территориальную целостность.

Эта правовая позиция никем не была оспорена и не подверглась корректировке самим Судом. А значит была обязательна для исполнения. Статья 6 Закона «О Конституционном Суде» гласит: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и **судебных органов** государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Нарушение восьмое. Проблема Севастополя. Это, пожалуй, один из самых важных вопросов – откуда в Договоре о присоединении Республики Крым взялся город Севастополь и каковы правовые основания его присоединения к России?

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п.

Как мы помним, в состав России в качестве нового субъекта могло быть принято иностранное государство. И если Автономная Республика Крым имела достаточное количество государственных признаков, чтобы самоопределиться, самопровозгласиться и быть признанной в качестве независимого иностранного государства¹, то город Севастополь сделать этого не мог никаким образом. Потому что не входил ни в Крымскую область на момент разрушения СССР, ни в Автономную Республику Крым на момент проведения общекрымского референдума.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 Севастополь был выведен из состава Крымской области и стал городом республиканского подчинения. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» *передавалась Крымская область, а не Крымский полуостров*. Севастополь к этому моменту уже шесть лет как не числился в ее составе. Передача Севастополя Украине состоялась в результате заключения 19 ноября 1990 г. двустороннего договора между Украиной и Россией, в котором стороны отказались от взаимных территориальных притязаний. Впоследствии этот принцип был закреплён в договорах и соглашениях между государствами СНГ. Об особом статусе города Севастополь в составе АРК говорилось лишь в тексте Конституции Республики Крым 1992 г., вопрос о возврате к которой не получил поддержки большинства на общекрымском референдуме 16 марта 2014 г.

То есть на момент подписания Договора Севастополь не являлся иностранным государством и не мог быть принят в состав России по тем же правилам, что и Республика Крым. Для таких случаев в Законе «О принятии» (ч. 2 ст. 4) предусмотрена совсем другая процедура: «Принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным (межгосударственным) договором, заключённым Российской Федерацией с данным иностранным государством».

Здесь, как и в случае с доратификационным временным применением Договора, Конституционный Суд РФ должен был руководствоваться прямой конституционной отсылкой: «Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляется в порядке, ус-

¹ В современном международном праве предусмотрена теоретическая возможность возникновения новых независимых государств в результате признания права определенного народа на самоопределение и создание собственного государства при наличии признака со стороны мирового сообщества государств угрозы для существования данного народа, в случае продолжения нахождения его в рамках государства, не соблюдающего принцип равноправия и самоопределения народов.

тановленном федеральным конституционным законом» (ч. 2 ст. 65 Конституции). Чтобы установить соответствие Договора Конституции, Суд был обязан проверить его на соответствие Закону «О принятии». Но не сделал этого. А если бы сделал? Может быть, тогда по-другому пошла бы история? Когда нарушение наших внутренних законов касается только нас самих, это еще полбеды. В конце концов, это наше внутренне дело. Да и то не всегда. Вопросы соблюдения прав человека давно уже вынесены на международный уровень. Но в данном случае ситуация иная: нарушение внутреннего законодательства нанесло ущерб людям и государствам за пределами России. И сделал это один из высших судов страны.

Часть 3. Цивилизационная проблема?

Сейчас много говорят и пишут о том, что причина противостояния России и ее вчерашних международных партнеров коренится в поразившем мир цивилизационном разломе, в котором Россия оказывается за рамками системы европейских достижений и ценностей (19). Цивилизационно-историческая типология – теория, безусловно, красивая. Звучит она достойно и убедительно. Настораживает только тупиковая простота: с ее помощью можно без труда обосновать практически любые поведенческие странности. А так не бывает. Нет сомнений, что исследовать цивилизационные модели необходимо – они помогают тоньше и глубже познавать мир. Но объяснять все непреодолимыми культурно-генетическими различиями нельзя. Ведь нет никаких достоверных доказательств того, что в силу культурно-исторических особенностей какой-то народ не может воспринять и применять достижения человеческой мысли и опыт других народов.

Фатальная «загнанность» в цивилизационные модели искусственна. Это всего лишь удобный пропагандистский прием для обоснования отказа от развития или для сокрытия истинной причины такого отказа. Не случайно разговоры о цивилизационной особости России зазвучали с новой силой именно тогда, когда она естественным путем стала переходить к европейской модели развития. Российские граждане начали понимать, что государство – не сакральная сущность, данная им свыше, а всего лишь содержащийся на их собственные налоговые отчисления аппарат, предназначенный для выполнения определенных ими же общественно значимых функций. Очевидно: пока государство продолжает быть субъектом, осуществляющим полномочия верховного собственника, гражданское общество как контролер и участник принятия государственно-властных решений будет встречать его отчаянное сопротивление. Один из ведущих российских теоретиков права В. Четвернин утверждает: «Российские правящие группы объективно не заинтересованы в модернизации и становле-

нии индустриального общества, особенно – частной собственности, поскольку при таком развитии они утратят господствующее положение. Демократия будет иметь лишь внешние атрибуты. А элита объяснит ужесточение контроля над страной необходимостью защищать национальные ценности от враждебного зарубежного влияния» (17).

То есть проблема вовсе не в разнице цивилизаций. Как только в России начали меняться общественный запрос к государству и взгляды людей на его природу, назначение и место в обществе, возникла реальная угроза для власти. А поскольку изменения появились вследствие действия комплекса конкурентных факторов (*конкуренции бытия, смыслов, информации и глобализации*¹), закономерной защитной реакцией государства стала борьба с этими факторами. Первые удары были нанесены по СМИ, Интернету и образованию – по школьным программам и учебникам, чтобы устранить конкуренцию информации и конкуренцию смыслов. А потом под видом ответа на международные санкции взялись за конкуренцию бытия, ограничив международный обмен, усложнив выезд граждан за пределы страны, удалив с полок магазинов образцы, свидетельствующие о серьезных конкурентных преимуществах их производителей.

Но кое-что от цивилизационной проблематики здесь все-таки есть. Дело, однако, не в разных типах цивилизаций, а в **разнице между цивилизацией и варварством**. Потому что в современном мире водораздел между ними проходит по отношению людей к праву. В условиях, когда государство все больше становится услугой, качество которой оценивает общество, именно право выступает той всеобщей цивилизационной ценностью, о сохранении и развитии которой заботятся все вместе. Право – это не просто перечень правил, а основанный на международной морали мирного сосуществования набор стандартов, о котором общества и государства договорились. Они возвели эти стандарты в закон, обеспечили

¹ *Конкуренция бытия* – более двух десятилетий открытости государства, обеспечившего населению возможность видеть и сравнивать. *Конкуренция смыслов* – доступ к альтернативной, а не только к официально рекомендуемой литературе (художественной и научной), позволивший выросшим за эти годы поколениям научиться думать и анализировать. *Конкуренция информации* – информационное общество, позволяющее людям не только избегать участи постоянного объекта государственной пропаганды, не только иметь свою точку зрения, но инициировать собственную дискуссию по любому вопросу, минуя разрешительную систему и самоцензуру официальных СМИ. *Конкуренция глобализации* – унификация ряда ценностей на основе их конкурентных преимуществ, оцененных человечеством и превращенных в межгосударственные стандарты. Несмотря на большие различия и антагонистические оценки глобализации в российской науке, все исследователи тем не менее сходятся в одном – современный период представляет собой всемирный (а не только российский) этап огромной трансформации, который затрагивает самые разные аспекты человеческой жизни – от технологии производства и управления до правосудия и индивидуальных ценностей.

специальными процедурами, и каждый со своей стороны обязался их соблюдать под контролем и во взаимодействии друг с другом.

Парадокс, но точнее всего эту мысль выразил председатель Конституционного Суда России Валерий Зорькин. В своей статье «Цивилизация права» он писал: «И большинство человечества договорилось о следующем. Проводим честные выборы. Принимаем в качестве лидера того, кому доверяет большинство. Ограничиваем этого лидера рамками закона. И живем до следующих выборов. Человечеству, уставшему от двух мировых войн, напуганному перспективой третьей мировой войны, возжелавшему элементарного покоя и радостей частной мирной жизни, показалось, что можно добиться стабильности на основе такого простейшего общественного договора. Так в итоге была построена – на основе огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок – цивилизация права» (9).

Все верно. Россия тоже попыталась пойти по этому пути. Но практически сразу на нем появились две формализованные правом оговорки, которые обусловили неизбежный поворот в сторону: «как бы» честные выборы и невозможность ограничить законом лидера. И ничего не вышло. Потому что право – это сбалансированная многомерная система. В ней нет мелочей, которыми можно безболезненно пренебречь или пожертвовать без угрозы для системы в целом.

Стоит только добавить, что в оценке действий России госпожа Меркель немного ошиблась в датах. Несвязанность властителей своими же законами – это не «закон джунглей образца XIX–XX вв.». Такая несвязанность обосновывалась еще в IV в. до н. э. в китайской книге «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»): «Если право погибает, то мир окажется у края бездны» (цит. по: 12, с. 324). И председателю Конституционного Суда России – специалисту по истории политических и правовых учений профессору Валерию Зорькину – это, безусловно, хорошо известно. Во многом благодаря действиям возглавляемого им суда мы уже оказались на краю. Неспособность давать оценку, исходя из верности духу права и духу цивилизации, на этом праве построенной, – это варварство. А варварство лечится. Не мгновенно, но лечится. Довольно просто. Образованием и культурой.

Анализируя сегодняшние разногласия России с международным сообществом, уместно вспомнить старую буддистскую притчу, повествующую о том, как жители одной деревни попросили Будду переубедить слепого, который не верил в существование света. Ссылаясь на то, что ему не могут привести ни одного неоспоримого доказательства такого существования, слепой был настолько убедителен в своих рассуждениях, что даже те, кто абсолютно точно знал, что свет существует, подпали под его влияние. Будда не стал переубеждать слепого, а попросил лекаря вылечить его. Когда через полгода слепой прозрел, Будда предложил ему поспорить о

свете. Но спор не состоялся. Потому что они уже принадлежали к одной реальности.

Список литературы

1. Баренбойм П.Д. Концепция Зорькина – Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства. – Mode of access: http://www.philosophicalclub.ru/?an=Barenboim_-_Kontsepsiya_Zorkina-Tancheva
2. Валерий Зорькин воспользовался конституционным правом. – Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2195731>
3. Верховенство права vs. верховенства закона?: О правовых регуляторах, правовых барьерах и конституционном правосудии // Новая адвокатская газета. – М., 2013. – № 21 (158).
4. Голубок С.А. О соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово: Консультативное заключение Международного суда ООН от 22 июля 2010 г. // Международное правосудие. – М., 2011. – № 1.
5. Гусева Е. Я федеральный судья, а не продавщица // Новая газета. – М., 2008. – 22 дек.
6. Доклад «О верховенстве права», утвержденный Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). – Страсбург, 2011. – 4 апр.
7. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма: Инфра-М., 2011. – 720 с.
8. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 270 с.
9. Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. – М., 2014. – 12 марта.
10. Коркунов Н.М. Сборник статей: 1877–1897. – СПб.: Н.К.Мартынов, 1898. – 574 с.
11. Маркедонов С. Косово: Декларации или политическая реальность? // Ноев ковчег. – М., 2010. – № 09 (156). – Mode of access: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2010-09/2195.html>
12. Нерессянц В.С. История политических и правовых учений. – 4 изд. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
13. Нерессянц В.С. Философия права: Либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – М., 2002. – № 3. – С. 3–15.
14. Приднестровье попросилось в состав России. – Mode of access: <http://lenta.ru/news/2014/03/18/transnistria>
15. Собчак К. Открытое письмо Никите Михалкову. – Mode of access: <http://www.snob.ru/profile/24691/blog/80450>
16. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: Теория и практика. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
17. Четвернин В.А. Исторический прогресс правовой свободы и цивилизационно-историческая типология. – Mode of access: <http://teoria—prava.hse.ru/nersesyan-ts-conference/3/57-chetvernin-abstracts>
18. Четвернин В.А. Лекции по теории права и государства: Аудиокнига. – Mode of access: <http://www.teoria-prava.ru.lgb.ru:/jus/> <http://audio-booki.ru/tiching/15351-vladimir-chetvernin-lekcii-po-teorii-prava-i-gosudarstva-audiokniga.html>
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 (5) с.

**К СТОЛЕТИЮ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

И.И. ГЛЕБОВА

***ЕЩЕ ОДИН КАМЕНЬ В ФУНДАМЕНТ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: ВСПОМИНАЯ «ЗАБЫТУЮ» ВОЙНУ¹***

«Забытая война» – так все чаще стали у нас определять последнюю войну Российской империи 1914–1918 гг. в преддверие ее столетнего юбилея. В народе ее называли сначала «германской», потом – «империалистической», а с разворачиванием военного конфликта 1939–1945 гг. она получила имя Первой мировой. Все эти определения верны: они точно указывают, как в разные времена воспринималась у нас та война. Для нынешних россиян Первая мировая – «забытая», «чужая» война. Ее как бы нет в национальной памяти, она не является чем-то важным, тем более установочным для нации.

О глоризации и репрессировании памяти

Для Европы война 1914–1918 гг. стала Великой, конечно, прежде всего для французов и англичан; немцы воспринимали (и воспринимают) ее по-другому. Однако в целом та война превратилась в одно из главных оснований европейских самоопределения и самопонимания. То, что Первая мировая – величайшее событие мировой истории, по существу открывшее XX в., – так по-разному вошла в память европейского и российского обществ, имеет свое объяснение.

Великой в памяти европейцев война 1914–1918 гг. стала потому, что во многом сформировала современную Европу – ее устройство (политическое, социальное и проч.), ее проблемы, ее культуру. По существу, из войны 1914–1918 гг. вышел современный европеец. К тому же война задала Европе вполне очевидную перспективу: не случайно Вторую мировую многие воспринимали как непосредственное продолжение Первой.

Повторим: у нас это не так. Мы, если так можно выразиться, лишили себя многих последствий мировой войны. Они не сыграли в русской истории (и для русской истории) никакой роли. «Забытая» война, к примеру, не произвела необходимого, как мы это теперь понимаем, «продукта».

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00061.

А вот на Америку и Европу оказала существенное влияние – причем, как на победителей, так и на поверженных.

Речь идет о культурной и мировоззренческой роли «потерянного поколения». Чтобы далеко не ходить за примерами, сошлемся на прозу Хэменгуэя, Ремарка, Олдингтона, Арагона и др. Если угодно, это поколение «произвело» модальный тип личности западной цивилизации 1920-х годов. Эти люди создали принципиально новую литературу и философию (экзистенциализм, персонализм). И эта литература, и эта философия на протяжении всего XX столетия оказывали (наверное, оказывают и поныне) сильнейшее воздействие на формирование европейского человека.

К нам это пришло лишь в 60-е годы прошлого века – но именно пришло: из Европы и Америки. Отсутствие подобного доморощенного опыта сильно обеднило и нашу культуру, и русскую личность. И даже такая талантливая генерация отечественных литераторов, как аксеновская, в полной мере не сумела восполнить этот пробел. При всем уважении к этой линии шестидесятничества признаем, что это была (в значительной мере) поздняя реплика западного опыта.

Можно сказать, что современная Европа вышла из Первой мировой войны. Современная же Россия – из революции; точнее, серии революций 1917 г. и Гражданской войны, а также социального переворота 1930-х годов¹. Вполне понятные усталость от войны, напряженное ожидание ее окончания разрядились у нас в Февральской революции, по существу поставившей точку в той исторической драме. Февраль как бы подменил собой победу; точнее, общество, народ разменяли победу в войне на революцию.

Революции 1917 г. выбросили Россию из стана победителей; несостоявшиеся победители ушли в Гражданскую войну. С февраля 1917 г. главной темой для России стала сама Россия, страна переключилась на внутренние проблемы. Они перекрыли собой влияние войны – масштаб и воздействие событий 1917–1939 гг. оказались неизмеримо выше. Первая мировая забылась поэтому как-то очень естественно и быстро. Воспоминания о ней вытеснил невыносимо тяжелый, безысходно трагический постреволюционный опыт, в свете которого военные испытания уже не казались концом всего.

В деле забывания войны 1914–1918 гг. существенную роль сыграла и историческая политика Советского государства. В 1920–1930-х годах в Стране Советов культивировалась память о революции как начале новой исторической эры, о закономерной победе «красной России» в гражданской. Это было главным, определяющим – все остальное несущественно.

¹ Впрочем, и Россия вышла из Первой мировой – только в другом значении этого слова. Вышла, как выходят из поезда или трамвая на ходу, не дотерпев до остановки. Подобные выходы, как правило, заканчиваются трагедией.

В 1930-е годы вспоминать о мировой/империалистической в СССР и вовсе стало не принято, неловко, более того – опасно. Вот один частный эпизод – маленькая история, отражающая картину большого прошлого. В 1938 г. за вредительскую деятельность, участие в антисоветском военном заговоре был арестован и расстрелян А.И. Верховский, генерал-майор, военный министр в последнем кабинете А.Ф. Керенского, служивший во время Гражданской в Красной армии и с конца 1920-х преподававший в высших военных учебных заведениях¹. Одним из «доказательств» его причастности к подготовке терактов против руководителей партии и правительства послужил найденный при обыске наградной пистолет, полученный Верховским в 1916 г. за отличия в боях с немцами.

Память о Первой мировой в нашей стране выбита, расстреляна; ликвидирован сам ее субъект. Герои, участники той войны были в массе своей репрессированы. Их опыт, вынесенный из мировой, оказался попросту брошен – не проработан, не осмыслен, не превращен в социальный факт. Воспоминания целого поколения участников войны остались в «тени» – как частные истории для частных людей. В лучшем случае они сохранились в семейной памяти, в большинстве своем растворились в советской жизни. Память о Первой мировой отчасти использовалась в 1920–1930-е годы – с военно-технологической точки зрения: на этом опыте в СССР готовились к новым войнам. В период поражений 1941–1942 гг. власть обратилась к истории прошлой большой войны для поддержания боевого духа, чтобы напомнить народу: бил немца русский солдат. В остальном войну 1914–1918 гг. в СССР предавали забвению, искажали. Советская власть попросту не дала этой памяти состояться.

Окончательно тему Первой мировой закрыла Победа 1945 г. Это был своего рода реванш за недавнюю (менее 30 лет прошло) военную «неудачу», пик нашего самоутверждения в истории. Русские почувствовали себя и главными революционерами, и главными победителями – вообще, главными деятелями XX в. Потому именно 1945 год окончательно сделал их советскими, смирил с советским. 9 мая 1945 г. – установочная для советского человека дата, сделавшая малосущественным весь прежний опыт. Советское в его сознании отчасти слилось с русским. При этом СССР культурно и ментально возобладал над «исторической» Россией, подчинил себе память о ней.

¹ См. недавнюю публикацию фрагментов его военного дневника: Верховский А.И. Бессознательное чувство долга (Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Стратегия России. – № 1. – М., 2014. – Янв. – С. 87–96.

Как возвращаются воспоминания

Тот факт, что в современной России стали говорить о Первой мировой как о «забытой» войне, свидетельствует о стремлении вернуть ее в культурную память общества. И это тоже объяснимо. Возрождение памяти происходит на волне общего подъема интереса к военной истории. Ее двигатель – тема Победы в Великой Отечественной войне. Именно на этом событии строятся самопонимание и самоидентификация российского общества, в нем оно находит себе оправдание, источник жизненных сил.

Так сложилось, что в России каждое новое поколение конституируется через войну – память о прошлой великой Победе и ожидание будущего столкновения с внешним врагом. В XIX в. точкой отсчета была Отечественная 1812 г., в 1920–1930-е годы жили воспоминаниями о революции/Гражданской и предчувствием мировой. Послевоенные поколения самоопределялись через войны Отечественную и холодную. Новизна настоящего момента – в том, что у общества нет исторически близкой «своей» войны (афганская, чеченская и т.п. на эту роль не подходят), а также (хочется верить) реальной нацеленности на будущее военное противостояние. Поэтому основой нашего самоопределения может быть и является теперь только Отечественная¹. Это наша Великая война – как Первая мировая для европейцев.

В определенном смысле война 1914–1918 гг. призвана составить в памяти россиян фон для Великой Отечественной – служить для нее резонатором, усиливая ее величие, ее победный блеск. Для нее самой это шанс на «улучшение»: подпитавшись энергетикой победной Отечественной, она может стать наконец для России «своей» войной. Сейчас для этого очень подходящий момент. Возрождением памяти о Первой мировой как бы восстанавливается связь не только двух глобальных войн XX в., но и советской истории – с дореволюционной. Через мировые войны, рассмотренные в основном в победно-парадной логике, можно протягивать связующие нити и дальше в прошлое: к Отечественной 1812 г., ко всем воспоминаниям о доблести и славе русского оружия, будящим в россиянах восторг и гордость за себя. Тем самым реализуется популярная в наши дни идея исторического синтеза, обеспечиваются целостность и непрерывность российской истории.

Правда, при таких реализации и обеспечении возникают разного рода казусы, исторические недоразумения. У нас, к примеру, до сих пор остается не выясненным вопрос: когда для России закончилась Первая мировая война? Сегодня вполне зримой стала тенденция назначить ее

¹ Показательно, что покорение/присоединение Крыма, да и вообще позиция России в украинском конфликте в пространстве массовой информации выстраивалась отчасти по «сценарию» Отечественной (патриотической и потому священной) войны.

русским финалом Брестский мир. Это, собственно говоря, советская точка зрения, давно нам известная. Однако в новом историческом контексте и она становится неожиданно новой.

Теперь Первая мировая в нашей памяти – уже не империалистическая по преимуществу, а отчасти даже и Отечественная (кстати, так и называли ее в 1914 и 1915 гг. патриотически настроенные публицисты). Конечно, реабилитация войны 1914–1918 гг. (ее трактовка как очередного исторического подвига России) вступает в логическое противоречие с попыткой «завершить» ее Брестским миром, позорным и похабным (Ленин). Но в том-то все и дело, что такая комбинация совершенно соответствует нынешнему типу исторического самоопределения российской власти и ее идеологов. Этот тип сознания не боится никаких противоречий (в том числе и моральных). Ведь если бы правящий режим признал выход из войны и тот мир действительно позорным и похабным, то за этим неизбежно следовал бы ценностный пересмотр начального этапа существования советской власти (ее рождения и мужания). А за этим – и всего советского.

Тогда получается, что СССР вырос из беспрецедентной (как для нашего Отечества, так, наверное, и для всех стран мира) национальной измены. За то, чтобы сохранить свою власть и развязать Гражданскую войну, большевики не только пожертвовали огромными пространствами и многочисленным населением, но и перечеркнули жертвы и подвиг русского народа, действительно достойно сражавшегося на фронтах Первой мировой. Брестским миром они спасали не Россию, а свою революцию. За это их вождь, 90-летие смерти которого ознаменовалось (слабой и малозаметной, но все-таки) линией на реабилитацию¹, готов был сдать Петроград, отступить за Урал. Совсем как в 1812 г. Александр I – во имя спасения России (за готовность дойти аж до Тихого океана, но не сдать врагу его насмешливо стали называть при дворе императором Камчатским).

Государство, неважно по каким причинам назвавшее себя правопреемником СССР, и общество, всеми своими нитями связанное с советским, восстанавливающее мемориальные доски Брежнева и Андропова и тоскующее по Сталину, никогда – в обозримое время – не признают ни факта этой национальной измены, ни преступности советского режима. Отсюда и не прямое, но совершенно очевидное оправдание Брестского мира. Надо сказать, даже отец этого мира Ленин относится к нему определеннее и прямее (по-своему, разумеется).

¹ Ленин остается в близких запасниках общественной памяти как положительный символ связи революционного и государственного, партийного, советского. Ведь он не только вождь социальной революции, но и основатель Советского государства, создатель СССР. Для официальной памяти, отрицающей революцию и порицающей ее вождей (Владимира Ильича – и как немецкого шпиона), Ленин-государственник может быть полезен. Должен же кому-то наследовать Сталин.

Первая мировая для России – не проигранная, а незавершенная война, причем обидно незавершенная: она должна была, но не успела окончиться победой. Что бы ни происходило, военные события 28 июля 1914 – 3 марта 1917 г. (ст. ст.) никогда не порождали необходимости капитуляции или переговоров типа брест-литовских. Враг не стоял под стенами столицы, не угрожал центральным великорусским губерниям, страна располагала боеспособной армией, тыл не изнемогал от непосильного труда, не голодал, не отдавал фронту последнего. В начале 1917 г. царская Россия – как и все державы, воевавшие против Германии, – была готова к победе (противники же Антанты, напротив, – к поражению). Это понимали руководство армии и ее верховный главнокомандующий – именно желанием победно завершить почти трехлетнюю военную эпопею во многом объяснялось отречение.

По существу, «слабый и безответственный» Николай II пытался разменять корону на победу, себя на Россию – об этом свидетельствует его последнее обращение к войскам¹. Чтобы победить, нужно было воевать, но это оказалось невозможно по внутренним причинам. Россия царская, не потерпев военного поражения, пала; ее падение «закрывает» победную перспективу. Военные неудачи 1917 г. и Брестский мир – дела России революционной. Это не доигрывание Первой мировой (Россия тогда уже перестала быть воюющей державой), но разворачивание Гражданской. Брест принадлежит другой войне; он возможен и понятен только в контексте внутреннего социального противостояния.

О потенциале памяти

Конечно, Первая мировая война интересна и российскому правящему классу, и российскому обществу не только как дополнительное воспоминание, своего рода поддержка памяти о главном: Победе в Великой Отечественной. Сейчас, как никогда, актуальны темы столетней давности, непосредственно связанные с войной 1914–1918 гг.: распад империи, от-

¹ «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые войска... Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его – тот изменник своего Отечества, предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию из всех сил. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы только на руку врагу...». Как бы высокопарно это ни звучало, отречение было для Николая II жертвой, подведшей черту под его жизнью (видимо, не случайно после этого он много читал о русской Смуте и Французской революции). Ни современники, ни потомки жертву не оценили: считали и считают отречение проявлением слабости, малодушия, уходом от ответственности. Вину за падение империи, за революционный хаос вменяют последнему царю. В этом есть логика: в русской системе персонификатор отвечает за всё. Но нет правды – образ Николая II, впечатанный в массовое сознание с советских времен, так же мало соответствует истории, как наша память о Первой мировой.

ношения власти и общества, синдром врага (внешнего и внутреннего), механизм революции, отношения России и Европы. Сквозь призму опыта Первой мировой эти сегодняшние проблемы видятся иначе, приобретают особый – исторический – смысл.

«Забытая» нами война – вполне современное событие. Не древности и давности, а уже наша автобиография. Причем это событие для нас в той же мере установочное, что и для Европы. В войне 1914–1918 гг. интенсифицировался процесс перемолота традиционно-патриархальной социальности, рождалось современное, т.е. массовое – российское общество. Она окунула нашего человека в экстремальный опыт выживания и насилия, с которым он не мог развязаться почти весь XX век. В ней сложился тот человеческий тип (или человеческие типы), который стал модальным для раннесоветского мира: «помазанный» войной, нацеленный на воспроизводство новых – массовидных, технизированных, анонимных, чрезвычайных – социальных форм, управленческих технологий. Этот человек строил социализм и разрушал прежнюю общественную жизнь, воювал, умирал, побеждал, восстанавливал. Он создал современную страну, поэтому наша связь с ним до сих пор неразрывна.

В этом и во многих других отношениях Первая мировая – история для современного человека: она позволяет понять мир, в котором мы живем. Переживание таких историй и делает русского русским, давая ощущение принадлежности к этим пространству, традициям, культуре. Однако, возрождая это событие в памяти, важно не совершать старых ошибок, уже искажавших наши воспоминания.

Война 1914–1918 гг. – это первый для России в XX в. опыт мирового противостояния и сотрудничества. Было бы непозволительным упрощением превратить эту войну только в «свою» – событие исключительно национальной истории. Напротив, она дает нам основание для интеграции в единое европейское пространство памяти, истории, культуры («евроинтеграции»). Нельзя закрыться и от многих «внутренних» смыслов Первой мировой, сведя ее к одному, сейчас модному: «Гром победы, раздавайся!».

В понимании той войны во всей ее сложности – ключ к осмыслению революции, «родившей» СССР. Но препятствием для такого понимания является советский опыт. До сих пор наша память (в значительной мере и наша наука) находится в плену того представления о войне 1914–1918 гг., которое сложилось в советское время. Историческая легитимация советской власти требовала решения большой задачи: опорочить царизм, весь дореволюционный строй русской жизни. Официальный взгляд на Первую мировую (а другого, напомню, не было) базировался на презумпции неизбежности (исторической закономерности) военного поражения, которое подтверждало недееспособность, бессилие, разложенность царской России. В свете этого взгляда война 1914–1918 гг. выглядела чужой, позорно

проигранной; все, что этому представлению противоречило, изгонялось из национальной памяти. Советские люди привыкли именно так воспринимать войну. Этот взгляд, ставший одним из оснований мировоззрения советского (и постсоветского) человека, препятствует познанию войны, ее интеграции в национальную память. Он должен быть и неизбежно будет пересмотрен.

И тогда у нас появятся совсем иные, чем раньше, вопросы к Первой мировой. К примеру: чем так непохожа была она на Отечественную 1941–1945 гг. – почему не стала для России священной войной, почему Победа в ней не превратилась в национальную задачу? Иначе говоря, почему «военноотечественные» смыслы не стали для Первой мировой определяющими, сдали позиции смыслам революционным? Только ответив на этот вопрос, мы поймем, каково место войны в нашей истории. А оно, повторим, вовсе не проигрышное, как мы его традиционно понимали.

Первая мировая была вытеснена на периферию российской памяти как историческая «неудача» (так она воспринималась и воспринимается теперь): не завершившись, подобно войне 1941–1945 гг., убедительной и блестящей победой, она выглядела как цепь ошибок, неудач, поражений, предательства и т.п., как какая-то бессмыслица. Нам долго казалось: здесь нечем гордиться, это незачем помнить. Конечно, Первая мировая не соизмерима со Второй – для нас Отечественной. Не стала она ровень и с войной 1812 г., юбилей которой страна торжественно отметила буквально накануне 1914 г. На то были разные причины, но главная – в том, что тогда речь не шла о жизни и смерти народа, о самом его существовании в истории. Первая мировая, которую Россия не могла игнорировать: просто потому, что принадлежала Европе, была связана европейскими отношениями и обязательствами, не подчинила себе всю жизнь страны и все жизни. Она не заставила наших людей пойти на подвиг, стоять насмерть, забыв о цене побед и поражений. И логика власти не определялась тогда формулой: «любой ценой», которая в действии способна на столетия вперед обескровить любой народ.

Были и еще причины, по которым Первая мировая не могла стать Отечественной, в отличие от войн 1812 и 1941–1945 гг. В начале XIX в. русское общество после столетнего обучения у Европы было готово к созданию собственной современной, мирового уровня культуры. Но для этого требовался какой-то важнейший и, может быть, даже единственный обряд инициации. Все великие культуры рождаются из подвига. Или, другими словами, подвиг является главным импульсом для формирования высоких культур. Так было начиная с древнего мира. Так родились, к примеру, современные Соединенные Штаты. У нас это произошло в 1812 г. Мы не можем представить себе ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Л. Толстого, которые и есть великая русская культура, вне и без этого события.

В начале второй Отечественной, к осени 1941 г., мы оказались на краю пропасти. И вновь, как за 130 лет до этого, огромная страна встала – поднялась дубина народной войны. Но и тогда была еще одна (не военная, не внешняя) причина для начала Великой Отечественной. Она, конечно, рационально не осознавалась, но ощущалась наиболее пронизательными людьми. Как всегда в России, это поэты: от Ахматовой и Пастернака – до молодежи, создававшей военную лирику. На исторической повестке дня стояли две задачи, которые волею судьбы слились в одну: спасение Родины от того безусловного зла, которое несли немецкие армии, и освобождение себя от более чем 20-летнего большого террора, таившего в себе не меньшие опасности. Для решения этих исторических задач требовался всенародный подвиг. Современная Россия во многом есть его результат.

В 1914 г. ничего этого не было – ни экзистенциальной угрозы Отечеству, ни необходимости формирования новой культуры, ни настоятельной потребности остановить самоуничтожение (перманентную внутреннюю войну). Россия жила в своем «золотом веке». Месту для национального подвига в той ситуации не было. Поэтому Первая мировая – при всех ее трагичности (а такова любая война), невиданном (по существу, планетарном) масштабе, убийственной технологичности (это первая война новой – массовидной, механистической – эпохи, нормализовавшая практику массового анонимного убийства) – оказалась для России просто войной, не более и не менее.

О проигранном будущем

Для нас война 1914–1918 гг. гораздо важнее не в военном, а в социальном отношении. Прежде всего потому, что именно в этом отношении Россия ту войну проиграла. Страна не выдержала испытания «империалистической». Все – власть, общество, народ – оказались тогда на удивление не на высоте.

Конечно, армия в общем достойно сражалась, выполнила свои союзнические обязательства; не редки были случаи героизма, проявления мужества. Да и тыл выдержал почти три года страшной войны, много делал для помощи фронту (особенно поражает пример милосердия, поданный «элитами» – крайне редкое явление в суровой русской жизни). Однако не было тогда того непреодолимого стремления к победе, той стойкости, благодаря которым столетие назад удалось отразить наполеоновское нашествие и которые через какие-то четверть века, в 41-м, спасут СССР. Не заметно и того, что охватит многих русских людей уже очень скоро, в Гражданскую: смело мы в бой пойдем – и как один умрем. Накал противостояния в социальной войне оказался не сравним с мировой; там все понимали, за что сражаются.

А в Первую мировую у нас все как-то очень быстро «расстроилось». Скажем несколько слов о фронте, о России воевавшей. Конечно, фронт — это то, что не может быть оценено с рациональных позиций. Место, где умирают, — за пределами отстраненного, критического анализа. Но все-таки. Вот что писал в 1915 г. в Москву известному (даже знакомому — как для революционного, так и для монархического движения последних двух царствований) общественному деятелю и публицисту Л.А. Тихомирову родственник с фронта: «...не дождусь, когда война кончится; очень надоела»¹. Ничего неожиданного — вполне понятная человеческая реакция на войну, особенно позиционную, окопную (Вторая мировая такой, напомним, не была). Но когда она становится массовой, превращается буквально в формулу жизни воюющих (а именно на это указывают современные исследователи), это свидетельствует о неблагоприятной фронте — падении мотивации к войне. А вот еще один поразительный факт: как показывает анализ писем окопников, по существу они не видели в противнике врага². Острой, концентрированной ненависти и потребности убить, наказать, отомстить противник (неважно, немец или австрияк) не вызывал. Смысловые образы «народной войны» и «смерть врагам» отсутствовали в сознании солдатской массы; их не смогли сформировать извне, усилиями государственной пропаганды. Ненависть к врагу не стала для русского солдата мотивом, внутренне понуждавшим его воевать. Добавим к этому массу пленных и массовое же дезертирство, масштабы которых несравнимы с другими армиями³. Такое отношение к войне и противнику — совершенно

¹ Дневник Л.А. Тихомирова, 1915–1917 гг. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 274.

² См.: Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история: Ежегодник, 2001. — М., 2003. — С. 414–416.

³ Только по официальным отчетным данным военных и жандармских учреждений, на фронте и в тылу в 1915–1916 гг. было задержано свыше 350 тыс. человек, что на порядок превышает количество дезертиров в германской (35–45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях (Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 гг.: Военный опыт и современность. — М.: Новый хронограф, 2014. — С. 478–479). В целом же по стране за время войны до марта 1917 г. было задержано около 700–800 тыс. дезертиров; если же учесть находившихся в «бегах», то эта цифра может подняться до 1–1,5 млн (там же. — С. 479–480). Исследователи полагают: к моменту Февральской революции «около 1–1,5 млн. солдат прошли путь дезертира», т.е. приобрели опыт уклонения от военной службы (там же. — С. 480). А опыт этот таков: побег из эшелонов, шедших на пополнение действующей армии, бродяжничество («праздношатание», «гульба»), «проматывание» обмундирования (гражданское население в массовом порядке скупало вещи у солдат), мародерство, драки с полицейскими и жандармами на железных дорогах, участие в беспорядках, поджогах, грабежах в тылу армии (там же. — С. 466–475). Проблему дезертирства не удалось решить не только из-за управленческих слабостей, обширности территории, малочисленности полиции. Бежавших с фронта укрывало население — и в прифронтовых городах, и на родине (там же. — С. 485), т.е. дезертирство не было объектом всеобщего осуждения, не считалось неприемлемым поведением. Это принципиально отличалось от народного отношения к дезертирам в Великую Отечественную.

особый фон для историй о снарядном голоде, кризисе снабжения, отступлениях и проч. Этот настрой не просто исключал Отечественную – его было мало даже для просто войны.

А теперь поговорим о тыле. Его состояние современники характеризовали как «неустройство», как развал¹. В тылу так и не возникло настроения Отечественной: как бы ни были тяжелы испытания – выстоим! победим! После патриотического подъема 1914 г. как-то странно быстро ушло отношение к войне как к делу защиты Родины, иссякли воля и вера в победу. У русского тыла (т.е. всего невоюющего населения) в Первую мировую было две, если так можно выразиться, проблемы: тыл хотел жить так, как будто войны не было (сытно, вольготно, свободно); тыл желал наживаться на войне (жить с войны). И то и другое по-человечески понятно, было всегда и везде, характерно для всех воевавших в 1914–1918 гг. стран. Но в России это привело к внутреннему разложению. Все буквально сломалось на этих желаниях, своих естественных потребностях, частных правах и интересах, на индивидуальных (а также групповых, корпоративных и проч.) эгоизмах.

Русский тыл не соответствовал задачам войны нового, современного типа. А она была тотальной: предполагала полное взаимодействие фронта и тыла. Так вот, в тылу не чувствовалось энергии сопротивления, стремления сплотиться в помощи фронту. Невоюющая Россия не смогла стать надежной опорой армии. Тыл более всего волновали не дела на фронте. Тыл был занят собой, озабочен бытовыми вопросами – как и на что жить. Поначалу война воспринималась обывателем как досадная помеха обычной жизни. Накануне краха старой России она уже ощущалось как нечто невыносимое. Вся обывательская Россия слала проклятия тяготам войны, войне как источнику всех ее бед. Обретала разрядку в этих проклятиях – да еще в поиске «предателей»/«врагов», из-за которых война пошла не так, как надо: не скоро, не споро, не победно.

К осени 1916 г. произошел окончательный нравственный слом. Тыл сдался обстоятельствам, стал «зоной саботажа»: не просто был готов саботировать войну, но и действительно саботировал – неверием, уклонением, отрицанием за собой каких-либо обязательств. Тылу нечем было поддерживать фронт. Тыловые смотрели на себя как на жертву; фронтовикам в основном сочувствовали, но – никакого «единства в борьбе». Более того, тылу и незачем было поддерживать фронт, как бы ни странно это звучало.

¹ Здесь на память приходят слова одного из самых известных широкой публике героев советской литературы – профессора Преображенского: «Что такое... “разруха”? ...Да ее вовсе не существует! ...Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, посещая уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза..., в уборной получится разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах».

В обывательской среде возникло общее убеждение, переданное упоминавшимся уже Л.А. Тихомировым (он тонко чувствовал «социологию» жизни): «Наш способ ведения войны делает ее чем-то абсолютно бессмысленным. Даже хуже: он рождает мысль, что мы не можем победить немцев. Но это мысль страшно деморализующая, способная отнять все силы, заставить опустить все руки»¹. В дневниках осени 1916 г. Тихомиров постоянно повторял эту «формулу»: «Собственно, я не слышу ни единого слова о том, чтобы заключить мир... Но, не допуская мысли о мире, никто не верит в победу, плохо верят даже в безопасность от немецкого завоевания. Так и оцепенели в какой-то безнадежности» (16 октября 1916 г.); «Насколько замечаю, в народе пропадает всякая вера в победу, но в то же время ему стыдно сознаться, что хочется мира... Печально вообще состояние духа народа...» (10 ноября 1916 г.)². К 1917 г. тыл уже не видел военного выхода из ситуации; фронт был готов воевать, хотя и испытывал крайнюю степень усталости³.

Когда «наблюдаешь» за русским фронтом и тылом (особенно тылом) в Первую мировую, хочется сказать только одно: так не рождается общий (военный) интерес, так не достигается патриотическое сплочение, так войны не выигрываются. Тыл объединяло не желание победить, а мощный антивоенный настрой, внутреннее пораженчество, которые искали выхода. Тыл дезориентировал, деморализовывал фронт – своими настроениями, валом проблем, неверием в победное окончание войны. Потом «ударил» по нему революцией. И фронт перестал существовать как внешний – развернулся, перенес вовнутрь свою энергию (неизрасходованный потенциал насилия и то, что можно выразить словом «недовоевал»). Война стала внутренней – Гражданской.

Что же произошло с обществом, народом в Первую мировую? Откуда пораженческий настрой, эти неустойчивость и неуверенность в ситуации, когда надо воевать, побеждать, когда ощущение близости конца войны – и именно победного ее конца для России, – кажется, витало в воздухе? Почему власть, общество, народ не смогли упереться, сделать над собой усилие? Ведь не психоз же это (хотя высказывается и такая точка зрения). Тому можно найти множество объяснений. Но, как мне кажется, причины – не столько в характере и способе ведения войны (в просчетах командования, слабости управления, неумении перестроить тыл на военные рельсы, активизации в войну социальных проблем) и даже не только в природе общества. Важно понимать, какими были для России «кануны» мировой войны.

¹ Дневник Л.А. Тихомирова, 1915–1917 гг. – С. 274.

² Там же. – С. 295, 303.

³ Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 гг. – С. 660–663, 667–676.

Предвоенную русскую жизнь наш человек привык оценивать по негативу. Над его памятью довлеют образы, вынесенные из советской школы, навязанные советским кино, советской пропагандой: о невыносимой тяжести народного существования при царях, о «глухости» и мрачности предвоенного десятилетия, о несвободе, полицейщине и т.п. Но поведение народа столетие назад, в лихую военную годину, свидетельствует об обратном. Страна отвыкла от лиха такой интенсивности, разучилась напрягаться в самоограничении, никак не могла собраться из мирных (и милых, и трудных, и невыносимых – но по меркам мира) «частностей» в воюющее единство. Контраст ситуации «хронической» войны (видимо, в этом случае больше года – уже «хроника»; недаром все начало надламываться в 1916 г., а осенью-зимой 1916–1917 гг. налицо были признаки всеобщего внутреннего разлада) с обычной мирностью был так разителен, что жизнь казалась людям невыносимой. Здесь истоки их внутреннего пораженчества.

Менее чем через четверть века после Первой мировой население другой страны, возникшей на месте царской России, тоже почувствует разительный контраст между войной и миром. Однако два этих исторических ощущения несравнимы – как несравнимы два народа, воевавшие в мировых войнах XX в. Вся межвоенная советская жизнь была построена на самоограничении: научила людей выживать в отсутствии самого необходимого, отучила от нормального быта (бытия), смирила с постоянством чрезвычайщины, безвременных смертей, дефицита, страха. В этих условиях сформировались соответствующие типы личности (модальные типы «раннего» советского человека), привыкшие к терпению, смирению, самоотречению, прошедшие «воспитание ненавистью», в значительной степени милитаризованные («военно-спортивного» склада, по определению Н.А. Бердяева, – рассчитанные на подвиги: трудовые и ратные), десятилетиями управлявшиеся с помощью насилия. Поэтому когда пришла война и потребовала от народа полного самоотвержения, он оказался к этому готов. Выдержал, выстоял. И на фронте, и в тылу. Да, собственно, во многом фронт и тыл были равны – жили по закону Отечественной: все для Победы. Этот тип существования вполне соответствовал задачам тотальной войны.

Все сказанное – вовсе не о том, что для победы в войне плохая невоенная жизнь лучше хорошей, что в любой войне наш народ должен умереть, но не сдать, не о том, что Сталина на них не было. Это о том, как разительно та – дореволюционная – страна отличалась от наших о ней (т.е. советских) представлений, что мерить ее нужно другой (несоветской) меркой. Собственно, сам социальный разлад, выраженный формулой «развал тыла», говорит о том, насколько нормальной была довоенная жизнь. Она не давала оснований для той остроты ненависти и смиренной покорности судьбе, которые народ проявил во Второй мировой. Что вовсе не плохо: в

этой нацеленности на мир и крылись источники для развития. Та (дореволюционная/несоветская) страна привыкла жить и не хотела умирать, чтобы победить. Продолжение же войны уже в 1916 г. казалось медленным умиранием. В «империалистическую» русские люди пожалели себя. А вот во Вторую мировую жалости к себе не было: разучилась страна себя жалеть – безжалостная была жизнь.

И принудить страну умирать было некому. Самодержавие «накануне краха» – это уже не традиционная русская сверхвласть, деспотически спрашивавшая со всех и за все¹. В ходе почти 200-летней исторической эволюции она растратила потенциал насилия. Верховная власть управляла, направляла, не справлялась (как и вся страна), выправлялась, но не более того. Она не терроризировала народ, не требовала от него сверхжертв (умереть, но не сдаться). Можно сказать, что власть оставила страну на самое себя – на «самостояние». А страна не устояла – не хватило каких-то внутренних источников, не достало внутренней силы. Показательно, что в поиске выхода из военного «тупика» даже мыслящие, вполне достойные и нормальные люди пришли к двум идеям: спасителя (тема диктатора, «твердой руки») и жертвоприношения. Искупительной жертвой, на которую списали вину за «военную неудачу», стал царь – персонификатор старого порядка.

Царская Россия ушла от войны – через революцию, сбежала от войны в революцию. Отсюда такая всеобщая радость от Февраля, всеобщая в него вовлеченность. Поэтому страна и дала неожиданно полный «отворот» царской власти: та заставляла воевать. На «войне до победного конца» «сторепо» в конечном счете и Временное правительство. Его сменили обещавшие замирение – и действительно «замирившие» (пokonчившие с «империалистической») – большевики. А ожесточение Гражданской, вдруг вспыхнувшее в народе желание воевать – после мировой-то бойни, после национальной капитуляции (через революцию) – объяснимы. Там речь шла о том, быть или не быть – и для красных, и для белых. Место в стране было только для победителей. Народ же дорвался до возможности строить «свой, новый» мир – во всероссийских масштабах. И строил (по военному сценарию: наказывал «врагов», восстанавливал справедливость),

¹ В юбилейный год в публичном пространстве на все лады перепевался тезис: в моменты опасности России нужен сильный царь (по-русски: деспот, диктатор) – иначе неизбежно историческое поражение. Николай II как бы подтверждает, исторически обосновывает необходимость грозных и сталиных: при них народ способен на такие деяния, которые остаются в веках – как русская слава. Логика, на мой взгляд, варварская, да и не логика, даже – иезуитство, подтасовка, «фальшак». Но с этим взглядом согласно большинство российского населения: эта логика ему интуитивно близка. Что ж, народ сам выбирает, за каких он правителей: за тех, при ком лучше жить, или за тех, при ком лучше умирать. И расправляется за сделанный выбор – независимо от того, чувствует он за него ответственность или нет. Это, собственно, один из главных «уроков» Первой мировой для России.

пока его не усмирили победители. То, какой будет Россия, послевоенный русский мир, стали определять они. Ирония истории: страна ждала спасителя, который исправит/улучшит (т.е. вернет к довоенной норме) жизнь, а получила диктатуру – «исправительный порядок», разрушивший все прежние нормы.

Конечно, не одна только Россия сломалась от того напряжения, которого потребовала Первая мировая. Война подкосила всех – по существу, произошло коллективное самоубийство Европы. Первую мировую начинала благоденствующая, верящая в прогресс, цивилизацию, самоуверенная Европа. Она была исполнена сил, не уставала экспериментировать (в науке, технологиях, культуре, в познании мира и человека), многого добилась, еще большего хотела. Отсюда и обострение европейской конкуренции, подъем европейских патриотизмов, обернувшийся в начале Первой мировой шовинистическим психозом. Собственно, война была своего рода новым европейским экспериментом, новой экспансией, вторжением в сферу неизвестного. Но чем дольше продолжался военный кошмар (чем больше война становилась кошмаром, несравнимым ни с чем в прошлом), тем больше Европа выдыхалась, измучивалась, растрачивалась (материально, психологически, всячески), теряла уверенность в себе. Война 1914–1918 гг. поставила под сомнение лидерство Европы в мире. Не случайно после нее начинается век самоутверждения США, происходит подъем других рас, нехристианских культур.

Но для России это падение оказалось окончательным, бесповоротным. Полная катастрофа произошла с властью: весь XX век ее бросает от кровавой диктатуры к полицейщине. Показательно, что лучшее для нее время – «застой», т.е. состояние внутреннего разложения, когда «верхи» (да и все прочие) паразитируют на природных запасах, прошлых достижениях, человеческих слабостях и проч. Была разрушена старая, многообразная, сложная социальная структура, связанные с ней формы жизни. В войне и революции покончила самоубийством Россия европейская. Россия как Европа закончилась. Это означало конец гражданского общества, гражданского активизма, физическое вымирание не только людей европейского склада, но и соответствующих взглядов, ценностей, идеалов. Все это победила Россия неевропейская – крестьянская, традиционная. Но победа почти мгновенно обернулась поражением. Прервалась естественная, мирная эволюция и этой России. Она не пошла по пути, определившемуся до Первой мировой: отчасти общины, отчасти «Столыпина» (в данном случае это не имя – название для тенденции), а закончилась в колхозах.

Проиграли все. Рванув из войны в революцию, страна по существу проиграла будущее – закрыла для себя те возможности, те перспективы, которыми располагала и которые обещала довоенная Россия. Видимо, не случайно национальная память отторгает это эпохальное событие – с вос-

поминаниями о Первой мировой возвращается ощущение исторического проигрыша. Это смутное, стертое советской жизнью, победами и ужасами XX в. ощущение осталось в «бессознательном» нации – как источник сомнений, неуверенности в себе¹.

Первая мировая и европейская гражданская

«Забытая» нами война свергла Россию – вместе со всей Европой – в чрезвычайно сложный и трагический процесс. Она разожгла пламя европейской гражданской (внутренней, социальной) войны, которая раньше всего вспыхнула в России. В одних странах эта гражданская война привела к установлению идеократических диктатур, в других – к обострению классовой борьбы, которую все-таки удалось купировать. Но для этого понадобилась выработка принципиально новых мировоззренческих, социальных, организационных технологий. И в этом смысле странный, казалось бы, призыв Ленина: превратить войну империалистическую в войну гражданскую – имел под собой реальную основу. Ленин по-своему и преследуя собственные, весьма определенные цели, как это нередко у него бывало, верно уловил одну из главных тенденций социального развития, которую принесла Первая мировая.

По всем внешним показателям это была война национальных государств и национальных культур. В первые ее дни классовое замирение произошло абсолютно во всех странах-участницах, включая Россию. Но затяжной, крайне изнурительный характер войны, к которому оказались психологически не готовы не только будущие побежденные, но и будущие победители, во многом разрушил культурно-цивилизационную оболочку человека, обнажив в нем архаичные инстинкты войны всех против всех. Это и был переход к гражданской войне в общеевропейском масштабе.

Побежденные – немцы и русские – вышли из нее, повторю, через установление крайне жестких диктатур. Победители – французы и англичане – на протяжении межвоенных десятилетий с помощью тех самых новых технологий пытались восстановить у себя социально-психологическое равновесие. Оно, однако, оказалось зыбким в обеих сферах – и в социаль-

¹ Показательно, что о двух главных войнах XX столетия в России не написана литературная эпопея, подобная толстовской. Что касается первой (1914–1917), то ближе всего по величию замысла оказались А. Толстой («Хождение по мукам»), да еще Шолохов («Тихий Дон»). Но они в основном о мире – правда была в той, предвоенной, жизни и оттого так трагична ее утрата. При рассказе о второй выходила только война (Симонов, «лейтенантская проза» и проч.). Пред- (да и после-) военный мир не мог быть описан именно как мир – слишком много страшного, неоправданно жестокого и бессмысленного в нем было. По существу литературную формулу русского XX в. дал «Доктор Живаго»: мир – падение в революцию – война.

ной, и в психологической. Под покровом мира царили смута, растерянность, потерянности. В том числе и этим объясняется, к примеру, полная неготовность французов ко Второй мировой¹. Или послевоенный закат Британской империи.

Известно, что межвоенный период стал самым серьезным испытанием для западной либерально-плюралистической цивилизации: целый ряд ее фундаментальных принципов был поставлен под вопрос. Выскажу предположение: великий экономический кризис 1929–1933 гг., как океанический тайфун прошедший по США и Европе, имел своими причинами не только экономические противоречия и болезни, но и психологические. Принято считать, что в ходе и после окончания этого кризиса значительная часть западного общества впала в психологическую депрессию. Думаю, такая депрессия была не только следствием, но и, повторю, причиной кризиса. То есть сам кризис явился вследствие той депрессии. Вот еще один глобальный результат Первой мировой. В целом Европа покончила с гражданской войной только в следующей мировой.

Вообще, ситуацию 1914–1945 гг. можно в некотором отношении уподобить Тридцатилетней войне XVII в. (1618–1648). Из той мировой вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической. В результате 30-летней войны XX в. (1914–1945) перешли от национально-классовой (от nation state и классовой дифференциации общества) и социальной-дифференцированной идентичности к наднационально-гуманистической и социально-примирительной. В этом значение событий, которые произошли в мире (прежде всего в Европе) в середине XX столетия.

Повторим: Россия оказалась вне этих трансформаций. Впрочем, как и всегда. В первую 30-летнюю войну она отметилась неудачной осадой Смоленска (1632–1634) и вполне эффективной помощью протестантским государствам – прежде всего Дании, которая получала от нас зерно по сниженным ценам (как сегодня получает газ Белоруссия и до недавнего времени получала Украина). Но все-таки в 30-летней войне XX в. у России совершенно особое место, ничем не похожее на ситуацию XVII столетия.

¹ Раймон Арон, французский социолог и политический мыслитель, говорил: «Тридцатые годы я прожил, обуреваемый чувством горечи от сознания того, что Франция приходила в упадок. Мне казалось, что она погружается в небытие. Уже нельзя было не почувствовать грозившей ей военной катастрофы... Я остро, с глубокой грустью переживал этот упадок и был одержим одной мыслью – избежать гражданской войны... Многие окружавшие меня французы отдавали себе отчет в нашем упадке. Я... никогда не испытывал... чувства исторической, если можно так выразиться, горечи. Ибо после 1945 г. Франция преобразилась» (Арон Р. Пристрастный зритель. – М.: Праксис, 2006. – С. 89–90).

Гражданская война XX в., казалось бы, расставила шахматные фигуры так, что СССР–Германия оказались на одной стороне. Однако именно России–СССР суждено было сыграть решающую роль в уничтожении главного зачинщика европейской войны – Германии и закончить гражданскую свару Европы. СССР уничтожил силы европейской социально-гражданской деструкции и, как оказалось в перспективе, обеспечил победу силам социального консенсуса/согласия.

Взгляд на Первую мировую войну с точки зрения общеевропейских результатов/последствий, вероятно, и должен стать определяющим для ее изучения. Прежде всего у нас, в России. В этом ракурсе иначе выглядят и сама война, и советская история.

О Великой войне и Великой революции: диалектика воспоминаний

Что же касается возрождения в современной России памяти о войне 1914–1918 гг., то об этом необходимо сказать еще следующее. Кажется, что таким образом мы (мы: это общество, власть – вместе, помогая друг другу) пытаемся нейтрализовать и заместить воспоминания о революции 1917 г. Они были установочными для «старой» (советской) системы, но в нашем «новом» мире оказались необязательными, ненужными, излишними. Когда-то революция вытеснила из нашей памяти Первую мировую войну – теперь, почти через столетие, происходит обратный процесс.

Революция для нынешних россиян (и для «управляющих», и для «управляемых») – это проблема, с которой они не хотят и не могут разбираться. Именно потому, что, ответив на вопрос: «Чем была русская революция?» – со всей определенностью скажем – «кто мы». В современной России и такие вопросы, пугающие своей серьезностью, и ответы на них не актуальны. Она бежит от проблем и сложностей, от определенностей – и в отношении прошлого, и в отношении будущего. Казалось бы, имеет значение только настоящее, но как бытовое обустройство, текучка, сиюминутность. Оно утомляет и разочаровывает, пугает неподконтрольностью и отсутствием уверенности в будущем. Чтобы выжить в нашем времени, нужна какая-то фундаментальная опора.

Такой опорой для россиян стала память – не история, многообразная, сложная, подчас трагическая и большей частью прозаически-негероическая (ведь такова человеческая жизнь), а ее идеализированные образы – воспоминания, дающие счастливое забвение. В последнее десятилетие главное символическое убежище мы обрели в советском прошлом. Теперь зоной побега от сложностей настоящего, неопределенности перспектив и вопросов, которые ставит перед нами история, становится и Первая мировая война. На наших глазах происходит ее глоризация (про-

славление, воспевание). В связи с ней раздувается пафос исторической обделенности России: она всем пожертвовала и все потеряла, плоды ее победы присвоены. Через риторику и символику жертвы/жертвенности романтизируются и война, и страна.

Такие интерпретации «забытой» войны позволяют позитивным образом представить в национальной памяти «начала» нынешней России. Ведь именно там, в войне/революции/гражданской, – истоки современного Российского государства; из них, повторю, «вышли» современное общество, современный человек. В Первой мировой героически сражались и будущие красные, и будущие белые: и георгиевский кавалер С.М. Буденный, и генералы Алексеев, Деникин, герои Дикой дивизии и проч. Если тянуть отсюда линию героической преемственности, то «мы» (символическое единство – «нация») можем ассоциировать себя не с пораженцами-ленинцами, разрушающей и разделяющей революционной стихией, а с героями – защитниками Отечества. Тогда революции и Гражданская война предстают как роковая случайность, историческая ошибка, но и как преступление: ведь развалилась Россия. Однако очень скоро и преступников («заводчиков» – партию революционеров) наказали, и ошибку исправили. Страна возродилась: государственный инстинкт власти и народа заставил их вспомнить многое из того, от чего они отреклись в 1917 г. Символ этого возрождения, – конечно же, эффективный государственный И.В. Сталин.

По существу, в связи с Первой мировой происходит подмена одной истории (той, что действительно случилась и катком прошла по стране, по жизням и судьбам миллионов людей) другой – «изобретенной», «улучшенной». Такие игры с прошлым суть продолжение (в новых исторических условиях) советской «политики памяти». Там история была лишь материалом для конструирования государственной идентичности и режимной легитимности. Самостоятельного значения она не имела. В результате «переработки» прошлое советского человека было искажено настолько, что до сих пор невозможно понять, каким в действительности оно было. Однако нас, его наследников по прямой, это не пугает. Мы продолжим идти тем же путем.

В.П. БУЛДАКОВ

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-РУССКИ:
ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Обычно под модернизацией понимают достижение высокой эффективности экономики за счет технологических инноваций. Иногда даже сводят ее к финансовой расторопности государства (см.: 70). Строго говоря, такое понимание прогресса применимо лишь к странам с естественно сформировавшейся рыночной экономикой. Во всех других случаях имплантация технологий возможна лишь постольку, поскольку она не будет отторгаться традиционалистской средой.

Применительно к России модернизация в узком смысле слова имеет заведомо ограниченные перспективы. Связано это, в первую очередь, с тем, что государство привыкло само задавать характер экономического развития, понимая его в *мобилизационной*, а не в модернизационной парадигме. Обычно этот момент «теоретиками» российской модернизации не учитывается. Поэтому одни авторы полагают, что модернизация осуществляется и должна осуществляться именно государством — никто не должен ему мешать. Другие, напротив, считают, что государство — главное препятствие на пути всякого прогресса. Третьи поочередно кивают то на «дурное» государство, то на «негодные» элиты, то на имманентную «нетехнологичность» России (17).

Для начала стоило бы выяснить, *какое* государство в *какой* период истории оптимально соответствует инновационному развитию? Какой характер может приобрести модернизация в России: эволюционный или революционный?

Последний вопрос не столь нелеп, как может показаться на первый взгляд. Революция вовсе не аналог российской «красной смуты», хотя Россия и остается весьма предрасположенной к явлениям такого рода. Революционный характер модернизации связан с революцией *сознания*, причем сознания не только элит, но и *массы* населения. Как ни парадоксально, «секрет» всякой модернизации заключается в способности стимулировать, отыскать, высвободить и направить инновационные импульсы *внутри* традиционализма. И здесь действительно решающую роль может сыграть

государство – в той мере, в какой оно способно подняться над частными интересами.

Как заметил Ю. Хабермас, для процесса модернизации большое значение имеет «отделение государства от “гражданского общества”, т.е. функциональное обособление государственного аппарата» (75, с. 202). Поскольку российская патерналистская система исключала существование гражданского общества, «вовлечение другого» вроде бы облегчалось. Во времена Великих реформ государство получило соответствующий шанс. Но тогдашняя «модернизация» – по существу «полуреволюция» сверху, проведенная в обход традиционалистской массы населения, – со временем вызвала подлинно революционную реакцию снизу.

Итак, этот текст посвящен проблеме модернизации. Как известно, переход от традиционного хозяйствования к современной экономике требует модернизации – желательно наименее болезненной – всего жизненного уклада. Однако мы будем говорить о «модернизации» в узком смысле слова, поскольку в рассматриваемый в данном тексте период к ней подходили именно так. В прошлом Россия постоянно совершала *мобилизационные*, а отнюдь не модернизационные рывки вперед. Стоит посмотреть, как происходило обновление в условиях навязанной извне *тотальной* войны. Центральными для нас являются следующие вопросы: оказалась ли власть на высоте своей задачи? Что ей мешало (кроме нее самой)?

Для ответа на эти вопросы обратимся не к привычным «объективным» данным, а к субъективным представлениям людей о происходившем. Более чем достаточный материал для анализа дают данные перлюстраций, которыми регулярно подвергалось не только военное, но и гражданское население империи. К сожалению, документы такого рода (см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265), «теоретиками» российской модернизации практически не использовались. Между тем очевидно, что модернизация невозможна без взаимопонимания и взаимодоверия «верхов» и «низов» – иначе могут думать только замшелые бюрократы. Свидетельства современников и позволяют понять, имели ли место такие взаимопонимание и взаимодействие в России 1914–1917 гг.

Война и прогресс: российские иллюзии

Во все времена войны подталкивали технический прогресс: инстинкт самосохранения заставлял людей совершенствовать орудия защиты. С помощью наращивания вооружений человек пытался подавить свои страхи. Кстати, с той же целью создаются релаксирующие образы прошлого – в России они всегда служат укреплению веры в существующую власть.

Сейчас высказывается мнение, что Россия была готова к Первой мировой войне и/или успела быстро мобилизовать ресурсы для ее победоносного завершения. Утверждается также, что пошатнувшаяся экономическая ситуация стабилизировалась *в ходе* войны. «До сих пор в нашей стране преобладают представления, будто Россия в основном терпела поражения, ее экономика развалилась, людские резервы иссякли, свирепствовал голод, а недееспособное самодержавие вело страну путем измены. Но все обстояло далеко не так, — замечает В.А. Никонов. — К моменту Февральской революции Россия была готова к успешному продолжению военных действий...» (63, с. 7). Получается, что российская экономика успешно *модернизировалась* еще до войны, и этим удалось в полной мере воспользоваться в военное время. Если допустить, что так это и было, выходит, что революцию подготовили безответственные «заговорщики» — начиная с членов императорской фамилии, кончая зловредными социалистами (47, с. 474–550). Более «здравая» точка зрения основывается на убеждении, что война помешала российской модернизации (12, с. 142).

Очевидно, что эти интерпретации опровергают господствовавшие ранее концепции: война обострила все внутренние противоречия России, что и привело к революции. При этом забывается, что лучшие российские умы не раз предупреждали о такой опасности. Дело в том, что и революция, и модернизация в России упорно воспринимаются с этактистских и сопутствующих им социально-иждивенческих позиций. Так было и в прошлом.

Сейчас немногие вспоминают о «странном» феномене начала XX в.: Первая мировая война во всей Европе была встречена с непомерными, поистине революционными надеждами. Возникло ощущение, что мир неожиданно стал «тесен»: на пути национального прогресса встал внешний «враг». Старые династические раздоры, территориальные претензии и геополитические вожделения приобрели новое качество. Война стала представляться *революцией*: казалось, что достаточно устранить всего одно (но главное — *внешнее*) препятствие, и всеобщий прогресс обеспечит новоявленный мировой гегемон.

Произошел тотальный разрыв массового сознания с реальностью. А такое состояние провокационно. Более того, этот разрыв, поразив сферу символического и сакрального, высвободил пространство для мировых утопий. Между прочим, Джон Гобсон, характеризуя свою книгу «Империализм» (1902), на которую постоянно ссылался В.И. Ленин, замечал: его исследование «определенно относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга» (20, с. 17).

«Модернистские» грезы, прочно завладевшие умами европейских элит, в полной мере ощущались в России. Но здесь существовал еще один

«враг прогресса» – самодержавие. Из ощущения двойного препятствия на пути в будущее и родилась идея мировой революции. Идейнными предшественниками Ленина были Гобсон и другие мыслители, но его «пришествию» способствовало само состояние тогдашних умов.

Перед самой войной российский «геополитик» А.Е. Едрихин (сторонник союза с Германией) уверял: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире...». Этим для него определялись перспективы: если источники «будут организованы соответственно своей массе, – утверждал Едрихин, – у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный – Германия великолепно понимает, что, если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии» (11, с. 185).

Можно обнаружить и более восторженные суждения – о будущем разделе мира по-русски. «Мы выковываем себе такое положение в человечестве, равного которому нет и не было, – писал 26 октября 1914 г. М. Алфераки из столицы кн. Б.А. Куракину в Орел. – Победоносная, возвеличенная, трезвая Россия, непочатый край сил духовных, материальных, бесконечного богатства с 100 000 000-м чисто русским населением... Мы можем и должны диктовать нашу волю... Теперь сама судьба дает нам в руки все козыри до креста на Св. Софии включительно. Неужели мы и теперь не соединим Петроград с Царьградом, стоя, как новый колосс Родосский, одной ногой на Финском заливе, а другой на Босфоре»¹.

Анализ настроений российских творческих элит также подтверждает, что подавляющее большинство общества встретило войну с оптимистическими надеждами. В обывательской среде сложилось мнение, что «сокрушение Германии – главное условие перехода к новой, счастливой жизни» (29, с. 6).

Показательно, что в наше время бездумно воспроизводятся «оптимистичные» прогнозы, звучавшие в начале Первой мировой войны. Это любование прошлым во многом носит эпигонский характер – подпитывается химерами «утраченных альтернатив». Современные «геополитики» находятся во власти ура-патриотических грез столетней давности. И это не случайно: ребяческая вера в могущество патерналистской власти периодически элиминирует чувство реальности. Но на множество «оптимистов» начала XX в. все же приходилось некоторое число реалистов, предупреждавших о сложностях модернизационного процесса в России.

Незадолго до войны А.В. Кривошеин в специальной записке для Министерства земледелия указывал, что предыдущее развитие России «едва не завершилось общим экономическим кризисом» начала XX в.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1709.

«Если все останется в прежнем положении, – предупреждал министр, – то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем» (цит. по: 52, с. 349). Во властном окружении бытовали мнения, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжким хроником, хотя казалась здоровой и сильной»¹, а армия не готова к войне по причине «громоздкости и тяжеловесности бюрократической машины мирного времени»². Люди осведомленные замечали, что «накануне войны железнодорожное хозяйство развивалось слабо, дороги работали с большим напряжением», а с первых месяцев войны возникла «угроза в виде острого недостатка в топливе» (42, с. 173, 175).

Такие предупреждения быстро забываются. Но именно поэтому так важно понять, насколько объективно оценивали экономическое положение России накануне и в ходе войны ее современники, каково происхождение их взглядов.

Характерно мнение на этот счет И.Х. Озерова, известного экономиста, публициста, члена Государственного совета. Накануне войны (9 июня 1914 г.), выступая перед сенаторами при обсуждении бюджета, он заявил: «Наша промышленность... обставлена массами пут. У нас под влиянием этих пут совершается нередко промышленный маскарад... Русские предприятия конструируются не на русской территории..., а где-то в Берлине, во Франции или в Англии». Некоторые заявления Озерова звучат поразительно современно: чтобы открыть предприятие в России, требуется от шести месяцев до года – в результате «мы имеем массу русских предприятий, которые регистрируются за границей». Из-за засилья бюрократии иностранцы отказывались вести дела в России. В таких условиях, считал экономист, «развивать производительные силы страны просто невозможно»; «если мы не дадим свободы творчества русскому населению, то мы производительных сил у нас не разовьем» (51, с. 287, 290, 291). Сходные мысли высказывались и ранее. «Россия должна очистить Авигиевы конюшни бюрократизма», избавиться от взяточничества и административной волюнтаризма, – писали еще в 1907 г. отнюдь не либеральные деятели (41, с. 3).

Нельзя сказать, чтобы такие оценки были уникальными. Все европейские народы жили перед войной с ощущением того, что необходимо преодолеть препятствия, мешающие успешному движению вперед. Отсюда миф об «освободительной» войне и надежды на мгновенное чудесное избавление от препятствий. Причины этого понятны. Демографический бум повлек за собой «омоложение» населения; прогресс технологий убеждал во «всесилии» человека – соответственно возросли «авантюристичность» и «безрассудность» социальной среды. Этими качествами особенно

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 91.

² Там же. Л. 95–96.

отличались численно выросшие элиты, чьи эмоции наэлектризовывали социальное пространство. Избежать мирового конфликта, сдобренного неоправданными надеждами, становилось все труднее.

Позднее некоторые неославянофилы доказывали, что война стала возможной вопреки «экономическому разуму народов» в силу своей «идейности» (последняя понималась как императив освобождения от «немецкого засилья») (см.: 48, с. 17). В действительности ситуацию определила не «идейность», а «избыточная» эмоциональность: перед европейскими правителями и элитами встал целый ряд вопросов, мирного решения которых они не находили. В свою очередь, спонтанные модернизационные процессы вызывали в традиционалистских массах целый спектр надежд на «чудо».

И.Х. Озеров, как и другие экономисты, считал, что война имеет *экономически освободительный* характер. Это соответствовало лозунгам, распространявшимся во всех воюющих странах: грядет война *за свободу*. Российские эпигоны этой идеи предполагали, что страна «очистится» войной, т.е. избавится от всевозможных врагов (в том числе и внутренних). Главным из этих внутренних врагов поначалу считался бюрократизм. Экономический «застой», по мнению Озерова, был связан с тем, что российская бюрократия, захваченная «психологией *стабильности*», ориентировалась на текущую конъюнктуру, а не на будущее. Промышленность поэтому не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Экономическая политика имела характер пассивно-охранительный. Победить в войне рассчитывали за счет запасов, накопленных в мирное время.

Озеров приводил впечатляющие примеры российских хозяйственных нелепостей. По его словам, больше половины российского экспорта в 1913 г. приходилось на Германию. «Мы своими деньгами питали германскую промышленность» и «тем самым давали деньги на вооружение Германии». Теперь, чтобы эмансипироваться от заграницы, указывал Озеров, предстоит акклиматизировать у себя многие производства (машиностроение, химическое производство и т.д.). Но дело было, по его мнению, не только в новых технологиях. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, – настаивал Озеров. – Нам должно быть стыдно перед Богом и людьми, что мы, обладая такими естественными ресурсами, остаемся в кабале у других стран» (51, с. 326).

Ситуация действительно была противостественной. Академик В.А. Вернадский в 1916 г. констатировал: из 61 полезного химического элемента в России добывалось только 31 – даже алюминий приходилось ввозить из-за границы, поскольку запасы бокситов в России не исследованы (13, с. 65). Стоит отметить, что Германия решила проблему бокситов, разрабатывая их залежи, обнаруженные в 1916 г. в Австро-Венгрии (5, с. 11).

В своих алармистских настроениях Озеров и Вернадский не были одиноки. Инженер-электрик Э.О. Бухгейм в большой книге «К экономическому освобождению России» писал, что в России царит «вакханалия импорта». Бухгейм указывал: «Урал на мировой рынок выбрасывает около 95% всей платины, которая... в сыром виде вывозится за границу, откуда нам и диктуют цены на очищенную уже платину – мы же в России обрабатываем едва 0,5% получаемой у нас платины». Приводил Бухгейм свидетельства специалистов, видевших в Германии «роскошно оборудованные фармако-химические заводы-дворцы, построенные, по заявлению самих немцев, наполовину на русские деньги» (10, с. 27). Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) ген. А.А. Маниковский утверждал, что, поскольку на протяжении многих лет Германия обеспечивала Россию вооружениями, становление немецкой военной промышленности в значительной степени осуществлялось на русские деньги (46, с. 237).

В.И. Вернадский полагал, что в российских условиях «огромная культурная созидательная работа» осуществлялась вопреки царизму, и русские ученые-естествоиспытатели стали «равными по силе» своим западным коллегам (цит. по: 15, с. 95, 131). Пытаясь заглянуть в будущее, он предрекал: война способна создать новую геополитическую ситуацию, решающее значение в которой приобретет соперничество между нациями не в сфере академических исследований, а в области использования собственных природных богатств и производительных сил. В январе 1915 г. Вернадский выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. В феврале 1915 г. Академия наук была готова отказать от «чистой» науки. Вернадский призывал к мобилизации ученых-естественников и даже гуманитариев по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, работавших на нужды обороны (5; 13).

Оригинальный рецепт освобождения от экономической зависимости от заграницы был у Бухгейма. Он предлагал «электрификацию страны и широко организованную кооперации» (10, с. 29). Как известно, этой идеей воспользовались большевики, воплотив её в план ГОЭЛРО.

Модернизационный пафос того времени понятен: в мирных условиях рассчитывать на рывок в будущее не приходилось; оставалось надеяться на то, что в экстремальных обстоятельствах прежние препоны рухнут. Но все это были благие намерения, а не конкретные планы. Озеров откровенно указывал на глубокие социокультурные причины отставания России. Среди всевозможных препятствий он, между прочим, называл российские пассивность, нерасторопность, лень – результат затянувшегося крепостничества. По мнению Озерова, в российских элитах выработался умозрительный тип сознания. «Мы увлекались общими теориями, общими схемами, – полагал Озеров, – но не подходили к задачам времени кон-

кретно, деловито»; «между фактами действительности и должными действиями у нас стояла теория, абстракция, и эта последняя закрывала собой действительность» (51, с. 311–312). Все это в условиях господства бюрократии дало печальный результат. «Наша апатия и апатия представителей нашей промышленности привела нас к этой экономической кабале Германии». До сих пор «никакой мы политики не проводили: мы одно знали – выжимать деньги из населения, выжимать всеми средствами». В результате «население боялось всяких новшеств», предпочитало «слепо рыть землю по старинке» (там же, с. 322).

Современники отмечали разительный контраст в хозяйственном поведении предпринимателей европейского и русского происхождения (см.: 1; 6). Их суждения звучат подчас весьма самокритично. Историк М.М. Богословский писал в дневнике: «Разве мы в своей ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбить ее как ни попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи» (4, с. 60–61). В 1915 г. искусствовед Н.Н. Пунин предрекал: «Мы не можем выиграть этой войны, мы совершенно не способны... к ровному, энергичному, ответственному труду» (61, с. 102). Многие понимали, что модернизация невозможна, если в народе не «выработано» активное гражданское сознание.

Несбалансированность хозяйственного развития России порой вызывала в обществе своего рода антииндустриалистскую истерику. Так, А.С. Манцев писал 12 ноября 1914 г. из Орловской губернии известному правому деятелю, члену Государственной Думы А.И. Савенко: в Центральной России «полное захудание» в силу того, что «Витте насадил промышленность в ущерб земледелию». Критикуя «политику жидовского наймита», Манцев указывал, что Германия в то же время «всеми мерами содействовала процветанию своего земледелия»¹. Вряд ли в отношении здоровой экономики могли появиться подобные реминисценции.

Заграница поможет?

Последствия слабости модернизационных, точнее «перестроечных» потенциалов в России почувствовали очень скоро. В августе 1914 г. российских предпринимателей охватила паника: выяснилось, что зависимость России от промышленно-технологического импорта велика настолько, что ни о каком увеличении производства мечтать не приходится. Некоторые рассмотрели в этом предвоенные «германские происки» (49). «Наша добы-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1844.

вающая, а тем более обрабатывающая промышленность в руках синдикатов, заведенных немцами, или у частных немецких ростовщиков, захвативших в свои руки фабрики, – писал 25 ноября 1914 г. неустановленный автор из Таганрога К.Н. Поливанову в Москву. – Наша торговля в руках или евреев или немцев»¹. Имплицитное недовольство состоянием российской экономики то и дело прорывалось наружу.

Эту ситуацию следовало спешно преодолеть. Но как? Эмоции подхлестывали фантазии. 1 августа 1915 г. М. Волошин писал из Биаррица Е.О. Володиной в Феодосию: «Я Россию, как народ, исключаю из своих безнадежных выводов, но Европа безнадежна. Она во власти демонов машины, демонов жадности – перепроизводства, завоевания рынков, развития промышленности. Их нельзя внешне истребить, их надо внутренне, морально преодолеть. Этого можно ждать только от России, но не как государства, а как от народа во всем его хаосе»². Традиционная российская склонность к модернизационным рывкам (к «революции», а не к эволюции), преодолению неодолимых препятствий во имя будущего провоцировала поиски «палочки-выручалочки».

В правящих верхах основные надежды возлагались на государство и казенную промышленность, работавшую на оборону. Считалось, что ее продукция обходится дешевле, чем продукция частных предприятий. Но современные исследователи указывают, что в себестоимость продукции казенных заводов следует включать и общие государственные расходы на поддержание их жизнедеятельности (57, с. 305). Показательно, к примеру, как «решалась» проблема нехватки цветных металлов. 16 февраля 1916 г. представители Тульского и Кольчугинского заводов жаловались генералу Алексееву: раньше они сами без проблем закупали металлы за границей, теперь этим занимался Комитет по металлоснабжению, не способный обеспечить ритмичные поставки (44, с. 161). Как видно, государство плодило опасных бюрократов, а не «эффективных менеджеров».

Не приходилось рассчитывать на особую инновационную активность госсектора экономики. Так, в первый год войны внутри страны было заказано 8647 орудий, а произведено лишь 88, т.е. 1% от требуемого (66, с. 30–31). Частично это было связано с непростительно медленной перестройкой производства. Но сказался еще один фактор: в 1914 г. из 135 тыс. человек, работавших на крупнейших заводах, призвали в армию почти 60%. Производительность в результате упала почти до 7–12% от нормы (2, с. 118).

Лишь небольшую часть квалифицированных рабочих и специалистов удалось вернуть на производство. В мае 1916 г. один солдат писал по

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1943.

² Там же. Д. 1007. Л. 91.

этому поводу: «У нас работу не поощряют, а только тормозят... По милости нашей администрации я ничего не делаю уже 2-й год. А ведь недавно Путиловский завод приглашал меня инженером по шрапнелепрокатному делу... Наша администрация находится в состоянии какого-то умственного оцепенения, недомыслия и непонимания государственных интересов... Ничегонеделающих, как я... у нас много и все люди – специалисты»¹.

Соединения «капитала ума и капитала денег» не получалось. Идея «американизации» предпринимательства, имевшая заметное распространение (см.: 18, с. 23–24; 50), не прививалась, несмотря на громадное впечатление от успехов заокеанской промышленности в годы войны (45, с. 96). Протекционистские формы государственного индустриализма по-прежнему развращали российских заводчиков, «национальная модель» капитализма не складывалась.

Примечательно, что в «верхах» разгорелся спор: каким должен быть новый оружейный завод – казенным или частным? Естественно, частные предприниматели отстаивали свои интересы, указывая на пагубность насаждения казенных заводов (46, с. 176). В результате согласованный план строительства новых военных заводов так и не реализовали (57, с. 296, 297, 299), а власть была вынуждена еще больше ориентироваться на заграничные заказы. Причина – не в чем-то субъективном просчете: такова была непреодолимая инерция предыдущего развития России.

Можно говорить лишь о частных успехах, связанных с персональными усилиями отдельных людей. Так, германские историки положительно оценивают деятельность В.Н. Ипатьева, возглавившего в апреле 1916 г. химическую комиссию при ГАУ. Ему удалось не только наладить взаимодействие казенных и частных предприятий, но и привлечь к работе ученых-химиков (см.: 81, с. 107). Но ситуацию в целом трудно признать обнадеживающей. 23 ноября 1916 г. некий поручик Бондаренко жаловался Пуришкевичу: «В Киеве при Политехническом институте создан газовый завод для выработки цианистого калия, принесшего много пользы на поле брани при применении его артиллерией». Надо было расширять производство, однако вопреки восторженным отзывам английских и французских генералов «высшей администрацией в Петрограде работа всячески тормозится»². О таких случаях современники сообщают намного чаще, чем об успехах.

Реакция на неудачи была вполне предсказуемой: экономические слабости России все чаще связывали со «злокозненностью» немцев. В Совете министров «немецкое засилье» воспринимали как тотальную напасть. В газетах писали: русские знают, за что сражаются, – предстоит сбросить

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 175.

² Там же. Д. 1062. Л. 1234.

немецкое экономическое иго. А либерал С.И. Гессен призывал к созданию нации, как «духовно-экономического целого», через «очищение» войной (19, с. 589). В «низах» такие призывы воспринимались по-своему – порой в чисто шовинистическом духе. Так, рабочие в борьбе против «немецкого засилья» принялись выявлять «вредителей» на производстве (24, с. 397–398). Вряд ли это способствовало повышению его эффективности.

Основная причина хозяйственных неурядиц была вовсе не в многоукладном характере экономики, как принято думать. Строго говоря, всякая экономика многоукладна, другое дело – как осуществляются связи между укладами. Если они блокируются бюрократией, замыкающей естественный продуктообмен на себя, сдерживаются хозяйственной замкнутостью наиболее архаичных укладов и, наконец, если в «низах» нет гражданского понимания общего хозяйственного блага, в экстремальных обстоятельствах многоукладность может обернуться «многоконфликтностью» – войной всех против всех. Между тем хозяйственные уклады в годы войны неуклонно «разъезжались». Эта опасная дисгармония усугублялась состоянием российской финансовой системы.

Предвоенный бездефицитный российский бюджет базировался на косвенном налогообложении, значительную часть которого составляли акцизы. Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов. Преобладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Этим нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для индустриализации.

В таких условиях недостатка в «оптимистах» не было. Подполковник Генерального штаба А. Гулевич еще в 1898 г. утверждал, что «хозяйственный организм России не может быть поколеблен в своих устоях бедствиями будущей войны, как бы надолго она ни затянулась». Скорее наоборот: от затягивания войны Россия только выиграет (22, с. 179). О том, как это скажется на народной психике, не думали. Еще более «оптимистичную» точку зрения высказывал финансист И.С. Блюх. Он видел «спасение России» в случае европейской войны... в ее экономической и культурной отсталости. Чем беднее народ, тем легче он перенесет бедствия войны, предрекал Блюх (цит. по: 60, с. 11). О перспективах модернизации при таких настроениях и говорить не приходится.

Финансовая система, построенная на столь архаичных принципах, могла действовать только в мирное время. В экстремальных условиях империя становилась должником более развитых стран. Ситуацию усугубило введение сухого закона – бюджет терял от трети до четверти поступлений.

Оптимизм «верхов» базировался на представлении, что война окажется скоротечной и для ее успешного завершения будет достаточно накоплений мирного времени. Примечательно, что и «снизу» – словно в до-

полнение фантазий «верхов» – поступали весьма своеобразные предложения. Так, крестьянин Андрей Иванович Снегирев писал 6 сентября 1914 г. из Глазова Вятской губернии депутату Государственной Думы кадету А.И. Шингареву о своей озабоченности падением доходов государства от акцизов. Он предлагал «обложить налогом все неоседлое человечество России», начиная с «кучеров, кухарок, нянек, дворников» и кончая «промышленниками, горными фабрикантами и заводчиками». Вот только хлебopашца «отягощать» не следовало. Вольно или невольно Снегирев выразил крестьянскую мечту: государство должно стоять на страже интересов основной массы населения. Если будет так, «губительный яд для человеческого благосостояния исчезнет, миллионы пудов хлеба останутся в народе, усилятся скотоводство и вся культура»¹. В этой схеме не хватало только «крестьянского царя». Идея, конечно, была неосуществимой: высшая власть блокировалась бюрократией; прорваться сквозь нее Николай II не имел ни сил, ни желания.

Не случайно к мобилизации всех ресурсов страны для крупномасштабной войны правительство приступило лишь спустя год после ее начала. А до того интенсивно закупало снаряжение за границей, причем делало это крайне нерасчетливо. Так, в начале войны французы предложили закупить стальные каски по цене 11 франков. Мнения российских военных верхов на этот счет разошлись. В конечном счете каски все же закупили, но уже по цене 25 франков за штуку². Интересно, что в Германии в военное время успешно производилась замена дефицитных металлов другими материалами, что позволило снизить расходы меди, олова, никеля (5, с. 11). В России об этом не приходилось и мечтать.

Слабым местом российской армии было почти полное отсутствие крупнокалиберной артиллерии. В значительной степени поражения весны – лета 1915 г. были связаны с этим. В результате поставки орудий крупного калибра пришлось в полном смысле слова выпрашивать в Японии (79, с. 35–36). В Германии же к концу 1915 г. изготовлялось до 480 легких орудий в месяц (чего, впрочем, также оказалось недостаточно). Затем для их производства были привлечены десятки машиностроительных и металлургических заводов. Если в 1915 г. было изготовлено 4 тыс. орудийных стволов, то в 1916 – 14 тыс., в 1917 – 24 тыс., а в 1918 г. – 22 тыс. (там же). Для союзников, и особенно для России, такое наращивание производства оказалось невозможным.

Уже к осени 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок (28, с. 98). Более половины винтовок, которыми воевали русские солдаты, было произведено за границей. «Окончательно отдаемся в руки добрых союзников, –

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1412.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 52.

иронизировали в Совете министров в марте 1916 г. — Переходим из огня в польмя, из немецкого засилья экономического в английское» (69, с. 325). Однако и британская помощь не спасала положения. В июле 1915 г. правительство предложило Японии — своему недавнему военному противнику, отстоящему на многие тысячи километров от западных фронтов, — неслыханную сделку: поставку сырья для производства вооружений. При этом за будущие поставки пришлось платить наличными (82, с. 25–27). В конечном счете сложилась парадоксальная ситуация. В 1914–1917 гг. русские заводы изготовили и отремонтировали 3576 тыс. винтовок, а из-за границы за это же время получили 3713 тыс. винтовок — французских, японских, американских и даже итальянских. Таким образом на вооружении армии оказалось десять образцов винтовок, включая два трофейных.

Между тем «патриотичные» публицисты даже в 1915 г. обращали внимание читающей публики исключительно «на благоприятные обстоятельства, обуславливаемые в русской жизни нынешней войной», уверяли, что «у нас обширные запасы оружия и снарядов». Из этого делался «оптимистичный» вывод: жертвы войны искупаются освобождением от немецкого влияния и «достижением той свободы, которая составляет необходимое условие хозяйственного благоустройства и преуспеяния». В общем, несмотря на целый ряд поражений, «оптимистам» по-прежнему казалось, что война «открывает перспективы будущих успехов, будущего подъема народного хозяйства» (16, с. 44, 45). На фронте, между тем, некоторые командиры дивизий просили своих жен закупить в столице цейсовские бинокли, чтобы обеспечить ими подчиненных офицеров (68, с. 90, 95, 106). Дело в том, что оптическое производство в России было совершенно не развито (последствия этого сказались и в Великую Отечественную войну).

Надо сказать, импортировали не только то, что в стране не могли или не успевали произвести. «Пришлось выписывать из-за границы по большим ценам все те сырые материалы, которых не было в России и необходимость которых предвиделась одиннадцать лет назад при первоначальном исчислении для обеспечения заводов запасами», — отмечали специалисты (68, с. 115). Ввозить потребовалось и то, что имелось в стране в изобилии. Импортировали, например, серный колчедан, исходный продукт для производства серной кислоты, без которой невозможен выпуск взрывчатых веществ. Перед войной его ввозили морем из Греции, Турции и Скандинавских стран, а селитру — даже из Чили (71, с. 148, 151). Толуол, необходимый для получения тротила, доставлялся из Германии (2, с. 303).

Словно в отместку по настоянию российских контрразведчиков (34, с. 51) началась тотальная «чистка» всех немецких фирм, разрабатывалась целая система мер, направленных против германской собственности в России (80, с. 479–521). Но это лишь усугубляло хозяйственную ситуацию. При этом возникали весьма «странные» военные потребности, которые

тоже удовлетворялись за рубежом. Например, американский рынок получил из России заказ на производство 400 тыс. пехотных топорков, 600 тыс. киркомотыг, 2,5 тыс. пудов колочей проволоки (14, с. 107). Итоговый список предметов для военного ведомства, подлежащего закупке за границей до 1 января 1917 г., содержал хлопковый материал, шинельное сукно, сапоги и башмаки, седла, медицинские материалы – в том числе шприцы, запасные иглы (30 тыс. термометров и полч.) (56, с. 180–183). Произвести все это в необходимом количестве внутри страны оказалось невозможно.

Для оплаты растущих заказов за рубежом требовались все более значительные суммы. Однако уже в первые месяцы войны была израсходована свободная золотая наличность в размере полумиллиарда рублей, а к концу 1914 г. общие финансовые затраты России на ведение войны составили 2,7 млрд руб. (66, с. 239). К началу 1915 г. правительство оказалось перед угрозой финансового краха (об этом еще в сентябре 1914 г. предупреждал один из наиболее проникательных царских министров А.В. Кривошеин) (69, с. 66). Но чиновники по стародавней привычке предпочитали не замечать опасностей. Представители Министерства финансов даже весной 1915 г. утешали себя тем, что «кредитная система в общем вышла из тяжелого испытания непоколебленной» (76, с. IV). Однако министр финансов П.Л. Барк признал в июне 1915 г.: «Надо ждать крушения финансовой системы» (69, с. 186). Даже чинам Ставки казалось, что все «катится в пропасть» и остается надеяться только на чудо¹. Осенью 1915 г. многие контрразведчики считали, что «война уже безнадежно проиграна»².

Возникали все новые и новые проблемы. К примеру, обнаружилась острая нехватка мешков для земли (33, с. 52, 54). В начале 1915 г. 3,1 млн пудов хлопка, закупленные в Америке, долгие месяцы пролежали во Владивостокском порту – не могли быть доставлены потребителю из-за отсутствия вагонов (44, с. 115). В связи с дефицитом вагонов в Особом совещании по обороне в июне 1915 г. задалась «глубокомысленным» вопросом: нельзя ли использовать для их производства «железнодорожные мастерские в Киеве и Ростове-на-Дону, занятые, по слухам, изготовлением вагонов-ресторанов» (31, с. 61).

Исследователи приводят еще более курьезные примеры зависимости России от импорта. Так, до войны коксующийся уголь поступал из-за границы через балтийские порты. Теперь приходилось ввозить его через Архангельск, порт которого не был подготовлен к такой товарной нагрузке (72, с. 16, 18). Инженеры еще в начале августа 1914 г. предупреждали о

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 532. Л. 86.

² Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 20.

том, что, если не принять срочные меры к развитию отечественной угледобычи, возникнут серьезные проблемы¹. Однако соответствующие меры приняты не были. Как всегда, власть считала, что проще ввозить необходимое из-за границы, чем производить у себя.

Конечно, были люди, пытавшиеся из последних сил изменить ситуацию. Начальник снабжения армии ген. А.А. Маниковский, например, пришел к выводу, что деньги, израсходованные на экспорт, эффективнее было потратить на развитие отечественной промышленности. Поэтому, например, в ноябре 1915 г. решили развивать отечественное производство автомобилей (46, с. 248). Но, во-первых, более 300 млн руб. уже было потрачено на иностранные автомобили, а во-вторых, вряд ли вообще удалось бы развернуть машиностроение в России.

Некоторые снабженцы полагали, что административный аппарат военного ведомства не отвечает нуждам войны². С этим можно согласиться. В конечном счете правительству не удалось добиться ни добровольного подчинения частного сектора государству, ни оптимального сочетания принудительных и «патриотических» интенций, как это случилось в большинстве европейских стран. Работу многочисленных комитетов и комиссий отличали бессистемность, ведомственная разобщенность, отсутствовала координация действий (81, с. 93, 107–109, 120, 132–136).

Фронту не хватало вполне прозаических вещей. Из-за нестыковки государственного и частного секторов экономики «хлопотливой и трудно поддающейся регулировке» оказалась проблема заготовки обуви³. На Юго-Западном фронте «сапожный кризис» обозначился ещё в декабре 1914 г. (68, с. 74, 79). В то же время его ощутили в Москве: 25% раненых и больных солдат прибывало с фронта в негодных сапогах. Вскоре ситуация обострилась: некоторые губернаторы запретили вывозить кожу из своих губерний (55, с. 19, 40). «В армии нет сапог», — говорили в Совете министров 12 декабря 1914 г. (69, с. 108). Непросто оказалось наладить и ремонт сапог. Известен почти анекдотичный случай: 11 вагонов с кожей, отправленных из Витебска в Москву, по дороге потерялись, и были найдены в разных городах — Казани, Харькове, Таганроге и др. Целых четыре вагона обнаружилось в Тифлисе (55, с. 40–41). М.В. Родзянко попытался созвать съезд представителей губернских управ, чтобы по просьбе Ставки наладить снабжение армии сапогами. Но из МВД последовал отказ с мотивировкой, что скоро вместо сапог земцы могут потребовать конституции (62, с. 101–102).

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1200.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 117.

³ Там же. Оп. 2. Д. 110. Л. 92.

«Сапожная проблема» стала решаться общественностью (как обычно, на казенные деньги). В 1916 г. в Московском военно-промышленном комитете ею занимались два подразделения (из 24): Комиссия по заготовке сапог для действующей армии и Сапожно-амуничный отдел. Возглавлял их один человек – С.П. Рябушинский (43, с. 204, 206). Однако «сапожный кризис» к началу 1917 г. так и не был ликвидирован (31, с. 39)¹. Кое-где солдатам приходилось надевать лапти (37, с. 56–57, 61, 76, 95–96). Тем временем власти решили монополизировать «кожно-сапожную» проблему. Против этого восстали биржевики и военно-промышленные комитеты². Писали, что «все силы земные, а главное, полицейские были подняты... на помощь Кожсоюз, дабы вывезти сырье из Сибири...». А между тем там, вроде бы, уже были построены «дивные заводы»³. Независимо от того, насколько объективна эта информация, очевидно: инновационный потенциал частного бизнеса остался невостребованным – во имя сохранения привычного госмонополизма.

Патерналистское сознание всегда рассчитывает на «чудо спасения». Командующий 1-й армией генерал Литвинов писал 14 февраля 1917 г. в столицу: «Если у нас при таком заведомом обилии всякой еды в стране вой, то можно себе представить, что делается в Германии при заведомом отсутствии всего и при наличии лишь одного твердого порядка... Порядка у нас нет., но ведь порядком сыт не будешь... Молодцы эти англичане, и союз наш с ними – большая порука в том, что союзники задумают, наконец, наших врагов»⁴. Как видно, на свою власть генерал уже не надеялся.

В поисках спасательного круга

Критическое положение вызывает «креативность отчаяния». Обычно «спасению» помогают люди, «не нашедшие себя» в «застойной» ситуации. Положительный народнохозяйственный итог достигается за счет блокирования их эгоистических интересов. Так было во всех развитых европейских странах.

Как повели себя в условиях войны российские промышленники? Многие из них жертвовали громадные суммы на нужды армии, но обычно это было лишь частью верноподданнического ритуала, не исключавшего азарт наживы. Перед войной, по свидетельству человека, приближенного к «верхам», «солидные фирмы отказывались от поставок в армию из-за сложности правил». В результате сложился устойчивый слой посредников

¹ Уже к ноябрю стало ясно, что решить проблему своими силами не удастся ввиду уменьшения поголовья скота. См.: Там же.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1051.

³ Там же. Д. 1061. Л. 1199.

⁴ Там же. Д. 1070. Л. 57.

между предпринимателями и армией; сговариваясь между собой, они взвинчивали цены и «прибегали зачастую к неблагоприятным приемам»¹. В сфере благотворительности возникали подчас неловкие ситуации. Так, во время визита Николая II в Харьков губернатор поспешил доложить, что «съезд горнопромышленников жертвует миллион рублей на нужды войны». Была получена высочайшая благодарность, но промышленники раскошелиться не спешили. Пришлось «создавать обложение промышленников, чтобы набрать пожертвованные деньги...»². Именно такие случаи в первую очередь замечала всегда готовая к «праведному» негодованию общественность.

Кое-кому из русских предпринимателей удалось сделать в годы войны состояние. Таков К.И. Ярошинский: получив в Государственном банке 400-миллионный кредит на организацию военной промышленности, он значительную его часть потратил на закупку десятков прибыльных сахарных заводов (74, с. 333). Этот пример не был уникальным. Война вовсе не привела к объединению власти и бизнеса.

Для сравнения отметим, что сразу после вступления в войну британский парламент принял чрезвычайный закон от 8 августа 1914 г. «О защите королевства», который наделил правительство правом «подчинять любой частный интерес задаче успешного ведения войны». А по закону от 28 августа государство стало осуществлять общий контроль над производимыми вооружениями заводами и железными дорогами, гарантируя их владельцам прибыль на уровне 1913 г. Уже в конце августа 1915 г. английское правительство регулировало импорт и распределение сахара в стране, а также создало запас пшеницы (59, с. 267). В России же в сентябре 1915 г. стал ощущаться недостаток сахара. Из Луги Петроградской губернии писали: «Всюду мрачно. Четвертый день сидим без сахара, последний день пользуемся керосином, завтра истекает рис, ржаная мука и на исходе пшеничная. И это несмотря на то, что мимо нас бегут из Петрограда сплошь да рядом пустые составы товарных поездов. Кто виноват в этой несообразности — не поймешь»³.

Российская власть, словно загипнотизированная привычкой к «застойному» существованию, не могла решиться на инновационные действия и продолжала рассчитывать на «духовный подъем» народа. Ее фактически поддерживали некоторые представители творческих элит. «Не сила оружия, отдельно взятая, решает участь сражения, а та духовная сила, которая управляет оружием и без которой оно мертво» (73, с. 495), — писал Е.Н. Трубецкой. Пылких идеалистов в России всегда хватало. Философа

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 12.

³ Там же. Д. 1032. Л. 1408.

И.А. Ильина, к примеру, возмутило предложение П.Б. Струве превратить всю Россию в «тыл армии». Ильин, напротив, полагал, что *«армия должна стать вещественным выражением духовного творческого подъема в стране»*, и именно этот *«дух должен понести армию к победе, а страну к обновлению»*. Он упрекал Струве в том, что его идеология является «торгово-промышленной» (38, с. 83).

Правые политики хотели добиться «духовного обновления» избавлением (путем соответственных запретов) от «чуждых влияний». Депутат III Думы историк А. Вязигин писал 14 февраля 1917 г. действующему ее члену Г.А. Шечкову: «Нужна конфискация запасов по принудительной цене. Денег нет – пусть выпустят принудительный заем... Нужно обложить **прибыль**, а не имущество. Иначе произойдет экономический кризис, и земли, дома, предприятия попадут в жидовские руки»¹.

К слову сказать, идеи Струве оказались близки его давнему противнику – В.И. Ленину. Тот полагал, что тотальная война приведет экономику воюющих стран к состоянию, более всего соответствующему социалистически-распределительным идеалам. При этом ориентиром для Ленина была экономическая политика Германии: там государство выступило в роли основного потребителя, навязывающего производителю свои правила игры. Немецкое государство не только установило максимальные цены и ограничило потребление хлебных продуктов, но и регламентировало разmol зерна, выпечку хлеба, производство колбас, убой скота и т.д. Правительство поощряло учреждение особых сырьевых комитетов, которые определяли потребности армии и промышленности в сырье и распределяли его между производителями. Следствием стала реквизиция кожи, металлов, резины. Но это – лишь одна сторона политики всеобщей мобилизации ресурсов. Немецкое государство планомерно стимулировало изобретательство, организацию новых производств – разумеется, при условии соблюдения владельцами установленных им правил игры. Правительственные мероприятия не затрагивали прибыль – сдерживалась лишь неумная жажда наживы.

Все эти меры, конечно, не были «шагами к социализму», но принимались ради сохранения капиталистического общества. Интересно, что даже экономисты марксистской школы видели в них явный «перебор» (78, с. 9, 11)². Иначе было в России. Здесь «подозрительный» капитализм, похоже, никто не хотел ни использовать, ни тем более «спасать».

Причины, возможно, имели аксиологический характер. Православная культура сконцентрирована на Боге, а не на человеке, поэтому про-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 56.

² Прибыль в военной промышленности Германии не опускалась ниже 10%, а в ряде случаев превышала 20%. См.: 5, с. 12.

блемы «мирские», в том числе социально-экономические, оказывались на заднем плане. Между тем даже в рамках католической традиции, не говоря уже о протестантстве, никогда не забывали о материальном достатке. Так или иначе предубеждение против «мамоны», характерное для русской культуры, не следует игнорировать.

Российская власть всегда не доверяла людям самостоятельным. В правительственных верхах говорили: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно» (69, с. 119). 12 июня 1915 г. министры указывали: «владельцы копей инертны», не желают брать на работу «беженцев, пленных, финляндцев, а болтают о китайцах и японцах». И квалифицировали такое поведение как «бюрократические уловки для ничего-неделания» (69, с. 181). А в связи с пожаром на Златоустовском заводе В.Н. Шаховской заявил, что «вокруг пьянство при попустительстве полиции» (там же, с. 332). О разгильдяйстве постоянно судачили в обществе.

Правительство распустило безобиднейшее экономическое совещание членов Государственного совета из-за того, что оно вздумало обсуждать вопрос о положении рабочих в Донбассе (27, с. 71). А между тем сложившаяся там ситуация тревожила многих. Условия жизни и работы шахтеров были ужасными: писали о «каторжном 12-часовом труде под землей» с постоянным «риском увечья». Заработок шахтеров не превышал 45 руб., в жилые казармы их «набивали как сельдей в бочку». Горнозаводчики же исходили из того, что «повышение заработка рабочих не даст увеличения добычи угля». Единственное, на что соглашались предприниматели, – бесплатный проезд рабочих-сезонников по железным дорогам¹. Бюрократии, вынужденной обслуживать патерналистскую систему, такая несговорчивость не нравилась.

Неудивительно, что мнения предпринимателей о пагубности насаждения казенных заводов правительством все более решительно отвергались (57, с. 301). В частной переписке встречаются такие суждения: «Удивительное у нас экономическое невежество. Оттого у нас и нарекания на промышленников, что не имеют даже представления, в чем заключается промышленность»². Возможно, поэтому власть предпочитала заграничные заказы (77, с. 169).

Тотальная война легко превращается в войну на истощение. Как ни парадоксально, здесь Россия проиграла. Причем вовсе не из-за недостатка продовольствия. Согласно обследованию 60 городов Европейской России, их потребности удовлетворялись в среднем на 36,8%. Тем не менее министр земледелия А.А. Риттих был настроен оптимистично: хлеб в стране был – оставалось изъять его у производителей, перейдя от системы заку-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 25 – 25 об.

² Там же. Д. 1010. Л. 12.

пок и реквизиций к разверстке потребляемого хлеба. Однако не все местные власти были с этим согласны. Казанский губернатор П.М. Боярский писал Н.П. Гарину в Петроград 31 декабря 1916 г.: «Против меня ополчился Риттих, который... решил, что я ему противодействую... Я находил, что в Казанской губернии... без разверстки можно купить больше, и оказался прав, так как вместо 32 миллионов, которые назначил Риттих, разверстка дает 9 ½ миллионов и вызвала большое волнение, которое сообщается армии...»¹.

Разверстку, призванную удовлетворить потребности армии, предполагалось закончить до 6 января 1917 г. С этой целью в январе 1917 г. Риттих объездил основные хлебопроизводящие центры Европейской России и транспортные узлы, через которые хлеб следовал в армию. У местного начальства с его специфичной сервильностью не могло не создаться впечатления, что хлеба в деревне более чем достаточно, и его можно взять одним махом. Однако снежные заносы фактически прервали на три недели сообщение между хлебопроизводящими губерниями и столицами. К тому же, поскольку разверстка встретила сопротивление на местах, ее окончание пришлось отсрочить до 1 марта 1917 г. Тем временем, в частной переписке сообщалось: «...миллионы пудов говядины в Сибири гниют, в Астрахани рыба тоже, а у нас ничего нет»; «прохвосты распорядители все имеют, а на нас им наплевать». От деятельности Риттиха осталась «одна только пустота»². Как показало обследование, «продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего..., продовольственное дело в империи превратилось в общеимперскую продовольственную катастрофу...» (67, с. 490–491).

3 февраля 1917 г. московский городской голова М.В. Челноков просил премьера принять незамедлительные меры по снабжению первопрестольной мукой. Ее поступление едва превышало треть суточной нормы, угрожая «вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения». Это, предупреждал Челноков, отразится «на работе на оборону страны» (67, с. 497). В Москве ощущался также недостаток предметов первой необходимости (4, с. 302, 304). В провинции положение было не лучше. В конце января 1917 г. члену Государственной Думы кадету Д.И. Шаховскому писали из Екатеринбурга: «дороговизна прогрессирует», мельницы останавливаются из-за нехватки зерна, доставка его из Сибири «идет очень туго», а «про сахар и говорить нечего». В Туле, как следует из частной переписки, не было ни дров, ни керосина, ни муки, ни пшени, ни крупчатой муки. Писали, что здесь «бедный люд в страшном положении»³. Вдова убитого офи-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 61.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Д. 1071. Д. 1071. Л. 13, 20

цера сообщала из Полтавы председателю Государственной Думы М.В. Родзянко (для передачи царю), что «семьи погибших офицеров не в состоянии существовать на получаемую пенсию», а «дети болеют от истощения»¹. Причины неурядиц связывали с властью. «Пока правительство разбирается в том, кому из министров отдать продовольственное дело, общая разруха еще более увеличится и вспыхнет революция, превосходящая 1905 г., – писали из Читы. – Страшная дороговизна совершенно не по силам бедноте. Отношения между имущими и неимущими обостряются с каждым днем»².

Обывателям казалось, что именно от местных властей исходят все новые и новые напасти. 5 января 1917 г. в Петроград сообщали: «Вся Одесса возмущена постановлением местного генерал-губернатора о реквизиции одеял с угрозой 3000 штрафа или 3-месячного тюремного заключения... За принесенные одеяла выдавались 3 р., а между тем обыватели... покупали самые простые по 30 р. Вот логика, и как тут борется с мародерами тыла наша администрация... Теперь поговаривают о реквизиции кроватей... Вот кто возмущает народ». Положение со временем не улучшалось. 4 февраля 1917 г. из Одессы писали: «Говорят, что скоро не будет муки, нет керосина... Везде очереди, хвосты... Право, казна сама ведет к бунту, на казенные деньги. Вкрадывается подозрение, что нарочно это устраивают, что администрация наша в большинстве продажна и сама спекулирует... или она бездарна, ей нет дела до населения» (54, с. 21).

В современной литературе порой пишут о патриотическом «настроении 1914 года», якобы охватившем, как в Европе, все слои общества (58). Разумеется, такие настроения в России были. Однако они сильно преувеличиваются. В значительной степени это результат некритичного воспроизведения пропагандистской литературы военных лет, прославлявшей русских «чудо богатырей» и проклинавшей жестоких немцев (см., например: 7). Насколько же глубоки, устойчивы и, главное, искренни были тогдашние патриотические чувства? Начальник Генерального штаба Н.Н. Янушкевич в июле 1915 г. признавал: «Сказочные герои и альтруисты – единицы: 1%... <готов> драться за Россию – красиво, но масса не понимает». Янушкевич предлагал «купить героев» из крестьян, пообещав им прирезать земли после войны (69, с. 203).

Полная или частичная военная блокада любой страны обнажает слабые места ее народного хозяйства: зависимость от внешнего мира, управленческие изъяны, отраслевые диспропорции, технологические упущения, реальные возможности инфраструктуры. Вместе с тем становятся очевидны пути преодоления недостатков за счет скрытых внутренних резервов.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Л. 2, 13, 14, 20.

² Там же. Д. 1059. Л. 955.

В войну, однако, выяснилось, что российская власть не способна отыскать хозяйственные стимуляторы внутри страны. При этом она была готова безрассудно ориентироваться на заграничные ресурсы. Налицо врожденный порок патерналистски-полицейской системы, слабость той самой производственно-распределительной политики, которую проводило государство. Один из контрразведчиков в мемуарах отмечал, что система губила даже талантливых людей, превращала их в «поденщиков власти». Необходимость «делать карьеру путем безграничной угодливости и приспособляемости, доведенная до степени паразитизма», парализовала усилия лучших умов России¹.

Органические слабости системы особенно заметно сказались на продовольственных поставках. Среднегодовой сбор хлебов в России в 1910–1913 гг. составлял 4,5 млрд пудов, потребность населения и армии – 3 млрд. До войны ежегодно вывозилось до 680 млн пудов, т.е. 15% общего сбора. В 1915 г. вывезли всего 31 млн пудов. Откуда же взялась продовольственная проблема? Она, безусловно, имела системный характер: не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии; запас жиров был израсходован в первые месяцы войны и т.п.²

В неославянофильской газете еще в 1914 г. появился рецепт экономического спасения. Авторы утверждали, что «данные для достижения экономической независимости у нас были всегда» (имелось «сырье всех видов»), и предлагали «перестать вывозить хлеб» и «наладить экспорт муки». Авторы выступали за срочное создание организации, которая стала бы «связующим звеном между английскими фабрикантами и русскими торговцами». Поскольку трудно было рассчитывать только на правительство, планировали основать «Лигу экономической независимости России» (23, с. 5–6). Если на появление очередной проблемы правительство реагировало созданием соответствующего «совещания», то общественность возлагала надежды на новую «говорящую».

Тем временем запасы продовольствия быстро расходовались. Это сказывалось на настроениях солдат. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов в телеграмме министру земледелия А.А. Риттиху жаловался: «крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей» (цит. по: 65, с. 31). Да и можно ли было ожидать наступательного порыва от солдат, хорошо знавших, ценой каких потерь был достигнут «успех» недавнего брусиловского прорыва?

Власть теряла контроль над ситуацией (если допустить, что она вообще ее контролировала). В правительственных верхах то и дело возникала паника по самым разным вопросам. «Входим в сумасшедший дом, –

¹ ГА РФ, Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 90–91.

² Там же. Оп. 2. Д. 110. Л. 26, 43, 56, 76.

фиксировал Кривошеин 13 сентября 1915 г. — «Трагизм разновластья. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», — вторил ему другой министр Щербатов (69, с. 271–272). Через десять дней он же указывал на «хаос на железных дорогах» и на повсеместную опасность голодных бунтов, бессильно констатируя, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов»¹. 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторял: «Сплошное безумие, бедлам» (там же, с. 284).

Позднее известный экономист С.Н. Прокопович писал, что из-за развала железнодорожного движения «пышным цветом распустилось взятничество». В то же время расширились возможности кредитных спекуляций со стороны банков: банки начали скупать торговые точки и вздывать цены. Покупатель считал виновниками дороговизны розничных торговцев, что вело к продовольственным погромам (60, с. 164, 175, 176, 178). Неустановленный автор сообщал из Москвы 9 сентября 1915 г. председателю Харьковского окружного суда Ф.М. Пронину: «...взятничество и обдирание населения невероятны», а «купцы и промышленники помешались на бессовестной наживе»².

Разумеется, все это травмировало образованное общество, включая наиболее консервативную его часть. Известный правый публицист Л.А. Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится — Москве грозит голод. Я бы сказал, что они сошли с ума. Не берегут ли хлеб для заграницы?» (25, с. 46). Если такие мысли посещали преданных сторонников режима, то как могли реагировать его оппоненты?

Всякие ограничения в снабжении тут же вызывали волну спекуляции, в том числе хлебом. Ситуация осложнялась из-за слабости инфраструктуры. Генерал С.А. Ронжин, ведавший снабжением армии, полагал, что на железнодорожных перевозках крайне негативно сказывалось стремление правящих кругов оказать помощь союзникам, не задумываясь о последствиях этого для России³. Люди чувствовали, что исправить положение невозможно.

Кто виноват?

Забюрократизированная патерналистская система в экстремальной ситуации может спастись только в результате перехода на жесткое «ручное» управление. Но в воюющей России этого не получилось. Страну поразил организационный кризис. Его размах и болезненность обусловлены слабостью инфраструктуры. Одни, как водится, видели в этом «происки

¹ ГА РФ, Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 26, 43, 56, 76. — С. 277.

² ГА РФ, Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1416.

³ ГА РФ, Ф. 5881. Оп. 2. Д. 160. Л. 46 об.

темных сил», другие – результат отсутствия власти, обеспечивающей привычный «порядок».

В письмах с мест приводились вопиющие примеры бесхозяйственности. «У нас от Тихорецкой до Царицына лежат тысячи вагонов хлебных грузов еще с сентября 1914 г. под открытым небом, – писал в октябре 1915 г. из Астраханской губернии мукомол И.А. Камянных в Государственную Думу. – Хлеб пророс и прее в мешках и во время теплой погоды к станции нельзя подойти от зловония...»¹. Начальство, конечно, ссылалось на отсутствие порожних вагонов, а между тем каждый день через Царицын проходила масса порожняка. Такие упущения создавали питательную среду для спекуляции. В мае 1915 г. из Екатеринославской губернии информировали: «...пока правительство думало», некая еврейская организация «скупала огромные партии хлеба и перепродавала с огромным барышом»². Непорядок с доставкой продовольствия отмечался и в других местах. В июле 1915 г. в Думу сообщали, что управление Закавказской железной дороги «ведет настоящую торговлю поездами»³.

«Кризис доставок» усугублялся со временем. Возникла особая профессия «толкачей», которые за известное вознаграждение доставляли груз в сохранности до станции назначения. К услугам толкачей стали прибегать не только отдельные лица, но и государственные учреждения. Злоупотребления допускали и чиновники МПС. Летом 1916 г. на 43 железных дорогах страны было предано суду за различные преступления 547 железнодорожников (64, с. 161–162).

Вину за продовольственную проблему не без оснований взваливали на управленческое безволие. «Наблюдая многих губернаторов, я отметил одну общую... черту: страх что-то упустить, страх выпустить малейшее из-под непосредственного своего наблюдения и влияния, страх упустить власть, – вспоминал один из немногих энергичных губернаторов. – ...Большинство губернаторов... буквально утопали в мелочах, заваливали себя горами совершенно ничтожных дел и бумаг, просмотр и подпись которых отнимали у них бездну времени...» (26, с. 89). Уполномоченные по закупке хлеба для армии вынуждены были конкурировать не только друг с другом, но и с представителями армии, сельской продовольственной части МВД, агентами земств и городов из потребляющих губерний (35, с. 153, 178).

Но главная причина управленческого коллапса заключалась в отсутствии понимания между властью и основной массой хлебопроизводителей – крестьянами. К примеру, лошадей для армии приходилось «браковать

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 89.

² Там же. Д. 1007. Л. 12.

³ Там же. Л. 22.

только за худобу от бескормицы». Случалось это «от дезорганизации доставки фуража». Тем не менее крестьянские хозяйства лишались лошадей, что неминуемо должно было отразиться на состоянии и аграрного сектора после войны¹. При этом вину на недостатки снабжения армии в обществе взваливали на крестьян: «...мужики ведут себя возмутительно: хлеба почти не продают, а картофеля совершенно не привозят на базар». Крестьян упрекали и в том, что они «выкармливают свиней и продают по высоким ценам», а в конечном счете, «наживая тысячи, непроизводительно тратят массу денег на наряды, которые им доставляют евреи и, понятно, дерут...». Для улучшения положения предлагалось «восстановить таксу и ввести строгую кару за невыполнение ее»².

В действительности все было не так просто. Скажем, правые деятели обвиняли земцев в том, что они отбирают у крестьян свиней («не для армии, а писали 5 февраля 1917 г. члену Государственной Думы кн. Д.П. Голицину-Муравлину из Тульской губернии. — Она неудержимо катится к той бездне, которую ей подготовили идиоты и предатели. Тульский оружейный завод бастует вследствие неимения хлеба; для него даже запас сделать не удосужились»). Вину за сложившуюся ситуацию возлагали на «либерального» министра земледелия Наумова, «допустившего участие в продовольственном деле “общественных сил”» и тем самым «погубившего Россию» с помощью голода³. Российские «патриоты» всегда рассчитывают только на власть и потому готовы обвинять всех, кто ей «мешает».

К пониманию этого склонялись даже крайне правые. «Если бы даже завалили продуктами Петроград и Москву — остальную Россию не спасешь, — писали 5 февраля 1917 г. члену Государственной Думы кн. Д.П. Голицину-Муравлину из Тульской губернии. — Она неудержимо катится к той бездне, которую ей подготовили идиоты и предатели. Тульский оружейный завод бастует вследствие неимения хлеба; для него даже запас сделать не удосужились». Вину за сложившуюся ситуацию возлагали на «либерального» министра земледелия Наумова, «допустившего участие в продовольственном деле “общественных сил”» и тем самым «погубившего Россию» с помощью голода⁴. Российские «патриоты» всегда рассчитывают только на власть и потому готовы обвинять всех, кто ей «мешает».

В патерналистских системах, находящихся в экстремальной ситуации, общественное недовольство начинает непроизвольно провоцировать сама власть. С.Н. Прокопович отмечал, что «бессистемные, противоречивые действия» местных администраторов усиливали расстройство народнохозяйственной жизни. «Одни губернаторы таксировали товары, другие — размер прибыли, которую могут брать торговцы на каждом товаре, третьи

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 16.

² Там же. 265. Д. 1067. Л. 1794.

³ См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1460; Д. 1067. Л. 1753; Д. 1065. Л. 1530.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 28.

попросту запрещали “чрезмерное повышение цен”». Торговцам приходилось «следовать всем этим бестолковым распоряжениям под страхом штрафа в 3000 руб., 3-х месяцев тюрьмы и высылки». В конечном счете «административный эксперимент дорого обошелся стране: он усилил анархию, царившую на рынке, и способствовал усилению дороговизны» (59, с. 289). Ситуация была чревата продовольственными бунтами. «В Одессе дороговизна растет с каждым днем и недовольство торговцами и промышленниками уже проявляется... возможно, что и здесь оно кончится эксцессами, если не примут своевременно мер против вздувания цен, в особенности на продукты первой необходимости»¹, – писал некий А. Деев 13 мая 1916 г. В.М. Лапшину в Оренбург.

В «верхах» также обвиняли друг друга во всевозможных упущениях. 16 августа 1916 г. А.И. Гучков писал ген. М.В. Алексееву в Ставку, что военный министр М.А. Беляев сорвал поставки английских винтовок, будучи убежден в способности отечественных заводов и американских поставщиков восполнить их нехватку. Гучков считал, что все это «характерно для хаоса многовластия и в результате безвластия, которые водворились в деле снабжения за последнее время». Он резюмировал: «Гниющий тыл грозит еще раз... затянуть вашу доблестную армию..., да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью». Гучков не доверял никому из министров². Даже если принять во внимание его особую эмоциональность, приходится признать: с таким тылом добиться коренного перелома в войне вряд ли было возможно.

Подданные патерналистской системы склонны списывать ее провалы на злокозненность бесчисленных – внешних и внутренних – врагов. Так, член Государственной Думы Н.Д. Крупенский, человек отнюдь не левых взглядов, позднее утверждал: железнодорожное ведомство не выполнило своего долга перед Отечеством «как по неведению, так из-за колоссальных злоупотреблений, хищений и простых краж»³. Все это болезненно сказывалось на духе армии. Крупенский объяснял случившееся тем, что «хребет железных дорог был польско-немецкий, и когда его... пытались расчистить от иностранного элемента..., пошел общий развал»⁴.

Кампания по поиску «врагов», нарастающая германофобия в конечном счете ударили по авторитету царской семьи (9, с. 88, 116, 152, 1051). Монархист В.М. Пуришкевич откровенно заявлял: «Вокруг царя все сгнило, и от этих людей ждать больше нечего. Пусть только кончится война,

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 126.

² Там же. Л. 193–194 об.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 427. Л. 14.

⁴ Там же.

мы им покажем. В России все пойдет по-новому...» (цит. по: 36, с. 238). Звучали среди правых и другие «революционные» высказывания. П.Н. Врангель вспоминал, что генерал А.И. Крымов, будущий участник корниловского выступления, говорил ему: «Мы идем к гибели и... должны найтись люди, которые ныне же, не медля устранили бы Государя “дворцовым переворотом”». Проникнув в массы, такие настроения могли приобрести невиданную разрушительную силу.

Уже в мае 1916 г. зазвучали пессимистические прогнозы. «Очень уж тошно становится сейчас... Стоим перед чем-то и сами не знаем перед чем...», — писал депутат Государственной Думы от Уфимской губернии кадет Г.В. Гутуп. Он надеялся, что «съезды, кооперативы, всякие самоуправления» помогут «сорганизовать общество для выступления по окончании войны — в новый поход против третьего фронта — против бюрократии». Правда, тут же признавался: всем известно, от кого надо избавиться, а относительно того, кого поставить на освободившееся место, «у всякого свое мнение». Настоящее депутат оценивал так: «С одной стороны бойня, с другой — бюрократическое болото, с третьей — масса бесформенная, инертная, с четвертой — ее будущие вожди — политики, знающие только свои личные выгоды... Главное же несчастье не в убожестве руководителей, а в печальных качествах самой массы и тех условиях, в которых она находится, ставших еще невыносимее благодаря войне¹. Бесперспективность ситуации вызывала подобие истерики. В ноябре 1916 г. Гутуп признавался: Дума беспомощна, и «мы напрасно только сотрясаем воздух своими воплями»².

Объективно 1917 г. не сулил ничего обнадеживающего. В конце декабря 1916 г. в армии были снижены суточные нормы потребления; в гарнизоны внутренних военных округов в феврале 1917 г. стали поступать новобранцы 1898 года рождения, ожидавшие своего призыва только в октябре 1917 г. (8, с. 63). Неуклонно обострялась продовольственная ситуация. «Сахарный голод кончился, наступает голод хлебный», — сообщали из Ставропольской губернии 26 декабря 1916 г.³ В конце января 1917 г. из Калужской губернии будущему министру продовольствия Временного правительства А.И. Шингареву писали: «Губерния местами уже голодает... Население по городам в Боровске, Медыни, Малоярославце запруживает улицы, с плачем просит муки и хлеба, обивая пороги в полиции. Лавки обществ потребителей сидят без товаров, а администрация губернии совсем опустила руки»⁴. Член Госсовета кн. Е.Н. Трубецкой, некогда пи-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 170–170 об.

² Там же. Д. 1062. Л. 1209.

³ Там же. Д. 1067. Л. 1788.

⁴ Там же. Д. 1069. Л. 193.

савший о великой «освободительной миссии России» в войне, информировал министра земледелия А.А. Риттиха в начале февраля 1917 г., что Калужской губернии, которую он представляет, грозит «голодная смерть». В это же время с Румынского фронта сообщали: «Слишком много тормозов у нас, которые стараются истощить страну и не дать ей победы... Войска наши голодают, фуража тоже нет и лошади пали в теле. Слэб подвоз... Солдаты оборвались и изголодались...»¹. «Мы накануне полного экономического расстройста: весною нечем будет кормить многомиллионную армию, да и самих нас одолеет голод», – информировали в начале февраля 1917 г. из Кутаисской губернии². По сообщениям из Смоленской губернии, там в некоторых волостях «уже голодали»³.

Вопреки фактам, некоторым казалось, что ситуация окончательно выровнялась. На деле модернизационные успехи были довольно скромными. Так, лишь к осени 1915 г. была освоена технология производства снарядов по французскому образцу. В результате их выпуск возрос с 90 тыс. в августе 1915 г. до 700 тыс. в августе 1916 г. (5, с. 16). Но это было далеко не самое сложное производство. Кроме того, специалисты отмечали, что повальное переключение машиностроительных заводов на изготовление снарядов в конечном счете нанесет ущерб высокотехнологичным производствам. Если бы вместо изготовления снарядов эти заводы занялись производством станков, то производство вооружения в стране могло бы значительно возрасти (44, с. 97). Погоня предпринимателей за легкими прибылями сдерживала общую модернизацию промышленности.

Исходя из валовых показателей, некоторые военные специалисты писали, что «как результат больших усилий, общей напряженной работы, затраты огромных средств всей страны, снабжение армии к 1917 г. было хорошо налажено»⁴. В действительности успехи, которых достигли благодаря общественной поддержке и за счет экстремальных управленческих усилий, были лишь частичными. К примеру, к осени 1916 г. удалось полностью удовлетворить потребности армии в 76-мм химических снарядах (3, с. 316). Генерал Литвинов даже радовался: немецкие газовые снаряды намного хуже отечественных⁵. Увы, это было далеко не самое инновационное производство. А между тем требовалось тотальное обновление всей системы.

Выдающимся достижением военных лет стала постройка Мурманской железной дороги. Идея строительства «вначале встретила всеобщее издевательство и сильное противодействие» со стороны финансового и

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 9.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 50.

⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 125.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 57.

морского ведомств¹. Между тем дорога длиной более 1000 км была построена по инициативе МПС за полтора года. Но, во-первых, потребовались экстремальные мобилизационные усилия, широкое использование принудительного труда (64, с. 125–126), а во-вторых, проблему военных поставок Мурманская дорога решала лишь частично. Так, в январе 1917 г. по ней не могли перевезти тяжелые орудия, доставленные из Японии для Румынского фронта. Наконец, были жалобы на то, что по Мурманской и Архангельской дорогам «гоняют... пустые вагоны взад и вперед»².

Некоторые высокие снабженцы после падения монархии заявляли, что «начало революции было концом успешной работы по снабжению армии»³. Адмирал Д.В. Ненюков, например, высказывал прямо противоположное мнение: «Революция есть болезнь, которая поражает только нездоровые и расслабленные организмы и не может привиться к здоровым и сильным»⁴. Надо признать: уровень «расслабленности» российской власти был таков, что ее участие в мировом конфликте становилось самоубийственным.

На фоне панической неразберихи всякий признак производственно-экономической стабилизации казался «спасительным». К концу 1916 г. в «верхах» даже появилось убеждение, что Россия может успешно продолжать войну. Но какой ценой? «Наверху» не замечали того, что империя может более или менее успешно обороняться, но не наступать, ибо не располагает новейшими видами вооружений. Не видели и опасного разрыва между индустриальным и аграрным секторами экономики. Собственно, качественного обновления экономики во время войны не произошло; нарастали проблемы, диспропорции.

Временное правительство пыталось решить проблему старым «финансовым» способом. Единственная инновация состоит в том, что оно пыталось отыскать новых кредиторов. Уже 4 марта 1917 г. правительство взяло курс на «использование японского и американского денежных рынков» (30, с. 26). Однако финансовая переориентация на США не могла дать российской стороне быстрый эффект. Некоторые специалисты предупреждали, что американский капитал будет долго «присматриваться», прежде чем решится вкладывать средства в Россию (64, с. 168). Тем не менее российско-американские контакты активизировались. Для начала удалось договориться о займе в 500 млн долл., которые предполагалось истратить в США «без британского посредничества, как это было до сих пор». Американская сторона считала этот заем чрезвычайно выгодным.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1332.

² Там же. Д. 1068. Л. 51; Д. 1069. Л. 152 об.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 128.

⁴ Там же. Д. 533. Л. 87.

Посол Д. Френсис настаивал на срочной отправке в Россию 500 паровозов и 10 тыс. товарных вагонов. Кроме того, американцы рассчитывали на заказ фирме «Ремингтон» 1 млн винтовок, что также было выгодно скорее США, чем России. Министр финансов М. Терещенко настаивал на получении из США 1500 паровозов и 30 тыс. вагонов, а уже 1 апреля 1917 г. Временное правительство было готово заказать в США 2000 паровозов. Специалисты, однако, предупреждали, что эти машины вдвое дороже отечественных и к тому же являются настолько «нежными» в эксплуатации, что впору заказывать в придачу к ним американских машинистов (64, с. 172–173). Несмотря на это, начались переговоры о поставке уже 3000 паровозов (31, с. 176).

В конечном счете российские заказы помогли становлению американской военной промышленности. Так, фирма Дюпона за полгода ввела в строй крупнейший пироксилиновый завод. Начав работу в мае 1915 г., в 1916 г. он выпускал 28 тыс. пудов пироксилина в сутки, в то время как ни один русских завод не производил более 1,1 тыс. пудов (39, с. 436). Этому не следует удивляться: в экстремальных условиях мобилизационные экономики достигают лишь отдельных и кратковременных успехов, не меняясь качественно, тогда как дезэтизированные экономики прогрессируют.

Тем временем нужда Временного правительства в американских кредитах возрастала: до 1 января 1918 г. требовалось еще 733 млн долл. Почти пятую часть предполагалось потратить на посредничество и перевозки; непосредственно в руки правительства должно было поступить лишь 70 млн долл. Примечательно, что посол Френсис предлагал правительству США соглашаться на эти кредиты, «чтобы у России не было повода не продолжать войну» (66, с. 468). Риск обходился не слишком дорого: на долю России приходилась лишь десятая часть кредитов, отпущенных США союзникам.

18 августа 1917 г. Терещенко проинформировал российских послов в Париже, Лондоне, Вашингтоне о финансовом положении России. Он сообщал, что правительству предстояло изыскать до конца года 15 млрд руб. Общая сумма государственного долга, составлявшая на 1 января 1917 г. 33,6 млрд руб., к началу следующего года должна была вырасти до 60 млрд. При этом министр указывал на необходимость получения «нового крупного внешнего займа» как для заграничных расходов, так и для «удовлетворения потребностей внутри страны».

И здесь обнаружился еще один парадокс. Российские финансисты откровенно заговорили о «финансовом голоде». Наличности было выпущено чуть ли не в 10 раз больше, чем до войны, 14 млрд руб. находилось в обращении, а денег не хватало. В финансовых кругах считали, что министры-социалисты нагоняли инфляцию своими речами. Не оставалось ничего иного, кроме усиления косвенного налогообложения (53, с. 86–88).

Но это еще больше подрывало доверие к власти. Пороки старой хозяйственной системы превращались в смертельную болезнь.

Строго говоря, Временное правительство оказалось в безвыходном положении. Без зарубежных кредитов оно не могло существовать, однако кредиты могли предоставляться только при условии продолжения войны. 1 мая 1917 г. на совещании в Ставке М.В. Алексеев заявил, что союзники «с нами в настоящее время перестали, по-видимому, считаться» (32, с. 134). Союзникам все же приходилось считаться с Россией: она превращалась для них в обузу. Поэтому Временному правительству не удалось ни своевременно получить необходимые кредиты от США, ни заставить Великобританию выполнять финансовые обязательства.

Наследие прошлого было таково, что исправить положение революционная Россия оказалась не в состоянии.

«Застой» вместо модернизации

Л.Д. Гудков считает, что современные «процессы модернизации блокируются центральными, символическими институтами социальной системы в России...» (21, с. 410). То же самое было столетие назад. Именно поэтому теперь, как и прежде, надежды на авторитарный вариант модернизации безосновательны. Этатизация модернизационных процессов всякий раз оборачивается возведением потемкинских деревень.

При оценке событий столетней давности некоторые современные авторы явно страдают близорукостью. Утратив чувство реальной истории, они упиваются манипуляциями с заведомо лукавыми цифрами. Между тем помимо тяжести «объективных» обстоятельств следует учитывать, что к 1917 г. народ устал от тягот войны и окончательно разуверился во власти. Ее организационные провалы пришлось смывать кровью.

В чем же причина современных «модернизационных» иллюзий, связанных с Первой мировой войной? Не желая добираться до первопричин инновационных провалов, люди ищут простейшие объяснения: сваливают все на внешние факторы, на всевозможных «злоумышленников» и «врагов России». Действенным оказывается и влияние всевозможных «лейб-историографов», обслуживающих власть. Массовое сознание, развращенное поветрием конспирологии, легко принимает на веру то, что подсовывается этими угодливыми сочинителями из «патриотических» якобы соображений.

Но главное в другом. До тех пор пока российская власть будет вообразать себя «самой умной», а народ видеть в ней единственную спасительницу от всевозможных напастей, никакое обновление России невозможно. Мы так и останемся в плену надежд на «чудо спасения». С подлинной модернизацией эта вера в неведомое не имеет ничего общего. В России повернуться лицом к прогрессу — значит отказаться от при-

вичного алгоритма застойного существования, который в значительной степени навязывается государством.

Историческая задача Российской империи столетиями состояла в освоении, культивировании и сохранении необъятного пространства. Всякий человек, говоривший об альтернативах, предлагавший выход из ловушки исключительно пространственного самоопределения, которое вело к внутреннему «застою», автоматически попадал в число «разрушителей государства». Исторический опыт подсказывает: Россия не поддается кабинетному реформированию, равно как и революционной «модернизации». Даже Ленин после всех экспериментов понял, что будущее страны – в том, чтобы «учиться, учиться и учиться». По существу, это проклятие не только бюрократам, но и злосчастным доктринерам, продавшим душу дьяволу за свои убогие проекты.

Список литературы

1. Ананьич Б. Банкирские дома в России, 1861–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – 196 с.
2. Барсуков Е. Артиллерия русской армии, (1900–1917 гг.). – М.: Воениздат МВС СССР, 1948. – Т. 1. – 392 с.
3. Барсуков Е. Артиллерия русской армии, (1900–1917 гг.). – М.: Воениздат МВС СССР, 1949. – Т. 2. – 344 с.
4. Богословский М. Дневники, (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. – М.: «Время», 2011. – 799 с.
5. Бокарев Ю. Мобилизационная экономика России и Германии в годы Первой мировой войны: Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: Исторический опыт России XX века. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 571 с.
6. Боханов А. Деловая элита России, 1914 г. – М.: ИРИ, 1994. – 272 с.
7. Брояковский С., свящ. Война четырнадцатого года (По рассказам участников и очевидцев). – Киев: Ред. журн. «Духовная беседа», 1915. – Вып. 1. – 25 с.
8. Булдаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 969 с.
9. Булдаков В. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2011. – 1096 с.
10. Бухгейм Э. К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1915. – 32 с.
11. Вандам Е. (А.Е. Едрихин) Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
12. Васильев Л. Модернизация как исторический феномен (О генеральных закономерностях эволюции). – М.: Либеральная миссия, 2011. – 188 с.
13. Вернадский В. Очерки и речи. – Пг.: Научхимтехиздат, 1922. – Т. 1. – 123 с.
14. Виноградов П. Российско-американское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. – Владивосток, 2012. – № 2. – С. 103–110.
15. Волобуев П. Наука и техника в дореволюционной России (конец XIX – 1917 год) // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы: Воспоминания. Статьи. – М.: Наука, 2000. – С. 93–132.
16. Воронов Л. Война и народное хозяйство. – М.: Комис. по орг. общеобразоват. чтений для фабр.-зав. рабочих г. Москвы, 1915. – 64 с.

17. Гаман-Голутвина О. Роль элиты в модернизации страны // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке / Отв. ред. А.Н. Аринин. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 18–24.
18. Ганелин Р. Россия и США, 1914–1917: Очерки по истории русско-американских отношений. – Л.: Наука, 1969. – 423 с.
19. Гессен С. Идея нации // Вопросы мировой войны. – Пг.: Юридический кн. склад «Право», 1915. – 675 с.
20. Гобсон Дж. Империализм. – Л.: Прибой, 1927. – 287 с.
21. Гудков Л. Абортивная модернизация. – М.: РОССПЭН, 2011. – 630 с.
22. Гулевич А. Война и народное хозяйство. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1898. – 188 с.
23. Девониский Э. Экономические задачи России, вызванные настоящей войной // Новое звено. – Пг., 1914. – № 43. – 18 окт. – С. 5–6.
24. Дёнингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: Симбиоз и конфликт (1494–1941). – М.: РОССПЭН, 2004. – 503 с.
25. Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 438 с.
26. Друцкой-Соколинский В., кн. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. – М.: Русский путь, 2010. – 320 с.
27. Дякин В. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). – Л.: Наука, 1967. – 363 с.
28. Емец В. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. – М.: Наука, 1977. – 367 с.
29. Епанчин Ю. «Война – во спасение»: Общество-политическая позиция русских писателей в годы Первой мировой войны. – Саратов: Новый ветер, 2010. – 154 с.
30. Журналы заседаний Временного правительства. – Т. 1: Март – апрель 1917 года. – М.: РОССПЭН, 2001. – 448 с.
31. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства: (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918. – М.: РОССПЭН, 2013. – Т. 3. – 846 с.
32. Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. – Ч. 7: Кампания 1917 г. Приложение № 6. – СПб.: Полигон, 2002. – 878 с.
33. Захаров М. Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну // Война и революция. – М., 1931. – Кн. 1. – С. 52–60.
34. Звонарев К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. – М.: БДЦ-Пресс, 2003. – Кн. 2. – 223 с.
35. Земский феномен: Политологический подход. – Саппоро: Центр слав. исслед. при ун-те Хоккайдо, 2001. – 202 с.
36. Иванов А. Владимир Пуришкевич – опят биографии правого политика (1870–1920). – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 443 с.
37. Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории: Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. трудов. – М.: ГЦМСИР, 1999. – Вып. 24, кн. 3. – 309 с.
38. Ильин И. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы, (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. – 605 с.
39. Ильин Ю. Вклад России в создание военно-промышленного комплекса США // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие: Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – 560 с.
41. Карцов Ю. Революция сверху. – СПб.: Отеч. тип., 1907. – 17 с.
42. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России: (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). – М.: Эпифания, 1994. – 845 с.

43. Кюнг П. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. – М.: РГГУ, 2012. – 244 с.
44. Маевский И. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Госполитиздат, 2003. – 392 с.
45. Мальков В. Россия и США в XX веке: Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. – М.: Наука, 2009. – 494 с.
46. Маниковский А. Военное снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. – М.: Высший военный редакционный совет, 1920. – Ч. 1. – 707 с.
47. Никонов В. Крушение России, 1917. – М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2011. – 932 с.
48. Новое звено. – СПб., 1914. – № 40/41. – 4 окт. – С. 17–18.
49. Новорусский М. Война и новые отрасли русской промышленности // Вопросы мировой войны. – Пг.: Право, 1915. – С. 502–521.
50. Озеров И.Х. Итоги экономического развития XIX века. – СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1902. – 83 с.
51. Озеров И.Х. На Новый путь! К экономическому освобождению России. – М.: Богуславский, 1915. – 336 с.
52. Островский А. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Полторак, 2013. – 414 с.
53. Отчет о Московском совещании общественных деятелей. – М.: Тип. Ефимова и Желудкова, 1917. – 136 с.
54. Охранка предупреждала: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт» / Публ. Ю.И. Кирьянова // Родина. – М., 1999. – № 11. – С. 19–23.
55. Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год: Июль 1915 – июль 1916 г. – М.: Гор.тип., 1917. – 119 с.
56. Павлов А. Скованные одной цепью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны, (1914–1917 гг.). – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 186 с.
57. Поликарпов В. От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М.: Индрик, 2008. – 550 с.
58. Поршнева О. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. – М., 2010. – № 2. – С. 185–200.
59. Прокопов А. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке: В 3 кн. – М.: Наука, 2008. – Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. – С. 265–306.
60. Прокопович С. Война и народное хозяйство. – М.: Дело, 1917. – 214 с.
61. Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. – 527 с.
62. Родзянко М. Крушение империи. – Харьков: Интербук, 1990. – 263 с.
63. Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы конф. Москва, 8 декабря 2010 г. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 205 с.
64. Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). – М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. – 320 с.
65. Сербин А.И. Первая мировая война: Россия накануне и в годы войны, (1914–1918 гг.). – Омск.: СибАДИ, 2009. – 72 с.
66. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в Первой мировой войне. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 579 с.
67. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны: (1914–1917). – М.: Наука, 1973. – 656 с.
68. Снесарев А.Е. Письма с фронта, 1914–1917. – М.: Кучково поле: Беркут, 2012. – 800 с.

69. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.
70. Травин Д., Маргания О. Модернизация: От Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 764 с.
71. Трофимова Е.В. Производство взрывчатых веществ в годы Первой мировой войны // Отечественная история. – М., 2002. – № 2. – С. 147–152.
72. Трошина Т.И. Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны, (1914–1918 гг.). – Архангельск: Кира, 2008. – 169 с.
73. Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Трубецкой Е. Избранные произведения. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 510 с.
74. Фурсенко А.А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб.: Алетея, 1999. – С. 333–337.
75. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2008. – 419 с.
76. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года – апрель 1915 года). – Пг.: Тип. ред. периодич. изд. Мин-ва финансов, 1916. – VIII, 110 с.
77. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну, (1914–1918 гг.). – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.
78. Экштейн Г. Война и будущее народного хозяйства. – М.: Дело, 1917. – 50 с.
79. Baryshev E. The General hermonius mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the issue of armament supply in Russo-Japanese relations during the First World War // Acta slavica Japonica. – Hokkaido, 2011. – Vol. 30. – P. 21–42.
80. Fleischhauer I. Die Deuschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutch-russischer Kulturgemeinschaft. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. – 670 S.
81. Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat: Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. – Königstein: Hain, 1980. – 324 S.
82. Saveliev I.R., Pestushko Y.S. Dangerous reapproachment Russia and Japan in the First World War, 1914–1916 // Acta slavica Japonica. – Hokkaido, 2001. – T. 18. – P. 19–41.

О.В. БОЛЬШАКОВА

***НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН:
ЗАРУБЕЖНАЯ РУСИСТИКА О ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ¹***

Внимание мировой общественности приковано сегодня к юбилею Великой войны 1914–1918 гг. Естественно, не остаются в стороне и историки. Вопросы исторической памяти, справедливости, ответственности, казалось бы, давно уже решенные, вновь вынесены на повестку дня. Перед историографией Первой мировой стоит сегодня новая масштабная задача: написать транснациональную историю войны², преодолев тем самым узкие рамки национальных историй, которые к тому же сосредоточены главным образом на изучении Западного фронта. Важную роль в решении этой задачи играет зарубежная русистика, «возвращая» Россию в общемировую историю событий 1914–1918 гг.³

Изучение Первой мировой войны британскими и американскими русистами только начинает набирать обороты. Исследования пока не так многочисленны, как хотелось бы, но большинство из них можно отнести к по-настоящему первоклассным (5; 6; 10-12; 16; 17; 20). В отличие от отечественной историографии, сосредоточенной на фактологии, в англо-американской традиции привыкли оперировать теориями и концепциями, опираться на систему аналитических категорий. В нашем историко-научном дискурсе они либо, к сожалению, отсутствуют, либо занимают маргинальное положение. Уже одно это кардинально отличает англо-американские исследования Первой мировой войны от российских – в лучшую сторону. Тут, правда, многое зависит от понимания задач исторической науки. Если считать, что дело историка – реконструировать карти-

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–01–00061.

² Первая попытка уже сделана в трех томах Кембриджской истории, вышедшей в начале этого года (4).

³ Следует отметить прежде всего международный исследовательский и издательский проект «Великая война и революция в России», рассчитанный на десять лет. – Режим доступа: russiasgreatwar.org/.

ну прошлого («как это было на самом деле»), не отдавая при этом себе отчета в невыполнимости миссии, то пальму первенства следует отдать труженикам, извлекающим горы материала из провинциальных архивов и компилирующих эту массу в фундаментальные (и не очень фундаментальные) тома. При этом отсутствует рефлексия по поводу того, что даже простая компиляция — тоже своего рода интерпретация, основанная на представлениях, взглядах, убеждениях самого компилятора. А что уж говорить об историке, который выстраивает на основе документальных свидетельств повествование, обладающее внутренней связностью логики и хронологии.

Признавая необходимость архивного поиска, отгадим должное действительно тяжелому (и одновременно захватывающему) труду по сбору исторических фактов. Но все же интерпретации, а не повествование в духе летописца Нестора занимают в сегодняшней науке главенствующее положение. С этим у нас большие проблемы: десятилетия диктата марксистско-ленинской идеологии привели к тому, что историки разучились мыслить самостоятельно, да и в массе своей утратили к этому вкус. Те же, кто склонен к теоретизированию, разрабатывают абстрактные схемы, в которых история теряет свою особую, только ей присущую притягательность и становится попросту неинтересной. В этом смысле англоязычная (и в большей степени американская) историография России заслуживает особого внимания, поскольку с успехом придерживается золотой середины: работы русистов интересно читать, но они в то же время опираются на определенные теории, выдвигают гипотезы и создают собственные концепции.

Главная трудность при восприятии работ англо-американских историков-русистов заключается в том, что они оперируют разветвленной системой понятий о социуме, неведомых нашей исторической науке. И особенно сложной ситуация выглядит, когда речь идет о гендере — территории незнакомой и чуждой, вызывающей у нас неприятие и отторжение, как что-то даже малоприличное.

Принято считать, что отношения полов — дело сугубо частное (хотя в СССР оно и выносилось на рассмотрение парткомов, профкомов и нарсудов), и понять, причем здесь власть и иерархическая структура общества, о которой столько говорят специалисты по гендеру, нам сложно. В нашем научном обиходе представления о власти и о том, как она функционирует, обычно сводятся к «вышестоящим организациям» и конкретным начальствующим лицам. То, что отношения между полами могут быть не только интимными, но и социальными, что они претерпевают изменения во времени, как-то остается «за кадром». А ведь именно эти отношения формируют так называемый гендерный порядок общества — основу его стабильности: это не только иерархия семейных отношений, но и общественное разделение труда, система предписанных норм социального

поведения мужчин и женщин и многое другое. Фактически это первооснова социальной структуры, а гендерная идентичность – первичный статус человека. На нее наслаиваются национальные, социальные и политические составляющие, соединяясь в нерасторжимое целое, окрашенное индивидуальной субъективностью.

В годы крупных социальных трансформаций гендерный порядок тоже испытывает потрясения. Особенно значительные изменения гендерных ролей, норм и стереотипов фиксируются историками в эпоху кризиса начала XX в., кульминацией которого явилась Первая мировая война с последующими революциями и гражданскими войнами. Исследователи говорят о дестабилизации в условиях первой в истории человечества тотальной войны традиционных моделей мужественности и женственности (маскулинности и фемининности, если уж обращаться к гендерной терминологии). Именно тогда был поставлен под вопрос традиционный стереотип женщины-матери, хранительницы домашнего очага. Викторианское разделение на публичную и домашнюю сферу (еще одна важная категория гендерной истории) испытало первый жестокий удар, хотя и не осталось полностью в прошлом. Женщины вышли из дома, чтобы заменить ушедших на фронт мужей на производстве и в поле, стать медицинскими сестрами, наконец, принять участие в боевых действиях. Они стали кормильцами семей и защитниками своих детей, обретя таким образом важную роль в обществе и «сделавшись видимыми» для государства. После окончания войны и «возвращения к нормальности» пути назад уже не было. Женщины стали частью нации, хотя в Европе и Америке и не получили той полноты прав, какую Временное правительство дало гражданам новой России.

Примерно такой была канва, по которой специалисты по женской истории вышивали картины быта и испытаний, принесенных Великой войной Европе. Эти исследования действительно вернули женщин в историю войны, показав их вклад в общее дело и одновременно поставив под вопрос традиционное представление о героизме военного времени как об исключительно «мужском» явлении. Однако гендерная история формулирует свои задачи гораздо шире – в том числе потому, что расширилось понимание войны как исторического феномена. Среди историков утвердилось мнение, что войну нельзя сводить к сражениям и «культу памяти павших», что следует обратиться к изучению ее воздействия на общество и тех трансформаций, которая она с собой несла (9, с. 1–2).

С введением в научный оборот категорий гендерного анализа стало очевидно, что война и, главное, ее репрезентации буквально пронизаны категориями гендера. Действительно, все знают, что война – дело мужское. Мужчины начинают войну, составляют планы сражений, воюют и, наконец, заключают мир. Женщины остаются дома, обеспечивая надеж-

ный тыл. Такое положение дел считается «правильным», представляет собой гендерную норму. Первая мировая нарушила эту негласную, но до сих пор действующую норму, которая отводит мужчинам господствующую, активную роль, а женщинам – подчиненную, пассивную. Более того, война выявила серьезные бреши в броне мужчины-воина, кормильца и защитника. Выяснилось, что мужчины, испытавшие в окопах массированный артобстрел, столь же подвержены неврозам и истерии, что и слабые женщины. Что мужской героизм – понятие достаточно проблематичное в условиях механизированной войны, где редко происходят прямые столкновения с противником, что героизм может быть и бессмысленным, как бессмысленной оказалась гибель в мировой войне цвета европейской молодежи (этой теме посвящена литература «потерянного поколения»). Что калеки Первой мировой не могут быть кормильцами семьи, а, напротив, ложатся на нее тяжким бременем... Иными словами, идеал настоящего мужчины «испытал атаки» со стороны реальности, прежде невиданные и немислимые.

Таким образом, гендерная история сделала «видимыми» для исследователей не только женщин, но и мужчин. Если традиционная политическая и военная история повествовала о событиях Великой войны, как бы не замечая половых различий, но на деле подразумевая мужчин, то теперь в центре внимания оказались концепты «военизированной маскулинности», воинского братства, вообще метафоры семьи и родства в применении к нации в кризисную эпоху войн и революций. Важными темами зарубежной историографии Западного фронта стали насилие (в том числе и гендерно окрашенное), сложные взаимоотношения между фронтом и тылом, вынужденные миграции населения, массовая мобилизация общества, изменение концепций патриотизма и гражданства в контексте военного опыта. В изучении этих тем гендерный анализ играет немаловажную, а иногда и ведущую роль.

Зарубежные русисты адресуются к тем же проблемам, используют те же категории, ищут ответы на те же вопросы, которые исследуются на материале Западного фронта. Возможно, то обстоятельство, что Россия «вышла» из Первой мировой войны в революцию и начала возводить на обломках империи первое в мире социалистическое государство, следует признать решающим при определении круга исследовательских проблем. Но вряд ли они могут кардинально отличаться от тех, к которым обращаются зарубежные историки. Даже ставя задачу написания «своей» (национальной) истории, не следует преувеличивать степень «особости» России (кстати, миф об особом российском пути успешно развенчал в своей монографии американский историк Питер Холквист, поместив события «кризиса 1914–1921 гг.» в общеевропейский контекст (11)). Между Россией и Европой не было китайской стены, пока ее не возвели в головах, а на

это ушел не один десяток лет. Да и проницаемость этой стены на деле была выше, чем думалось. Барьер, повторю, находился в большей степени в головах и оказался поистине губительным для нашей историографии, особенно когда она утратила твердые теоретические ориентиры марксизма-ленинизма. Новое – то, чем живет сегодня мировая историческая наука, – усваивается медленно и неохотно, с отставанием на 20, а то и на 40 лет. Претензии в данном случае нужно, конечно, предъявлять историческому образованию, но факт остается фактом: отечественная историография Первой мировой войны находится в плену оценок современников, ставит те же вопросы, которые дебатировались в годы войны и были признаны «научно значимыми» в советское время. Исследования, затрагивающие новые темы, крайне немногочисленны, а «гендерно окрашенные» можно пересчитать по пальцам.

Конечно, и для зарубежных историков по-прежнему актуальны проблемы, волновавшие современников событий: военные неврозы, пацифизм, «потерянное поколение». Наверное, эти вопросы и в России могли попасть в центр общественного внимания, но потенциальное «потерянное поколение» было смято революциями и гражданской войной, пацифизм получил ярлык чужой «буржуазной» идеологии, а военные неврозы померкли перед проблемой «революционного истощения» коммунистов, заполнявших клиники в годы нэпа. Поэтому далеко не все темы, разрабатывающиеся в историографии Западного фронта, следует бездумно заимствовать при изучении России. Тем не менее многие «европейские вопросы» заслуживают внимания историков-россиеведов – ответы на них позволят скорректировать выводы, сделанные на материалах Западного фронта, где реалии войны были иными.

Основополагающей структурной рамкой для понимания и исследования Первой мировой войны в зарубежной историографии является противопоставление фронта и тыла (англ. front / home front)¹. Эта изначально гендерно окрашенная дихотомия особенно остро ощущалась фронтовиками, причем всех воюющих держав, и превратилась в устойчивый стереотип. Считалось, что на фронте воевали «настоящие мужчины» – герои, защищавшие нацию с оружием в руках, а в тылу оставались женщины (далеко не всегда верные жены и подруги), и мужчины, по тем или иным причинам не попавшие на фронт либо избежавшие его, т.е. «ненастоящие». Противопоставление «героического» фронта «аморальному» тылу было поставлено под сомнение относительно недавно – с изучением повседневности, миграций и с развитием культурно-исторического подхода, который перенес эту жесткую дихотомию в сферу идей. Оказалось, что на

¹ В английском языке термин «homefront» как оппозиция «фронту» возник в годы Первой мировой войны для описания соответствующих реалий, когда линия фронта пролегла вдали от границ страны, а мирное население активно работало на войну и победу.

практике граница между фронтом и тылом достаточно размыта. Это особенно ясно демонстрируют реалии Восточного фронта.

Британский историк-русист Питер Гатрелл, занимавшийся проблемой вынужденных миграций населения в Российской империи в годы Первой мировой войны, неоднократно отмечал, что в условиях оккупации трудно провести границу между «фронтом» и «тылом», поскольку с врагом взаимодействует уже не армия, а гражданское население. При этом миллионы людей, насильственно перемещенных из районов военных действий, «несут с собой войну» во внутренние регионы России (7; 8). Да и вследствие подвижности фронтовой линии в боевые действия оказывались вовлечены те, кто по правилам должен был находиться за несколько километров от полей сражений – например, сестры милосердия. Их деятельность исследовала американка Лори Стофф. Обратившись к мемуарному наследию, делопроизводственной документации, отчетам прессы, она поставила под вопрос «миф о военном опыте», который традиционно считался исключительно «мужским». Стофф пишет, что немалая часть русских сестер милосердия работала не в стационарных госпиталях, как их коллеги на Западном фронте, а в «летучих» подразделениях. Условия их жизни были максимально приближены к боевым: им приходилось не только находиться под огнем, переживать газовые атаки, но и участвовать в бою. Поэтому опыт медицинских сестер во многом сходен с опытом солдат-мужчин – даже если речь идет о его мифологизированной форме (20, с. 111–112).

Однако в сознании людей различие между фронтом и тылом проводилось достаточно резко. Этот сюжет подробно исследован Карен Петроне в ее монографии, посвященной памяти о Первой мировой войне в СССР (15). Американская исследовательница фиксирует общность советского и западноевропейского дискурсов, ассоциировавших тыл с женщинами, которые вели аморальный образ жизни. Петроне выделяет в мемуарах участников войны ряд тропов, характерных как для Западного, так и для Восточного фронтов. Распущенность, разложение, венерические заболевания, проституция (в буквальном и переносном значениях слова) – вот те ключевые понятия, которыми характеризовали тыл фронтовики. Их суровая окопная правда неизбежно сталкивалась с «хитросплетениями» тыла, которые воспринимались как ложь и даже как предательство – причем и в России, и, к примеру, в Германии (вспомним Ремарка). Эта общность взглядов заставляет автора предположить, что в гендерных категориях понимали природу войны все классы и слои общества в воевавших странах (15, с. 125).

Приписывание женских черт человеку, стране, наконец, врагу с целью их принижения – механизм, хорошо знакомый историкам гендера. Особенно ярко он проявлялся в пропаганде военного времени. Во всех

воевавших державах женщины ассоциировались с тылом и олицетворяли негативные явления. Исследовательница модной индустрии Кристин Руэн отмечает, что стереотип женщины как «бездумной потребительницы» приобрел в России в годы Первой мировой войны (особенно в период дебатов о принятии закона против роскоши в 1916 г.) отчетливо антипатриотический оттенок. Наряду со спекулянтами и всеми, кто наживался на войне, модницы стали «внутренними врагами» империи, страдающей от нехватки самого необходимого и скорбящей по своим погибшим (17, с. 233–234). Это пример того, какой весомый вклад в противопоставление фронта и тыла в гендерных категориях вносила пропаганда. Интересно, что при этом фронтовики ассоциировали пропаганду с лживостью тыла – считали ее продуктом деятельности «тыловых крыс», распространявших самые невероятные небылицы. Даже такие патриотически настроенные мемуаристы, как А.А. Брусилов, постоянно упоминали о «газетной лжи».

Конечно, пропаганда – важный инструмент мобилизации населения на борьбу с врагом. Эта тема широко изучается в историографии Западного фронта, тогда как Восточный остается практически не исследованным. (Среди немногих работ см.: 1; 13; 14.) Такой аспект пропаганды, как визуализация войны, требует активного привлечения категорий гендерного анализа. Военная пропаганда эксплуатировала и образ родины-матери, и стереотипы идеальной женственности и мужественности. Как отмечает К. Петроне, все страны – участницы Первой мировой войны использовали для мобилизации мужчин на борьбу с врагом представления об идеальной маскулинности. В России, к примеру, популяризировался подвиг казака Козьмы Крючкова, убившего в одиночку 11 немцев и получившего первый в той войне Георгиевский крест. Лубки с изображениями «былинного богатыря» Крючкова рассматриваются зарубежными русистами как типичный образчик «русской» пропаганды (5; 15, с. 96).

Иное видение героического эпизода со «сверхчеловеком» Крючковым дается в книге Петроне. Исследовательница ссылается на роман «Тихий Дон», в котором Крючков выведен в качестве одного из персонажей. Обратившись к этому случаю, Михаил Шолохов пересмотрел не только привычный пропагандистский образ, но и само понимание героизма в Первой мировой войне. Писатель реконструировал эпизод той стычки с немцами, которая принесла Крючкову всероссийскую славу, подробно расспросив одного из ее участников. По его словам, Крючков был вовсе не героем, а типичным службистом, олицетворением жестокости и произвола царской армии. Тем не менее описание сражения, в котором Крючков отбил захваченного в плен казака и действовал с профессиональным хладнокровием, не дает оснований усомниться в его героизме. Однако свой подвиг Крючков совершил не в одиночку, а при участии других казаков, высланных перехватить немецкий дозор. Главный протупок Крючкова

Шолохов видел в том, что, будучи любимцем командира эскадрона, он с удовольствием принял единоличную славу и до конца войны бездельничал при штабе. Крючков предал фронтовую дружбу ради того, чтобы получить награду за участие в рядовой стычке, причем достаточно бесславной: обе стороны проявили животную жестокость и вышли из нее «морально искалеченными» (15, с. 96–97). В одном только эпизоде великого романа присутствует целый ряд проблем, изучаемых западной историографией Первой мировой: что такое военная пропаганда, насилие, военная жестокость, фронтовая дружба, героизм. Сама многозначность текста Шолохова, как замечает Петроне, отражает чрезвычайную сложность представлений о героизме, мужественности, товариществе и братстве.

Признание многозначности социальных категорий и условности границ между ними – характерная черта современной зарубежной историографии Первой мировой войны. И историки-русисты также склонны считать, что тогда размывались гендерные дихотомии, происходила «феминизация» публичной сферы. Первая мировая война явилась, по выражению Питера Гатрелла, «моментом истины, когда принятые понятия о гендерных ролях и границах подверглись тяжкому испытанию» (7, с. 199). В условиях массовой мобилизации мужчин женщины заняли их место не только в крестьянском хозяйстве, но и в экономике в целом. Они вступили на новую для них территорию публичности, активно взаимодействуя здесь с государством – прежде всего в лице чиновничества. Гатрелл отмечает определенную «феминизацию» политического дискурса 1914–1918 гг., указывая, в частности, на возрастание в политической риторике удельного веса понятий о «домашнем». Прежняя историография видела здесь лишь «эпическое» и сосредоточивала все внимание на вопросах государственного переустройства и революционных устремлениях.

Как социальный историк и специалист по миграциям населения, Гатрелл связывает усиление «семейного» компонента в политическом дискурсе с конкретным жизненным опытом – прежде всего с появлением огромного количества беженцев, которых необходимо было как-то обустроить, дать работу, пищу и кров. Исследователь подчеркивает вклад женщин, которые занимались этой незаметной работой, оставаясь при этом по-прежнему в тени. По мнению Гатрелла, необходимо серьезно изучать тему «гендер и война», причем не только такие «самоочевидные», по его словам, аспекты, как медсестринское дело, но и модели поведения мужчин на рабочем месте и на фронте, стратегии выживания пленных и беженцев и многое другое (7, с. 210–211).

Нет никаких сомнений в том, что реалии Первой мировой войны представляют собой настоящую кладь для женской истории. Однако зарубежная русистика занималась этим крайне мало. В монографии американской исследовательницы Лори Стофф «Они сражались за родину» (20)

рассматривается участие женщин в боевых действиях – феномен для того времени исключительный, особенно если учесть его масштабы. К 1917 г. в России, по статистическим данным, было не менее 6 тыс. женщин-солдат, что несопоставимо с остальными воевавшими державами. В какой-то степени этому способствовали женское движение, разворачивавшееся в России в начале XX в., давняя традиция участия женщин в войнах (в частности, в 1812 г.). Но главную роль сыграли не социокультурные факторы, а конкретные обстоятельства.

Описывая события, сопутствовавшие созданию летом и осенью 1917 г. в России (впервые в мире) отдельных женских воинских подразделений, Л. Стофф отмечает, что это был абсолютно новый способ использования женщин в войне. Он нарушал все традиционные гендерные нормы. Такое, по мнению исследовательницы, могло произойти только при наличии определенных условий, которые сложились к тому времени: тяжелое положение на фронтах и необходимость влить новые силы в измученную войной армию, а также наступившие после Февральской революции политическая анархия и развал общества (20, с. 1–2).

Стофф считает, что создание особых женских частей – социальный эксперимент, предпринятый главным образом в пропагандистских целях. Женщины должны были своим примером вдохновить мужчин и поднять их моральный дух, а также и пристыдить, если те уклонялись от выполнения своего патриотического долга – защиты родины. Предположение автора подтверждается и тем, с какой готовностью журналисты, фотографы и кинооператоры распространяли сведения о русских женщинах-солдатах буквально «от Петрограда до Нью-Йорка». Симптоматично, что после Октябрьской революции женские боевые подразделения почти мгновенно исчезли (20, с. 3–4).

В монографии Л. Стофф отмечается, что поначалу женщины участвовали в боевых действиях «в индивидуальном порядке». Они шли на фронт добровольно, причем большинство из них выдавали себя за мужчин. Многие хотели находиться рядом со своими мужьями, кто-то искал приключений, кто-то стремился реализовать себя в активной роли солдата, а кого-то толкало на такой поступок и личное горе. Тем не менее, пишет Стофф, женщины шли на фронт в основном из патриотических побуждений, что напрямую связывает их участие в войне с проблемой гражданства (citizenship).

По мнению автора, история женских боевых подразделений в России в годы Первой мировой войны позволяет не только «вернуть» женщин в историю и добавить новые штрихи к широкой панораме событий, но и поставить под вопрос исключительно «маскулинное» понимание войны, пересмотреть общепринятые представления о социальной роли женщин. Во время войны женщины все активнее участвовали в экономике, занима-

лись благотворительностью, ухаживали за ранеными. Границы между полорелевыми функциями, между понятиями о том, что пристало настоящей женщине, а что является прерогативой мужчин, размывались. Исполняя мужскую роль защитника, женщины бросали прямой вызов традиционным гендерным концепциям патриотизма и гражданства. Результат, как пишет автор, был в лучшем случае двойственным. Далеко не все принимали такие «неженские» роли, разделяли энтузиазм в отношении женского патриотизма. В любом случае, существование женских боевых частей в годы Первой мировой войны было явлением временным, реакцией на острую ситуацию. После окончания кризиса началось «возвращение к нормальности». На первый план снова выдвинулись традиционные мужские и женские роли (20, с. 3).

Трактовка Л. Стофф отражает ту линию в зарубежной историографии Великой войны, которая склонна акцентировать стабильность, а не изменения. В рамках другого направления, сосредоточенного на изучении стереотипов женственности, напротив, подчеркивается возникновение в годы войны и межвоенный период новых черт и даже моделей фемининности. Так, американская исследовательница Аллисон Белцер выделила четыре модели идеальной итальянской женщины, сформировавшиеся в первой четверти XX в.: *donna brava* (хорошая женщина) – функционирует в пределах семьи и ставит интересы своих близких выше собственных; *donna italiana* (итальянская женщина) – политически активная патриотка, для которой интересы государства превыше всего, даже в ущерб семье (тип, возникший в годы Первой мировой войны); *donna nuova* (новая женщина) – социально и экономически независимая, самостоятельная, в послевоенные годы ненадолго ставшая одним из идеальных женских типов. На смену новой женщине пришел иной идеал, активно насаждавшийся пришедшим к власти «гипермаскулинным» режимом Муссолини, – *donna fascista*. Этот тип соединял в себе традиционные черты «хорошей женщины», современные качества «новой женщины» и преданность государству итальянской патриотки военного времени (3, с. 2–7).

Схожую эволюцию можно предположить и в России/СССР. В монографии по истории моды упоминаются дискуссии о том, следует ли отказаться от западной моды в пользу русского народного костюма, который в 1910-е годы был распространен в среде националистически настроенных женщин высшего общества (17, с. 230). Здесь, равно как и между представительницами средних классов, активно трудившимися на благо общества в многочисленных комитетах, и следует искать патриотически настроенную «русскую женщину» военного времени. Черты «новой женщины» мы видим у пишбарышень и телефонисток, фабричных работниц, «запустивниц» Февральскую революцию, у юных большевичек и представительниц артистического мира, а «жены-общественницы» 1930-х годов подозри-

тельно напоминают женский идеал муссолиниевской Италии. Конечно, не следует повторять все (часто весьма спорные) построения зарубежных историков гендера. Речь идет о том, что как западная русистика, так и отечественная историография Первой мировой войны пока далеки от такого уровня обобщений. В нашей литературе можно встретить лишь немногочисленные описания деятельности в годы Первой мировой войны женщин-благотворительниц в той или иной провинции, биографические материалы о медицинских сестрах, о патриотическом и духовном служении представительниц императорской фамилии. Безусловно, эти работы делают важное дело, вводя в научный оборот массу фактов. Можно предположить, что в какой-то момент количество перерастает в качество, и женский опыт будет осмыслен в более широком контексте – например, в категориях патриотизма, нации и гражданственности.

Эти темы до сих пор чрезвычайно популярны в историографии Западного фронта. В русистике первые шаги в этом направлении были сделаны Мелиссой Стокдейл. В статье, опубликованной в ведущем американском историческом журнале, она рассмотрела тему женского патриотизма и перспективы обретения полного гражданства теми, кто его не имел (19). Война, пишет М. Стокдейл, предоставила такую возможность и женщинам, которые выполняли патриотический долг и жертвовали собой для родины наравне с мужчинами (19, с. 82).

К российскому материалу пока не была применена актуальная для историографии Западного фронта проблематика «национализации фемининности» (разные аспекты включения женщин в публичную сферу и государственное строительство). Зато была исследована проблема «национализации маскулинности» в России первой четверти XX в. (18). Монография американского историка Дж. Санборна имеет исключительное значение для понимания места Первой мировой войны в истории России, но практически неизвестна нашим специалистам. Между тем в этом серьезном и глубоком исследовании национально-государственного строительства в России вскрыт механизм формирования солдата-гражданина в эпоху национализма, показана роль гендерных концептов семьи, родства, братства в создании нации. В центре внимания автора находится армия, которая в условиях всеобщей воинской повинности, а затем тотальной войны играла ведущую роль в сплочении нации. Насилие, по убеждению Санборна, является главной, можно сказать, системной чертой нации (и национализма). Насилие, как военное, так и государственное, тесно увязывается Санборном с процессом выковывания в огне войн и революций начала XX в. идеала «настоящего мужчины».

Тема «гендер, национальная идентичность и война» исследуется зарубежными историками чаще всего на примере катаклизмов начала XX в. Тема насилия занимает в этих исследованиях ведущее место. В зарубежье

ной русистике, помимо замечательной книги Санборна, пока имеется лишь одно монографическое исследование такого рода. Это уже упоминавшаяся работа Карен Петроне, посвященная памяти об «империалистической» войне в СССР до 1941 г. В ней переплетаются категории гендера, этничности и класса; концепты героизма, патриотизма, религиозной идентичности анализируются в тесной связи с формированием нового советского идеала мужественности (точнее, множества новых типов советской маскулинности). В книге постоянно фиксируются сходства и различия советского и западноевропейского дискурсов о Великой войне. Автора поразило, насколько открыто и неприлично говорится о насилии на войне в мемуарной литературе советских лет. В мемуарах показано разрушающее воздействие военного насилия на душу и тело человека, наконец, на его мужественность. Петроне отмечает «количество, качество и разнообразие» подходов к теме «германской» войны в советском дискурсе межвоенных лет, глубину проникновения в психический и физический мир солдата, серьезность анализа «лица войны» (15, с. 199).

В зарубежной русистике давно уже стало общепризнанным мнение: тогда как в европейской культуре межвоенного периода мифологизация Великой войны занимала центральное место, в СССР это событие оставалось за рамками официального мифотворчества, сосредоточенного на Октябрьской революции и Гражданской войне. Этим обычно и объясняется «исчезновение» Первой мировой из исторической памяти народа. Однако это мнение базировалось главным образом на анализе официальных источников. И только с привлечением литературно-художественных и мемуарных материалов, где государство было «вынесено за скобки», а в центр внимания поставлен человек, выяснилось, что память о Первой мировой в СССР долго была жива и удивительно многообразна. Ее вытеснил на обочину лишь опыт Великой Отечественной войны.

Память является сегодня, пожалуй, важнейшей темой зарубежной историографии Великой войны. Та «особая ситуация», которая сложилась с этой темой в России, требует глубокого и разностороннего изучения. Здесь многое можно было бы сделать, но для этого необходимо изменить систему координат. Для большинства наших историков точкой отсчета, ведущей творческой силой, а зачастую и единственным «творцом» российской истории остается государство. Именно поэтому у нас так востребована традиционная политическая история (давно отправленная на свалку мировой исторической наукой), сильны позиции не менее традиционного варианта социальной истории, оперирующей «людскими массами». Тема исторической памяти тоже исследуется «сверху вниз»: основное внимание уделяется государственной политике, а люди («население») выступают в качестве объекта правительственных усилий (см., например: 2).

Характерная для нашей историографии «одержимость государством» отражает, собственно говоря, состояние общества в целом. Государство и властные структуры представляются сегодня высшей ценностью, а интересы людей, их чаяния, трудности и беды считаются чем-то незначительным. Такие категории, как «индивидуальные интересы», «частные права» и т.п., почти испарились из публичного дискурса. «Частное», «индивидуальное» исчезает и из обихода – их заменяют «общие интересы», единые взгляды, с помощью которых устанавливается «диктатура большинства». Можно ли в таких условиях ожидать от историков обращения к аналитическому аппарату мировой науки, строящемуся «вокруг» человека, «завязанному» на частном, индивидуальном, – вопрос скорее риторический.

Список литературы

1. Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. – М.: Спецкнига, 2012. – 400 с.
2. Семянская Е.С. Память о Первой мировой войне в России и на Западе: Исторические условия и особенности формирования // Великая война: Сто лет / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. – М.:СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 251–270.
3. Belzer A.S. Women and the Great War: Femininity under fire in Italy. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – 282 p.
4. The Cambridge history of the First World War: 3 vols. / Ed. by Jay Winter J., Charles J. Stille Ch. J. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2014.
5. Cohen A.J. Imagining the unimaginable: World war, modern art, and the politics of public culture in Russia, 1914–1917. – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 2008. – 420 p.
6. Fuller W.C., jr. The foe within: Fantasies of treason and the end of imperial Russia. – Ithaca: Cornell univ. press, 2006. – 304 p.
7. Gatrell P. The epic and the domestic: Women and war in Russia, 1914–1917 // Evidence, history, and the Great War: Historians and the impact of 1914–18 / Ed. by Braybon G. – N.Y.: Berghahn books, 2003. – P. 198–215.
8. Gatrell P. A whole empire walking: Refugees in Russia during World War I. – Bloomington: Indiana univ. press, 1999. – 318 p.
9. Gender and war in twentieth-century Eastern Europe / Ed. by Wingfield N., Bucur M. – Bloomington: Indiana univ. press, 2006. – 264 p.
10. Hagen M. von. War in a European borderland: Occupations and occupation plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. – Seattle; Washington D.C.: Univ. of Washington press, 2007. – XII, 122 p.
11. Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. – Cambridge (Mass.), 2002. – 384 p.
12. Lohr E. Nationalizing the Russian empire: The campaign against enemy aliens during World War I. – Cambridge: Harvard univ. press, 2003. – 272 p.
13. Lohr E. The Russian Press and the 'Internal Peace' at the Beginning of World War I // A Call to Arms: Propaganda and public opinion in newspapers during the Great War / Ed. by Paddock T. – Westport, Connecticut: Praeger, 2005. – P. 91–114.
14. Norris S.M. A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. – 277 p.
15. Petrone K. The Great War in Russian memory. – Bloomington: Indiana univ. press, 2011. – 406 p.

16. Reynolds M.A. Shattering empires: The clash and collapse of the Ottoman and Russian empires, 1908–1918. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – XIV, 303 p.
17. Ruane C. The empire's new clothes. A history of the Russian fashion industry, 1700–1917. – New Haven: Yale univ. press, 2009. – 256 p.
18. Sanborn J. A. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. – De Kalb: Northern Illinois univ. press, 2003. – 288 p.
19. Stockdale M. «My death for the Motherland is happiness»: Women, patriotism, and soldiering in Russia's Great War, 1914–1917 // American historical review. – Wash., 2004. – Vol. 109, N 1. – P. 78–116.
20. Stoff L. They fought for the motherland: Russia's women soldiers in World War I and the revolution, (1914–1920). – Lawrence: Univ. press of Kansas, 2006. – 304 p.
21. Stoff L. The «Myth of the war experience» and Russian wartime nursing during World War I // Aspasia. – N.Y.; Oxford, 2012. – Vol. 6. – P. 96–116.

**ОБРАЗ ВРАГА В СОЗНАНИИ РУССКИХ И НЕМЦЕВ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Сводный реферат)**

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 287 с.
2. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). – М.: [Б/и], 2001. – 282 с.
3. Engelstein L. «A Belgium of our own»: The sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika*. – Bloomington (Ind.), 2009. – Vol. 10, N 3. – P. 441–473.
Энгельстайн Л. «Наша Бельгия»: Разорение Калиша, август 1914 г.
4. Jahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 1995. – XVI, 229 p.
Ян Х.Ф. Патриотическая культура в России во время Первой мировой войны.
5. Jahn P. «Zahrendreck, Barbarendreck»: Die russische Besetzung Ostpreußens 1914 in der deutschen Öffentlichkeit // *Verführungen der Gewalt: Russen u. Deutsche im Ersten u. Zweiten Weltkrieg* / Hrsg. von K. Eimermacher, A. Volpert; Unter Mitarb. von G. Bordjugow. – München: Fink, 2005. – S. 223–241.
Ян П. «Царское дерьмо, варварское дерьмо»: Русское вторжение в Восточную Пруссию в 1914 г. и немецкая общественность.

Взаимодействие государств и наций неизбежно формирует у их представителей определенный набор суждений и стереотипов друг о друге. Эти представления, в свою очередь, влияют на дальнейшие отношения. В конфликтных ситуациях, особенно в периоды войн или военных опасностей, представления о другой стране, ее народе принимают форму образа врага. В последние годы эта тема довольно активно изучается в рамках исторической имагологии – относительно молодой научной дисциплины, функционирующей на стыке истории, социологии, психологии, этнологии, конфликтологии, культурологии и т.д. Рассмотрим некоторые отечественные и зарубежные работы, в которых анализируется образ врага в сознании русского и немецкого обществ накануне и в годы Первой мировой войны.

Монография Е.С. Сенявской (Институт российской истории РАН) (1) посвящена восприятию союзников и противников России и СССР в российском/советском обществе в XX в. и хронологически охватывает период с Русско-японской войны 1904–1905 гг. до войны 1979–1989 гг. в Афганистане. Автор опирается на довольно широкий круг источников – как официальные документы военного ведомства, разведки, пропаганды, так и источники личного происхождения, произведения литературы и искусства, данные устной истории и др.

Помимо анализа конкретно-исторического материала книга содержит и пространный теоретический раздел, посвященный самому понятию образа врага. Сенявская определяет его как «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационного или суггестивного типа» (1, с. 20). Критикуя упрощенные трактовки образа врага как искусственной, сугубо идеологической конструкции, автор настаивает, что это явление имеет более сложную природу и возникает в результате наложения искусственных образов, насаждаемых пропагандой, на уже существующие у людей стереотипы, а также на объективный опыт взаимодействия с неприятелем.

Источники, характеризующие представления участников Первой мировой войны о противнике, автор подразделяет на три основные группы: пропагандистские материалы и пресса; боевые донесения и доклады; свидетельства личного происхождения. Пропаганда пыталась навязать населению определенный, заранее разработанный образ врага, однако оперировала чаще всего слишком абстрактными понятиями (славянство, братья-сербы, честь России, слава русского оружия и т.п.). Основную массу населения страны (а значит, и личного состава армии) в то время по-прежнему составляли крестьяне, по большей части неграмотные или малограмотные, которым такие абстракции были просто непонятны. Неудивительно, что эти клише положительного отклика, как правило, не вызывали, хотя со временем пропагандисты и пытались более гибко подстроиться под особенности мышления своих читателей. Боевые донесения и доклады, напротив, отличались аналитическим характером и были основаны на данных разведки, на опыте непосредственного взаимодействия с противником. Источники личного происхождения позволяют понять представления и настроения людей, сопоставить их с теми конструктами, которые продвигались официальной пропагандой. Письма, дневники и воспомина-

ния фронтовиков отражают их персональный фронтовой опыт и восприятие ими тех вражеских солдат, с которыми им приходилось сражаться.

Анализ всех этих источников показывает, что в сознании русских военнослужащих и гражданского населения сосуществовали два фактически независимых образа врага, которые автор характеризует как «глобальный» и «бытовой» (1, с. 71–72). Первый из них включал общие представления о государствах-противниках, был крайне негативным по содержанию и отличался известным постоянством; в определенной степени он сохранился и после окончания боевых действий. Германия и ее союзники представлялись жестокими и коварными агрессорами, ответственность за развязывание войны целиком и полностью возлагалась на них. «Бытовой» образ врага, формировавшийся в результате непосредственных контактов с неприятелем в бою, с военнопленными и гражданским населением оккупированных русскими территорий, отличался большей гибкостью. Образ врага-чудовища, характерный для первых месяцев войны, сменился более адекватным образом врага-человека, а ненависть и презрение в позиционный период нередко уступали место сочувствию, особенно по отношению к рядовым солдатам противника: как и русские фронтовики, они вынуждены были нести на своих плечах всю тяжесть войны, смысл которой становился для них все более туманным.

Автор отмечает также, что дегуманизация образа неприятеля в Первую мировую войну не достигла такой крайней степени, как во Вторую. Если в 1914–1918 гг. оценки немцев на личностно-бытовом уровне были хотя и негативными, но «менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными», то в 1941–1945 гг. несравнимо более жестокое поведение оккупантов на советской территории привело к тому, что в сознании советских людей закрепились образы врага-машины, врага-зверя (1, с. 105).

Союзники Германии – Австро-Венгрия и Турция – воспринимались как второстепенные противники. При оценке австро-венгерской армии учитывался ее многонациональный состав. Наиболее опасным противником русские считали венгров – по боеспособности они превосходили австрийцев, но уступали германским войскам. Австрийцы как противник на первых порах вызывали известное уважение. Впоследствии, однако, отношение к ним стало более жестким: они, как и немцы, применяли химическое оружие; имели место и преступления против мирного населения на оккупированных ими территориях. К славянским народам Австро-Венгрии русские относились с симпатией, как к своим угнетенным сородичам, тем более что среди них были сильны антиавстрийские настроения. Из военнопленных чехов и словаков в 1917 г., уже при Временном правительстве, был сформирован Чехословацкий корпус, сыгравший годом позже важную роль в развязывании Гражданской войны.

Армия Турции была еще более неоднородной в этнокультурном плане, чем Австро-Венгрия, поэтому и отношение русских к военнотурецкой армии было более дифференцированным. Симпатию вызывали армяне и ассирийцы, как христианские народы, к тому же подвергавшиеся жестокому репрессиям со стороны турок. Мусульман-курдов, напротив, считали «дикими азиатами», еще и потому, что, несмотря на свое не слишком дружественное отношение к туркам, они принимали широкое участие в боевых действиях против русских войск и отличались особой жестокостью, которая провоцировала ответные ненависть и насилие. К туркам же относились скорее с уважением – как к «культурной», почти европейской нации, несмотря на то что правительство Османской империи считалось давним и непримиримым врагом России, а российская сторона не отказывалась от своих планов расчленения Турции и захвата проливов. Со временем на турецком (Кавказском) фронте, так же как и на австро-германском, среди солдат стала накапливаться усталость от войны. В этих условиях турки, подобно немцам и австрийцам, все чаще воспринимались как такие же люди, которые против своей воли использовались в качестве «пушечного мяса» ради чуждых им интересов и целей.

В книге немецкого историка Хубертуса Ф. Яна (4) анализируется эволюция русского патриотизма на протяжении Первой мировой войны. Ян расценивает истощение патриотического энтузиазма в 1915–1916 гг. как один из факторов, обусловивших крушение монархии в 1917-м. Предметом исследования являются прежде всего патриотические мотивы в массовой культуре (или, в терминологии автора, «патриотическая культура»). По мнению Яна, она в гораздо большей степени отражает настроения широких слоев населения, нежели философско-публицистические произведения и официальная пропаганда, поскольку обращается к несопоставимо более обширной аудитории и к тому же вынуждена из коммерческих соображений своевременно реагировать на ее запросы.

В книге не рассматривается художественная литература (в силу своего более чем значительного объема она требует специального исследования). Основное внимание автор уделяет изобразительным источникам. В лубках, переживших в 1914 г. своеобразный, хотя и непродолжительный ренессанс, немец обычно изображался хорошо вооруженным и экипированным, но его техническому превосходству противопоставлялись русская храбрость и смекалка. Большое количество лубочных картинок было посвящено жестокости врагов. Подчеркивалось (в том числе с использованием религиозных и квазирелигиозных образов и символов), что в отличие от Германии и ее союзников Россия и другие страны Антанты сражаются за «правду». Еще одна особенность «народных» картинок состояла в том, что, «как и в военных лубках XIX столетия, кровь и страдания отводились врагу и его жертвам из числа мирных жителей», а изображения своих сол-

дат на поле боя и в госпитале оказывались на удивление бескровными (4, с. 21).

Пропагандистские образы государств Четверного союза во многом являлись продолжением традиционных стереотипов, сложившихся еще до войны: «Давние представления о Востоке как о чем-то экзотическом и как об объекте экспансии повлияли на образ глупого несчастного султана, живущего посреди фантастической роскоши. Образы слабой, разваливающейся империи, отражающие соперничество с Австрией, проецировались на фигуру старого и слабого Франца-Иосифа. Доминирующая роль Вильгельма в этом трио и его якобы сатанинский характер отражают восприятие русскими Германии как наиболее опасного врага, против которого должны быть направлены наибольшие усилия. Дегуманизированный образ Вильгельма также включал традиционные русские клише о милитаризме немцев, их заносчивости, педантизме, мелочности и ограниченности» (4, с. 173).

Любопытно, что столь красочные и по-своему целостные образы враждебных наций не дополнялись таким же целостным образом самой России. «Русские, – заключает Ян, – имели достаточно ясное представление о том, против кого они воюют, но не о том, за кого или за что» (4, с. 173).

В работе Е.Ю. Сергеева (Институт всеобщей истории РАН) (2) исследуется менталитет российской военной элиты накануне Первой мировой войны, в частности восприятие военными крупнейших государств Запада – потенциальных противников и союзников России (Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии, Швеции, США). Кроме того, анализируется позиция военного руководства в вопросе о путях дальнейшего социально-политического развития страны. Хронологически монография охватывает «время заката “старого порядка” в Европе и соответственно – авторитарного режима в России, когда постепенное усиление международной напряженности сопровождалось обострением всего комплекса социально-политических, национальных и экономических противоречий самодержавной империи» (2, с. 9). Предметом исследования по существу являются системы представлений о мире и месте в нем России, бытовавшие в среде военной элиты; они сравниваются с представлениями высокопоставленных военных в западных странах. Источниковую базу работы составили архивные документы, опубликованная служебная переписка, публицистика, статистические материалы, мемуары и дневники, а также произведения художественной литературы, отражающие «тот особый колорит, который был присущ русской офицерской среде начала XX столетия и предвоенных лет» (2, с. 15).

На вопрос о том, какая из европейских держав является главным потенциальным противником России в будущей войне, российская военная

(как, впрочем, и политическая) элита долго не могла с уверенностью ответить. Традиционно наиболее близкой России, в том числе в культурном и политическом отношениях, считалась Германия, тогда как Великобритания всегда вызывала недоверие. Англофобские настроения усилились во время англо-бурской 1899–1902 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войн; Лондон проводил тогда по отношению к России политику враждебного нейтралитета. Кадровые военные относились к своим немецким коллегам с большей симпатией, чем к английским, – сказывались сходство русского военного менталитета с немецким и его отличие от британского. Тем не менее в условиях нарастающей напряженности в отношениях с Германией Россия склонялась к партнерству с Англией, тем более что дальнейшее соперничество с немцами в 1900-е годы казалось уже бесперспективным. В 1907 г. было заключено англо-русское соглашение, завершившее процесс формирования Антанты, а в 1909–1910 гг. Великобритания перестала упоминаться как вероятный противник и в стратегических планах русско-Генерального штаба.

Безусловно враждебным было отношение российского военного руководства к Австро-Венгрии. Ожидался ее скорый распад, который позволил бы России расширить зону своего влияния в Юго-Восточной Европе. Австрийская армия, в отличие от германской, не считалась опасным противником; предполагалось, что в случае войны ее ожидает быстрый развал из-за накопившихся межнациональных противоречий. Эти шапкозакладательские настроения стали впоследствии одной из причин того, что в условиях международного кризиса лета 1914 г. правительство Николая II выбрало силовой путь решения конфликта.

Отдельный параграф монографии Е.Ю. Сергеева посвящен представлениям российских военных о национальных характерах народов Запада: немцев, австрийцев, французов, итальянцев, англичан, американцев. Отношение к немцам было двойственным: положительно оценивались их дисциплинированность, пунктуальность и методичность, отрицательно – прежде всего практицизм и национализм. Популярной была теория «двух Германий – Гёте и Бисмарка». Такой взгляд перекликался с представлениями, доминировавшими в народной культуре: в XIX в. немцы воспринимались как чужие, но не как враги. Волна германофобии стала нарастать лишь после заключения англо-русского союза. В 1908–1910 гг. ее объектом были прежде всего австрийцы, которые традиционно не отделялись от германских немцев, но в 1912–1914 гг. главной мишенью стали подданные кайзера Вильгельма II.

Отношение к англичанам, напротив, довольно долго оставалось враждебным. Бурное экономическое развитие капиталистической Британии, которая к тому же нечасто посещалась русскими и была им почти незнакома, в отличие от стран континентальной Европы, породило стерео-

тип о якобы присущем ее жителям практицизму, эгоизму и лицемерии. Сильное раздражение вызывал английский национализм (джингоизм). Большинству представителей российской политической и военной элиты были чужды демократические права и свободы, отстаивавшиеся Соединенным Королевством. Положительный образ Великобритании начал формироваться лишь в последние предвоенные годы. Однако этот процесс, по мнению автора, так и остался незавершенным; он «мог привести только к временным, конъюнктурным результатам, но никак не послужить прочной основой для долговременного союза, основанного на близости или совпадении глубинных основ образно-представленческой картины мира, характерной для сознания правящих кругов обеих стран» (2, с. 210).

Образ внешнего врага дополнялся в представлениях русской военной элиты образом врага внутреннего – прежде всего поляков, финнов и евреев. Все три народа воспринимались резко негативно, через призму многочисленных стереотипов. Их считали враждебными России и принципиально неблагоденными. Предполагалось, что нейтрализовать исходящую от них угрозу можно лишь репрессивными мерами, включая политику русификации в Финляндии и Польше. Автор приходит к неутешительному выводу: «Изучение этноконфессионального аспекта представлений военной элиты России о Западе показывает, что кризис и последовавший национальный распад империи были по сути предопределены неспособностью “верхов” осознать острейшие этноконфессиональные проблемы на адекватном уровне, чтобы, преодолев паралич политической воли, приступить к их решению с учетом основных тенденций эволюции национальных отношений в государствах Европы и США»(2, с. 211).

Ситуацию, сложившуюся по другую сторону фронта, анализирует Петер Ян (Германо-русский музей «Берлин-Карлсхорст») в статье, посвященной представлениям немцев о России в годы Первой мировой войны (5). Вооруженное столкновение между великими державами в эпоху индустриальных войн и массовых армий потребовало не только беспрецедентной по своим масштабам мобилизации людских, а затем и экономических ресурсов противоборствующих стран на нужды фронта, но и соответствующей идеологической и психологической мобилизации. Ее элементом как раз и являлся образ врага. Между тем образ России в немецкой печати оставался в основном почти неизменным с первой половины XIX в., менялись лишь отдельные детали и акценты. В 1914 г. Россия и Германия впервые после столетнего перерыва оказались в состоянии войны друг с другом, а сотни тысяч немецких военнообязанных, направленных на Восточный фронт, получили возможность лично побывать в России и сравнить свой непосредственный опыт с полученными ранее из газет или во время учебы сведениями.

В статье анализируются главным образом сообщения немецкой печати о событиях в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. Неожиданное вторжение российских войск в пределы Германии и быстрая победа над ними стали первым и одним из важнейших оснований, на которых формировался образ русского врага в пропаганде и массовом сознании (в дальнейшем существенную роль сыграл также опыт солдат и офицеров рейхсвера, воевавших на российской территории, проходивших службу в оккупационных войсках и побывавших в русском плену). Эти события использовались и для того, чтобы подчеркнуть мужество и героизм немцев в противовес «варварству» русских, а уничтожение 2-й российской армии во время Восточно-Прусской операции, получившее в германской литературе наименование битвы при Танненберге, представлялось своеобразным реваншем за разгром войск Тевтонского ордена в Грюнвальдском сражении 1410 г. (Танненбергская битва в немецкой традиции).

Негативные образы каждой из стран Антанты в германской пропаганде имели свои особенности, основанные на ранее существовавших предубеждениях («декадентская» Франция, Англия — оплот капитализма, страна торгашей и т.д.). В образе России центральное место занимало «варварство» русских, проявлениями которого, согласно германским источникам, были пьянство, грязь, жестокость солдат по отношению к мирным жителям, мародерство, грабежи, изнасилования и т.д. «Варварство», в свою очередь, тесно увязывалось с образом царской деспотии; в совокупности они рассматривались как проявления «азиатской» природы России. Подобная демонизация противника не только укрепляла волю к продолжению борьбы среди военнослужащих и гражданского населения, но и была удобным оправданием для нарушения международного гуманитарного права самими немцами: жестокость по отношению к русским преподносилась как месть.

Автор отмечает, что в действительности военные преступления в истории Первой мировой были скорее исключением: «Гражданское правосознание, которое предусматривало определенные нормы и для ведения войны, оставалось в силе, несмотря на столь эффектные образы врага, и все еще ограничивало такого рода фантазии о возмездии» (5, с. 240). Однако стереотипы об отсталости, варварстве и жестокости русских, распространившиеся в годы войны, продолжали существовать и после ее окончания и впоследствии были использованы нацистами (наряду с идеей борьбы против «еврейского большевизма») как повод для официального отказа от соблюдения правил и обычаев войны в борьбе против Советского Союза. Военная пропаганда 1914–1918 гг., таким образом, стала одной из предпосылок преступлений немецких военнослужащих в годы Второй мировой войны.

В качестве примера пропагандистской борьбы можно привести историю разрушения германскими войсками в августе 1914 г. города Калиш (Польша, Великопольское воеводство, в составе Российской империи был центром Калишской губернии), которую рассматривает в своей статье (3) Лора Энгельстайн (Йельский университет, США). Калишские события были одним из первых случаев нарушения международного гуманитарного права во время Первой мировой войны. Эта история широко использовалась российской пропагандой не только внутри страны, но и за ее пределами, во-первых, для борьбы со стереотипом о «варварстве» русских и, во-вторых – для демонизации противника в глазах населения России, так как в предвоенные годы немцы с их успехами в науке и культуре вызывали, скорее, уважение. Поскольку вскоре последовала оккупация Германией Бельгии, также сопровождавшаяся разрушением городов и репрессиями против мирного населения, Калиш стали называть «нашей Бельгией». Истории некоторых жителей города использовались и в дидактических целях – как примеры героизма и стойкости перед лицом тяжелых испытаний. Такие неудобные для самой России детали, как бегство царских чиновников, бросивших Калиш на произвол судьбы, и проявления жестокости и антисемитизма со стороны русской армии, неоднократно имевшие место на других участках фронта, напротив, старательно замалчивались. Л. Энгельстайн отмечает подчеркнуто сочувственное отношение царской пропаганды к польскому населению Калиша, отсутствие в публикуемых материалах каких-либо попыток обвинить поляков в измене и сговоре с немцами. Стремясь удержать лояльность своих польских подданных, правительство Николая II воздержалось в данном случае от разжигания шовинистских настроений.

Немецкая пропаганда, со своей стороны, утверждала, что войска Силезского ландверного корпуса, захватившие Калиш, сами вынуждены были отражать атаки местных жителей. Позиция польских авторов была в целом аналогична той, которая представлена в русскоязычных источниках. Хотя расследование 1919 г., предпринятое польскими властями, так же как и предыдущее, проводившееся российской комиссией в 1915 г., не позволило с уверенностью ответить на вопрос о виновниках трагедии; поляки настаивали на том, что немцы несут ответственность по крайней мере за непропорциональное применение силы (всячески подчеркивалась лояльность местных жителей к германским войскам).

М.М. Минц

**СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА
РОССИЕВЕДЕНИЯ**

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ
(Семинар 19 декабря 2013 Г., ИНИОН РАН
с участием Института права и публичной политики)

И.И. Глебова (ИНИОН РАН): В 2011–2013 гг. Институт права и публичной политики (Москва) при поддержке Фонда «Открытое общество» работал над проектом «Двадцать лет демократического пути: Укрепление конституционного порядка в современной России». А.Н. Медушевский, руководитель экспертной группы и научный редактор трудов, изданных в рамках этого проекта, любезно согласился представить его результаты.

А.Н. Медушевский

**О КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ:
ИТОГИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА**

Конституция России 1993 г., принятая на пике демократических ожиданий, включала либеральные принципы правового развития, создавая основу для их реализации. В прошедшие 20 лет стали ясны трудности этого процесса, который не во всем дал ожидаемые результаты. В этой ситуации особую актуальность приобретает вопрос о том, в какой мере конституционные принципы 1993 г. реализовались на практике.

В дискуссии по этой проблеме, развернувшейся в связи с 20-летним юбилеем Конституции, были представлены следующие основные позиции.

1. Действующая Конституция вполне соответствует реальности и не нуждается в каких-либо существенных преобразованиях. Те изменения, которые уже имели место или проводятся сейчас, – не реформа, а незначительная «техническая» корректировка отдельных конституционных положений. Это мнение выражают в основном представители официальных структур.

2. Конституция РФ – утопия. Она была навязана стране силой в 1993 г., не соответствует реальности и отторгается российским обществом. Ее текст должен быть поэтому радикально пересмотрен в соответствии с российской исторической реальностью. Необходимо двигаться к традиционным формам народного представительства – к «парламентаризму» в его специфических национальных чертах (т.е. к советской системе или к земским соборам). Поскольку Конституция и действующий политический режим несовместимы, нужна новая конституционная революция или радикальная реформа – созыв Конституционного собрания для возвращения исторической легитимности, утраченной властью в 1993 г., если не в 1917 г. Эту позицию отстаивают представители радикальной оппозиции – критики современного политического режима как справа, так и слева. Радикализм требований коммунистов и почвенников разных направлений тем выше, чем удаленнее они от власти и чем сильнее их желание воспользоваться ее плодами.

3. Конституция РФ, в силу ее символического значения, может быть сохранена как юридический феномен. Однако она имеет ограниченную социальную поддержку, поэтому должна быть существенно реформирована на уровне ценностей, принципов и норм. Предполагается следующая трансформация текста Основного закона: включение положений о «национальной идеологии» и о духовных (клерикальных) ценностях, отказ от «западной» трактовки прав, реформирование отношений собственности под лозунгом преодоления результатов «грабительской приватизации». В целом речь идет о движении в направлении консервативного пересмотра конституционных принципов. Такой пересмотр предполагает внесение поправок в преамбулу и раздел о переходных положениях или дополнение Конституции новыми главами. Сторонники этого решения видят его преимущество в том, что оно позволяет отказаться от радикальных методов конституционного пересмотра – от созыва Конституционного собрания – и фактически провести с помощью поправок все значимые содержательные модификации принципов. Однако вопрос о легитимации этих изменений по-прежнему в повестке дня: если Конституция была принята всенародным голосованием, то для изменения ее ключевых принципов необходимы его повторение или проведение референдума. Это делает актуальной постановку в будущем вопроса о референдуме и даже созыве Учредительного собрания. Данная позиция близка консервативной части бюрократии и духовенства.

4. Конституция РФ – полноценная основа правового развития. Она вполне адекватна социальной реальности, но ее положения существенно деформированы на законодательном уровне и в правоприменительной практике. Деформации объясняются, во-первых, несовершенством юридических формулировок некоторых конституционных положений, во-

вторых, противоречиями институциональных параметров развития, в-третьих, дисфункциями правоприменения. Целесообразны поэтому выверенные, точечные изменения Конституции, связанные прежде всего с трактовкой принципа разделения властей, а точнее с созданием эффективной системы сдержек и противовесов. Эта позиция характерна для либеральной части научного и экспертного сообщества юристов.

5. Конституция 1993 г. – это идеал, до которого современному обществу еще нужно дорасти. Будучи принята в условиях жесткого противостояния со сторонниками старой советской системы, Конституция закрепила ценности демократического выбора российского общества. Принципы Конституции вполне отвечают как международно-правовым стандартам, так и перспективам развития демократии в России. Потенциал конституционных норм далеко еще не исчерпан и говорить сейчас об их пересмотре – не важно, более или менее радикальном – есть политическая ошибка, способная поставить под вопрос легитимность Основного закона. Отклонения в конституционном развитии связаны не с правовыми, а с политическими факторами. Нужно бороться не с Конституцией, а с антиконституционной практикой политического режима. Отсюда лозунг этого (последовательно либерального) направления: «Руки прочь от Конституции».

Обзор представленных позиций позволяет констатировать отсутствие в обществе консенсуса по вопросу о месте и роли Конституции через 20 лет после ее принятия. Основные общественные силы Конституцию противоположно оценивают историческое значение Конституции и выполняемые ею социальные функции, существо и технологии необходимых конституционных изменений. В современных дебатах о Конституции ключевыми оказались три вопроса: 1) степень соответствия Конституции социальной реальности; 2) величина разрыва по линии ценностей (принципов), норм и практики; 3) масштаб необходимой корректировки Конституции.

Именно эти вопросы оказались в центре масштабного исследовательского проекта – «Двадцать лет демократического пути: Укрепление конституционного порядка в современной России», осуществлявшегося Институтом права и публичной политики (ИППП) в 2011–2013 гг. Его цель – определение итогов, проблем и перспектив становления нового правового порядка, основы которого были заложены в ходе принятия действующей Конституции РФ 1993 г. Анализ базировался на когнитивной теории права, раскрывающей соотношение первоначальных установок, мотивов принятия решений и системной и семантической логики формулирования понятий и норм, вообще логики юридического конструирования политико-правовой реальности. В основу проекта был положен анализ важнейших либеральных конституционных принципов: справедливости и равенства, плюрализма, светского государства, правового государства,

демократии, разделения властей, социального государства и рыночной экономики, федерализма, местного самоуправления, независимости судебной власти, гарантии политических прав и свобод личности. С позиций методологии когнитивного конституционализма был раскрыт процесс формирования конституционных принципов, их позитивация в праве, практическое осуществление, а главное – предложено решение проблемы отклонений в процессе их реализации.

Все этапы реализации проекта представлены отдельными публикациями. На первом этапе участники проекта сосредоточились на общей реконструкции меняющегося смысла и юридического содержания принципов. По результатам исследования опубликована коллективная монография «Основы конституционного строя России: Двадцать лет развития» (2013)¹. На втором этапе проводилось социологическое обследование экспертного сообщества. В рамках этой части проекта была подготовлена социологическая анкета, направленная 300 респондентам (экспертам в области конституционного права). Их ответы на вопросы оказались информативны для решения проблемы отклонений в реализации основных конституционных принципов. Были разработаны цели и методика мониторинга важнейших конституционных принципов². Экспертный опрос, проведенный ИППП весной 2013 г., позволил проследить как реализовались пять ключевых принципов (плюрализм, разделение властей, федерализм, независимость судебной власти и гарантии политических прав и свобод личности). Анализ проводился по основным содержательным параметрам и зонам конституционных практик – в области законодательства, судебной власти, в деятельности органов государственной власти, а также в сфере неформальных практик. Это позволило выявить зоны конституционных отклонений и перейти к их количественному выражению, специальному изучению и мониторингу изменений. Результаты второго этапа проекта представлены в книге «Конституционный мониторинг: Концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 г.»³ На третьем этапе проекта группа ведущих аналитиков обобщила и проанализировала данные мониторинга. Результаты представлены в аналитическом докладе ИППП «Конституционные принципы и пути их реализации: Российский контекст» (2014)⁴.

¹ Основы конституционного строя России: Двадцать лет развития / Под ред. А.Н. Медушевского. – М.: ИППП, 2013.

² Мониторинг конституционных процессов в России: Аналитический бюллетень. – М.: ИППП, 2011–2012. – № 1–4.

³ Конституционный мониторинг: Концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 г. / Под ред. А.Н. Медушевского. – М.: ИППП, 2014.

⁴ Конституционные принципы и пути их реализации: Российский контекст: Аналитический доклад / Под ред. А.Н. Медушевского. – М.: ИППП, 2014.

Мы стремились связать три уровня исследования – теорию, практику и аналитические рекомендации. Этим объясняется применение междисциплинарного подхода. Использовались три вида понятий: юридические (реконструкция принципов), социологические и статистико-математические (отражающие параметры опроса) и политологические (механизмы реализации принципов). Основными формами работы являлись: академическая деятельность, социологический опрос с количественным обобщением данных в форме таблиц, последующая качественная аналитика (фокус-группы и «круглые столы», данные которых отражены в опубликованных бюллетенях) и независимая оценка полученных результатов внутренними и внешними экспертами¹. В этих исследованиях содержится политико-правовой анализ важнейших конституционных принципов, подведены итоги их реализации. Принципиальная содержательная новизна предложенной концепции и методики конституционного мониторинга позволили перейти от описания к количественному измерению параметров российского конституционализма, выявить основные тенденции его развития и существующие деформации, наметить возможные пути их преодоления.

Диспропорции в интерпретации основных конституционных принципов и причины их появления схематически можно представить следующим образом. Теоретический анализ конституционных принципов, проведенный в рамках первой части проекта, позволил констатировать сохранение диспропорций по следующим параметрам правового регулирования. Во-первых, существует напряженность между ценностями и выражающими их принципами, с одной стороны, и их интерпретацией с точки зрения целей конституционного развития – с другой (принципы справедливости и равенства). Во-вторых, сохраняется неопределенность в интерпретации ряда фундаментальных принципов (правового государства, демократии, разделения властей), что связано как с особенностями их юридической формулировки, так и с логикой политического процесса. В-третьих, изменено содержание ряда закрепленных принципов путем наполнения соответствующих норм иным смыслом (принципы федерализма и местного самоуправления). В-четвертых, очевидны пересечения между принципами, что выражается в меняющейся трактовке соотношения и объема регулируемых норм (принципы рыночной экономики и социального государства). В-пятых, возможны противоположные интерпретации смысла одних

¹ Группа реализации трех частей проекта: О.Б. Сидорович – директор; С.С. Заикин – координатор; А.А. Слащилин – координатор; А.Н. Медушевский – руководитель экспертной группы. Состав экспертной группы: Ю.Н. Благовещенский, С.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.А. Джагарин, Л.О. Иванов, К.Н. Коротеев, М.А. Краснов, Е.Н. Маркова, Т.Г. Морщакова, Г.А. Сатаров, А.К. Соболева, А.А. Троицкая, И.А. Умнова, Т.М. Храмова, И.Г. Шаблинский. Консультанты: Е.Б. Абросимова, В.Б. Пастухов, Д. Смилов.

и тех же правовых принципов и норм (светское государство). В-шестых, отмечен различный характер позитивации принципов в действующем праве: одни принципы закреплены в Конституции (разделение властей или социальное государство), другие – нет (рыночная экономика), они выводятся из совокупности ее норм и принципов. В-седьмых, существуют дисфункции применения ряда принципов с точки зрения критериев пропорциональности и соразмерности целям Конституции. Диспропорции возникли вследствие как исторических условий принятия Конституции, так и нормативных противоречий и институциональных дисфункций¹.

Сравнительный анализ реализации пяти избранных конституционных принципов представлен по результатам мониторинга – экспертного опроса. Полученные данные, как отмечалось, были обобщены в исследовании по содержательным параметрам (субпринципам) и зонам конституционной практики (законодательство, судебные решения, деятельность органов власти, неформальные практики), что позволило определить коэффициент конституционных отклонений. Анализ структуры конституционных отклонений, проведенный в рамках проекта на основании статистического обобщения данных анкетирования экспертного сообщества, позволил выявить прежде всего общую неоднородность реализации конституционных принципов. По уровню отклонений конституционной практики от норм Конституции РФ рассмотренные сферы конституционного регулирования располагаются в следующей последовательности: политическое, идеологическое, духовное, культурное и иное многообразие (плюрализм), принцип разделения властей, федерализм, независимость и самостоятельность судебной власти, гарантии политических прав и свобод личности. Таким образом, исследование позволило дифференцировать три области конституционного регулирования: сравнительного благополучия (принципы плюрализма и разделения властей), сравнительного неблагополучия (принципы федерализма и судебной власти) и полного неблагополучия (принцип обеспечения политических прав и свобод).

В то же время сравнение реализации принципов по зонам конституционной практики помогло выявить те из них, которые в наибольшей степени ответственны за сбои конституционализма. Были обобщены данные опроса о реализации конституционных норм по четырем областям конституционной практики: законодательство (т.е. сфера, связанная в основном с деятельностью палат Федерального Собрания), работа судебной системы, других государственных органов (прежде всего органов исполнительной власти), а также сфера так называемых неформальных практик. Это схематическое разделение отражает общую логику конституционных дисфунк-

¹ Медушевский А.Н. Конституционные принципы 1993 года: Формирование, итоги и перспективы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2013. – № 1 (92). – С. 30–44.

ций. Отклонения фиксируются не столько в сфере общих законодательных норм, формальных институтов и практик, сколько в сфере менее институционализированных и нормативно урегулированных практик. Доминирующую роль играют здесь именно неформальные практики.

Сбои системы в интерпретации принципа плюрализма начинаются с переходом от него к другим принципам: с различного (для общества и власти) содержательного наполнения принципа народовластия, определения факторов его реализации и их практического осуществления в деятельности органов исполнительной власти различного уровня и судов. Эти сбои, в свою очередь, качественно нарастают по мере перехода к таким зонам, где ослабевает нормативное регулирование административной практики, и она сводится к неформальным спонтанным ответам на текущие жизненные вызовы. Это говорит о том, что при стабильности общего законодательного регулирования принципов плюрализма и разделения властей в их реализации образуются особые «зарезервированные зоны» – своего рода «заповедники», где исполнительная власть чувствует себя более самостоятельной и готова непосредственно вмешиваться в законодательный процесс и правоприменительную деятельность.

Общая динамика конституционных отклонений по пяти принципам выглядит следующим образом. Во-первых, отклонения растут с течением времени (в основном – в последнее десятилетие). Во-вторых, они нарастают по мере перехода от более общих конституционных положений к конкретным элементам (субпринципам) каждого из рассмотренных принципов. В результате общая формулировка принципа остается неизменной, но его структура и смысл претерпевают значительные модификации. В-третьих, отклонения увеличиваются по мере перехода от более формализованных видов практики (законодательной и судебной) к менее формализованным – институциональным и неформальным. В-четвертых, объем конституционных девиаций резко растет при переходе от общенационального уровня законодательства к правовому регулированию и особенно к правоприменительной практике на уровне субъектов Федерации, на региональном и локальном уровнях. Здесь региональные элиты монополизировали все виды власти и контроля.

Социологическое обследование выявило следующие механизмы трансформации конституционных принципов и норм без их формального пересмотра. Неопределенность конституционных норм (например, в отношении понятия «политическая деятельность») используется для их интерпретации в пользу исполнительной власти. Одни конституционные права применяются для ограничения других (например, трактовка «диффамации» – защиты чести и достоинства – для ограничения свободы критики должностных лиц в СМИ); дается политизированная трактовка этих прав (например, для поддержки отдельных конфессий против их оппонен-

тов). Расширительно трактуются понятие «безопасность» и компетенция силовых структур, в результате чего последовательно «топятся» элементы плюрализма; избирательно применяются ограничительные конституционные нормы в отношении оппозиционных общественных объединений и партий. Размываются границы конституционного и административного права, что открывает путь широкой трактовке делегированных полномочий администрации, селективно применяется уголовная репрессия (и соответствующая интерпретация уголовно-процессуальных норм), путем бюрократизации ослабляется судебная власть. Наконец, все эти неформальные практики используются как для «корректировки» соответствующих законодательных норм, так и для их фактического пересмотра на уровне правоприменительной деятельности.

Инструменты блокирования конституционных принципов достаточно разнообразны. В результате исследования было показано, каким образом встроенные «амортизаторы» на институциональном уровне блокируют действие каждого из пяти принципов. Принцип плюрализма деформируется системой двойных стандартов, действующей в особых «зарезервированных зонах». Здесь исполнительная власть имеет значительную свободу усмотрения при определении как смысла соответствующих норм, так и их применения на практике. Реализация принципа разделения властей блокируется в результате сверхконцентрации президентских полномочий. Это дает главе государства не только конституционные, но и метаконституционные прерогативы по вмешательству в деятельность всех трех ветвей власти. Более того, фактически предопределяет результаты их деятельности путем неформального влияния на решение значимых политических вопросов. В случае с принципом федерализма те же функции выполняет выстроенная система вертикали исполнительной власти: она «нейтрализует» конституционные основы федерализма и ограничивает самостоятельность субъектов Федерации. В области судебной власти роль такого «встроенного механизма» играет институт назначаемых председателей судов, который существенно снижает уровень независимости и состязательности правосудия в угоду исполнительной власти. Наконец, в области соблюдения гарантий основных политических прав и свобод корректировочным механизмом является расширение административного контроля и усмотрения. Этот механизм опирается на неопределенность конституционных норм (отсутствие закрытого списка административных полномочий главы государства и президентской Администрации), использование формальных (законодательство и подзаконные акты) и особенно неформальных рычагов влияния на проявления гражданской активности.

Общий вывод нашего исследования в отношении реализации принципов правового государства, плюрализма и разделения властей таков: *налицо неустойчивый баланс конституционных и антиконституционных*

практик. На уровне Конституции, законодательства и большей части судебной практики эти принципы продолжают действовать, хотя и с определенными сдвигами. Однако их функционирование ограничивается по линии действия ряда других взаимосвязанных принципов (народовластия, политических свобод и независимости судебной власти), что существенно обедняет содержание принципа плюрализма. Негативная динамика в реализации принципа плюрализма заметна в зонах действия судов (селективное правосудие), органов исполнительной власти (расширение «усмотрения»), но особенно неформальных практик, некоторые из которых тяготеют к антиконституционному.

Конституционная девиация, позволяющая говорить как об экстраконституционных, так и антиконституционных практиках, достигает пика в сфере политических прав и свобод. Последняя не только тесно связана с обеспечением принципов правового государства, плюрализма и разделения властей, но выступает по существу их воплощением. Здесь наблюдается наибольшее количество и наивысший уровень конституционных отклонений: посредством различных способов регулирования политической и партийной деятельности, практики органов исполнительной власти, направленного рекрутирования политической элиты, использования различных инструментов влияния (в значительной части неконституционных). Под вопросом оказывается ключевой элемент принципа политического плюрализма – равенство политических партий и общественных объединений и нейтральность государства в их отношении. В сочетании с отклонениями по другим принципам эта практика существенно ограничивает содержательную реализацию конституционных норм. Регулирование партий позволяет получить управляемый парламент, законодательная работа которого, в свою очередь, проходит под контролем Администрации, что во многом обедняет идею народного представительства. Можно констатировать, что ядром конституционной девиации в сфере плюрализма является координируемая система институциональных практик, в сочетании с медиакоммуникациями предопределяющих правовую политику и трансформацию законодательства. В качестве основного инструмента используется широкий набор неформальных практик, балансирующих на грани конституционности или выходящих за ее пределы.

В заключение представим общую оценку полученных в рамках проекта результатов. Все конституционные принципы, как показало исследование, реализуются неадекватно (их первоначальному смыслу), что позволяет говорить о разрыве Конституции и социальной реальности, о деформациях российского конституционализма за 20 лет. Это, однако, не означает возврата к номинальному советскому конституционализму.

Ситуация с реализацией правовых принципов также не выглядит однозначно. Наблюдается значительный разброс в конституционных от-

клонениях между принципами – по их содержательным элементам (суб-принципам), по зонам конституционных практик (в целом на уровне законодательства и судебных решений ситуация лучше, чем в области институциональных и неформальных практик). Неконституционные практики замечены во всех основных сферах конституционного регулирования, но концентрируются они преимущественно на уровне практической реализации конституционных норм и процедур их применения, которые объективно менее подвержены нормативному контролю.

Дисфункции преобладают в области неформальных конституционных практик (это характерно для всех уровней власти). Наиболее весомый вклад этих практик в конституционные отклонения подтверждает предположение о доминировании в их структуре действий внеконституционного и антиконституционного характера. Неформальные практики, как показывает их актуальный анализ, не только искажают функциональную реализацию либеральных правовых принципов. Они чреваты опасностью появления «параллельной конституции», т.е. постепенной подмены смысла соответствующих конституционных норм: идеологического многообразия, светского государства, многопартийности, оппозиционной деятельности.

Объем конституционных отклонений в реализации основных принципов уже сейчас достаточно высок, однако распределяются они неравномерно. По-видимому, не исключена теоретическая возможность восстановления позитивного вектора конституционной динамики – в случае адекватной интерпретации конституционных и законодательных норм, а также пересмотра неформальных практик при изменении правовой политики.

Тенденция к конституционному параллелизму (т.е. к разведению формальной и фактической конституции) находит выражение в движении от полноценного к ограниченному плюрализму, но не в ликвидации самого принципа как такового. Политологическая трактовка этого процесса описывается такими формулами, как «ограниченный плюрализм», «направляемая демократия» и «мнимый конституционализм». Отсюда общая противоречивость правовой политики: не формальный отказ от демократии, но фактическое ее сворачивание; не отказ от принципов Конституции, но их постепенное выхолащивание как на уровне законодательства, так и (особенно) правоприменительной практики. Констатируется различное отношение политической власти к ряду принципов: некоторые (федерализм) близки к полной деконституционализации; другие (рыночная экономика, свобода совести) – к частичной.

Следствием всего этого стал растущий разрыв между символическим и инструментальным значениями Конституции. Все больше становясь символом, Основной закон все меньше выполняет функции инстру-

мента консолидации общества и защиты прав индивида¹. Общий диагноз, поставленный участниками проекта, таков: неустойчивый баланс конституционных и антиконституционных практик с тенденцией к преобладанию последних. Современная ситуация усиливает антиконституционный тренд. Этот вывод дает основания для пессимистических оценок, но не исключает возможности исправления ситуации. Официальным выражением этих тенденций служит своеобразная доктрина «отложенного конституционализма». Она предполагает, что конституционные принципы реализуются в той мере, в какой это оправдано текущей обстановкой, а их полная реализация откладывается на будущее. Этот курс легитимирован решениями Конституционного Суда по проблемам федерализма, прав человека, института президентской власти, а также используемых для их обоснования доктрин и тестов.

Итак, как уже было сказано, в задачи проекта входило: анализ итогов конституционного развития и динамики конституционных принципов за 20 лет, оценка степени конституционных отклонений и деформаций, поиск путей преобразования конституционно-правовой системы. В рамках проекта сформулированы предложения по конституционной модернизации, которые охватывают концептуальные основы политического режима, институциональную систему и разделение властей, механизмы конституционного контроля, управления и легитимности власти².

Наряду с общими предложениями по преодолению конституционных дисфункций³ участники проекта наметили ряд первоочередных задач в сфере конституционных преобразований, осуществление которых необходимо и возможно в краткосрочной перспективе⁴.

Во-первых, необходимо изменить правовую политику в направлении аутентичного обеспечения действия конституционных принципов. Требуется вернуть конкуренцию в политику, создать систему сдержек и противовесов на уровне реализации принципа разделения властей, отменить законодательные ограничения и ликвидировать бюрократические «нароscopy». Восстановить действенность конституционных принципов, возможно, путем законодательных реформ, отмены нововведений новей-

¹ См. об этом: Медушевский А.Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // *Общественные науки и современность*. – М., 2013. – № 3. – С. 44–56.

² Основы конституционного строя России. – С. 280–312.

³ Подробнее см.: Медушевский А.Н. Конституционная модернизация России: Стратегия, направления, методы // *Закон*. – М., 2013. – № 12. – С. 41–52.

⁴ Эти рекомендации зафиксированы в итоговом Аналитическом докладе ИППП 2014 г.: Конституционные принципы и пути их реализации: Российский контекст: Аналитический доклад. – М.: ИППП, 2014.

шего времени (контрреформ), изменения институтов и административных процедур.

Во-вторых, конституционные сбои следует рассматривать не как совокупность частных явлений, но как системную проблему российского конституционализма. В сфере публичного права необходимо преодолеть все более укореняющуюся логику двойных стандартов в понимании конституционного принципа плюрализма, в основе которой – приоритет интересов исполнительной власти. Для этого ликвидировать негласные особые зоны, свободные от конституционного контроля. Требуется трансформировать публично-правовую этику, расширить независимость судебной власти – прежде всего в части контроля конституционности принимаемых законов и практики их применения.

В-третьих, наша задача – преодолеть растущий разрыв между формальными и неформальными практиками, а также дифференцировать последние, устранив их опасный антиконституционный субстрат. Для этого необходимы направленное законодательное регулирование, институциональные преобразования, повышение независимости судебной власти, юридическое определение и ограничение делегированных полномочий администрации, создание административной юстиции.

В-четвертых, необходимо пересмотреть доминирующую трактовку принципа разделения властей, которая «увязывает» функционирование ветвей власти с деятельностью суперарбитра – президента. Должны быть ликвидированы условия, позволяющие президентской власти оказывать неконституционное влияние (особенно при выборах в Государственную Думу и при принятии законов в Думе и Совете Федерации), воздействовать на судебную власть по «особым» (интересующим ее) делам.

В-пятых, требуется радикально изменить утвердившееся толкование принципа федерализма, которое привело на практике фактически к торжеству унитаристских тенденций. Для этого необходимо пересмотреть нормы федерального законодательства, по существу заменившие Конституцию РФ, а также конституции и уставы регионов (субъектов РФ) в части определения их статуса, разграничения полномочий по предметам совместного ведения; преодолеть чрезмерную бюрократизацию и административную централизацию в субъектах Федерации по линии региональных бюджетных полномочий, институтов и их функций; расширить на региональном уровне действие принципов политического плюрализма, многопартийности и непосредственной демократии; поднять авторитет Совета Федерации как палаты регионов российского парламента. Необходимо преодолеть чрезмерное отклонение от принципа разделения властей в регионах. Это особенно важно для регулирования неформальных практик и работы органов исполнительной власти. Сейчас власть глав субъектов РФ такова, что позволяет (в силу слабости гражданского контроля, в том чис-

ле со стороны СМИ) подчинять своему влиянию местные парламенты и суды, хотя они формально и являются федеральными (за исключением мировых судей и конституционных (уставных) судов).

В-шестых, необходимо дебиюрократизировать судебную систему – исключить законодательные нормы и институциональные условия, способствующие формированию особой судебной бюрократии (назначаемых председателей судов), которая жестко контролирует принятие ключевых решений в судебском сообществе. Для укрепления конституционных основ независимого правосудия нужно реализовать систему мер, направленных на модификацию статуса председателей судов и укрепление независимости органов судейского сообщества, повышение действенности процессуального контроля за качеством судебных решений, институциональное и функциональное обеспечение эффективного судебного контроля за следствием в уголовном судопроизводстве, организацию по экстерриториальному принципу судебных территорий, не совпадающих в своих границах с административно-государственным делением.

В-седьмых, требуются законодательные реформы, способные вернуть реальную многопартийность и соблюдение прав и свобод граждан. Реформы должны обеспечить полноценную реализацию конституционных норм, гарантирующих свободу СМИ и недопущение неформальной цензуры, а также норм о праве граждан на легитимное выражение несогласия с политикой государственной власти в форме собраний, митингов и демонстраций. По-прежнему актуальны реализация избирательного законодательства и контроль за демократической практикой выборов, обеспечение равенства общественных объединений перед законом и гарантий деятельности политической оппозиции. Важную роль здесь могло бы сыграть независимое общественное телевидение.

По итогам исследования мы рекомендовали бы изменить правовую политику в области осуществления важнейших конституционных принципов, полноценно реализовать систему политической конкуренции, разделения властей и независимого правосудия, добиться осознания обществом важности преобразований в этом направлении. Необходима научно обоснованная стратегия и практика реализации основных конституционных принципов, стимулирование политической власти и экспертного сообщества к преобразованию сложившейся системы институтов и конституционных практик. Речь, таким образом, идет о конституционной реформе. Она предполагает возможность точечного изменения отдельных статей Конституции. Но основной вектор модернизации – в изменении правовой политики, судебного толкования и правоприменительной практики.

Дискуссия:

И.И. Глебова: У меня, Андрей Николаевич, три вопроса. Какую все-таки ситуацию мы фиксируем? Как обстоит дело с Конституцией – что это за документ: в значительной мере символический или все-таки реально действующий? Второй вопрос: кому адресованы Ваши рекомендации по итогам проекта? И, наконец, каков Ваш прогноз на ближайшую судьбу Конституции – будут ли ее менять и если да, то в каком направлении.

А.Н. Медушевский: Сначала о «положении» Конституции – ее, так сказать, социальном статусе. Наша Конституция остается фундаментальной основой защиты гражданских прав и свобод – и в этом смысле ее значение очень велико. Отказ от Конституции был бы трагической ошибкой. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто предлагает ее радикально изменить. Это будет отказом от достижений демократической революции 1993 г., нашей общей потерей¹. Однако нельзя сказать, что Конституция полностью работает. В своем докладе я показал, что в 2000-е годы фактически происходила ползучая конституционная реформа. Некоторые исследователи даже говорят о конституционном перевороте, в ходе которого Конституция последовательно утрачивала заложенный в ней демократический потенциал. Для сохранения Конституции как основы жизнедеятельности общества необходимо блокировать те изменения, которые ведут к отказу от полноценной реализации конституционных норм. Исторически Конституцию можно рассматривать как процесс, в котором борются силы демократии и авторитаризма.

Второй вопрос: формально доклад адресован экспертному сообществу и реформистски настроенной части элиты. Мы, авторы доклада, исходим из того, что элита не едина: в ней борются, как минимум, две основные группы. Европейски ориентированная часть элиты считает, что Россия должна двигаться по демократическому пути. Другая группа полагает, что правомерно движение к авторитаризму – равнение, скажем так, на китайскую модель. Своим докладом мы хотели показать, что есть еще

¹ Этот вывод поддержан в ходе презентации материалов Проекта на ряде престижных международных конференций, в частности «Актуальные проблемы реализации Конституции РФ: Нужно ли пересматривать Основной закон страны?» 19 декабря 2012 г. (организатор – Фонд Б.Н.Ельцина); «Прямое действие Конституции: 20 лет российского опыта» 20 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге (организаторы: Факультет права Санкт-Петербургского государственного университета и Конституционный Суд РФ); «Новая Конституционная Россия: Качество власти-парламентаризм-качество жизни» (организатор – Фонд Ельцина, 17 декабря 2013 г.).

возможность развернуть ситуацию: провести реформы, цель которых – отмена тех инструментов реализации Конституции, которые блокируют ее демократический потенциал. В этом смысле у доклада – четкий политический адресат. Но это не означает, что он ориентирован только на элиту. Мы широко понимаем экспертное сообщество: это либеральная гуманитарная интеллигенция, вся мыслящая часть общества, которая интересуется конституционными реформами¹. Мне, кстати, нравится это определение – мыслящие люди. Мыслить, конечно, можно по-разному, но хотелось бы, чтобы у нас мыслили и в этом направлении.

И третье: я считаю, что в ближайшее время Конституция не будет радикально изменена. Это не нужно самой власти. Радикальный конституционный пересмотр в консервативном направлении означал бы разрушение достигнутого баланса внутри элиты – торжество одной ее части над другой. Но это сделает положение политической власти и ее легитимность менее прочной. Как мы видели, технология работы с Конституцией состоит в том, чтобы блокировать ее действие без радикальных изменений норм, самого текста. Продолжаются конституционные контрреформы, направленные на усиление авторитарного вектора. То есть ситуация будет и дальше развиваться в направлении усиления авторитаризма. Но в более длительной перспективе я не исключаю поворота к либеральной интерпретации Конституции. Как раз для этого мы и готовили нашу программу, предлагая направления и даже юридические технологии для того, чтобы достаточно быстро изменить политику в области права. При желании это возможно уже сейчас.

? **А.С. Мадатов (РУДН):** Проводили ли Вы исследование отклонений за все прошедшие 20 лет? Регистрировали их в 1990-е годы или тогда все-таки больше принимались законы, конкретизировавшие Конституцию? Известно, что отклонения многое решают, потому что некоторые конституционные положения уже не имеют силы прямого действия. Понятно, конечно, что большая часть авторитарных отклонений пришлось на 2000–2010-е годы. Но все ли отклонения 1990-х усиливали демократическую сторону Конституции? И еще: через 11 лет после принятия Консти-

¹ Презентации материалов проекта осуществлялись в рамках различных общественных форумов («Муромцевские чтения», «Гайдаровские чтения», «Старовойтовские чтения» и др.), в научно-политических центрах («Полития», «Стратегия», «Либеральная миссия», Институт Кеннана и др.), в университетах (факультеты права и политологии НИУ ВШЭ и СПбГУ) и академических институтах (ИНИОН РАН). Проект представлялся в публичных лекциях в Совете Федерации РФ. Аналитический доклад был разослан в центральных государственных учреждениях.

туции наконец принят закон об альтернативной службе¹. Что это: отклонение или все-таки дополнение к Конституции?

А.Н. Медушевский: Я считаю, что отклонения в 1990-е, конечно, были. Скажем, Ельцин своим указом отправил в отставку генерального прокурора Скуратова². Или: в связи с указами о начале чеченской войны Конституционный Суд сформулировал доктрину скрытых полномочий президента, о которой я говорил в докладе. Однако эти отклонения не имели системного характера. С 2000-х годов, как мне кажется, можно говорить о достаточно продуманной системе. Отклонения объединяет вполне определенная внутренняя логика. Можно также предположить, что идут они из единого координирующего центра. Мы, конечно, не располагаем такой информацией (все обсуждается в закрытом режиме), но наблюдения и анализ позволяют сделать вывод: действует программа конституционных контрреформ.

Закон об альтернативной службе, я думаю, не является таким отклонением. Здесь важно определить, что мы понимаем под отклонениями. Это такие изменения, которые нарушают смысл, аутентичные действия соответствующего конституционного принципа, т.е. фактически выходят за рамки конституционности. Ясно, что некоторые вновь принятые законы могут идти вразрез с предшествующими. В этом нет ничего особенного — так происходит во всех странах. Ведь законодательство, судебная практика должны отражать изменения в жизни. Такие законы мы не считаем отклонением. Даже противоречия в законодательстве необязательно являются отклонениями. Но становятся ими, если имеют направленный характер.

И.Г. Шаблинский (НИУ ВШЭ, член Президентского совета по правам человека): Скажу о том, что в нашем исследовании мне кажется действительно интересным. Мы изучали неформальные практики как фактор, оказывающий влияние на конституционность. Андрей Николаевич <Медушевский> говорил, что неформальные практики могут быть и совершенно неконституционными, и нейтральными. Но есть и те, что трудно определить. Судите сами.

Известно, например, что участковые избиркомы получают достаточно четкие инструкции о том, каково должно быть соотношение голосов при подсчетах, т.е. они заранее представляют себе, какого соотношения голосов, отданных за разные партии, допустить нельзя, а какое желательно. Бывали случаи, когда избиркомы получали конкретные цифры, и их

¹ Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» был принят 25 июля 2002 г.

² Ю.И. Скуратов был отстранен от должности генерального прокурора РФ 2 апреля 1999 г. по указу президента РФ Б.Н. Ельцина.

улучали в соответствующих исправлениях: наблюдатели фиксировали одни цифры, а ВЦИК публиковал другие. Такая неформальная практика явно антиконституционна. В общем говоря, это преступление, за которое не будет наказания. Потому что это исполнение некоей воли. Другой пример: правящая группа хочет вознаградить какого-то конкретного своего агента. Так было с А. Луговым – его сделали депутатом Думы. Причем не от «Единой России», а от другой партии (вы знаете какой). А она-то – вполне самостоятельный субъект политического процесса. Мы пытались определить неформальные практики как некие внутриаппаратные отношения. Но случай с Луговым показывает, что не всегда это так.

Или совсем недавний пример, отношение которого к Конституции мне непонятно. Речь идет о нашем коллеге Михаиле Савве, докторе исторических наук, профессоре Кубанского государственного университета (кафедра шумологии). Он был членом какой-то экспертной комиссии по распределению грантов (даже не ее руководителем, заметьте), состоял в нескольких экспертных советах. За последние десять лет распределил, наверное, 20 или 30 небольших грантов. В апреле 2013 г. Савве инкриминировали мошенничество при распределении последнего гранта, который пошел на социологическое исследование (есть огромный отчет, за исследование получена благодарность). Провели дома обыск и отправили его в СИЗО ФСБ по Краснодарскому краю. Потом, поскольку разные инстанции подняли шум (даже уполномоченный по правам человека в крае возвысил голос – сказал, что не понимает, за что арестовали Савву и причем тут ФСБ; его, кстати, сменили и быстро назначили нового), возбудили еще одно уголовное дело. Якобы Савва не прочитал курс лекций, за который получил 12 тыс. руб. – и это тоже мошенничество. Оба уголовных дела возбудило ФСБ. Мы ездили в Краснодарский край, присутствовали на судебных заседаниях, общались с заместителями начальника ФСБ по краю. Все – милые такие люди, спрашивали: что же вы за мошенника-то застываетесь?

А сам Савва в первый день судебного заседания, дорвавшись до СМИ, прямо из клетки первым делом сделал заявление. Сказал, что четыре месяца с ним работают следователи ФСБ – требуют, чтобы он подписал явку с повинной, признал себя виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей об измене Родине¹. У нас, как вы знаете, изменилась редакция этой статьи. Теперь изменой считается передача информации не просто иностранной разведке, а любой иностранной организа-

¹ В октябре 2012 г. Государственная Дума РФ приняла поправки к статье 257 УК РФ. Теперь она, в частности, предусматривает уголовное наказание за предоставление «финансовой, материальной, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности» России.

ции, если это может нанести урон интересам РФ. Чрезвычайно расширительное толкование нормы закона. Местные журналисты заявление Саввы записали. А через жену он передал фамилии тех офицеров ФСБ края, которые выжимали из него признание. И рассказал, как выжимали. Через две недели Совет по правам человека провел пресс-конференцию, обратив общественное внимание на это дело. Потом была встреча с В.В. Путиным.

? **Реплика из зала:** К чему это все?

 И.Г. Шаблинский: А вы дослушайте. Проходит какое-то время, и мы узнаем, что Савве изменили меру пресечения. 29 ноября 2013 г. состоялось заседание районного суда, где ему еще на три месяца продлили содержание под стражей. Решение было обжаловано в Краснодарском краевом суде. Формально – адвокат ни на что не рассчитывал. Но суд совершенно неожиданно, не слушая никаких аргументов, принял решение изменить меру пресечения на домашний арест. Я спрашивал знающих людей, как это произошло, и мне сказали, что пришел сигнал из Центрального аппарата ФСБ. Конечно, это дело снова могут забыть, к нему и дальше надо проявлять внимание. Потому что суд-то не закончен, решение не вынесено...

! **М.А. Краснов (НИУ ВШЭ):** Но это – позитивное отклонение...

? **И.Г. Шаблинский:** Да, точно. Но как его оценивать? Краснодарский краевой суд тут, конечно, ни при чем. Возникает вопрос: это неформальная практика?

! **М.А. Краснов:** Нет, к неформальным мы относим практики стереотипные, а это частный случай.

! **И.Г. Шаблинский:** Возможно. Но мне как раз казалось, что это достаточно интересный, достаточно показательный пример того, что мы называем неформальной практикой.

Шум и реплики в зале.

! **М.А. Краснов:** Я думаю, все-таки нет. Иначе к неформальной практике можно отнести любой произвол.

! **А.Н. Медушевский:** По-моему, в данном случае неформальная практика – это звонок в суд...

? **Е.В. Алферова (ИНИОН РАН):** Андрей Николаевич, через мои руки, – а я занимаюсь как раз конституционным правом – здесь, в ИНИОН, проходит очень много публикаций. Я познакомилась с вашим проектом и могу сказать: это большая работа, очень значимая для сегодняшней мыслящей России. Она заслуживает того, чтобы о ней говорили не только в таком узком кругу. Проект ведь имеет практический смысл. Вы действительно показали, как уйти от губительной модели «супермодернизации», как сделать реальными политические свободы. Понятно, однако, что реализовать ваши предложения сейчас невозможно. И что же делать – должны быть какие-то шаги в этом направлении?

А.Н. Медушевский: Следует прежде всего разрабатывать альтернативные проекты законов и публиковать их. Таким образом общество получит верный ориентир – по каким направлениям возможны и даже необходимы реформы. Вообще, обязательно нужно формировать общественное мнение, добиваться поддержки гражданского общества. Оно у нас слабое, но все-таки оно есть. По результатам нашего проекта очевидно: требуется изменить публично-правовую этику – без этого ничего не будет. Наша большая общая задача – конституционное просвещение населения. Ведь в СМИ, публичном пространстве проблемы, связанные с Конституцией, правом, искажаются (иногда намеренно). Все больше звучат предложения полностью отказаться от Конституции. Поэтому и в обществе, к сожалению, доминирует неадекватное представление о конституционных вопросах. Что касается наших конкретных действий, то мы свой доклад рассылаем (насколько мне известно) во все государственные учреждения – и в Государственную Думу, и в Администрацию президента. Надеемся, что в его обсуждении примут участие журналисты. Что получится – посмотрим.

? **К.П. Кокарев (ИНИОН РАН):** Как у политолога, у меня свой взгляд на конституционную проблематику, своя специфика восприятия. Вы отметили, что Конституция разными способами искажается – и большей частью это связано с корыстными целями власти. Но мы ведь нечасто видим, что люди отстаивают Конституцию. В общем защита конституционных норм для нас совсем не типична. То есть в обществе практически никто не возражает против искажений Основного закона. Видимо, люди могут с этим нормально жить, даже извлекать из ситуации какие-то выгоды. Возникает вопрос: только ли интересами власти объясняется нынешнее положение? Мне этот вопрос кажется принципиальным – от ответа на него зависят наши действия. Если власть – единственная причина искажений, то нужно работать с ней и менять законы. Но если все дело в обществе, тогда это бессмысленно. В этом случае неформальные практики

вполне, как Вы показали, могут заменить любое формальное право. Таких исторических примеров много.

А.Н. Медушевский: Да, мы не можем ограничиться констатацией того, что власть искажает Конституцию. Значительная часть общества (точнее, подавляющее большинство) пребывает в апатии. Общественной летаргией по существу и поддерживается эта ситуация. Власть имеет достаточный уровень легитимности. Данные социологических опросов показывают, что современная конституционная (или правовая) политика поддерживается как минимум 60% населения. Всеми социологическими службами зафиксирована общественная ностальгия по «сильной руке». Так, большая часть молодежи, считает, что Сталин был эффективным и адекватным для нашей страны правителем. Да, я согласен: виновато, конечно, общество – в том, что ситуация сложилась так, как она сложилась. Оно мирится с тем положением, которое удобно власти.

Но следует иметь в виду: ресурс такой «конфигурации» исторически ограничен. Вслед за механической стабильностью, как показывает история, происходят резкие обрушения подобных систем. Пример Советского Союза в этом отношении очень характерен. Общество поддерживало систему, система была эффективна в смысле подавления (блестяще реализовывала эту функцию), но в конце концов государство рухнуло. Почему? Да потому, что вовремя не были предприняты важные изменения. Если мы не будем предлагать разумные альтернативы, поддерживая состояние стагнации, это может привести к кризису системы. А выход из него, к сожалению, необязательно будет конституционным.

Мы же надеемся на мирный исход, хотим развивать и укреплять те достижения, которых удалось добиться в 1990-е годы. Это возможно только на путях создания полноценного правового государства, роста гражданского общества, аутентичного функционирования основных конституционных принципов. Поэтому либеральная часть общества и предлагает не отказываться от этих принципов, а опираться на них, их развивать.

? **В.В. Лапкин (ИМЭМО РАН):** У меня такой наивный вопрос: кто все-таки, на Ваш взгляд, является субъектом конституционных изменений? Это, пожалуй, наиболее важный итоговый вопрос к Вашему докладу.

! **А.Н. Медушевский:** Я уже сказал, что субъектом должна являться...

? **В.В. Лапкин:** Нет, кто является? Не может, а кого следует считать – в данный момент.

А.Н. Медушевский: Эти идеи, в принципе, разделяются партией «Яблоко», движениями Кудрина, Прохорова¹. Там, правда, идут большие споры...

В.В. Лапкин: Но есть ли у них потенциал инициировать такие изменения?

Реплика из зала: Они не в Думе. В этом – определенная проблема.

А.Н. Медушевский: Но ведь и «Единая Россия» не является на самом деле единой. Мы неоднократно слышали, что в ней сосуществуют как минимум четыре «партии». Возможно, кризис приведет к поляризации сил и расколу «Единой России». В таком случае какая-то часть партии может воспринять эти идеи и проводить в Государственной Думе.

Реплика из зала: Если их раньше не исключат из ЕР.

А.Н. Медушевский: Видите ли, очень трудно предсказывать, как станет развиваться политический процесс. Наша задача как экспертов – подготовить научную и идейную платформу для политиков, политических сил, политических реформ.

В.В. Лапкин: Верно ли суждение, что в рамках действующего режима никакого другого субъекта конституционных изменений, кроме самого режима, нет?

А.Н. Медушевский: В данный момент – да. Хотя, если говорить о лидерах, то наши предположения не противоречат программе конституционной модернизации бывшего президента Медведева.

Реплика из зала: Но и не совпадают с его программой.

А.Н. Медушевский: Во всяком случае, между ними нет радикального противоречия. Программа Медведева в принципе согласуется с нашими предложениями. Поэтому я не исключаю, что при повороте во внутренней политике или в случае смены руководящей группы эти идеи

¹ Примером может служить инициатива: «Школа гражданских лидеров» по теме «Либеральный проект в России в контексте национальных интересов: Политические процессы и базовые ценности» (Иркутск–Челябинск, 2013 г., организаторы – фонды А. Кудрина и М. Прохорова).

будут востребованы. На определенном повороте истории конституционные реформы возможны. Давайте на это надеяться.

? **И.И. Глебова:** Что же получается? И проект хороший, и идеи замечательные. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь и станет свидетелем новых демократических перемен. Даже наверняка станет. А потом, как это у нас бывает, проведут конституционную контрреформу... Возобновится цикл: реформа – контрреформа. Точнее: революция – контрреволюция. Все ведь происходит по радикальному сценарию, доводится до крайности. Как выйти из этого замкнутого круга?

 М.А. Краснов: Это важное замечание – о реформе/контрреформе. Уже много времени я отстаиваю одну, в общем-то, банальную идею: задача Конституции – помешать (именно помешать, не помочь) тупым, злым, некомпетентным людям, действиям, решениям и т.д. А мы все пытаемся найти лучшее решение. Я думаю, что и в этой аудитории нет единого мнения о том, как наладить соответствие практики (прежде всего неформальной) конституционным принципам. Но тогда действительно во власть придет следующий персонификатор и снова переменит неформальные практики в свою сторону. Другой вариант: поменять правила игры.

Так вот, я – за то, чтобы поменять правила. Здесь много не юристов, и они меня, наверно, в этом смысле не поддержат. Подумают, что я этакий конституционный фетишист: верю, что нормы что-то значат. Но это так! Действующие нормы способны изменить общество – оно ведь вынуждено к ним адаптироваться. Конечно, нужно учитывать возможное общественное сопротивление. Чтобы конституционные нормы заработали, необходим некий уровень развития общества. Конституционную демократию нельзя установить в каком-нибудь людоедском племени – все равно там будут есть люди. Но у нас, слава Богу, другая ситуация.

Сейчас я как раз почти закончил анализ конституционных конструкций, сложившихся в постсоветских странах. И знаете, удивительным образом степень персонализма везде коррелирует с тем, как устроена власть. Возьму для примера Казахстан и Украину. Это более приличные случаи по сравнению с Россией, где устройство власти в смысле отсутствия баланса безобразнейшее. В обоих государствах – очень похожие властные конструкции: и там и там (как и в России) требуется согласие парламента для назначения премьер-министра. У нас, напомним, совершенно иезуитская норма в Конституции: Думе как бы говорят – если не согласишься на предложение, тебя не будет. То есть согласие – скорее формальность; точнее, оно изначально обеспечено. По Конституции Казахстана, президент назначает премьера после консультации с парламентскими фракциями. Но дьявол, как известно, в деталях: не прописана дальнейшая процедура.

Неизвестно что будет, если президент не утвердит кандидатуру, предложенную парламентскими фракциями или меджлис не согласится с президентским назначением. Это не случайно: предполагается, что в случае конфликта победителем всегда будет президент.

На Украине тоже нет процедуры – не ясно, как быть, если Верховная Рада не согласится с президентским назначенцем. Но Украина дает пример того, как могут адаптироваться к положению политические элиты. В украинской Конституции сказано: если Верховная Рада выносит, на французский манер, резолюцию порицания (т.е. вотум недоверия), то правительство автоматически уходит в отставку. Значит, правительство не является целиком президентским, а это уже огромный козырь для наращивания мощи парламента. Другое дело, что там пока не было «разделенного» правления. По Конституции (не отмененной ющенко-ковской, а возвращенной, старой¹) в Раде не было большинства, противного президенту. Если бы большинство там составили, скажем, тимошенковцы, то ситуация была бы совсем другой. Нормативные модели могут менять ситуацию. Поэтому весь вопрос – с чем придет во власть «сменщик». Может, он явится как ниспровергатель. Или (Путин ли, другой ли) вдруг решит стать реформатором... Как будет, мы не знаем...

И.И. Глебова: Во всяком случае, понятно, что правовые, конституционные вопросы связаны с вопросами политическими, прежде всего с типом режима. Любой режим «играет» на потенциалах конституции. Чем больше в ней неопределенностей, тем больше пространство для игры. И чем сильнее игрок (скажем, долго у власти, уже «сложил» систему в свою пользу), тем легче ему играть в свою игру. Так, видимо, и начинают доминировать неформальные практики. Можно ли связывать неформальные практики с пробелами в конституции, с неопределенностями в правовом поле? То есть можно ли говорить о том, что ситуация неопределенности позволяет развернуться таким практикам?

А.Н. Медушевский: Мне представляется, что все-таки прямой связи между властью и конституцией на постсоветском пространстве нет. Естественное развитие конституционных циклов приобретает форму маятниковой модели – перманентного колебания парламентских и президентских форм. В условиях нестабильного и неустойчивого конституционализма, укорененность которого вызывает большие сомнения, корреляция формы правления и политического режима как минимум – не очевидна. Сейчас даже смена конституции никак не влияет на режим и

¹ 30 сентября 2010 г. Конституционный Суд Украины прекратил действие Конституции в редакции 2004 г. (действовала в 2005–2010 гг.).

механизмы власти. В качестве примера можно привести тот же самый Казахстан. Там ушли от российской модели: после реформы 2007 г. создана президентско-парламентская республика (многие даже говорят о парламентско-президентской). Парламент действительно получил большие полномочия и с некоторыми оговорками можно даже говорить об ответственном правительстве. Но при этом доминирующей в парламенте партией остается «Нур Отан», которую возглавляет Н. Назарбаев, сохраняющий таким образом всю полноту контроля над правительством.

Когда в 2010 г. я был в Казахстане, меня попросили прокомментировать законодательную инициативу: парламент предложил Назарбаеву титул лидера нации с бессрочным пребыванием у власти. В комментарии для ТВ я сказал, что президент Назарбаев, безусловно, очень мудрый человек, во многом именно он обеспечивает политическую стабильность, поэтому заслуживает такого признания. Но, сказал я, у вас та же проблема, что во Франции при де Голле: нельзя институционализировать Назарбаева. Если вы хотите, чтобы его преемник был демократическим президентом, вы не можете включить в Конституцию эту поправку. Мое интервью не прошло, зато показали другие, где говорили, какая это замечательная поправка, как она была необходима. Поправку приняли. В целом на всем постсоветском пространстве такие конституционные изменения сопутствуют усилению реставрационных тенденций. Эти тенденции прокладывают себе дорогу как в странах, сменивших конституционный строй, так и в тех, где эти изменения были минимальны (государства Средней Азии).

!

И.И. Глебова: Вот и ответ.

А.Н. Медушевский: Это о том, что Конституцию можно менять в диаметрально противоположных направлениях. Но даже радикальные конституционные преобразования, предпринимавшиеся в ходе так называемых цветных революций, приводившие к смене формы правления, мало меняли природу политического режима. Возьмите Киргизию, где Конституцию пересматривали неоднократно – в направлении усиления как парламентской, так и президентской составляющей. В ходе последней революции 2010 г. старая Конституция была попросту отброшена, а новая, принятая в условиях чрезвычайного положения, создала неустойчивую смешанную форму правления, которая вовсе не исключает возврата к авторитаризму¹. При этом государство, утратившее легитимность, сталкивается с перманентной угрозой распада страны и существует в принципе лишь постольку, поскольку его существование допускают соседи.

¹ Подробнее: Медушевский А.Н. Революция в Киргизии: Итоги и перспективы конституционных преобразований// Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2011. – № 1. – С. 13–32.

!

М.А. Краснов: Не согласен.

А.Н. Медушевский: Тот же вариант на Украине – перманентная конституционная нестабильность и выход из ситуации неочевиден. Маятниковая смена конституционных форм в направлении парламентаризма или укрепления президентской власти не вывела страну за пределы олигархического правления. Поэтому я согласен, что конституционные реформы задают определенную планку для власти и определенные правила игры, но сама институционализация этих правил – не единовременный процесс. Здесь не действует линейная логика: приняли новую конституцию – и сразу все поменялось. Скорее надо говорить о сложных взаимоотношениях реальной политической власти и конституционных норм. В таких условиях большую роль мог бы играть независимый конституционный суд. Но нигде на постсоветском пространстве его нет. Примеры тому – и Конституционный совет Казахстана, и Конституционный суд Украины, принимавший диаметрально противоположные решения по сходным вопросам, и Конституционный суд Киргизии (его вообще устранили в результате революции 2010 г.). Все это говорит скорее о нестабильности процесса «согласования» норм и реальности, о его зависимости от позиции и рационализма политических элит этих стран. Именно поэтому они так часто обращаются к иностранным экспертам, пытаются реализовать у себя иногда совершенно несовместимые модели. Что очень интересно наблюдать, но не всегда следует принимать. Элиты постсоветских государств действительно ищут ту систему сдержек и противовесов, которая бы у них реально работала.

И.И. Глебова: А не кажется ли Вам, что поддержание ситуации неопределенности/нестабильности, даже намеренная дестабилизация (в том числе правовых норм) в большей степени являются политической технологией. В такой ситуации легко играть: можно совмещать различные инструменты, чтобы каждый раз разворачивать ситуацию в свою пользу. Оставаться хозяином положения. Во всяком случае, в политике консервация неопределенностей, нестабильности позволяет власти быть единственным субъектом, нейтрализовывать других игроков. Она может заимствовать идеи и символы, играть на разных потенциалах (быть демократической или недемократической – когда ей это выгодно). И т.д. Я не знаю, так ли это в правовой сфере...

А.Н. Медушевский: Конституционная неопределенность там, где для нее есть предпосылки, конечно, может использоваться политической властью, но с разным результатом. Так, например, в ходе моего визита в Киргизию в рамках работы Венецианской комиссии я имел воз-

возможность услышать ответ президента К. Бакиева на вопрос о том, не считает ли он целесообразным двигаться к парламентской форме правления на базе действующей Конституции. Бакиев заявил, что он в принципе не против, но эта реформа должна быть хорошо продумана и вынесена на референдум. Однако времени для реформы у Бакиева не оказалось: режим был сметен оппозицией под лозунгами перехода к парламентской республике. Из этого следует, что конституционная неопределенность может быть использована как властью, так и оппозицией, вообще любым (в том числе и внешним) актором политического процесса. Это и используют организаторы «цветных революций». Их основной принцип (в отличие от классических революций) заключается именно в том, что политический режим отвергается по причине нарушения собственной (действующей) конституции. В этом смысле конституционная неопределенность представляет угрозу легитимности политического режима как такового.

 Ю.Н. Благовещенский (Фонд ИНДЕМ): Хочу сказать немного о другом. Я – не правовец, не специалист по юридическим вопросам, но рассматривал эту проблематику с точки зрения социологии, экономики. И мне кажется, что представленный проект важен как своего рода послыл в будущее. В 1991 г., когда в России произошла смена режима (или революция – как угодно), никто попросту не знал, что делать. Не было плана – целостного, продуманного; многие реформы шли, так сказать, с ходу, с листа. Надо иметь в виду, что если опять к нам придут перемены, то неожиданно и случайно. Нужно быть готовым к случайности – иметь программу, которая отвечала бы на главный вопрос: что делать? Не только в правовой сфере, но и в политике, экономике и проч.

Что же касается неопределенностей, которые имеют место быть в Конституции, то надо понимать: есть слова (как любовь, свобода, федерализм), которые нельзя точно определить. Здесь неизбежна размытость смыслов. Вот и в законодательстве есть «слова», имеющие размытые смыслы. Их можно по-разному интерпретировать, но это не игра на размытости. Конечно, этим пользуются политики (кто в какую сторону). Но здесь мы не имеем дело с политическим стремлением к разрушению стабильности, при котором можно ловить рыбку в темной воде.

 В.П. Булдаков (ИРИ РАН): В своем докладе Вы, если можно так выразиться, элегантно показали, как власть использует выгоды своего положения, сколько у нее способов и возможностей наплевать на Конституцию. Меня заинтересовало вот что. Вы сказали, что возврата к советскому прошлому не будет. А, по-моему, туда никто и не стремится. Зачем нам советское прошлое, если можно забраться и куда-нибудь поглубже. Как в Казахстане. Речь ведь там шла не о лидере нации, подобном де Гол-

лю. Они хотели видеть во главе нации чингизида. В России на значительной части постсоветского пространства действует тенденция к архаизации власти. И вот вопрос: как далеко в глубь истории может зайти власть в поиске «образцов», героев? Мне кажется, она движется в обход советской действительности, советской Конституции.

А.Н. Медушевский: Я думаю, что власть может уйти далеко, но этот возврат все-таки имеет пределы. Сейчас много говорят о реставрационных тенденциях. Были дискуссии на нескольких крупных форумах – и в Горбачев-фонде, и в «Либеральной миссии», и в «Яблоке»¹. Все согласны, что тенденция к реставрации есть, причем выражена она наиболее четко со времен революции. Напомню: революция в России начала XX в., в отличие от западных революций, не имела фазы реставрации (в смысле восстановления монархии). И когда обсуждают нынешнюю реставрацию, то возникает вопрос: реставрация чего? И здесь сложно дать однозначный ответ, потому что реставрируются элементы и советского, и досоветского прошлого. Не случайно, видимо, появляются совершенно удивительные «доконституционные» проекты: восстановить монархию, аристократию, вернуться к Земскому собору или к съездам народных депутатов, даже к съездам Советов. Предложена целая программа конституционных контрреформ, выдержанных в духе консервативной политической романтики. В условиях кризиса идентичности ряда новых независимых государств намерение вернуть чингизидов меня несколько не удивляет. Тенденция к архаизации власти, безусловно, присутствует – особенно в неподвижных режимах Центральной Азии, отказавшихся от полноценных конституционных реформ. Но совершенно очевидно, что все эти идеи не могут реализоваться в современной России (как и вообще в современном мире) без отказа от рациональных правовых форм и программы модернизации.

Возвращение к традициям само по себе не означает консервативного реванша в области права. Возможно ведь совершенно иначе говорить о реставрации. Давайте отстаивать ту концепцию реставрации, которая связана с восстановлением элементов правового государства, существовавших в русской истории начиная с Великих реформ 1860-х годов и представленных в традиции русского либерализма и конституционализма. Вспомним о замечательных конституционных проектах, которые предлагали, например, С.А. Муромцев, Ф.Ф. Кокошкин, П.Н. Милоков, либеральные авторы в период подготовки Учредительного собрания. Откажемся от той реставрации, которая предполагает возвращение к советским ценностям номинального конституционализма. Когда мы работали над

¹ См. материалы «круглого стола», организованного партией «Яблоко»: «Историческое знание как фактор развития». – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/2013/12/18_0

проектом, некоторые наши авторы говорили, что по ряду параметров Россия уже вернулась к советской модели. Возможно. Я допускаю, что это так. Но все-таки номинальный конституционализм еще не восстановлен как система. Потому что он предполагает: Конституция – это не реальный документ, а элемент идеологии. И тогда не существует принципиальной разницы между партийной программой и Конституцией.

! **И.И. Глебова:** Но ведь и сейчас Конституция – по преимуществу символ.

 А.Н. Медушевский: Это так, но все-таки она пока реализуется. И когда мы говорим о Конституции как акте прямого действия, для этого все-таки есть основания. Люди не однажды добивались своих прав, опираясь именно на конституционные нормы, положения...

! **М.А. Краснов:** Не будем забывать, что работает Конституционный Суд – хотя и плохо.

 А.Н. Медушевский: Да, мы критикуем его – и правильно критикуем, причем исходя из аутентичной трактовки конституционных принципов.

! **Т.Г. Моршаква (бывший судья Конституционного Суда):** Работает не только этот институт.

 А.Н. Медушевский: Да, конечно.

! **И.И. Глебова:** Но не только граждане – и власть добивается своих целей, опираясь на Конституцию. И гораздо чаще, масштабнее, результативнее – здесь просто другое качество использования Основного закона. Ресурс принципиально иной.

 А.Н. Медушевский: Безусловно. А власти выгодно иметь хорошую конституцию; выгодно, чтобы она действовала. Правда, власть не всегда это осознает. Наша задача – помочь ей в этом.

 Ю.Н. Благовещенский: Мне сложнее говорить, поскольку я – не специалист по конституционному праву, не правовед, но всегда интересовался этими вопросами с точки зрения сравнительного анализа политических транзитов. Поэтому скажу еще несколько слов о реставрации.

Во-первых, есть азбучная истина: реставрация никогда не бывает полной. И уже хотя бы поэтому у реставрационных тенденций есть предел. Во-вторых, насколько вообще корректно говорить о реставрации применительно к ситуации 2000-х годов? Ну, я понимаю – реставрация Бурбонов, восстановление династии Стюартов после классической английской революции. В отношении же 2000-х можно было говорить о реставрации, если бы в 1993 г. победила другая сторона, установилась новая коммунистическая диктатура. Но этого, слава Богу, не произошло. Очевидна реставрация автократии, автократических тенденций. Но и автократий в истории России было много: царизм, полицейское государство до октября 1917 г., советский тоталитаризм... Да и современные «откатные» тенденции – тоже разновидность новой, еще неизвестной в истории, автократии, при которой сохраняется мнимый конституционализм, но с элементами конституционализма номинального. И даже в этих условиях вряд ли возможен возврат в прошлое. Повторю: реставрация не бывает полной. Нигде. И в истории России контрреформа никогда не приводила к полной реставрации. Это касается контрреформ Александра III; с окончанием оттепели не произошло полномасштабной реставрации сталинизма. И вряд ли итогом контрреформ 2000-х годов станет реставрация советского устройства.

И.И. Глебова: Еще со времен Токвиля известно, что в рамках постреволюционной реставрации как раз добиваются остатки старого режима. Поэтому реставрация всегда не только «за», но и «против» старого режима. С точки зрения институциональной, формальной нынешний порядок – скорее, отрицание советского. Но в новых формах восстанавливаются старые сущности, притом что и форма отчасти меняет (обновляет) содержание. Это сложный процесс, однако восстановление советского в культурно-ментальном отношении очевидно.

В.П. Буддаков: Вы знаете, я не юрист и я позволю себе поделиться некоторыми обывательскими впечатлениями. Когда в СССР 5 декабря праздновали день Конституции, я, ребенок, тогда спрашивал у родителей: а что это за праздник? И никогда не получал убедительного ответа. Потом уже я понял, что можно жить вообще без Конституции. А также основываясь на поправках к Конституции, меняя Конституции... Дело все-таки не в Конституции, а в той среде, в которой работают законы. Конечно, говоря о сползании в авторитаризм, нельзя забывать: нам только кажется, что все решает власть. Все дело в обществе: оно это позволяет; каждый раз, когда вносятся подзаконные акты, ухитряется их проморгать. Это безразлично-попустительское отношение к своим правам, к праву вообще. Это и особое отношение к Конституции. На этой почве невозможно по-мичурински вырастить новый тип правосознания, правовой этики.

И власть, работая с Конституцией, учитывает это. Действия же власти, на мой взгляд, отнюдь не целенаправленны, носят ситуационный характер. Хотя, если подходить с точки зрения синергетики, можно обнаружить определенные закономерности.

Когда речь заходит о законотворчестве нашей власти, я всегда вспоминаю Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 г. – очень поучительный документ. Из него видно, что все права – у власти, а все обязанности – у населения. По этому принципу Россия жила столетиями и в значительной степени живет теперь. Как из этого выбраться, никто не знает. Я всегда удивляюсь, когда говорят, что у нас существует гражданское общество, способное что-то такое сделать. По-моему, мы пребываем в обществе традиционном – и отсюда все проблемы. Такое общество не способно поправить нынешнюю ситуацию. Из этого, конечно, не следует скептическое отношение к Конституции. Она, безусловно, нужна; в определенный момент некоторые ее положения могут заработать. Но если все-таки говорить о том, как ее менять, то, на мой взгляд, есть только один путь. Установить контроль над властью, чтобы не допускать не только своевольных решений, но и соответствующих заявлений.

Г.В. Белонучкин (Информационное агентство «Панорама»): Я не только не юрист, но и не историк – скорее журналист. И у меня тоже реплика – к вопросу о реставрации. Я приехал сюда с церемонии открытия памятной доски Л.И. Брежневу. Выступали товарищи Долгих, Капков, Хинштейн, Кобзон; их речи прерывались бурными продолжительными аплодисментами. Говорилось, что московское правительство планирует восстановить памятные доски и другим руководителям Советского Союза; более того, установить и те, которых не было... И вот что мне кажется в связи с этим. 1990–1993 гг. продемонстрировали, что в нашем обществе нет и еще долго не будет запроса на либеральный поворот. Если сейчас собрать конституционное совещание – не назначенное, как в 1993 г., по списку, написанному одной рукой, а более или менее представительное, то оно поставит вопросы о возвращении в Конституцию прав на труд, жилье и проч. Единственным совпадением с либеральной программой будет борьба с полицейским произволом. Все остальное пойдет совершенно в другую сторону. И поэтому намерение консолидировать либерально мыслящих людей с целью «распечатать» Конституцию и начать ее править напоминает мне заключительные кадры из фильма «Крах инженера Гарина»: Гарин выстрелил из своего лазера в скалу, а то озеро, что за ней скрылось, смыло и его, и лазер, и всех, кто был рядом с ним.

Вопрос из зала: А где доску-то открыли?

Г.В. Белонучкин: На доме по Кутузовскому проспекту, 26, где она была до 1991 г., когда ее продали в Германию. Новая доска не то куплена, не то сделана заново – по тому же образу и подобию. Толпа на открытии была довольно плотная – человек, может, триста.

Т.Г. Морщакова: Сейчас мне не хочется говорить как юристу, хотя это единственное, что я обычно могу себе позволить. Передо мной – замечательная книжка, которую мне подарили в ИНИОН, с интересной, как всегда, статьей Ю.С. Пивоварова¹. Хочу привести выдержку из нее – как своего рода ответную реплику на последнее выступление: «Я был среди тех молодых дураков, кто не понимал великого исторического значения Л.И. Брежнева. Сегодня хочу извиниться. При всей своей отвратительности этот человек (вслед за Н.С. Хрущевым) дал моему народу почти тридцатилетнюю передышку между двумя, говоря воровским языком, эпохами “сарынь на кичку!”». На мой взгляд, это верная интонация, верный тон: не нейтральный, но умеренный. Нам следует воздерживаться от прямолинейных, односторонних суждений как в отношении прошлого, так и настоящего.

В нашей дискуссии возобладало – и вполне обоснованно – пессимистическое настроение. Мне хочется внести в обсуждение некоторую долю оптимизма. Я не стану оспаривать тезисы о незрелости гражданского общества (даже о его несуществовании), о ненадежности политической элиты, о необоснованности расчетов на то, что она сподвигнет всех нас на какие-то замечательные реформы (хотя кто еще должен и может это сделать?). Но хочу напомнить: сравнительно с теми временами и явлениями, о реставрации которых здесь говорилось, мир ушел далеко вперед. Это касается не только политической действительности, но и правовой.

Кроме национальной конституции (России или какой-то другой страны) существует еще наднациональный конституционализм. То есть современный конституционализм имеет много уровней и опирается на такие положения, которые никто в мире не оспаривает (не позволяет себе сказать, что их содержание неопределенно или не до конца сформулировано, а потому позволительны различные толкования). Выскажусь совсем уж торжественно: есть наднациональная, международная правовая категория прав человека. Независимо от чьего-либо личного желания или нежелания Россия признает эту норму – и признает в своей Конституции, причем именно как норму надконституционную, стоящую над Основным законом страны. Международное право является для нашей Конституции тем образцом, в соответствии с которым в ней закреплены права россий-

¹ Имеется в виду работа: Пивоваров Ю.С. «...Апрель двенадцатого года» // Труды по россиеведению / ИНИОН РАН. Центр россиеведения. – М., 2012. – Вып. 4. – С. 35–73.

ского человека и гражданина. Это тот уровень прав, который признан демократическим сообществом всего мира. Конституция 1993 г. – если хотите, первая наша Конституция, в которой прописано: дискриминации народов России больше не будет. Что само по себе – уже колоссальная ценность. Благодаря этому мы имеем второй «рубеж защиты» Конституции РФ – Европейский суд по правам человека, где наши люди ежедневно борются, отстаивают свои права (гражданские, на частную жизнь, ее свободное обустройство). И побеждают. Это наша общая победа, громадное завоевание российского народа.

Конституция, снабженная несколькими «рубежами защиты», не позволяет совершиться полной реставрации. Я, кстати, солидарна с высказанным здесь тезисом о том, что полных реставраций обычно и не бывает. Но общество может проходить этапы, на которых реставрационные процессы более очевидны, чем на каких-то других. Существуют, повторю, «рубежи защиты», однако «политический класс» современной России обуреваем искушением отказаться от них и имеет такие возможности. Но вот вопрос: пойдет ли на ликвидацию этих «рубежей» современное Российское государство? Оно, конечно, не очень соответствует идеалам конституционализма. Наши официальные лица готовы заявлять чуть ли не каждый день и не на каждом углу: нам никто не указ. Но, как мне кажется, они все-таки не готовы к тому, чтобы нас исключили из международного сообщества, скажем так, добропорядочных людей. У России существуют такие связи с миром, потеряв которые она попросту остановится в своем развитии. Наши граждане уже не могут забрать свои капиталы из иностранных банков, власти уже не могут собрать и запереть за железной стеной (или занавесом) россиян, привыкших путешествовать по всему миру. И т.д. Сняв прежние ограничения, мы ушли далеко вперед от советского. Конечно, путь, пройденный за последние двадцать лет, является в каком-то смысле не полным, не завершенным... Но точка бифуркации, после которой полное возвращение невозможно, пройдена. Системная реставрация неосуществима.

Есть один важный аспект, о котором я хочу говорить уже как представитель юридического сообщества. Конституция понимается юристами-конституционалистами как документ, выполняющий вполне определенную роль: это способ ограничения и самоограничения власти. Почему Основной закон появляется именно как такой документ, чем вызвана потребность во властных ограничениях и самоограничении? Конституция – всегда реакция на тот путь, который прошли каждый народ и каждая страна, на ее беды, несчастья, ошибки. Исходя именно из печалей прошлого, каждый народ закрепляет в своей конституции то, что другой, может быть, и не зафиксировал бы. Это следствие опыта – не только властей, но и людей.

Публичная власть, как бы ей ни хотелось иметь полностью развязанные руки, в какой-то момент начинает понимать, что не может себе этого позволить, потому что это грозит ей большими опасностями. Отказавшись от определенных способов самоограничения, она разрушит тот консенсус, который позволяет народу терпеть власть в ее плохих проявлениях. Моя главная надежда на то, что наши «верхи» понимают: от чего-то отказаться уже нельзя, и это – вопрос их самосохранения. Очевидно: именно признание принадлежности к сообществу развитых стран (общности с ними), признание единства ценностей, имеющих значение для каждого человека (общечеловеческих ценностей), позволяют надеяться на преодоление антиконституционных тенденций, заметных в сегодняшней России.

Поэтому я обращаюсь к научному, экспертному сообществу: не следует муссировать тезис о том, как ничтожна Конституция, что ее надо коренным образом изменить или даже заменить чем-то другим. Не следует – хотя бы из прагматических соображений: в ответ на такие призывы появится орган (он уже почти на плаву), нацеленный на замену той Конституции, что мы имеем, другой. Я имею в виду обещание президента, данное им на встрече с конституционалистами по поводу юбилея Конституции 1993 г.: создать до конца декабря 2013 г. Конституционный совет¹. Этот орган не станет защищать Конституцию – это не его миссия, не его функция, но будет, повторю, продуцировать замену Основного закона страны. Мне бы хотелось, чтобы мы (историки, политологи, экономисты, социологи, и, конечно, юристы) берегли те «последние рубежи», зафиксированные в действующем тексте Конституции, которые препятствуют обратному движению, повороту вспять. Ведь даже если реставрация не будет полной, нас вряд ли прельстят прелести авторитаризма.

? **В.В. Лапкин:** Вопрос и к Тамаре Георгиевне <Моршаковой>, и к нашему основному докладчику. Есть ли серьезные аргументы в пользу того, что власть не устраивает эта Конституция, что она заинтересована в ее радикальном изменении?

! **Т.Г. Моршаква:** Существует такое намерение. И это инициатива больше снизу, чем сверху.

А.Н. Медушевский: Здесь, мне кажется, важно понять, чем можно окончательно «добить» демократический потенциал Конститу-

¹ На встрече с юристами Конституционного Суда 13 декабря 2013 г. В.В. Путин заявил о намерении создать специальный орган – Конституционный совет при президенте для совершенствования отдельных положений Основного закона страны.

ции. Необходимо определить, что это за последние барьеры, о которых говорила Тамара Георгиевна. На мой взгляд, это приоритет международных правовых норм, касающихся прав человека. Сейчас предпринимаются попытки отменить это конституционное положение. В публичной сфере, в «верхах», очевидно, доминирует консервативный тренд. Здесь основная идея: европейская либеральная концепция прав человека разрушает Россию. Посмотрите сочинения консервативных националистов – там эта тенденция четко выражена. Перестройка и 1993 год – следствие мирового заговора, это проявление борьбы цивилизаций (Запада, России, Востока); Россия идет в авангарде этой борьбы; необходимо отказаться от Конституции 1993 г., и прежде всего – от европейской теории прав человека, как насквозь лицемерной, ведущей к порабощению других народов, навязыванию чуждой им идеологии. Вот основные положения консервативной (реакционной даже) позиции¹. Если они принимаются, тогда действительно нужно отказаться от приоритета международно-правовых норм, гарантирующих права личности. А после этого путь к полной реставрации авторитаризма выглядит вполне естественным.

В этом смысле это действительно последний барьер на пути «ломки» Конституции. И потому мне представляются тревожными некоторые заявления председателя Конституционного Суда. В одном из недавних интервью он сказал, что мы готовы признать приоритет международных прав человека, но только при одном условии: толкование российской Конституции российским Конституционным Судом не может отвергаться Страсбургским судом. Согласно этой позиции, Конституция в ст.15 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Монополия на истолкование положений Конституции и выявление конституционного смысла закона принадлежит Конституционному Суду². Вопрос в том, до какой степени эта тенденция может развиваться...

! **Т.Г. Морщакова:** Речь в данном случае идет о процедурах, не о сущности прав.

А.Н. Медушевский: Я понимаю, но процедуры тоже имеют значение. Вопрос, по-моему, принципиальный. Тогда Россия может

¹ О влиянии консервативно-реставрационных настроений на конституционное проектирование см.: Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 3–16; см. также дискуссию о соотношении на современном этапе политики и конституционных преобразований: Политика. – 2013. – № 2–3.

² Имеется в виду статья: Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета: Федеральный выпуск. – М., 2010. – № 5325 (246). – 29 октября.

оказаться в изоляции. В истории были примеры выхода стран из международного правового пространства – скажем, Греция при «черных полковниках». В нашем докладе указано на это как на радикальную опасность. Мы исходим из того, что такого нельзя допустить!

! **В.В. Лапкин:** Но власть в этом с вами солидарна.

А.Н. Медушевский: «Власть» – понятие неопределенное. В руководящих кругах есть довольно большой силовой блок, который ориентируется на изоляцию России. С этим связаны критика МВФ и ВТО, предложения отказаться от международной кооперации, ограничить международный туризм, попытки искусственно приостановить вывоз капитала. Так работает автаркическое сознание...

! **Реплика из зала:** С другой стороны, большинство детей элиты, в том числе и генералов, учатся все-таки на Западе. И счета они тоже там хранят.

А.Н. Медушевский: Дети «черных полковников», вероятно, тоже учились на Западе.

Ю.Н. Благоченский: Я не юрист, рассуждаю как политолог и потому юридически могу быть некорректен. Конституция 1993 г. в ее нынешнем виде – это удобный для верховной власти инструмент дисциплинирования элиты. То есть ценный инструмент поддержания всей властной конструкции. Конституция дает возможность установить традиционную для российской истории смычку между властью и обществом. Поддержание же баланса в треугольнике «верховная власть – элита – общество» позволяет существовать верховной власти. В этом смысле Конституция для нее удачное и надежное приобретение. Здесь сравнивали конституционную ситуацию в России, на Украине, в Казахстане. Россия, в отличие от Украины, на протяжении двадцати лет демонстрирует высокую устойчивость и стабильность власти. Во многом, как мне представляется, благодаря действующей Конституции.

А.Н. Медушевский: Согласен. Конституция, безусловно, стабилизировала ситуацию. Прежде всего были остановлены процессы распада России после краха СССР. Известно, что Б.Н. Ельцин в последний момент, перед вынесением Конституции на общенародное голосование, изъял из нее федеративный договор. И поступил совершенно правильно: по многим параметрам он противоречит Конституции. В 1993 г. отказались от идеи суверенитета республик, от положения об их исключитель-

ной собственности на свои недра, создали единую вертикаль власти – в качестве системной реакции на процессы распада. В итоге удалось противопоставить конституционную федерацию договорной – и выстроить достаточно рациональную систему управления, исключавшую ситуации регионального сепаратизма. В этом смысле Конституция действительно зафиксировала ситуацию единства страны.

Но современные проблемы, как мне кажется, есть следствие действия этой логики. Потому что с определенного момента федерализм перестал быть федерализмом. Логика ограничения федерализма привела к унитаризму. Сейчас задача состоит в том, чтобы обеспечить действие института федерализма, поскольку он является одним из ключевых элементов системы разделения властей. Собственно, мы и призываем к тому, чтобы действовали конституционные положения о разделении властей. Настоящую ситуацию во многом определяет то, какое место в системе занимает верховная власть или, говоря иначе, каково распределение власти. Президент практически выведен из системы разделения властей, а это, в сущности, монархическая конструкция.

? **Реплика из зала:** А в 1993 г. это не было очевидно?

! **И.И. Глебова:** Тогда президент был другой.

А.Н. Медушевский: Не в этом дело. Это вынужденная мера: нельзя было утвердить демократические ценности без установления сильной президентской власти. По существу она выступала историческим наследником КПСС. А КПСС действительно была единственным гарантом единства страны. Эти функции в РФ перешли к президенту. Мы – за сохранение сильной президентской власти. Вопрос в том, чтобы она не усиливалась за счет ущемления других ветвей власти, чтобы поставить преграды на пути постоянного «собрания власти» в одних руках.

И.И. Глебова: Коллеги, предлагаю завершать. Симптоматично, что дискуссию определяли, по существу, две темы: о Конституции и реставрации. В итоге они сошлись, совпали. По-моему, очевидно: то, что А.Н. Медушевский назвал конституционными контрреформами, вписано в логику реставрационных процессов. И речь идет о реставрации именно советских начал: правового нигилизма, общественной нечувствительности к закону и властной привычки использовать закон в своих целях, монополю им владеть. «Контрреформы» стали возможны благодаря глубоко-му, инстинктивному антидемократизму большинства властвующих и под-властных, их равнодушию и даже презрению к правам и свободам

личности. По мере разгула реставрации эти советские инстинкты будут усиливаться.

В такой ситуации развернуть демократические потенциалы Конституции 1993 г. не представляется возможным. Поэтому единственное практическое предложение (призыв, если угодно) по итогам нашего семинара – о защите последних конституционных рубежей. Его реализация предполагает обсуждение вопроса: при каких условиях, в каких ситуациях эти рубежи могут быть сметены. Иметь ответы на него столь же важно, как и программу преобразований «на случай». Потому что в повестке сегодняшнего дня – полномасштабная авторитарно-реакционная реставрация, в рамках которой не просматривается сегодня по крайней мере возможность демократического поворота.

РОССИЯ В ЭПОХУ БЕЗВРЕМЬЯ
*(4 февраля 2014 Г., ИНИОН РАН
с участием Института Кеннана)*

И.И. Глебова (ИНИОН): Добрый день, коллеги. Наши сегодняшние гости – Лев Дмитриевич Гудков и Эмиль Абрамович Паин; откроет семинар Юрий Сергеевич Пивоваров. Говорить мы будем о России в эпоху безвременья. Эту тему предложил Э.А. Паин. Но и для нас она не случайна. Наш Центр уже проводил семинары, содержательно и интонационно к ней близкие. К примеру, мы слушали доклад Ю.Н. Афанасьева с характерным названием «Закат России?». Недавно о «ловушках исторического тупика» рассказывал И.Г. Яковенко.

Тема предполагает не просто обсуждение современного состояния России, но взгляд на наше прошлое и настоящее с весьма определенных позиций. Безвременье – это эпоха вне времени, главная характеристика которой отсутствие перспектив, отсутствие будущего.

Надо сказать, что это проблема не только России. Европейская культура осознала данную темпоральную аномалию – «утрату будущего» – еще в 70-е годы XX в. Это связано прежде всего с крахом крупнейших идеологий, в том числе коммунистической, которые обещали прекрасное будущее, основывались на вере в него. С политической точки зрения исчезновение глобальных утопий – вещь, безусловно, положительная. Но это тяжело переживается обществом, затрудняет его самоидентификацию.

Что же касается России, то когда Эмиль Абрамович эту тему предлагал, я подумала: а когда у нас были другие времена? Есть емкая метафора, предложенная одним современным писателем-философом: «бесконечный тупик». Это состояние – «зависание» вне времени, утрата перспективы – постоянно воспроизводится в России. Скажем, застой 1970-х, который у всех еще на памяти, тоже можно трактовать таким образом. Тогда в чем специфика сегодняшнего тупика? Чем он опаснее («тупиковее», что ли), чем предыдущие? И как отличается от нынешней европейской ситуации? Вот этими вопросами я хотела бы предварить наш семинар.

Ю.С. Пивоваров (ИНИОН): Я скажу буквально несколько слов, выступив на «разогреве» у двух замечательных ученых. Прежде

всего, я не чувствую никакого тупика, никакого безвременья. Конечно, времена меняются. Два года назад Андрей Борисович Зубов проводил в этом зале серию семинаров, в которых участвовали и присутствующие здесь коллеги. Помню, какое царило эйфорическое настроение. Теперь, конечно, ситуация резко переменялась.

В последние годы мы все время спорили с Андреем Борисовичем относительно того, ушло ли советское из нашей жизни. Он настаивал на том, что советское в ней все-таки присутствует, а мне казалось, что мы распрощались с этим прошлым. Теперь я понимаю, что эмансипация советского общества, которая началась после XX съезда, имела и негативные стороны, негативную отдачу. Известна метафора (ее приписывают де Голлю, использует в своей известной книге Э. Морен¹): «Сталин не остался в прошлом, он растворился в нашем будущем». Речь ведь здесь идет не о Сталине, хотя он – квинтэссенция и символ советского строя, того тоталитарно-насильнического, что изначально было в его природе. Мы не провели черту между тем, что было, и тем, к чему хотели бы идти, не отделили прошлое от настоящего. Россия – по-прежнему советское общество по преимуществу: не по форме правления, не по институтам, а по духу. Последние двадцать пять лет – очередной этап развития советского общества.

Определяющими для меня являются три качества советского. О первом писал покойный Алексей Михайлович Салмин в работе 1987 г. по тоталитаризму: все тоталитарные общества разные, но их объединяет одно – отсутствие религиозной идеи, идеи первородного греха. Тогда я не понял, как точно это наблюдение. А теперь вижу: оно верно и для нашего общества.

Второе качество – упрощение. Известны слова Георгия Валентиновича Плеханова о Ленине: это гений упрощения. Все его действия были направлены на то, чтобы до элементарности упростить ситуацию – не искать сложных решений, не использовать сложных конструкций. По существу, эту склонность можно выразить формулой: «Кто не с нами, тот в Гулаг».

Третье качество – понимание власти только как насилия («я начальник – ты дурак»). В западной же политической традиции власть – это конвенция плюс насилие.

Что еще кажется мне важным для характеристики современного общества?

Я долго не понимал, что было главным в советской власти, в чем сокрушительность ее удара против собственного народа. Теперь могу сказать: она осуществлялась не в пользу какого-то класса, группы или сословия, как сама о себе говорила, но была направлена против всех классов, сословий и групп. То есть целью советской власти являлось уничтожение всякой дифференциации в обществе. Настоящая социология советского

¹ Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя / Пер с фр. – М.: РГГУ, 1995. – 218 с.

общества дана в «Архипелаге ГУЛАГ»: Александр Исаевич Солженицын показал, какие категории населения сажали. В этой негативной социологии – ответ на вопрос, почему в России после Манифеста 17 октября 1905 г. стали появляться партийные, профессиональные, даже сословные организации, а сейчас – ничего. Пустота. Общество распахано настолько, что нет выступающих изнутри социальных групп (никаких – ни плохих, ни хороших).

Если характеризовать современное состояние России как безвременье, то для меня показательна история с Академией наук. Я по роду своей работы знаю не только о том, что сделано, но и *как* это сделано. И в это трудно поверить. Я не помню ничего подобного за всю свою некороткую жизнь. Понятно, что это был наезд на русское гражданское общество – на один из его важнейших элементов. Но я по сей день не могу понять: зачем так – с таким открытым цинизмом? Поразительно и менее заметное «присущество» – уничтожение Книжной палаты¹. По существу, ликвидируется вся библиотечная система страны. Зачем? Чтобы завладеть активами, зданиями? Какими? Кто их получит?

Еще одно знаковое событие 2013 г. – появление проекта новой концепции российской истории: Историко-культурного стандарта, разработанного под руководством Александра Огановича Чубарьяна и высочайшим образом одобренного президентом Российской Федерации². Одна из главных новаций этого документа – трактовка революций 1917 г.: отказ от Февраля и Октября как от самостоятельных явлений. Эти переломные события объединяют в Великую российскую революцию, пролонгируя ее на Гражданскую войну (1917–1921). Собственно, это калька с Великой Французской революции. Вроде бы все правильно. Но за этим скрывается принципиальное различие двух наших революций. Февраль – это попытка русского общества (пусть неудачная, глупая и даже преступная в момент мировой войны) продвинуться по направлению к свободе, демократии. В Октябре все было ровно наоборот. Но я понимаю, почему две эти революции теперь объединяют. В ближайшее время наше государство (а оно все-таки уже не советское) должно будет выразить свое отношение и к Октябрю, и к Февралю. Принимая такую концепцию, оно от многого себя освобождает.

¹ В соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина от 9 декабря 2013 г. № 894 «О некоторых мерах по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации» ликвидировано федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Российская книжная палата». Его имущество и основные функции переданы в ведение ИТАР-ТАСС.

² Концепция Историко-культурного стандарта была предложена Минобрнауки России для обсуждения 1 июля 2013 г. Подробнее см. – Режим доступа: Минобрнауки РФ/документы/3483.

Или тема Первой мировой войны. Через сто лет после ее начала в России утверждается такое к ней отношение – в целом великий подвиг народа. Но завершить войну «решено» Брест-Литовским миром. И здесь возникают вопросы. Этот мирный договор заключила не историческая Россия, а группа заговорщиков, захвативших власть. Тогда почему принята именно такая трактовка конца войны? Понятно: для того, чтобы связать все России – царскую, большевистскую, нынешнюю – вместе. Как сейчас выяснилось, Россия не проиграла ту войну – мы празднуем победу. Русские, конечно, были героями, но кого Россия победила? И зачем тогда половина европейской части страны была отдана побежденной Германии? В конечном счете Брест-Литовский мир «подтягивается» для того, чтобы получить легитимность у дореволюционной России. В новом Стандарте 1930-е годы названы советской модернизацией; при этом не отрицаются ГУЛАГ, преступления сталинского режима. Вот и получается неразрывная преемственная цепь: цари начали, большевики подхватили – поехало дальнейшее развитие. И все как-то неплохо – и белые, и красные. И Колчак – хороший, и Фрунзе, и царь, и Троцкий. В целом с историей имела место продуманная, выношенная акция.

Наконец, последнее. Я думаю, продолжатся попытки внести серьезные изменения в Конституцию. Хотя, насколько я понимаю, этого нельзя сделать, если не пересматривать Основной закон в целом. Например, постоянно воспроизводится идея: внести в преамбулу положение о православно-славных ценностях. Вектор движения понятен. Хочется спросить: а что же общество? Но об этом сегодня скажут докладчики.

Если так будет продолжаться, я не сомневаюсь, куда все пойдет. С ухудшением экономической ситуации, с падением цен на нефть в России возможен дикий вариант националистической (этнической) диктатуры. Только так можно будет удержать ситуацию. Если, конечно, не возникнет общественного сопротивления, т.е. легальной оппозиции. Я убежден: ее главным лозунгом должно стать изменение Конституции – легально и мирным путем. При нынешней системе власти, где президент стоит над разделением властей, обладает всеми полномочиями, в стране ничего не произойдет.

Л.Д. Гудков (Левада-центр): Я хотел бы вам представить результаты наших систематических опросов, характеризующих основные тенденции массового сознания. Подчеркну: речь идет не о поведенческих характеристиках, не о реальном поведении, а о массовых установках.

После волны протестов зимы 2012 – весны 2013 г., сосредоточенных в основном в крупных городах и не захвативших основную часть населения, настроения пошли вниз. Общество потеряло перспективу. Я не со-

всем согласен, что мы имеем дело с тупиком. Скорее, следует говорить о неопределенности будущего, которая по-разному ощущается в различных социальных средах. Сегодня протестные настроения – на самом низком уровне за все время наших наблюдений. С экономическими, политическими протестами готовы выступить (во всяком случае, декларируют такое намерение) не более 8% населения. В 2000-е годы те настроения, которые долгое время господствовали в России: депрессия, протрация, безнадежность, ощущение полной неопределенности будущего, – в связи с ростом доходов уступили место позитивным установкам. Но после экономического спада они сменились на противоположные. Сейчас все опять вернулось к неопределенности, депрессии, протрации – не личной, а коллективной. Это общий фон оценки и понимания происходящего.

Переструктурировалось представление о собственных возможностях. У населения никогда и не было особой перспективы на будущее. В начале 1990-х годов доминировала полная неопределенность; все очень смутно представляли, что делать и куда идти. Сегодня неопределенность опять растет: люди не знают, что будет в ближайшие месяцы (в январе 2014 г. доля тех, у кого такая «узкая» перспектива, выросла до 52%). При этом изменилась структура этих настроений: если раньше они характеризовали в основном провинцию, то сегодня в большей степени охватывают наиболее продвинутое, обеспеченные группы населения. То есть те, кто выходил с протестами или их поддерживал. Судя по опросам, на митингах выдвигались требования не экономического порядка. Люди требовали институциональных реформ: независимости суда, честных выборов, обеспечения ответственности власти через механизм ее смены, свободы прессы и отмены цензуры (т.е. возможностей для формирования публичного поля). Понятно, что в провинции, живущей от зарплаты к зарплате, нет ресурсов – в отличие от мегаполисов, где уже сложилась рыночная инфраструктура и появилось нечто, напоминающее средний класс. Его представители и выступили с моральными претензиями к власти, поскольку понимают, что сохранение авторитарного режима – угроза их дальнейшему существованию. Сегодня состояние депрессии, неопределенности перекинулось и на эти группы. Они дали в 2012 г. всплеск миграционных настроений – от сознания полной бесперспективности жизни.

За последние пять лет в нашем обществе выросло ощущение свободы, но стало меньше солидарности, активности, справедливости, взаимного доверия. Можно говорить о состоянии разрыва социальных связей, отсутствии идеи общего блага. Массовые настроения в основном таковы: жить трудно, но можно терпеть. Механизмы пассивной адаптации, приспособления являются всеобщими и доминирующими, пронизывают все. Если взять очень важный для нас показатель – индекс социальных настроений, который комбинирует целый ряд параметров, касающихся ма-

териального положения семьи, экономического положения страны, отношение к власти, то видно, что после пика (август – сентябрь 2008 г.) идет устойчивый спад: растут настроения бесперспективности. При этом увеличивается разрыв между экономическими оценками и отношением к власти. А вот положение семьи, если не считать провала в кризисном 2008 г., оценивается довольно стабильно.

Весьма заметна тенденция падения доверия к власти (к персонифицированной власти) – то, что я назвал бы делегитимацией авторитарного режима. Тенденция к делегитимации проявляет себя очень любопытно. Уменьшается число твердых сторонников – одобряющих, группы поддержки Путина (речь идет о «коллективном Путине», т.е. о персонифицированном образе режима), несколько выросла (особенно после кризиса 2008 г.) доля оппонентов. Но несущей конструкцией режима являются настроения апатии и безразличия. Подтверждается то, что когда-то писала Ханна Арендт по поводу идущих в Иерусалиме процессов против нацистских преступников: общественная апатия равносильна поддержке авторитарных режимов.

Несмотря на довольно высокий электоральный рейтинг президента (63–65%), от 47 до 54% опрошенных считают выборы грязными, нечестными, несправедливыми. То есть притом что твердый электорат Путина (число сторонников) в основном сохраняется, имеет место растущее разочарование в выборах. Снижение явки было заметно на прошлых региональных выборах: официальная цифра – около 30%, в среднем явка была 25–27%, а в некоторых местах доходила до 12–14%. Население отказывается участвовать в выборах, если нет специального давления или принуждения. Однако делегитимация режима не приводит к смене картины (образа) реальности. В обществе нет авторитетных групп, а оппозиция, движимая моральным протестом, не смогла выдвинуть политической программы и создать организацию. Протестные настроения, которые, конечно, не исчезли и не перешли в поддержку режима, в условиях давления быстро сошли на нет.

В Интернете постоянно появляются критические материалы; они проскакивают и в открытой прессе, подрывая доверие к власти. Но от этого не меняется политическая конфигурация, основа которой – безальтернативное положение центральной фигуры. Даже обвинения в причастности к коррупции, непрерывные коррупционные скандалы наверху не меняют отношения к власти. Всего 13% опрошенных говорят, что Путин свободен от всяких подозрений в коррупции; 18% отвечают: если даже это правда, важнее, что при нем стало лучше жить. Основная масса не отвергает подозрений, но это не подталкивает к сопротивлению. Однако такое восприятие свидетельствует: происходит диффузное разложение авторитета власти. Это отношение «опрокидывается» и на весь режим.

Усиливается негативное отношение граждан ко всему «политическому классу». Людей «наверху» считают корыстными, коррумпированными, озабоченными проблемами собственного обогащения или удержания власти. Это «ответ» на коррупционные скандалы. А кроме того, обратная сторона государственного патернализма. Государство не обеспечивает людей необходимым минимумом жилья, работы, социальных благ, медицинского обслуживания, не гарантирует терпимые условия жизни. Разочарование проявляется в самых примитивных объяснениях: воруют, коррупционеры. Отсюда – отвращение к политике, явное нежелание участвовать в ней (об этом говорят более 80% опрошенных). Объясняют так: ничего нельзя сделать, политика не для обычных людей, нет времени ею заниматься.

Апатия, неучастие в общественно-политической жизни – это и есть обратная сторона разрушения механизмов солидарности. Компенсация этого – представление о том, что нужна «твердая» рука, авторитарный лидер, который способен навести порядок: не для того, чтобы подавить оппозицию, а чтобы установить равенство всех перед законом, общие правила игры, убрать мафиозную бюрократию, административный произвол. Одновременно усиливается ностальгия по советской системе: люди не хотят туда вернуться – просто отсутствует другая картина реальности, иное понимание того, как действуют институты, как работает западная демократия. Поэтому и усиливаются идеализированные представления о советском строе (как тогда все было правильно и хорошо), поддержанные пропагандой.

При примитивизации массового сознания и усилении пропагандистского давления резко растет негативная идентификация через «врага», через образ враждебного окружения, т.е. усиливается негативизм по отношению к внешнему миру. Однако, когда мы спрашиваем, кто такие враги, то большая часть ответов – о «пятой колонне». Здесь нет определенности, но само ощущение внутреннего врага крайне важно. Диффузность раздраженного сознания выливается в ксенофобию, показатели которой осенью прошлого (2013-го) года достигли максимума за все время наших наблюдений. Причем, если в 1990-х носителями ксенофобии были пожилые и малообразованные люди, жители периферии, то сегодня лидерами ксенофобских настроений являются те, кого раньше называли интеллигенцией. Это высокостатусные, образованные жители Москвы, директорат, менеджеры – иначе говоря, люди, близкие к средствам массовой информации, способные транслировать свои представления на общество в целом. Рост ксенофобии проявляется через поддержку «идеи» «Россия для русских». Здесь самый высокий показатель – 66%, но в Москве он – 71%, а среди людей с высшим образованием – 68%. С формулой «Хватит кормить

Кавказ» примерно такая же картина, только более интенсивная: в среднем ее поддерживают – 71%, в Москве – 84%.

«Внешняя» ксенофобия выражается в антизападных настроениях, в ощущении угрозы для национальных ценностей и традиций, исходящей с Запада. Антизападная пропаганда укрепляет этот тренд, придает ему устойчивость. «Негативизм» нацелен прежде всего на США. Здесь выделяются три пика: весна 1999 г. и бомбежки НАТО Сербии, начало войны в заливе в 2003 г. и война с Грузией. Но не только. Рост негативных настроений наблюдается и в отношении Евросоюза. Буквально провал в восприятии (правда, более спокойный) – «грузинская кампания». Грузия, Украина воспринимаются в основном отрицательно.

Итак, во-первых, в стране нарастает массовое ощущение неопределенности, а вместе с ним страх. Отсутствует представление о том, какие общественные силы и группы могли бы вывести из нынешнего состояния. Усиливаются социальные опасения произвола властей, возвращения к массовым репрессиям. Во-вторых, под воздействием пропаганды, консервативного курса власти упрощаются, все больше архаизируются представления о социальном устройстве, о социальной жизни. В-третьих, утрачиваются надежды на то, что авторитарный режим в состоянии обеспечить постоянный рост жизненного уровня. А это было очень важное основание для его поддержки. С 2002 по 2008 г. реальные доходы населения росли на 6–7% в год. Такого прежде никогда не было. Люди терпели, примирялись и даже одобряли эту политику. Сегодня иллюзии еще сохраняются (а иллюзии – самый прочный материал социальной жизни), но они не подтверждаются социальной практикой. Раздражение «опрокидывается» на действующую власть.

Наконец, усиливается убеждение, что институты, особенно институты власти, работают как механизмы негативной селекции человеческого материала. Во власть отбираются люди с подчеркнутым аморальным складом мышления; политика оттягивает на себя не просто людей без принципов, но и не умных – в отличие от таких сфер, как наука. На январский опрос этого года: «Что, по-вашему, характерно для большинства российских политиков?» – ответы сплошь негативные: в стремлении к власти не гнушаются самыми грязными средствами – 44%; корыстолюбие – 41; неуважение к рядовым гражданам – 37; пренебрежение к закону – 36; неупорядоченность – 30; безнравственность – 7; непрофессионализм – 23; нелюбовь к России – 12; скудоумие – 11%. Среди позитивных характеристик: высокий интеллект – 9%, высокий профессионализм – 11%. Повторю, представление о действии в политике механизма негативной селекции само по себе очень важно. Но это не заменяет картины реальности – до каналов влияния на общество не допущены влиятельные группы,

которые могли бы дать другое понимание, иные ценности, другой тип отношений.

Э.А. Паин: Я продолжу и постараюсь добавить немного оптимизма – в соответствии с принципом, который исповедовал герой Роберта П. Уоррена: «Если нет добра, то нам не из чего его сделать, иначе как из зла»¹. Собственно, эту мысль я и хочу продекларировать. Ирина Игоревна <Глебова> уже сказала: Институт Кеннана и ваш покорный слуга были зачинщиками серии семинаров с ИНИОНОм. Тогда нам и в голову не могло прийти, что это наш последний семинар. Без объявления войны враг коварно закрыл наш институт. Мы прошли чистилище прокурорской проверки, которая не выявила в деятельности Института Кеннана признаков агента других держав, но получили удар в спину – нас закрыли иностранные спонсоры. Не буду на эту тему распространяться – просто хочу показать, что ситуация намного сложнее, чем, скажем, думает Юрий Сергеевич <Пивоваров>. Тот, кто нас закрывал, не прошел горнило сталинских застенков. Это типичный эффективный менеджер – таких много и у нас. Они равным образом могут управлять овощебазой и Академией наук, с одинаковой решимостью кроют любую организацию. Спрашивать: почему? – не нужно, бессмысленно не только у соотечественников, но и у несоотечественников. То есть наше безвременье осложняется еще и тем, что крайне неблагоприятен мировой фон.

Не только Левада-центр, но и социологические службы, близкие к Кремлю или идеологически с ним солидарные (скажем, ВЦИОМ), регистрируют утрату нашим обществом ориентиров, ухудшение образов будущего, отсутствие общего позитивного образа будущего. При этом, однако, все как один настаивают: это не застой, не безвременье, а абсолютно необходимый этап стабилизации – потом будет лучше. Заместитель главного редактора «Известий» Борис Межуев, к примеру, сравнивает наше время с эпохой после разгона Фронды: затем начинается спокойная жизнь, потому что падает интерес к политике. Народ наконец рационально устроил свою жизнь и зажил счастливо.

Пафос моего выступления – в разоблачении этой всеобщей убежденности в российской стабильности, этой мифологии стабильности. У меня три основных тезиса.

Во-первых, я утверждаю, что действует закон сохранения энергии: протестные настроения не исчезают, но лишь постоянно меняют форму, проявляясь в виде то политических движений, то этнических погромов, бунтов.

¹ Имеется в виду роман: Уоррен Р.П. (1905–1989). Вся королевская рать. — М.: Астрель, 2010.

Тезис второй. Об ужасах демографии у нас все слышаны; по-моему, они даже преувеличены. Я же рискну говорить о слабо еще осмысленных демографических последствиях. Существует связь между определенным образом будущего и состоянием старения, смертности населения, чреватых переходами к ксенофобии. Вот эту связь я и хотел бы прояснить.

Наконец, самое главное: о противоречивой роли национализма и ксенофобии в настоящее время. До какого-то момента и национализм, и ксенофобия укрепляют власть, поддерживают состояние безвременья. Но при некоторых условиях они будут ее главными разрушителями.

Недавно Центр стратегических разработок выпустил доклад, в котором указывается: власти удалось успокоить население, но, несмотря на резкое снижение интереса к политике и прекращение политических выступлений, по всей стране пошли, как нарывы, непонятные бунты, погромы и другие формы реакции. Да что же тут непонятного? До Болотной ведь была «Манежка». Эта форма выражения недовольства предшествовала политическим выступлениям. Она и взяла свое после того, как подавили политический протест. Если вы загоняете политические процессы в то состояние, в котором они находятся сегодня, то недовольство будет прорываться в этнических, религиозных формах, через антимигрантские фобии и протесты.

И здесь очевидно: ксенофобия сознания (нервозность, тревожность, фобии) переходит в ксенофобию действия. В 2006 г. за пределами Северного Кавказа произошел один крупный погром – Кандапога, – и о нем говорили несколько лет. А в одном только 2013 г. погромов такого масштаба было уже пять: Пугачево, Нурла, Среднеуральск, Бирюлево, Апраксино. Еще мы знаем о вёшинском происшествии – и то только потому, что там родился нобелевский лауреат. Но о десятках погромах в селениях, районных центрах попросту ничего не сообщается. Зато генеральный прокурор Чайка недавно сказал, что число экстремистских действий за девять лет выросло в России в 5 раз. Это свидетельствует о подъеме соответствующих настроений, о безумном росте всех видов фобий (прежде всего ощущения, что враг здесь, рядом). Конечно, «западная» фобия наиболее выгодна, удобна для властей.

Социологические опросы (прежде всего Левада-центра – это мой основной поставщик сведений) показывают, как поразительно пластично массовое сознание. Вот, была Кандапога – и после нее наступило затишье. Массовое сознание быстро пришло в состояние покоя. С 2007 по 2009 г. резко падают ожидания конфликтов. Народ успокаивается. Но в 2010 г. поднимается «Манежка» – и резко идут в гору ожидания неприятностей, крови. В 2013 г. почти две трети населения опасались чего-нибудь тревожного. Понятно, почему возникают такого рода тревоги, как они перерабатываются в этнические конфликты.

Гораздо меньше известно о демографических аспектах таких «переворотов». В начале семинара нас спрашивали, чем нынешнее безвременье отличается от других. Конечно, это состояние характерно для России; вся русская поэзия – об этом. Но оно не поддерживается каким-то вечным двигателем. У безвременья всегда есть ресурсы, в том числе демографический, территориальный. Причем эти ресурсы каждый раз разные. Сейчас главный «источник» безвременья – в том, что сжимаются территория, население. Давайте посмотрим, что в связи с этим происходит.

Демографические показатели трудно использовать для анализа актуальных экономических, политических процессов, потому что они волнообразны, не всегда напрямую соотносятся. Нынешняя власть говорит о том, что ее великие усилия привели к росту рождаемости. Но демографы знают, что сегодняшний всплеск связан с эхом бэби-бума 1980-х годов. Уже в ближайшие годы основную долю матерей составят женщины, родившиеся в 1990-е годы, – и это будет уже совсем другая ситуация. Однако существуют все-таки показатели, четко связанные с социально-экономическими и политическими реалиями, с качеством жизни. Если взять продолжительность жизни населения в мире, то вы увидите 100% корреляцию между уровнем доходов, качеством жизни в стране и долей в ней людей определенного возраста. В Швеции, например, средняя продолжительность жизни мужчин и женщин свыше 80 лет. А Россия в этом рейтинге на 129-м месте – вместе с африканскими странами: 66 лет средняя продолжительность жизни у женщин и 59 лет – у мужчин.

Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте старше 65 лет превышает 7%. В России, по данным Минтруда на 2013 г., эта цифра составляет 13% и продолжает увеличиваться. Если оценить возрастную структуру российского населения по показателю ожидаемой продолжительности жизни, то оно окажется одним из самых старых в мире. По этому признаку 50-летний россиянин в 2013 г. был на 21 календарный год старше своего ровесника в Швеции: тому еще жить почти 30 лет, а этому через 9 лет уже на тот свет. С США разрыв по этому показателю составляет 15 лет, даже с Польшей – 9 лет.

Тут я перехожу к самому важному – для чего, собственно, я и взял всю эту статистику. Основной причиной высокой мужской смертности в России является алкоголизация. Но ведь Польша – тоже страна спиртовой культуры: водка – польское изобретение. До середины 1980-х годов демографическая ситуация в России и Польше были тождественными. Но в период с 1990 по 2006 г. перспективный медианный возраст мужского населения в Польше снизился, а в России вырос на десять лет. У нас постоянно рассказывают про ужасы 1990-х, но в других-то странах, где в те времена тоже было тяжело, процессы пошли в противоположную сторону. Оказы-

вается, с переходом из «режима доживания» в «режим развития» в обществе растут ценности самореализации, достижений, усиливаются стремление к активной жизни, интерес к здоровому образу жизни. Сознание перспектив и готовность бороться за них стимулируют развитие. Отсутствие же перспектив глушится средствами, снижающими стресс. А это ведет к падению продолжительности жизни.

Безвременье стимулирует рост смертности, способствует старению населения. Даже ВЦИОМ признает, что в стране расцвело недоверие (всех – ко всему и всем). Это просто ахиллесова пята нашей социальной системы. Люди потеряли почву под ногами; раньше были хоть какие-то ориентиры, перспективы – теперь они потеряны. Что из этого следует? Если рассмотреть возрастную-половую структуру, к примеру, Курчалоевского района Республики Дагестан, она покажет типичную для Кавказа демографическую ситуацию: огромный рост рождаемости. А вот анализ типичной структуры русского по преимуществу города (к примеру, Норильска) даст обратную картину. Детей мало, прирост дает миграция, т.е. переток населения. В 2013 г. мои студенты из Высшей школы экономики в рамках курсовых работ изучали таким образом население ряда российских регионов. Оказалось, что самый депрессивный из них – Нечерноземная зона. Возьмем, к примеру, Костромскую область: на трети территории (даже немного больше) убыль населения составляет свыше 60% – это уже не восстановимо. Зоны, которые были освоены в XVI–XVII вв., опустели – оттуда ушли люди. Там хорошо жить какому-нибудь дачнику – на десятки километров вокруг ни души. Вся территория Нечерноземья – пространство, теряющее население. А вот другой пример: Курская область – один из лучших черноземов в стране. Ситуация почти такая же. Только вокруг Курска осталась живая зона – остальная территория теряет население. Примерно та же картина в Алтайском крае, еще одной житнице страны. Правда, там чуть поменьше зона полной убыли населения – еще живы какие-то райончики (Рубцовский, Бийский, село Белокуриха).

Опираясь на эти данные, мы можем сказать, как долго протянется наша стабильность: до полного вымирания людей на сельских пространствах. Вот потом – стабильность станет абсолютной. Помимо прочего, это означает: наши города, которые сегодня вроде бы растут, имеют весьма ограниченный резерв пополнения населения. Приток возможен из северокавказских республик, да еще из Средней Азии. Других вариантов нет. При таком ресурсообеспечении рост ксенофобии в стране неизбежен. Даже если вдруг властям удалось бы реализовать национальную программу по росту рождаемости, наладить мощнейшую систему воспитания толерантности, ситуация не изменилась бы.

В России сосуществуют два типа ксенофобии. Во-первых, антизападные настроения: если выключить пропагандистский сигнал, то на дру-

гой день они улечутятся. А вот «внутреннюю» ксенофобию трудно остановить самым мощным сигналом, даже подключив всю систему информации и пропаганды. Нынешнее перераспределение населения неизбежно будет только усиливаться. В таких условиях «внутренняя» ксенофобия станет образом жизни населения, абсолютно возобладает. Ее пока что пытаются использовать власть. В Москве, на Северном Кавказе, в огромном количестве регионов «верхи» перехватывают лозунги националистов. Примеров могу привести массу. На московских выборах власть была самым активным игроком на поле использования ресурса ксенофобии¹. Даже русские националисты обиделись. Лидер националистического объединения «Русские» обвинил мэра С.С. Собянина в плагиате (мигранты и Собянин – последний месяц я только это и слышу; они присвоили несколько пунктов нашей программы).

Русский национализм имеет имперский характер, не может предложить ничего такого, чего не предлагала бы власть. У националистов и режима одни и те же враги: Запад, либералы, демократы, «чурки», которые должны знать свое место. У них одни и те же цели: территория – всё, остальное –ничто; за территориальное величие можно пожертвовать чем угодно. У них немного различий. Поэтому-то массовый русский национализм и не конкурентоспособен. При гигантском росте ксенофобии в обществе нет массовых националистических организаций. Все социологические данные указывают: влияние русских националистических партий крайне низкое, неразличимое в микроскоп. Самым успешным таким проектом была «Родина». А вот «Русский марш» не растет. Поэтому и меняется русский национализм. Все больше националистов (среди них, например, – Константин Крылов, один из теоретиков) считают, что национализм в России только сейчас и появляется. Я склонен согласиться с этим мнением.

То, что было в России до недавнего времени, все эти перепевы Союза русского народа базировались на имперской охранительной идеологии. Сегодня она, безусловно, имеет массовый характер. Разница между «сознательными» имперскими националистами и «бессознательными», которые по всем признакам даже большие ксенофобы, только в том, что для массы слово «националист» бранное, а для «немассы» – нет. Но теперь набирает силу новый национализм, осознающий себя антиимперским.

Самые известные теоретики русского национализма выступают с антиимперской позиции. Тот же Крылов, по существу, утверждает, что национализм может ужиться с демократией («не народ для страны, а страна для народа»). Для большей части русских националистов авторитарность, авторитаризм всегда были основой. Сегодня националисты выступают не только против конкретных властей: «вы – власть от Кавказа»,

¹ Речь идет о выборах мэра Москвы 8 сентября 2013 г.

«Путин – президент от Кавказа», «какой герой, такая и Россия» (про Кадырова). Они понимают: пока есть империя, не может быть русской нации, невозможно национальное сплочение. Империя будет разделять и властвовать. Более того, в НДП (Национал-демократической партии) появилась группа, которая называется Национал-демократический альянс А.А. Широпаева и И.В. Лазаренко. Они уже не выступают за государство русскообразующей нации, но выдвигают лозунг – в Европу: в единой Европе наше место, остальное – тупик. А ведь эти люди были уличными русскими националистами, в том числе радикального направления. Все это, на мой взгляд, свидетельствует: происходит переход от этнического национализма к национализму гражданскому.

Я полагаю: национализм, которого, как огня, боятся либеральные прозападные движения, может стать в России той самой «повивальной бабкой» перемен, каким он был в Польше, Чехии, Венгрии и сегодня на Майдане. Очевидно: выход из авторитаризма невозможен без обретения национальной идеологии (в той или иной форме). Чем отличаются люди, которые поддерживают Майдан, от тех, кто на него выходит? Те, кто в России сочувствуют Майдану, исповедуют идеологию космополитизма. А те, кто стоит на Майдане, преимущественно националисты. Космополитизм предполагает, что человек может реализовать свои ценности там, где сегодня удобнее, демократичнее, сытнее. А те, кто исповедует националистические идеи, выйдут под пули. Вчера я прочитал в «Фейсбуке» слова очень известной журналистки: «Я не люблю Родину, я давно не люблю Родину». А ей в ответ: «Да! Какая умная, смелая, замечательная! Патриотизм – последнее прибежище негодяев». Слово любовь применительно к политическим институтам звучит очень странно. Это как если бы сказать: «Я люблю принцип субсидиарности, я люблю разделение властей»... Вопрос не в том, что ты любишь или не любишь, а в том, будешь ли ты только наблюдать за происходящим или действовать.

Если исходить из того, какой тип политической культуры преобладает в обществе – догражданская, «зрительская» или культура участия, то разница между Украиной и Россией огромная. У нас ведь все определяет старая идея: «Россия – страна рабов» – и ничего с этим не поделаешь. Но тогда какое будущее? Только вечное безвременье – у исторического лужера нет и не может быть перспективы. А вот украинцы выходят с идеей – и их невозможно победить.

Правильно сегодня говорили о Конституции. Конечно, без изменения конституционных рамок, только в надежде на хорошего руководителя ситуацию не переломить. Но работать нужно не только с Конституцией. Еще важнее иметь общие установки по отношению к будущему. От них в значительной мере зависят выживание общества, процессы старения и смертности. Главное ведь – в том, на что ориентируешься: на доживание

или на развитие и совершенствование. Необходимы серьезные меры по изменению перспективных общественных установок, необходимо воздействовать в этом смысле на элиту, какая уж она есть. И важно не только националистам изживать из себя империю, но и нашему обществу преодолевать некие устойчивые стереотипы, с которыми невозможно идти вперед.

И.И. Глебова: Неожиданное завершение, спорное. Спасибо. Коллеги, есть ли вопросы к докладчикам?

? **Т.Г. Пархалина (ИНИОН):** У меня вопрос к Л.Д. Гудкову. В Вашем исследовании поражает одна цифра: в последние годы число людей, которые считают, что свободы в России стало больше, стабильно составляет 55%. И это тогда, когда свернуты мирные оппозиционные движения, разгромлены НКО, ликвидирована Академия наук, принято множество антидемократических законов. Я просто физически ощущаю сужение пространства свободы. Кажется, что откачивают воздух и начинаешь задыхаться. Как это объяснить? Неужели наши сограждане считают все это нормальным?

И сразу хотела бы прокомментировать выступление Эмиля Абрамовича <Паина>. Я отчасти согласна с Вашим тезисом о том, что антизападные настроения выключаются по «сигналу». Могу привести пример. В 2002 г., перед подписанием Декларации между Россией и НАТО, была очень позитивная пресса, соответствующим образом работала пропаганда. И 56% населения говорили, что у нас с НАТО все хорошо. Ровно через полгода был Пражский саммит, который назвали саммитом расширения: в НАТО приняли восемь стран из бывшего соцлагеря, пресса была негативной. И ровно 56% отреагировали: НАТО – это враг России. Однако есть достаточно устойчивая часть населения, которая не выключается по сигналу. Стереотипы стары. Да и не только наше поколение воспитано на том, что Запад – враг. В публичном пространстве эта формула повторяется все последние годы.

Затем, по поводу тезиса о национализме как «повивальной бабке» транзита от тоталитаризма к демократии. Так было в Чехии, Словакии, Венгрии, теперь в Украине. У нас, кстати, многие не могут понять, что это теперь другая страна, что это иной народ. Не считаете ли Вы, что в России, многонациональной и традиционно имперской, национализм может сработать иначе?

Л.Д. Гудков: Речь идет о разном понимании свободы. Для Вас свобода – это гражданские права, политические свободы, возможность участия в общественной жизни, в политике. А для большинства людей свобода связана с потребительским поведением, потребительскими

возможностями. И здесь пока все хорошо, здесь бум. Мелкое кредитование довольно сильно стимулировало потребительские возможности. Впервые ощутив, что могут что-то приобретать, люди почувствовали себя гораздо лучше. Исследования показывают, что по населению идут просто волны удовлетворенности. Так работает голодное подсознание родителей нынешних детей, для которых это очень важный способ самодовольствия.

При отсутствии четкой социальной морфологии, стертости границ между группами, отсутствии связи между достижениями и статусом потребительское поведение стало главной общественной маркировкой. Приобретение машины, бытовой техники и проч. дает огромной массе населения ощущение новых возможностей, комфорта. Но у узкой группы – более продвинутых жителей мегаполиса, настроение тяжелейшее: растут ограничения, грядет диктатура. Здесь нарастает депрессия. Обратите внимание на одну цифру: 36–37% населения ждут массовых репрессий. Так проявляются страхи и то ощущение стиснутого пространства, о которых Вы говорили.

Э.А. Паин: На первый вопрос ответить легко, а вот второй глубоко фундаментальный. В любом обществе есть те, кто быстро меняет свои позиции, и консервативный слой, упорно сохраняющий свои идеи и ценности. Вопрос в том, каково их соотношение. Исследования показывают, что подавляющее большинство населения – и это характерная особенность России – отличает высочайший уровень конформизма. По сравнению с конформистами все остальные группы ничтожно малы. Поэтому мы постоянно и видим просто фантастические перемены по любому поводу. 1995 г. – чеченская кампания: 60% населения ругают власть и поддерживают чеченцев. Прошло какое-то время – те же люди занимают ровно противоположную позицию. И т.п.

Меня занимает другой вопрос: каково соотношение факторов, которые исторически, устойчиво определяют культуру, и тех, что влияют на нее актуально, в соответствии с сегодняшней ситуацией? Украина в этом смысле – потрясающе интересный объект. Там есть две территории, различия которых заданы исторически: Запад и Восток. Но все забывают о центре – о Киеве. Я – киевлянин и могу вам сказать: изменения последних 20 лет оказали гигантское влияние на людей. Они перевернули мои настроения, настроения моих одноклассников. Несколько свободных выборов изменили это общество настолько, что оно просто не может вернуться сегодня в прежнее состояние (опять стать таким, как мы сейчас).

Теперь вопрос о роли национализма. Кто же станет отрицать, что в странах Центральной и Восточной Европы национализм был основой для демократизации: они ведь спорили с империей. У них империя была воине. А в России империя внутри. Выдавить из себя империю тысячекратно

сложнее, чем бороться с ней. Но в этом случае мы говорим о трудностях, а не о необходимости. Это разные вещи. Сложно, но надо. В Вашем вопросе слышен отголосок привычного, узкого, как в танке, представления о национализме: когда один этнос считает себя превосходным (выше, лучше) по отношению к другому. Но национализм рождался как явление гражданское – понимался как народный суверенитет. Кому должна принадлежать власть? – Нации. Вот что изначально было в национализме. И эта основа в нем осталась. Идея народного суверенитета не связана только с Конституцией. Чтобы выйти из безвременья, наше общество должно параллельно осваивать и конституционные нормы, и эту идею.

? **Ю.С. Пивоваров:** Я хотел бы получить разъяснения от Э.А. Паина. Вот, Вы отделяли русских либералов от идеи национализма. Но либералы в России всегда были националистами. Пример – П.Б. Струве, Кадетская партия всегда была и национальной, и имперской (в Вашем смысле этих слов). Это факт.

Э.А. Пайн: Да, но там на первом месте был человек, а империя мыслилась как средство, как способ самореализации человека. И в этом отличие тогдашних «общественников» от тогдашней власти.

Ю.С. Пивоваров: Вы связываете какие-то надежды с «национализацией» современного русского либерализма – в смысле его ухода от космополитизма. А я, хотя и не социолог, не вижу в нашем обществе (даже в обществе московском) ни одного националиста-либерала или либерала-националиста. По первой специальности я германист. И могу сослаться на этот опыт. В начале XX в. немецкие либералы, либеральные партии тоже были националистами. Но после поражения в Первой мировой войне и установления республики от их национализма ничего не осталось. Зато немецкие националисты превратились в национал-социалистов.

Германский опыт показывает, что заигрывание с национализмом даже в такой форме, о которой говорите Вы, в конечном счете приводит к тому, что настоящий либерал не становится либерал-националистом, а вот националист заключает союз с национал-социалистами. Ваша гипотеза представляется мне интересной, но крайне опасной для России. Мне кажется, что единственно возможная здесь форма национализма – это этнический национализм: против мигрантов и проч. Я несколько ошарашен Вашей идеей о каком-то новом, гражданском национализме. И программа его создания слишком сложна, чтобы состояться. Это все игра ума.

Э.А. Пайн: Конечно, идея требует обсуждения. Я постараюсь ответить кратко. Во-первых, не вижу никакой опасности в том, что-

бы что-то обсуждать. Грешно не поговорить в научном кругу о роли национализма.

Конечно, эту тему невозможно обсуждать на абстрактном уровне. Смотрите, как по-разному относятся к этническому национализму политики – и что он с ними делает. Вот, А. Навальный – абсолютный прагматик: когда было надо, использовал националистическую идею/лозунги, а потом вдруг забыл о них. Не всегда разумно поступает, но можно показать на фактах, как он управляет этническим и политическим, как соотносит эти дискурсы. Другой герой, которого мы с моими студентами изучали, – В. Милов: начинал как либерал, но хотел позаигрывать, поупражняться, поиспользовать в электоральных целях этнический национализм¹. Кончилось тем, что рехнулся – теперь не он управляет национальной идеей, а она управляет им. Он утонул в ней, заразился, как гриппом. И стал чистейшим этническим националистом, по сравнению с которым Крылов – супер-либерал, демократ.

Очень важно, с какой позиции мы подходим к теме национализма, как понимаем это явление: с политической, культурной, этнической стороны, с точки зрения взаимодействия народа и власти. Ведь о чем говорит сегодняшний опыт, анализ проблем мультикультурализма в мире? Там, где показалось, что уже победила гражданская нация и можно наплевать на национальное самосознание, на национальное государство, сразу начинаются проблемы. Большие проблемы. Вследствие такого отказа происходят распад общества, его раскол на общины. Очевидно, что проблема наций не просто не решена – мир к ней только подошел. Не было еще народного суверенитета – он рождается только сейчас.

Вопрос о роли национализма интересен мне не только в теоретическо-аналитическом плане. Я не занимаюсь технологиями, не пишу Конституцию или программу для какой-то партии. Но я – член Совета фонда «Либеральная миссия». И могу сказать: перемены в сознании либерального сообщества, к коему я себя отношу, абсолютно необходимы. Оно тоже переполнено фобиями, стереотипами, слабо рефлексировало по поводу себя. Нужно пересмотреть привычные взгляды, – и я не знаю, как это делать. Но думаю, что какие-то элементы национализма будут освоены и либералами.

? **С.А. Магарил (РГГУ):** У меня вопрос к Эмило Абрамовичу <Паину>. На одном из слайдов, который Вы демонстрировали во время доклада, была такая фраза: «Религиозно-окрашенный терроризм: протест меняет форму, видоизменяется». Как это понимать?

¹ В.С. Милов – председатель партии «Демократический выбор».

Э.А. Паин: Собственно, я об этом говорил. Могу добавить только одно: в стране, где один из самых высоких в мире показателей числа погибших от терроризма, нельзя говорить о стабильности. При этом существует прямая связь между ростом ксенофобии и распространением терроризма.

С.А. Магарил (РГГУ): Что касается декорирования в стабильность, тут я с Вами совершенно согласен. Но дальше возникают вопросы. Трансформировались ли за XX в. базовые черты национального характера русских или идентичность все-таки сохранилась? Если да, следует ли ожидать всплеска массового низового террора, как в конце XIX – начале XX в.? Или, как опасался Достоевский, народ распустился в этнографический материал – утратил волевое начало со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что Вы думаете? Может быть, оба предположения некорректны?

Э.А. Паин: Это большая тема, но я Вам вот что скажу. Недавно смотрел на канале «Культура» передачу «Тем временем», в которой участвовали Лев Дмитриевич <Гудков> и известный историк Феликс Разумовский. Гудков говорит: «Какие традиционные ценности – все теряется, уходит». А тот: «Как так – все заложено, абсолютно неизменно, пришло, как с кровью; берешь анализ крови – и видишь традиционные ценности». Я – противник такого подхода. Существует, конечно, определенная инерция. Когда я говорил про запад, восток и центр Украины, то именно это имел в виду. Мы видим там влияние разных инерций – в том числе имперской. Но какие гигантские изменения произошли за короткое время! Проблема России в том, что импульсов, определяющих изменения, было мало. Как была империя, так и осталась, как был сырьевой придаток, так и остался, как торговали нефтью, пенькой и проч., так и торгуем. В этих условиях трудно чего-то ожидать.

Моя позиция состоит в том, что в принципе перемены не неизбежны, но возможны. И громадные возможны перемены, насколько я знаю из этнографии. Что происходило с французами, когда они были галлами, когда «огерманились», «ороманились», как язык менялся у кельтов, романцев, германцев. Это же поразительно! Культурный код, о котором все сегодня говорят, – это мифология, мистика. Не отрицаю, у любой культуры есть некие определенности. Но я – большой противник того, как загоняют нам сегодня под ногти эти духовные скрепы.

Ю.С. Пивоваров: Я думаю, что ситуация в начале XX в. принципиально отличалась от той, что сложилась в начале XXI в. Тогда подъем – сейчас упадок, тогда рост населения – сейчас спад. Показательно

(я часто привожу этот пример), что экономика не «упала» даже во время Первой мировой войны. Россия – единственная из воюющих держав, которая не ввела карточки на продовольствие. Я не говорю, что тогда все было отлично, но империя была принципиально другой.

Э.А. Паин: Это абсолютно невозможный разговор – абстрактно, об истории... В культуре ведь есть разные пласты. Вас не удивляет, что различные культуры ушли от традиционного жилья, костюма, а язык в основе своей сохранился? Разные элементы культуры в различной степени подвержены переменам. Чем дальше укрыты от непосредственного прикосновения времени культурные пласты, тем дольше они могут жить. Скажем, самоназвания народов живут тысячелетиями, а другие элементы культуры изменяются быстро. Причем микроперемены, которые происходят в культуре, трудно различить – здесь нужна особая оптика. Многие из того, что мы полагаем устойчивым или изменчивым, таковым не является. Сквозь призму исторического анализа рассмотреть динамику разных культурных слоев, на мой взгляд, невозможно.

Ю.С. Пивоваров: Я только хотел зафиксировать, что мы имеем дело с абсолютно разными странами: в начале XX в. Россия была одной – сейчас она другая. Речь в данном случае не идет о переменах в духе Н.Я. Данилевского. Он, как известно, выделял «качественные» народы, способные создавать цивилизации, и так называемый этнографический материал типа финнов. Это отвратительная расистская концепция, хотя прежде я восхищался ее автором. Мы (неважно кто – историки, этнологи и проч.) должны понимать, что в случае с Россией и СССР имеем дело с принципиально разными типами общества, с разными странами, с разными народами. Они только называются одинаково.

Л.М. Дробижева (Институт социологии РАН): Эмиль Абрамович <Паин> привел высказывания Крылова, Тора, объявил о появлении нового национально-демократического направления в национализме. Но ведь это анализ дискурса, а не действий. Нельзя через слова оценивать состояние национализма, тем более что-то прогнозировать. Понятно ведь, что за «новыми националистами» нет значительных слоев населения. Да и национализмы есть разные: существуют отдельные разрозненные группы, а также те, кто имеет опору в «отрядах» силового действия, есть военная организация. Националистические убеждения можно обнаружить в среде болельщиков, мотоциклистов и проч. Все они, кстати, через сеть легко объединяются. Но я хотела в Вашу, Эмиль Абрамович, сторону бросить мячик. Мне кажется то, что Вы называете гражданским национализмом, следовало бы определять как национальную солидарность. Будучи гражд-

данской в своей основе, она может стать прорывной силой в нашем негативном застое. Опыт, к примеру, Татарстана показывает, насколько может быть солидаризировано общество, как в нем возможна массовая мобилизация через национальную идею. Говорить следует о солидарных действиях нации. Слово «национализм» мне кажется неподходящим – у нас, во всяком случае.

Э.А. Паин: Да, у слова национализм в России есть негативный шлейф. Что касается солидарности, то она может быть имперской или патриархальной, как в Татарстане. У батьки Лукашенко – тоже солидарность. И в Казахстане. Но меня эти солидарности совсем не восхищают. И говорил я не об украинской, а о майдановской солидарности, которая имеет определенный политический смысл. Как и у нас – солидарность с Майданом. К примеру, большая часть русских националистов категорически против Майдана: «Это русофобия, это против нас, это антиимперское явление». Но какая-то часть националистов в разной степени солидаризируются с Майданом. В сети появился даже материал с символическим названием «Похвальное слово Майдану». Да, Вы правы, эти националисты имеют небольшое влияние. Но перемены в русском национализме все-таки происходят. Люди, еще вчера выходявшие с лозунгами: «Бей жинов!», сегодня от них отказываются. А мы об этом ничего не знаем, эти изменения не фиксируем. Может быть, в первый раз сегодня об этом говорим. Очень важно указать на тренд, который может быть более или менее поддержан, на изменение в сознании.

Мы живем в безвременье, но не в застывшей ситуации. Россия вступила в эпоху кризиса, огромных потрясений. Сегодня, к примеру, хозяин может достать из тумбочки 15 млрд и подарить кому угодно. Но завтра-то тумбочки не будет – она доживает последние дни, неоткуда будет достать. Юрий Сергеевич <Пивоваров> говорит, что мы живем в другой стране. Да, конечно. Следует учитывать и глобальные перемены, драматическое исчерпание всякого рода ресурсов. Россия включена в этот глобальный мир – причем в принципиально иной мере, чем прежде. Степень зависимости от него другая. Можно сильно не любить Запад, но деньги-то там. Премьер-министр Украины не хотел ни в какой Европейский союз, а как стало плохо, индивидуально в него вступил. Сын его из «Партии регионов», оказывается, там и жил. У всех, кто заинтересован в активизации антизападной риторики, деньги там. Это радикально меняет ситуацию.

? **В.П. Булдаков:** Конечно, Юрий Сергеевич <Пивоваров> прав: мы живем в другой стране. Но в том, что касается отношения к власти, меняемся очень медленно. Я согласен, нынешняя ситуация неопределенна. Но насколько она устойчива – вот вопрос? Несколько лет назад меня

«допрашивали» на НТВ о том, что такое революция. После записи ко мне подходит один из операторов, молодой парень, и спрашивает: а когда будет? Года полтора назад после большого перерыва я был в Киеве. Удивительно спокойный город, народ доброжелательный, по-русски говорят. Какие-то палатки на Майдане стояли. То, что произошло потом по пустяковому, вроде, поводу, удивительно. Отсюда и вопрос: можно ли как-то оценить, насколько устойчива нынешняя ситуация, прогнозировать, как она будет развиваться?

Л.Д. Гудков: Очень конкретный вопрос. Тут не поможет разговор о культуре: важно не только и не столько то, какой набор культурных представлений существует в головах (и в каких головах, в каких социальных группах). Главное, какие возможности предоставляют действующие институты. А они в очень большой степени стерилизуют накопленный потенциал разнообразия. Ведь культурные, идеологические ориентации населения заметно поменялись. Теперь никому не надо доказывать, что на Западе жизнь лучше, выше уровень социальной защиты, действует правовое государство. Когда мы задаем вопрос, в какой стране вы хотели бы жить: в большой, мощной, которую все боялись бы и уважали, или в маленькой и уютной, с высоким уровнем социальной защищенности и спокойной, то динамика совершенно предсказуема и понятна. Более 60% опрошенных предпочитают второй вариант. Многие понимают, что демократия – лучшее устройство для России. Вот только как ее построить при собственном неучастии и отвращении от политики?

Повторю, институциональные возможности стерилизуют культурные изменения. Когда мы начинали проект «Советский простой человек», Ю.А. Левада написал статью: «Уходящая натура»¹. Предполагалось, что тип советского человека сформирован институтами советской системы; если система рухнула, уйдет и этот тип. Придет новое поколение, не знающее условий советской жизни. А нам останется наблюдать, как все меняется. Нашему проекту уже двадцать пять лет, пришло другое поколение. И оказалось, что дело не в том, как меняются установки, а в том, что делают с этим более либеральным поколением институты. Этот эффект описан Гончаровым в «Обыкновенной истории»: среда стерилизует любые другие культурные возможности.

Нестабильность в стране растет. Провинция – консервативная, реакционная, просто заповедник социализма с сильными государственно-патерналистскими установками. Государство не выполняет своих обязательств, не обеспечивает жизнь, т.е. нарушает советские «нормативы», поэтому и недовольство там растет. Но в провинции нет сил, которые мог-

¹ Левада Ю.А. Уходящая натура?.. // Знамя. – М., 1992. – № 6. – С. 201–211.

ли бы это диффузное напряжение организовать. В крупных городах уровень удовлетворенности и спокойствия гораздо выше. Но там иные представления о качестве жизни и другие требования. Конечно, протестный потенциал стерилизуется электоральными средствами. В целом же баланс становится все менее устойчивым.

Подчеркну: там, где доминирует государственный патернализм, никакая идея нации невозможна. Назови такое сознание имперским или советским, но оно склонно только к ксенофобии, чему-то антисистемному, разрушительному. Повторю, напряжение растет, – и к 2018 г. мы можем получить другой баланс. Возможно, даже победит на выборах условный либерал. Но что он сможет сделать в такой ситуации? Не имея институциональной опоры, он будет слабым, и в момент трансформации его неизбежно постигнет неудача.

Мы имеем дело с костной, по существу не изменяемой структурой власти и тех институтов, на которые она опирается. Правоохранительная и судебная системы, образование и проч. воспроизводят советские образцы. На них строится и социализация следующего поколения (в идеологическом смысле). Массовая культура, потребительская культура, технологии, системы коммуникаций меняются чрезвычайно быстро. Технологическая грамотность населения растет. Подвижность в некоторых сегментах высока, но 54% населения живут там, где родились. Общество становится косным, когда нет ресурсов. Кроме того, нарастают цинизм и аморализм – в значительной степени вследствие воздействия институтов власти на мораль. Технология сохранения власти состоит сегодня в поддержке апатии и неучастия. Уже не нужны лояльность и чистая преданность – вполне достаточно держать всех в состоянии равнодушия.

Разложена и оппозиция (не будем ее в данном случае персонифицировать). Опросы элиты дают чудовищную картину самооценок. Я даже не стану говорить, как оценивают нашего национального лидера: это за гранью нормативной лексики. Поэтому дело вовсе не в изменениях общественных настроений, предпочтений. – Они есть. Вопрос в том, кто будет консолидировать общественные движения, с какой программой, с помощью доступа к каким каналам. Ведь если оппозиция не имеет доступа к средствам массовой информации, ее попросту не существует. Две трети населения проживают в малых и средних городах, а там нет другого авторитетного источника, кроме телевидения.

Наконец, последнее. Эмиль Абрамович <Паин> прав, волны антизападничества неустойчивы. Это всегда эхо пропаганды. Но другой картины реальности в обществе не появляется. Моральный протест, с которым вышла на улицу оппозиция, конечно, очень важен. Однако это впечатление быстро стирается, уходит. Ничто не задерживается в общественном сознании. Сейчас просто необходим хотя бы какой-то образ общества – неважно

даже либеральный, националистический. Но и он ничто без организации, которая могла бы консолидировать и воспроизводить соответствующие настроения.

Э.А. Паин: А я ведь забыл о своем главном, завершающем тезисе: «эпоха безвременья заканчивается». Конечно, никто не располагает аппаратом, способным точно прогнозировать. К примеру, никто не мог предсказать в 2010 г. «Манежку», выход массы людей в центр Москвы, к Кремлю. Сегодня даже идут разговоры, не организовал ли все КГБ. Мы и теперь не можем сказать, что будет. Ясно пока одно: состояние покоя заканчивается – наступает время взрывных изменений. Безвременье держится на пассивности, на массовой незаинтересованности в общих делах. А сейчас эта ситуация меняется: ощутимо растут тревожность, напряжение. При этом в обществе не заметно хотя бы какого-то организующего начала.

Ю.С. Пивоваров: Вот, Лев Дмитриевич <Гудков> говорил о косности власти. А мне она кажется весьма адаптивной, изменчивой. Такую власть, как сейчас, мы имеем впервые в русской истории. Прежние были ограничены: царская – сакральным происхождением, что зафиксировано даже в Конституции 1906 г., советская – идеологией, социалистической идеей, марксизмом-ленинизмом. Впервые мы получили власть чистую, беспримесную, которая что хочет, то и делает. Ее обслуга, желающая вернуть в Конституцию положение о государственной идеологии, не понимает, что творит. Это ведь попытка «сузить» эту власть, вернуть ей ограничитель.

Л.Д. Гудков: Я имел в виду косность системы, не допускающей возможностей контроля над собой общества. Вертикальное устройство власти предполагает, что все строится сверху вниз, вышестоящие подбирают исполнителей. При этом ощущается острейший дефицит средств легитимности. Отсюда обращение к традиционным скрепам, поиски любых символических средств. Власть беспринципна: ей все идет, все годится. В этом смысле она не очень устойчива, да и не очень в себе уверена. Держится в той мере, в какой может навязать народу свое представление о суверенитете, о допустимости собственного произвола. И из истории ведь отбирается то, что позволяет увязать коллективные ценности с насилием.

А.Б. Зубов (МГИМО): важные докладчики говорили о том, что апатия проходит. Мне кажется это верным; сегодняшнее собрание – тому доказательство. В связи с этим вот что еще следует отметить. Все

чувствуют, что рядом с нами, в западной диспозиции от Москвы, начинают происходить очень важные события. Наше безвременье особенно очевидно при сопоставлении с началом времени в Киеве. Поэтому у меня такой вопрос к докладчикам: как вам кажется, если сравнить события в Украине 2004 г. с 2013–2014 гг., фиксируются ли изменения в характере национализма?

Э.А. Панин: Элементы гражданского национализма там были и в 2004 г. Напомню: одним из знамен той революции был грузин Гангадзе. А сегодня первые жертвы – армянин, белорус, еврей (при всех разговорах, что на Майдане орудут антисемиты.) Что изменилось? Осознали, что нельзя допустить повторения 2004 г., что ошибочны тогдашние надежды: придут добрые, умные люди и все улучшат – при старой конструкции власти. Сегодня все больше требований изменить эту конструкцию. Там поняли: личность вторична – первично устройство власти. Россия это осознает позже.

Но и у нас скорость перемен фантастическая. В обществе сегодня идет обсуждение вопросов, которые еще несколько месяцев назад были малодоступны (об антиимперском фронте, гражданском этническом национализме, перемене Конституции). Лев Дмитриевич <Гудков> говорил о костности низового слоя, о тяжелом многопроблемье. Я с ним абсолютно согласен. Но все-таки у нас сейчас очень образованное население, быстро осваивающее Интернет (больше 51% – в сети). К примеру, наш национализм, по большей части, явление виртуальное – все происходит в сети. На Украине с 2004 г., конечно, произошли большие идейные перемены, изменилось видение будущего. Сейчас образ будущего совершенно ясен. Понятно, чего там хотят. Но и здесь ситуация не безнадежна.

! **А.Б. Зубов (МГИМО):** Я просто хотел подчеркнуть: там, как мне кажется, произошел явный переход от украинского к Украине. Они не за украинство – скажем, против русского. Они – за Украину.

Ю.С. Пивоваров: Конечно, 50% населения в Интернете – хорошо. У нас и в советские времена была самая образованная страна в мире. Более образованная, чем США, но почему-то самое большое количество лауреатов Нобелевской премии – там. Вот ведь загадка.

! **В.Л. Шейнис (ИМЭМО РАН):** Несколько подправлю Эмиля Абрамовича <Паина>. На Украине произошел разрыв: именно результатом 2004 г. были такие изменения в Конституции, которых они и теперь добиваются. Тогда ведь Конституцию изменили, но потом эти изменения «сдали». То есть предлагаются типологически сходные институциональные

шаги. Что касается нынешней Украины, то она расколота: Донбасс, который за Януковича, за нынешнюю власть, – это примерно половина страны. То, что в национальном течении возобладали малосимпатичные формы, затрудняет достижение мира. Перспективы в связи с этим представляются крайне неопределенными и даже опасными.

Э.А. Паин: Я говорил лишь о некоторых тенденциях. Прежде всего о намерении вернуться к Конституции, которую потеряли в 2004 г. Потом: заблуждение, что на Майдане доминируют крайние формы национализма. Все намного сложнее: помимо О. Тягнибока¹ там есть и другие силы. Все пока непонятно.

Л.Д. Гудков: Главное ведь – не то, какие идеологические течения представлены на Майдане и смогут ли они взаимодействовать, создав консолидированный таран для разрушения нынешней системы. Вопрос в том, есть ли возможность обсуждения, выработки каких-то компромиссов, создания чего-то вроде устойчивого предпарламентского состояния. Для меня в этом смысле моделью являются наши 1990-е годы. Тогда российская демократия держалась на слабости центра и противоречивых интересах региональных «баронов». Ни один из них (как тот же М.Ш. Шаймиев²) не был демократом. Но сама ситуация пространственно-разнообразия подводила их к необходимости взаимодействовать, договариваться. На этом и держалась наша неустойчивая демократия. Ликвидация этой модели начиналась с упразднения медиаолигархов, установления цензуры в связи с военными действиями на Кавказе. Под этим предлогом провели потом и административную реформу, изменили модель функционирования региональных властей. И все. Не так важна была идеология, как институциональная практика. Большой вопрос, сумеют ли договориться на Украине. Потому что легитимность Януковича несомненна: он выиграл выборы без фальсификации. Единственный путь – предложить новое понимание, новый вариант легитимности.

И.И. Глебова: Я предлагаю украинский вопрос обсудить на отдельном семинаре. Что же касается нашей сегодняшней темы, то мне кажется: специфика нынешнего безвременья в том, что это форма, в которой разлагается советское. В начале нашего семинара Ю.С. Пивоваров сказал: нынешнее время – очередной этап жизни советского общества. Я бы уточнила: это время его разложения. Очевидно, что есть субъект безвременья,

¹ О.Я. Тягнибок – председатель партии Всеукраинского объединения «Свобода» и ее фракции в Верховной раде Украины в 2012–2014 гг.

² М.Ш. Шаймиев – первый президент республики Татарстан (1991–2010).

т.е. «класс», которому выгодно консервация ситуации безвременья/разложения. Но не видно субъекта конца безвременья, т.е. «класса», в интересы которого входила бы ликвидация безвременья. Нет класса, нацеленного на развитие: все так или иначе вписаны в ситуацию безвременья. Но тогда всем нам грозит плохой конец.

! **Э.А. Паин:** Какой Бог даст – никто ведь счастливого конца не обещал.

И.И. Глебова: Да. Но все-таки вопрос о перспективах открыт. И выбор понятен: застой/деградация или оживление потенциалов развития. Понятно также, что будущее надо заслужить – необходимо создавать его сейчас. Сегодня были сказаны важные слова: Украина выбрала свой путь, остановившись на определенном образе будущего. А наше безвременье во многом связано с отсутствием внятной перспективы.

Но зачем будущее в ситуации разложения? В ней естественны «проигрывания» прошлого («игры» с историей – с разными эпохами, различными интерпретациями), разные виды ностальгии. Это уводит от настоящего и в то же время позволяет моделировать его по старым лекалам. Так преодолевается время – как движение, развитие; так «организуется» (конструируется) безвременье как тип социального существования.

Пожалуй, уникальность 2000–2010-х – в том, что они исчерпываются этой характеристикой: бесперспективность. Все-таки раньше будущее (в социальном смысле) было: в дореволюционной России (вплоть до краха) – капиталистическое, европейское, в советской – социалистическое, в постсоветской России (1990-х) – демократическое, общее со всем цивилизованным миром. Из образов будущего рождались образцы идеального (желаемого) мироустройства. В этом смысле исторически близкие к нам общества были обществами развивающимися. Сейчас потенциалы «застоя» (того «бесконечно тупикового», чего в избытке в российском социальном естестве) подавили потенциалы развития. Все проживается – не накапливается, не вкладывается в будущее. С этой точки зрения ситуация безнадежная.

Я согласна с докладчиками: без проработки перспектив, без четких концепций развития «безвременье» не закончится. Разложение продолжится, а в таком состоянии никакое внутреннее обустройство невозможно. Беспокойство и агрессия станут разряжаться во внешних акциях, в поиске врагов внутри. И национализм здесь – не выход. Из ситуации разложения/спада выйдет только агрессивно-реваншистский национализм. Его победа приведет к окончательной ликвидации потенциалов развития.

Наш семинар завершен, коллеги. Спасибо.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Г. ШУЛЬПЯКОВ

ПАМЯТИ ДЕВЯНОСТЫХ: КОГДА КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЛ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЗАСЛУЖИВАЛ¹

Недавно мой знакомый, двадцать лет назад переехавший жить в Германию, признался, что не чувствует того времени. Такое у него ощущение, что, уехав, он пропустил главное. Что же там было, спросил он? Не мог бы ты объяснить мне – по духу, по смыслу (мой друг был философ). И вот как я мог бы ему ответить. Я бы сказал, что это было лучшее время в истории новой России. Звучит нелепо, смешно – что такое «лучшее»? Тем более на взгляд сорокалетнего человека? Однако это именно так, ведь людям моего поколения было с чем сравнивать. Я хорошо помню поздний совок, его «атмосферу» – я был подросток. Передо мной совок нынешний, т.е. завершение цикла. И я размышляю над этим.

Из истории и опыта я вижу, что всегда, как только в России ослаблялся государственной гнет, происходил бешеный выплеск энергии. Творческой, политической, экономической. Страна, которую держали в черном теле, делала рывок. Такой рывок был в 20-х годах – между эпохами империй, разрушенной российской и нарождавшейся советской. Короткий промежуток, всего десять лет – но какой всплеск, какой результат. Если считать искусство индикатором (а для меня это так) – авангард в России за это время осуществился вровень, а иногда опережая остальной мир. Мы были органически, по духу (а не из-под палки) – первыми. Зайди в любой книжный в столицах мира. На обложке альбома по архитектуре XX века часто изображен наш «Дом Мельникова». Что говорить о литературе, чей всплеск накануне соцреализма был таким же ярким, особенно в жанре антиутопий, ведь все они на глазах сбывались.

То же самое по мощности выплеска было в конце 80-х – начале 90-х (для меня «90-е» есть именно этот рубежный отрезок). Первичная память «показывает» бандитизм, это так – это страшное время. Но это не значит, что – только. Дальше нужно просто перечислять. Кино, которое в те годы было снято с полком. Фильмы Сокурова, Кайдановского, Овчарова, Лунги-

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2014. – 20 авг. – С. 21. Глеб Шульпяков – поэт, прозаик.

на, Тепцова, Балабанова, Огородникова, снятые на рубеже и определившие 90-е. Музыка – рок и фри-джаз, наш и зарубежный, я не вылезал из концертных залов. Поэзия и книгоиздание, вал новых и запрещенных имен. Новые газеты и телеканалы, реальная журналистика. Философия. Театр. Современное искусство. Открытие границ и весь мир, который встречал нас улыбками, а не проклятием.

Это был ренессанс, видимый все ярче на фоне современной серости. Возможно, он и не дал миру ничего соразмерного 20-м. Но у этого искусства было, как я теперь понимаю, другое назначение. Самим составом этого искусства была свобода. И люди, особенно моего поколения, для которого эта свобода совпала с юностью, ее урок навсегда усвоили. Тебе скажут, что 90-е годы были унижительным временем. Это так, но только с точки зрения бытовой, социальной. Поскольку сутью этого времени был не быт, а Бытие. Свободы человека перед замыслом Создателя. Это жестокая свобода, поскольку каждый получал только то, что заслуживал. Никакого другого давления – со стороны семьи, школы, религии и государства – ведь не было, и помощи тоже. И человек просто становился тем, кем ему было предназначено. Получал судьбу, жребий – в чистом, «античном» виде.

Моя семья, как и миллионы других, оказалась совершенно беззащитной перед этим временем. Однако мне никогда не приходило в голову обвинять его. Потому что можно было лежать на печке и ждать смерти. Или чудесного избавления. А можно было что-то делать. Буквально как в притче о молоке и лягушке. Это и есть свобода, и не ее вина, что большинство моих соотечественников так и не смогли ею воспользоваться. Взбивать масло. Я был дворником и сторожем, мыл полы и убирал посуду, выгуливал чужих собак и выгробал чужой мусор. Торговал в переходах и чистил картошку. Но я никогда не относился к этому как к личной трагедии. Как к неудаче. Как к чему-то унижительному. Из ситуации требовался выход, и если этот выход заключался в мытье полов – я мыл полы. И вот неожиданно то, что не было запрограммировано, что казалось случайным, – и стало дорогой к самому себе. При том бесчеловечном государственном гнете, который веками царит здесь, при том тотальном подавлении свободы личности – мало кто может получить такой шанс, стать собой. Чаще всего мы играем чужие, навязанные роли. Проживаем не свои жизни. А 90-е годы такой шанс давали каждому.

Как сохранить эту внутреннюю свободу сегодня? В условиях нынешней жизни, когда быть собой кажется невозможным? Когда ты в абсолютном меньшинстве, вакууме? Когда большинство требует, чтобы ты изменил себе, примкнул к ним – или убирался? Только одним способом – не изменять тому, в пользу чего ты сделал когда-то выбор. Быть верным себе, а не народу/государству/религии. Искать поддержку в русской Истории, которая ведь не зря учит, что абсолютное большинство и правда часто бывают по разные стороны.

А. ЦИПКО

И СНОВА ЖАЖДА ЛЖИ¹

Страстью советской интеллигенции была жажда правды. На самом деле за горбачевской перестройкой ничего не стояло, кроме усталости от советской пропаганды, от примитива марксистско-ленинской государственной идеологии – этой бесконечной тяготины рассуждений о «загнивании капитализма» и «преимуществах развитого социализма». И поэтому призыв Солженицына «жить не по лжи» многие из нас воспринимали как освобождение от догм государственной идеологии, как доступ к правде о советской истории, которая на протяжении многих десятилетий находилась под запретом. Но ни мы, жаждущая правды-истины советская интеллигенция, ни наш духовный лидер Александр Солженицын не понимали, что основной источник нашей советской тотальной лжи все же не власть, которая, как нам казалось, не дает нам свободно дышать, а наши собственные русские души. Мы не понимали, что советская система с ее государственным насилием над правдой не просуществовала бы 70 лет, если бы не наш глубинный русский страх перед правдой, если бы не наша привычка жить во лжи, радоваться лжи, создавать различного рода красивые мифы. Мы не понимали, не знали в силу нашей советской образованщины, что на самом деле русскому человеку легче умереть с красивой ложью в душе, чем найти в себе мужество и впустить в нее правду о себе и своей стране. Обратите внимание. Никогда не была так крепка всенародная любовь к Сталину, как в наши дни, когда сакрализация вождя и его дел идет снизу, от души, по велению сердца прежде всего новой, молодой России.

Так вот, особенность нашей новой русской эпохи, которая началась уже несколько лет назад и которая заявила о себе в полный голос именно во время зарождения новой, майдановской, Украины, состоит в том, что жажда красивой лжи снова полностью и окончательно вытеснила перестроечную, интеллигентскую жажду правды. И совсем не случайно мы, остатки перестроечной интеллигенции, чувствуем себя очень неуютно в новой России. Сегодня страх перед правдой у многих идет прежде всего от

¹ Печатается по: Независимая газета. – М., 2014. – 20 мая. – С. 10. Александр Ципко – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

нежелания, неспособности увидеть все неизбежные негативные последствия присоединения Крыма к России. Мы никак не можем увидеть то, чему нас учили бабушки в детстве, увидеть то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И именно по этой причине наш новый русский обыватель готов согласиться с любой «клиникой», которую ему внушают осатаневшие от проснувшегося наконец патриотизма обозреватели ТВ. Он, новый русский человек, просто жаждет этой мобилизационной лжи, которая спасает его от неприятной для него правды – и о подлинных причинах майдана, и о негативных для нас последствиях нынешнего кризиса в Украине. Мало кто сегодня в России хочет слышать о том, что на самом деле консолидация новой украинской нации происходит в основном на антирусской основе, на чувстве национальной обиды, вызванной утратой Крыма. Даже противники майдана в Одессе говорили мне: «У нас забрали наш украинский Крым». По этой причине из-за страха перед правдой о том, что происходит на самом деле в современной Украине, наш российский зритель готов согласиться с тем, что целых 30 млн граждан Украины, мечтающих о сохранении унитарной независимой Украины и признавших, в конце концов, легитимность новой украинской власти, сплошь и рядом «бандеровцы». В нашем сознании восставшему Славянску, где живет всего лишь несколько десятков тысяч человек, противопоставлена огромная, многомиллионная, сплошь бандеровская Украина.

Еще один характерный пример нашей нынешней жадности лжи обо всем, что происходит на Украине. Подавляющая часть зрительской аудитории нашего ТВ знает, что действительно восставшие против новой украинской власти Донбасс и Луганск – это не только не весь юго-восток Украины, а всего лишь часть востока Украины. Как известно, и подавляющая часть населения Харьковской, Запорожской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской и даже Одесской областей поддерживают власть, поддерживают идею сохранения унитарной Украины. Многие на юго-востоке хотят только особого статуса для русского языка и экономической и политической децентрализации. Но ложный, расширенный образ восставшей Украины нам нужен, ибо нам очень хочется, чтобы она окончательно распалась. Поражает, что не только аудитория нашего государственного телевидения, но даже разработчики российской политики в отношении Украины не знают, что Новороссия создавалась благодаря переселению, прежде всего этнических украинцев, на новые, отвоеванные у Турции территории. Не знают, что в отличие от, к примеру, Донбасской области в той же Одесской этнические украинцы составляют большинство. К слову, разработчики идеи федерализации Украины не учли и тот факт, что подавляющая часть современной украинской интеллигенции не хочет распада страны, не хочет воссоединения с Россией, ибо боится снова оказаться в роли провинциальной, второсортной российской элиты.

Но есть еще и внутренние причины, возрождающие у нас желание снова жить во лжи. Запад, на что рассчитывал наш народ в начале 90-х, нам не помог, и мы в отличие от бывших социалистических Польши и Чехословакии так и не сумели решить задачи посткоммунистической модернизации. Отставание от Запада в области высоких технологий не уменьшается, а увеличивается, надежд на дальнейшее увеличение благосостояния людей уже нет, и потому, чтобы успокоить свою душу, мы снова настаиваем на своей цивилизационной исключительности, на том, что западные представления о прогрессе, о благосостоянии для нас не указ. Русская душа просто устала от правды о реальной русской жизни и о наших перспективах и потому снова укутывает себя в мягкое и пушистое одеяло мифа об особой, великой русской цивилизации. Всенародный патриотический подъем от новой русской победы позволил русскому человеку, правда на время, забыть о таких неприятных вещах, как наша высокая по европейским меркам преступность, как убивающие русский народ алкоголизм и наркомания, как продолжающаяся уже два десятилетия война на Северном Кавказе, как наше удручающее социальное неравенство.

Все с нами просто. На место немцев-«фашистов» в современное русское сознание вошли украинцы-«бандеровцы», противники нашего русского мифа о федеративной Украине, и теперь нам уже не только не жалко украинской крови, а, напротив, во имя сохранения нынешних российских представлений об украинской власти как преступной хунте многим у нас очень хочется, чтобы они убили как можно больше людей. Дай бог, чтобы я ошибался.

И это еще один пример, подтверждающий, что за страхом перед неприятной для многих из нас правдой о подлинных причинах майдана стоит еще и моральная неразвитость. Многие из современных русских, при всех разговорах о братстве русских и украинцев, не воспринимают украинцев как равных себе в политическом отношении, не способны хотя бы на секунду поставить себя на их место, признать за ними право самим решать свою судьбу. Мне вообще в последнее время кажется, что нам, остаткам хрущевской «шестидесятнической» молодежи, с нашим неизвестно откуда появившимся гуманизмом, вообще не место в новой России. Правда, наверное, состоит в том, что майдан 2013 г. сформировал не только новую украинскую нацию, но и новую русскую нацию, где появившийся наконец патриотизм сочетается с непомерным, кстати, нехарактерным для русских национальным эгоизмом. Раньше советский человек был убежден, что позволено все, что служит победе коммунизма. А теперь многие, и прежде всего молодые, считают, что позволено все, что служит интересам российской государственности. Я обратил внимание, что почти все те, кто говорил мне о необходимости вводить войска в Донецк и Луганск, являются неосталинистами. И это говорит о многом.

Этот новый национальный эгоизм как бы ослепляет людей. Они не могут увидеть очевидного, не могут увидеть, что после того, как Россия присоединила к себе Крым, украинцы чувствуют себя обиженными. Многие из нас не могут увидеть, что для Запада, который пережил две мировые войны, произошедшее – пересмотр границ, присоединение Россией территории другого государства – воспринимается как откровенный вызов. Честно говоря, только не вполне адекватный человек мог ожидать восторга Запада по поводу присоединения Россией к себе де-юре уже 60 лет украинского Крыма¹. То, что для нас объективно является восстановлением исторической справедливости, для Запада является отказом от закона, от принятых когда-то Россией договоренностей. И слава богу, что эта западная реакция на произошедшее носит для нас все-таки шадящий характер, что у нас существует геополитическая альтернатива. Хотя есть что-то наивное и столь же детское в наших надеждах, что на этот раз нам Китай поможет. И это еще один пример того, что мы живем не столько разумом, сколько мифами и иллюзиями.

Трагедия, на мой взгляд, состоит в том, что этот рожденный всплеском нового ура-патриотизма абсурд – всерьез и надолго. Русская душа, как выясняется, устала просто так жить, работать, строить, воспитывать детей, совершенствовать себя морально и духовно. Прошло всего 20 с небольшим лет после распада СССР и революции 1991 г., и русской душе снова стало скучно, она снова жаждет бури и рвется в последний решающий бой с «американским гегемонизмом». Но на самом деле это бой с самим собой, с надеждами сохранить Россию в современном мире. К сожалению, сегодня это мало кто видит, мало кто понимает. Обратите внимание. На наших глазах всего за несколько месяцев визгливый и агрессивный либерализм, жаждущий нового русского бунта, сменился столь же визгливым и агрессивным патриотизмом, который жаждет войны, конфликтов. И, честно говоря, я уже не знаю, что опасней для современной России: либеральное стремление к новой русской революции или патриотическая жажда геополитических потрясений.

На мой взгляд, для будущего России представляет угрозу и тот факт, что даже у той части интеллигенции, которая питала и питает отвращение к «навальщине», новая идеологическая ситуация с ее откровенным примитивизмом мышления вызывает уныние. Опасно потому, что эта часть интеллигенции снова уходит в себя и не готова к активному сотрудничеству с властью во имя России. Вообще стабильность, которая поддерживается многочисленными запретами на правду, держится благодаря игнорированию позиций тех, кто мыслит иначе, чем нынешнее взвинченное и озлоб-

¹ По Конституции УССР, принятой 20 апреля 1978 г., Крымская область была признана частью Украины, а Севастополь (наряду с Киевом) – городом республиканского подчинения.

ленное патриотическое большинство, является очень хрупкой. Пугает, что в последние месяцы инициатива законотворческой деятельности оказалась в руках не очень мудрых, не очень образованных, не очень погруженных умом и душой в русскую историю политиков. Неужели не понятно, что попытки на законодательном уровне определить, какой русский патриотизм является подлинным, а какой неподлинным, отдадут «клиникой»? Говорю об этом как человек, отдавший много лет своей жизни изучению русского патриотизма. Не меньшей бессмыслицей являются попытки превратить государственную идеологию в какой-то вариант славянофильского антизападничества.

Николай Бердяев якобы стал популярным в России, но на самом деле его никто не знает и не читает. Он, Николай Бердяев, не только одним из первых обнаружил то, о чем я говорил выше, что запрос на ложь в России идет прежде всего снизу, но и то, что самым унижительным и опасным для России является ложь о нашем якобы исходном моральном превосходстве над Западом. Да, именно Бердяев еще в 1918 году, наблюдая за энтузиазмом, рожденным нашей большевистской революцией, сказал, что все наши беды от тех, кто «утверждал, что русский народ выше европейской цивилизации, что закон цивилизации для нас не указ, что европейская цивилизация слишком «буржуазна» для русских, что русские призваны осуществить Царство Божие на Земле, царство высшей правды и справедливости». Все эти опасные патриотические мифы порождены, как настаивал Бердяев, нашим русским страхом перед правдой о себе, порождены «малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда». И теперь, спустя сто лет, мы опять возвращаемся к идеологии и мифам, которые, как считал Бердяев, всегда препятствовали нашему цивилизационному, моральному и духовному развитию. Правда, сегодня наши «мыслящие» политики уже не могут придумать новых мифов, а потому просто находят способы поставить всяческие препятствия на пути поиска истины и правды.

Я, честно говоря, поражаюсь мужеству Путина, который в конце концов поддержал инициативу бывшего прокурора Ирины Яровой и подписал так называемый закон об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Ведь, не дай бог, власть в стране окажется в руках Ирины Яровой, и она его, Путина, засудит за то, что он, согласно ее святому и патриотическому мнению, «распространяет заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Все зависит от того, как она, Яровая, будет трактовать заявления Путина о репрессиях НКВД против крымских татар именно во время войны, в мае 1944 г. Ведь Путин всего несколько дней назад на встрече с лидерами крымских татар сказал то же самое, что говорил о преступлениях против человечности, совершенных нашим НКВД в годы войны, Леонид Гозман, чем и вызвал гнев

нашей новой патриотической общественности. Цитирую дословно Путина: «Войсками НКВД была проведена бесчеловечная акция – выселен целый народ из Крыма».

И я думаю, что если мы хоть немного заботимся о нашей главной безопасности, о нашей интеллектуальной безопасности, о сохранении нашей способности думать, то пора кончать с этим слепым ура-патриотизмом, который может довести нас до беды. Повторяю, что запрет на правду, идущий сегодня снизу, для духовного здоровья нации куда более опасен, чем ложь, навязываемая обществу властью, как в советское время. Раньше была надежда, что умрет система, посадившая правду в тюрьму, и русская мысль снова окажется на свободе. А что будет с нами, если нынешний запрет на ложь, идущий снизу, будет всерьез и надолго? Не следует забывать, что СССР со всеми своими танками, со всеми своими ракетами, со всем своим геополитическим могуществом погиб не только потому, что он никогда не умел прокормить свой народ, но и потому, что в критические минуты истории у него оказался серьезный дефицит на мозги. Вообще я бы советовал нынешним политикам, министрам перед тем, как они выступают перед народом, хоть немного подумать. Как-то не к лицу успешному и очень довольному жизнью Дмитрию Рогозину призывать наш измученный и советским дефицитом, и демократическим неравенством русский народ снова затянуть пояса во имя его бредовых в нынешней ситуации планов. Не зовите русских людей на Марс, дайте им, в конце концов, хоть раз в истории возможность нормально прожить на своей земле свою собственную жизнь. Я не знаю, честно говоря, с чего начинать оздоровление нынешней интеллектуальной ситуации. Но убежден, что если деградация нашей политической, общественной и, самое главное, народной мысли будет продолжаться, то мы долго не просуществуем. На этот раз долго жить во лжи нам не удастся.

УКРАИНСКИЙ РАЗРЕЗ РОССИЙСКОГО БУДУЩЕГО¹

– Татьяна Евгеньевна, почему мы, россияне, так агрессивно и в общем-то нетерпимо воспринимаем происходящее в стране, которая до недавнего времени воспринималась нами если не братской, то вполне дружественной?

– Чтобы оценивать состояние общественного мнения сегодня, нужно, наверное, понимать и какие факторы его стимулируют. Достаточно много уже опубликовано данных социологических опросов, которые показывают, что граждане в принципе приняли ту повестку, которую им предложила власть. А именно: люди в большинстве своем поддержали и соответственно поддерживают ту политику, которую ведет российская власть на востоке Украины. Насколько велико это большинство, я сказать затрудняюсь. При всем уважении к институтам, которые их, эти замеры, проводят, представляется, что в данной ситуации они несколько искажают картину. Во-первых, потому что происходит замер воздействия телевизионной пропаганды. Во-вторых, людям очень сложно сегодня отстаивать иную точку зрения, отличную от той, что им навязывается в качестве безальтернативной и общепринятой. Ведь когда со всех сторон раздается, что только отщепенцы, враги и предатели иначе видят происходящее в Украине, что таких инакомыслящих статистически мало, – это состояние патриотической истерии, все более усиливающейся, искажает представление о реальном общественном мнении.

Должна сразу сказать, что я решительно против того, как часто пишут, что российский народ в принципе весь такой – недружелюбный, агрессивный по отношению к другим. На мой взгляд, это явление ситуативное, конъюнктурное, хотя и очень тяжелое. Первый и главный пласт здесь – это глубинное уязвленное имперское сознание, до сих пор еще не преодоленный комплекс обиды, связанный для людей с распадом СССР – большой и сильной страны, в принадлежности к которой многие из ныне живущих видели свою личную состоятельность. Что да, может быть, в жизни

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2014. – 20 мая. – С. 9, 11. Интервью политолога Татьяны Ворожейкиной ответственному редактору «НГ-политика» Розе Цветковой.

у них все было не так уж и хорошо, но они принадлежали к большой и сильной стране. А с 1991 г. это чувство утраты не только исчезло, а обратилось в свою противоположность, со всей очевидностью можно утверждать: многим из наших сограждан присуще чувство, называемое в социологии ресентиментом. Это обида, смешанная с завистью.

— Но кому же нам завидовать? Наоборот, по крайней мере нам это пытаются внушить с высоких трибун, что всему миру есть чему позавидовать в России. И потом, не мы ли все так ратовали за независимость страны, за ее собственного президента, за ее самостоятельность, что наконец-то мы перестанем кормить и тянуть всех остальных?

— Давайте вспомним итоги мартовского референдума 1991 г. Люди не голосовали за независимость России, это был референдум за сохранение Союза. Это потом, позже было голосование в Государственной Думе за независимость России, за это голосовали парламентарии.

Но дело даже не в этом. Понимаете, референдум – это результат такой же пропаганды. Не было осмысления, перерабатывания обществом, его интеллектуалами того, что произошло. Понимания того, что единственно сохранившаяся в XX в. империя, именуемая СССР, – это уже изжившее себя образование. Вот этой работы после развала СССР не было сделано, а присутствовало, особенно в начале 90-х годов, некое самобичевание. Из позиции «мы лучше всех» общественное мнение достаточно быстро перешло в позицию «мы хуже всех». Мы столкнулись с эффектом маятника – когда он отклоняется в крайнюю позицию, то его движение в противоположную сторону неотвратимо. С эффектом замедленного движения в обратную сторону мы имеем дело до сих пор. Оказалось, что двадцати с лишним лет для преодоления вот этого комплекса неполноценности слишком мало. Здесь можно еще добавить: в России не было того, что было в послевоенной Германии, очень важной вещи – опыта поражения и его осмысления, переживания.

В Германии процесс реального изменения общественного мнения и даже изменения, я бы так сказала, особенностей национального характера происходил довольно долго, это был длительный и трудный процесс.

Если посмотреть опросы общественного мнения, в особенности в 50–60-е годы, то к Гитлеру, к Третьему рейху достаточное количество людей в послевоенной Германии продолжали относиться позитивно, сопротивляясь, таким образом, комплексу национального унижения. И только уже в 80-е годы, после колоссальной работы на государственном уровне, после изменения преподавания истории в школах, высших учебных заведениях, на других площадках выросли новые поколения, которые пережили, осознали и, что очень важно, обратили себе на пользу опыт поражения. К сожалению, в России не было такого опыта. Наоборот, народную победу, достигнутую колоссальной ценой, когда в топку войны бросались и

бросались миллионы людей, государство обратило в свою пользу, транслируя обществу эту выигранную войну как победу государства и власти. То есть опыта поражения, к сожалению, мы не пережили.

– Представляете, как среагируют на ваши эти слова патриоты, это же станет прямо красной тряпкой для многих, такие вот сожаления о непроигранном!

– Ну что я могу сказать? Я действительно так считаю: что Германии именно в этом смысле повезло! Опыт поражения для империи – весьма позитивная вещь. Мы же не пережили ни одного опыта поражения в тех локальных войнах, которые Россия вела на развалинах империи. Ни в Чечне, ни в Грузии, ни где-то еще, поэтому мы топчемся на том же самом месте со своими фантомными болями о том, что утрачено. Однажды во время выступления уже тогда бывшего премьер-министра Великобритании Джона Мейджора я спросила его, на примере его же страны, о том, когда люди перестают ностальгировать по разваленной империи, когда исчезают эти самые фантомные боли? Он ответил не колеблясь: все это будет присутствовать до тех пор, пока будет жив последний человек, который при империи жил. А ведь речь шла о Великобритании – демократической, как мы знаем, стране. Понятно, что это длительное, не желающее исчезать чувство пусть и былого, но имперского величия у нас осложняется дополнительными обстоятельствами. Оно постоянно подпитывается на самом верху и в конечном итоге приводит к формированию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей у условного врага. Иначе говоря, обиженный создает образ врага, чтобы избавиться от чувства неполноценности и вины за собственные неудачи. Общественный ресентимент и власть, поощряющая это и опускающая планку дозволенности, – это довольно исследованная тема, об этом много написано. А если к этому добавить еще и пропаганду, которая просто изливается сейчас из телевизора, получается, что мы имеем дело с сознательной установкой на оправдание любых действий власти.

И, конечно, лежит на поверхности понимание того, что ситуация в стране будет ухудшаться. Она ухудшалась бы независимо от той политики, которую Россия ведет в Украине, прежде всего потому, что экономика явно входит в фазу стагнации. Это было очевидно уже и в прошлом году: потеря темпов роста, соответственно сокращение доходов бюджета, отсюда рост цен и прочие проблемы, связанные с тем типом государства, коррумпированного, фактически являющегося не суммой публичных институтов, а совокупностью неких частных интересов. Прежде всего интересов той группы, которую лично Путин возглавляет. В этой ситуации не может быть процветающей экономики, как не может быть соответственно и стабильного роста благосостояния общества. Рано или поздно власть наткнется на те экономические и социальные проблемы, разрешить которые

такой тип государства не в состоянии. В случае с Украиной это, конечно, совершенно классическое пропагандистское отвлечение внимания от внутренних проблем. Это расчет на то, что любые трудности можно будет списать на врага и санкции.

Хотя, что касается нынешней пропаганды и ее эффективности, стоит обратить внимание на ее отличие от советской. Ведь советская пропаганда, я как человек, тогда живший, свидетельствую, была лжива, но было очень трудно и опасно узнавать иную точку зрения. Люди верили в то, что транслировала власть, потому что почти не было возможностей узнать о другом, отличном. Нужно было или слушать вражеские голоса, или читать самиздат, а значит постоянно предпринимать некие усилия, небезопасные к тому же. Сейчас знать о разных мнениях, позициях, реакциях на любую ситуацию вовсе не трудно, все это есть в Интернете. Но мы сталкиваемся с тем, что люди в большинстве своем этого не делают, им не хочется интересоваться отличным от властного мнением. И не только простые люди этого не хотят, хотя, конечно, нет простых людей, будем говорить о массовых представлениях. Но интересно понять и позицию интеллектуалов: почему мыслящие люди – Башмет, Лунгин, Спиваков и другие, целый ряд выдающихся людей, список которых можно на сайте Министерства культуры прочесть, – почему они соглашаются на сообщничество с властью? Почему они говорят и подписывают тексты, смысл которых сводится к одной фразе: «Я поддерживаю Путина»?

– Вероятно, все сводится к достаточно прагматическим вещам? Оркестры, театры, статусы, должности? И страх, что всего можно лишиться, если выглядеть слишком строптивым или несогласным.

– Чувство страха присуще каждому из нас, но вряд ли именно им объясняются поступки людей, которые выступают на Западе, ведут там фестивали своего имени. У которых уже есть имя и с которыми в принципе ничего не сделают, даже если бы захотели. Я могу назвать целый ряд других имен людей, которые не подписали эти вещи и продолжают возглавлять оркестры, работать. То есть с ними ничего страшного не происходит. Этот самоиндуцированный страх, связанный с особым положением, повторю, он странен в людях, которые имеют мировое имя.

В свое время, когда я прочла мюнхенскую речь Юрия Башмета, в которой он сказал, что до прихода Путина они были значимы только сами по себе, они перестали принадлежать в 90-е годы к великой стране, а вот пришел Путин и снова они стали чувствовать принадлежность к великой стране – меня это поразило. Великий музыкант, он не ценил свою индивидуальную позицию, а видел себя, получается, только в позиции принадлежности к государству, которое может силой диктовать миру свою волю.

– Но ведь точно так же и американец, например, ощущает себя принадлежащим к своей стране и гордится тем, что он американец.

– Да. Но в отличие от наших деятелей культуры, я никогда не видела и не слышала высказываний крупных деятелей американской культуры, литературы и т.д. в поддержку, скажем, военных акций США. Напротив, я знаю о множестве выступлений американских звезд против таких акций. Люди там чувствуют себя гораздо независимее, им вовсе не нужно быть прислоненными к власти для того, чтобы ощущать уверенность в завтрашнем дне.

К тому же, если вернуться к нашим интеллектуалам, выступая в обществе с властью, они, как и сама власть, тоже не хотят брать на себя ответственность за последствия, и это очень важный фактор того, как работает пропагандистская машина. Почему состоявшиеся люди, часто с мировыми именами, соглашаются на такие отношения с властью – это, наверное, невозможно объяснить однозначно. Во всяком случае, мне не кажется, что дело только в цене за театры и оркестры. Великие музыканты, режиссеры – не все, но кто-то – испытывают, видимо, какое-то особое удовольствие от того, что они приобщены к власти. Это – с одной стороны. Но, с другой стороны, этому способствует, как мне кажется, довольно циничная позиция. Ведь в чем, на мой взгляд, главная опасность нынешней ситуации? Все стало дозволенным. Стало можно – и власть в этом лидирует – открыто врать, стало можно говорить вещи, которые раньше говорить нельзя было, я имею в виду националистические, антисемитские, расистские высказывания, которыми полон Интернет в отношении Обамы, других так называемых врагов российских.

Все это в совокупности дает некое ощущение вседозволенности, но подобные игры и имитации врага, патриотизма, заботы о будущем все больше входят в противоречие с реальным потребительским поведением людей, с их конкретными экономическими интересами, образом жизни.

Мы услышали, например, какие суммы были сняты с личных счетов только за март – около 7 миллиардов долларов. Население массово переводит свои накопления в доллары. Получается, что люди, которые просто захлебываются в патриотическом экстазе, сбережения предпочитают хранить не в обязательствах своей страны, которая, по их мнению, так мощно встает с колен, а в обязательствах того государства, которое они люто ненавидят и которое считают воплощением всевозможного зла. Иначе говоря, в том, что касается реальных интересов, они ведут себя вполне прагматично, и этот тип поведения вряд ли удастся изменить даже с помощью самой оголтелой пропаганды. С георгиевской ленточкой, но на иномарке и с валютным счетом.

Одна из важнейших проблем нашего общества состоит в том, что граждане остаются и чувствуют себя подданными авторитарного государства, у большинства из них нет иного способа самовыражения, как приобщиться к этому государству, власти. При этом, напротив, люди не чувст-

вуют себя тем, кем они вроде бы должны были бы себя ощущать — налогоплательщиками, которые определяют политику власти через свои представительные институты. Известно ведь, с чего началась война за независимость в США. Когда колонии и колонисты выступили против британского владычества, сказав: «Никаких налогов без представительства». А наши граждане, за немногим исключением, не понимают, что бюджет государственный складывается в основном из их налогов, а вовсе не за счет нефтяных доходов колоссальных, как объясняет государство.

И пока эта ситуация не переменится, пока люди не почувствуют, что все в их стране делается за их деньги и собственно зависит от них самих же, мы будем жить в том, в чем мы живем.

— И все же почему этого чувства унижения имперского достоинства, о котором вы говорили в начале, нет у населения других стран, которые тоже ранее входили в состав СССР и где сейчас, может быть, даже более авторитарные, чем в России, режимы? Только ли россиянам присуща ностальгия по Советскому Союзу?

— Это отличный вопрос. На него в свое время очень хорошо ответил Иосиф Бродский: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря». В провинции, т.е. на окраинах империи, у людей нет этого чувства единения с огромной страной или оно несравненно слабее. Я могу сказать, что в Украине это чувство если и было, то очень быстро исчезло, и многие интеллектуалы украинские говорили так: мы в 1991 г. радовались, потому что получили самостоятельность, а для вас (читай, для России) случился конец света. Всегда так было, что на периферии люди чувствовали себя зависимыми, что не они определяют свое положение, а все зависит от того, что решат в Центре. Так было не только в советское время, но и во времена царской империи — люди находили некое удовлетворение, компенсацию своего тяжелого рабского и приниженного положения именно в принадлежности к некоему центру империи. Здесь срабатывает фактор Москвы, России, которая взяла на себя, если можно так сказать, миссию Российской империи, великодержавности.

А в бывших советских республиках, я уж не говорю о Прибалтике, но и в Центральной Азии и в Украине люди от этого груза зависимости в общем-то освободились.

— Что же нас ждет дальше? Вне зависимости от событий в Украине, но все же с фактором Крыма, который, как заявляют политические лидеры, никогда никому не отдадут.

— Трудно что-либо предсказывать, когда ситуация настолько разбалансирована. Ведь, допустим, такой вот военно-патриотической истерии: «Танки на Киев!», «Нам не страшна мировая война!» и прочее — такого, наверное, никто не ожидал еще в ноябре прошлого года, когда еще только начинался киевский майдан. Если же говорить о некоторых вероятност-

ных факторах, то если серьезно начнется ухудшаться ситуация на потребительском рынке, а она в силу падения темпов роста и эффекта санкций будет продолжать ухудшаться, то, я думаю, будет приходиться отрезвление. Потому что люди, в особенности новое поколение, которые при советском прошлом не жили и знают о нем только понаслышке, привыкли к западной модели потребления. Они совершенно сейчас не отдают себе отчет в том, что вся их ненависть к Америке, ненависть к Западу, к растленной Европе и ко всему тому, что они проклинают, плохо совмещается с тем, что их образ жизни, потребление, образование – в большинстве своем западных образцов и аналогов. Для того чтобы все это разрушить, нужны усилия, сопоставимые с эффектом Гражданской войны 1918–1921 гг. Можно ли такую западную модель массового потребления уничтожить без колоссальных репрессий – я не знаю. Готова ли власть на такие репрессии? Я очень сильно в этом сомневаюсь, я не думаю, что какие-то масштабные репрессии вероятны, поскольку репрессивные органы разложены коррупцией и собственными экономическими интересами. Скорее всего будут репрессии выборочные. Для тех, кто станет их жертвой, в этом, конечно, радости мало, но, мне кажется, ухудшение потребительской модели вызовет достаточно скорое отрезвление.

Да и вообще мобилизационный спазм не может быть длительным, в особенности в условиях ухудшающейся экономической и социальной ситуации. Я думаю, что сохранять нынешний накал ненависти к Западу еще хотя бы год не получится. Это будет затухать. Но я не исключаю, что властью и Путиным, который, видимо, взял курс на увековечивание себя во власти, не будет придумано чего-то другого. Поскольку, как я уже говорила, особая опасность ситуации заключается в том, что сегодня стало возможным практически все, что делает общую ситуацию крайне нестабильной.

МЕНТАЛЬНАЯ ЯМА¹

– Когда общаешься с украинскими политиками, экспертами, да и просто с гражданами этой страны, главное недоумение и досаду у них вызывает не поведение кремлевской верхушки или думцев – с ними, мол, все ясно. Украинцы не могут понять, почему российский народ так дружно поддержал присоединение к России части украинской территории.

– По исследованиям нашего центра, люди в качестве объяснения своей позиции по Крыму очень охотно принимают ответ, что Россия выступила «как великая держава». Это главное. То, что для демонстрации этого «величия» подвернулся Крым, – в известном смысле историческая случайность. Есть и второстепенные факторы (хоть их и выдают за основные), что, мол, Крым испокон века считался нашим, что Хрущев допустил ошибку, есть благостные воспоминания о поездках в Крым в советские времена и т.п. Однако два года назад никто не помышлял о том, чтобы из-за всего этого возвращать Крым.

– Да, но два года назад не было и особых поводов для его возвращения. Все-таки нынешняя ситуация развернулась на фоне глубокого кризиса в Украине, именно это дало основания российской власти поставить «крымский вопрос» в публичном пространстве.

– Это дало власти основание «крымский вопрос» быстро решить, а уж потом он оказался в публичном пространстве. Он сначала был решен, причем действительно быстро, без единого выстрела, никто не успел ахнуть – ни Запад, ни сами украинцы, – а Крым уже в составе России. Вот сама эта оперативность, сама готовность моментально среагировать вызвала у широкой российской публики одобрение. Хочу напомнить, что сейчас рейтинг Путина составляет 82–83%.

– Это рейтинг поддержки главы государства за взятие Крыма?

– Это доля людей, которые дали ответ «В целом одобряю» на вопрос «Одобряете ли в вы в целом деятельность Путина на посту президента Российской Федерации?». Абсолютный рекорд этого показателя был в

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2014. – 4 июня. – С. 10–11. Беседа журналиста Андрея Липского с руководителем отдела социокультурных исследований Левада-центра Алексеем Левинсоном.

сентябре 2008 г., сразу после российско-грузинской войны – почти 88%. Замечу, что для общества такой уровень консолидации – это как температура 40.

– То есть это болезненная реакция?

– Это показатель экстраординарного состояния общества. Считать ли его патологией – это уже вопрос оценки. Рейтинг Путина – это, вообще говоря, не атрибут Путина, а характеристика общества. Это температура не у Путина, а у общества. Реакция общества, конечно, связана с действиями Путина, но гораздо больше здесь от того, что в самом обществе в это время происходит и что оно прочло в путинских жестах.

Мне кажется, что эти события (Грузия и Украина) очень похожи по схеме. Есть некий субъект, вроде как «наш» или бывший наш, совершивший то, что нам кажется предательством, или вознамерившийся это совершить. Его за это надо наказать. Наказать по полной программе (захватить, разгромить) по многим причинам нельзя. Но оттяпать у него за плохое поведение что-то дорогое для него и небезразличное для нас – это очень хорошо и правильно. Потому что таким образом мы совершаем некий акт справедливости – вот тебе наказание за измену, за ЕС и США! Мораль, которую публично исповедует Владимир Путин, не прощает предательства, он неоднократно жестко высказывался о предателях – не о национал-предателях, а о предателях в своей среде, которые должны быть наказаны.

Публика это считывает, и это соответствует одному из вариантов морали, распространенных в обществе. Есть и другой вариант: встать на легистскую позицию, что вину, мол, устанавливает суд, что суд определяет наказание. То есть один и тот же субъект может встать и на ту, и на другую позиции. Санкции против одних, поощрения других и прочие жесты сверху указали, что надо рассуждать по-пацански, по-жигански, а не по-легистски. Именно это объявлено как «наше». Мол, вы там в Европе рассуждаете по законам, по правилам, у вас там этика, а мы здесь рассуждаем по понятиям, по силе, по-мужски. И, соответственно, будем поступать. А как и чем может быть оправдано такое поведение – это дело третье.

– То есть получается, что средний российский человек дуалистичен – в нем могут открыться либо те чакры, либо эти? И это зависит, в частности, от того, кто контролирует этот переключатель?

– Да, есть некий демон, который открывает то одно окошко, то другое. Кто этот демон – вопрос серьезный, и я не собираюсь утверждать, что это лично Путин. Но какая-то переключалка есть. Я считаю, что не только один и тот же человек, но одни и те же социальные группы, один и тот же народ могут идти и той, и иной дорогой, в них есть и тот потенциал, и этот. Конечно, есть группы, которые никогда не пойдут «иной» дорогой,

не важно, кто они: демократы или отъявленные фундаменталисты. Такие есть везде, это «ястребы» и «голуби», сторонники мягкого и жесткого. Но судьбу страны определяют не они, а то, под каким знаком, под каким знаменем пойдет общественный мейнстрим.

– Почему же все-таки общественное сознание повернулось в сторону силы, а не права?

– Попробую дать объяснение. Я думаю, что мы сейчас в очередной раз встречаемся с последствиями давних событий, и ближайшей аналогией мне кажется то, что происходит в демографии. Вот у нас сейчас демографическая яма. В этом не виноваты те, кто сейчас рожают или не рожают, хочет рождать или не хочет рождать. На это очень трудно подействовать деньгами или еще чем-то, потому что причины – три поколения назад. Тогда были военные потери, репрессии, уморили миллионы возможных отцов. Потом возникает демографическое эхо, когда не рожают те, кто не родился из-за того, что погибли их потенциальные родители. И так далее.

Так вот, мы сейчас ловим социально-политическое эхо событий 1985–1993 гг., когда наш народ испытал... хочешь, скажи: обольщение, хочешь – подъем, хочешь – расцвет гражданских чувств, хочешь, скажи: попал под влияние западной пропаганды – абсолютно не важно, какую ты видишь причину, если ты согласен, что это произошло. А произошло то, что в какие-то считанные исторические мгновения развалилась советская система. Это был серьезный кризис. И на ее место приходит идея демократического развития и свободного рынка. Ну вот, теперь мы заживем совсем не так, как жили. Заживем чисто, честно, вернемся на путь, которым шла Россия всю основную часть своей истории, придем в европейский дом, будем жить вместе со всеми цивилизованными странами и народами, на нас будут смотреть с уважением, мы будем на всех смотреть без зависти, мы перестанем быть жалкими и станем достойными. Ощущение этого «мы» было даже у тех, кто в это не очень верил или кто думал, что лучше бы все-таки к этому прийти через коммунистические ворота, а не так.

А затем в течение нескольких лет две трети населения страны въезжает «мордой в стену» – и те, кто обольщался, и те, кто не верил, и те, кто вообще не имел никакого мнения. Как не иметь мнения, когда в аптеках нет лекарств, почта не работает, поезда ходят плохо, ну, в общем, развал и практически нет государства. И это был двойной кризис: поверили в одно – обломалось, в другое – обломалось.

Последствия этого двойного кризиса какие? Неверие. Ну остались идейные коммунисты, те, кто говорит: нет, надо было все-таки как Ленин. Но их мало, и все меньше и меньше. Осталось очень немного идейных демократов. Их травят и над ними издеваются. А в массовом сознании задела глубокая тень. Как тень на рентгене: что это – непонятно, но всегда

очень плохо. Осталась масса не проясненных вопросов: что произошло, почему не состоялось, почему обещанное не вышло? Ответ не дан, да и вопрос толком не поставлен. И тогда появилась идея особого пути России.

Особый путь России – это путь, про который никому не известно ничего: куда он ведет, с какой скоростью по нему идти. И никто ведь не скажет: «Ребята, вы отстаете», потому что по этому пути мы идем одни. Отсюда недалеко до реализовавшихся в самое последнее время идей изоляционизма, ксенофобии как инструмента отношения к другим странам и народам, а не только к каким-то чужакам-приезжим. Идей, что нам все кругом враждебно и чем больше кругом враждебного, тем лучше. Потому что это закон жизни в осажденной крепости. А если нас все обижают, ну тогда, в общем, понятно, как жить, и все становится на свои места.

Когда я проводил фокус-группы, я просил людей нарисовать Россию. Так вот, они не рисуют маленькую Россию в окружении большого враждебного мира, они рисуют огромную Россию, но вокруг которой мелкая враждебная периферия, такой пылающий кордон. И чем больше на нас жмут, тем мы более великие.

Мне кажется, вся эта синдроматика ждала какой-то реализации в натурном эксперименте. Я точно знаю, что, когда происходили события августа 2008 г., их интерпретация в публике была такова: наконец началась третья мировая война, и мы в ней побеждаем. Это такая война, которую абсолютно не надо бояться: то ли олимпиада, то ли спортивно-пионерская «Зарница». И не важно, что мы там завоевали. Главное – мы ИМ показали. Поэтому рейтинг взлетел тогда так сильно.

То же самое происходит сейчас с Крымом. Поеду я в Крым или не поеду, будут у нас оттуда груши с виноградом или нет – не важно. Главное – мы ИМ показали!

Теперь совсем другая врезка: о том, что произошло или не произошло с массовыми митингами в Москве в декабре 2011 и в 2012 гг. По данным, которые были получены уже тогда, мы понимали, что страна следила, затаив дыхание, за тем, что делается в Москве. До 40% было отвечающих, что они симпатизируют тем, кто выражает протест. Но сколько было еще тех, которые просто ждали, чья возьмет! И когда опять-таки «не взяла», произошел очередной «облом».

А рядом живет страна, которая является чем-то типа зеркала, этакого шаржа на русских, которая генетически близка. И когда в 2004 г. их майдан дает результат, когда там нечестные выборы встречают отпор гражданского общества, когда силовики его не наказывают и когда население выбирает тех вождей, каких хотели, – тут начинается паника в наших верхах по поводу того, что «оранжевая угроза» теперь и у нас на пороге. Ерунда, не было этого риска, но было много людей, которые думали: «Да что ж такое, украинцы могут, а мы нет?»

Вот это очень важная штука, потому что повторенное сейчас это превращается в горечь, желчь. Такие сильные антиукраинские настроения – это в очень большой степени перегоревшая зависть. Конечно, есть те, кто поверил, что там нацисты, фашисты, бандеровцы. Но те, кто в это не верит, видят, что украинцы сделали то, чего мы никак не можем.

– **Многие украинцы, да и некоторые наши соотечественники уверены, что массовый антиукраинский психоз в России происходит из-за агрессивной пропаганды федеральных СМИ, прежде всего телевидения.**

– Уверен, что нельзя все валить на массмедиа: мол, есть хорошие люди, а им плохая пресса запудрила мозги, и эти хорошие люди стали думать плохое. Моя профессия социолога просто запрещает мне это делать. Я могу сказать, что телевидение и все, что там делают эти ребята, – в значительной мере отражение общественного мнения. Что не значит, что с них надо снимать ответственность. Но телеканал не все сам выдумал, он догадался, чего хотели бы его зрители, чтобы он выдумал. Конечно, многое было бы иначе, если был бы другой столь же доступный канал, который говорил бы то, что, например, говорит ваша газета, и нашлось бы изрядное количество людей, кто слушал бы и смотрел именно его. Этого нет, и за это, кстати, тоже кто-то когда-то будет нести ответственность. А было бы так, глядишь, и мы бы мирно продвинулись к тем рубежам, о которых мечталось двадцать лет назад.

Но мы имеем то, что имеем. Мне кажется, что массовое сознание сейчас пребывает в такой, как бы сказать, ментальной и моральной яме, из которой выбраться очень трудно. За последние несколько месяцев масса людей, прежде всего политиков и журналистов, но и простых людей, сказали себе и вслух такие вещи, позволили себе такое, позволили себе думать, вести себя так, как они считали ранее невозможным, непристойным, недопустимым. Как им от этого отмыться? Жар спадет, этих 40 градусов больше не будет, но сказанное сказано, сделанное сделано, жить с этим будет очень тяжело. Чтобы очиститься, вернуться к себе, обществу нужна будет какая-то ситуация катарсиса или великая фигура масштаба Сахарова. Который публично сказал честные слова про Афганистан с трибуны – и массовое сознание перевернулось. Пока такая фигура не проглядывается...

Л. ПЕТРАНОВСКАЯ

РАСПЛАТА ЗА ГРАЖДАНСКУЮ НЕЗРЕЛОСТЬ¹

Похоже, пока российские имперцы с переменным успехом пытаются расколоть на части Украину, тема Украины уже расколола Россию. По российскому обществу прошла трещина, ветвистая и глубокая, гражданская война позиций разрывает дружбы и даже семьи, хотя вроде бы события происходят вообще в другой стране. Возникает, конечно, вопрос – почему? Что такого важного и болезненного задето? Почему тем, кому «Крымнаш и Новороссия», с теми, кому «наши танки на чужой земле», стало практически невозможно вместе за столом сидеть? Вопрос большой и требует подробного исследования, могу высказаться только за себя и таких, как я. За пресловутые 16% тех, кто в ужасе от происходящего.

Прежде всего есть уровень чисто прагматический. Очевидно, что вся авантюра будет иметь очень тяжелые последствия для российской экономики – война, будь она хоть гибридная, хоть какая, стоит дорого, содержание Крыма и Донбасса тоже, плюс санкции, плюс падение доверия к России, плюс явное снижение качества управленческих решений в атмосфере патриотического угара. Это значит, что вырастут цены и снизится уровень жизни – в том числе мой, будут нарушены рабочие планы – в том числе мои, так как ухудшится финансовое положение партнеров, с которыми мы вместе что-то делаем и на которых рассчитываем, загнутся новые и важные проекты в регионах. Я понимаю, что в результате всего этого детские дома, которые мы с таким трудом наполовину вычерпали, начнут снова наполняться детьми из кризисных семей, потому что безработица и бедность неизбежно будут нарастать.

При этом не вижу ни одной причины, которой можно было бы все это оправдать. Гипотетическая база НАТО в Крыму меня не волновала, да и баз этих теперь будет в разы больше и ближе. В угрозу украинского национализма и «преследование за русский язык» я не верю, поскольку в Украине бываю очень часто и хорошо знаю состояние общества. Уж про «голос Донбасса», который требовали услышать и который теперь раздается из

¹ Печатается по изд.: НГ-Политика. – М., 2014. – 16 сент. – С. 10. Людмила Петрановская – семейный психолог, руководитель Института развития семейного устройства.

под развалин и из палаток беженцев, и говорить нечего. Я там была в ноябре прошлого года, общалась с десятками людей, коллегами и приемными родителями. И мне больно даже думать о том, где они сейчас, что с ними, с их родными. Там и так жизнь была тяжелая, а теперь и вовсе никакой. Защитили так защитили...

Кроме того, когда бал правят война и пропаганда, снижается качественный уровень общественной жизни в целом. Мы уже видим примеры травли писателей и музыкантов, значительно обеднело поле независимых СМИ, стали невозможны содержательные дискуссии в Интернете, все тонет в оскорблениях и фейках, телевидение фактически вообще перестало существовать – и как СМИ, и как искусство. Уровень гражданских свобод – ниже плинтуса, все напряжены и напуганы, внимание общества к социальным проблемам стало привлечь намного сложнее. Какие дети, какая реформа защиты их прав, если неизвестно, что будет завтра и какая тема окажется политически нагруженной? Вся жизнь идет под девизом «если не будет войны», отчего все планы, идеи, стратегии девальвируются.

Само психологическое состояние людей довольно тяжелое. Ведь все всё понимают, а кто не вполне понимает – тот чувствует. То и дело на консультациях, которые совсем про другое, люди спрашивают: «А можно, я про Украину?» Потому что это болит, это страшно, и это отбрасывает тень на все сферы жизни. Люди боятся за детей, которых могут призвать в армию, за свои сбережения, которые тем или иным способом отнимут «для фронта, для победы», а главное – за свою безопасность. Боятся, что имперско-гопнический «русский мир» придет на улицы наших городов, вон Гиркин уже заявил, что посвятит себя борьбе с угрозой российского майдана. Методы этой борьбы мы все могли наблюдать в режиме реального времени: информация про вспоротые животы заложников, женщину у позорного столба, которую избивает толпа, глумление над погибшими. Кого они сочтут опасными для российской государственности, как далеко зайдут в условиях полученного от власти карт-бланша? Есть от чего испытывать тревогу. Ведь мы все понимаем, что никаких защитных механизмов от всего этого в сегодняшнем российском обществе нет. Да и сами мы так и не научились самоорганизации. Даже защитой широко известных политзаключенных в громких процессах занимаются единицы, а кто сможет обычному человеку? Самая радикальная стратегия протеста на сегодняшний день – «валить». Самолеты вывозят в разные концы мира наших друзей, родных, коллег, хороших знакомых. Половина моей ленты друзей уже «там» – от Болгарии до Коста-Рики. Кто останется, с кем останемся? При этом из каждого утюга несетя: нас больше, и будет по-нашему, а вы уезжайте или заткнитесь.

При псевдодемократиях меньшинство всегда оказывается в заложниках у смычки большинства с властью. Некое подобие выборов существ-

вует, т.е. власть зависит от рейтингов и хочет нравиться большинству, поэтому решения всегда принимаются согласно воле большей части «электората» (отдельный вопрос, насколько осознанной воле). Это такой универсальный козырь, доставаемый из рукава в любых дискуссиях: вы что же это, против воли большинства? И еще себя считаете демократами? Народ решил так, извольте подчиняться, а не нравится – чемодан-вокзал-гейропа.

Я помню ту волну острого разочарования, которая накрыла многих моих знакомых после выборов 2012 г. Люди пошли в наблюдатели, самоотверженно работали, пресекали нарушения только для того, чтобы убедиться: большинство действительно голосует за Путина. И можно спорить, набрал он проценты в первом туре или не совсем, но выбор большинства голосовавших сомнения не вызывает. А это значит – уже тогда было понятно, что мы все обречены на новый виток авторитаризма, разрушения гражданских свобод, коррупции, системных экономических проблем и, как оказалось, еще и внешней агрессии. И все это затронет всех и каждого, и нас тоже, но нам тычут в нос относительно честно подсчитанными процентами и победно кричат: «Это демократия, детка! Народ сделал свой выбор! Умейте проигрывать!»

Все это, конечно, обман. Сводить демократию к процедуре голосования – все равно что считать компьютером светящийся экранчик. Никаких демократических процедур и механизмов, позволяющих свободно и равно высказаться всем, чтобы за мнение этого самого большинства побороться, нет: ни свободы слова, ни свободы собраний и организаций. Возможности заявить о своей позиции, обозначить свои интересы, предъявить свои аргументы и предложения, тем самым сделав решение большинства более осознанным и зрячим, у меньшинства нет. Никаких возможностей отстаивать свои интересы и позиции после проигранных выборов – например, в виде парламентской оппозиции или общественных организаций – тоже нет. Нутра, содержимого нет, о какой такой «воле народа» можно говорить? От всей демократии оставлена только процедура голосования, сведенная, по сути, к присяге на групповую лояльность: правда же, ты, как и все вокруг, за все хорошее против всего плохого? Тогда поставь галочку – тебе долго объясняли где.

Было бы ликование по поводу «Крымнаша» столь же безмятежным, если бы мрачные прогнозы экспертов в области экономики и политики звучали не только на страницах специальных изданий, отдельных оппозиционных СМИ и блогов, но и в политических ток-шоу по центральному ТВ? Поддерживали бы россияне военную помощь сепаратистам, если бы по тому же ТВ не рассказывали выдумки про распятых мальчиков, а показали издевательства над Ириной Довгань? Ненавидели бы они «украинскую хунту», если бы могли услышать о событиях от самих украинцев, от обычных людей из Киева, Львова, Одессы? Или от российских властите-

лей дум, видящих ситуацию иначе? Не оказались бы Улицкая или Быков убедительнее Киселева – хотя бы потому, что талантливее аргументируют? Мы не знаем. Возможности проверить не было. Я вот не склонна считать 84% соотечественников поголовно сволочами, готовыми оправдать любые зверства «своих», или дураками, неспособными сложить два и два. Чего в подобной ситуации стоят голосования и опросы? Если ими и можно что померить, то лишь уровень пропагандистского нажима.

Впрочем, конечно, поддержка власти большинством не сводится к воздействию пропаганды. Благодаря беспрецедентно высоким ценам на нефть власть сделала гражданам, уставшим от потрясений 90-х, предложение, от которого они не смогли отказаться: предложение не участвовать в принятии решений, не требовать реформ, «не лезть не в свое дело», т.е. не контролировать власть, а за это иметь практически гарантированный стабильный рост доходов, долю в нефтяной ренте, по сути – стать иждивенцами. Да еще и розочка на торте в виде фантазий о «возрождении СССР», «новой великой России» и прочих приятных галлюцинаций, позволяющих не думать о реальном положении дел и о будущем.

Может быть, это было бы и не так плохо, в конце концов население России заслужило некоторую передышку после всех исторических катаклизмов прошлого века. И на перспективу неплохо: стабильность, сытость, удовлетворение базовых нужд в конце концов всегда приводят к смягчению нравов, люди обустроивают свою жизнь, потом у них появляется желание обустроить свой двор, свой город, а там, глядишь, и страну. Что мы, собственно, и наблюдали в виде роста волонтерского движения, благотворительности, активности на выборах – общественного подъема 2011–2012 гг. Но, увы, жизнь сурова и несправедлива, в ней, чтобы стоять, надо бежать, а кто не бежит достаточно быстро, оказывается в яме. Как минимум долговой. Идеи «начать с себя» и «постепенно все улучшить», избегая революционных потрясений, оказались просто перечеркнуты украинской авантюрой, и это одна из важных причин, почему тем, кто в это верил, сейчас так больно.

Ну и последний, но очень важный пласт – этический. Тема Украины оказалась не просто «темой про политику». Она воспринимается как остро морально окрашенная, как тема про добро и зло, про свободу и деспотию. Мы видели, как официальные представители нашей страны врут миру в глаза – прямо на камеру. Мы видели, как наш парламент, какой-никакой, а все же избранный, – одним мановением руки при нулевом сопротивлении был повязан решением о вводе войск в другую страну. Как снимают таблички с могил погибших российских военных, как обманом отправляют срочников в зону огня.

Я испытываю острое сочувствие ко всем тем, кто обнаружил ценностное расхождение с родными и друзьями. Это невыносимо больно. Если

человек поддерживает и оправдывает то, что мое этическое чувство распознает как безусловное зло, как жить с ним дальше? Чего ждать от него? Все эти месяцы я постоянно призывала: не рвите отношения из-за разных позиций, отношения важнее, пропагандистский угар пройдет, а отношения останутся. Но я хорошо себе представляю, насколько легче сказать, чем сделать. Я читаю у знакомого приемного родителя в блоге, как он наорал на ребенка, совравшего, что сделал уроки. «Я просто ненавижу ложь, меня выносит!» – пишет человек. Но рядом я вижу его же комментарии по «теме Украины», и в них он ложь власти разделяет и оправдывает. Чему верить? Где его подлинные ценности? Как совместить это в образе одного человека? Каково это – задавать подобные вопросы не об интернет-знакомом, а о муже, сестре, близком друге?

Причем я хорошо представляю, что «той» стороне тоже кажется, что это мы стали сволочами или зомбированными дураками, и им, наверное, больно тоже. Это во многом расплата за гражданскую незрелость общества. Слишком многие проблемы, идеи, понятия россиянами, даже образованными, никогда не были толком освоены, критически осмыслены; все наши «либерализмы» и «патриотизмы» часто – лишь ярлыки, принадлежность к референтной группе, а не собственная, выношенная, продуманная система убеждений. Нет понятийного аппарата, нет слов, нет привычки думать и дискутировать на подобные темы. Поэтому все сводится к эмоциональным обвинениям, пафосным лозунгам и ярлыкам. Тема Украины могла бы стать важным опытом такой общественной дискуссии о ценностях и понятиях, но диалог оказался слишком сильно искажен напором пропаганды.

Вот поэтому мы так нервничаем «из-за Украины». Власть, соблазняющая «малых сих», используя гражданскую некомпетентность общества, играя на самых низменных струнах, обещающая и обманывая. Электорат, который «обмануть нетрудно, он и сам обманываться рад». Они слились в экстазе, как те несчастные любовники, которые погибли этим летом, решив заняться сексом на ветхом балконе шестого этажа. А ты стоишь на том же самом балконе со связанными руками, смотришь на это все в ужасе и ничего не можешь поделать.

ПОТЕРЯ НЕВОСПОЛНИМА¹:

Памяти Б.В. Дубина

20 августа в Москве в возрасте 67 лет умер Борис Владимирович Дубин – ведущий российский социолог, исследователь феномена интеллигенции, один из важнейших сотрудников «Левада-центра», соавтор знаменитого исследования «Советский простой человек» – и не менее важных исследований элиты и интеллектуальной среды России XXI в.

А также: переводчик с французского, испанского, английского, польского, переводчик поэзии и эссеистики от Аполлинера до Ханны Арент. А в юности – поэт круга СМОГа.

...Он глубоко думал. Он тихо говорил. Был антиконъюнктурен. Его интервью «Новой газете» точны и сегодня. Дубин-философ ставил диагнозы трансформации российского образованного сословия – и в них прозвучали те «новые смыслы», которых ждал Дубин-ученый.

Вот фрагменты этих интервью.

Советское массовое общество... По нему большим катком проехали, измельчив до довольно однородных частиц. И сделал тем проницаемым для любого типа сообщений. Как песок: он отлично пропускает любую жидкость.

Как в 1917 г. большевикам надо было взять мосты, вокзалы, телеграф – так позже им было важно взять массовые институты, через которые общество воспроизводится. А это были производство, армия, школа.

Два поколения прошли через единообразную школу и армию.

А в 1960–1970-х возникла ситуация относительного благополучия. Был краткий просвет. Возникли идеи какого-то разномыслия, какой-то культуры, какого-то стиля (хоть на уровне «дом надо обставить, а не просто чтоб лампочка с потолка свисала»). Стало можно чуть-чуть выбирать (кстати, появилась и единственная альтернатива в образовании – спецшколы). Выделились какие-то группы, даже со своими интересами.

Интеллигенция снова вдруг оказалась неоднородна: одни почвенники, другие неорелигиозники, третьи либералы-просвещенцы.

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2014. – 22 авг. – С. 19.

Тогда жесткая система не выдержала своей чуть возросшей сложности. И повалилась.

Как только «массовое общество нового типа» было построено, оно стало разваливаться. Вообще-то говоря, это отличительное свойство простых систем. А советское общество было простой системой.

И в конце века обнаружилось: существующее образованное общество привыкло противостоять власти. Или отгораживаться от нее. Но работать в публичном поле, с полноправными соперниками и партнерами мы не умеем.

У нас элиты либо просто предельно оторваны от масс, либо еще и предельно приближены к власти. И тем дополнительно оторваны от масс.

И гибкая сеть «горизонтальных связей» разнородных общественных групп – корректирующая сеть, страховочная сеть – она тоже не воссоздана.

Мы во многом остаемся простой системой и до сих пор. <...>

Ситуация эпохи гласности... конечно – она была счастливейшей эпохой для пишущих и читающих. Но совершенно ненормальной она была!

Она вывела на поверхность готовые тексты. Готовые смыслы. 1920–1930-х годов. В лучшем случае – 1960-х.

Не мы их продуцировали. Предполагалось, что следует только донести их до народа. Главное было – поднять и донести!

Но ведь не было новых точек зрения: на интеллигенцию, на народ, на прошлое, на будущее, на Восток, на Запад. Все эти понятия радикально изменили свое содержание с 1920-х годов. А «Бердяевых» и «Федотовых», рефлексирующих новый опыт, – не слышно. <...>

XX век завершился... Для русской культуры и русского сознания он, конечно, не освоен. Не освоена Вторая мировая война. <...> Память по-прежнему – монументально-героическая. И то же самое с лагерями. И то же с национальной политикой. И то же – с национальным характером. И так далее. Тут работы – на много-много поколений вперед.

Я думаю, что она только начинается. Выйдет из этого что-нибудь или нет – не знаю. Родится ли какая-то новая культурология? Не знаю. То, что внедрено нынче в учебные программы вузов, – ни по составу преподавателей, ни по программам своим задачам не соответствует. И чем дальше – тем хуже.

А после определенного уровня падения можно будет преподавать исключительно российский материал, ссылаясь то ли на русскую ментальность, то ли на русскую духовность, то ли на русскую генетику – шут их знает...

И я не вижу группы сильных умов, которые сейчас могли бы – или хотя бы претендовали на это! – выработать новое зрение.

Героизм, конечно, – очень важное состояние. Но не подхваченный структурами общества, системой нематериальных вознаграждений и пере-

вода того, что вчера было героизмом, в статус новых норм – он вырождается в самоубийство, в самопожертвование, в истерический выплеск...

Думаю, образованное сообщество и большое общество поражены довольно сильно. И поражены в тех именно частях, которые ответственны за воспроизводство ценностей. Озарения, прорывы, воспоминания, готовность что-то отстоять не переходят в устойчивое состояние. В те формы, которые будут существовать дольше, чем их носитель. Никто больше не хочет становиться... донором своего создания, что ли. Ведь это жертвенная вещь.

Нет сейчас ни у кого таких систем ценностей, тех ориентиров, которые больше временных трудностей.

Ницше, который столько ценностей сокрушал, говорил, что если есть чем жить – то, в общем, научись и как.

...О прокладывании новых горизонтов, новых смыслов. Увы, среди них очень много неприятных. Придется копать в неприятных вещах. В том числе – неприятных самим себе. Делать достаточно драматичные открытия в «коллективном самом себе», в «индивидуальном самом себе». И понятно нежелание это делать. Понятны механизмы вытеснения – психологические, социальные... Но ничего не поделаешь. Придется многое расковыривать.

Я думаю... по массовой интеллигенции «шок» 1992–1993 гг. ударил сильнее, чем по другим слоям. И даже не из-за того, что лишений было больше.

Жесткое время столкнулось с «легендой интеллигенции», с ее завышенными представлениями о своей роли в обществе, о своих возможностях, влиянии на власть, о своем мобилизационном потенциале.

И оказалось: потенциал скромней, чем в легенде интеллигенции значилось. Открылись вещи, которые больно и неприятно проговаривать; проще от них уйти.

Идеи конца 1980-х и начала 1990-х: нужно создать, можно создать и мы вот-вот создадим альтернативную систему образования.

...Кипели разговоры о радикальной реформе высшей школы. А выяснилось: система может трансформироваться, не меняясь. Может увеличить нагрузку на всех преподавателей без изменения их состава. Может изготовить и провести через ВАК массу новой учебной литературы, уровень которой ниже всякого разумения.

...И оказалось: несмотря на скудеющие библиотеки и прочее, можно заставить население все больше и больше платить именно за тот уровень, какой есть. Не за возможность выбора. Не за качество. А просто за то, что это есть.

...По опросам Левада-центра, подавляющее большинство студентов РФ не используют те возможности дополнительного образования, которые

все же есть. Правда, 60% говорят, что у них таких возможностей не было. Но среди тех, у кого были, – воспользовалась ими лишь треть.

По другому нашему опросу – у 40% подростков-реципиентов была возможность учиться в гимназиях, лицеях, спецшколах. Воспользовались – 6%.

За нашим социумом не стоит идея жизни как роста, как увеличения собственного потенциала и потенциала окружающих. У нас не проповедана идея качества. Идея совершенствования.

Я бы так сформулировал для себя ноу-хау развитых обществ: видимо, в них система представлений, которая формирует человека, его представления о себе и о другом, формирует общество (по крайней мере, его ведущие группы), держится на трех «с». Это – самостоятельность, состоятельность и солидарность.

Без самостоятельности, в мире рабов и хозяев не может быть современного общества. Дух состязательности, альтернативы, выбора: без него нет динамики. И, наконец, солидарность: для человека современного общества солидарность не отменяет состязательности. Солидарность в устойчивых формах, воспроизводимых от года к году, от поколения к поколению.

А Россия все-таки – очень атомизированное общество... В нем есть несколько серьезных ограничителей. В том числе – чрезвычайная бедность населения. Не только деньгами, но и доверием, поддержкой усилий, позитивным расчетом на другого, желанием сделать лучше, чем было вчера и сегодня.

Наша проблема не в креативных способностях: они есть. А в организованности усилий, в поддержании их. В механизмах самовращения – как черты целого слоя, а не людей или семей.

У очень большой части этой группы была нетипичная обстановка в семье: родители читали детям, дети читали родителям, обсуждали прочитанное. Так росло качество общения этих мальчиков и девочек в школе, падала конфликтность в отношениях со сверстниками, с преподавателями. А социальность – готовность к положительному контакту через общение – положительно влияет на общие установки. На качество учебы. На ее результаты.

Таким образом: идея самовращения в России связана с образовательным цензом родителей, с особым коммуникативным климатом в семье, с наличием некоторых денег и готовностью тратить их на образование детей, на приобретение хороших, долгодействующих книг... Все это – социальные умения и культурные капиталы.

Но доля этих семей невелика. 6% по стране в целом. И 4% молодежи.

...Надо быть очень внимательным к молодым университетариям. К тем, кто окончил магистратуру и начинает преподавать. Это важный

слой, в него надо вкладываться, его надо долго и нескаредно кредитовать: он создает сегодняшних учащихся – завтрашних работников. Но тут надо хотя бы понимать связь и иметь готовность работать на будущее. А это для нынешней России не характерно.

...Еще: у нас утрачена практика проговаривания серьезных вещей. Или скомпрометирована сама практика говорить всерьез.

И явный дефицит площадок, на которых это можно обсуждать. И явный дефицит языков, на которых это можно обсуждать, а не драть глотку, перекрикивая друг друга, как на ток-шоу. Но общий итог: обсуждаются серьезные проблемы общества плохо.

В. АСТАФЬЕВ

«МЫ НЕ НА ЗЕМЛЕ ЖИВЕМ – НА МЕШКЕ С КОСТЯМИ»¹

«А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пилка еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузничек, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один во всем мире, трава, как бы отлитая из металла, – это и была моя родина, близкая и тревожная». Астафьев был таким.

И таким: «Мы потеряли свой народ. Русской нации больше нет. Есть жуликоватая шпана, мычащее стадо. Но и весь мир снова погружается в варварство, готов встать обратно на четвереньки. В XX веке земляне радовались многим изобретениям и открытиям, визжали от восторга. В XXI будут плакать и креститься, чтобы вымолить у Бога прощение и найти способы избавления от бед, ими же содеянных <...>. Если они, потомки, не осмыслят и не осознают прошлого, у них не будет будущего. У порога их жизни всегда будут стоять, как стояли на пороге нашей жизни, авантюристы, подобные фашистам и коммунистам, готовые запутать их, заморочить им голову и повести за собой стадом на бойню за светлое будущее и за «жизненное пространство».

Его считают противоречивым. Делят астафьевские книги и его самого на разные периоды. Пеняли, что озлобился в старости, не оставлял читателей ни надежды, ни просвета. А по-моему, нет ничего противоречивого в любви и нежности к своей земле и ненависти ко всему, что уродует ее и ее обитателей. И это очень логично и правильно – говорить своему народу в глаза о его рабстве. И жалеть его. Глупо было как раз требовать просвета – если его не видно. Тем более требовать от человека, прошедшего детдом, войну, послевоенный голод, израненного, похоронившего детей и друзей.

Всегда хотелось говорить с Астафьевым о прозе и поэзии, о музыке и чудесах этой жизни, о горах, Енисее, Сыме, тайге («Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес, тайга, бесчисленные хождения по

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2014. – 30 апр. – С. 20–21. Первого мая 2014 г. страна не отметила 90-летие Виктора Астафьева. К юбилею писателя журналист А. Тарасов поместил в «Новой» фрагменты своих бесед с ним, своих о нем воспоминаний.

ней...»). А под диктофон, для газеты, спрашивал в основном о жизни такой, какая она в России есть.

Время все то же: и сейчас остро не хватает авторитетных для нации прямых и недливых высказываний, точных диагнозов.

Я тогда работал в «Известиях», это было совсем другое издание, кто помнит. Напечатано было далеко не все, что предлагал, — газеты не резиновые; какие-то мысли и воспоминания пришлось резать. Да и отправлял не все, что записано. Сейчас, чтобы прослушать те пленки и найти ранее не опубликованные эпизоды бесед, пришлось искать магнитофон под кассеты из 90-х.

Стоило того. Обогрелся. Голос — живой. Задышающийся, но сильный и взыскующий. Слушайте.

28 апреля 1994 г.:

— Начинался-то век хорошо! Вплоть до 14-го года все дела шли ничего, только вот уже незаметно пулемет создали — правда, изобретатель долго его продать не мог; за спиной что-то делалось, в третьем году и в пятом уже начинали мутить мир и расслаивать. А потом как обезумели. По существу, так и не останавливались до 45-го. И уж так кровью сильно умыли в 39–45-м мир — его середину, умыли маленько и Америку — но не так, как нас... Отправляли на фронт ненадолго. Как на бойню. Так и было: умирали по дороге на фронт, в первом бою. Особенно в пехоте. В атаке солдат мог быть 15–20 минут, в наступлении — несколько дней. Меня три раза ранило, каждый раз где-то на исходе десятых суток. На Днепровском плацдарме — на восьмой день... С передовой-то мало кого сейчас осталось, здоровы и бодры комиссары. Меня внуки держат.

Вот что мне важно понять. 1945-й. У Бродского, помните: «Кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою»? И вновь взялись строить социализм. Воздю народов вернувшиеся с той войны простили все? Это прощение, которое выше справедливости, или что-то другое? И грех ли долготерпение? Нет, даже не в этих понятиях. Хочу понять, что внутри было, как это психологически происходило, когда победители, маршалы и рядовые, вновь позволили вытирать о себя ноги.

— Никто не думал никого прощать. Просто уж так в оборот жизнь взяла в 46–47-м годах, они особенно тяжкими были, два первых послевоенных года, вплоть до отмены карточек... Вот сейчас говорят: «Тяжело жить». Кто говорит — не знает, как невероятно тяжело может быть, наше-го-го брата уже мало осталось... Очень тяжело было. Сейчас можно хлебом наестся досыта. А тогда в очередях за хлебом людей давили насмерть. Нам не до партийных полководцев было: они там гуляли, пили, орденами себя награждали, хвалили себя за гениальность свою. В эти годы

они много для себя сделали, началось строительство этих больших домов в Москве, грандиозных памятников. Они не понимали, что народ погибает, деревня – пустая, скоро их кормить некому будет. На войне потеряли 13 миллионов рядовых – а значит, крестьянских детей. Комиссары в это число, извините, не входят. Так теряли деревню. Запрет на аборт тогда погубил еще 5 миллионов женщин. От голода умирали. Я же видел, как вставали в военкомате на учет демобилизованные, – тучей мы плыли. Мы же все друг друга знали, город небольшой. И я же видел потом, как ребята эти падали от заброшенности, ран, словно здоровый молодой лес. Тут самая страшная причина, о которой не говорим.

А они ведь, между прочим, дабы народу брюхо набить, продавали хороший хлеб – чтоб на выручку купить плохого. Мы даже в войну через Финляндию, Норвегию один эшелон хлеба пропускали в Швецию – потому что одна семья изволила есть только русский, саратовский. У этого хлеба интересная история. Его сделали малые ребяташки. Так было: «Я пойду гулять, играть». – «На вот ковшик, зерна отбери: колотое – скоту, уродливое – на помол, крупное, может, из всего ковшика одно, – положи отдельно». Так за несколько столетий саратовские ребяташки по горстке отобрали нам великий хлеб, с самой лучшей клейковиной. И мы продавали его до 57-го года. В 57-м мы заслали «ковсюг», и они нам в эмалированных цистернах вернули последнюю партию хлеба и не стали больше покупать.

Да, после каждой большой войны обязательно бывали в странах внутренние волнения. Ну так и после каждого страшного боя были молебны: молились все вместе, от рядового до маршала, становясь на колени (кстати, и Веллингтон после Ватерлоо), и отмаливали у Бога грехи за только что пролитую кровь. Это было обязательно. Мы были первой армией в мире, что воевала без Бога... Даже у фашистов, которых мы очернили всяко, хотя во многом превосшли, на пряжке было написано: «С нами Бог», и, может, оттого не все они обалдели, и какая-то низшая часть солдат, верующих, не творила уж самых страшных преступлений. Мы приписали всем немцам грехи карателей второго и третьего эшелонов, что шли за фронтом, – СС, абвера. А на передовой наши ребята, как и они, не боялись попасть в плен. Как-то вечером к нам перешли сразу 18 человек. Сначала мы думали: в наступление пошел фрид. Но перешли, показали, что оружие у них смазанное, никакого зла не было, не стреляли. А привел их молодой парень: у нас – сентябрь, благодать – спелые яблоки висят, помидоры, урожай. Они объясняют, что им, мол, надоело есть какой-то горох с тушенкой. Накормили. Никакого зла от них физиологического мы не ощущали.

Мы цитируем Розенберга, приводим только крайние высказывания. Но и наполеоновская, и немецкая армии шли завоевывать и осваивать ди-

кий край. Столкнулись с нашим бедным, но милосердным народом, и что-то внутри произошло у многих из них. Я же бывал на Западе, разговаривал с людьми. Стравили, конечно, народы, потом уже остервенились. Дядя мой в Дивногорске жил – хитрован, он сдался в плен, потом убежал. Чё не бежать-то было? Немцы возили смотанную проволоку на алюминиевых кольшках, одной ниткой обносили пленных и говорили: «Иваны, если убежите – мы вас будем пух-пух». Сами уходили, водку пили, не охраняли. Никто не бежал.

Немцы уже в первые годы после войны стали рассказывать правду о ней. В 50-е выходят «Не убий» Рихтера, «Время жить и время умирать» Ремарка. Но Ремарк не был на этой войне, а Рихтер воевал, и я был ошеломлен этой правдой – мы не могли так писать: цензура – это одно, но помимо нее мы в любом случае будем писать с уважением, любовью к своему народу, а он написал с ненавистью к своим – к тому народу, кто стал ловить отступающих немцев в 45-м и вешать на фонарях.

А грех ли – наше долготерпение? Грех – в том смысле, что обязательно это всегда плохо в России заканчивается, уж такой кровью... Видел однажды: колхозная лошадь – спина, шея сбиты, одна подкова на четыре ноги, и еще какой-то придурок начал ее <...> лупцевать. Через 15 минут, брыкая тощим задом, она разнесла все в щепки, только он живой, слава богу, остался, и потом еще бежала куда-то с рваной шлеей – она ж колхозная, расплозлась, с одной оглоблей и хомутом; умчалась, докуда сил хватило, в поле... и там упала. Вот этого боюсь, что, как колхозная лошадь, страна разнесется, всю сбрую, все хозяйство – в щепки. И будут же бить кто кого попало! Не «красные» на «белых», все смешается, счеты сводить будут: ах, курва, у тебя пенсия на 15 тыщ больше!

Уже подходя к дверям Астафьева, вдруг понял, что подарочный набор ручек, который я ему нес, – таких, какими он писал, перьевых, – немецкий. Понимал, что никакой ненависти к немцам у солдата-окопника, если она и была, давно уж нет, и все же. Как я-то сам буду выглядеть с таким подарком? Но когда В.П. рассказывал о колхозной лошади, понял, насколько глупы мои опасения и как глубоко мне стоит засунуть обыденную мораль и обывательские предрассудки. Вспомнилась сразу хрестоматийная сцена с Ницше: он выходит из отеля, видит, как кучер избивает кнутом лошадь. Бросается к ней, обнимает ее за шею, плачет. Плачет, обрушив всю свою философию, все свои беспощадные и циничные умствования, замолчав после этого уже навсегда, навеки расставившись с человечеством и проведя остаток жизни в невменяемости. О чем я вообще думал, нет ни эллина, ни иудея, есть лишь страдания всего живого на планете, слезы в одних глазах и сочувствие в других.

– Мы даже на передовой, умирая, вшами живьем съедаемые, всё в чем-то были виноваты и должны. Ну должны, ладно. Но в чем виноваты?

Не так окопался, не туда стреляешь. Вот что: с того момента, как армия стала столь огромной и почти неконтролируемой, как изобрели оружие, против которого нет защиты (а от него нет – пусть не пудрят мозги, ничем мы не защищены от водородного оружия), человечество подписало себе смертный приговор. И ведь инстинктивно, какими-то железами, не умом даже, подкоркой оно понимает, что обречено.

И боюсь, что совершенно правильно Леонтьев пророчествовал. История завершится Россией. Она погубит мир. То было сказано задолго до революции и всех потрясений. Смертельное для всей Земли оружие попало самым незрелым – нам да североамериканцам. Те 200 лет живут, и мы – тысячу. И что мы? Грозил все время, как мальчишки, друг другу: хошь, спалю?! Сейчас чиркну или немного погода! Что с ними, охальниками, делать? Шуметь – только подзадоришь. А, не дай Бог, упадет Тунгусский метеорит второй, и будет взрыв? И начнется ядерная война. Потому что ответят. Мы да североамериканцы – дети! Русский народ – дите, молодой народ. Да, гениальный во многом, были гении и еще, наверное, будут, и не всегда в оружейном деле и в милитаристском направлении... В Тобольске Софийско-Успенский храм, ему за 300 лет. Какая древность, говорим. Самое старое здание за Уралом. А в Греции на праздновании 900-летия Патмосского монастыря Иоанна Богослова я не слышал от народа, что этот монастырь – древний. Нормальный возраст. Дети мы. Посмотрите на испанцев: у них, даже когда радуются, в глубине глаз сохраняется печаль. За ними – история, знание чего-то. А за вашингтонцем что?

Вот какая штука: можно много говорить, близится ли финал истории, российской или всего человечества, но человека задевает за живое совсем другое. Для меня, например, выражение космического трагизма – «Людочка». Меня в свое время она потрясла.

– Я не выдумал эту историю. Это маленькая, строк 25, заметка, прочитанная в вологодской газете. Конечно, знаю множество страшных преступлений, выступал ведь я и в лагерях, уж такое слышал! Но замысел – такая тайна, которую никто из художников не отгадал. Читатели разгадывают только. Почему эта судьба, именно эта заметка так задела мое сознание, почему назвал Людочкой... Я причем ее облик представлял. И читал как-то рассказ вслух в библиотеке, за столом сидела девочка, закончившая наш пединститут, по облику точно совпадающая с тем, что я держал в своем воображении. Она так рыдала – ее отпаивали водой; мне говорят: «Виктор Петрович, можете с ней поговорить?» О чем?! Чтобы услышать еще одну историю, как сломали судьбу русской девочке, приехавшей из деревни? Я слышал их миллион, этих трагедий – они рушатся на нас, на меня... И, наконец, слепил судьбу этого ни в чем не виноватого ребенка. Ну вот там князя Болконского убивают, депутата Айздердзиса. Это фигуры. А эта бедная девочка, которую сделал отец-алкоголик, она-то в чем

виновата? Вы перед ней все виноваты! Мы, Мы, живущие в таком мире и соглашающиеся с ним.

...Люди теперь некоторые пытаются жить хотя бы в домашнем, узком кругу по правде. Пусть они ее понимают деформированно, кто-то вообще не понимает, что такое правда, но кому-то уже внушили, что надо начинать с себя. И это очень важно. Пусть мы не все до конца понимаем, но что-то между собой, в себе уже у нас произошло. Маленькую, очень веселую повесть для детей *напишу (повесть, еще называл сказкой, «Приключения Спирьки» – о своей собачке в деревне Быковке под Пермью, где «мы прообретались лет семь, как оказалось потом, самых плодотворных в моей работе и самых счастливых в нашей жизни» – Астафьев так и не закончил. Пробовал диктовать, когда – после первого инсульта – рука уже не действовала, но бросил, поняв, как отличается это от того, что он писал рукой. – А.Т.)* Именно поэтому и напишу, чтоб доброту пробуждать в ребятах и трудолюбие, буржуазную бережливость – может, и к этому придем. Ведь главное у буржуазии, в чем я, поездив по миру, убедился, – трудолюбие и бережливость. Мы ж утратили и то и другое. Ничего и никого беречь не умеем – ни себя, ни своих детей.

В то же время на каждом углу наши патриоты блажат: родину распродаем. Что распродали-то? Вот недавно лекцию читал в Швейцарии, в университете. Там, где Рона впадает в Женевское озеро, где Шильонский замок, стоит красивое дерево. Издалека кажется, это дуб, и будто он прямо в воде стоит. Ближе подойдешь, виден маленький остров. И вот это дерево и островок принадлежат англичанам. Когда-то англичане купили их у швейцарцев. Это меня умилило. Взяли, наверное, за это мешок золота. Ну так и что, распродали они родину? Не сидят же там сейчас англичане. Видел, как дно там чистят. И никаких конфликтов, никакого напряжения, никто из местных патриотов и не думает эту красоту спилить или спалить... Слева от этого дерева, неподалеку, кладбище, где похоронен Владимир Набоков. Был я на его могиле. Поклонился.

... Да, много мерзости, пакости, но она всегда была, и в каждом народе. А у нас ее взрастили. Но сейчас и много хорошего происходит. Не хотим замечать. Думаю, сегодня люди стали чуть лучше. Мы вот соберемся за столом, говорю: раз уж взялись обличать, давайте подсчитывать. Скажите, кто тут сволочь. Разберемся – нет таких. Ну а нас ведь 20 человек! А ты своих подсчитай. Вот видишь...

4 декабря 1997 г.:

– И к концу прошлого тысячелетия человечество в тяжелом состоянии подходило. У Цвейга это хорошо описано. Оно утратило искусство мореходства, знания океана, географии, судостроения, позабыло все, что знали финикийцы, греки, римляне. Люди разучились странствовать, строить, жить. Утратили лоции, освоенные в походах на кораблях, и снова ста-

ли заходить в пещеры. Говорю про христианский мир, который ютился тогда на Пиренейском полуострове, вокруг Средиземного моря. Люди впали в страх, ждали второго пришествия Христа, Страшного суда. От страха, от смущения и начали вытворять черт-те что – все равно не жить, и осудят всех, все грешны. Умирили от кровосмешения, записались. И только через столетия с путешествия Магеллана началось возрождение и искусства, и жизни вообще. Четыреста лет потребовалось для того, чтобы восстановить нормальное состояние человека, нормальную жизнь. Помогли поднять с колен людей и Микеланджело, и Рафаэль, и Боттичелли, многие-много имена эпохи Возрождения можно называть.

Вот тогда на рубеже тысячелетий люди ждали второго пришествия и Страшного суда. Они ждали, а мы уже ничего не ждем. Нами руководят только инстинкты. Весь мир подходит к концу тысячелетия в очень плохом состоянии, а уж в этом мире мы где-то в обозе плетемся, все худшее от него на ходу подхватываем...

Планета наша задумана хорошо. Все для жизни есть. И живем: 15 200 войн учтено за все время, в них погибло три с лишним миллиарда человек. А сколько при этом еще и животные, тварей, ни в чем неповинных, – волков, лошадей, собак, кошек... Мы не на земле живем – на мешке с костями, а в середине кровь булькает. Нас, русских, сейчас 600 миллионов было бы, если б не войны, революции и преобразования. И земля ныне лежит безлюдной и пустой на сотни верст, словно дикое поле.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая Сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН, профессор РГГУ

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир»

Каменский Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории НИУ ВШЭ

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, профессор, зав. Кафедрой конституционного права НИУ ВШЭ, бывший помощник президента Б.Н. Ельцина по правовым вопросам

Лукьянова Елена Анатольевна – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ

Люкс Леонид – профессор Католического университета г. Айхштетт (Германия)

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, ведущий эксперт Института права и публичной политики

Мицц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН

Рулинский Василий Васильевич – кандидат исторических наук, пресс-секретарь Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, чрезвычайный и полномочный посланник I класса, консультант Совета Европы (Страсбург)

Труды по русистике
Выпуск 5

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Суменова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 15 /XII – 2014 г.

Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 30,0 Уч.-изд.л. 31,1

Тираж 950 экз. Заказ № 53

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

Тел. /Факс 8(499) 120–4514

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9

